3 1761 08106696 1

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 6-7
Іюнь-Іюль
1921

ПЕКИНЪ.
Т-во „Восточное Просвѣщеніе“.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

Литературный, научный и политическій.

№ 6–7

Іюнь-Іюль.

1921.

ПЕКИНЪ.
Типо-Литографія Т-ва „ВОСТОЧНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ“.
Россійская Духовная Миссія.

Оглавленіе.

Типо-Литографія

Товарищества „Восточное Просвѣщеніе“

Исполняетъ всевозможныя

типографскія и литографскія работы черной и цвѣтными красками русскими, славянскими, латинскими шрифтами, китайскими іероглифами, разными орнаментами и клише.

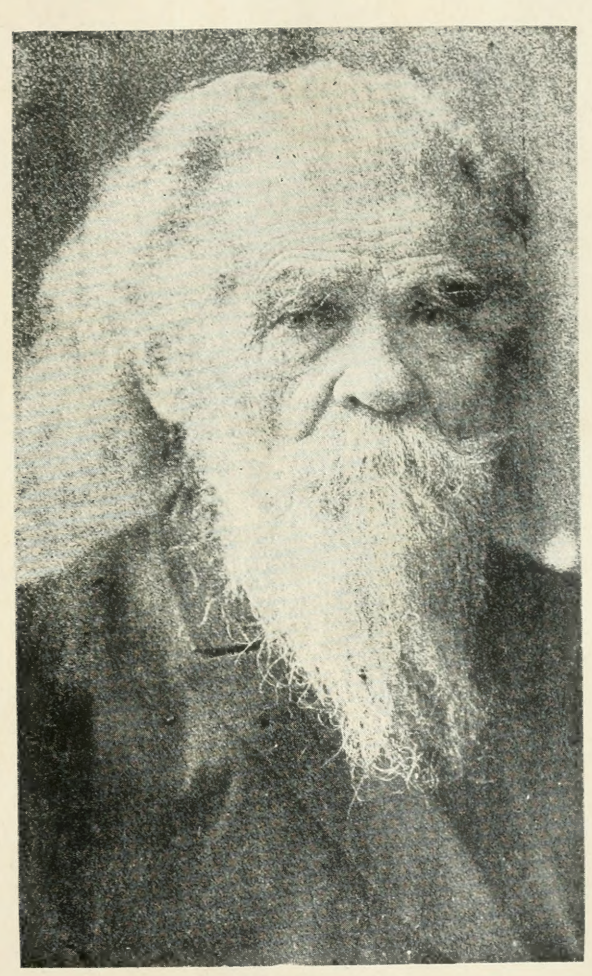
Переплетная мастерская дешевыхъ и цѣнныхъ кожаныхъ переплетовъ.

Словолитня шрифтовъ и орнаментовъ.

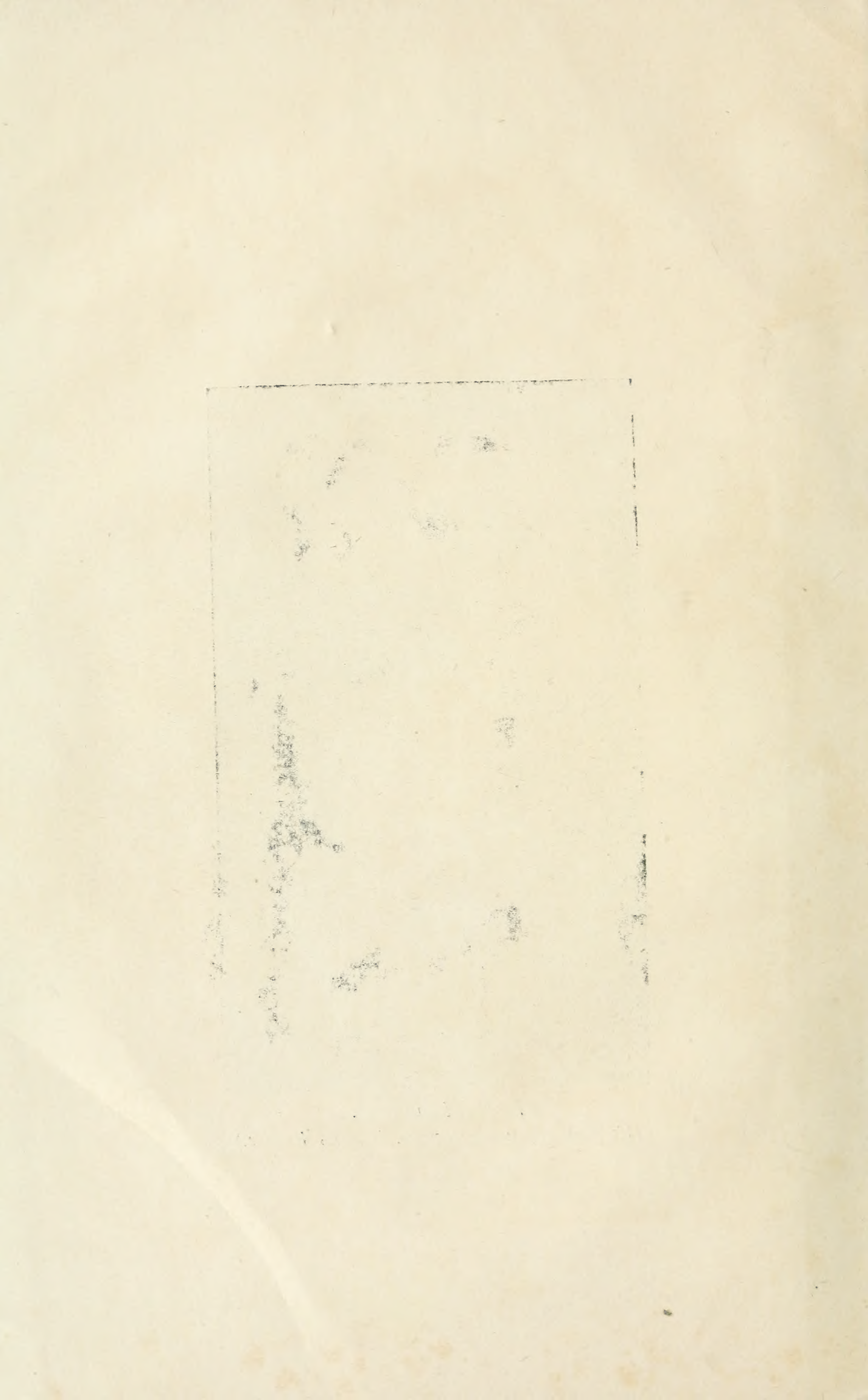
Пекинъ. Русская Духовная Миссія

Peking. Russian Orthodox Mission

1921



Г. Н. Потанинъ.
(Къ годовщинѣ смерти. † іюнь 1920 г.)



Моей Аврорѣ.

Стихотворенія

Георгія Маслова. *)

„Ты и блаженство и безнадежность“.
Ф. Тютчевъ.

Снова душу вашъ образъ нѣжный
Пѣсней тревожитъ,
О страсти робкой и безнадежной,
Быть можетъ.

О, глупый мальчикъ, ты былъ увѣнчанъ
Не разъ любовью...
Зачѣмъ же самой строгой изъ женщинъ
Твои славословія!

Тебя встревожила чаровница—
Весна хмѣльная,
И сердце звонкой пѣсней томится,
Не разсуждая.

28 апрѣля 1919 г. Омскъ.

* * *

Какъ я смогу васъ успокоить?
Я самъ бездомный и усталый.
Я лишь цѣлую ваши пальцы,
Гляжу въ печальные глаза.

Досталось намъ такъ много горя,
Что стали мы дѣтьми большими—
Смѣемся, плачемъ вперемежку,
Себя находимъ лишь въ винѣ.

---

*) Георг. Масловъ, молодой талантливый поэтъ, авторъ поэмы „Аврора“, напечатанной въ № 3-4 „Русскаго Обозр“. Скончался отъ тифа въ Красноярскѣ въ 1920 г.

Что завтра—смерть или разлука?
Земля дрожитъ въ ужасныхъ мукахъ.
И много ль стоитъ, дорогая,
Печаль двухъ истомленныхъ душъ?

А сердцу такъ немного надо—
Изъ сада свѣжесть, полумѣсяцъ,
Прикосновенье рукъ безсильныхъ
Къ разгоряченной головѣ.

19 iюля 1919 г.

* * *

Проходитъ тревога,
Вѣнчаетъ усталость
Мои сумасшедшiе дни.
Горѣвшая много,
Душа отпылилась—
Теперь отдохни...

Немного покоя,
Работы немилой—
Часы усталаго сна.
Пусть снилось иное,
Когда восходила
Моя золотая весна.

Печаль позабыта.
Мы смотримъ—скитальцы—
Въ просторы ночной синевы.
Касаются чьи-то
Прекрасные пальцы
Безумной моей головы.

Ты не жилъ, быть можетъ,
И счастья ты не пилъ,
И страсти не зналъ искони...
Ничто не встревожитъ
Остынувшiй пепелъ.
Душа, отдохни!

31 iюля 1919 г.

Домъ Бальтазара.

Романъ *Уильяма Дж. Локка.*

(Перев. Е. Худиковской).

Глава I.

Начало исторіи Бальтазара довольно трудно разсказать. Она эпизодична и не повинуется единству мѣста, времени и дѣйствія. Единство можно найти только въ цѣльности характера этого нелѣпаго и въ то же время сложно законченнаго человѣка. То обстоятельство, что онъ благополучно здравствуетъ и въ настоящее время, совершенно не должно приниматься въ разсчетъ. Для того, чтобы понять его, нужно считать его принадлежащимъ прошлому. Прошлое—это понятіе относительное. Для всѣхъ, кромѣ историка, Карлъ Великій кажется столь же далекимъ, какъ и Сезострисъ. Для міра, просыпающагося отъ оцѣпенѣнія, вызваннаго великой войной, Монсъ такъ же далекъ, какъ и Балаклава. Время исчисляется по біеніямъ сердца отдѣльныхъ индивидуумовъ или націй. Прошлый годъ кажется безконечно далекимъ.

Однако, вернемся къ Бальтазару и его исторіи. Прежде всего нужно сказать, что это—человѣкъ постоянныхъ вспышекъ и порывовъ; но это не нужно истолковывать, какъ безотвѣтственныя попытки удовлетворять внезапно возникающія желанія. Эту фразу нужно понимать буквально. Человѣкъ вспышекъ—умственныхъ, моральныхъ и эмоціональныхъ пароксизмовъ; человѣкъ порывовъ – быстраго образа дѣйствій, опредѣляемаго рамками этихъ пароксизмовъ. Этотъ образъ дѣйствія проводился неуклонно и упорно въ жизнь. Одинъ изъ учителей Бальтазара, обладавшій знаніями ученаго и мудростью свѣтскаго человѣка, съ мнѣніями котораго можно считаться, назвалъ его безумнымъ геніемъ. Геній—опредѣлененъ; безумецъ постоянно блуждаетъ въ потемкахъ. Въ кажущейся несовмѣстимости этихъ качествъ и заключается трудность передачи исторіи Бальтазара.

Все же, если бы не война, исторія его не представляла бы такого интереса, несмотря на его рѣзко выраженную индивидуальность и странности, которыя только сократили бы его жизнь. Война сыграла роль въ жизни каждаго. Она совершенно нарушила душевный миръ

Бальтазара, какъ только коснулась его: и въ то же время она внесла опредѣленность въ его безпорядочную жизнь.

Впервые за многіе годы имя его было упомянуто, и характеръ разобранъ во время войны двумя лицами, проявившими немалый интересъ къ его судьбѣ.

Марсель Бэрингъ, профессіональная сестра милосердія, пріѣхала однажды вечеромъ въ Чертонъ Тоуэрсъ, чтобы принять на себя обязанности старшей сестры. Чертонъ Тоуэрсъ было имѣніемъ аристократической семьи, отдавшей его, по примѣру прочихъ, правительству подъ санаторію для выздоравливающихъ офицеровъ. Въ имѣніи было много лужаекъ, фонтановъ, картинныхъ галлерей, гдѣ на стражѣ стояли рыцари въ старинныхъ доспѣхахъ; чудесныхъ залъ, уставленныхъ разнокалиберной мебелью, ибо великодушіе не можетъ, конечно, зайти настолько далеко, чтобы предоставить углы мозаичнаго стола опасности порчи отъ забытой папиросы легкомысленнаго поручика; комнатъ, обитыхъ штофной матеріей, гдѣ раньше стояли сокровища, накапливавшіяся вѣками, а теперь были только ряды коекъ военнаго типа, раздѣленные шкапиками, поставленными у изголовья.

Марсель Бэрингъ сошла на слѣдующее утро внизъ, смущенная размѣромъ своихъ новыхъ владѣній и контрастомъ ихъ великолѣпія съ утилитарнымъ безобразіемъ и математическимъ однообразіемъ главнаго госпиталя, гдѣ она работала до сихъ поръ. Попавъ въ среду своихъ паціентовъ, она сразу почувствовала себя хорошо, такъ какъ обязанности по отношенію къ больнымъ вездѣ одинаковы. Директриса санаторіи сдѣлала первый обходъ вмѣстѣ съ нею, представляя ей паціентовъ, но въ первое утро Марсель запомнила только треть именъ. Ей понадобилось нѣсколько дней, чтобы освоиться со всѣми, а также ознакомиться съ исторіей болѣзни каждаго паціента. Паціенты были все выздоравливающіе, перевязокъ было мало, и работа ея должна была имѣть скорѣе административный характеръ. Съ перваго раза паціенты показались ей веселой толпой молодыхъ людей, страшно похожихъ другъ на друга. Часть была совершенно здорова, и черезъ нѣкоторое время должна была быть отправлена въ тотъ же адъ, откуда они и прибыли; другіе были обезображенные калѣки, безъ рукъ, безъ ногъ, съ неразгибавшимися конечностями. Въ теченіе дня большинство было внѣ сферы ея вліянія, играя на открытомъ воздухѣ въ теннисъ, разбредаясь по саду, или играя на билліардѣ, въ открытомъ павильонѣ, выходившемъ въ японскій садъ. Слѣдить за ними было не легко.

Только на второй день имя молодого офицера, потерявшаго ногу, привлекло ея вниманіе: м-ръ Г. Бальтазаръ. Онъ былъ очень молодъ, блондинъ, съ голубыми глазами, съ маленькими усиками. На френчѣ, лежавшемъ сверхъ бѣлья, была бѣлокрасная ленточка Военнаго Креста.

Рана его почти зажила, но все же еще нуждалась въ нѣкоторомъ лѣченіи.

— Безобразіе, сестра! сказалъ онъ Марсели, когда она его перевязывала. — Я думалъ, что благополучно переживу бои подъ Ипромъ въ началѣ іюня. Все было хорошо почти до самаго конца, когда осколокъ снаряда задѣлъ меня, и я попалъ сюда. Доктора обѣщаютъ придѣлать мнѣ искусственную ногу такую, что я даже не почувствую разницы. Надѣюсь, что ее скоро пришлютъ, потому что костыли меня извели. Мнѣ все кажется, что я долженъ буду протягивать шляпу за милостыней.

— Бѣдняга! разсѣянно сказала Марсель.

— Это очень мило съ вашей стороны, но я терпѣть не могу, когда меня жалѣютъ. Я не желаю жить и считаться бѣднягой.

Онъ помолчалъ, а затѣмъ продолжалъ:

— Интересно, какъ вы всѣ можете смотрѣть на эту гадость. Когда я пытаюсь опустить ногу и при этомъ взглядываю на нее, меня начинаетъ тошнить. Я люблю быть аккуратнымъ и не возбуждать отвращенія въ другихъ, но мой обрубокъ неопрятенъ и отвратителенъ.

Марсель Бэрингъ почти не слышала его болтовни. Его имя вызвало воспоминанія далекаго прошлаго. Она работала молча, заколола марлю и, улыбаясь, ушла, сказавъ на прощаніе:

— Все будетъ хорошо, м-ръ Бальтазаръ!

Но на слѣдующій день, послѣ обѣда, она была потрясена. Проходя черезъ большую переднюю, приспособленную подъ комнату для отдыха, уставленную разнообразной мебелью, Марсель наткнулась на юношу. Онъ сидѣлъ у стола одинъ, съ карандашомъ въ рукѣ; передъ нимъ была бумага и толстая книга. Вниманіе Марсели было привлечено формулами на бумагѣ и заглавіемъ книги—„Динамика."

Она остановилась. Онъ взглянулъ на нее со смѣхомъ.

— Это вы, сестра?

— Вы математикъ? спросила она его дрогнувшимъ голосомъ.

Онъ засмѣялся.

— Болѣе или менѣе. Если меня вышибутъ изъ арміи, я долженъ буду вернуться въ Кэмбриджъ и начать съ того мѣста, гдѣ я остановился.

— Вы далеко ушли, если вы въ состояніи читать динамику.

Онъ былъ пораженъ, такъ какъ сказать это могъ только спеціалистъ-математикъ.

— А что вы знаете о динамикѣ?

— Я была въ Ньюнамѣ въ юности, отвѣтила она,—и изучала математику. И что особенно странно: моимъ учителемъ былъ... она остановилась, какъ бы въ колебаніи:—былъ вашъ однофамилецъ.

Онъ отодвинулся отъ стола.

— Это былъ, по всей вѣроятности, мой отецъ.

— Джонъ Бальтазаръ?

— Да, Джонъ Бальтазаръ. Одинъ изъ величайшихъ геніевъ-математиковъ, которыхъ намъ далъ Кэмбриджъ. Боже Милосердный! Такъ вы знали моего отца!?.

— Мы были большими друзьями...

Она внимательно смотрѣла на юношу страннымъ взглядомъ, котораго онъ, повидимому, не замѣчалъ. Онъ сказалъ:

— Подумать, что вы занимались съ моимъ отцомъ! Мы живемъ въ тѣсномъ мірѣ.

Внезапно онъ задумался и посмотрѣлъ на нее критическимъ взоромъ.

— Но какъ вы могли... Онъ исчезъ около 20 лѣтъ тому назадъ!..

— Мнѣ 38 лѣтъ, отвѣтила Марсель.

— Вамъ нельзя ихъ дать—ничего похожаго! воскликнулъ онъ помальчишески.

И на самомъ дѣлѣ, ей нельзя было дать 38-ми лѣтъ. Она сохранила изящество юности во всемъ, начиная съ волнистыхъ каштановыхъ прядей, выбивавшихся изъ-подъ чепчика сестры, и кончая гибкой, стройной фигурой. Ея лицо, если не всматриваться слишкомъ близко, было молодо, сохранило румянецъ, несмотря на продолжительное пребываніе въ палатахъ госпиталя. Ея голосъ былъ пріятенъ и молодъ. Только глаза были, пожалуй, усталые—они видѣли слишкомъ много страданій.

Она слегка покраснѣла и улыбнулась, услышавъ комплиментъ, но улыбка исчезла, когда юноша добавилъ:

— Какъ онъ выглядѣлъ? Я часто думалъ объ этомъ, и никто не могъ мнѣ сказать, никто. Профессора его поколѣнія стѣснялись говорить о немъ, а я стѣснялся ихъ разспрашивать. Знаете, я никогда не видѣлъ его карточки.

— Вы на него походите, отвѣтила она, смотря не на своего собесѣдника, а назадъ, въ туманную даль прошлаго.—Только, пожалуй, вы плотнѣе. Онъ былъ необычайно живымъ по уму и характеру. Талантливѣе учителя я не видѣла. Онъ словно держалъ вашъ разумъ въ рукѣ, какъ нѣчто осязаемое, снималъ съ него паутину и заставлялъ усваивать все, что ему хотѣлось. Прирожденный педагогъ и чудесный человѣкъ.

— Но что онъ за человѣкъ? Я знаю его работу, хотя самъ еще недостаточно подготовленъ, чтобы приняться за нее. Я поступилъ на математическій факультетъ передъ войной и прослушалъ всего одинъ годъ. Я принялся за это,—онъ указалъ на свою работу по динамикѣ.

—Я хочу сказать, продолжалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы,—что мой отецъ былъ для меня всегда чѣмъ-то отвлеченнымъ. Я не интересовался бы имъ, если бы онъ былъ ничтожествомъ. А я знаю: это было не простой игрой, когда онъ исчезъ безслѣдно, бросивъ мою мать на произволъ судьбы.

— Но я слышала, сказала сестра,—что у вашей матери были свои средства.

— Я не это имѣлъ въ виду, отвѣтилъ юноша.—Но вѣдь онъ исчезъ? Не такъ ли? Я уже сказалъ: я не былъ бы особенно заинтересованъ, если бы онъ былъ *никѣмъ*. Но вѣдь онъ былъ самымъ выдающимся человѣкомъ въ Кэмбриджѣ. Онъ, напримѣръ, занимался для отдыха китайскимъ языкомъ. Говорятъ, что его книга является единственнымъ научнымъ трудомъ для изученія этого языка. Видите ли, сестра,—онъ нетерпѣливо повернулся на стулѣ и стукнулъ ладонью по столу, что заставило ее вздрогнуть, такъ какъ жестъ сына былъ копіей жеста отца: —Я хотѣлъ всегда знать, сынъ ли я сверхчеловѣческаго разума или человѣка изъ плоти и крови? Былъ ли онъ человѣкомъ? Вотъ что я хочу знать!

— Онъ былъ настоящій человѣкъ, спокойно отвѣтила она,—слишкомъ человѣкъ. Конечно, прежде всего онъ былъ ученымъ. Его работа была для него всегда оргіей ума. Но онъ любилъ точно такъ же и міръ. Онъ былъ очаровательный собесѣдникъ. Казалось, онъ хотѣлъ взять отъ жизни все, что она можетъ дать.

— Почему же онъ не взялъ всего?

— Онъ былъ человѣкомъ чести, сказала она.

Годфрей Бальтазаръ отбросилъ спичку, которой онъ намѣревался зажечь папиросу.

— Меня поражаетъ...

— Что?

— Его выходка. Вы хорошо знали моего отца?

— Я уже сказала, что мы были большими друзьями!

— Вы знали мою мать?

Рѣсницы ея дрогнули, но она отвѣтила прямо:

— Нѣтъ. Я была только студенткой, а вашъ отецъ былъ моимъ учителемъ. Но я много слышала отъ другихъ о вашей матери. Вѣдь она, кажется, давно умерла?

— Да. Мнѣ было пять лѣтъ. Я почти не помню ея. Меня воспитали дядя и тетка съ ея стороны. Они почти не знали моего отца и никогда не помянули его добрымъ словомъ. Только, когда я выросъ и полюбилъ математику, я понялъ, кѣмъ онъ былъ. Тайна, которая его окружаетъ, еще больше возбуждаетъ мой интересъ. Я представляю себѣ: человѣкъ съ большими деньгами, его собственными (онъ увезъ ихъ

съ собой), съ деньгами матери, добившійся въ 30 лѣтъ міровой извѣстности, исчезаетъ съ лица земли. Вопроса о самоубійствѣ быть не можетъ. Человѣкъ, отправляющійся на тотъ свѣтъ, обычно отказывается отъ земныхъ благъ, а не беретъ ихъ съ собой, въ видѣ своего капитала.

— Вашъ отецъ слишкомъ любилъ жизнь, чтобы уйти изъ нея добровольно, сказала сестра Бэрингъ.

— Въ такомъ случаѣ, что же онъ сдѣлалъ и зачѣмъ?

— Я не знаю, отвѣтила она.

— Живъ онъ, или умеръ?

— Откуда же мнѣ знать, мистеръ Бальтазаръ?

— Онъ никогда не писалъ вамъ послѣ?

— Почему онъ могъ бы мнѣ писать? прервала она.

Недовольство, послышавшееся въ ея голосѣ и мелькнувшее въ глазахъ, заставило юношу разсыпаться въ извиненіяхъ.

— Конечно, нѣтъ! Простите меня, сестра, но я уже сказалъ вамъ, что ни разу не встрѣчалъ никого, близкаго моему отцу. Я хочу получить всѣ свѣдѣнія, какія только могу.

Она придвинула стулъ и сѣла рядомъ съ нимъ. Въ большой залѣ было тихо и темно. Темнота создавала контрастъ съ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, царившимъ тамъ, за восточными окнами дома. Черезъ открытую дверь лилось благоуханіе изъ сада. Воздухъ былъ душенъ. Марсели было жарко отъ чепчика, какая-то слабость разливалась по ея членамъ. Напряженіе нѣсколькихъ лѣтъ войны начинало сказываться. Она смотрѣла на свое назначеніе въ Чертонъ Тоуэрсъ, какъ на отдыхъ отъ тяжелой работы въ главномъ госпиталѣ большого города, откуда она пріѣхала. Раньше она служила во Франціи. Еще раньше она была много лѣтъ сестрой. И вотъ теперь ея крѣпкіе нервы начинали какъ будто сдавать. Если бы она не сѣла, ея ноги подкосились бы. Такъ, по крайней мѣрѣ, ей казалось... Она смотрѣла на юношу, такого живого, такъ похожаго на отца по взгляду, по общему виду, а по манерѣ говорить, по неуловимымъ мелочамъ—столь отличнаго отъ Джона Бальтазара, того Бальтазара, которому въ серединѣ 90-хъ годовъ даже во снѣ не снилась возможность судорогъ міровой войны. Эту разницу между отцомъ и сыномъ Марсель объясняла революціоннымъ вліяніемъ настоящей войны на тѣхъ, кто столкнулся съ ней лицомъ къ лицу, и глубоко проникся ея философіей. У него была та же простая манера обращенія, но ротъ былъ слабѣе; глаза были голубые, глаза блондина, а не повелительные, смѣющіеся сѣро-стальные глаза Джона Бальтазара, со странными искрами въ зрачкахъ. Все, что въ лицѣ юноши было не отъ Джона Бальтазара, было отъ матери. Марсель ненавидѣла ее и мертвую, какъ при жизни. Она видѣла эту блон-

динку, лицо которой чѣмъ-то напоминало мышь, всего одинъ разъ, когда, проходя по дорогѣ въ Ньюнамъ, товарка указала ей на нее. Маленькій язвительный ротъ врѣзался въ память, жесткіе голубые глаза преслѣдовали ее уже 20 лѣтъ. Она и теперь видѣла передъ собой эти глаза и ротъ. Все же остальное, все, что было въ мальчикѣ благороднаго, онъ получилъ отъ отца.

— Кто разсказалъ вамъ о немъ то немногое, что вы знаете?

— Мой дядя, братъ моей матери. Не думаю, что со стороны отца есть кто-либо въ живыхъ. Во всякомъ случаѣ, я не слышалъ о нихъ. Мы изъ гугенотовъ, сюда насъ привела отмѣна Нантскаго эдикта. Богъ знаетъ, кто мы были раньше. Въ одномъ изъ номеровъ „Военнаго Ежегодника французской арміи" я наткнулся какъ-то на фамилію Бальтазаръ. Мнѣ было пришла въ голову мысль написать ему, но, конечно, я этого не сдѣлалъ. Бѣдняга теперь, вѣроятно, убитъ. Это, конечно, не отвѣтъ на вашъ вопросъ. Такъ вотъ, мой дядя, сэръ Ричардъ Вудкатъ...

Марсель снова остановила его:

— Мнѣ показалось, будто вы сказали, что онъ васъ воспиталъ.

— Да, на деньги моей матери. Онъ былъ моимъ опекуномъ и довѣреннымъ. Но онъ никогда не давалъ мнѣ забыть, что я былъ сынъ Джона Бальтазара. Вопроса о привязанности со стороны его или его жены и быть не могло. Каждый разъ, когда я бывалъ въ чемъ-нибудь виноватъ, мнѣ напоминалось, что это сказывается во мнѣ наслѣдіе моего негодяя-отца. Въ раннемъ дѣтствѣ я считалъ отца злымъ духомъ, испортившимъ мнѣ жизнь, а потомъ я измѣнилъ взглядъ на него. Вы понимаете меня? Если онъ являлся противоположностью дядѣ Ричарду, я могъ ему сочувствовать; я думалъ, что онъ также могъ бы мнѣ симпатизировать. Они, такъ сказать, толкнули меня въ объятія воспоминаній о немъ. Не правда ли, странно?

— Въ чемъ же они особенно его обвиняли?

— Во всемъ, отвѣтилъ онъ съ безпечнымъ смѣхомъ.—Во всѣхъ преступленіяхъ и порокахъ, существующихъ въ мірѣ. Колоссальный эгоизмъ и безсердечіе были самыми ничтожными изъ приписываемыхъ ему качествъ. И, конечно, онъ былъ пьяница...

На щекахъ сестры появились красныя пятна, ея усталые глаза сверкнули.

— Это ложь, такъ же, какъ и все остальное! Какъ они посмѣли?

— О, мирный дворянинъ, наживающій состояніе при помощи войны, смѣетъ дѣлать все, что угодно. Ну, а потомъ они, конечно, говорили все, что полагается говорить о человѣкѣ, убѣжавшемъ отъ своей жены.

— А именно?—Она облокотилась на столъ и пристально посмотрѣла на него.

— Ну,—онъ остановился, слегка смущенный:—безнравственность... Ну, вы понимаете...Другія женщины...

— И это неправда! По крайней мѣрѣ, не совсѣмъ правда. Другая женщина, правда, была, но только одна. Видитъ Богъ, между ними были самыя чистыя, самыя благородныя отношенія, какія только могутъ быть на землѣ.

— Я готовъ вѣрить этому, сказалъ сынъ Джона Бальтазара.—Но откуда вы знаете?

— Это исторія моего близкаго друга, отвѣтила Марсель.—Отъ меня ничего не скрывали. Дѣвушка обожала его. Я не хочу говорить дурно о вашей матери—съ обѣихъ сторонъ можетъ быть взаимное непониманіе, но я знала—моя подруга и я,—мы обѣ знали, не отъ него, черезъ знакомыхъ,—что его семейная жизнь была очень несчастна.

— Послушайте, сестра, сказалъ молодой человѣкъ.—Такъ какъ мы откровенно говоримъ о моихъ семейныхъ дѣлахъ, я скажу вамъ одну вещь, о которой никому никогда не говорилъ. У меня нѣтъ воспоминаній дѣтства, никто не приходилъ подоткнуть мое одѣяло и поцѣловать меня на сонъ грядущій, какъ это пишется въ дѣтскихъ книжкахъ съ картинками. Когда я думаю объ этомъ, я завидую тѣмъ, кто это испыталъ. Мое самое яркое воспоминаніе таково: меня избили до полусмерти кожанымъ кушакомъ, какіе женщины носили въ то время, а затѣмъ посадили въ угольный погребъ.

— Бѣдная крошка!—Марсель выпрямилась на стулѣ, на глазахъ ея выступили слезы.—А вамъ еще не было пяти лѣтъ! Это ужасно! Какое же дѣтство было у васъ! Какъ вы выжили?

Онъ засмѣялся.

— Думаю, что я очень живучъ. Когда я поступилъ въ школу—они послали меня туда восьми лѣтъ,—мнѣ все тамъ было особенно хорошо. Но обо мнѣ говорить не стоитъ. Продолжайте исторію вашего друга. Она становится интересной. Теперь я понимаю, что отецъ жилъ въ аду.

— Если вы это поняли, сказала она,—больше разсказывать нечего.

Она прижалась щекой къ рукѣ и, устремивъ свой взоръ черезъ залу въ открытую дверь на лужайки и деревья, залитыя солнечнымъ свѣтомъ, забыла о присутствіи юноши, вспоминая солнечные дни давно прошедшихъ лѣтъ. Годфрей Бальтазаръ смотрѣлъ на нее проницательно, но въ то же время ласково; его рѣзко очерченный ротъ смягчился въ улыбку. Черезъ нѣкоторое время онъ протянулъ руку и осторожно коснулся ея кисти.

— Разскажите мнѣ, тихо попросилъ онъ.—Мнѣ это будетъ пріятно, и для васъ это будетъ хорошо.

Она съ легкимъ вздохомъ вернулась къ дѣйствительности.

—Это такъ старо. Онъ былъ несчастенъ. Невозможный характеръ его жены оттолкнулъ его отъ дома. Большую часть своего времени онъ проводилъ въ колледжѣ.Домой онъ возвращался въ концѣ недѣли, пытаясь примириться съ женой. Тутъ на сценѣ появилась дѣвушка. Она принесла ему ту нѣжность, ту прелесть жизни,которыя онъ искалъ.Онъ влюбился въ нее. Когда она узнала объ этомъ, ей показалось, что передъ ней открылось небо. Она не думала ни о комъ и ни о чемъ, кромѣ него. Это продолжалось ровно мѣсяцъ, конецъ лѣтняго семестра. Ничего плохого не было; они встрѣчались на открытомъ воздухѣ—короткіе краденые часы. Они обмѣнялись только однимъ поцѣлуемъ, затѣмъ онъ сказалъ: „Я звѣрь и безумецъ. Такъ продолжаться не можетъ.“ Она отдалась ему душой и готова была бы продолжать эту жизнь, пока онъ былъ бы съ ней, но застѣнчивость мѣшала ей говорить. Онъ шелъ по дорогѣ, она—рядомъ съ нимъ; сердце ея сжималось. Онъ воскликнулъ: „Боже! Я никогда не думалъ, что дѣло дойдетъ до этого. Дитя, простите меня. Пусть я буду проклятъ, если трону хоть одинъ волосокъ съ вашей головы!“ Такъ они шли молча, до перекрестка, гдѣ дороги раздѣлялись: одна шла въ Ньюнамъ, другая—въ Кэмбриджъ. Онъ взялъ ее за руки и сказалъ: „Если бы я сорвалъ цвѣтокъ, выросшій на моемъ пути, я былъ бы негодяемъ.“ Онъ повернулся и пошелъ въ Кэмбриджъ. Дѣвушка, понимая только свою безконечную любовь, плакала всю дорогу до Ньюнама. Больше она его не видѣла и ничего о немъ не слышала. Черезъ недѣлю онъ исчезъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Живъ онъ, или нѣтъ—она не знаетъ. Вотъ истинная исторія вашего отца.

Онъ повернулся и слушалъ ее, облокотившись на руки. По окончаніи разсказа, онъ сказалъ:

— Слава Богу! Благодарю васъ. Въ этомъ и заключается разгадка.

— Да! Другой нѣтъ.

— Если бы онъ былъ менѣе—какъ бы сказать?—сумасброднымъ, менѣе щепетильнымъ въ вопросѣ чести женщины—вы пошли бы за нимъ на край свѣта?

— Я? Она отодвинулась отъ стола.—Я? Что вы хотите сказать?

— Причемъ тутъ ваша подруга, сестра? Зачѣмъ обманывать?

Онъ взялъ ее за руку:

— Признайтесь!

Она отвѣтила на его пожатіе и сказала, не глядя не него:

— Думаю, что это было сшито бѣлыми нитками. Да! Конечно, я бросила бы для него все рѣшительно. Онъ ушелъ изъ-за меня, но, видитъ Богъ, не я его толкнула на это!

Наступило долгое молчаніе. Многое хотѣлось сказать, но немногое могло быть сказано. Наконецъ, юноша взялъ свои костыли и поднялся со стула. Она вскочила, чтобы помочь ему.

— Пойдемте, погуляемте по солнышку. Это полезно.

Они вышли. Марсель помогала ему, несмотря на всѣ его протесты: онъ любилъ преодолѣвать затрудненія. Спустившись по мраморной лѣстницѣ, мимо площадки для тенниса, гдѣ молодежь играла, а веселые инвалиды смотрѣли на игру, они прошли черезъ японскій садъ съ его большимъ прудомъ, покрытымъ водяными линіями, черезъ который былъ переброшенъ кружевной мостикъ, и вошли черезъ небольшую калитку въ буковую рощу, отдѣлявшую домъ отъ хозяйственныхъ построекъ. Здѣсь они сѣли на простую скамейку, стоявшую въ зелени, пронизываемую лучами солнца.

— Быть можетъ, я сентиментальный оселъ, сказалъ онъ,—но вы кажетесь мнѣ болѣе близкою, чѣмъ всѣ, кого я встрѣчалъ въ жизни.

Она сдѣлала безпомощный жестъ. Онъ засмѣялся пріятнымъ смѣхомъ, лишавшимъ его ротъ жестокаго выраженія.

— Вы удовлетворяете потребность, которая давно уже чувствовалась.

— Это звучитъ хорошо, но я не совсѣмъ васъ понимаю, мистеръ Бальтазаръ.

— Къ чорту мистера Бальтазара! Меня зовутъ Годфрей. Пусть хоть кто-нибудь меня такъ называетъ. Именно вы должны меня такъ называть. Вы знали меня прежде, чѣмъ я родился.

Онъ выпалилъ это, не думая. Краска, залившая ея лицо, указала ему на его промахъ. Онъ выпрямился, испуганный, и поспѣшно сказалъ:

— Простите меня, ради Бога! Я сказалъ, не подумавъ.

Она взглянула украдкой на его юное, огорченное лицо, и сердце ея растаяло.

Онъ слишкомъ чувствовалъ свою вину, несмотря на ея ничтожность.

— Быть можетъ, мой милый мальчикъ, сказала она,—вы поступили хорошо, коснувшись этого вопроса. Мы люди взрослые и можемъ говорить откровенно. Вѣдь многое изъ того, о чемъ умалчиваютъ, имѣетъ большое значеніе въ жизни людей. Я не знала васъ до вашего рожденія, такъ же, какъ и отецъ вашъ. Тутъ важно именно то, что касается его. Если бы онъ зналъ, онъ никогда не бросилъ бы вашу мать. Нѣтъ, нѣтъ, онъ нашелъ бы другой способъ. Онъ не могъ ее бросить. Это невѣроятно! Я это знаю. Я знаю всю его силу, красоту и величіе.

— Боже! вырвалось у юноши:—какъ вы должны были его любить!

— И, не любя его, даже глупецъ разглядѣлъ бы, что онъ былъ честный человѣкъ. Онъ былъ именно такой человѣкъ.

— Разскажите мнѣ, попросилъ онъ,—всѣ мелочи, которыя вы можете о немъ вспомнить.

Годфрей объяснилъ свое желаніе. Онъ былъ такъ одинокъ, не имѣлъ никого изъ родныхъ, кто былъ бы ему близокъ. Въ его душѣ жила только необъяснимая страсть къ математикѣ и къ рѣшенію всякаго рода проблемъ, божескихъ и человѣческихъ. За всѣ его слабости, за всѣ проступки его попрекали отцомъ. Нечего удивляться тому, что онъ создалъ своего рода культъ этого единственнаго существа, которое могло бы ему симпатизировать. Этотъ день былъ величайшимъ днемъ его жизни. Всѣ его мечты оказались дѣйствительностью. Онъ не сентиментальный оселъ. Если въ мірѣ было когда-либо идіотское заблужденіе, то это была теорія объ обязанности дѣтей быть благодарными своимъ родителямъ за свое появленіе на свѣтъ. Единственная правильная позиція родителей по отношенію къ дѣтямъ—это сознаніе своей вины передъ ними. Дѣти, соотвѣтственно исполненію родителями своего долга, могли простить имъ эту вину. Человѣческій атомъ, брошенный на произволъ судьбы, могъ пройти жизнь, не нуждаясь въ симпатіи и пониманіи со стороны другихъ. Но, если эти другіе внушаютъ ему, что онъ имѣетъ духовное сродство со своимъ отцомъ, естественно, онъ тянется къ этому невѣдомому отцу, въ особенности, если впослѣдствіи онъ узнаетъ, какимъ великимъ человѣкомъ былъ его отецъ. Поистинѣ, это великій день его жизни. Онъ готовъ пожертвовать второй ногой, чтобы только пережить его.

— Вотъ еще мелочь, сказалъ онъ:—разъ я наткнулся въ его книжкѣ на какія-то замѣтки, писанныя его рукой. Я принялся копировать его почеркъ, а въ особенности его подпись. Конечно, на такое идіотство способенъ только мальчишка. Я понялъ суть почерка и съ тѣхъ поръ подражаю ему. Посмотрите!

Онъ написалъ нѣсколько словъ на бумагѣ, закончивъ ихъ росчеркомъ. Марсель вздрогнула. Это было словно посланіе съ того свѣта. Годфрей засмѣялся и продолжалъ:

— Видите ли, страшно пріятно знать навѣрно, что вся семья ошибалась, а меня мой инстинктъ не обманулъ.

Онъ говорилъ съ жаромъ, опять-таки напомнившимъ ей его отца. Она предоставила ему говорить, ей такъ были пріятны воспоминанія, а, кромѣ того, она надѣялась, что онъ забудетъ о своей просьбѣ разсказать ему объ отцѣ, но онъ самъ вспомнилъ о ней и повторилъ ее.

— Въ другой разъ, отвѣтила она.—Сразу всего не вспомнишь. У насъ будетъ еще много случаевъ для разговора, пока не пришлютъ вашу новую ногу.

— Мы еще поговоримъ, правда? живо спросилъ онъ.

— Вы мнѣ не вѣрите?

— Не знаю. Простите меня, я не хочу быть грубымъ, но иногда женщины бываютъ такъ странны.

Она улыбнулась, какъ умудренная годами. Его открытый характеръ имѣлъ оттѣнокъ чего-то ребяческаго.

— Что вы знаете о женщинахъ, Годфрей Бальтазаръ?

Онъ забавно нахмурилъ брови и взъерошилъ волосы.

— Немного. Что знаетъ вообще мужчина? Знаете ли, спросилъ онъ серьезно,—что вообще вы, всѣ женщины, непонятны?

Тутъ она откровенно разсмѣялась.

— Она мила?

— Она...Кто? О, да! Какъ вы догадались?

— Все старо въ этомъ старомъ мірѣ. Такъ въ чемъ же дѣло?

— Все было бы хорошо, если бы не мой братъ.

— Вашъ братъ? Ахъ, конечно!—Ей пришлось сдѣлать усиліе, чтобы вспомнить подробность, казавшуюся неважной.—Ваша мать вышла замужъ вдовой, и у нея былъ сынъ.

— Вотъ именно: на семь или восемь лѣтъ старше меня. Зовутъ его Дунъ, хотя окрестили Леопольдомъ. Мы никогда не были близки. Я ненавидѣлъ его всю мою жизнь, но онъ прекрасный солдатъ. Полковникъ съ прекрасной репутаціей. Онъ уцѣлѣлъ, а я инвалидъ.

— Ну, а она?

— Я разскажу вамъ въ другой разъ, въ одинъ изъ нашихъ будущихъ разговоровъ. Теперь это ничтожно по сравненію со встрѣчей съ вами. Чортъ возьми! воскликнулъ онъ послѣ нѣкоторой паузы: —міръ тѣсенъ!

Онъ заложилъ руки въ карманы и вытянулъ ногу; обрубокъ раненой ноги опирался на костыль. Тишина маленькаго буковаго лѣса помогала имъ углубиться въ размышленія о тѣснотѣ міра. Она смотрѣла на него, юнаго, сильнаго. Жизнь била въ немъ ключомъ, а онъ безропотно принесъ въ жертву странѣ то, что давало смыслъ жизни, глубоко скрывъ въ своей душѣ страхъ передъ смертью. Такимъ сыномъ могла гордиться любая мать. Слезы готовы были брызнуть изъ ея глазъ при мысли о томъ, что могло бы быть. Сердце потянулось къ нему, какъ если бы она нашла своего сына. Она робко положила руку ему на плечо.

— Дорогой мой! сказала она:—будемъ большими друзьями ради памяти вашего отца.

Онъ вздрогнулъ при ея прикосновеніи и, вынувъ руки изъ кармана, схватилъ ее за руки.

— Друзьями! Вы просто прелесть. Вы единственная женщина, которую я когда-либо любилъ. Какъ? Вы плачете?!

Глаза, влажные отъ слезъ, лукаво улыбнулись.

— Мы всѣ страшно непонятны. Правда?

— Только не вы! Вы—ни капли. Онъ поцѣловалъ ея руку и выпустилъ ее.—Вы прямая и очаровательная женщина. Какъ можно мнѣ васъ называть?

— Называть меня? Вопросъ былъ неожиданнымъ:—если хотите, вы можете называть меня по имени, когда мы одни. Зовите меня Марсель.

— Чудесно! воскликнулъ онъ:—давно ощущавшаяся потребность удовлетворена.

Она встала и помогла ему подняться.

— Надѣюсь, сказала она,—вы еще долго останетесь такимъ же милымъ мальчикомъ.

Глава II.

Послѣ этого они не разъ разговаривали. Марсель разсказала ему тѣ мелочи, которыя онъ хотѣлъ знать о Джонѣ Бальтазарѣ; юноша—о своихъ стремленіяхъ, надеждахъ и неудачахъ. Главной виновницей послѣднихъ была Доротея Максвортъ, красавица Варвикшира, носящая шелковую фуфайку для тенниса. Единственнымъ ея недостаткомъ, если только это можно было такъ назвать, было то, что, по необъяснимой причинѣ, она смотрѣла болѣе благосклонно на Леопольда, чѣмъ на Годфрея. Сколько ей лѣтъ?—Семнадцать.

— Бѣдныя крошки, подумала Марсель.

Однажды она сказала:

— Зачѣмъ огорчаться? Вы найдете тысячу маленькихъ Доротей, въ продолженіе одной недѣли, если вы только поищете—цвѣтущихъ, добродѣтельныхъ...

— Ошибаетесь, отвѣтилъ онъ.—Вы можете найти тысячу Сусаннъ, Джэнъ и Гертрудъ. Я допускаю, что всѣ онѣ будутъ прелестныя дѣвушки, но въ мірѣ есть только одна Доротея. Она замѣчательная дѣвушка. У нея есть умъ. У нея есть странное качество: въ ея интуиціи и проникновеніи есть что-то сверхъестественное. Я совершенно серьезенъ, Марсель, повѣрьте мнѣ.

Она дала ему высказаться. Ея душа, окаменѣвшая и жаждущая, впитывала свѣжесть мальчика съ жадностью, которую она сама мало сознавала. Какъ сестрѣ милосердія, ей приходилось выслушивать исповѣдь многихъ несчастныхъ, но въ каждомъ случаѣ она чувствовала, что имъ внушалъ довѣріе ея почти монашескій нарядъ, непорочность,

связанная съ нимъ, а не женщина, которую этотъ нарядъ прикрывалъ. Для молодого Годфрея Бальтазара она была женщиной. Она чувствовала себя до глупости женщиной въ своемъ желаніи узнать подробности его жизни, характера и міровоззрѣнія.

Однажды онъ спохватился.

— Послушайте, сказалъ онъ.—Я все время болтаю о себѣ. Какъ же вы жили?

— Обо мнѣ разсказывать нечего. Я только сестра. Сестра всегда слишкомъ занята и слишкомъ далека отъ жизни, чтобы быть чѣмъ-либо инымъ.

— Но вы начали, какъ математикъ, въ Ньюнамѣ. Ну, конечно! Люди, подобные моему отцу, не возятся съ бездарностями, а въ особенности съ женщинами. Что же случилось? Вы продолжали заниматься?

Она покачала головой.

— Нѣтъ, дорогой! Что-то ушло изъ моей жизни. Я осталась въ Ньюнамѣ на половину слѣдующаго семестра, но не выдержала. Мнѣ пришлось работать для заработка. Попробовала учительствовать, бросила и пошла въ сестры милосердія. Теперь вы знаете всю исторію моей жизни.

— Не понимаю, какъ можетъ кто-либо, занимавшійся математикой, бросить ее!

Она улыбнулась.

— Думаю, что у меня не было истиннаго призванія. Не такъ, какъ у васъ.

Она перевела разговоръ на него, такъ же, какъ дѣлала это и въ другихъ случаяхъ. Постепенно ей удалось установить между ними прочную связь. Это было какъ бы продолженіе ея романа.

Однажды, отправляясь по дѣлу въ Лондонъ, она переодѣлась въ обыкновенный костюмъ и сбѣжала внизъ по лѣстницѣ къ ожидающему ее автомобилю, который долженъ былъ отвезти ее на станцію. Годфрей ждалъ ее у дверцы автомобиля.

— Честное слово, вы очаровательны! воскликнулъ онъ въ восхищеніи, и она покраснѣла отъ удовольствія, какъ дѣвочка.

Онъ попросилъ разрѣшенія проводить ее до станціи, чтобы провѣтриться. Она согласилась, и они отправились.

— Вы выглядите моложе, чѣмъ когда-либо, заявилъ онъ.—Грѣхъ прятать ваши чудесные волосы подъ чепчикъ сестры. Теперь я понимаю, какая вы...

— Причемъ тутъ платье?

— Платье—это все. Какъ вы ихъ выбираете, какъ вы ихъ надѣваете, какая вы въ нихъ. Вы не можете проявить себя въ этой дурацкой формѣ. Всѣ ваши инстинкты, чувства, переживанія вырази-

лись въ этой шляпѣ. Въ ней есть что-то вызывающее. Она какъ будто говоритъ: „Теперь я обыкновенная женщина, а потому къ чорту напускную важность!“

Она отвѣтила:—Я очень рада, что ваше сіятельство одобрили мой костюмъ.—И весь день она чувствовала себя страшно счастливой. Въ душѣ она благодарила Бога, что онъ не считалъ ее доброй старушенціей, являвшейся связью между нимъ и отцомъ, а потому заслуживавшей его благоволенія. Тогда онъ моментально забылъ бы о ней, разставшись ненадолго. Втайнѣ она стремилась остаться женщиной, и встрѣча съ Годфреемъ показала ей, что ей удалось этого достигнуть. Уѣхавъ изъ госпиталя, онъ не забудетъ о ней.

Въ ожиданіи поѣзда на платформѣ, онъ сказалъ ей:

— Какъ только мнѣ удастся, я уговорю Доротею поѣхать покутить съ вами у Карлтона. Мнѣ очень хочется, чтобы она васъ увидѣла.

Желаніе, выраженное въ такой формѣ, имѣло для нея особенное значеніе. Доротея должна была увидѣть ее, а не она Доротею. Доротея должна была увидѣть кого-то, кѣмъ онъ гордился.

Она вспомнила, какъ пріятельница ея разсказала ей о своемъ посѣщеніи сына, учившагося въ знаменитой школѣ, во время большого состязанія въ крикетъ. Въ трогательный моментъ разставанія мальчикъ сказалъ: „Мама, я думаю, вы знаете, что мужчины не любятъ, когда ихъ видятъ съ родными, но, такъ какъ вы были самая красивая женщина среди гостей, я пересталъ быть недовольнымъ вашимъ присутствіемъ“. Марсель постарается быть нарядной для Доротеи.

Возвращаясь обратно въ поѣздѣ, она размечталась. Если бы она и Джонъ Бальтазаръ остались вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ, смерть, находящаяся въ рукахъ Божіихъ, а не людскихъ, разрубила бы узелъ. Они обвѣнчались бы. Пятилѣтній ребенокъ научился бы называть ее „мама.“ Она была бы матерью этого доблестнаго юноши, молодость и очарованіе котораго завоевали прочное мѣсто въ тайникахъ ея души.

Ночью она снова задала себѣ вопросъ, часто встававшій передъ ней въ мучительныя ночи прошлаго:

— Почему?

Почему онъ покинулъ ее? Если онъ былъ достаточно силенъ, чтобы удержать любовь въ рамкахъ дружбы, она, непроснувшаяся дѣвушка, жившая среди интеллектуальныхъ и духовныхъ интересовъ, была бы удовлетворена въ теченіе многихъ лѣтъ этимъ общеніемъ. А если бы онъ требовательно пожелалъ ея тѣла и души, они принадлежали бы ему. Почему? Почему надо было разбить столько жизней, и прежде всего свою собственную жизнь?

Во время своего романа, длившагося всего одинъ мѣсяцъ, она не видѣла любимаго человѣка такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Она идеализировала его. Разбираясь въ его характерѣ, она не понимала, что это была натура, неспособная на компромиссъ. Одна фраза, разрубающая Гордіевъ узелъ, могла бы освѣтить все, но такой фразы сказано не было.

Она была поражена, когда сталъ извѣстенъ поразительный фактъ исчезновенія Джона Бальтазара. Знакомые дома, деревья и кусты по дорогѣ въ Ньюнамъ указывали на нее, какъ на виновную. Она долго думала и мучительно переживала случившееся. Много мѣсяцевъ прошло прежде, чѣмъ она могла снова почувствовать интересъ къ жизни, а потомъ жизнь ея измѣнилась и текла спокойно много лѣтъ. И все же, зная человѣческую силу и слабость, она лежала безъ сна, задавая себѣ неразрѣшимый вопросъ.

Ея имя, въ связи съ необычайнымъ происшествіемъ, не пришло въ голову никому. Кромѣ отвратительнаго характера его жены, объясненія исчезновенія Бальтазара не было. „Профессорскія" въ Кэмбриджѣ напрасно искали объясненія. Геніальный человѣкъ, долженствовавшій покрыть университетъ міровой славой, за которымъ университетъ слѣдилъ особенно внимательно, человѣкъ, которому стоило только протянуть руку, чтобы взять преміи міра, не могъ, съ точки зрѣнія профессоровъ, бросить все и исчезнуть изъ-за пиленья своей жены. Другая женщина? Для профессоровъ самая мысль объ этомъ была недопустима. Да къ тому же, профессора знали бы объ этомъ, услышали бы дома, гдѣ сплетни передаются быстрѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Англіи. Быть можетъ, онъ помѣшался, но миссисъ Бальтазаръ разсказывала объ остроумномъ способѣ, при помощи котораго онъ реализировалъ свое состояніе, отправляясь въ невѣдомую даль. А потому „Профессорскія", такъ же, какъ и Марсель, задавали неразрѣшимый вопросъ: „Почему?"

На слѣдующій день въ Чертонъ Тоуэрсъ, Годфрей, возвращаясь къ таинственному исчезновенію своего отца, разсказалъ о томъ, что не давало ему заснуть въ послѣднюю ночь, и въ свою очередь задалъ вопросъ: „Почему?"

— Единственное объясненіе, сказалъ онъ,—что онъ сжегъ домъ, чтобы зажарить свинью.

Она взглянула на него.

— Повидимому, вы знаете его лучше, чѣмъ я.

Въ эту самую минуту занимавшій ихъ мысли Джонъ Бальтазаръ стоялъ, облокотившись на изгородь полуразрушенной фермы въ пустынной мѣстности Англіи —и онъ какъ разъ задалъ себѣ тотъ же самый вопросъ. Во время интеллектуальнаго и физическаго отдыха

онъ имѣлъ обыкновеніе, какъ и большинство людей, живущихъ въ одиночествѣ, оглядываться на прожитые года.

Низкая гранитная стѣна, со вдѣланной въ нее деревянной калиткой, окружала небольшое количество акровъ, составлявшихъ его владѣнія. Позади него находилось одноэтажное каменное строеніе съ соломенной крышей, конюшня, хлѣвъ, свинарникъ и развалившійся молочный погребъ. Вокругъ дома былъ садъ, съ различными лекарственными травами, огородъ, окруженный проволокой, птичій дворъ, гдѣ бродили породистыя куры, и полъ-акра, поросшіе травой, гдѣ щипало траву нѣсколько козъ.

Джонъ Бальтазаръ облокотился на калитку и, покуривая трубку изъ вишневаго дерева, смотрѣлъ на привычный пейзажъ дикой красоты. Насколько могъ видѣть глазъ, онъ былъ единственнымъ человѣческимъ существомъ, и его жилище—единственнымъ человѣческимъ жилищемъ. Вокругъ него разстилалось пространство, покрытое камнями, верескомъ и кустами, растрепанными вѣтромъ. Гранитные холмы, увѣнчанные гигантскими безформенными глыбами, оставленными во время движенія ледника въ невѣдомые годы, сверкали, какъ аметисты и кораллы. Склоны, покрытые верескомъ, отливали на солнцѣ пурпуровымъ цвѣтомъ; пустынная равнина носила отпечатокъ величественнаго покоя. Верескъ и гранитъ, гранитъ и верескъ, равнины и холмы, красота и пустыня. Богъ, гранитъ и верескъ. Мѣсто, неподходящее для человѣка, нисколько не лучше Сахары. Кто-то пытался обработать его, построилъ простую ферму, нагромоздилъ трехфутовую каменную стѣну, обливаясь потомъ. Онъ пытался воздѣлывать обманчивый покровъ земли, до того, что мускулы его болѣли, но, вмѣсто комьевъ земли, онъ выворачивалъ куски гранита. Люди болѣли, голодали и умирали и, въ концѣ концовъ, предоставили это проклятое мѣсто солнцу, вѣтрамъ, снѣгу и Джону Бальтазару, который, со своей трубкой во рту, составлялъ часть этой дикой картины.

Хотя ему было 50 лѣтъ, онъ выглядѣлъ на 10 лѣтъ моложе. Въ короткихъ, нечесаныхъ, густыхъ каштановыхъ волосахъ не было ни одной серебряной нити, такъ же, какъ и въ коротко подстриженныхъ усахъ болѣе свѣтлаго оттѣнка. Его высокій лобъ былъ поразительно чистъ, только одна глубокая вертикальная морщина перерѣзывала его между бровями. Тонкая сѣть морщинъ появлялась подъ сѣрыми глазами въ моментъ умственнаго отдыха, но исчезала, какъ по мановенію волшебной палочки, когда въ нихъ свѣтилась мысль. Сѣрая узкая фуфайка обрисовывала сильную фигуру. Короткіе брюки, шерстяные чулки и толстые ботинки завершали его костюмъ. Его руки, грубыя и загорѣвшія, съ перваго взгляда, казалось, принадлежали земледѣльцу, а не ученому. Но пальцы были тонки, а миндалевидные ногти указывали

на вниманіе къ своей наружности, такъ же, какъ и гладко выбритое лицо.

Большая собака ткнула его руку мордой. Онъ повернулся и погладилъ ее.

— Ну, старина, кончилъ работу? Ты—порядочный жуликъ: бѣгаешь кругомъ съ занятымъ видомъ и ничего не дѣлаешь.

Собака, словно для того, чтобы оправдаться, залаяла, отбѣжала на ярдъ, подбѣжала, снова гавкнула и снова побѣжала прочь.

— Обѣдъ готовъ?

Этотъ вопросъ Бальтазара обрадовалъ собаку, какъ будто она выполнила порученіе. Она лаяла и радостно прыгала, пока ея хозяинъ медленно шелъ по направленію къ дому. На порогѣ появился молодой китаецъ, улыбающійся съ чувствомъ собственнаго достоинства, въ національномъ костюмѣ.

— Обѣдъ поданъ, сэръ! сказалъ онъ, пропуская почтительно Бальтазара.

— Брутъ сообщилъ мнѣ объ этомъ, Квонгъ-хо.

— Я послалъ его сказать вамъ, сэръ. Онъ понимаетъ, какъ человѣкъ.

— Всегда бываетъ полезно, замѣтилъ Бальтазаръ,—имѣть дѣло съ умными существами.

Онъ вошелъ въ домъ, въ единственную большую комнату, и сѣлъ у небольшого окна, выходившаго на западъ. Столъ былъ просто, но изящно накрытъ чистой скатертью, уставленъ серебромъ и хрусталемъ; посрединѣ, на небольшой китайской салфеточкѣ, вышитой голубымъ и желтымъ шелкомъ, стоялъ бокалъ съ розами. На первый взглядъ, въ комнатѣ царилъ хаосъ, но, присмотрѣвшись, можно было различить строгій порядокъ. Это была длинная, узкая комната, съ двумя окнами, выходившими на западъ, и двумя на востокъ. Старинный очагъ стоялъ подъ огромной трубой, занимавшей почти весь сѣверный конецъ, такъ какъ въ прежнее время это была одновременно и кухня, и столовая, и общая комната, и когда-то огромные окорока свѣшивались съ балокъ. Стѣны, не занятыя книжными полками, были увѣшаны шелковыми китайскими картинами. Турецкіе ковры покрывали каменный полъ. Почти вдоль всей восточной стѣны тянулся длинный простой столъ, заваленный бумагами и рукописями. Около сѣверо-восточнаго окна было очищено мѣсто для занятій, и стояло удобное мягкое кресло. Кушетка и кресло у очага, старинный дубовый комодъ, какъ будто удивлявшійся тому, что онъ попалъ въ такую компанію, бамбуковый столъ и маленькій обѣденный столъ дополняли меблировку. Комната была безукоризненно чиста. Все въ ней блестѣло. Бумаги на столѣ были уложены съ математической точностью.

Молодой китаецъ, съ ловкостью, достигнутой путемъ долгой тренировки, подавалъ приготовленный имъ обѣдъ: фаршированныя яйца, жаренаго цыпленка, сыръ изъ козьяго молока.

Онъ остановился въ ожиданіи, съ откупоренной бутылкой въ рукѣ.

— Бургундскаго, сэръ?

— Благодарю, не надо.

Квонгъ-хо наполнилъ стаканъ водой.

— Когда была откупорена эта бутылка?

— Если память мнѣ не измѣняетъ, сэръ—двѣ недѣли тому назадъ.

— Оно не годится для питья, Квонгъ-хо. Завтра вы выльете его и откупорите новую бутылку.

— Ваше желаніе будетъ исполнено, сэръ, сказалъ Квонгъ-хо. —Только я не хочу тратить напрасно вино. Правда, оно кисло для питья, но это будетъ незамѣнимое добавленіе при стряпнѣ для суповъ и соусовъ.

Бальтазаръ выпилъ глотокъ воды и, вытирая губы, посмотрѣлъ черезъ плечо на китайца.

— „Добавленіе". Это новое слово. Гдѣ вы его слышали?

— По всей вѣроятности, отъ васъ, сэръ. Въ продолженіе послѣднихъ 10 лѣтъ вы были моимъ учителемъ англійскаго языка.

— Вы не могли слышать его отъ меня. Это нелѣпое слово.

— Тогда, по всей вѣроятности, я встрѣтилъ его во время моего самостоятельнаго чтенія. Быть можетъ, изучая вашего знаменитаго философа Джонсона, возбудившаго мой интересъ.

Бальтазаръ прислонился къ спинкѣ стула.

— Квонгъ-хо, сказалъ онъ,—вы драгоцѣнный камень. Драгоцѣнный камень чистѣйшей воды.

— Эти слова, по-моему, принадлежатъ поэту Грею, сказалъ Квонгъ-хо.

— Совершенно вѣрно, сказалъ Бальтазаръ.—Но судьба, поскольку она зависитъ отъ меня, не обречетъ васъ оставаться въ невѣдомой глубинѣ океана. Я хотѣлъ сказать, что вы нѣчто поразительное. Вы то, что американцы называютъ на своемъ жаргонѣ, который я еще не успѣлъ передать вамъ: „персикъ".

— Я запишу это въ своемъ умѣ, сэръ, сказалъ Квонгъ-хо.

Бальтазаръ усмѣхнулся и продолжалъ свой обѣдъ. Брутъ, сидя рядомъ, слѣдилъ за нимъ со скрытой жадностью, какъ хорошо воспитанный песъ, и осторожно бралъ перепадавшіе на его долю куски. Бальтазаръ любилъ яркое освѣщеніе—въ концѣ обѣда Квонгъ-хо принесъ свѣчи и лампу и опустилъ занавѣси. Дома Квонгъ-хо носилъ китайскія туфли и скользилъ безшумно, какъ привидѣніе. Онъ началъ

убирать, какъ только Бальтазаръ всталъ изъ-за стола. Послѣдній набилъ трубку, закурилъ ее и посмотрѣлъ на часы.

— Вы можете придти на урокъ черезъ часъ.

— Ровно черезъ часъ, сказалъ Квонгъ-хо.

— Сдѣлали вы данную вамъ работу?

— Съ возможной точностью, сэръ.

— Вы будете президентомъ китайской республики, сказалъ Бальтазаръ.

— Это не только намѣреніе! отвѣтилъ Квонгъ-хо.

Бальтазаръ взялъ книгу съ полокъ для общаго чтенія. Это было удивительное собраніе потрепанныхъ томовъ, подобное тому, какое вы можете видѣть въ лавкѣ букиниста. Оно и было пріобрѣтено у букиниста, такъ какъ Бальтазаръ, во избѣжаніе возни, сразу купилъ нѣсколько полокъ книгъ. Эта библіотека дала ему пищу для чтенія сразу на нѣсколько лѣтъ. Современныхъ авторовъ было мало. Книгъ новѣйшей литературы совсѣмъ не было, но за то были произведенія, которыя ему хотѣлось изучить еще съ дѣтства. Это была чрезвычайно разнокалиберная библіотека. Только Джонъ Бальтазаръ могъ купить ее, движимый минутнымъ желаніемъ. Онъ взялъ книгу наугадъ—онъ имѣлъ обыкновеніе посвящать часъ послѣ обѣда случайному чтенію. Это оказался томъ памфлетовъ. Онъ сѣлъ въ кресло, перевернулъ нѣсколько страницъ, пытаясь заинтересоваться.

— О чемъ это? Изслѣдованіе заявленія досточтимаго С. Х. Сперджена, что англійская церковь вѣритъ въ спасеніе черезъ крещеніе, а не черезъ кровь нашего святого учителя Іисуса Христа, и что многіе изъ духовенства виновны въ нечестности и клятвопреступленіи—написанное досточтимымъ Джозефомъ Барделей, членомъ академіи.

Онъ грустно покачалъ головой и, перевернувъ нѣсколько еще болѣе скучныхъ страницъ, наткнулся на оазисъ въ пустынѣ: „Драка въ школѣ госпожи Европы: какъ германскій мальчикъ ударилъ французскаго мальчика, а англійскій мальчикъ стоялъ и смотрѣлъ“. Онъ прочелъ съ большимъ удовольствіемъ остроумную сатиру 1871 года и только что окончилъ ее, когда Квонгъ-хо, съ записной книжкой подъ мышкой, вошелъ въ комнату.

— Квонгъ-хо, сказалъ онъ.—я только что прочелъ знаменитый сатирическій памфлетъ о той роли, которую Англія играла во франко-прусской войнѣ. Вы можете прочесть его въ свободное время. Языкъ его безукоризненъ. Въ немъ вы не встрѣтите никакихъ „добавленій“. Онъ бичуетъ Англію за то, что она не помогла Франціи въ 1870 году.

— Почему одна нація должна вмѣшиваться въ дѣла другой? спросилъ Квонгъ-хо со страннымъ огнемъ въ глазахъ:—Напримѣръ, съ какой стати Китай будетъ проливать кровь ради Даніи?

— На это есть одинъ отвѣтъ, сказалъ Бальтазаръ.—Раньше Китай и Данія были такъ же далеки другъ отъ друга, какъ Нептунъ и Меркурій. Безпроволочный телеграфъ придвинулъ ихъ границы другъ къ другу. Теперь націи оказываютъ большое вліяніе другъ на друга. Вы должны читать нѣсколько больше по современной исторіи Европы, ибо она является нервнымъ центромъ сѣти, опутывающей весь міръ. Все, случающееся въ Европѣ, отзывается на Китаѣ. Если вы хотите создать новый Китай, вы должны помнить объ этомъ постоянно. Старый Китай умеръ. Вы знаете, Квонгъ-хо, что я его любилъ, но онъ такъ же мертвъ, какъ Ассирія. Новая борьба между Германіей и Франціей заставитъ весь цивилизованный міръ принять участіе. Великобританія не будетъ только зрительницей, какъ въ 1870 году; она будетъ на сторонѣ Франціи, Японія будетъ на сторонѣ Англіи, а Китай...

— Изберетъ одинаковую судьбу съ Японіей, скромно сказалъ Квонгъ-хо.

— Будемъ надѣяться, что этого никогда не случится, сказалъ Бальтазаръ.—А пока у насъ есть нѣчто болѣе важное.

Онъ всталъ, подошелъ къ креслу, стоявшему около рабочаго стола.

— Посмотримъ, что у насъ сегодня? Эллиптическія функціи, не такъ ли?

Въ то время, какъ Бальтазаръ помогалъ Квонгъ-хо преодолѣть математическую отвлеченность, германскій воздушный флотъ бросалъ бомбы надъ Англіей...

Глава III.

Аренда фермы Спендэль, заброшенной въ теченіе многихъ лѣтъ, возбудила нѣкоторое волненіе въ равнинѣ. Она была извѣстна тѣмъ, что совмѣщала въ себѣ всѣ недостатки, свойственные фермамъ. Почва ея была столь безплодна и камениста, что даже трава на ней не росла; она стояла, совершенно открытая всѣмъ вѣтрамъ, доступъ къ ней былъ почти невозможенъ. Послѣднее свойство оказалось роковымъ для ея арендаторовъ и вызвало полное ихъ разореніе. Для того, чтобы попасть на дорогу, нужно было ѣхать три мили по колеѣ, съ теченіемъ времени совершенно исчезнувшей, а затѣмъ надо было сдѣлать пять миль по дорогѣ, и только тогда можно было достигнуть маленькаго города Уотеръ Энда, гдѣ находились ближайшая желѣзнодорожная станція, лавки, почта и церковь. Весь Уотеръ Эндъ взволновался, когда грузовики съ матеріаломъ и рабочими изъ соборнаго города, лежавшаго въ 30 миляхъ, проѣзжали ежедневно на ферму. Волненіе это увеличивалось по мѣрѣ прибытія на желѣзнодорожную станцію огромныхъ ящиковъ съ надписью: „Осторожно, книги." На ящикахъ было имя Джона Бальтазара, казавшееся гла-

замъ и ушамъ патріархальной Англіи иностраннымъ именемъ. Когда проклятый иностранецъ, каковымъ они его считали, долженъ былъ прибыть, что стало извѣстнымъ, вслѣдствіе присутствія у станціи сѣрой кобылы фермера Бенстэда и безрессорной телѣжки, купленной для вновь прибывающаго мѣстными земельными агентами, Эллисъ и Дэномъ—все населеніе Уотеръ Энда явилось посмотрѣть, что это за человѣкъ.

Крѣпкій, живой англичанинъ обманулъ ихъ ожиданія, но китаецъ, съ косой, свернутой подъ слишкомъ маленькой шляпой, заставилъ ихъ широко раскрыть глаза. Они даже не знали, что это былъ китаецъ, пока сынъ викарія, мальчикъ лѣтъ 16-ти, тайный посолъ сгорающаго отъ любопытства викаріата, не разъяснилъ имъ этого факта. Хозяинъ и слуга уѣхали на телѣжкѣ съ своимъ багажомъ среди гробового молчанія зрителей. Китаецъ? Что нужно было китайцу въ этихъ мѣстахъ? Мужчины обсуждали этотъ вопросъ въ залѣ гостиницы „Три Пера.“ Прекрасный полъ говорилъ о желтой опасности—объ украденныхъ дѣтяхъ, перерѣзанныхъ горлахъ, о нападеніяхъ въ темнотѣ. Миссисъ Тревенна замѣтила кровожадный блескъ въ его глазахъ, а она, какъ женщина, похоронившая трехъ мужей, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Миссисъ Бэтсъ сказала, что его желтыя руки походили на лапы индюка. Ея дочь Гвинни заявила, хихикая, что она не желала бы почувствовать ихъ на своей шеѣ.

— Я слышала, что они всегда хватаютъ за горло, сказала старушка Сопвисъ.

— Я вспоминаю, что мой дѣдушка, принимавшій участіе въ подавленіи возстанія въ Индіи, разсказывалъ мнѣ, когда я была маленькой, что они всѣхъ душили. Это предписывается ихъ религіей.

Такимъ образомъ, Квонгъ-хо заслужилъ хорошую репутацію.

Но, когда, нѣсколько дней спустя, Квонгъ-хо пріѣхалъ въ городъ за покупками и на глазахъ трепещущихъ жителей Уотеръ Энда исполнялъ свои порученія, обмѣниваясь замѣчаніями о погодѣ, вѣжливый и улыбающійся, говоря на интеллигентномъ англійскомъ языкѣ, безъ примѣси иностраннаго акцента—они еще больше разинули рты отъ удивленія. Языкъ является чудеснымъ орудіемъ, чтобы разсѣять предубѣжденіе. Тотъ, кто могъ говорить по-англійски такъ же хорошо, какъ викарій, не могъ душить англичанъ. Но Квонгъ-хо, къ несчастью, переборщилъ. У дверей мясной лавки, во главѣ зѣвакъ, загораживая проходъ, стояла Гвинни Бэтсъ, со щеками, красными, какъ туши, висѣвшія по обѣимъ сторонамъ мясной. Квонгъ-хо, обученный въ теоріи Бальтазаромъ европейскимъ обычаямъ, отвѣсилъ ей поклонъ своей шляпой, поклонъ, напоминавшій отчасти манеры двора Карла II, отчасти Ратклифа, и обратился къ ней со словами:

— Прекрасная госпожа, позвольте пройти вашему покорному слугѣ!

Она сконфуженно отступила. Ея друзья разступились, подобно Чермному морю, образовавъ проходъ, по которому прослѣдовалъ Квонгъ-хо, выражая жестами глубокую благодарность, въ сопровожденіи приказчика изъ мясной лавки, несшаго въ повозку баранью ногу и кусокъ мяса, купленные Квонгъ-хо. Квонгъ-хо уѣхалъ среди смѣха собравшихся.

— Прекрасная госпожа! Ахъ, чортъ возьми! хохоталъ приказчикъ изъ мясной лавки.

Гвинни Бэтсъ перестала смѣяться, подступила къ нему съ пылающими щеками и сверкающими глазами.

— А что же здѣсь особеннаго, Джонни Эвансъ? Если ты хочешь обидѣть меня, скажи прямо. Если ты не можешь быть джентльменомъ, будь мужчиной.

— Прекрасный джентльменъ, фыркнулъ Джонни Эвансъ, ткнувъ большимъ пальцемъ въ сторону удалявшагося китайца.

— Онъ можетъ научить подобныхъ тебѣ хорошимъ манерамъ, во всякомъ случаѣ! воскликнула Гвинни Бэтсъ и удалилась, высоко поднявъ голову.

Такимъ образомъ, благодаря изысканнымъ манерамъ Квонгъ-хо въ этомъ и другихъ подобныхъ случаяхъ, Уотеръ Эндъ раздѣлился на два лагеря: китаефобовъ и китаефиловъ. Китаефобы утверждали, что такіе язычники улыбаются больше всего, когда ихъ намѣренія преступны. Видѣли ли его когда-либо въ церкви или въ часовнѣ? Сторонники Квонгъ-хо должны были согласиться съ этимъ обвиненіемъ. Разсказывалъ ли онъ когда-либо, что они дѣлали тамъ на равнинѣ, онъ и его хозяинъ съ иностраннымъ именемъ? Надо было согласиться, что Квонгъ-хо былъ на рѣдкость молчаливъ. Съ теченіемъ времени, хотя манеры его были по-прежнему изысканны, Квонгъ-хо потерялъ расположеніе своей партіи, благодаря своей молчаливости и вѣжливому уклоненію отъ вступленій въ разговоръ. Молчаливость объяснялась приказомъ, полученнымъ отъ Бальтазара. Когда Квонгъ-хо вернулся въ первый разъ на ферму, смѣхъ горожанъ звучалъ въ его ушахъ, и онъ пожаловался Бальтазару на невѣжливость жителей Уотеръ Энда. Бальтазаръ сказалъ по-китайски:

— Ты знаешь пословицу, Квонгъ-хо: „Человѣкъ оскорбляетъ самъ себя прежде, чѣмъ другіе могутъ его оскорбить.“ Кромѣ того, учитель говоритъ: „Гнилое дерево не можетъ быть украшено, а стѣны изъ грязи не могутъ быть оштукатурены.“ Поступая противъ моихъ приказаній и пытаясь оштукатурить грязныя стѣны этой деревенщины вѣжливой церемонностью, вы оскорбили себя и выставили на посмѣшище.

— Учитель! сказалъ Квонгъ-хо:—Повидимому, я глубоко заблуждался.

— Послушай еще, сказалъ Бальтазаръ, и въ его глазахъ блеснулъ огонекъ, не замѣченный подавленнымъ Квонгъ-хо. — Учитель говоритъ: „Неумѣніе воспитывать добродѣтель, неумѣніе понять и анализировать то, что я уже изучилъ, неумѣніе пойти по вѣрному пути послѣ того, какъ онъ былъ мнѣ показанъ, неумѣніе исправлять свои ошибки—вотъ причины моего огорченія."

Квонгъ-хо заявилъ, что, хотя его отступленіе отъ пути добродѣтели замѣтно самому близорукому глазу, все же онъ находится въ тупикѣ, ибо онъ послѣдовалъ принципамъ европейской вѣжливости: привѣтствіе путемъ шляпы и другія были изложены ему его просвѣщеннымъ учителемъ.

Бальтазаръ отвѣтилъ ему ласково, по-прежнему по-китайски.

— О, непонятливая юность! Развѣ не написано въ Шу-Кингѣ: „При занятіяхъ умъ долженъ быть скромнымъ, и прилежаніе не должно ослабѣвать. Только тогда можетъ быть успѣхъ. Если всѣ мысли человѣка, отъ первой до послѣдней, направлены къ знанію, его развитіе будетъ совершаться незамѣтно."

— Я знакомъ съ этими истинами, сказалъ Квонгъ-хо.

— Тогда, голубчикъ, отвѣтилъ Бальтазаръ, переходя на англійскій языкъ,—какого же чорта ты не примѣняешь ихъ на дѣлѣ? Я опредѣленно запретилъ тебѣ имѣть общеніе съ окружающими насъ людьми. Ты не долженъ разговаривать съ ними ни о себѣ ни обо мнѣ. Ты не долженъ слушать, или передавать мнѣ ихъ ерундовскія сплетни. Ты долженъ ѣздить въ Уотеръ Эндъ по дѣламъ—къ несчастью, мы не можемъ питаться воздухомъ, такъ же, какъ и согрѣваться зимой солнечными лучами, но этимъ все и должно ограничиться. Внѣ этого ты долженъ быть глухъ и нѣмъ. Ты долженъ быть лучше трехъ обезьянъ Японіи, которыя, держа руки передъ глазами, передъ ушами и передъ ртомъ, обозначаютъ: „Я не вижу зла, я не говорю зла, я не слышу зла." Въ твоемъ случаѣ надо толковать такимъ образомъ: „Я ничего не вижу, я ничего не слышу, я ничего не говорю."

— Въ будущемъ, сказалъ Квонгъ-хо,—мои глаза будутъ завязаны, мои уши заткнуты, мой ротъ замкнутъ.

— Если вы еще разъ приметесь обсуждать грозу, бывшую на прошлой недѣлѣ, или будете привѣтствовать прекрасныхъ дамъ, мнѣ придется съ большимъ сожалѣніемъ отправить васъ прямо въ Китай.

Немигающій взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ Бальтазара и упрямо сжатыя губы—признаки, хорошо изученные Квонгъ-хо, имѣвшимъ съ нимъ дѣло въ теченіе восьми лѣтъ, заставили послѣдняго затрепетать. Онъ былъ связанъ клятвой служить Бальтазару, а, кромѣ того, возвращеніе безъ окончанія спеціальнаго образованія, долженствовавшаго предоставить ему высокое положеніе въ новомъ Китаѣ, было бы

смертельнымъ ударомъ его честолюбію. Поэтому Квонгъ-хо принялъ къ свѣдѣнію принципъ „скромнаго ума" и рѣшилъ превзойти священныхъ обезьянъ Японіи.

Послѣ этого, въ первое время своего переселенія, господинъ и слуга часто вели разговоры о сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, какъ они были предписаны первымъ. Три года, говорилъ Бальтазаръ, которые они должны были провести въ дикомъ уединеніи, предназначались для умерщвленія плоти, воспитанія ума и развитія добродѣтелей. Онъ иллюстрировалъ свои доказательства безчисленными ссылками на китайскихъ классиковъ.

— Такимъ образомъ, Квонгъ-хо, говорилъ онъ,—вы пьете изъ пяти источниковъ счастья. А именно: изъ источника долгой жизни, такъ какъ здѣсь, на чистомъ воздухѣ, вы пріобрѣтаете здоровье. Изъ источника богатства: богатство будетъ вашимъ, независимо отъ того, въ который изъ университетовъ новаго Китая вы поступите, какъ профессоръ математики. Изъ источника нетронутости тѣла и чистоты ума. Римляне придали этой идеѣ форму эпиграммы: mens sana in corpore sana. Что можетъ дать больше чистоты уму, какъ не уединенность, свободная отъ матеріальныхъ заботъ. Изъ источника любви къ добродѣтели: въ нашемъ распоряженіи каждая минута для пріобрѣтенія ея. Изъ источника воли: развѣ не воля послала насъ сюда?

— Внѣ всякаго сомнѣнія, сказалъ Квонгъ-хо.

— Слушайте дальше, сказалъ Бальтазаръ,—о шести злахъ. Несчастье, укорачивающее жизнь: отъ этого не можетъ уберечься никто, но никто такъ не застрахованъ отъ него, какъ мы. Болѣзнь: но я имѣю ящикъ съ лекарствами, а, въ худшемъ случаѣ, въ Уотеръ Эндѣ есть докторъ. Безпокойство ума: если нашъ умъ въ этой идеальной обстановкѣ можетъ быть безпокоенъ, мы не заслуживаемъ названія философовъ. Бѣдность: у меня большое состояніе. Соблазнъ: мы, ищущіе правды, добровольно поставили себя внѣ соблазна. Слабость: вотъ что, Квонгъ-хо, представляетъ единственную опасность. Вы должны быть на стражѣ денно и нощно, особенно въ тѣ дни, когда необходимость заставляетъ васъ подвергаться многочисленнымъ искушеніямъ этого микрокосма Вавилона, Пекина и Санъ-Франциско, извѣстнаго подъ именемъ Уотеръ Энда.

Такимъ образомъ, случилось, что, когда вѣсти, интересныя съ міровой точки зрѣнія, достигли Уотеръ Энда, и весь городъ былъ полонъ слуховъ и толковъ, Квонгъ-хо, точный исполнитель закона, слушалъ, не слушая, и, не разспрашивая, возвращался на ферму Спендэль, стеревъ изъ памяти съ чисто восточнымъ искусствомъ впечатлѣніе настолько полно, что не было никакой вѣроятности передачи имъ хозяину извѣстій о внѣшнемъ мірѣ.

Постепенно Квонгъ-хо потерялъ престижъ въ Уотеръ Эндѣ. Еженедѣльное посѣщенiе имъ города, съ сѣрой кобылой и телѣжкой, стало столь же обычнымъ явленiемъ, какъ и воскресная проповѣдь викарiя или субботнiя пирушки и проводы домой Джэка Бонниторна, перваго алкоголика во всей равнинѣ.

Но о Бальтазарѣ, котораго видѣли всего одинъ разъ, слагались легенды. Онъ былъ сумасшедшiй. Онъ былъ колдунъ. Онъ былъ развратникъ, хотя вопросъ: откуда являлись женщины—былъ неразрѣшимъ. Онъ былъ основатель новой секты съ единственнымъ обращеннымъ. Теорiя объ его слабоумiи, выдвинутая фермерами, заслужила наибольшее одобренiе. Потомъ кто-то пустилъ слухъ, что онъ былъ германскiй шпiонъ. Наиболѣе храбрые въ городѣ строили планъ отправиться къ нему глубокой ночью и захватить его на мѣстѣ преступленiя, но насмѣшки полицейскаго сержанта Деблъдэя, спросившаго, какiя свѣдѣнiя, полезныя врагу, за исключенiемъ цыфровыхъ данныхъ о количествѣ вереска на квадратный акръ, могъ дать человѣкъ, живущiй въ самомъ уединенномъ мѣстѣ Англiи, укротилъ ихъ предпрiимчивость. Ихъ пылъ былъ умѣренъ проливнымъ дождемъ, значительно уменьшившимъ прелесть шестнадцатимильной прогулки. Взошедшее солнце разсѣяло ихъ подозрѣнiя, а вскорѣ большинство, одѣтое въ форму, оказалось въ мѣстахъ, весьма удаленныхъ отъ Уотеръ Энда.

Однажды сержантъ Деблъдэй перехватилъ Квонгъ-хо, выходящаго изъ банка, и сообщилъ ему, что онъ долженъ зарегистрироваться, какъ чужестранецъ, согласно вновь изданному закону. Квонгъ-хо безпрекословно пошелъ съ сержантомъ въ участокъ и выполнилъ всѣ формальности. Полное имя: Ли Квонгъ-хо. Нацiональность: китаецъ. Занятiе: студентъ.

— О! воскликнулъ сержантъ Деблъдэй, широкiй краснолицый человѣкъ съ короткими усами.—Это не годится. Развѣ вы не слуга того самаго господина?

— Это мое временное занятiе, сказалъ Квонгъ-хо.—Пожалуйста, напишите „студентъ“.

— Что вы изучаете?

— Особые отдѣлы западной философiи, отвѣтилъ Квонгъ-хо.

— Чортъ возьми! воскликнулъ заинтересованный Деблъдэй.—Впрочемъ, это не мое дѣло.

И Квонгъ-хо былъ записанъ, какъ студентъ. Онъ былъ единственнымъ иностранцемъ во всей округѣ.

— Это очень интересно, сказалъ викарiй, во время разговора съ Деблъдэемъ.—Китайцы замѣчательная раса. За ихъ прогрессомъ слѣдуетъ слѣдить.

— Боюсь, что это невозможно, сэръ. Недостатокъ людей и большое количество работы весьма помѣшаютъ.

Когда викарій пояснилъ свои слова, сержантъ вытеръ потъ.

—Мой долгъ—интересоваться христіанами, и мнѣ некогда возиться съ язычниками, заявилъ онъ.

— Я убѣжденъ, что и онъ и его хозяинъ—пара безвредныхъ эксцентриковъ, сказалъ викарій.

Слово викарія обошло всю округу, и обитатели фермы Спендэль такъ и сохранили его, насколько оно могло быть произнесено мѣстными жителями, хотя никто не понималъ, что значило это слово.

Когда Квонгъ-хо вернулся домой послѣ встрѣчи съ сержантомъ Дебльдэй, онъ ничего не сказалъ о своей регистраціи. Ему не пришло въ голову показать бумажныя деньги, полученныя, вмѣсто обычнаго золота, въ банкѣ, по предъявленіи чека. Распоряженіе наличными деньгами было предоставлено китайцу, ибо Бальтазаръ вѣрилъ въ его щепетильную честность. Вопросъ о томъ, долженъ ли онъ, несмотря на полученное приказаніе, освѣдомить Бальтазара о признакахъ національнаго волненія, подмѣченныхъ имъ въ Уотеръ Эндѣ, время отъ времени мучилъ Квонгъ-хо. Онъ вспоминалъ изреченіе: „Отступленіе передъ своимъ долгомъ, когда онъ ясенъ, указываетъ на отсутствіе моральной храбрости.“ Въ чемъ былъ его долгъ? Съ другой стороны, ему была знакома и такая истина: „Жертва, приносимая невѣдомому духу, есть рабство.“ Какое ему дѣло до часто англійскаго воинствующаго духа? Онъ вовсе не обязанъ принести ему въ жертву сыновнее чувство. Поэтому Квонгъ-хо не передавалъ слуховъ и продолжалъ съ чистой совѣстью исполнять свои обязанности.

Джонъ Бальтазаръ, погибшій для говорившаго по-англійски міра болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, не переписывался ни съ кѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ книгопродавцевъ. Онъ не получалъ ни газетъ ни журналовъ, онъ имѣлъ дѣло только съ Квонгъ-хо, уста котораго были замкнуты. Онъ какъ бы построилъ непреодолимую преграду, черезъ которую не могли проникнуть свѣдѣнія о современныхъ событіяхъ.

Однажды весной, вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Китая, придя къ одному изъ рѣшеній, отмѣчавшихъ переломы въ его жизни, Бальтазаръ сказалъ китайцу:

— Я поклялся духами моихъ предковъ прожить три года въ уединеніи, не общаясь ни съ кѣмъ, отрѣзавъ себя отъ внѣшняго міра. Причину я вамъ открою современемъ, если только вы честно выполните контрактъ, который я намѣренъ съ вами заключить. Если вы не согласитесь связать себя—а вы можете это сдѣлать, такъ какъ вы свободны,—я оплачу вашъ проѣздъ обратно въ Китай и дамъ вамъ вѣкс-

торую сумму, достаточную для того, чтобы начать какое-либо дѣло. Вы были моимъ слугой и ученикомъ въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ...

— А вы спасли ничтожнаго сироту отъ смерти въ рукахъ жестокаго отца, возразилъ Квонгъ-хо (разговоръ шелъ на его родномъ языкѣ):—вы обучили меня англійскому языку и философіи, какъ восточной, такъ и западной; вы для меня—отецъ, которому я обязанъ быть вѣрнымъ и преданнымъ сыномъ.

— Хорошо сказано, Квонгъ-хо, отвѣтилъ Бальтазаръ.—Мнѣ нравится, какъ вы выражаете вѣрность.

Мѣстомъ этого памятнаго разговора была маленькая комната въ верхнемъ этажѣ отеля „Савой". Бальтазаръ сидѣлъ въ постели, съ глазами, налитыми кровью, со страшной головной болью. Квонгъ-хо, въ національномъ костюмѣ, стоялъ передъ нимъ.

— Небо не благословило меня сыновьями, а потому вы будете для меня, какъ родной. Пусть это будетъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Можетъ наступить время, когда черезчуръ большая привязанность окажется стѣснительной.

И они заключили контрактъ. За абсолютное повиновеніе и согласіе подвергнуться заключенію на три года, Бальтазаръ, который разгадалъ геніальность юноши, обязался послать Квонгъ-хо въ Китай, какъ законченнаго математика, получившаго ученую степень, если возможно, въ одномъ изъ англійскихъ университетовъ, чтобы дать ему, такимъ образомъ, возможность занять выдающееся положеніе въ новомъ Китаѣ, будущее котораго было часто предметомъ ихъ обсужденій. Квонгъ-хо поклялся въ вѣрности и, со свойственнымъ китайцамъ упорствомъ въ достиженіи цѣли, подчинился черезъ нѣсколько недѣль монотонной и скучной жизни на равнинѣ, какъ неизбѣжному злу.

Увѣренный въ непоколебимой вѣрности Квонгъ-хо и въ ненарушимости уединенія своего отшельничества, Джонъ Бальтазаръ жилъ, какъ ему хотѣлось. Ни одна волна могучаго потока, охватившаго весь міръ, не достигала подножія гранитной стѣны, окружавшей домъ фермы. Уединеніе было абсолютнымъ.

Шесть мѣсяцевъ прошло, и онъ не видѣлъ никого, кромѣ Квонгъ-хо. Правда, сборщикъ налоговъ, проклиная свою судьбу и гибельную для велосипеда дорогу, появился однажды съ бумагой о задолженности, но Квонгъ-хо принялъ его и, пообѣщавъ чекъ для уплаты, выпроводилъ пришельца. Больше никто не появлялся на фермѣ. Квонгъ-хо еженедѣльно посѣщалъ почту и станцію, къ большому удовольствію почтальона и посыльнаго.

— Мысли и деньги, правильно употребляемыя, замѣтилъ Бальтазаръ,—и свобода отъ семейныхъ узъ—главные факторы человѣче-

скаго счастья. Имѣя ихъ въ своемъ распоряженіи, человѣкъ окажется дуракомъ, если не сумѣетъ создать себѣ жизнь по своему вкусу.

Но однажды, въ безоблачное зимнее утро, когда солнце, цѣлуя скованную морозомъ землю, превращало покрытую верескомъ равнину въ долину бриллiантовъ, Бальтазаръ, направляясь къ конюшнѣ, наткнулся на незнакомца, прислонившагося къ калиткѣ. Это былъ толстый человѣкъ, съ гладко выбритымъ лицомъ, пухлыми губами и бѣгающими по сторонамъ глазками. На немъ былъ новый костюмъ, излишне модный и яркій.

Онъ сказалъ съ увѣренной фамильярностью:

— Доброе утро, мистеръ Бальтазаръ.

— Такъ какъ вы знаете мое имя, сказалъ вѣжливо Бальтазаръ, —вамъ, безъ сомнѣнія, приходило въ голову, что это моя калитка.

— Конечно.

— Вы облокотились на нее, сказалъ Бальтазаръ.

Гость, изумленный, выпрямился.

— Знаете, я вашъ сосѣдъ. Я живу въ семи миляхъ, въ большомъ имѣніи по эту сторону Уотеръ Энда. Мнѣ часто приходило въ голову доѣхать въ автомобилѣ, пройти остальное разстояніе пѣшкомъ и посмотрѣть, какъ вы поживаете.

— Очень мило съ вашей стороны, сказалъ Бальтазаръ, подходя къ калиткѣ и берясь за нее съ видомъ собственника.—Вы доѣхали, вы прошли, и теперь вы видите.

Подъ насмѣшливымъ взглядомъ Бальтазара, рѣсницы незнакомца смущенно затрепетали.

— Я думалъ, что вы чувствуете себя одинокимъ, и не отказались бы заглянуть когда-нибудь ко мнѣ сыграть въ бриджъ. Моя фамилія Пилливантъ.

— Пилливантъ, сказалъ Бальтазаръ:—она мнѣ не очень нравится, но, конечно, бываютъ хуже.

— Быть можетъ, вы слышали ее. Пилливантъ и Ко, лѣсопромышленники. Мы недавно выступили на борьбу.

— Я предполагаю, по вашей личной инниціативѣ, сказалъ Бальтазаръ.

— Я не отрицаю этого, отвѣтилъ Пилливантъ.—Когда правительственные контракты проваливаются, почему не взяться за нихъ?

— Конечно. Почему тратить время на что-либо другое, а не на нихъ?

Пилливантъ вынулъ изъ внутренняго кармана толстый золотой портсигаръ и протянулъ, открывъ его, негостепріимному хозяину.

— Возьмите, пожалуйста. Не бойтесь! Онѣ обходятся мнѣ 250 шиллинговъ сотня. Не хотите?

Бальтазаръ вѣжливо отказался.

— Вы лишаете себя большого удовольствія!

Онъ откусилъ кончикъ выбранной сигары, зажегъ ее золотой зажигалкой и выпустилъ нѣсколько клубовъ дыма.

— Забавную жизнь вы ведете, мистеръ Бальтазаръ. Чертовски забавную!

— Я вижу, что вы обладаете тонкимъ юморомъ, сказалъ Бальтазаръ.

Насмѣшливый взглядъ его холодныхъ сѣрыхъ глазъ смутилъ нежеланнаго гостя, заполнившаго послѣдовавшее молчаніе новымъ откусываніемъ и зажиганіемъ своей сигары. Покончивъ эту операцію:

— Прекрасный день, не правда ли?

— Настолько прекрасный, мистеръ Пилливантъ, возразилъ Бальтазаръ,—что съ моей стороны было бы эгоистично мѣшать вамъ имъ наслаждаться.

Съ вѣжливымъ поклономъ, онъ оставилъ Пилливанта и отправился въ домъ. Пилливантъ, понявъ, наконецъ, что его попытка завязать дружескія отношенія была отвергнута, посмотрѣлъ ему вслѣдъ, а затѣмъ, сунувъ сигару подъ прямымъ угломъ въ ротъ, ушелъ обратно черезъ равнину.

— Квонгъ-хо, сказалъ Бальтазаръ:—когда въ слѣдующій разъ вы отправитесь въ Уотеръ Эндъ, достаньте злую и сильную собаку.

Черезъ недѣлю Брутъ вступилъ въ число членовъ колоніи.

Глава IV.

Жизнь, созданная Джономъ Бальтазаромъ для себя и для Квонгъ-хо, заключалась въ непрестанномъ умственномъ и физическомъ трудѣ. Съ момента пробужденія, въ 6 часовъ, когда Квонгъ-хо подавалъ ему чай (нѣсколько ящиковъ котораго онъ привезъ съ собой изъ Китая), до полуночи, онъ почти не бывалъ празднымъ, если не считать послѣобѣденнаго часа литературнаго отдыха. Работу по дому, работу дворецкаго, лакея, повара, горничной, поденщицы, прачки, а также работу конюха, скотника и привратника исполнялъ Квонгъ-хо, съ легкостью и ловкостью китайца, съ дѣтства пріученнаго къ домашней работѣ. Обработку пустыни, перевозку земли для грядъ, поливку и осушеніе исполнялъ самъ Джонъ Бальтазаръ. Тяжелый физическій трудъ въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ поддерживалъ его великолѣпное здоровье, дававшее ему возможность выполнить намѣченную программу занятій. Изъ 18 часовъ бодрствованія онъ посвящалъ семь часовъ физическому, а 11 умственному труду. Для Квонгъ-хо это распредѣленіе времени было измѣнено: 11 часовъ для физическаго труда и 7 для учебныхъ заня-

тій. Но это было только въ теоріи: на самомъ же дѣлѣ, Квонгъ-хо болѣе семи часовъ посвящалъ изученію математики и своему развитію.

Бальтазаръ намѣтилъ многое, что онъ долженъ былъ сдѣлать за три года. Прежде всего, онъ долженъ былъ возмѣстить все потерянное въ математикѣ за время своего скитанія по Китаю. Весь міръ понимаетъ непреодолимую силу, заставляющую поэта облекать свои мечты въ форму; міръ сознаетъ необходимость для астронома кристаллизировать сдѣланныя имъ открытія и формулировать теоріи; но страсть къ математикѣ не такъ легко можетъ быть понята. Цѣлые годы Бальтазаръ мечталъ составить монументальный трактатъ о теоріи группъ, долженствовавшій произвести революцію въ изученіи высшей математики. Это была мечта, одно упоминаніе о которой должно было терроризировать обыкновеннаго смертнаго, а первая попытка разъяснить ее ему должна была указать на полнѣйшую невозможность ея воспріятія. Мечта эта была на пути къ осуществленію. Кромѣ того, онъ занимался аналитической геометріей. Въ эту работу онъ вкладывалъ энтузіазмъ поэта и астронома. Затѣмъ онъ тратилъ массу энергіи на другую работу. Во время пребыванія въ Китаѣ, онъ усвоилъ философскія ученія, пользуясь которыми, онъ намѣревался дать новое объясненіе многимъ европейскимъ толкованіямъ китайскихъ классиковъ, неправильно понятымъ, вслѣдствіе недостаточной и ошибочной эрудиціи. Онъ привезъ изъ Китая массу рѣдкихъ рукописей, кучу замѣтокъ—матеріалъ достаточный, чтобы заполнить всю жизнь ученаго. А затѣмъ онъ принялся съ большимъ усердіемъ за умственную тренировку Квонгъ-хо.

Взаимныя отношенія этой пары, жившей въ уединеніи, были очень тонки. Какъ хозяинъ и слуга, они были раздѣлены массой условностей; какъ учитель и ученикъ, они были чрезвычайно близки другъ другу. Необычайный тактъ китайца облегчалъ положеніе для прямого и властолюбиваго англичанина. Исполняя обязанности слуги, онъ строго соблюдалъ декорумъ—ни одинъ дворецкій при герцогскомъ дворѣ не могъ превзойти его въ совершенствѣ манеръ. Какъ ученикъ, онъ поднимался до уровня соціальнаго равенства.

— Квонгъ-хо, сказалъ однажды Бальтазаръ за обѣдомъ, когда китаецъ продѣлалъ обычную комедію, предлагая бургундское.—Ваша скромность дороже рубиновъ. Вы ни разу не позволили себѣ заговорить о нелѣпости этой церемоніи. Я думаю, что въ душѣ вы не разъ удивлялись?

— Я не достоинъ размышлять о причинахъ вашихъ почтенныхъ привычекъ, сказалъ Квонгъ-хо.

— Однако, какъ вы думаете, для чего я заставляю предлагать себѣ вино и неизмѣнно отъ него отказываюсь?

— Я думаю, что вы хотите въ этомъ уединенномъ мѣстѣ поддержать церемонный этикетъ англійскаго обѣда. Вино въ бутылкѣ такое же украшеніе, какъ и цвѣты въ бокалѣ.

— Ваше предположеніе мнѣ нравится, сказалъ Бальтазаръ.

Церемонія съ виномъ была связана съ причинами, вызвавшими его бѣгство въ пустыню. Онъ обѣщалъ Квонгъ-хо открыть эту причину, но исполнить это обѣщаніе было очень трудно. Сидя въ растерзанномъ видѣ на кровати въ верхнемъ этажѣ отеля ,,Савой", онъ рѣшилъ, что признаніе явится частью искупленія. Позднѣе онъ раскаялся, въ особенности, когда увидѣлъ полное равнодушіе Квонгъ-хо. Все же обѣщаніе осталось обѣщаніемъ, и не въ характерѣ Бальтазара было отступать передъ обязательствами. На этотъ разъ онъ рѣшилъ покончить съ этимъ дѣломъ.

— Это заключеніе дѣлаетъ вамъ честь, Квонгъ-хо, продолжалъ онъ,—но оно невѣрно.

— Сознаюсь, сэръ, возразилъ Квонгъ-хо,—что оно выведено изъ гадательныхъ посылокъ.

— Излишество въ употребленіи вина заставило меня наказать себя путемъ трехгодичнаго уединенія, сказалъ Бальтазаръ по-китайски.—Разсказывая вамъ объ этомъ, я исполняю обѣщаніе. Что же касается продѣлываемой нами церемоніи, слабый человѣкъ бѣжитъ отъ искушенія, сильный подвергаетъ себя искушенію, чтобы преодолѣть его.

— Такимъ образомъ, высокочтимый учитель, мы становимся добродѣтельными.

Квонгъ-хо убралъ пустую тарелку и ушелъ въ кухню за слѣдующимъ блюдомъ. Бальтазаръ откинулся на спинку стула и, хотя брови его были нахмурены, облегченно вздохнулъ.

— Наконецъ-то я освободился, сказалъ онъ.—Было ли это глупо съ моей стороны?

Послѣдующее поведеніе Квонгъ-хо не разъяснило ему этого. Разговоръ объ этомъ возобновился еще только одинъ разъ, при особыхъ обстоятельствахъ, и изо дня въ день Квонгъ-хо невозмутимо выполнялъ съ бутылкой бургундскаго этикетъ англійскаго обѣда.

Только такія случайности заставляли его обнажать свою душу передъ посторонними—въ этомъ случаѣ передъ Квонгъ-хо и еще раньше передъ Марсель. Обоимъ онъ далъ только на минуту заглянуть въ подлинное существо своей натуры. Ни тому ни другой онъ не далъ понять, что въ этотъ моментъ онъ находился на грани, по одну сторону которой была пропасть, а по другую — спасеніе. Вторичное прикосновеніе къ губамъ дѣвушки заставило бы ихъ обоихъ покатиться въ пропасть, съ точки зрѣнія честнаго человѣка. Если бы она была старше, была женщиной, готовой встрѣтить жизнь, онъ рискнулъ

бы. Кто знаетъ? Его прямой умъ не былъ способенъ на казуистическія ухищренія. Онъ смотрѣлъ на вещи прямо. Она была такъ свѣжа и благоухающа въ своемъ дѣвичествѣ. Онъ могъ сорвать этотъ цвѣтокъ...Когда онъ вернулся въ колледжъ, демоны разрывали его на части. Любилъ ли онъ ее? Онъ готовъ былъ позволить разорвать себя на части, чтобы ножки ея не были поранены камнями. Эта дѣвушка, это чудо изъ чудесъ, обладала властью угадывать всѣ его сокровенныя мысли, исцѣлять раны его души однимъ прикосновеніемъ своихъ волшебныхъ пальцевъ, обволакивать его тѣло и душу сѣтью тончайшихъ, нѣжнѣйшихъ узъ. Любилъ ли онъ ее? Видитъ Богъ, любилъ!

Но она была ребенокъ—ребенокъ можетъ забыть, а въ худшемъ случаѣ, сохранить не плохое воспоминаніе. А онъ былъ человѣкъ, готовый совершить величайшую подлость. Онъ стоялъ въ своемъ кабинетѣ въ колледжѣ, окруженный тѣмъ, что символизировало для него интеллектуальную жизнь, бывшую для него всѣмъ, и оглянулся вокругъ.

— Все полетитъ къ чорту! сказалъ онъ.

Въ этотъ моментъ онъ разрубилъ Гордіевъ узелъ.

Его жена? Она ненавидѣла его. Почему? Онъ не зналъ, но она никогда не пропускала случая подчеркнуть свою ненависть. Онъ старался заслужить ея уваженіе, не разъ принося въ жертву свою гордость. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло послѣ послѣдней жалкой попытки примиренія...Почему онъ женился на ней? Его предупреждали. Быть можетъ, именно это предупрежденіе и побудило его. Она была такъ нѣжна и хрупка, такъ трогательна въ своемъ вдовствѣ. Рыцарское чувство, физическое влеченіе—и все было сдѣлано. Она, вдова флегматичнаго профессора, живя въ Кэмбриджѣ, была, быть можетъ, увлечена славой, окружавшей Бальтазара въ узкомъ профессорскомъ кругу.

— Я хочу, чтобы вы умерли, были послѣднія слова, произнесенныя ею. Онъ сжалъ пальцы. Пусть исполнится ея желаніе.

Бальтазаръ уложилъ самое необходимое въ саквояжъ, сказалъ слугѣ, что ѣдетъ въ Лондонъ на нѣсколько дней по дѣламъ, и покинулъ навсегда Кэмбриджъ. Черезъ мѣсяцъ онъ ѣхалъ подъ чужой фамиліей въ Китай.

Это былъ, быть можетъ, безумный поступокъ, но развѣ не назвалъ его одинъ хорошо знавшій его человѣкъ геніальнымъ безумцемъ? Онъ имѣлъ мужество сломать свою жизнь. Жизнь Джона Бальтазара въ Кэмбриджѣ и жизнь Джемса Бердена, который, высадившись въ Шанхаѣ, провелъ въ Китаѣ много богатыхъ приключеніями лѣтъ, могла быть прожита двумя индивидуумами, никогда не слышавшими другъ о другѣ. Исчезновеніе изъ Англіи было первымъ порывомъ, послѣдствіемъ первой вспышки. Первой, которая имѣла значеніе.

Но, кромѣ этой, были другія. Ему вспомнилась одна изъ нихъ въ то время, какъ онъ спрашивалъ себя, было ли идіотствомъ признаваться Квонгъ-хо. Она имѣла отношеніе къ предмету признанія. Это случилось во время послѣдняго семестра его студенчества, когда онъ былъ увѣренъ въ своемъ первенствѣ, какъ кардиналъ въ своемъ богословскомъ превосходствѣ надъ сельскими священниками. Бальтазаръ пошелъ въ то время по плохой дорогѣ. Клевета, которую Марсель съ жаромъ опровергала въ разговорѣ съ Годфреемъ Бальтазаромъ, имѣла нѣкоторое основаніе. Онъ познать чары алкогольнаго дурмана и съ жаромъ отдался имъ. Тогда нѣкто Спунеръ, слѣдующій по успѣхамъ, жившій на стипендію, блѣдный и мягкій человѣкъ, не обладавшій физической силой, презираемый Бальтазаромъ, имѣлъ дерзость посѣтить его и упрекать его за его излишества. Бальтазаръ слушалъ, не вѣря своимъ ушамъ, а Спунеръ продолжалъ.

— У васъ есть полное право на старшинство. Никто изъ насъ не можетъ сравниться съ вами, но, если вы будете продолжать валять дурака, все можетъ случиться.

— Но вѣдь вы лично только выиграете отъ этого, мой дорогой проповѣдникъ, сказалъ Бальтазаръ.

— Повидимому, вы не понимаете, почему я пришелъ, отвѣтилъ Спунеръ. —Я не хочу получать первенство потому, что человѣкъ, стоящій выше меня по уму, сталъ пьянымъ дуракомъ.

Они поговорили другъ съ другомъ, и Бальтазаръ увидѣлъ въ немъ необыкновенно чистую душу. Онъ схватилъ юношу въ очкахъ своими огромными руками за худыя плечи.

— Клянусь, воскликнулъ онъ,—что въ теченіе пяти лѣтъ я не возьму въ ротъ ни капли алкоголя!

Но онъ далъ еще другую клятву, о которой Спунеръ не зналъ. Онъ поклялся, что Спунеръ будетъ первымъ. Онъ сдержалъ оба обѣщанія. Въ послѣдній день испытаній онъ пожертвовалъ собой. Онъ слегка пересолилъ, такъ какъ, къ удивленію всѣхъ заинтересованныхъ, онъ оказался на третьемъ мѣстѣ. Спунеръ получилъ отличіе. Послѣ испытаній Бальтазаръ былъ все же признанъ лучшимъ математикомъ своего выпуска, а съ теченіемъ времени—лучшимъ математикомъ своего поколѣнія.

Такимъ образомъ, объясняется трудность передачи исторіи раннихъ лѣтъ Бальтазара. Вернувшись къ его школьной жизни, можно найти массу проступковъ, за которыми слѣдовали быстрыя и непреклонныя рѣшенія. Чтобы собрать ихъ, понадобится терпѣливое упорство заправскаго біографа. Жизнь его до бѣгства въ пустыню можетъ быть охарактеризована, какъ рядъ вспышекъ.

Внезапное отвращеніе къ Китаю и тоска по политической жизни Англіи заставили его вернуться домой черезъ 18 лѣтъ. Большую часть времени онъ провелъ въ сердцѣ Китая, говоря съ совершенствомъ на многихъ діалектахъ, какъ будто китайскій профессоръ, съ огромной эрудиціей, зная до тонкостей китайскіе обычаи, китаецъ по всему, кромѣ внѣшности, одѣваясь, живя, какъ настоящій китаецъ, обогащаясь, какъ китаецъ, во всѣхъ финансовыхъ операціяхъ. Онъ проникъ въ старый Китай, страну, застывшую въ своей особенной цивилизаціи, имѣвшую,несмотря на господствовавшія въ ней притѣсненія и жестокости, свою прелесть и очарованіе. Подаренная мандарину давно желанная, драгоцѣнная старинная рукопись купила жизнь мальчику Ли Квонгъ-хо, осужденному на смерть за ничтожное оскорбленіе. Передача мальчика ему состоялась въ атмосферѣ высшей утонченности, душистый чай былъ поданъ и выпитъ съ большой церемоніей. Онъ научился любить старый Китай, съ его чувствомъ красоты, его уваженіемъ къ наукѣ, его глубокой этической философіей. Онъ внезапно и рѣшительно покинулъ новый Китай, потрясаемый новыми идеями, предательскій, жаждущій крови, непостоянство котораго могло привести въ отчаяніе.

Въ теченіе 18 лѣтъ онъ жилъ въ глубинѣ Китая, вдали отъ европейской политики. Онъ погрузился въ изученіе этой древней страны и жилъ ея интересами. Не велъ ни съ кѣмъ переписки. Недосягаемый для газетъ, онъ почти забылъ о существованіи Европы. Встрѣчая своихъ соотечественниковъ во время возвращенія на родину, онъ избѣгалъ ихъ отчасти изъ застѣнчивости, отчасти изъ-за отвращенія къ грубости ихъ манеръ, пронзительности ихъ голоса, колоссальному невѣжеству въ знаніи страны, чѣмъ они открыто хвастались, къ узости ихъ взглядовъ и матеріализму ихъ разговора. Онъ держался въ сторонѣ, желая увидѣть въ концѣ своего путешествія настоящую Англію.

Въ Лондонѣ, совершенно одинокій въ этомъ колоссальномъ городѣ, онъ принялся собирать нити жизни кругомъ себя. Онъ ходилъ по знакомымъ, но непривѣтливымъ улицамъ, сначала ошеломленный автомобильнымъ движеніемъ, затѣмъ смущенный роскошью, появившейся за 18 лѣтъ. Онъ посѣтилъ новыя увеселительныя мѣста и ушелъ оттуда, удивляясь. Въ модныхъ ресторанахъ онъ увидѣлъ цвѣтъ страны танцующимъ то, что, какъ ученому, ему было извѣстно подъ именемъ западно-африканскаго сладострастнаго танца. Онъ не могъ понять, что они дѣлали, или пытались дѣлать. Онъ сидѣлъ въ одиночествѣ за столомъ въ одномъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстъ, передъ нимъ стояло заказанное для вида питье, и онъ пытался найти ключъ къ разгадкѣ. Манеры шокировали его. Онъ не учитывалъ, что въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ прожилъ въ странѣ, гдѣ церемоніи стояли на первомъ мѣстѣ, онъ забывалъ все это и вспоминалъ свою молодость. Об-

наженность женщинъ оскорбляла его глаза; во многихъ случаяхъ у нихъ отъ таліи до горла была что-то вродѣ рѣшетки, съ трудомъ прикрывавшей бюстъ.

Быть можетъ, онъ ошибался? Не было ли это скорѣе накипью, а не цвѣтомъ современной Англіи? Однако, онъ слышалъ, какъ за сосѣднимъ столомъ назывались историческія, славныя имена. Тогда онъ задалъ себѣ вопросъ: бывалъ ли онъ въ подобныхъ мѣстахъ 18 лѣтъ тому назадъ? Не были ли они внѣ сферы его узкой академической жизни? Онъ хотѣлъ быть справедливымъ. Когда онъ уѣхалъ изъ Англіи? Въ 1896 году. Его холостая жизнь съ веселыми поѣздками въ Лондонъ окончилась въ 1894 году. Общественная жизнь тогда не имѣла такихъ формъ, иначе онъ слышалъ бы о нихъ. Современная молодежь танцовала не только по вечерамъ, но и днемъ.

Страна была объята женскимъ движеніемъ. Процессіи, массовые митинги, мятежи, порча картинъ, поджоги были проявленіями этого похода. Газеты мало освѣщали философскую сторону движенія; онѣ давали простое перечисленіе фактовъ и сенсаціонныхъ происшествій. Политическая жизнь страны находилась въ хаотическомъ состояніи. Лицъ, стоявшихъ у кормила правленія, открыто обвиняли въ финансовыхъ злоупотребленіяхъ. Парламентъ ссорился съ военными властями изъ-за Ирландіи. Рабочій классъ угрожалъ. Въ воздухѣ носились гибельныя идеи, вродѣ синдикализма. Непонятная критика картинъ заставила его направить свои стопы въ указанныя галлереи, гдѣ онъ наткнулся на полотна, при видѣ которыхъ онъ почувствовалъ головокруженіе. Онъ какъ будто проснулся въ обезумѣвшемъ мірѣ, превзошедшемъ Китай своимъ непостоянствомъ.

Одинокій ученый не сочувствовалъ этому. Онъ намѣревался дать себѣ мѣсячный отдыхъ въ Лондонѣ, прежде чѣмъ устроиться на нѣсколько лѣтъ въ спокойномъ удобномъ предмѣстьѣ, чтобы закончить работы, матеріалы для которыхъ онъ привезъ изъ Китая. Онъ собирался порывать сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Онъ собирался, по устраненіи осложненій, возникшихъ вслѣдствіе вымышленнаго имени, заявить открыто, что онъ не кто иной, какъ Джонъ Бальтазаръ. Однако, прежде всего онъ долженъ былъ знать, что случилось съ его женой; онъ не хотѣлъ играть роль безтактнаго Эноха Арденъ.

Первымъ его шагомъ по прибытіи въ Лондонъ было наведеніе справокъ черезъ нотаріальную контору о судьбѣ жены. Онъ узналъ, что жена его умерла 13 лѣтъ тому назадъ. Онъ могъ свободно стать Джономъ Бальтазаромъ въ любую минуту. Но въ Лондонѣ онъ становился Джемсомъ Берденомъ—разочарованный и ошеломленный зритель современнаго общества.

Какъ случилась эта катастрофа? Вспоминая ее въ своемъ уединеніи съ дрожью отвращенія, онъ не могъ найти отвѣта. Только одинъ разъ, послѣ разговора со Спуперомъ, онъ уступилъ старому влеченію. Это было по дорогѣ въ Шанхай. Внѣшніе факторы, въ видѣ внезапной бури и морской болѣзни, вылѣчили его, и онъ поклялся въ полномъ воздержаніи на время своего пребыванія въ Китаѣ. Онъ сдержалъ эту клятву. Быть можетъ, въ Лондонѣ непривычное бездѣлье и одиночество постепенно и незамѣтно заставили его искать утѣшенія въ алкоголѣ. Количество выпиваемаго ежедневно увеличивалось. Послѣ кварты бургундскаго за обѣдомъ онъ видѣлъ Лондонъ въ розовомъ свѣтѣ. Пребываніе въ биткомъ набитомъ кафе стало его постояннымъ развлеченіемъ, а постоянное поглощеніе Брэнди и соды дѣлали его снисходительнѣе. Онъ далъ себѣ мѣсячный отдыхъ и намѣревался его использовать, хотя обстановка и не была благопріятна. Время отъ времени онъ завязывалъ случайныя знакомства въ этихъ увеселительныхъ мѣстахъ. Онъ имѣлъ даръ вызывать своихъ собесѣдниковъ на умный и интересный разговоръ. Въ такихъ случаяхъ онъ пилъ меньше.

Но въ одну одинокую ночь онъ впервые почувствовалъ себя пьянымъ. Это вызвало въ немъ чувство гнѣва. Въ глазахъ его потемнѣло. Онъ заказалъ двойную порцію ликера, увѣренный, что это поставитъ его на ноги. Что случилось дальше, онъ плохо помнилъ. Въ оживленной улицѣ кто-то схватилъ его, и, обозленный этимъ нападеніемъ, онъ развернулся и ударилъ. Въ довершеніе всего, полицейскій обошелся съ нимъ грубо, на что онъ отвѣтилъ также грубостью. Затѣмъ— быстрая смѣна свѣта, темноты, снова свѣта, незнакомыя лица и, наконецъ, темнота полная и абсолютная, пока онъ не проснулся и не увидѣлъ себя трезвымъ и дрожащимъ отъ холода въ полицейской камерѣ. Черезъ нѣсколько часовъ Джемсъ Берденъ, лицо безъ опредѣленныхъ занятій, проживающій въ отелѣ „Савой", былъ оштрафованъ на 40 шиллинговъ, съ замѣной мѣсячнымъ арестомъ за дебошъ, устроенный въ пьяномъ видѣ въ Лейстеръ Скверѣ.

Если бы это было красивое безуміе, царственный кутежъ, оргія розъ, вина, смѣха, пѣсенъ и пульсирующей жизни, сладкой опасности съ вѣнкомъ изъ виноградныхъ листьевъ на челѣ—онъ могъ бы себя до извѣстной степени извинить. Онъ не давалъ обѣта, а потому не имѣлъ причины отказывать себѣ въ радостяхъ жизни. Онъ былъ человѣкъ горячей крови, жаждавшій и имѣвшій право получать физическія удовольствія. Но этотъ грязный скандалъ, съ вульгарнымъ, унизительнымъ концомъ, наполнялъ его отвращеніемъ, доводившимъ его до безумія. Его душа съеживалась отъ позора.

И это могло случиться съ нимъ, Джономъ Бальтазаромъ, имѣвшимъ за собой 50 лѣтъ безпорочной жизни, получавшимъ лучшіе от-

зывы за способности и поведеніе съ ранняго дѣтства въ школѣ, въ университетѣ, какъ съ неизвѣстнымъ и подозрительнымъ иностранцемъ, въ чужой странѣ! Это казалось безобразнымъ сномъ, тѣнью...

Тогда Бальтазаръ снова разрубилъ Гордіевъ узелъ. Онъ удалился отъ міра, ибо онъ проявилъ себя неспособнымъ вести порядочную жизнь, тѣмъ болѣе, что міръ показался ему непонятнымъ и непривлекательнымъ. Сидя въ кровати, онъ сообщилъ Квонгъ-хо о своемъ рѣшеніи. Какъ только онъ стряхнетъ съ себя кошмаръ этой ужасной ночи, онъ навсегда покинетъ отель „Савой" и покрытое безчестьемъ имя Джемса Бердена и возьметъ на ночь комнату въ другомъ отелѣ, уже какъ Джонъ Бальтазаръ. На слѣдующій день онъ пустился въ поиски уединенія. Онъ вспомнилъ о пустынной равнинѣ, гдѣ онъ былъ во время прогулки въ дни своего студенчества.

— Можетъ случиться, Квонгъ-хо, сказалъ онъ,—что это мѣсто застроено кинематографами, и тамъ танцуютъ танго. Все могло случиться въ Англіи за 20 лѣтъ. Мы поѣдемъ и посмотримъ.

— Я не знакомъ съ этимъ танцемъ, сэръ, отвѣтилъ Квонгъ-хо.—Но я посѣтилъ кинематографъ за двухнедѣльное пребываніе въ вашей чудесной странѣ, и мнѣ кажется, что, если дать ему должное направленіе—это лучшее орудіе для пропаганды цивилизаціи, которое когда-либо существовало.

— Квонгъ-хо, сказалъ Бальтазаръ:—въ нашъ договоръ не входитъ проявлять интересъ къ пропагандѣ цивилизаціи. Вы не будете тратить время на безплодныя, глупыя, хоть и занимательныя развлеченія въ теченіе трехъ лѣтъ. Если мѣсто, о которомъ я говорю, окажется неподходящимъ, мы найдемъ другое.

Черезъ нѣкоторое время онъ добавилъ извиняющимся тономъ—онъ одѣвался, а Квонгъ-хо укладывался:

— Мнѣ очень жаль, что я долженъ сократить время вашего пребыванія въ Лондонѣ. Я очень хотѣлъ, чтобы вы получили общее понятіе объ этомъ городѣ.

— Сэръ, сказалъ Квонгъ-хо:—не желая хвастаться, могу сказать, что я вполнѣ ознакомился съ Лондономъ. Я могу съ завязанными глазами найти дорогу въ Тоуэръ, парламентъ, Фульхамъ, на Сѣверную Дорогу и въ музей мадамъ Тюссо—незыблемый объективный памятникъ исторіи вашей почтенной націи.

— Всѣ указанные пункты, Квонгъ-хо, сказалъ Бальтазаръ,—очень важны, за исключеніемъ Фульхама и Сѣверной Дороги. Какой интересъ вы могли найти въ этихъ мѣстахъ?

Улыбающееся и подвижное лицо Квонгъ-хо превратилось въ безжизненную маску.

— Они были концомъ моего путешествія въ этомъ направленіи, отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ думается, сказалъ Бальтазаръ,—что пришло время предпринять вамъ путешествіе въ лучшую и болѣе интеллектуальную атмосферу.

Черезъ три недѣли они поселились на фермѣ Спендэль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Заклятіе о Русской землѣ.

Максимиліана Волошина.

Сорокъ день опостясь,
Пойду, перекрестясь,
Изъ дверей въ двери,
Изъ воротъ въ ворота—
Во чисто поле на бѣлъ-горючъ камень.

Стану я на востокъ лицомъ,
На западъ хребтомъ,
Оглянусь на всѣ четыре стороны:
На семь морей, на два океана,
На семьдесятъ семь племенъ,
На тридцать три царства,
На всю землю Святорусскую.
Не слыхать людей,
Не видать церквей,
Ни бѣлыхъ монастырей,
Ни крестовъ, ни дворцовъ,
Ни дворовъ, ни хлѣбовъ:
Лежитъ Русь
Разоренная, кровавленная, спаленная.

По всему полю дикому, великому
Кости бѣлыя,
Кости сухія, пустыя.
Мертвыя, желтыя,
Саблей сѣчены,
Пулей мѣчены,
Коньми топтаны.

Ходитъ по полю желѣзный Мужъ,
Бьетъ по костямъ
Желѣзнымъ жезломъ:
„Съ четырехъ сторонъ, съ четырехъ вѣтровъ

Дохни, духъ, засвисти въ кость."
Не вѣтеръ гудитъ,
Не колосъ шуршитъ:
Плоть шелеститъ,
Кости шуршатъ,
Жизнь разгорается.

Какъ съ костью кость сходится,
Какъ плотью кость одѣвается,
Какъ жилой плоть зашивается,
Какъ мышцей плоть собирается—
Такъ встань, Русь, поднимися,
Оживи, соберись, сростись,
Царство къ царству, племя къ племени.

Куетъ кузнецъ
Золотой вѣнецъ,
Обручъ кованый:
Царство Русское собирать, сковать, заклепать,
Крѣпко-накрѣпко,
Туго-натуго,
Чтобы оно, Царство Русское, не разсыпалось,
Не расплавилось, не расплескалось.
Чтобы мы его, Царство Русское,
Въ гульбѣ не разгуляли,
Въ питьѣ не роспили,
Въ словахъ не разговорили,
Въ хвастнѣ не расхвастали.
Чтобы оно, Царство Русское, рдѣло, зорилось
Жизнью живыхъ,
Смертью святыхъ,
Муками мученыхъ.
Будьте, слова мои, крѣпки и лѣпки,
Сольче соли, жгуче пламени.
Которыя слова не преговорилъ—будьте назади.
Которыя не договорилъ—будьте впереди.
Слова замкну, а ключи въ море-океанъ опущу.

(Изъ „Зарницъ," Константинополь.)

Сила земли.

Романъ Л. Никитина.

(Продолженіе).

Глава XI.

Въ городѣ Асторскихъ считали чудаками за своеобразный укладъ ихъ жизни, всей домашней обстановки, взглядовъ и привычекъ. И обыватели, по-своему, были правы. Все, начиная съ квартиры, было у Асторскихъ устроено оригинально, на свой ладъ, совершенно не такъ, какъ у другихъ. Занимали они небольшой двухъэтажный особнякъ, арендованный ими на какой-то необычайно долгій срокъ, чуть ли не на 99 лѣтъ. Домъ этотъ они передѣлали, приспособили по своему вкусу и немало гордились тѣмъ, что ихъ квартира непохожа на обычное шаблонное устройство квартиръ средняго достатка. Въ нижнемъ этажѣ находились кухня, столовая, кабинетъ самого Асторскаго и двѣ комнаты для пріѣзжихъ. Всѣ врачи, пріѣзжавшіе изъ уѣзда на ежемѣсячный врачебный совѣтъ, находили пріютъ и столъ у Асторскаго. А второй этажъ былъ домашнимъ очагомъ, куда рѣдко допускались посторонніе. Лѣстница съ большими окнами была вся уставлена растеніями, стоявшими на полу и на ярусныхъ полкахъ. Эта лѣстница вела въ большую комнату съ двумя венеціанскими окнами и съ круглымъ окномъ въ потолкѣ, въ видѣ вышки. Вмѣсто обычнаго обывательскаго уюта, изображаемаго гарнитуромъ мягкой мебели, тумбочками, картинами —эта комната была превращена въ садъ, въ ясные дни весь залитый свѣтомъ. Въ углахъ высились кружевныя араукаріи, мохнатыя туи, дальше сплетались шатромъ перистыя листья трехъ огромныхъ пальмъ. Вѣерообразныя латаніи бросали вверхъ пышную крону вырѣзныхъ листьевъ. Трельяжи, оплетенные дикимъ виноградомъ, образовывали зеленую стѣну, на фонѣ которой въ легкихъ жардиньеркахъ стояли цвѣтущія растенія—то хризантемы, то большія красныя лиліи, то пеларгоніи, то фуксіи, унизанныя красными сережками цвѣтовъ, то герани самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. У одного окна стоялъ большой акваріумъ, гдѣ въ зеленоватой мути огненными нитями мелькали

золотыя рыбки, юркими лентами вились тритоны, то бросаясь на дно, то выплывая на поверхность. Передъ другимъ окномъ стояла огромная клѣтка съ цѣлымъ выводкомъ канарескъ. Посрединѣ комнаты стоялъ большой круглый столъ, заваленный книгами, эстампами и журналами. Всѣ новинки по беллетристикѣ, медицинѣ, изящнымъ искусствамъ можно было найти на этомъ столѣ, съ придвинутымъ кругомъ уютныхъ креселъ.

Здѣсь, въ этомъ зеленомъ царствѣ, Асторскій сбрасывалъ свою маску угрюмости, враждебности, земскаго фанатизма. Здѣсь онъ былъ нѣжнымъ мужемъ, любящимъ отцомъ, интеллигентнымъ, на рѣдкость начитаннымъ человѣкомъ. И только немногіе друзья, допускавшіеся въ замкнутость его интимной жизни, знали его другой, „домашній„, обликъ, столь непохожій на тотъ, какимъ его знали всѣ. Единственный ихъ сынъ воспитывался съ той безразсудной нѣжностью, какой часто злоупотребляютъ въ интеллигентныхъ русскихъ семьяхъ, полагающихъ, что благо дѣтей состоитъ въ наиболѣе полномъ разобщеніи ихъ съ жизнью. Одиннадцатилѣтній мальчикъ учился дома, не имѣлъ сверстниковъ, никогда не выходилъ на улицу одинъ, безъ родителей. Никогда не игралъ ни въ рюхи ни въ бабки, не подстрѣливалъ кошекъ изъ рогатки. Никогда не здоровался ни съ кѣмъ за руку, изъ боязни заразы. И, въ годы выхоленнаго тепличнаго дѣтства, онъ уже страдалъ безсонницей, во время эпидемій „боялся“ холеры и оспы, внимательно слѣдилъ за ростомъ заболѣваній по газетамъ. Но онъ читалъ Диккенса и Чехова, ежедневно прочитывалъ газеты—и на его блѣдномъ лицѣ, въ глубокихъ сѣрыхъ глазахъ уже мелькали тѣни усталости и пресыщенія, свойственныя лишь тѣмъ, кто изжилъ молодость духа, радостное цвѣтеніе жизни.

Ни отецъ ни мать не видѣли ничего ненормальнаго и даже жестокаго въ ихъ системѣ воспитанія, отнимавшей у ребенка необъятно огромный міръ. Вмѣсто этого міра, они, съ безсознательнымъ эгоизмомъ, давали ему подогрѣтыя переживанія классной, искусственнаго сада, акваріума, птичьей клѣтки. Этотъ ребенокъ былъ настоящимъ тепличнымъ растеніемъ, взрощеннымъ не здоровыми соками жизни, а рафинированными суррогатами. Онъ росъ среди книгъ, комнатныхъ цвѣтовъ, искусно подобранныхъ разговоровъ и интересовъ.

Чета Асторскихъ была горячо предана земскому дѣлу—скорѣе даже не живому дѣлу, съ его неизбѣжными ошибками и увлеченіями, а сухой, безплотной идеѣ. Чистота и святость этой идеи, борьба за ея процвѣтаніе во всей цѣлости отвлеченной схемы—была цѣлью ихъ жизни, ихъ завѣтнымъ боевымъ лозунгомъ. Принадлежа къ „третьему элементу“, они всячески блюли идейную чистоту его духовнаго облика, его независимость. И потому-то оба такъ охотно выступали въ роли „блюстителей нравовъ“, бичуя и осуждая все, что не шло непо-

средственно на пользу и благо земскаго дѣла. Ольга Семеновна горячо, съ неподдѣльнымъ негодованіемъ разсказывала о томъ, какъ на масленой, на блинахъ у Беркуловыхъ, она увидѣла на столѣ паюсную икру.

— Подумайте, восклицала она:—третій элементъ, и вдругъ ѣстъ паюсную икру!

— Ну, и что жъ такое? Пусть себѣ ѣстъ на здоровье, возражалъ непосвященный.

— Что вы говорите! Это недопустимо съ чисто принципіальной точки зрѣнія. Пусть чревоугодіемъ занимается буржуазія, но не земскіе дѣятели.

— Ну, ужъ извините, не уступалъ собесѣдникъ:—съ какой это стати буржуазія будетъ ѣсть паюсную икру, а я долженъ смотрѣть и облизываться? Если у меня есть деньги, я могу ѣсть, что хочу.

— Но поймите, это недопустимо съ чисто принципіальной точки зрѣнія, горячилась Асторская.—Если вы хорошенько подумаете, то вы согласитесь со мной. Когда кругомъ люди живутъ въ нищетѣ, вырождаются отъ хроническаго недоѣданія, тогда, согласитесь, ѣсть паюсную икру—безнравственно!

— Нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ. Поступая на службу въ земство, я не давалъ обѣтовъ цѣломудрія, воздержанія, умерщвленія плоти.

— Да никто вамъ не говоритъ объ обѣтахъ, мягко возражала Ольга Семеновна.—Просто всякій чуткій человѣкъ самъ пойметъ это.

— Не могу понять. Не чутокъ! говорилъ упорствующій.—Хоть казните, а я все буду говорить, что отъ паюсной икры, ради пользы земскаго дѣла, отказаться не могу.

Ольга Семеновна замолкала, замѣчая насмѣшливые взгляды и перешептыванье тѣхъ, кто присутствовалъ при этомъ спорѣ. Она давала себѣ слово сдерживаться, не вступать въ безполезныя пререканія, но при первомъ поводѣ забывала свои благія намѣренія и съ фанатической горячностью отстаивала принципы земскаго дѣла во всей ихъ идейной высотѣ. Эта страстность и нетерпимость дѣлали чету Асторскихъ чуть ли не общимъ пугаломъ и мишенью для остроумія. Ихъ прозвали „земскими архангелами“, увѣряли, что по вечерамъ они учатъ наизусть Положеніе о земствѣ, экзаменуя другъ друга.

Есть извѣстная грань во всякомъ дѣлѣ, переступивъ за которую, можно опошлить и омертвить какую угодно хорошую и благородную идею. Асторскіе въ своемъ фанатическомъ усердіи то и дѣло переступали эту грань. Но въ ихъ семейную жизнь, такую обособленную отъ провинціальныхъ интересовъ, эта горячая преданность земской идеѣ, пламенная убѣжденность въ ея самодовлѣющей непогрѣшимости вливали теплоту, свѣтъ и идейное содержаніе. Они были женаты уже

14 лѣтъ, но, оставаясь съ глазу на глазъ, никогда не ощущали ни скуки ни недовольства, столь обычныхъ у супруговъ послѣ долгой совмѣстной жизни. У нихъ никогда не было ощущенія, что они уже все переговорили между собой, ибо въ ихъ сознаніе, въ кругъ ихъ интересовъ всегда вдвигалось нѣчто „запредѣльное“, отдѣленное отъ интимности домашней жизни.

Асторскій поджидалъ жену у себя въ кабинетѣ, перелистывая только что полученную брошюру „Земство и Кооперація“. Въ его фантазіи уже мелькали заманчивыя картины „оздоровленія“ земскаго бюджета, посредствомъ учрежденія сѣти мелкихъ кооперативовъ. Услышавъ звонокъ, онъ поднялъ воротникъ пиджака и вышелъ отворить дверь. Серьезно, безъ улыбки на хмуромъ лицѣ, онъ помогъ женѣ раздѣться, поцѣловалъ ее и, пропуская въ столовую, сказалъ:

— Какъ отъ тебя вкусно воздухомъ пахнетъ. Будешь ужинать?

— Не откажусь. У Маслитеновыхъ пила чай съ вареньемъ, съѣла пастилку и больше ничего.

— Вредная это исторія—шатанье по гостямъ. Вотъ не поѣла во время—теперь аппетитъ испорченъ.

— Не безпокойся. Съ такимъ аппетитомъ поѣмъ, послѣ того, какъ прошлась. Только бы было что.

— Ну, что новаго у нихъ? Разсказывай.

— Да все то же. Жалкіе и нелѣпые люди. Татьяна Владимировна нервничаетъ, Алексѣй Ивановичъ брюзжитъ. Беркулова у нихъ была.

— А-а! Ну, и что же она? Что говорила?

— Она, кажется совсѣмъ свела съ ума Алексѣя Ивановича.

— А та несчастная ревнуетъ, хнычетъ?

— Она вся какая-то надорванная и ужасно, ужасно жалкая! Ахъ, знаешь, Петръ Николаевичъ лечитъ у Соковнина. Кажется, даже состоитъ годовымъ врачомъ.

— Какъ же онъ рискнулъ взяться? Вѣдь у старухи tabes?!

— Значитъ, надѣется вылечить. Я тоже удивляюсь, какъ это: земскій врачъ—и набираетъ себѣ частной практики...

— Я не про то. Я про старуху Соковнину. Вѣдь она безнадежна. И меня удивляетъ, какъ онъ могъ взяться ее лечить. Господи, чего люди ни сдѣлаютъ изъ-за денегъ!

— Беркуловы не наши, не земскіе, задумчиво сказала Ольга Семеновна.

— Они на все смотрятъ по-своему. Потомъ онъ какой-то шумный...И даже, по-моему, слишкомъ талантливый для земства.

— Вотъ ужъ сказала! Значитъ, талантливымъ людямъ въ земствѣ не мѣсто?

— Я въ не томъ смыслѣ. Онъ честолюбивъ, тщеславенъ, и потому земская медицина для него—практика. Онъ натаскивается на земскихъ паціентахъ. А она—она слишкомъ красива для провинціи. И женѣ земскаго врача даже непозволительно быть до такой степени красивой. Это актриса, примадонна, свѣтская дама—но не жена земскаго врача!

— Да, это вѣрно, согласился Асторскій.—Такая жена и губитъ его, какъ земскаго дѣятеля. Онъ старается доставить ей не только комфортъ, но и роскошь. Вѣдь какъ они живутъ...

— А какъ она одѣвается! поддакнула Ольга Семеновна. И послѣ молчанія добавила:

— Говорятъ, Соковнинъ ему полторы тысячи въ годъ платитъ.

— Вотъ видишь. Онъ знаетъ, что больная безнадежна, и все-таки берется ее лечить, чтобы получать большой гонораръ. Для того, чтобы быть столь корыстнымъ и безпринципнымъ, нужно имѣть какіе-нибудь серьезные стимулы. Въ данномъ случаѣ, такимъ стимуломъ является красавица-жена.

— И ужъ какая же она кокетка! Слова попросту не скажетъ. Такъ и видно, что она все время думаетъ о томъ, какъ она очаровываетъ и покоряетъ.

— Ну, меня она никогда не очаровывала. Я возмущаюсь существованіемъ женщинъ-паразитокъ — вотъ такихъ, какъ она, сказалъ, зѣвая, Асторскій. Почесалъ своей пятерней лохматую голову и обратился къ женѣ:

— Отрѣжь-ка мнѣ, Оля, сыру. Только толстый ломтикъ, во весь кусокъ. Не люблю я этихъ стружекъ, которыя вѣтеръ сдунетъ.

И, пока онъ, чавкая и смакуя, ѣлъ сыръ, она заботливо убирала закуски въ небольшой стѣнной шкафчикъ, вдѣланный въ нишу въ корридорѣ.

— Что же, спать идемъ, да? спросилъ онъ ее.

— Давно пора. Вотъ только все уберу, и пойдемъ.

И оба стали подниматься по лѣстницѣ, стараясь ступать легко и осторожно, такъ какъ скрипъ половицъ гулко раздавался по всему дому въ чуткой ночной тишинѣ.

Глава XII.

...Дремлетъ подъ снѣжнымъ покровомъ безкрайная ширь полей. Отдыхаютъ они отъ трудовъ рожденія, отъ лѣтней страды, запасаясь силами для весенняго возрожденія. Сѣрый, пасмурный день вѣетъ мягкимъ холодкомъ, чуть влажнымъ дыханіемъ близкой оттепели. Съ деревни тянетъ дымкомъ, издалека слышенъ собачій лай, скрипъ санныхъ полозьевъ по снѣжному насту. По бѣлымъ просторамъ къ де-

ревнѣ тянется сѣро-желтая дорожка, съ утоптаннымъ навозомъ, со слѣдами большихъ, неуклюжихъ валенокъ. Въ эту зимнюю пору деревня отдыхаетъ, живетъ домашней жизнью. Мужики, кряхтя и охая, лежатъ на печи, изнывая отъ скуки, ждутъ „престола" въ своей или въ сосѣдней деревнѣ. Бабы прядутъ, ткутъ, усиленно сплетничаютъ, доглядывая за мужьями и за молодежью. На посидѣлкахъ истребляются горы подсолнуховъ, опредѣляется подборъ и количество январскихъ свадебъ. Зимой же крестьянинъ и лечится, пользуясь досугомъ для ублаженія натруженнаго тѣла. Лѣтомъ къ врачебной помощи прибѣгаютъ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, ибо тогда недосужно „возжаться съ хворью," какъ бы мучительна она ни была. А зимой эта самая хворь даетъ предлогъ сходить „на пунхту," потолкаться среди людей, покалякать съ земляками, а, придя домой, приказать бабѣ топить не въ чередъ баньку, чтобы попарить больныя кости. Попаривъ косточки, естественно, нужно ублажить ихъ косушкой, а то и полштофомъ, смотря по достатку. И ужъ на выпивку бабѣ ворчать нечего, потому что пьется для леченья, а не для баловства.

— Знаю я вашу лечебу, ворчитъ баба, вылавливая изъ кадушки пятерней соленые грузди. —Для этой же лечебы ты у меня намеднись полушалокъ сперъ.

— Н-ну, и баба! удивляется мужъ. —Ядъ, а не баба. Такъ и жужжитъ. Другу бы поспрошать, что ей милѣй: мужъ аль полушалокъ.

— Это, глядя, какой мужъ, ехидно замѣчаетъ баба. — Другой мужъ и рваной портянки не стоитъ.

— Какой онъ ни на есть, а все-таки мужъ. Глава, значитъ, а ты—полушалокъ! Экося, что выдумала! Сказала, и всю свою бабью глупость обозначила. Буду живъ, здоровъ, такъ я тебѣ такихъ полушалковъ цѣлый пятокъ приволоку. Сдѣлай милость, носи.

— Дождешься отъ тебя, какъ же! Ужъ молчи, коли Богъ убилъ.

— Богъ меня не убивалъ, слышится спокойный отвѣтъ. — Меня чижолая работа убила. Ты вотъ меня полушалкомъ коришь, а того не удумала, что я весь ослабши. Нутро все, какъ есть, осѣло. Видала, какъ изба ино мѣсто на бокъ осядетъ, точно кто ей въ ухо далъ? Вотъ такъ же и я...

— Дыкъ тебѣ-то кто въ ухо давалъ? Коли въ Михайловъ день у мужиковъ до волосьевъ дошло, такъ ты о ту пору подъ лавкой дрыхъ.

— Дура, я рази про то? остановилъ ее мужъ. Спустилъ ноги съ печи и, размазывая загогулинками копоть, осѣвшую на печи, заговорилъ какъ-то особенно складно и значительно, такъ что баба бросила подшвыривать горшки и плошки и притихла, слушая его.

— Говорю тебѣ, осѣлъ я весь. Нутро у меня ослабши. Натуга пересилила. Кабы я натугу осилилъ, тогда бы тошно што... оно ничего бы было. А тутъ меня натуга осилила, вовсе свернула. Наша хресьянская жисть, она вся сызмала—одна натуга. Вотъ съ этой самой натуги нутро у насъ и слабнетъ и сдаетъ. Да-а! Землю-то зря не сдюжаешь. Она у тя и слезьми и потомъ-кровью всю силушку вытянетъ. И человѣчью и отъ скотинки—всю въ себя заберетъ. Ей рожать трудно. Вы, бабы, рожаете, такъ крикомъ кричите... А земля? Вотъ намъ ее ублажать и надобно. А легко это? Вотъ и маешься. Ты только удумай: вѣкъ около земли... И такъ и этакъ. Всю силу на нее измыкали. А что видѣли? Сыты, что ль?

— Ужъ какое сыты! вздохнула баба.

— Ну, ты зря тоже не ропщи, не гнѣви Бога. Кое мѣсто голодны, а кое и сыты. Часомъ съ квасомъ, а порой съ водой. Такъ-то. Я вотъ къ тому рѣчь веду, что натуга-то эта самая, слабь-то моя — не моя она, а земляная. Отъ земли-матушки. Ну-ка-сь, землѣ не дай навозу, думаешь, она родитъ? Никакимъ манеромъ. Захудаетъ, ослабнетъ—и никакихъ. Также и человѣкъ. Какъ онъ ослабнетъ, ему тоже подсобье надо. Вотъ какъ бочкѣ ободья. Не стяни ее, она тебѣ развалится. А ты—полушалокъ! Мнѣ дохтурь Василь Миколаичъ сказывалъ: у тебя, гритъ, Еремѣй, нутро здоровое, только тебѣ поправка надобна. Передохъ, чтобъ, значитъ... Ну, тамъ поблажку, каку ни на есть. А ты супротивъ этого—полушалокъ. Ну, есть ли въ тебѣ совѣсть?

Баба угрюмо молчала. Не поняла она смысла этой длинной путаной рѣчи, но почему-то не могла на нее огрызнуться, не могла начать безконечную, тоскливую, какъ осеннiй дождь, перебранку. Оглянулась на тѣсную, закоптѣлую избу, въ которой стоялъ тяжелый, кислый духъ отъ теленка, отъ грязнаго тряпья въ зыбкѣ, гдѣ жалобно венькалъ ребенокъ. Оглянулась—и тяжелая тоска схватила ее за сердце. Та тоска, отъ которой смирные, безотвѣтные „животы“ иногда начинаютъ лягаться, или, вырвавши поводья, несутся, задравъ хвостъ, невѣдомо куда. Ибо и скотину одолѣетъ подчасъ тягота жизни, захочетъ она уйти отъ нея. А уйти некуда, кромѣ могилы...

Трудна бабья жизнь, съ безтолковымъ, невиднымъ трудомъ, съ вѣчной суетней. И нѣтъ у нея, какъ у скотины, ни связныхъ словъ, чтобы разсказать о своей тоскѣ, ни раздумчивой грезы, чтобы забыться. Томится и тоскуетъ измученное трудомъ и родами тѣло, утратившее все женское, съ большимъ животомъ, съ отвислыми, какъ мѣшочки, грудями, съ мозолистыми подошвами, которыя зимой ступаютъ по снѣгу, не чувствуя холода. Темное лицо, корявые пальцы съ грязными, обломанными ногтями—все это вопiетъ о жизни, полной лишенiй,

труда, заброшенности и недуговъ... Отчего же она не идетъ къ доктору, не несетъ въ казенку послѣднiй грошъ?

Полушалокъ и полштофъ—въ этихъ двухъ словахъ столкнулись двѣ правды: мужичья и бабья. И та и другая служили землѣ, подчинялись ея власти. Кормили и холили эту землю, въ потокахъ трудового пота добывали кусокъ хлѣба. И обѣ правды требовали справедливости и воздаянiя...

Какъ она можетъ не давать мнѣ полштофъ для поправки? взывала степенно и сурово „мужичья правда,“ въ сознанiи своей силы, своей заработанной натугой правоты.

Какое онъ имѣетъ полное право пропивать мой полушалокъ? возражала въ свою очередь „бабья правда,“ пребывавшая въ извѣчности подчиненiя и отъ того еще болѣе жалкая своей слабостью.

И въ человѣческихъ завѣтахъ, во всей сложности жизни—еще не было справедливаго разрѣшенiя этого вѣковѣчнаго спора. Потому продолжали враждовать другъ съ другомъ, непримиримо грызться эти двѣ „правды,“ въ тѣсной дымной избѣ, съ загаженнымъ щелястымъ поломъ, съ мирiадами клоповъ и таракановъ. У мужика все-таки иногда является возможность хоть на минуту уйти отъ „избяной“ тяготы, уйти въ разгулъ, въ безшабашное озорство. А баба остается вѣчной плѣнницей въ темной и тѣсной избѣ. Ребята, телята, куры, горшки, ухваты—все это требуетъ ея неотступнаго присутствiя, неусыпныхъ попеченiй. И оттого, должно быть, она, мать, съ раздраженiемъ и проклятiями выхватываетъ венькающаго ребенка изъ зыбки, кое-какъ обвертываетъ его прѣлымъ, вонючимъ тряпьемъ, кладетъ на колѣна. Вытаскиваетъ сморщенную отвислую грудь, съ большимъ огрубѣлымъ соскомъ, грубо тычетъ ее въ жадный дѣтскiй ротъ... И на лицѣ ея въ это время не разливается того трогательнаго умиленiя кормящей матери, о которомъ такъ красиво и жалостно пишется въ нашихъ книжкахъ. Ея лицо такъ и пышетъ сдержанной, неосознанной, нутряной злобой. Полыхаетъ она въ ней, какъ степной пожаръ, крутитъ и жжетъ ее, заставляетъ выбрасывать цѣлый потокъ безсмысленной, нелѣпой брани.

— Ахъ ты, иродово мясо! вдругъ огрызается она.—Ослабши онъ, скажи на милость! А я не ослабши? Ты вонъ хошь—дрыхнешь безъ просыпу, сколько влѣзетъ, а мнѣ вѣдь этотъ пащенокъ глазынекъ завести не даетъ, день и ночь изъ меня соки тянетъ! Вонъ Сизихина дочка Оришка позапрошлый годъ объ Святой на побывку прiѣхала, такъ у ей што? Волосья пуклями взбиты, платье городское, съ оборкамъ, а въ рукахъ зонтикъ. Такъ этого ейнаго зонтика скотина пужалась, а намъ, бабамъ, соромно глядѣть было. А она себѣ ходитъ, хошь бы што. Потому, мы, бабы, ровно какъ скотина въ хлѣву—вѣкъ въ гря-

зи да въ навозѣ ходимъ, свѣту не видимъ. И безъ передоху, покуль помремъ. А онъ, какъ паршивый песъ, скулитъ: ослабши онъ! Аль взять солдатку Катьку: у ей и бусы и полсапожки. А онъ остатній полушалокъ уперъ. Да я тебѣ, псу, головней глаза выжгу! На міру скажу, какой ты есть подлецъ, анафемская твоя душа!

Надрывается баба, задыхаясь отъ злобы. Младенецъ жалобно попискивалъ, сердито кусалъ и теребилъ большой сосокъ, сучилъ ножками—словомъ, всячески отстаивалъ свою „правду", но его правда терялась въ трагичной коллизіи двухъ большихъ правдъ. Мужикъ тоже примолкъ. Спустилъ ноги съ печи и сидѣлъ съ задумчивымъ, серьезнымъ лицомъ. Смутно почуялъ, что въ этой безтолковой ворчбѣ рвется наружу большое, безысходное бабье горе, хоть и выливалось оно въ никчемныхъ безсвязныхъ словахъ.

Чего-то стыдно стало ему, почувствовалъ онъ себя въ чемъ-то виноватымъ, хотя и не могъ осмыслить, въ чемъ.

Онъ глубоко вздохнулъ, крякнулъ, потеръ ноги и покачалъ головой.

— Охъ, и впрямь неможется что-й-то. Коль не опозднило, схожу-ка я къ дохтурю, къ Василь Миколаичу, ей-Богу, схожу, бормоталъ онъ, желая сообщить женѣ о своемъ намѣреніи и узнать, какъ она къ нему отнесется. Но баба не слышала его бормотанья. Съ ожесточеніемъ, какъ полѣно, перебросила она ребенка на другую грудь, а сама продолжала бросать какія-то безтолковыя слова, отъ которыхъ вѣяло надрывной тоской, тяжкой жалобой:

— Корова—и та, каку ни на есть, помогу имѣетъ. Вонъ коровѣ-то за день, откуда хошь, ушатъ пойла возьми, да теплаго. Да принеси ей и въ морду ткни. Свинья—и та свои свинячьи права знаетъ. Тоже требоваетъ, что ей полагается. И подашь, хошь сдохнешь, а подашь...

Мужикъ накинулъ полушубокъ, нахлобучилъ шапку и тихонько вышелъ изъ избы. Съ облегченіемъ вздохнула грудь свѣжимъ воздухомъ безкрайныхъ равнинъ. Раннія сѣровато-лиловыя сумерки уже подкрадывались къ деревнѣ. Чуть заволакивались туманомъ дали, легкій танецъ крутила поземка въ поляхъ. Снѣгъ не хрустѣлъ подъ ногами, а осѣдалъ, какъ тѣсто, и на мягкой гущѣ оставались глубоко-вдавленные слѣды. На душѣ у мужика было такъ же мутно и сумеречно-сѣро. Жалко было и себя, и бабу, и ребенка, но онъ старался заглушить эту жалость искусственно вызваннымъ раздраженіемъ.

— Ужъ и язвенная же баба, не приведи Богъ, шепталъ онъ, кутаясь въ полушубокъ.—Каку музыку изъ-за полушалка завела!

Онъ остановился, чтобы надѣть въ рукава полушубокъ, и отъ этого спуталась и оборвалась нить его мыслей. Плотно запахнувъ полушубокъ, онъ бодрѣе зашагалъ по утоптанной тропкѣ.

— Эхъ, мнѣ бы только силовъ забрать, такъ я бы ей этихъ полушалковъ хошь пятокъ приволокъ. А она эва какъ взбычилась! Ровно сука щенная...Пра, сука!

Ковыляя по тропкѣ, которая змѣйкой вилась по бѣло-пушистому настилу, мужикъ добрался до длиннаго неуклюжаго строенія, около котораго кучились мужицкія дровни, топтались люди, визжали и хныкали ребятишки. На ступенькахъ крыльца сидѣли бабы въ такихъ же полушубкахъ, какъ и мужики, вздыхали и изрѣдка переговаривались другъ съ другомъ. У одной изъ нихъ болѣли зубы. Голова ея была обвязана ковровымъ платкомъ, изъ-подъ котораго торчали клочья какого-то тряпья. Эта огромная голова тихо качалась изъ стороны въ сторону и жалобно стонала. Тяжелая дверь на визжащемъ блокѣ поминутно отворялась, то и дѣло входили и выходили люди. Здѣсь была костыревская земская больница, гдѣ сейчасъ тянулся безконечно длинный амбулаторный пріемъ. Мужикъ, подойдя къ крыльцу, крякнулъ, почесалъ подъ шапкой голову и спросилъ:

— Пріемъ-то кончивши, аль нѣтъ?

— Не знаемъ, родимый, отозвалась баба.—Мы не тутошніе, мы изъ Пентюхина.

— Эва отколь тя принесло!

— Поѣхали, заплутались, да не на ту пунхту и попали. Наша-то пунхта въ Сѣдьковѣ, стало быть, намъ надобно было на Орѣхово забирать, а насъ нелегкая въ Костырево занесла. Вотъ и сидимъ, покуль што.

Не дождавшись конца бабьей рѣчи, мужикъ кое-какъ пробрался межъ сидящихъ на крыльцѣ и, отворивъ дверь, вошелъ въ пріемную. Комната была биткомъ набита народомъ. Было душно; пахло овчиной, табакомъ, потомъ, прѣлыми валенками. У окошечка, гдѣ выдавались лекарства, молоденькая фельдшерица звонко выкликала:

— № 22-й! Кто получаетъ по 22-му? Еще два раза выкликну, потомъ не дамъ. Сколько разъ я говорила, что всякій долженъ свой номеръ помнить! 23-й, 24-й...Ты чего суешься? У тебя 25-й?

— Милая, да нѣшь намъ упомнить... мумера-то эти!

— Здѣсь 24-й, слышался голосъ, и къ окошечку тянулись корявыя, грязныя руки, бережно принимавшія „скляницу съ зельемъ", какъ еще до сихъ поръ именовались лекарства въ деревенскомъ обиходѣ.

У другого окошечка фельдшерица провѣряла очередные билетики, пропуская больныхъ въ кабинетъ врача .Третье окошечко, гдѣ происходила выдача очередныхъ билетиковъ, было уже закрыто. Мужикъ, увидя это, сразу понялъ, что пріемъ оконченъ, и, какъ человѣкъ бывалый, знающій порядки, сталъ протискиваться къ фельдшерицѣ, которая впускала больныхъ къ доктору. Онъ пробирался черезъ толпу тихо,

но настойчиво. Раза два его выругали, разъ-другой пихнули, но онъ, занятый достиженіемъ своей цѣли, не обращалъ на это вниманія. Наконецъ, онъ пробрался впередъ и очутился передъ старшей фельдшерицей, полной пожилой женщиной, въ бѣломъ грязноватомъ фартукѣ, съ небрежно закрученными посѣдѣвшими волосами.

— Тебѣ что? Ты откуда взялся? набросилась она на него.

— Здѣшніе мы, матушка, костыревскіе.

— Пріемъ конченъ. Чего лѣзешь?

— Да я што... мнѣ не то, штобы...

— Иди, иди! Другой разъ приходи пораньше.

— Матушка, да я не для показу! Для разговору я. Хочу съ Василь Миколаичемъ, чтобъ разговоръ промежъ насъ былъ.

— Вотъ еще! Есть ему время съ вами разговаривать! возмутилась фельдшерица.—Да я тебя вывести велю. Что это такое? Креста на васъ нѣтъ, заѣздить людей рады!

— На что вы сердитесь, Ольга Аркадьевна? подошла къ ней другая фельдшерица, выдававшая очереди. Она уже сняла съ себя халатъ, и сознаніе, что рабочій день конченъ, располагало ее къ общительности.

— Да какъ же не сердиться! Это вотъ чучело заявляетъ, что онъ пришелъ къ доктору не для показа, а для разговора. А? Какъ вамъ это нравится?

Кругомъ засмѣялись, а пожилая фельдшерица продолжала ворчать:

— Болѣзнями своими заѣздили человѣка, такъ имъ этого еще мало. Своими мужицкими разговорами его душить станутъ. Что, вы его въ гробъ, что ли, хотите вогнать? Развѣ не видите, что онъ и такъ ужъ боленъ? Безсовѣстные вы, ожесточенные!

Испуганный мужикъ часто моргалъ глазами, пятился, стараясь „податься", чтобы скрыться отъ сердитой фельдшерицы. Но податься было некуда. Толпа стояла стѣной. Онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, съ чего на него ощерилась „дохтурица", и съ изумленіемъ улавливалъ какое-то сходство между нею и своей ноющей и ворчащей бабой. Такъ же и эта, невѣдомо съ чего, озлилась, выкрикиваетъ какія-то непонятныя слова, отъ которыхъ тупая тоска еще пуще наваливается ему на сердце...

— Видать, вся земля бабьей злостью наскрозь набита, думалъ онъ, обливаясь потомъ.—И съ чего въ ихъ, въ бабахъ, эта самая злость? Диви бы я ей што сказалъ, аль согрубилъ. Такъ вѣдь ничего же не сказалъ. Все по хорошему. Выходитъ, она около Василь Миколаича, вродѣ какъ бы цѣпняка, лаетъ. Ну, тогда пущай ее свою должность справляетъ!

И ему стало легко и весело отъ этой мысли, хотя онъ, наконецъ,

уразумѣлъ, что никакого разговора съ ласковымъ, душевнымъ докторомъ сегодня не будетъ.

— Ужъ эта не пуститъ, думалъ онъ.—У другой, може, какъ бы пробрался, сказалъ, что билетикъ потерямши. А ужъ эта глаза выцарапаетъ, да не пуститъ. Даромъ хлѣба не ѣстъ, нѣтъ!

Онъ пробрался къ выходу и на крыльцѣ столкнулся съ молодой бабой въ суконномъ шугаѣ, въ ковровой шали. На рукахъ она держала младенца, завернутаго въ лоскутное одѣяло. Лицо ея было блѣдно и испуганно, глаза ввалились, ротъ недоумѣвающе полуоткрытъ.

— Не примутъ тебя, касатка, ой, не примутъ, говорили бабы.— У насъ съ чужой пунхты не примаютъ. Потому у насъ своихъ много. Дохтурь у насъ во какой—простой да жалостный, николи не ругацкой, вотъ у его лечиться всѣмъ въ охотку. Ну, потому и не пущаютъ.

Молодое лицо становилось все болѣе блѣднымъ и растеряннымъ. Тѣни страданія, безпомощности, испуга старили его каждую минуту, налагая складки на свѣжесть щекъ, проводя углубленія въ углахъ рта, заволакивая печалью голубые глаза. Мужикъ долго глядѣлъ на это скорбное лицо, такое знакомое и въ то же время чужое. Глядѣлъ— и не могъ вспомнить, кто же, когда-то знакомый и близкій, а теперь чужой—стоитъ передъ нимъ въ угасающемъ сумракѣ зимняго дня?...

— Никакъ Домна? вырвался у него не то вздохъ, не то стонъ.

Она вздрогнула и пристально посмотрѣла на него.

— Ерема? Еремѣй Павлычъ? молвила она, загорѣвшись слабымъ румянцемъ, который быстро сбѣжалъ съ похудѣвшихъ щекъ.

... когда-то, много времени тому назадъ, знойно-золотымъ лѣтомъ, Еремѣй и Домна, вмѣстѣ съ другими односельчанами, работали на помѣщичьемъ сѣнокосѣ. Дни проходили одинъ за другимъ, ярко-золотымъ хороводомъ, въ истомѣ труда, а въ сине-знойныя ночи, повитыя лентами полыхавшихъ зарницъ, они любили другъ друга внезапно вспыхнувшей страстью. Кончился покосъ—и разошлись они по домамъ, обмѣнявшись жаркими клятвами. Потомъ урывали минутки, встрѣчались украдкой, хоронясь отъ людей, но эти мимолетныя тайныя встрѣчи уже не туманили ихъ прежней хмѣльной страстью. Что-то оборвалось, погасло...

Осенью Еремѣева брата Лександру взяли въ солдаты, а Еремѣя спѣшно рѣшили женить. Выбрали ему невѣсту сами старики; выбрали дѣвку крѣпкую, здоровую, хозяйственную и работящую. А Домна въ скорости вышла за лавочникова сына, перваго богатѣя въ округѣ. И вотъ теперь, послѣ долгой разлуки, они снова стоятъ другъ передъ другомъ...

— Привелъ-таки Богъ свидѣться, Домна Егоровна, началъ Еремѣй.—Сказываютъ, горѣ съ горой не сойтиться, а человѣку съ человѣкомъ завсегда.

— Послушайте, Еремѣй Павлычъ, правда, аль нѣтъ, что, коль не здѣшняя, къ вашему дохтурю не пущаютъ?

— Кажись, быдто правда, неохотно сказалъ Еремѣй, которому хотѣлось бы дать Домнѣ болѣе утѣшительный отвѣтъ.—Ежели какой случай... не въ примѣръ... такъ оно можетъ... того...

— Нѣ, касатка, ты его не слушай, вступилась одна изъ бабъ. —Онъ, какъ песъ, брешетъ.

— Сама ты псовка, огрызнулся Еремѣй.

— А ты чего бабѣ зря брешешь? Вѣдь знаешь, у насъ, чтобъ чужихъ пущать—строго? Ну, и зачѣмъ врешь? наскакивала на него молодая бабенка съ круглымъ лицомъ, наливными румяными щеками и бойкими сѣрыми глазами.

— Не твое дѣло. Мы промежъ себя разговоръ вели, и тебѣ вязаться нечего. Мнѣ, може, Василь Миколаичъ по дружеству для ей впуску дастъ. Ты почему знаешь?

Но бабенка уже не слушала его и съ завистью и любопытствомъ ощупывала надѣтый на Домнѣ платокъ, сукно ея шугайчика и мысленно прикидывала ихъ на себя. Тогда Еремѣй обратился къ Домнѣ:

— Какъ вы изъ себя похудали, Домна Егоровна. Недужились, видно?

— Нѣтъ, я здорова. Съ ребенкомъ вотъ смучилась. Порча на него напущена. Лежитъ-лежитъ, вдругъ этакъ глазыньки закатитъ, ротикъ сожметъ, ножки загнетъ и синій-синій станетъ. И наговорной водой его съ уголька прыскала, и свяченой водой поила, и свяченаго воску крестомъ на животикъ капала—ничего не помогаетъ. Понесла нашему дохтурю казать. Тотъ, прости Господи, ровно шальной—младенца и глядѣть не сталъ. Это, гритъ, ребенокъ у тебя съ того болѣетъ, что мужъ съ тобой пьяный спалъ. Мужъ, гритъ, у тебя пьяница. Ну-къ, што жъ? Нѣшь пригоже дохтурю сплетки про людей сбирать? Что, онъ мово мужа поилъ, што ль? Опять же при чемъ младенецъ? Знамо дѣло, что Левонтій безъ просыпу пьетъ, такъ вѣдь порча-то не у него, а у ребенка. Што же это за дохтурь такой? Вотъ и повезла сюда. Костыревскаго дохтуря по всей округѣ похваляли.

— У насъ дохтурь хорошій, съ убѣжденіемъ сказалъ Еремѣй. И глаза его съ бѣлесыми рѣсницами часто замигали, что служило у него признакомъ душевнаго волненія.—Ужъ нашъ Василь Миколаичъ—лучше его, истинное слово, не найтить! Вотъ только эти бабы около его...

— Каки таки бабы?

— Дохтурицы при емъ, вродѣ какъ бы въ писаряхъ или въ ста-

ростахъ. Ужъ и люты же, страсть! Незнамо съ чего, такъ тебя отполируютъ, что свѣта не взвидишь.

Въ это время дверь изъ больницы открылась, и вся толпа стала выкатываться изъ пріемной, хотя продѣлывалось это медленно и неохотно, очевидно, подъ воздѣйствіемъ начальственныхъ окриковъ фельдшерицъ.

— Проходите, проходите! покрикивали онѣ.—Нечего тутъ околачиваться. Пріемъ конченъ.

— Вотъ, вотъ заливаются! Энти самыя и есть, произнесъ Еремѣй, прислушиваясь. И лицо его освѣтилось дѣтски - безпечной улыбкой.

Въ кабинетѣ у доктора оставался послѣдній паціентъ, котораго онъ сейчасъ внимательно выслушивалъ, но вдругъ такъ раскашлялся, что долго не могъ перевести духъ. Стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, тяжело дышалъ. Варя, которая присутствовала на пріемѣ ассистенткой, молча и строго указала ему на паровой ингаляторъ, стоявшій на столикѣ около шкафа съ инструментами. Тихо колыхалось синее пламя, внутри прибора что-то шипѣло и клокотало. Она отодвинула клапанъ, и струя пара вырвалась наружу. Въ комнатѣ запахло терпкимъ смолистымъ запахомъ. Василій Николаевичъ наклонился къ ингалятору и долго вдыхалъ смоляные пары, а дѣвушка смотрѣла на него, и лицо ея становилось все суровѣе. Онъ мелькомъ взглянулъ на нее.

— Варя, ты опять? съ укоромъ шепнулъ онъ. Она ничего не отвѣтила, вернулась на свое мѣсто. Оправившись отъ приступа кашля, докторъ продолжалъ осмотръ больнаго съ такой же педантической аккуратностью, хотя отъ утомленія еле держался на ногахъ. Легкая тошнота поднималась къ горлу, и приходилось все время подавлять ее. Тяжкой, нудной болью болѣла голова, а передъ глазами тянулась вереница мужицкихъ торсовъ, грязныхъ, пропотѣвшихъ, прыщавыхъ, животы съ выпяченной грыжей, натруженныя груди съ впалыми ребрами. Осмотрѣвъ у больного горло, онъ сказалъ ассистенткѣ:

— За эту недѣлю 85-й луэтикъ. Прямо ужасно!

Та, ничего не отвѣчая, снимала съ себя бѣлый халатъ. Онъ отпустилъ паціента, потомъ подошелъ къ умывальнику и сталъ мыть руки. Но это послѣднее напряженіе было ему уже не по силамъ. Дыханіе его стало частымъ, прерывистымъ, закружилась голова, потемнѣло въ глазахъ. Онъ присѣлъ на стулъ, стараясь отдышаться. Она отошла къ окну и украдкой, быстрыми движеніями, то и дѣло вытирала глаза. Наконецъ, онъ очнулся и прошепталъ:

— Варя, вспрыскиваніе...Скорѣе!

Она взяла шприцъ, подошла къ нему, но должна была остановиться—такъ сильно дрожали ея руки.

— Опять нервничаешь?

— Подожди, сейчасъ пройдетъ.

— Кажинный разъ на этомъ мѣстѣ, попробовалъ онъ пошутить, но новый приступъ кашля прервалъ его дѣланно-шутливый тонъ. Все его тѣло содрагалось отъ сухого и звонкаго кашля, блѣдное лицо покрылось пятнами. Она уже овладѣла собой и стояла передъ нимъ спокойная, крѣпко закусивъ губы. И, когда онъ перевелъ духъ, отеръ выступившія отъ кашля слезы, она сказала:

— Никакія впрыскиванія не помогутъ, пока ты будешь находиться въ этой обстановкѣ. Странно, что ты этого не понимаешь.

— Обстановки я измѣнить не могу, возразилъ онъ, протягивая ей руку для укола. И, пока онъ сидѣлъ, полузакрывъ глаза, собираясь съ силами, она быстро и ловко приводила въ порядокъ инструменты послѣ пріема, нумеровала рецепты передъ сдачей ихъ въ аптеку. Онъ открылъ глаза, осмотрѣлся кругомъ и сказалъ:

— Ну, вотъ и отошло. Теперь я опять молодцомъ. Пойдемъ скорѣе домой, Варя.

Одѣвшись въ узкомъ полутемномъ корридорчикѣ, они вышли на дворъ, въ концѣ котораго, черезъ садикъ, находился докторскій домъ. У крыльца ихъ ожидали Еремѣй и Домна. Увидѣвъ доктора, они оба съ размаха бросились передъ нимъ на колѣни. Василій Николаевичъ вздрогнулъ и отшатнулся отъ нихъ, а Варя разсердилась:

— Это что еще за ломанье?

— Батюшка, Василь Миколаичъ, окажи помогу! причиталъ Еремѣй.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не раскисай, строго говорила Варя, взявъ его подъ-руку и стараясь увести домой.—Пріемъ давно конченъ.

— Барышня, стало, така линія... не дыхнуть...

— Сказано, нѣтъ—и конецъ.

— Погоди, Варя. Ну, что тебѣ нужно? спросилъ докторъ и улыбнулся, узнавъ Еремѣя, который любилъ покалякать и при каждомъ удобномъ случаѣ заводилъ съ докторомъ безконечные разговоры.—А, это ты, философъ! Ну, что скажешь?

— Вотъ я къ тебѣ, батюшка, бабу привелъ. Ребенокъ у ей въ порчѣ.

— Сами-то здѣсь всѣ въ порчѣ, сердито сказала Варя и, оставивъ доктора, ушла одна. Слышно было, какъ она съ раздраженіемъ хлопнула калиткой, которая вела въ палисадникъ.

— Ты бы мнѣ бабу-то завтра привелъ, мягко сказалъ докторъ.— А то сегодня поздно, и я усталъ очень.

— Мил-лай! Да я самъ эту бабу только седни нашелъ. Мы съ ей скольки годовъ не видались. Нездѣшняя она.

— Такъ тѣмъ болѣе напрасно приводилъ. Ты знаешь правила? Мнѣ и со своими-то костыревскими не справиться, не то что еще чужихъ лечить.

— Василь Миколаичъ, дозволь обсказать! Главная причина въ томъ, что ужъ баба-то больно смирная. Ровно овца. Ты глянь-ко-сь, ахнула на колѣнки, да и стоитъ, не шелохнется. Станутъ тебѣ другія бабы нонѣ на колѣнкахъ стоять? Ни въ жисть!

— Встань, милая, спохватился Василій Николаевичъ:—на снѣгу не годится стоять, колѣна зазнобишь. Да и не слѣдъ это, я вѣдь не Богъ.

— Всѣ-то другія бабы—язвенныя, продолжалъ свою „политику" Еремѣй,—а эта... то есть, для этакой бабы въ землю зарыться—и то пустое дѣло!

— Ну, хорошо, философъ. Пойдемте ко мнѣ. Тамъ на кухнѣ посидите, обождите, я отдохну, пообѣдаю, потомъ и осмотрю ребенка.

Еремѣй съ довольнымъ видомъ кивнулъ головой:

— Ладно.

Онъ зналъ, что дѣло такъ и кончится.

Когда Кораблевъ вошелъ въ свою скромную квартирку, онъ не засталъ тамъ Варю. Недоумѣвая, куда она могла дѣться, онъ случайно заглянулъ въ темныя сѣни и увидѣлъ, что она, вся скорчившись, сидитъ на сундукѣ и плачетъ съ беззвучными, но глубокими всхлипываніями, отъ которыхъ колыхается все ея худенькое тѣло.

— Варя, голубчикъ, да что же это? Какъ тебѣ не стыдно?

— Тебѣ, тебѣ должно быть стыдно! вырвалось у нея среди рыданій.

— Мнѣ? Но почему же?

— Ты точно нарочно... На зло мнѣ изводишь себя. Говоришь объ обязанностяхъ къ другимъ... Фарисействуешь... А по отношенію ко мнѣ у тебя нѣтъ никакихъ обязанностей? Никакихъ?

Онъ съ отчаяніемъ охватилъ голову руками, но сейчасъ же опомнился и усиліемъ воли сдержалъ себя. Какъ врачъ, онъ зналъ, что во время такихъ припадковъ уговоры и ласковыя слова только усиливаютъ истерическія рыданія. Нуженъ былъ рѣзкій, грубый окрикъ, но на него не было силы. Онъ рѣшилъ уйти, чтобы не дать разыграться этой сценѣ, тяжелой и мучительной для нихъ обоихъ. Онъ прошелъ въ кухню, увидѣлъ сидѣвшихъ въ углу Еремѣя и Домну. Удивился, зачѣмъ они тутъ, но жалобный пискъ ребенка напомнилъ ему его обѣщаніе. Онъ осмотрѣлъ ребенка, разспросилъ бабу о симптомахъ болѣзни—и задумался. Какое-то странное забытье охватило его. Не хотѣлось ни двигаться ни говорить. А пуще всего не хотѣлось разбираться въ тѣхъ большихъ вопросахъ, рѣшенія которыхъ такъ неотступно тре-

бовала жизнь. Хотѣлось долго-долго стоять такъ въ жарко натопленной кухнѣ, прислонившись къ стѣнкѣ, и забыть... Забыть обо всемъ докучномъ и тяжкомъ.

И онъ забылъ... Не замѣчалъ, какими недоумѣвающими взглядами обмѣнялись Еремѣй и Домна. Наконецъ, когда Еремѣй шумно двинулъ табуреткой, докторъ очнулся, провелъ рукой по лбу и сказалъ, медленно, съ усиліемъ произнося каждое слово:

— Ахъ, я и забылъ... Что такое я хотѣлъ сказать? Да... Видишь ли, милая, у тебя ребенокъ боленъ изъ-за мужа. Мужъ у тебя пьетъ, вотъ это и отозвалось на ребенкѣ.

— Ишшо какъ пьетъ-то, сказала баба, переглянувшись съ Еремѣемъ.

— Ну, вотъ и сдѣлали несчастнымъ ребенка. Падучая у него.

Баба заморгала глазами, стараясь удержать набѣгавшія слезы.

— Падуча? Съ чего же это? Ни у меня ни у мужа николи въ роду этакой хвори не было. Стало быть, съ глазу.

Спорить не хотѣлось. Тутъ же на клочкѣ бумаги написалъ рецептъ.

— Вотъ, пойди въ аптеку, спроси фельдшерицу Ольгу Аркадьевну и скажи, что я просилъ ее приготовить лекарство. Она дастъ тебѣ капли. Такъ ты давай ребенку по 5 капель въ день, а какъ схватитъ его—дай сразу 10, но больше въ тотъ день уже не давай. Поняла?

— Поняла, кормилецъ, поняла.

— Ну вотъ, идите теперь. Дай Богъ, чтобы помогло. Усталъ я очень.

Онъ хотѣлъ уйти, но Еремѣй остановилъ его:

— Василь Миколаичъ!

— Чего тебѣ?

— Я вотъ хотѣлъ поспрошать, съ чего такого мнѣ больно скушно? То-есть, до того скушно, что мочи нѣтъ...

— Я же тебѣ давно говорю, не пей водки. У тебя отъ пьянства испорчены всѣ внутренности: и печень, и почки, и желудокъ.

— Ишь ты! удивился мужикъ.—Вонъ какое дѣло. Съ чего бы это?

— Да отъ водки же, говорятъ тебѣ! крикнулъ докторъ.—Русскимъ языкомъ говорятъ.

Мужикъ чесалъ въ затылкѣ и насмѣшливо улыбался.

— Такъ не пить, говоришь, тады весело станетъ? съ той же усмѣшкой спросилъ онъ.

— Ахъ, да оставьте вы меня, наконецъ! вырвался стонъ у больного, измученнаго человѣка. Еле держась на ногахъ, онъ ушелъ въ спальню, легъ на кровать и закрылъ глаза. Его начало знобить. Онъ натянулъ на себя пледъ и забылся. Очнулся отъ бережнаго прикосно-

венія чьей-то ласковой руки. Передъ нимъ стояла Варя, уже со спокойнымъ лицомъ, въ свѣтло-розовой кофточкѣ.

— Вася, ну, какой же ты безсовѣстный! Я голодна, жду тебя обѣдать, а ты тутъ валяешься.

— Усталъ, милая. Легъ, и самъ не помню, какъ задремалъ.

— Знаешь порядокъ? Дремать и валяться послѣ обѣда полагается, а не сейчасъ.

— Не хочется что-то и обѣдать.

— Надо себя заставить. Вѣдь нельзя же такъ.

Онъ опять улыбнулся той улыбкой, которая почему-то раздражала ее.

— Вотъ вы, женщины, всѣ такія. Сама медичка—и говоритъ мнѣ, врачу: не хочется ѣсть, ѣшь насильно. Вѣдь знаешь, что отъ такой ѣды пользы, все равно, не будетъ.

Она сѣла около него на кровати и тихо гладила его блѣдную, исхудалую руку.

— Ну, Вася, мы, женщины—глупыя, глупыя! Пусть. А вы, умники, вы снизойдите къ намъ. Уступите иногда, сдѣлайте то, о чемъ васъ просятъ.

Въ ея голосѣ звучали и нѣжность и ласка. Усталое, грустное лицо засіяло отъ глубокаго внутренняго волненія.

Онъ, нехотя, всталъ съ кровати.

— Какъ вы всѣ умѣете...это...

— Что?

— Да вотъ...ластиться такъ. Что-то кошачье въ васъ есть. Знаешь, какъ кошка у хозяйки молока проситъ? Спинку выгнетъ, въ ногахъ трется и мурлычитъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но приступъ кашля опять перехватилъ слова, заставилъ биться измученное тѣло. Она стояла около него съ безстрастнымъ, спокойнымъ лицомъ и, когда онъ перевелъ духъ, обтерла ему ротъ своимъ платкомъ. И, когда онъ опять легъ, она сидѣла около него, склонивъ голову на руки, вся согнувшись, точно подъ тяжестью навалившагося на нее горя.

А Еремѣй съ Домной говорили о докторѣ:

— Ишь, нахвалили зря, ворчала Домна.—Нисколько твой дохтурь не понимающій. Оглядѣлъ ребенка, выпучился и стоитъ, ровно оглашенный. Я сразу увидѣла, что невдомекъ ему, не можетъ взять въ толкъ дѣла.

— Я и самъ, Домнушка, на него дивился. И ему-то, видать, самому совѣстно, что не знаетъ. Еще бы, учили-учили, а за порчу не знаетъ, какъ взяться. Да у насъ въ деревнѣ всякая знахарка зна-

етъ, какъ отъ порчи лечить. Ну, а потомъ спохватился и ту же пѣсню завелъ: мужъ-де пьяница.

— Во-во, ровно какъ нашъ, съ Заозерья. Ты возьми одно: какой у насъ въ округѣ мужикъ не пьяница? Ну, найди мнѣ такого. Вѣдь не найдешь?

— Знамо дѣло, не найтить.

— И я знаю, что не найтить, подтвердила Домна.—Такъ, стало, въ округѣ всѣ ребята должны порченые быть. Всѣ на одну стать. А, намѣсто того, у меня одной во всей округѣ ребенокъ-то порчей зашелся. Вотъ ты и обсуди, какъ такое можетъ статься, по ихнему-то, по-ученому.

— И мнѣ говоритъ: не пей. Статочное ли дѣло, не пить?

— Да ужъ вамъ какъ не пить, иронически поддакнула Домна. — Скорѣй гусь въ лужѣ воды не выпьетъ, чѣмъ вы водки не нахлещетесь. Ужъ на это васъ взять! А послѣ надъ нами, бабами, форсъ свой казать будете!

Еремѣй съ удивленіемъ взглянулъ на Домну. Ея кроткое миловидное лицо стало вдругъ сердитымъ и надутымъ. Ему даже жутко стало, и холодокъ пробѣжалъ у него по спинѣ.

— И эта также, съ тоской думалъ онъ.—Господи Батюшка, да что жъ это, всѣ бабы ровно зелья объѣлись! Аль скончанье свѣту пришло, и намъ нигдѣ заступы не найтить?

Онъ уныло простился съ нею и побрелъ къ себѣ, часто оглядываясь на дровни, которыя медленно уползали вдаль...

Сѣрыя сумерки нависали тяжелымъ, густымъ пологомъ, смыкая около сѣрыхъ избушекъ тѣсный кругъ потемокъ, тоски обыденныхъ заботъ. Некуда было уйти изъ этого круга, волей-неволей нужно было топтаться въ немъ, нести на усталыхъ плечахъ тяготу жизни. И нести не съ полетомъ гордыхъ думъ, не съ горѣніемъ яркихъ порывовъ— а тихо, неустанно, день за днемъ, отдавая силы мелочнымъ заботамъ. Порой становился нестерпимо тяжкимъ этотъ гнетъ обыденности, но приходилось его нести.

Объ этомъ думала Варя, сидя у стола въ маленькой комнаткѣ и смотря, какъ Василій Николаевичъ пьетъ водку рюмку за рюмкой, какъ рдѣютъ его щеки, блестятъ глаза. Онъ возбужденъ, часто смѣется, и слова такъ смѣло и свободно льются съ его устъ.

— О чемъ ты все грустишь, дорогая? Обо мнѣ, да? Меня оплакиваешь? Рано еще, голубка. Мы еще поживемъ. Я знаю, что лѣтъ на пять меня еще хватитъ. Мало тебѣ пяти лѣтъ, а?

— Мало, стараясь улыбаться, отвѣтила Варя. Но голосъ ея звучалъ печально.

— Мало! Ишь ты, какая жадная! А ты сколько бы хотѣла? Ну-ка, скажи? Сто лѣтъ довольно?

— Ужъ куда тамъ сто! махнула она рукой.—Сколько бы ни было, но...безъ угрозы. Понимаешь? Такъ, чтобы жить, какъ хочется, ничего не боясь, не думая о томъ, что каждую минуту...

— И живи такъ. Не растравляй себя. Ты думаешь, меня на пять лѣтъ не хватитъ? Нѣтъ, я-то ужъ знаю. Лѣвое легкое, правда, совсѣмъ дрянь. Ну, а правое за себя постоитъ; чуть только верхушка тронута. А слабость, лихорадки—это не столько туберкулезный процессъ, сколько отъ переутомленія. Да и возрастъ у меня все-таки не критическій. Тридцать шестой пошелъ. И потомъ, Варя...Подумай: пять лѣтъ счастья—развѣ этого мало?

— Ты называешь нашу жизнь счастьемъ? вырвалось у нея.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее. Она вся вспыхнула, опустила глаза.

— А ты не считаешь ея счастьемъ? Любви со всѣми онерами нужно? Варя, я какъ врачъ, какъ порядочный человѣкъ, говорю тебѣ — я не могу, не могу дать тебѣ этой любви. Это было бы подлостью съ моей стороны. Вотъ на лѣто возьму отпускъ, мѣсяца на два, а то и на три. Денегъ у насъ съ тобой подкоплено, уѣдемъ мы на Кавказъ или въ Крымъ—и тамъ такую идиллію разведемъ, что духъ захватитъ. А наша теперешняя жизнь—душа въ душу, мысль къ мысли, жизнь въ общемъ трудѣ, въ общемъ горѣ...Милая, да развѣ это не счастье? У кого оно есть, такое, какъ у насъ? Вѣдь люди живутъ такой безыдейной, животной жизнью! И повѣрь мнѣ, то, что мы имѣемъ—наши отношенія,—это безцѣнный даръ судьбы. Связь души, Варя, рѣже встрѣчается, чѣмъ связь тѣла. А тотъ, кому судьба пошлетъ это рѣдкое счастье, тотъ долженъ себя считать особо отличеннымъ. Это, знаешь, вродѣ того, какъ тайному совѣтнику знаки Бѣлаго Орла пожалуютъ. Эхъ, Варя! Давай, выпьемъ за Бѣлаго Орла, что ли! Никогда этакой птицы не видѣлъ, но, вѣрно, ужъ хороша! Выпьемъ, ей-Богу?

Она отрицательно покачала головой.

— Плохо, что ты алкоголю не вѣришь. Онъ даетъ такую полноту забвенія, что въ общемъ пристрастіи къ нему нѣтъ ничего удивительнаго. Проклятая жизнь! Мало того, что она взвалитъ тебѣ на плечи цѣлую охапку огорченій, такъ еще заставляетъ все время думать о нихъ, себя растравлять. Вотъ и пьютъ ей на зло! Ты насъ думала доѣхать, а мы на тебя плюемъ.

— Но себя беречь все-таки нужно, замѣтила она.—А то и на пять лѣтъ можетъ не хватить.

— Нельзя этого, Варя. Нельзя „немножко работать", „немножко любить". Нужно всему отдаваться цѣликомъ.

— Ну, любви-то ты не очень отдаешься.

— Опять попрекнула! Ахъ, ядовитая ты женщина! Варя, теперь меня дѣло мое сильно забираетъ. Говорю тебѣ, я лѣтомъ другимъ человѣкомъ стану.

— Жестокое оно, это ваше земское дѣло. Молохъ какой-то!

— Жестокое, пожалуй. Оно требуетъ человѣка всего, цѣликомъ. Подай ему и тѣло, душу, и нервы, и разумъ—все!

Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Закурилъ папиросу, кашлялъ, жестикулировалъ, но говорилъ съ возрастающимъ оживленіемъ. Она украдкой убрала со стола рюмку и графинъ съ водкой.

— Вотъ сегодня, въ больницѣ, говорилъ онъ:—я знаю, что временами ты до ожесточенія ненавидѣла всю эту толпу мужиковъ. Знаю, что ты считаешь нашу земскую медицину преступнымъ шарлатанствомъ. Я и самъ понимаю, что наша амбулаторія—чистѣйшій вздоръ, толченье воды. Помочь морю мужицкихъ недуговъ невозможно. Больны они всѣ поголовно. Здоровый мужикъ—такая же рѣдкость, какъ бѣлый слонъ гдѣ-то тамъ, въ Сіамѣ, что ли. Я не говорю, что здоровыхъ вовсе нѣтъ. Конечно, они есть. Но соотношеніе таково, что въ общемъ итогѣ здоровые являются счастливой случайностью. И вотъ это, конечно, ужасно. А ужаснѣе всего то, что они болѣютъ не отъ себя, не отъ изношенности организма, а отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій: отъ недоѣданія, сифилиса, отъ пьянства. И поколѣніе за поколѣніемъ вырождаются. Ну, и что же тутъ дѣлать? Вѣдь, когда имъ порошки да капли даешь—самъ себя подлецомъ считаешь, честное слово. А между тѣмъ... Вотъ тутъ-то въ схему нашихъ дѣйствій и вступаетъ что-то „отъ души", стоящее внѣ разума, внѣ логики. Вспомнишь эти жалкіе испуганные глаза, корявые языки, которые лопочутъ что-то о „микиткахъ, что не пущаютъ", о „становой жилѣ, котора съ мѣста сошла", вспомнишь все это — и хватитъ за сердце такая жалость, что хочется помочь имъ, чтобы помочь себѣ. Вѣдь они — какъ дѣти, Варя. Большіе, грубые, а душой—дѣти. Какъ дѣти, глупы и мудры, по-своему упрямы, добры, великодушны, до звѣрства жестоки — и все это у нихъ сплетается въ одно огромное цѣлое...Въ огромную „душу Россіи". И потому-то мы и не можемъ понять ихъ, что эта „душа" вся состоитъ изъ крайностей и противорѣчій. Но обращаться-то съ ними приходится, какъ съ дѣтьми. Знаешь, что дѣлаютъ съ дѣтьми, когда они плачутъ и капризничаютъ? Имъ даютъ пряникъ, леденецъ, говорятъ ласковыя, вздорныя слова. Иначе нельзя. Земская медицина — компромиссъ, и для того, чтобы сдѣлать этотъ компромиссъ цѣлью жизни, ея оправданіемъ, нужно возводить его въ принципъ. Въ этомъ—задача! Нужно слѣпить себѣ какого-нибудь божка, непремѣнно нужно. Богъ прекрасенъ, Варя. Но

Онъ—на небесахъ. Что съ Него возьмешь? Намъ нуженъ хоть „исправляющій должность“, но чтобы онъ былъ попроще, поближе къ намъ. Вотъ для этого-то самодѣльные божки и годятся. И наша земская медицина—это одинъ изъ такихъ божковъ.

Онъ подошелъ къ столу, оглядѣлся.

— Ага, успѣла-таки убрать! Варя, какъ бы я хотѣлъ, чтобы ты была оригинальнѣе! Женщина, ангелъ-хранитель, удерживающая несчастнаго пьяницу отъ лишней рюмки водки—эта фигура слащава, шаблонна и, по правдѣ сказать, довольно скучновата.

— Если хочешь, я достану, сказала Варя.—Я убрала графинъ не потому...Я просто думала, что ты кончилъ.

— Кончилъ! Это можетъ сказать только женщина! Какъ можно „кончить“ пить, когда каждая новая рюмка просвѣтляетъ разумъ, сбрасываетъ съ плечъ какую-то постылую, надоѣвшую тяготу. Чувствуешь себя такимъ смѣлымъ, свободнымъ отъ страха, отъ горькихъ думъ...Ахъ, Варя! Вотъ мы всѣ осуждаемъ мужиковъ, зачѣмъ они пьютъ. И я самъ на пріемѣ ежечасно поношу ихъ за пьянство. Но для нихъ это просвѣтлѣніе, этотъ подъемъ духа—еще чудеснѣе. Уже одно то, что они обрѣтаютъ даръ рѣчи... Ты знаешь, какъ они неуклюже говорятъ въ трезвомъ видѣ, какъ имъ трудно выразить самую простую мысль! Около каждаго слова у нихъ бездна нелѣпыхъ приговорокъ: „того“, „энтого“, „какъ его“, „значитъ“. И плететъ-плететъ слово за словомъ, трудно понять его, трудно слушать. Мысль, какая ни на есть, рвется на свободу, а корявый языкъ не пускаетъ. По сему случаю достань графинчикъ. Ей-Богу, хуже не будетъ!

Она со вздохомъ достала графинъ и рюмку. Онъ выпилъ, закусилъ корочкой хлѣба, подошелъ къ дѣвушкѣ и ласково гладилъ ее по головѣ. Потомъ повернулъ къ себѣ ея лицо и долго смотрѣлъ въ большіе печальные глаза.

— Брось, говорю тебѣ, брось хоронить меня! строго произнесъ онъ, и глаза его стали злыми, блеснули ненавистью. Она отшатнулась отъ него.

— Ахъ, оставь меня! Дѣлай, что хочешь!

Онъ смущенно отошелъ, сѣлъ къ столу и нервно ломалъ пальцы.

— Эхъ, не надо было! Ну, ничего не подѣлаешь. Вылетѣло—не поймаешь. Да...О чемъ я хотѣлъ сказать? Ахъ, о мужицкомъ краснорѣчіи...О мужицкомъ языкѣ, о его трезвой неволѣ и пьяной свободѣ. Конечно, пьяный мужикъ—не Демосѳенъ, не Цицеронъ. Но, когда они пьяны, языкъ у нихъ вырывается на свободу и несетъ чепуху легко и весело. Имъ легче говорить, легче жить въ часы похмѣлья. И не только имъ, но всѣмъ. И потому-то я благословляю алкоголь! Благословляю за то, что онъ даетъ возможность намъ, ползающему по землѣ праху, уне-

стись къ небесамъ. Познать размахъ мечтаній, познать дурманъ забвенія, познать счастье...Вѣдь это же чудо, высшая радость на землѣ!

Онъ разсмѣялся.

— Трогательно! Пьяница, воздающій хвалу водкѣ. Особенно пикантно то, что эту хвалу воздаю я, земскій врачъ, который сегодня на пріемѣ разъ двадцать извергалъ краткія, но грозныя филиппики противъ пьянства. И подлецъ же я, Варя!

Онъ подошелъ къ ней, положилъ руки ей на плечи, заглянулъ въ глаза.

— И какъ ты можешь любить такого подлеца?

— Люблю...Все-таки люблю, горячимъ, взволнованнымъ шепотомъ отвѣтила дѣвушка. Взявъ его руку, прильнула къ ней горячими губами. Онъ не отнималъ руки, но стоялъ, закрывъ глаза, внезанно поблѣднѣвъ, переживая какой-то порывъ внезапно налетѣвшаго чувства.

— Люблю горячо...какъ умѣю, говорила она.—И эта любовь даетъ мнѣ право беречь, охранять тебя. Для себя вѣдь берегу. Ты вотъ говоришь, что пять лѣтъ протянешь. А если нѣтъ? Да и изъ этихъ-то пяти...Много ли придется на мою долю?

— Такъ вѣдь я же говорю тебѣ: лѣтомъ я возьму отпускъ, и мы съ тобой уѣдемъ.

— Правда?

— Ну, конечно, правда. Думаешь, я самъ не хочу этого? И тогда—весь твой буду.

Онъ наклонился къ ней, хотѣлъ поцѣловать ее, но вдругъ оттолкнулъ отъ себя.

— Уйди, Варя, уйди! Оставь меня!

— Что съ тобой?

— Говорю тебѣ, уйди! Вѣдь должна же ты понимать, что я...Боже мой, какой ужасъ—жизнь! Да уходи же ты!

Но она не уходила. Обвила его шею руками. Цѣловала его и шептала въ полузабытьѣ:

— Ничего не боюсь, ни о чемъ не думаю, не хочу думать. Только любви хочу, а тамъ—будь что будетъ!

Нѣсколько мгновеній они оба молчали, отдавшись сладости ласки, уносясь мечтой къ той волнѣ счастія, которую они видѣли вдали, въ сіяющихъ озареніяхъ любви...

И вдругъ приступъ кашля, зловѣщаго, звонко резонирующаго, заставилъ ихъ очнуться отъ сладкой грезы. Она съ отчаяніемъ, уже не таясь, не сдерживаясь, заломила руки, а онъ быстро отошелъ и, откашлявшись, отеръ ротъ салфеткой и сунулъ ее за бортъ пиджака, чтобы скрыть ярко-алое пятно крови.

— Да, началъ онъ какимъ-то надломленнымъ голосомъ,—размечтались мы съ тобой о счастьѣ. Хочется его, этого маленькаго человѣческаго счастья! А между тѣмъ... Оно невозможно, Варя! Ну, подумай, могу ли я сойтись съ тобой? Вѣдь это подлостью будетъ!

— Не смѣй такъ говорить, не смѣй! рѣзко крикнула она.—И... и лучше этого не касаться вовсе.

— Отчего не говорить? Мы съ тобой обо всемъ должны говорить. Ну, хорошо. За себя ты не боишься. А если... Если послѣдствія? Вѣдь это же, чортъ знаетъ, что!

— Ихъ не должно быть, тихо отвѣтила она.—И не будетъ. Ни въ какомъ случаѣ не будетъ.

— Нечего сказать, хорошо счастье! разсмѣялся онъ.—Ну, что жъ, какое есть. Во всякомъ случаѣ, надо дѣйствовать. Сейчасъ же послѣ Пасхи буду хлопотать объ отпускѣ, и мы съ тобой уѣдемъ куда-нибудь въ санаторію. Я думаю, въ Финляндію лучше, чѣмъ въ Крымъ. Два мѣсяца полнаго отдыха, тишины, покоя безусловно подбодрятъ меня. А не будетъ земской медицины—не будетъ и водки. И тогда все измѣнится. Вѣдь одно-то легкое у меня есть. Этого ужъ отъ меня не отнимешь!

Она подошла къ нему, прижалась головой къ его плечу. Онъ обнялъ ее, и они долго-долго смотрѣли въ окно, въ бездонно-черную ночь...

Глава XIII.

Въ началѣ декабря врачи со всего уѣзда собирались на очередной врачебный совѣтъ. По этому случаю Асторскій былъ въ большихъ хлопотахъ. Пятеро, а то и шестеро врачей останавливались всегда у него, а столовались всѣ. Честолюбивая и властная натура Асторскаго видѣла въ этомъ немалое удовлетвореніе, такъ какъ хлѣбосольство давало ему право на главенствующую роль среди коллегъ. Уже за нѣсколько дней до съѣзда онъ и жена дѣятельно хлопотали объ устройствѣ и кормежкѣ гостей.

Однажды утромъ, уже незадолго до съѣзда, Ольга Семеновна, съ отчаяніемъ на лицѣ, вошла въ кабинетъ мужа, гдѣ онъ переписывалъ свой докладъ.

— Федя, у насъ несчастье!

— Что? Съ Володей худо? испугался онъ.

— Нѣтъ. Лукерья напилась. Запой! И какъ разъ теперь!

Она чуть не плакала. Асторскій насупился. Это извѣстіе, въ виду предстоящаго съѣзда гостей, было поистинѣ „несчастіемъ.“ Лукерья, хорошая до виртуозности кухарка, какъ и многія русскія бабы фабрич-

но-заводскаго района—страдала запойнымъ пьянствомъ. Ея запой означалъ недѣлю, а то и дней десять безпробуднаго пьянства, во время котораго степенная, работящая баба теряла образъ человѣческій, пропивала свое добро, скандалила и сквернословила. Въ запойные дни у Асторскихъ не готовился обѣдъ, и семья кое-какъ пробавлялась холодными закусками. Когда запой спадалъ, Лукерья, смирная и похудѣвшая, кланялась господамъ въ ноги, просила прощенья и съ удвоенной энергіей принималась за работу.

— Что же мы будемъ дѣлать? спрашивала Ольга Семеновна.

— Можетъ быть, еще отойдетъ?

— Богъ ее знаетъ. А вѣдь кто-нибудь можетъ пріѣхать со дня на день. Нельзя же ихъ кормить колбасой и яичницей.

— Что-нибудь придумаемъ. Я къ Иванихѣ зайду, тамъ съ поваромъ поговорю. Можетъ быть, онъ и порекомендуетъ кого-нибудь. Въ крайнемъ случаѣ, будемъ заказывать у нихъ обѣды, пока нужно будетъ. Конечно, это очень, очень непріятно. Накати на нее запой послѣ съѣзда—Господь съ ней, не въ первый разъ. А сейчасъ...

— Такъ ужъ ты иди къ повару скорѣе, поговори. Я ужасно безпокоюсь.

— Я вотъ только хотѣлъ на 31 страницѣ вставочку подклеить.

— Я тебѣ и подклею и подошью все, только иди, ради Бога!

Асторскій со вздохомъ повиновался. Для него было большой жертвой оставить свой докладъ изъ-за домашнихъ дрязгъ. Черствый и угрюмый въ отношеніяхъ съ людьми, онъ въ своихъ докладахъ о земской санитаріи дѣлался поэтомъ. Напыщеннымъ, витіеватымъ слогомъ, съ безконечными отступленіями, лирическими возгласами, излагалъ онъ итоги своихъ трудовъ за истекшій мѣсяцъ. Странная для сухого доклада жизненность и образность изложенія придавали ему интересъ и мнимую убѣдительность. Въ своихъ докладахъ онъ постоянно касался антисанитарнаго состоянія города, хотя городское благоустройство и не входило въ сферу земской компетенціи. Всякія упущенія по санитарной части: грязные обывательскіе дворы, безпорядочная свалка нечистотъ—все это вырастало въ размѣрахъ, обрѣтало какую-то рѣзко выраженную принципіальность. Если судить по рацеямъ Асторскаго, то можно было придти къ такому убѣжденію, что обыватели разводили у себя всяческую грязь не по лѣни или исконному россійскому неряшеству, а въ силу консервативности своихъ воззрѣній, желая ставить палки въ колеса земскимъ дѣятелямъ. Слогъ, манера изложенія зачастую увлекали аудиторію, но тенденціозность докладовъ могла оттолкнуть всякаго свѣжаго человѣка, не искушеннаго въ фанатизмѣ земской казуистики.

Повинуясь необходимости, Асторскій отправился къ Иванихѣ. Здѣсь, въ общей залѣ, было всегда тѣсно, людно, накурено. Но сейчасъ чистая половина пустовала. Асторскій сидѣлъ за столикомъ, скрытымъ трельяжемъ. Передъ нимъ, почтительно изогнувшись, стоялъ буфетчикъ, сообщавшій Асторскому какія-то необыкновенно интересныя свѣдѣнія, потому что его смугловатое лицо оживилось, покрылось румянцемъ, а рука то и дѣло хваталась за записную книжку, хранившуюся въ правомъ карманѣ пиджака.

— Такъ неужели же онъ взялъ эти деньги? спрашивалъ Асторскій.

— Взяли-съ! Вотъ какъ передъ Истиннымъ!

— Такъ вѣдь всего 33 рубля. Велики ли деньги? Ну, на что ему?

— Не могу знать-съ. А только Любка эта самая мнѣ не разъ жалилась. Я, гритъ, напила себѣ 33 рубля, а Петръ Николаичъ ихъ взяли, будто на сохраненье. У нихъ тамъ по пьяному дѣлу парей промежъ себя былъ, какая изъ дѣвчонокъ перепьетъ. Ну, Любка перепила, и всѣ деньги-то, что на тарелку накидамши, ей пошли. А Петръ Николаичъ ихъ въ бумажникъ спрятали. У меня, гритъ, сохраннѣй будутъ, а я ей потомъ отдамъ. А такъ по сей день и не отдали.

— Такъ что же она не спроситъ?

— Гдѣ же ей, паршивой гулящей дѣвчонкѣ, къ этакому барину вхожденіе имѣть? Да ее и на кухню-то не пустятъ. А сюда къ намъ они теперь рѣдко бываютъ. Любкѣ-то эти 33 рубля недаромъ, поди, достались. Натерпѣлась она за нихъ.

— Но я не думаю, чтобы онъ это умышленно сдѣлалъ. Нѣтъ, это невозможно. А она должна была бы напомнить ему... Ну, подкараулить на улицѣ, что ли.

— Дозвольте спросить, какимъ манеромъ? Вѣдь Петръ Николаичъ пѣшкомъ не ходятъ. Кони у нихъ—одно слово, вихорь. Ихъ за хвостъ не ухватишь. Въ больницу къ нимъ идтить—ей не гоже. У нихъ, у гулящихъ, свои врачи полагаются.

— Какая грязь, Господи, какая грязь! возмущался Асторскій. —Нѣтъ, немыслимо, чтобы онъ намѣренно присвоилъ себѣ эти деньги. Онъ просто забылъ про нихъ.

Хитрый буфетчикъ хорошо понималъ, чего хочется Асторскому, и потому, наклонившись къ нему, говорилъ умильнымъ, вкрадчивымъ шепоткомъ:

— Осмѣлюсь доложить, Петръ Николаичъ насчетъ денегъ большую приверженность имѣютъ. Одинъ разъ завтракали они у насъ съ какимъ-то бариномъ, надо быть, изъ Москвы, пріѣзжій, потому незнакомый. Емельянъ рыжій служилъ имъ. Ужъ они его гоняли-гоняли, парень ажъ запотѣлъ весь. А подъ конецъ все-таки онъ въ чемъ-то не

потрафилъ, и Петръ Николаичъ его изругали и прогнали. Ты, говорятъ, не лакей, а болванъ. И ничего я тебѣ не дамъ. Нищему зря десятку брошу, а тебѣ не дамъ. За завтракъ они платили, такъ, стало быть, имъ Емелькина десятка на прибытокъ пошла.

— Ну, и не далъ?

— Запамятовалъ я, признаться, смущенно сказалъ буфетчикъ. —Кажись, что не далъ.

— А нищему никогда онъ десятки не броситъ. Похвальба одна.

— Ни въ какомъ разѣ. Они и Емелькину-то десятку, поди, подъ большой палецъ пригнули, а потомъ съ иными протчими капиталами въ банку препроводили.

— А большіе у него капиталы, поди, прикоплены! со вздохомъ сказалъ Асторскій.

— Огромадные-съ! Посудите сами, весь городъ, почитай, лечатъ. Въ Москву ихъ на консультацію эту самую зовутъ, ихній кучеръ намеднись сказывалъ.

Асторскій опять вздохнулъ.

— Такъ какъ же, Егоръ Ѳомичъ, насчетъ человѣчка-то?

— Пришлю-съ! Ежели только онъ гдѣ по близости околачивается, безпремѣнно пришлю. Руки золотыя, а вину чрезмѣрно подверженъ. Но, коли зарокъ накрѣпко дастъ—денъ пять, а то и поболѣ, продержится. Какъ меня въ позапрошломъ годѣ ревматизмой скрючило, онъ же, Андрюшка, вызволилъ. Таки тутъ растегаи раздѣлывалъ, что сами управскій членъ Саешниковъ обкушались и, почитай, двое сутокъ животомъ мучались.

— Вотъ дурень-то!

— Растегаи по вкусу пришлись, ничего не подѣлаешь. А послѣ на насъ же осерчали и къ намъ ни ногой. „Погубителями" вездѣ обзывали. А развѣ наше дѣло? Всякъ самъ себя соблюдать должонъ.

— Егоръ Ѳомичъ! раздался чей-то голосъ:—хозяйка требоваетъ!

— Сичасъ! крикнулъ буфетчикъ и, снова пригнувшись къ Асторскому, зашепталъ:

— Доводилось не разъ примѣчать, Федоръ Лаврентьичъ: чѣмъ больше капиталовъ, больше и этой самой жадности. Одначе, прощенья просимъ. Хозяйка кличетъ. Знаете, нанялся—продался.

— Иди, иди. А если Андрюшку не достанешь?

— Тогда ежедень на 15 персонъ. Ужъ будьте благонадежны.

— Только смотри, Егоръ Ѳомичъ, ежели придется, съ бульономъ не жульничай. Трактирная ѣда прежде всего по бульону узнается. Потомъ, въ соуса перцу не вали. У васъ сдуру любятъ наперчить такъ, что глотка горитъ.

— Ужъ будьте благонадежны, все въ лучшемъ видѣ-съ!

Послѣ ухода буфетчика, Асторскій досталъ изъ пиджачнаго кармана записную книжку и долго что-то писалъ, послюнивая карандашъ и нахмуривъ свои густыя брови. Кончивъ писать, онъ аккуратно спряталъ книжку въ карманъ и сидѣлъ, глубоко задумавшись. На губахъ его то и дѣло мелькала злорадная усмѣшка. Пальцы нервно барабанили по столу. Горѣло въ сердцѣ пламя негодованія, и не хотѣлось уходить, не забросивъ въ чью-нибудь душу такой же негодующей искры. И, когда вошелъ недавно назначенный судебный слѣдователь, Асторскій такъ и бросился къ нему навстрѣчу:

— Батенька! Васъ-то мнѣ и нужно!

— Здравствуйте, угрюмо буркнулъ слѣдователь.

Онъ былъ сильно не въ духѣ, потому что вчера проигрался въ преферансъ, а утромъ только что побранился съ женой изъ-за дурно выглаженныхъ воротничковъ и простывшаго кофе. Онъ только мечталъ о томъ, какъ сядетъ за столикъ, развернетъ свѣжія газеты, успокоится—и, какъ нарочно, подвернулся Асторскій, который такъ и вцѣпился въ него и, видимо, не намѣревался оставить его въ покоѣ.

— Нѣтъ ужъ, батенька, вы ко мнѣ сюда, въ уголочекъ, присядьте, говорилъ Асторскій.—Ужъ не пущу васъ, ни за что не пущу. Садитесь и сказывайте, чего изволите пожелать. А потомъ потолкуемъ о томъ, о семъ.

— Кофе хочу, да чтобы горячаго, проговорилъ слѣдователь.—А толковать некогда. Въ уѣздъ нужно тащиться. Куда-то къ чорту на кулички, въ какіе-то Грачевскіе Выселки.

— Будемъ пить кофе, восторженно подхватилъ Асторскій. Застучалъ пепельницей по столу и зычно крикнулъ на весь залъ:

— Егорка! Епишка! Петръ! Всѣ сюда! Живо!

Прибѣжавшему лакею онъ заказалъ двѣ порціи кофе съ пирожками и бутербродами.

— Да вы, я вижу, тутъ свой человѣкъ. Командуете. Вотъ ужъ никогда бы не подумалъ.

— Отчего?

— Да у васъ жена такая примѣрная хозяйка—чего вамъ толкаться по трактирамъ, съязвилъ слѣдователь, и пожалѣлъ, что жены его не было здѣсь, чтобы проглотить эту пилюлю.

— Это ничего не значитъ. Мы, земскіе люди, должны подчасъ по трактирамъ потолкаться. Того, другого встрѣтишь, поговоришь...Въ курсѣ жизни держишься. Ну, какъ живете-можете въ нашей провинціи?

— Мертвыя тѣла одолѣли, со вздохомъ произнесъ слѣдователь.

Асторскій съ сочувственнымъ вздохомъ спросилъ:

— Кошмары?

— Какіе тамъ кошмары! Самыя заправскія тѣла, съ костяками и съ мясомъ! По всему уѣзду, какъ оглашенный, гоняюсь. На прошлой недѣлѣ тѣло въ Мещеринѣ объявилось. Тамъ престолъ былъ. Ну, послѣ престола—драка, послѣ драки—мертвое тѣло. Въ понедѣльникъ ужъ въ Мишино слеталъ. На другой день—пожалуйте въ Медвѣдкино. А сегодня въ Грачевскіе Выселки ѣду тѣло встрѣчать. Разрывайся, какъ знаешь. Мертвецамъ-то наплевать, а мнѣ каково!

— Съ кѣмъ изъ врачей ѣдете?

— Съ Валентиномъ Михайлычемъ.

Помолчали.

— Капиталецъ нужно имѣть, вдругъ сказалъ Асторскій.—Былъ бы капиталецъ, никуда бы не ѣздили, сидѣли бы дома въ теплѣ да въ уютѣ.

— А гдѣ взять этотъ капиталецъ? Изъ пальца не высосешь.

— Для пріобрѣтенія капитальца, милѣйшій Сергѣй Павлычъ, нужны всего три вещи: бережливость, настойчивость и безпринципность. Есть у васъ сіи добродѣтели—сколотите вы себѣ скорехонько капитальчикъ и будете тогда рентьеромъ жить, на покоѣ. А мертвымъ тѣламъ тогда этакъ ручкой сдѣлаете. Адью-съ! И больше никакихъ.

— Женатому и семейному трудно капитальчикъ сколотить.

— Нужно изловчиться. Хотя я вамъ совѣтую, а самъ тоже все жалованье проживаю.

— Вы-то практикой можете заниматься.

— Этого-съ не могу! со вздохомъ сказалъ Асторскій.—Земскому врачу совѣсть не дозволяетъ.

— Полноте, Беркуловъ же занимается частной практикой, да еще какъ! Деньги прямо лопатой гребетъ.

— Я и разумѣлъ г. Беркулова, когда говорилъ о безпринципности въ дѣлѣ сколачиванія капитала. Изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ я знаю, что г. Беркуловъ въ этомъ дѣлѣ весьма и весьма неостороженъ. И умножаетъ свой капиталъ такими способами, которые, если бы узнались, сразу пошатнули бы все его положеніе, всю его популярность. Я вамъ скажу по секрету...

— Эхъ, Федоръ Лаврентьевичъ, охота вамъ сплетнями заниматься! перебилъ его слѣдователь.—Провинція въ этомъ отношеніи ужасна. То ли дѣло Петербургъ, Москва! Тамъ можно нѣсколько лѣтъ жить съ людьми стѣна объ стѣну и ничего не знать—ни вы про сосѣдей ни они про васъ. Вотъ это жизнь, вотъ это свобода! Тамъ, дѣйствительно, можно размахнуться—и въ полгода кушъ схватить. А здѣсь цѣлую жизнь нужно по грошамъ сколачивать, да еще тебя же будутъ попрекать „источниками“.

— Зачѣмъ же вы оставили Петербургъ и перешли въ провинцію?

— Мѣста не могъ найти. Протекціи у меня никакой. Ну, и пришлось въ земское болото ткнуться да съ мертвыми тѣлами на рандеву ѣздить. Чортъ бы ихъ дралъ!

— Да, Сергѣй Павлычъ, съ кислой, натянутой улыбкой произнесъ Асторскій:—вижу, что вы не нашъ. И весьма мнѣ это прискорбно. Хотѣлось бы мыслить всѣхъ земскихъ работниковъ, какъ одну семью, а у насъ—всѣ вразбродъ. И гдѣ? Въ нашемъ срединномъ земствѣ, въ коренной Великороссіи! Въ земствѣ съ традиціями, съ идеями, съ подоплекой!

— Не ко двору, значитъ, пришелся, сказалъ съ насмѣшливой улыбкой слѣдователь.

— Да-съ, не ко двору. Но только вы не обижайтесь. Это мы съ вами просто по душамъ разговорились; вотъ вы выложили, что у васъ на душѣ есть. Все это разойдется. Это въ васъ столичная закваска бродитъ. А мы здѣсь люди простые. Стерпится—слюбится. Правда?

— Не знаю, Федоръ Лаврентьевичъ.

Асторскій поднялся.

— Богъ дастъ, все образуется. До свиданія! Дай Богъ благополучно съѣздить. Къ намъ заглядывайте.

— Благодарю васъ.

— Непремѣнно приходите. У меня кое-какіе вопросики по вашей юридической части обозначились. А теперь скоро нашъ медицинскій коллегіумъ съѣдется. Приходите, познакомитесь. Любопытные люди есть. Такихъ вы въ вашемъ Петербургѣ не найдете.

— Благодарю васъ, будетъ время—зайду, уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ отвѣчалъ слѣдователь.

Этотъ разговоръ надоѣлъ ему, и онъ никакъ не могъ дождаться, когда же уйдетъ отъ него Асторскій. Зоркимъ, наблюдательнымъ взоромъ онъ давно уже примѣтилъ на буфетной стойкѣ пачку свѣжихъ московскихъ газетъ. Его тянуло къ нимъ, какъ пьяницу къ рюмкѣ водки. Едва только Асторскій ушелъ, какъ онъ поспѣшно направился къ стойкѣ и скупилъ всѣ газеты, какія были.

Асторскій же, едва только отошелъ въ сторону, опять вынулъ свою записную книжку и написалъ: „С. П. Б-ревъ. Слѣдователь. При первомъ случаѣ—выжить“. Положилъ книжку въ карманъ и неспѣшными шагами направился домой.

Черезъ три дня, въ субботу вечеромъ, въ кухнѣ у Асторскихъ возсѣдалъ присланный буфетчикомъ Андрюшка, толстый, пожилой человѣкъ, съ большимъ носомъ, отливавшимъ всѣми цвѣтами радуги. Въ углу на кровати валялась Лукерья: охала, вздыхала и, вообще, проявляла всѣ симптомы „тяжелаго запоя“. Передъ ней на табуреткѣ стояла бутылка водки и тарелка съ мелко накрошеннымъ соленымъ

огурцомъ и кислой капустой. Андрюшка былъ настроенъ весьма благодушно. Онъ допивалъ принесенную съ собой косушку и философствовалъ:

— Я запойныхъ бабъ, не въ примѣръ прочимъ, весьма даже уважаю. Куды больше трезвыхъ. Потому, пьющая баба — значитъ, у ей тутъ что-нибудь есть. Да!—и онъ многозначительно стучалъ себѣ пальцемъ по лбу. —Значитъ, у ней не одно брюхо, а и понятіе есть. А у кого понятіе —тому либо задавись, либо пей. Жисть того требоваетъ. Какъ она, проклятая, не задалась—такъ и шабашъ. Тутъ она тебя за глотку ухватитъ и дыхнуть не дастъ. Скажемъ, къ примѣру, моя жисть. Ну, кака така она жисть? Всякій паршивый соплякъ меня „Андрюшкой" кличетъ. Какой я имъ, песьимъ дѣтямъ, Андрюшка? Вѣдь мнѣ на пятый десятокъ пошло. Кабы моя жисть по правильному задалась, такъ у меня внучонки по шестому году на колѣнкахъ бы сидѣли. А, намѣсто того, я, какъ старая метла, по чужимъ куфнямъ таскаюсь. Да угождай, да кланяйся, да рожу криви! Легко это? Вотъ съ этого самаго я и пью.

— А я пью, вдругъ неожиданно отозвалась Лукерья,—все черезъ таракановъ этихъ самыхъ.

— Съ какихъ таракановъ?

— А большіе такіе... съ кулакъ! Все по стѣнкамъ такъ и сигаютъ, такъ и сигаютъ. А хлопнешь—ничего нѣтъ. И такъ они меня одолѣли, такъ одолѣли—никакого терпѣнья нѣту!

— Такъ это, може, не тараканы, а черти? высказалъ предположеніе Андрюшка. —У меня знакомый былъ, слесаремъ работалъ на заводѣ. Царство ему небесное, въ бѣлой горячкѣ померъ. Такъ его все черти смущали. То, гритъ, фиги кажутъ, то языкомъ дражнются. Десятками онъ ихъ ловилъ. Поймаетъ—и въ ведро, и въ ведро. Вынесутъ отъ него ведро, а вода-то въ немъ мутная-мутная.

— Я отъ блажной дури помру, произнесла сиплымъ голосомъ Лукерья. — Мнѣ старичокъ одинъ сказывалъ. Въ Кіевъ шелъ онъ по обѣщанью, Богу молиться. Я въ тѣ поры у купцовъ жила—такъ они завсегда страннымъ людямъ пріютъ давали. Посмотрѣлъ онъ на меня жалостно такъ, и говоритъ: въ тебѣ, тетка, блажная дурь засѣвши. Въ брюхѣ она у тебя. И начнетъ у тебя эту дурь распирать. Будетъ она у тебя, какъ кислое тѣсто, кверху лѣзть. Какъ подъ микитки подвалитъ, такъ и задушитъ. Оно и вѣрно выходитъ. Вонъ я кака сырая.

—Трудно сказать, отъ чего люди помираютъ, задумчиво сказалъ Андрюшка. —Вотъ только что мнѣ дивно: всѣ клянутъ свою жисть, что ни на есть хуже. А доведись помирать—нѣ-ѣтъ! Такъ и заскулятъ, хошь бы денечекъ еще пожить, хошь бы минуточку! И, говорятъ,

будетъ эта остатняя минуточка дороже, чего не знать. Ну, скажемъ къ примѣру, ну, кака въ моей жисти сласть? Кажись бы, помирать— и никакихъ. А нѣтъ. Все гадаешь такъ я этакъ. Вотъ привалитъ счастье, будутъ у меня деньги. Одежду себѣ справлю, кровать куплю, сапоги. И не хочется помирать. Все думаю, авось домотаюсь до спокою, до сладкаго куска. И не столь мнѣ самаго куска надобно, какъ того, чтобы знать, что мой это кусокъ и ничей, какъ мой! Вотъ оно што-о!

А Лукерья уже похрапывала, раскинувшись по кровати. Андрюшка еще долго ораторствовалъ, до тѣхъ поръ, пока не прикончилъ свою косушку, послѣ чего потянулся къ остаткамъ водки въ Лукерьиной бутылкѣ. Онъ подумалъ, что слѣдовало бы ей оставить на опохмѣлку, но успокоилъ себя тѣмъ, что завтра онъ потребуетъ водки у барыни.

—Безъ слойки они за столъ не сядутъ, размышлялъ онъ. — А слойку безъ водки невозможно. Какъ слойка, завсегда въ тѣсто водку льютъ. Ужъ безпремѣнно дастъ.

Онъ осушилъ до дна бутылку, придвинулъ скамью поближе къ плитѣ и легъ, укрывшись полушубкомъ.

На другой день, въ воскресенье, ярко свѣтило морозное солнце— такъ и купалось въ кольцѣ мутныхъ тумановъ. То серебромъ, то синимъ бархатомъ были застланы крѣпко укатанныя дороги. Гулко разносился благовѣстъ. Къ дому Асторскихъ подкатывались самые разнообразные экипажи: были и санки съ крытымъ ковромъ сидѣньемъ, были плетеныя „коробицы,“ уставленныя на полозья, были и простыя мужицкія дровни. Выходили, тяжело ступая озябшими ногами, странныя фигуры, въ поддевкахъ, въ длинныхъ овчинныхъ шубахъ, въ развалистыхъ шапкахъ съ козырьками и съ наушниками, въ огромныхъ пимахъ или валенкахъ. Кряхтѣли, стряхивали съ себя снѣжную пыль и бокомъ втискивались въ отворенную половинку парадной двери. Асторскій, въ парадномъ сюртукѣ, сіяющій, приглаженный, встрѣчалъ гостей въ нижнемъ вестибюлѣ. Троекратно лобызался по-русски, подхватывалъ гостя подъ руку и велъ въ назначенныя для пріѣзжихъ комнаты. Забрасывалъ разспросами и, видимо, сдерживался, чтобы уставшаго отъ дороги человѣка не втянуть сразу въ кругъ жгучихъ, злободневныхъ темъ.

Въ кухнѣ было тѣсно и парно. Около стола, на лавкахъ, возсѣдали ямщики, съ наслажденіемъ опрокидывали объемистые стаканчики, глотали жирныя горячія щи, уписывали крутую темную кашу съ саломъ, отъ которой такъ и валилъ паръ. Лукерья, растрепанная, съ опухшимъ лицомъ, сидѣла на кровати, поджавъ подъ себя ноги и время отъ времени силилась что-то сказать. Но языкъ не повиновался ей, и изо рта выходило лишь какое-то невнятное мычанье, на которое при-

сутствующіе не обращали вниманія. Андрюшка такъ и катался по кухнѣ, то радушно угощая ямщиковъ, то побрякивая крышками котелковъ, кастрюль и сотейниковъ, въ которыхъ что-то кипѣло и клокотало.

Къ двумъ часамъ длинный столъ въ столовой былъ накрытъ на 20 персонъ. Бросалось въ глаза отсутствіе столь любезныхъ русскому человѣку графинчиковъ и бутылокъ. Стояли сифоны съ сельтерской, кувшины съ пѣннымъ домашнимъ квасомъ. Ольга Семеновна не допускала, чтобы у нея въ домѣ пили водку, и Асторскій, скрѣпя сердце, долженъ былъ уступить. Въ глубинѣ души онъ даже былъ доволенъ „трезвеннымъ уставомъ" своего домашняго монастыря, такъ какъ эти ежемѣсячные товарищескіе обѣды проходили чинно и степенно. Можно было наговориться вдоволь на заранѣе намѣченныя темы и направить публику по желаемому направленію. Съ подвыпившей же компаніей сговориться много труднѣе. Когда же становилось невмоготу, и трезвенный уставъ начиналъ казаться бременемъ неудобоносимымъ, тогда всей компаніей шли „освѣжиться" къ Иванихѣ.

Ольга Семеновна встрѣчала гостей съ милой, подкупающей граціей и радушіемъ. Она сіяла улыбками, широкимъ русскимъ гостепріимствомъ. И только очень внимательный наблюдатель могъ бы замѣтить въ ея улыбкѣ, въ ея любезности что-то заученное, почти механическое. Въ тихой, уединенной жизни Асторскихъ эти дни были событіемъ, вносящимъ волну оживленія, и, ради мужа и его интересовъ, Ольга Семеновна терпѣливо переносила всѣ утомительные хлопоты.

Неловко, съ какимъ-то чувствомъ стѣсненности, гости усаживались за столъ. Смущенно потирали руки, оглядывались по сторонамъ. Одичавшіе въ своихъ медвѣжьихъ углахъ, они, незамѣтно для себя, отвыкали отъ многихъ мелочей городской жизни. Ѣли съ ножа, катали шарики изъ хлѣба, говорили вяло и неохотно. Послѣ жаркого Асторскій торжественно всталъ и выпрямился. Всѣ переглянулись между собой. Знали любовь хозяина къ длиннымъ застольнымъ рѣчамъ, во время которыхъ онъ самъ упивался своимъ краснорѣчіемъ.

— Дорогіе товарищи и друзья! началъ онъ, обводя присутствующихъ влажными растроганными глазами. — Я счастливъ видѣть васъ у себя, васъ, съѣхавшихся для обмѣна мыслей по общему нашему дѣлу. Я не могу выразить вамъ, какъ мнѣ дороги эти наши собранія, какой глубокій внутренній смыслъ я нахожу въ нихъ. Я вижу въ нихъ то, что наше общее дѣло, которому мы служимъ, которому отдаемъ наши труды и знанія—вижу, что оно объединяетъ насъ въ одну крѣпкую рать, спаиваетъ въ дружную семью. Изолированная позиція земства въ общегосударственномъ укладѣ вынуждаетъ насъ, земскихъ работниковъ, тѣснѣе сплотиться для борьбы. Ибо та среда, въ которой мы дѣйствуемъ—она не нейтральна. Она враждебна. Нашимъ стремле-

ніямъ она всегда противопоставляетъ барьеры оппозиціи, исконной консервативности. И въ этой-то средѣ, когда культурная работа, дѣло чести и совѣсти, принимаетъ характеръ наступленія, характеръ длительной демонстраціи—въ эти минуты невыразимо отрадно чувствовать единомышленниковъ, идущихъ рядомъ, плечо къ плечу, рука съ рукой. Мнѣ отрадно, что я не одинъ. Но въ обыденномъ теченіи жизни я, какъ ни больно въ томъ сознаться, ощущаю свое одиночество. Меня въ городѣ не любятъ, считаютъ педантомъ, ригористомъ, фанатикомъ земскаго принципа. И, замѣтьте, городскихъ коллегъ нѣтъ сейчасъ среди нашего дружескаго кружка. Мнѣ это тяжело, но я принимаю это отчужденіе, какъ естественное слѣдствіе моего modus vivendi. Я—старый земецъ. Для меня земское дѣло—не служба, не профессія, а что-то святое и глубоко идейное. И поэтому я и стою на стражѣ охраненія чистоты земскихъ принциповъ. Будучи вѣренъ традиціямъ, я требую отъ земскихъ работниковъ закланія самого себя, своихъ личныхъ стремленій во имя земскаго дѣла. И, въ смыслѣ исповѣданія этихъ тенденцій, я одинокъ. Въ своихъ сослуживцахъ здѣсь, въ городѣ, я не вижу сочувствія и поддержки. И поэтому-то я долженъ опираться, главнымъ образомъ, на васъ, на элементъ, непосредственно соприкасающійся съ крестьянствомъ. Я разсчитываю на вашу товарищескую солидарность, на ваше сочувствіе моимъ взглядамъ и начинаніямъ. Скажите же мнѣ, скажите душевно и честно, могу ли я разсчитывать на ваше сочувствіе, на искреннюю поддержку тѣхъ принциповъ, которые я отстаиваю, тѣхъ идей, за которыя я борюсь?..

Ораторъ кончилъ, обвелъ присутствующихъ внимательнымъ, испытующимъ взоромъ. Вѣроятно, отсутствіе спиртныхъ напитковъ было причиной тому, что рѣчь хозяина не была покрыта гуломъ апплодисментовъ, не скрѣплена дружескими рукопожатіями. Въ отвѣтъ на вопросъ раздалось только нѣсколько весьма сдержанныхъ возгласовъ:

— Да, да, конечно! Непремѣнно поддержимъ. Мы всѣ, сообща!

Но одушевленія не было. Въ уютѣ сытости и довольства пробѣжалъ какой-то холодокъ. Чутко настороженный Асторскій вѣяніе этого холодка замѣтилъ и ощутилъ. Не подавая вида, онъ заговорилъ о различныхъ вопросахъ, относящихся къ спеціальному характеру съѣзда.

Несмотря на слабость и нездоровье, Кораблевъ все-таки пріѣхалъ на съѣздъ, по обыкновенію, вмѣстѣ съ Варей. Для него, какъ и для всѣхъ живущихъ въ деревенскомъ захолустьѣ, эти поѣздки въ городъ представляли огромный интересъ. Онъ встрѣчался съ людьми, погружался въ кипѣніе живого общественнаго дѣла, запасался книгами, дѣлалъ необходимыя покупки и возвращался домой, утомленный физически, но успокоенный и повеселѣвшій. Они съ Варей обычно останавливались у Маслитеновыхъ. Варя подружилась съ Татьяной Владимировной.

Ей было душевно жаль эту страдающую отъ разлада семью. Она любила и уважала Татьяну Владимировну, жалѣла брошенную Катю, но къ Алексѣю Ивановичу относилась съ плохо скрытой враждебностью. Его вѣчныя жалобы, недовольство, праздность возмущали ее до глубины души. Съ Татьяной Владимировной ихъ родпила и связывала общность неудавшейся личной жизни. Когда онѣ оставались вдвоемъ, онѣ изливались въ безконечныхъ жалобахъ и часто подолгу плакали съ тихими всхлипываніями. Маленькая Катя обычно сидѣла тутъ же, притаившись гдѣ-нибудь въ уголкѣ, и слушала надрывную повѣсть женскаго горя. Что-то отъ этого горя ложилось мрачной тѣнью на ея дѣтство, стирало отблескъ румянца съ лица, гасило блескъ глазъ, обдавало холодомъ сердце. Ни словомъ ни движеніемъ не напоминала она о себѣ, истолковывая по-своему все то, что ей удавалось услышать.

Алексѣй Ивановичъ также не долюбливалъ подругу жены. Онъ называлъ Варю „ханжой", „земской мироносицей", въ спорахъ, зачастую возникавшихъ между ними, говорилъ съ ней шутливымъ тономъ, доводя ее до раздраженія насмѣшками и поддразниваніями. По случаю пріѣзда Вари, Татьяна Владимировна смѣнилась съ дежурства, и онѣ обѣ сидѣли въ спальнѣ, уютно умостившись на теплой лежанкѣ. Варя разсказывала о болѣзни Василія Николаевича, о томъ, какъ онъ ежечасно убиваетъ себя за работой.

— И пойми, Таня, весь ужасъ моей жизни, говорила она.—Я люблю его, мечтаю о счастьѣ—и въ глубинѣ души знаю, что ничему этому не бывать. А быть настойчивѣе, вырвать во что бы то ни стало у судьбы свои крохи счастья—я не могу, не умѣю. Наконецъ, мнѣ стыдно, до боли стыдно. А между тѣмъ...

И въ голосѣ ея звенѣли отзвуки всколыхнувшагося горя.

— Голубчикъ, что же стыдиться? Это такъ естественно.

Маленькая Катя тихонько встала, подошла къ комоду, достала оттуда два чистыхъ носовыхъ платка и молча положила на колѣна и матери и гостьѣ.

— Что это, Котикъ? Зачѣмъ?

— Мамочка, когда вы съ тетей Варей начнете плакать, у васъ не хватитъ платочковъ. Прошлый разъ я видѣла, вы совсѣмъ мокрыми платочками вытирались. Вотъ я и достала про запасъ.

Обѣ грустно улыбнулись. Варя привлекла къ себѣ дѣвочку и спросила:

— А почему ты знаешь, что мы будемъ плакать? Можетъ быть, сегодня мы какъ разъ смѣяться будемъ?

— Нѣтъ, будете, отвѣтила та.—Ужъ я знаю.

— Таня, какое у нея дѣтство! Вѣдь это ужасно!

Татьяна Владимировна пожала плечами.

— Что я могу сдѣлать? Катю, по всей вѣроятности, ждетъ такое же будущее. Пусть пріучается терпѣть. Она врядъ ли сумѣетъ бороться, защищать себя.

— Да, врядъ ли она изъ строптивыхъ будетъ. Но, пожалуй, все-таки лучше быть жертвой, чѣмъ палачомъ.

— А по-моему, нѣтъ! пылко отозвалась Татьяна Владиміровна. —Лучше быть палачомъ. Я говорю, конечно, про тотъ или другой типъ женщины. Лучше заставлять страдать другихъ, чѣмъ страдать самой. Хорошо быть смазливой, краснощекой, съ широкими боками, звонкимъ голосомъ. Хорошо влюблять въ себя мужчинъ, измѣнять имъ, мучить ихъ, а самой быть холодной и беззаботной, какъ вѣтеръ!

— Фу, Таня, какія ты глупости говоришь!

— Почему? По опыту говорю. Такая, какая я есть, я и самой-то себѣ противна. Потому я Алешу не обвиняю, не сержусь на него. И, когда я подумаю, что Катѣ, съ ея тихимъ характеромъ, сѣренькимъ, незамѣтнымъ личикомъ, также предстоитъ всю жизнь терпѣть, страдать и плакать—о, я лучше желала бы ей одиночества, жизни безъ миража личнаго счастья! Это спокойнѣе. И... если хочешь, въ одиночествѣ какъ-то больше достоинства.

— А ты послушай Ольгу Никифоровну, какъ она иной разъ на свое одиночество плачется. И вѣдь у нея всѣ блага: одиночество, независимость, свой кусокъ хлѣба. А отъ мысли, что она старая дѣва —на стѣну лѣзетъ.

— А была бы замужемъ—на стѣну бы лѣзла отъ ревности, заброшенности, пренебреженія. Нѣтъ, Варя. Некрасивымъ и робкимъ, какъ я, не нужно тянуться за любовью. Это не для насъ...

Алексѣй Ивановичъ все свободное отъ служебныхъ занятій время валялся у себя въ кабинетѣ на старомъ клеенчатомъ диванѣ, который у нихъ назывался „органомъ". Всѣ пружины въ немъ были вывернуты, сдвинуты съ своихъ мѣстъ, выпирались буграми и при каждомъ движеніи жалобно и протяжно гудѣли. Онъ лежалъ и упорно думалъ объ Антонинѣ Александровнѣ. Послѣ того вечера, когда онъ провожалъ ее и въ порывѣ налетѣвшаго безумія цѣловалъ, держалъ въ объятіяхъ —все его существо было отравлено страстнымъ влеченіемъ къ этой женщинѣ. И сейчасъ, въ синеватыхъ сумеречныхъ тѣняхъ, она стояла передъ нимъ, какъ живая, съ пунцовой розой на груди, съ улыбкой на губахъ, съ пышной короной золотыхъ волосъ. До изступленія, до отчаянія доводилъ его ея образъ, такой плѣнительный, страстно-любимый, но недоступный. Послѣ того вечера онъ два раза заходилъ къ Беркуловымъ, но его не приняли.

Какъ-то случайно Беркуловъ заѣхалъ въ управу. Масльгеновъ былъ съ нимъ заискивающе любезенъ, завелъ разговоръ о химіи, о

нужной ему книгѣ, которая оказалась у Беркулова. Онъ предложилъ Маслитенову заѣхать съ нимъ вмѣстѣ домой и взять книгу. Маслитеновъ, замирая отъ волненія, согласился и всю дорогу думалъ объ Антонинѣ Александровнѣ, о томъ, что онъ увидитъ ее, услышитъ ея голосъ. И, пока Беркуловъ отыскивалъ въ шкафу нужную книгу, Маслитеновъ стоялъ у окна, чутко прислушиваясь. И, когда уловилъ быстрые и легкіе шаги, то сердце такъ сильно забилось, сжалось такой сладко-мучительной болью, что, казалось, вотъ-вотъ разорвется. Дверь отворилась. Антонина Александровна показалась въ дверяхъ. Въ домашнемъ лиловомъ халатикѣ, съ открытой шеей, съ обнаженными выше локтя руками, она показалась ему очаровательнѣе, чѣмъ когда-нибудь...

— Петръ, что же ты не идешь обѣдать? сказала она. Маслитеновъ поклонился.—Ахъ, извини, я не знала, что ты не одинъ!

И ушла, едва отвѣтивъ небрежнымъ кивкомъ головы на его поклонъ. Беркуловъ съ усмѣшкой подумалъ: что-то не въ духахъ Тонька! И, подавая Маслитенову книгу, любезно предложилъ:

— Оставайтесь у насъ обѣдать, Алексѣй Ивановичъ.

Тотъ нерѣшительно переминался съ ноги на ногу.

— Съ удовольствіемъ бы остался, да меня дома будутъ ждать.

— Ну, не бѣда. Подождутъ и перестанутъ, настаивалъ Беркуловъ. —А то и книги не дамъ.

Онъ провелъ его въ столовую, а самъ прошелъ къ женѣ. Черезъ минуту вернулся, смущенный и недовольный:

— Будемъ обѣдать одни, Алексѣй Ивановичъ. Тонька капризничаетъ, говоритъ, что голова болитъ.

— Такъ я лучше домой...

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что не пущу. Чортъ бы побралъ этихъ бабъ! Вѣчные капризы и фокусы! ворчалъ онъ.—Все отъ бездѣлья. Пришлось бы работать, такъ на капризы энергіи бы не оставалось.

Этотъ обѣдъ былъ настоящей пыткой для Маслитенова. Онъ проклиналъ себя, зачѣмъ поддался уговорамъ Беркулова. И, несмотря на то, что хозяинъ усердно поилъ и угощалъ его, онъ оставался хмурымъ и молчаливымъ. Едва кончился обѣдъ, онъ поднялся и сталъ прощаться, отказываясь отъ кофе и коньяку. Беркуловъ и самъ былъ радъ развязаться съ нимъ и вздохнулъ съ облегченіемъ, когда онъ ушелъ. Пройдя къ женѣ, онъ увидѣлъ, что она сидитъ на диванѣ и съ аппетитомъ кушаетъ рябчика. Онъ засмѣялся:

— Головная боль не вліяетъ на твой аппетитъ, Тонечка?

— Да у меня голова вовсе и не болѣла, отвѣтила Антонина Александровна.—Просто не люблю я его. Нудный онъ такой и нахалъ. И, пожалуйста, Петръ, больше никогда не приводи его.

Беркуловъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ на нее:

— Еще, Тонечка, одинъ поверженный подъ нози, а? Бѣдняга! Вмѣсто лицезрѣнія божественнаго лика, долженъ былъ обѣдать со мной, смотрѣть на мою рожу! Вотъ такъ фунтъ!

И онъ хохоталъ до слезъ, представляя въ лицахъ разочарованную физіономію влюбленнаго, его короткія реплики, его томленіе.

А Маслатеновъ со стыдомъ и тяжкой болью вспоминалъ этотъ мучительный для него день. Вспоминалъ милый, недоступный обликъ, тотъ безумно сладкій поцѣлуй, вспоминалъ свою страсть и тоску... Все это вспоминалось сейчасъ особенно ярко въ синіе сумеречные часы, когда волнующія дорогія грезы съ особой властью владѣютъ душой...

Голосъ жены прервалъ вереницу томительно сладкихъ грезъ:

— Алеша, ты не спишь?

— Нѣтъ. Что тебѣ нужно?

— Мы съ Варей гулять идемъ. И Катя съ нами.

— Ну, и идите, куда хотите. Мнѣ-то какое дѣло! съ досадой отвѣчалъ онъ.

— Запри за нами. Марья стираетъ.

— Хорошо, хорошо. Запру.

— Ты не забудь, смотри.

— Ахъ, да отстань ты, ради Бога! крикнулъ онъ.—Вотъ пристала-то!

Онъ всталъ и въ волненіи сталъ ходить по комнатѣ. Новая мысль пришла ему въ голову. Написать ей! Написать письмо съ мольбой о прощеніи, робкое, почтительное, но съ отчаяніемъ въ каждой фразѣ, въ каждой строкѣ. Неужели она не пойметъ, не проститъ? И онъ, кусая ногти, сталъ обдумывать содержаніе этого письма... Сплетались одна съ другой красиво-грустныя фразы, говорили о глубокой тоскѣ одиночества, о темной, безрадостной жизни. Говорили о власти минутъ безумія надъ тоскующимъ сердцемъ, молили о жалости...

Онъ видѣлъ ее растроганной этимъ письмомъ и, при встрѣчѣ съ нимъ—взволнованной, почти нѣжной. Жестикулировалъ, говорилъ съ ней, смѣялся тихимъ счастливымъ смѣхомъ. Курилъ одну папиросу за другой и въ клубахъ дыма казался маніакомъ, безумцемъ, отуманеннымъ отравой больныхъ грезъ...

Татьяна Владимировна съ Варей и Катей торопливымъ шагомъ шли на Почтовку. Такъ именовалась въ обиходѣ Почтовая улица—одна изъ лучшихъ въ городѣ, съ широкими тротуарами, обсаженными тополями, гдѣ по вечерамъ прогуливалось все мѣстное общество, большей частью, молодежь. Чьи-то сани обогнали ихъ на поворотѣ. Сидѣвшій въ саняхъ мужчина снялъ шапку и что-то крикнулъ. Татьяна Владимировна отвѣтила на поклонъ, а потомъ, вдругъ что-то вспомнивъ, стала кричать вслѣдъ удалявшимся санкамъ:

— Михаилъ Семенычъ! Подождите! Остановитесь минутку!

— Кто это? спросила Варя.

— Стоговъ. Предсѣдатель управы.

Сани остановились, и Стоговъ уже шелъ къ нимъ навстрѣчу.

— Вы меня звали, Татьяна Владимировна? Здравствуйте. Чѣмъ могу служить?

— Извините, Михаилъ Семенычъ, мнѣ давно уже нужно было васъ повидать, да некогда все. У меня до васъ большая просьба...

Она остановилась, замѣтивъ, что Стоговъ не слушаетъ ея. Слѣдя за его глазами, увидѣла, что онъ, не отрываясь, смотритъ на Варю, которая стояла нѣсколько поодаль и о чемъ-то тихо говорила съ Катей.

— Извините, Татьяна Владимировна, я сію минуту къ вашимъ услугамъ, сказалъ онъ. Подошелъ къ Варѣ и, кланяясь нерѣшительно, сказалъ:

— Если не ошибаюсь, мы съ вами немножко знакомы?

Было что-то такое въ его лицѣ, въ голосѣ, отъ чего Варя покраснѣла. И сейчасъ же разсердилась на себя. Поэтому сухо и небрежно отвѣтила:

— Нашей встрѣчи не считаю знакомствомъ. Я была у васъ, какъ просительница.

— А я, видите ли, настолько нескроменъ и навязчивъ, что нашу встрѣчу имѣю смѣлость считать знакомствомъ, которое даетъ мнѣ право, по крайней мѣрѣ, кланяться съ вами, говорилъ Стоговъ съ добродушной улыбкой. Она должна была протянуть ему руку. И онъ такъ крѣпко сжалъ ее своей сильной и большой рукой, что она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть. Оба засмѣялись.

— Простите меня, я, ей-Богу, какъ медвѣдь. Привыкъ мужицкія лапы жать, съ женскими ручками не могу свою силу соразмѣрить.

— Г. Стоговъ, васъ Таня ждетъ, напомнила она ему, видя, что онъ стоитъ и смотритъ на нее, точно хочетъ еще что-то сказать.

— Ахъ, дѣйствительно! спохватился онъ.—Сталъ разсѣяннымъ, какъ дама. Чѣмъ могу служить, Татьяна Владимировна? сказалъ онъ, опять подходя къ ней. Варя вмѣстѣ съ Катей пошла впередъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, смущаясь и путаясь, начала Татьяна Владимировна:—мнѣ сейчасъ нужны деньги. Запутались мы, Михаилъ Семенычъ, ужасно. И вотъ, я хотѣла бы взять жалованье за два мѣсяца впередъ. Тогда часть я внесу въ кассу...

— А у васъ тамъ все забрано?

— Въ томъ-то и дѣло, что все. Я часть внесу, оплачу самые неотложные долги, а черезъ мѣсяцъ опять въ кассѣ могу взять. Такъ и выровняюсь.

— А вы съ Александромъ Андреевичемъ говорили?

— Говорила. Онъ сказалъ, что ничего противъ не имѣетъ, но нужно ваше согласіе.

— Хорошо, я это устрою.

— Только нельзя ли устроить такъ, чтобы объ этомъ меньше знали? А то въ больницѣ пойдутъ разговоры всякіе.

— Хорошо, хорошо. Пойдемте, догонимъ ихъ...Вотъ онѣ съ Катей поджидаютъ васъ.

— Мамочка, иди скорѣй, у насъ съ тетей Варей ноги озябли! издали кричала Катя.

Татьяна Владимировна и Стоговъ подошли къ нимъ.

— Какъ здоровье Василія Николаевича? спросилъ Стоговъ у Вари.

— Плохо. Но на съѣздъ все-таки пріѣхалъ.

— Отдохнуть ему нужно.

— Онъ мечтаетъ о лѣтнемъ отпускѣ, но не знаю, сбудется ли это.

— Почему? Мы его уволимъ, улыбнулся Стоговъ.

Варя вздохнула.

— Я знаю, что это только одни разговоры. Дойдетъ до дѣла—сейчасъ начнетъ охать: и какъ я поѣду, и куда, и на кого больницу оставлю. Знаю я все это.

— А вы его заставьте, увезите.

— Уговариваю. Но не слушается.

Грустная тѣнь набѣжала на ея лицо. Стоговъ остановился.

— Долженъ, однако, съ вами проститься, сказалъ онъ.—Заговорился съ вами и забылъ, что меня лошади ждутъ, забылъ даже, куда я ѣхалъ. Гуляю съ вами по Почтовкѣ, какъ гимназистъ! Честь имѣю кланяться. Ваше дѣло, Татьяна Владимировна, устрою непремѣнно.

— Говорятъ, у земства денегъ нѣтъ?

— Найдемъ. Ужъ столько, сколько вамъ нужно, найдемъ, говорилъ онъ.

— Увидимся съ вами еще? обратился онъ къ Варѣ.

— Не знаю.

— А я бы хотѣлъ. Вы упрямая, а я люблю поспорить!

Еще разъ поклонился и поспѣшно пошелъ назадъ къ поджидавшей его тройкѣ. Татьяна Владимировна посмотрѣла ему вслѣдъ.

— Нравится онъ тебѣ? спросила она Варю.

— Нѣтъ, серьезно отвѣтила та.—И не знаю, почему. Какой-то онъ... Какъ бы сказать? Неспокойный какой-то. Говоритъ слишкомъ много. Все кажется, что онъ за пустыми словами свой подлинный ликъ прячетъ.

— Нечего ему прятать. Онъ хорошій человѣкъ.

— Говорятъ, мужики отъ него бабъ и дѣвокъ прячутъ, какъ онъ въ деревню пріѣдетъ, засмѣялась Варя.

— Что это ты, Варя, сплетницей стала!

— Съ вами станешь, сконфузившись, отвѣтила она.—Какъ пріѣдемъ къ вамъ въ городъ, сейчасъ въ сплетни окунешься. Пойдемъ-ка, Таня, къ управѣ. Я хочу посмотрѣть, началось ли засѣданіе. Можетъ быть, я Васю увижу. Боюсь, что онъ кашнэ не надѣнетъ. Говоритъ, не люблю лишнихъ тряпокъ. А чуть что, у него сейчасъ горло перехватитъ.

Когда они подошли къ зданію управы, то увидѣли, что три окна во врачебномъ отдѣленіи освѣщены. Перешли на другую сторону улицы и увидѣли длинный покрытый зеленымъ сукномъ столъ и сидящихъ членовъ совѣщанія.

— Вонъ Асторскій, второй съ краю, говорила Татьяна Владиміровна.—А предсѣдателемъ Александръ Андреевичъ.

— А Вася гдѣ? Я Васю не вижу. Ужъ не заболѣлъ ли?

— Да вонъ онъ, твой Вася!

— Гдѣ?

— Да вотъ, пятый съ того конца... Рядомъ съ Неустроевымъ и еще съ какимъ-то... Забыла фамилію. Вонъ, толстый такой, маленькій, голова, какъ шаръ...

— Ахъ, вижу, вижу! Какой онъ блѣдный. И рукой за голову держится. Голова, вѣрно, болитъ. Ему вредно столько новыхъ впечатлѣній. И главное, никогда не сознается, что ему худо. Изъ какого-то дурацкаго самолюбія будетъ сидѣть и мучаться.

— Охъ, Варя! Неужели ты всегда съ нимъ такъ? Такъ и здороваго можно больнымъ сдѣлать.

— А больного здоровымъ—нельзя? съ усмѣшкой спросила Варя.

— Этимъ больного здоровымъ не сдѣлаешь. Можно только мнительность у него развить.

— Ужъ не тебѣ проповѣдывать. Сама около своего Алеши, какъ насѣдка, кудахчетъ. Ахъ, ему, бѣдному, скучно! Ахъ, у него нѣтъ впечатлѣній! Ахъ, онъ несчастенъ! Ты больше на мать похожа, чѣмъ на жену.

Татьяна Владиміровна закусила губы и дрогнувшимъ голосомъ проговорила:

— Я знаю, что я старше него. Можно бы мнѣ объ этомъ и не напоминать.

— Ужъ и обидѣлась! Дура ты, Танька! Я развѣ про лѣта твои говорю? Я только хотѣла сказать, что ты нацкаешься съ нимъ, какъ ни одна жена не станетъ. А онъ у тебя только жирѣетъ, да съ жиру бѣсится. Вотъ въ томъ и все его несчастье.

— Мама, я озябла! Домой хочу-у! заныла дѣвочка.

— Ну, хорошо, поѣдемъ.

Засѣданіе врачей развертывалось въ томъ чинномъ порядкѣ, который такъ нравился Асторскому. Предсѣдательствовалъ старшій врачъ больницы, Александръ Андреевичъ Архангельскій, человѣкъ пожилой, тучный, тяжкодумный и малорѣчивый. Въ душѣ онъ тяготился ролью предсѣдателя, но несъ это почетное бремя по должности, по установившимся традиціямъ. Внутренно онъ все время сокрушался о томъ, что не умѣетъ вести засѣданія болѣе импозантно, болѣе внушительно и красиво. Его идеаломъ и любимымъ героемъ былъ предсѣдатель Государственной Думы Муромцевъ. Онъ восхищался его сановитой фигурой, спокойствіемъ, авторитетностью тона и очень любилъ разсказывать о своемъ посѣщеніи засѣданія Государственной Думы. Эти разсказы Архангельскаго въ городѣ всѣ знали чуть не наизусть. Когда всѣ усѣлись по мѣстамъ, онъ грузно приподнялся и, опираясь руками о столъ, сказалъ, запинаясь и откашливаясь:

— Очень радъ... многоуважаемые коллеги, привѣтствовать васъ на нашемъ обычномъ съѣздѣ. Объявляю засѣданіе открытымъ!

И сѣлъ, тяжело отдуваясь. Затѣмъ вытеръ лобъ, снова всталъ и началъ читать отчетъ по больницѣ за истекшій мѣсяцъ. Монотоннымъ голосомъ читалъ онъ сухой и обстоятельный перечень цифровыхъ данныхъ. Его никто не слушалъ. Одни сидѣли, безцѣльно смотря по сторонамъ, другіе что-то чертили карандашомъ на разложенныхъ передъ ними листахъ бумаги. Беркуловъ о чемъ-то перешептывался съ Бѣлкинымъ, то и дѣло усмѣхаясь. Асторскій вперилъ въ него строгій, укоризненный взоръ. Беркуловъ почувствовалъ на себѣ его тяжелый взглядъ и въ свою очередь сталъ въ упоръ смотрѣть на него. Такъ съ минуту скрестились глаза ихъ, и... Беркуловъ побѣдилъ. Асторскій отвелъ глаза въ сторону. Съ досадой взъерошилъ свои густые волосы, вынулъ записную книжку и сдѣлалъ въ ней какую-то помѣтку. Пряча книжку въ карманъ, онъ уловилъ насмѣшливую улыбку на лицѣ Беркулова и вспыхнулъ отъ обиды и негодованія.

Докладъ Архангельскаго закончился обстоятельнымъ отчетомъ о дѣятельности хирургическаго отдѣленія, причемъ было упомянуто объ одной нѣсколько рискованной операціи, успѣшно выполненной Беркуловымъ. Врачи, любившіе Беркулова за его веселый, общительный характеръ, дружными аплодисментами привѣтствовали эту часть доклада. Беркуловъ зашикалъ, замахалъ руками, чтобы прекратить эту неожиданную овацію, но аплодисменты не прекращались. Наконецъ, Асторскій подошелъ къ Архангельскому и что-то тихо сказалъ ему. Тотъ кивнулъ головой и зазвонилъ въ колокольчикъ.

— Коллеги! Покорнѣйше прошу прекратить эти неумѣстные аплодисменты и перейти къ дѣлу.

— Г. предсѣдатель, я прошу слова, всталъ Асторскій.

— Пожалуйста.

— Я вношу предложеніе, чтобы г. Беркуловъ сдѣлалъ докладъ собранію о произведенной имъ операціи.

— Извиняюсь, но долженъ отказаться отъ этого, сказалъ Беркуловъ.

— Осмѣлюсь узнать о причинѣ?

— Причина простая, Федоръ Лаврентьевичъ. Я не подготовлялъ доклада, а импровизировать не хочу. Наконецъ, подобныя операціи весьма часто производятся теперь въ московской клиникѣ, такъ что, кто интересуется...

— Но, такъ какъ мы не въ Москвѣ, перебилъ его Асторскій,— то намъ въ высшей степени интересно было бы ознакомиться съ подобной операціей, тѣмъ болѣе, что среди насъ есть много молодыхъ врачей, для которыхъ...

— И все-таки я повторю то, что уже сказалъ: я дѣлать доклада не буду.

— Господа, прошу прекратить этотъ споръ, вступился предсѣдатель, которому уже давно дѣлали знаки прекратить пререканія.

— Но почему же? Вопросъ интересный, и ваша опытность...

— Потому, что у меня нѣтъ времени! выкрикнулъ съ раздраженіемъ Беркуловъ.

— Видите, значитъ, я былъ правъ, когда говорилъ, что земскому врачу нельзя заниматься частной практикой, мягко проговорилъ Асторскій.

— Г. Асторскій, попрошу васъ...

Но въ эту минуту зазвенѣлъ предсѣдательскій колокольчикъ, и комната огласилась дружными возгласами протеста:

— Довольно пререканій! Довольно! Оба лишаются слова! Мы не для споровъ собрались...

— Прошу слѣдующаго по списку, г. Неустроева, приступить къ чтенію доклада по инфекціоннымъ болѣзнямъ за истекшій мѣсяцъ, внушительно произнесъ предсѣдатель.

Бойкимъ раскатистымъ говоркомъ, напоминавшимъ дьячковскую манеру чтенія, началъ Неустроевъ читать свой докладъ. Его громкій, назойливый голосъ невольно приковывалъ вниманіе и заставлялъ слушать чтеніе. И мало-по-малу страсти утихали, засѣданіе вдвигалось въ обычныя дѣловыя рамки. Только Беркуловъ сидѣлъ, понуря голову, повидимому, безучастный къ тому, что творилось кругомъ. Но тѣ, кто его хорошо зналъ, видѣли, что онъ всѣми силами сдерживаетъ себя, сдерживаетъ ураганъ своего гнѣва.

Засѣданіе еще не было окончено, когда Беркуловъ поднялся и сказалъ:

— Извиняюсь, но я долженъ уѣхать. Чувствую себя нехорошо.

— Петръ Николаевичъ, да что это вы? Ну, къ чему такъ обострять положеніе? жалобно загудѣлъ предсѣдатель. — Вы не обращайте вниманія, мало ли что бываетъ, вырвалась у него простодушная, но неосторожная фраза. Онъ спохватился и сталъ оглядываться, стараясь опредѣлить, слышалъ ли Асторскій его слова. Но на всѣ уговоры Беркуловъ отрицательно покачалъ головой и, сдѣлавъ общій поклонъ, вышелъ.

Послѣ его ухода настроеніе собранія упало. Всѣ смутно чувствовали какую-то неловкость. Съ одной стороны, нельзя было вообще допускать такой сцены, съ другой—нельзя было не заступиться за товарища, а съ третьей... Асторскій какъ будто бы и правъ! Дѣйствительно, большая частная практика недопустима для земскаго врача, идейно относящагося къ дѣлу. И примѣръ на лицо!

Былъ объявленъ перерывъ. Сторожъ внесъ большой подносъ со стаканами чая. Ольга Никифоровна принесла булки, лимонъ, варенье. Разговоръ не вязался. О происшедшемъ инцидентѣ говорить казалось неудобнымъ, а бесѣдовать о чемъ-либо другомъ не было охоты. И только Кораблевъ, нервный и неуравновѣшенный, вслѣдствіе своей болѣзни, взволнованно говорилъ недавно поступившему на земскую службу врачу Эгерсону:

— Нѣтъ, Сергѣй Абрамовичъ, по-моему, Асторскій правъ. Въ принципѣ—безусловно правъ. Но онъ не умѣетъ защищать своихъ тезисовъ. Онъ своей горячностью, своимъ фанатизмомъ дѣлаетъ антипатичной самую несомнѣнную истину.

— А, по-моему, Василій Николаевичъ, это—вмѣшательство въ личную жизнь, возражалъ Эгерсонъ. Онъ хотѣлъ продолжать, но вдругъ замолчалъ, такъ какъ къ нимъ подходилъ Асторскій. Онъ подсаживался то къ одному, то къ другому и, видимо, искалъ сочувствія. Но всѣ, къ кому онъ подходилъ, какъ-то невольно сторонились отъ него, отвѣчали односложно и неохотно на его попытки завести разговоръ. Кораблевъ удачно опредѣлилъ отношеніе собранія къ происшедшему инциденту: популярность и личная привлекательность Беркулова допускала по отношенію къ нему нѣкоторый компромиссъ. А безспорная истина, которую отстаивалъ Асторскій, возбуждала во всѣхъ смутное непріязненное чувство...

И тутъ невольно вспоминалось гостепріимство Асторскаго, его застольная рѣчь, въ которой онъ просилъ сочувствія и поддержки у товарищей. И нѣкоторые уже спрашивали себя, чѣмъ была эта рѣчь: казуистикой, хитрымъ пріемомъ или .. случайнымъ совпаденіемъ?. .

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Стихи Бодлэра“.

(Незаконченный вѣнокъ сонетовъ).

МАГИСТРАЛЬ.

Какъ царственно-мрачны стихи Бодлэра!
Тоскующій, таинственный экстазъ...
Изъ музыкальности унылыхъ фразъ
Ползетъ безумья черная випера.

И женщина—влюбленная пантера—
Ласкаетъ когтями и ложью глазъ,
А смерть, въ предчувствіи смѣшныхъ проказъ,
Одѣлась въ шелкъ, какъ дряхлая гетера...

Подъ грязнымъ небомъ плачущихъ долинъ
Благоухаютъ злобныя растенья:
Порокъ, тоска, непобѣдимый сплинъ,

Всегда отравленный виномъ сомнѣнья—
И тащится по колеямъ дорогъ
Отчаянье—всесильный осминогъ...

*

I.

Отчаянье—всесильный осминогъ—
Намъ распростеръ смертельныя объятья;
Его зрачки—пылающіе братья—
Глядятъ давно чрезъ стоптанный порогъ.

Какъ скрипъ колесъ у похоронныхъ дрогъ,
Напрасныя звучатъ мольбы, проклятья:
Неумолимъ на серебрѣ распятья
Презрительный, самовлюбленный Богъ.

И пилигриму въ жесткой власяницѣ,
И блудницѣ, сгнивающей въ больницѣ,
Поэту, богачу, жрецу науки—

Намъ всѣмъ Отчаянье по многу разъ
Даритъ своей неизмѣримой муки
Тоскующій, таинственный экстазъ...

II.

Тоскующій, таинственный экстазъ!...
Когда замрутъ ласканія касаній,
Умретъ восторгъ послѣднихъ содроганій—
Ты сѣрой паутиной давишь насъ!..

Волшебный міръ желаннаго угасъ,
Плывутъ минуты тягостныхъ молчаній...
Завершены всѣ кружева мечтаній,
Тускла любовь—поддѣланный алмазъ.

Мечта мертва. Осталось только тѣло—
Влекущій, но обманчивый нарядъ.
Гдѣ раньше дворцы вздымались смѣло—

Лишь тухнущіе уголья горятъ,
И счастье шлетъ мучительный отказъ
Изъ музыкальности зловѣщихъ фразъ...

III.

Изъ музыкальности зловѣщихъ фразъ,
Какъ рекеіемъ въ торжественномъ хоралѣ,
Звенитъ тоска о вѣчномъ Идеалѣ...
Остановившійся унылый часъ...

И слышится неумолимый гласъ:
„Люта Любовь, но въ страсти ритуалѣ,
Какъ пламень, обжигающемъ вначалѣ,
Обманчивое счастье манитъ васъ...

Но, лишь успѣютъ смолкнуть стоны страсти,
Вы—снова жертвы мелочныхъ заботъ;
Хохочутъ нагло дьявольскія пасти,

И помертвѣлый трупъ любви гнететъ.
Утеряна заоблачная сфера:
Ползетъ Безумья черная випера!...“

IV.

Ползетъ Безумья черная випера,
И радостную маску сбросилъ міръ:
Кривляется смѣющійся сатиръ
На барельефахъ древняго кратера...

Искажены у мыслей время, мѣра—
Безсмысленный и хаотичный клиръ!
Надъ головою носится вампиръ,
Уродливо-кошмарная химера...

И кажется, что слышенъ стонъ могилъ,
Шуршаніе гніющаго скелета,
Возставшаго подъ властью темныхъ силъ,

Чтобъ танцевать безпечно до разсвѣта,
А вмѣстѣ съ нимъ—фантазія Дюрера—
И женщина, влюбленная пантера...

V.

И женщина, влюбленная пантера—
Неумолимый, яростный самумъ—
Насилуетъ опять обрывки думъ
И кажется прекрасной, какъ Венера..:

Забилось сердце. Трепетная вѣра—
Услужливый и разодѣтый грумъ,—
Стараясь опьянить усталый умъ,
Твердитъ, что новая восходитъ эра...

И женщины несется тихій смѣхъ...
Навѣрное предчувствуя успѣхъ,
Какъ кошка, тянется роскошнымъ тѣломъ

И, сбрасывая томно тонкій газъ,
Настойчиво, безстыдно и умѣло
Ласкаетъ когтями и ложью глазъ...

VI.

Ласкаетъ когтями и ложью глазъ,
Прекрасными томящими руками,
И жаркимъ ртомъ съ жемчужными зубами...
Проснулся вѣчный кавалеръ Фоблазъ!

Какъ за коралломъ ловкій водолазъ,
Онъ гонится за новыми страстями—
Наполненный болѣзненными снами,
Отяжелѣвшій, гибнущій баркасъ...

И такъ свершается извѣчный кругъ
Изъ мига счастія и долгихъ мукъ,
И жизнь влечетъ, тая свои печали,

Но радости оставя напоказъ,
Въ туманныя заманчивыя дали...
А смерть—въ предчувствіи смѣшныхъ проказъ...

VII.

А смерть, въ предчувствіи смѣшныхъ проказъ,
Съ надменностью сѣдого воеводы,
Не торопясь, перебираетъ годы
Кровавыхъ войнъ и гибельныхъ заразъ.

И каждаго, нагого, безъ прикрасъ,
Лишь тлѣнія набросивши разводы,
Къ слѣпымъ червямъ, въ заплѣснѣвшіе своды
Безъ ропота сведетъ ея приказъ.

Отсрочекъ нѣтъ ни доброму ни злому,
И смерть, хихикая, всему живому
Прошамкаетъ ужасное „Пора!"

Лишь борется усталая Церера,
И вновь земли потертая кора
Одѣлась въ шелкъ, какъ дряхлая гетера...

Салоники-Македонія.
1917—1918 г. г.

М. Щербаковъ.

Рахиль.

Каринъ Михаэлисъ.

(Окончаніе).

На этотъ разъ я взялъ извозчика, чтобы скорѣе попасть въ контору.

Такъ какъ я не видѣлъ Аллана, было необходимо, чтобы я присутствовалъ при его допросѣ.

Мой планъ былъ готовъ. Я только боялся, что волненія послѣднихъ часовъ ослабили мою волю—а отъ нея зависѣло теперь все.

Около мѣста преступленія и на прилегающихъ улицахъ собралась большая толпа народа. Мнѣ уступили мѣсто съ тѣмъ невольныхъ почтеніемъ, съ которымъ частные люди смотрятъ на оффиціальныхъ лицъ.

Время отъ времени кто-нибудь спрашивалъ, не ожидая отвѣта:

„Напали ли на слѣдъ? Арестованъ ли негодяй?"

Я быстро прошелъ мимо этой отвратительной группы, которая бросилась бы на виновнаго, ликуя тоъ жадной радости, если бы его выдали ей.

На большомъ дворѣ Ванъ-Гроотена царила своеобразная тишина. Люди бродили взадъ и впередъ, но никто не говорилъ. Уличный шумъ проникалъ сюда, какь кипѣнье отдаленнаго котла.

Двое изъ моихъ людей были поставлены у входа въ контору.

Нѣсколько молодыхъ конторщиковъ, блѣдныхъ и возбужденныхъ торжественностью момента, перешли черезъ дворъ и направились къ воротамъ. Имъ удалось доказать свое alibi.

Значитъ, я опоздалъ, допросъ былъ въ полномъ ходу.

— „Ничего новаго?" спросилъ я мимоходомъ; мнѣ казалось, что желѣзные пальцы сжимаютъ мнѣ горло, когда я входилъ въ контору, предусмотрительно избранную моимъ ассистентомъ, въ качествѣ помощника для допроса.

— „Ничего новаго!" лаконически отвѣтилъ старикъ, взглядъ котораго съ теченіемъ времени пріобрѣлъ затуманенное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строе и проницательное выраженіе, свойственное опытному сыщику.

Я сѣлъ въ большое кресло Ванъ-Гроотена, не спрашивая, кто уже допрошенъ.

Служащихъ вводили по двое. Пока допрашивали одного, другой могъ спокойно осмотрѣться и представить себѣ, какъ было совершено преступленіе. Въ это время за нимъ наблюдалъ внимательный взглядъ изъ маленькаго окошка въ той двери, которая открывалась въ комнату личнаго секретаря.

Теперь... Мысль оперлась на волю, какъ стрѣла на тетиву. Цѣлью было сердце моего брата, наша родственная связь, наше безмолвное пониманіе другъ друга. Алланъ долженъ былъ сказать то, именно то, что я приготовилъ для его спасенія.

Гуксъ вошелъ первый, за нимъ слѣдовалъ мой братъ. Глубокіе, бархатные глаза Гукса смотрѣли спокойно. Онъ поздоровался со мной привѣтливо, какъ всегда, и мнѣ даже показалось, что онъ проговорилъ:

— „Благодарю за вчерашній вечеръ.“

Я не размышлялъ о значеніи этихъ словъ, такъ какъ былъ слишкомъ поглощенъ внушеніемъ Аллану спасительнаго объясненія.

Плечи Аллана были согнуты, какъ бы подъ тяжестью невидимой ноши, глаза были, какъ всегда, устремлены на далекую цѣль. Онъ былъ не блѣднѣе обыкновеннаго, и тѣ, кто его мало зналъ, не замѣтили бы въ немъ никакой перемѣны. Но я понималъ это. Я зналъ своего брата. Я видѣлъ, что онъ заклейменъ печатью позора. Я видѣлъ, что презрѣніе къ себѣ кривитъ его дрожащія губы, я видѣлъ, какъ его красивыя руки сжимались въ невыразимой тоскѣ.

Когда его спросили, гдѣ онъ былъ въ послѣднюю ночь между одиннадцатью и тремя часами, онъ отвѣтилъ, впившись въ меня взглядомъ:

—„У брата.“

Мнѣ показалось, что стулъ, на которомъ я сидѣлъ, поднимается надъ землей. Я настолько овладѣлъ собой, чтобы утвердительно кивнуть на нѣмой вопросъ ассистента, соотвѣтствуетъ ли показаніе истинѣ, и только что хотѣлъ дать болѣе подробное объясненіе, чтобы избавить Аллана отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, но въ это время мягко заговорилъ Гуксъ:

— „Не могу ли я подтвердить это, какъ третье лицо? Я провелъ вечеръ и больше половины ночи вмѣстѣ съ Алланомъ Тэмплемъ у его брата, моего друга. Туманъ уже разсѣялся, и было свѣтло, когда мы разошлись, такъ что мы не устояли противъ искушенія погулять въ лѣсу“...

Онъ на минуту замолчалъ, но затѣмъ продолжалъ, осмотрѣвшись съ минутнымъ неудовольствіемъ и устремивъ на меня взглядъ, который подѣйствовалъ на мои глаза, какъ черезчуръ яркій свѣтъ.

— „Если бы мы знали, что скрывается въ темнотѣ этой ночи, мы, конечно, не сидѣли бы такъ долго, беззаботно болтая о нашихъ маленькихъ личныхъ дѣлахъ.“

Я поднялся. На мельчайшую долю секунды въ моемъ умѣ мелькнула жестокая мысль закричать, завопить:

— „Это ложь!“

Но кроткіе глаза Гукса парализовали мою волю.

Немного смущенный этимъ выступленіемъ, ассистентъ пробормоталъ:

— „Мы не можемъ затруднять васъ, если за васъ вступается г-нъ судья.“

Гуксъ внушилъ мнѣ отвѣтъ:

— „Милый другъ, судъ долженъ итти своимъ чередомъ.“

Ассистентъ приказалъ вызвать слѣдующихъ.

Между тѣмъ, невѣроятная дерзость Гукса застала меня врасплохъ. Я стоялъ, широко раскрывъ ротъ и глаза отъ удивленія: онъ подошелъ ко мнѣ, съ покровительственной любезностью взялъ меня подъ руку и началъ говорить о смерти Ванъ-Гроотена своимъ звучнымъ, спокойнымъ голосомъ. Время отъ времени онъ обращался къ ассистенту, и тотъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы, очарованный любезностью и обаяніемъ этого человѣка.

Алланъ стоялъ на томъ же мѣстѣ. Онъ отвернулся и не сводилъ глазъ съ того мѣста, гдѣ былъ убитъ Ванъ-Гроотенъ.

Мнѣ казалось, что этотъ отчаянный, пристальный взглядъ Аллана дѣлаетъ меня соучастникомъ его злодѣянія, и что вся сцена повторяется передъ моими глазами. Я боялся за насъ обоихъ. Каждый могъ увидѣть застывшій безмолвный ужасъ преступника на его лицѣ или на моемъ.

Гуксъ пришелъ намъ на помощь. Онъ подошелъ къ открытому денежному шкафу и сказалъ, показывая со снисходительно-насмѣшливой улыбкой на пустыя чашки:

— „Бѣдняга! Это было одно изъ его увлеченій.“

Сверхчеловѣческимъ усиліемъ воли я заставилъ себя разспросить его о возможномъ содержимомъ несгораемаго шкафа. Оказалось, что Гуксъ лучше освѣдомленъ о дѣлахъ Ванъ-Гроотена, чѣмъ перепуганный старый конторщикъ. Такъ, напримѣръ, онъ зналъ точно, какія книги, бумаги и облигаціи хранились въ этомъ шкафу. Онъ добавилъ:

— „Кромѣ того, мой начальникъ пряталъ здѣсь бездѣлушки и игрушки“.

Чтобы не прерывать разговора—мнѣ въ эту минуту казалось, что отъ этого зависитъ жизнь и смерть,—я спросилъ, что онъ подразумѣваетъ.

Гуксъ отвѣтилъ съ короткимъ смѣхомъ, который рѣзко отозвался на моихъ нервахъ:

— ,,Напримѣръ, одна изъ туфель m-lle Рахили и другіе интимные предметы."

Не глядя на Аллана, я чувствовалъ, что онъ при этихъ словахъ корчился отъ боли, какъ будто ему сыпали соль въ глаза.

Заинтересованный ассистентъ спросилъ съ своего мѣста, гдѣ онъ въ это время допрашивалъ двухъ женатыхъ служащихъ, которые привели всѣхъ своихъ домашнихъ, въ качествѣ свидѣтелей:

— ,,Туфля все еще здѣсь?".

Гуксъ нагнулся къ нижней полкѣ шкафа и просунулъ туда руку:

— ,,Нѣтъ, ея нѣтъ. Она была обыкновенно здѣсь"...

— ,,Зачѣмъ же Ванъ-Гроотенъ хранилъ туфли въ своемъ денежномъ шкафу?"

Ассистентъ задалъ этотъ вопросъ, и Гуксъ отвѣтилъ съ тонкой и снисходительной улыбкой:

— ,,М-lle Рахиль вѣдь не была его дочерью. Вполнѣ допустимо что ея туфельки были для него дорогимъ воспоминаніемъ о первомъ времени, проведенномъ ею въ его домѣ."

— ,,Да, но было, во всякомъ случаѣ, странно со стороны убійцы украсть одну дамскую туфлю."

Гуксъ устремилъ на ассистента свой улыбающійся, всезнающій взглядъ:

— ,,Вы совершенно правы, но убійцы—тоже люди и, вѣроятно, имѣютъ свои особенности, какъ и всѣ другіе. Кто знаетъ: можетъ быть, нашъ убійца собиралъ коллекцію дамскихъ башмачковъ, и этотъ въ особенности понравился ему... Насколько я могу вспомнить, ножку m-lle Ванъ-Гроотенъ никакъ нельзя назвать некрасивой."

Алланъ подошелъ къ двери. Предчувствіе сказало мнѣ, что онъ способенъ выдать себя восклицаніемъ:

— ,,Ты пойдешь со мной, Алланъ?" крикнулъ я ему: ,,контора сегодня закрыта, а мнѣ хочется позавтракать, я не выспался".

Алланъ кивнулъ въ знакъ согласія, но, повидимому, не понялъ моихъ словъ.

Я быстро переговорилъ съ ассистентомъ и хотѣлъ уйти, но Гуксъ вкрадчиво обратился ко мнѣ:

—,,Ахъ, возьмите меня съ собой, почтенный судья! Я сегодня тоже почти ничего не ѣлъ. Кромѣ того, всегда пріятно позавтракать въ хорошемъ обществѣ".

Мы вышли. Мнѣ казалось, что мы отбрасываемъ кровавыя тѣни на бѣлую дорогу, но я не оглянулся. Мы шли въ гробовомъ молчаніи

Съ той минуты, какъ мы покинули контору, Гуксъ, очевидно, почувствовалъ такое же нравственное изнеможеніе, какъ и мы.

Около моей квартиры мы остановились. Гуксъ взглянулъ на меня. Выраженіе его красивыхъ глазъ было жалобно, какъ у ребенка, съ которымъ жестоко обращаются. Онъ протянулъ мнѣ руку, и я взялъ ее. Когда же онъ повернулся къ Аллану, его рука опустилась, а братъ отступилъ на шагъ. Гуксъ быстро удалился. Онъ, вѣроятно, забылъ свое предложеніе позавтракать съ нами.

Алланъ и я стояли и смотрѣли ему вслѣдъ, пока его стройная фигура не скрылась въ переулкѣ.

Придя въ свою комнату, я прежде всего спустилъ шторы.

Алланъ сѣлъ въ изнеможеніи, какъ человѣкъ, истомленный долгимъ путешествіемъ.

— „Алланъ!"

Я позвалъ еще разъ:

— „Алланъ!"

Онъ не отвѣчалъ. Я взялъ его за плечи и нагнулся къ нему.

— „Алланъ! Я все знаю, и я помогу тебѣ. Я вѣдь не спрашиваю тебя ни о чемъ. Ты можешь не говорить. Я все устрою, слышишь, Алланъ, даже если бы это стоило мнѣ положенія и чести... Клянусь тебѣ, ты будешь спасенъ во что бы то ни стало"...

Алланъ поднялъ на меня глаза:

— „Что ты говоришь?"

Я повторилъ свои слова еще болѣе настойчивымъ тономъ.

Лицо Аллана какъ будто поблекло въ одно мгновенье, и съ тѣхъ поръ я уже не видѣлъ его другимъ. Онъ сказалъ медленно и тихо:

— „Джемсъ, что ты говоришь?"

Я повторилъ свои слова. Наконецъ, въ его глазахъ мелькнула какая-то мучительная радость, и онъ спросилъ:

— „Ты хочешь сказать... ты хочешь сказать... что я убилъ Ванъ-Гроотена?"

Мнѣ показалось, что все рушится. Я не могъ сказать „нѣтъ", и я боялся сказать „да".

— „Гдѣ ты былъ ночью?"

По его тѣлу пробѣжала сильная дрожь. Я взялъ его руку; она была холодна, какъ ледъ. Я пересилилъ себя и сказалъ:

— „Алланъ, я хочу вѣрить тебѣ".

Онъ оставался неподвижнымъ. Тогда я сказалъ:

— „Алланъ, вчера вечеромъ ты говорилъ съ Рахилью, послѣ того, какъ я ушелъ отъ нея. Неправда ли, ты говорилъ съ нею?"

Алланъ снова взглянулъ на меня. Я могъ прочесть на его лицѣ жалость къ моему ужасному страданію. Но онъ солгалъ:

— „Я не былъ вчера вечеромъ у Рахили“...

Больше мы не разговаривали. Алланъ пробылъ у меня около часа и ушелъ. Я бросился на диванъ и попытался привести въ порядокъ свои мысли. Но мой мозгъ казался кускомъ расплавленнаго металла.

Въ тотъ же день я написалъ Аллану письмо, въ которомъ, изъ боязни послѣдствій, не было ни одного слова о происшедшемъ. Я закончилъ письмо фразой, которой Алланъ не могъ не понять: „Мы должны поддерживать другъ друга, какъ дѣлали это всегда.“

Когда письмо было уже отослано, эта фраза еще долго звучала въ моихъ ушахъ.

Мы всегда поддерживали другъ друга, но до сихъ поръ Алланъ помогалъ мнѣ, а я только принималъ его жертвы. Теперь пришла моя очередь по-царски отплатить ему.

Поздно вечеромъ я получилъ городскую телеграмму отъ Аллана: „Ты правъ, мы будемъ поддерживать другъ друга, какъ дѣлали это всегда“.

Я открыто сознаюсь, что отвѣтъ Аллана оскорбилъ меня. Я ожидалъ благодарности. Его отвѣтъ былъ, какъ мнѣ показалось въ моемъ болѣзненно-возбужденномъ настроеніи, лишь холоднымъ намекомъ на ту жертву, которую онъ когда-то принесъ мнѣ, отвѣтивъ на вопросъ отца о нашихъ планахъ на будущее.

Алланъ не пришелъ ко мнѣ. Тогда я отправился къ нему вечеромъ на третій день послѣ того происшествія, которое начало новую эпоху въ моей жизни.

Аллана не было дома, но я вошелъ въ его комнату, чтобы подождать его, уклоняясь отъ навязчивой болтовни хозяйки.

Когда я переступилъ черезъ порогъ, меня охватило непріятное чувство. Полутемная комната казалась мнѣ населенной тѣнями, отъ которыхъ исходилъ могильный холодъ. Я не посмѣлъ тронуться съ мѣста и остался у двери, судорожно смѣясь надъ своимъ собственнымъ жалкимъ страхомъ.

Хозяйка принесла зажженную лампу. Это немного облегчило меня. Но черезъ нѣсколько времени ужасъ снова овладѣлъ мною. Предчувствія шептали мнѣ, что, если бы я сталъ искать, какъ милости, окончательной увѣренности, я могъ бы найти доказательства теперь же, въ этой самой комнатѣ.

Я медленно подошелъ къ стѣнѣ, словно привлеченный магнитными токами. Моя рука протянулась впередъ, открыла шкафъ, опустилась, словно подъ тяжестью свинцовой гири, и взяла со дна шкафа доказательство: туфлю Рахили. Она была изъ легкой, гибкой кожи. На бѣлой подкладкѣ, носившей слѣды употребленія, было написано почер-

комъ Ванъ-Гроотена: Амстердамъ 1892, 12 сентября. Да, это была увѣренность. Но теперь мнѣ не было дѣла до этого. Другія чувства возникали въ моей душѣ, и они были такого рода, что, если бы Ванъ-Гроотенъ былъ живъ, между нами произошла бы борьба не на жизнь, а на смерть.

Въ дверь постучали. Прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться и поставить туфлю на мѣсто, вошелъ Гуксъ.

— „Милый другъ", сказалъ онъ, „это слишкомъ неумно. Предположите, что вошелъ бы не я, а кто-нибудь другой, и увидѣлъ бы, что у васъ въ рукахъ."

Онъ взялъ туфлю изъ моихъ рукъ, оглянулся и поставилъ ее снова на дно открытаго шкафа.

— „Когда вы будете говорить съ вашимъ братомъ, убѣдите его удалить этотъ башмачокъ. Нужно быть очень осторожнымъ. Въ одинъ прекрасный день, несмотря ни на что, на него можетъ пасть подозрѣніе. Васъ заставятъ дѣлать обыскъ. Туфелька будетъ его приговоромъ."

Гуксъ обнялъ меня за плечи и сказалъ многозначительнымъ тономъ:

— „И тогда ничего не поможетъ, даже если бы вы и я двадцать разъ поклялись, что сидѣли съ нимъ до утра."

Только теперь я понялъ великодушный поступокъ Гукса. Измученный своимъ горемъ и смятеніемъ, я до сихъ поръ не обращалъ вниманія на эту загадку и не пробовалъ разрѣшать ее. Теперь я понялъ, что Гуксъ спасъ моего брата, присоединивъ свое лжесвидѣтельство къ моему.

Алланъ не былъ его другомъ...и онъ все-таки поступилъ такъ.

Наконецъ, я нашелъ слова, чтобы выразить ему свою благодарность и высказать ему все это.

Онъ покачалъ головой и отвѣтилъ со странной, насмѣшливой улыбкой на тонкихъ, умныхъ губахъ:

— „Послушайте, Тэмиль, перестаньте. Ваша благодарность неумѣстна. Каждый по возможности бережетъ свою собственную шкуру. Тѣмъ лучше, если можно позаботиться о друзьяхъ, если это не стоитъ особеннаго труда. Но большихъ жертвъ никто не приноситъ въ этомъ направленіи. Эта маленькая любезность заставила меня только немножко поупражнять свой мозгъ..."

Я возразилъ:

— „Алланъ—не другъ для васъ."

Гуксъ снова посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто въ глубинѣ души его забавляла какая-то внутренняя связь моихъ словъ съ его мыслями:

— „Ахъ, нѣтъ, никто не можетъ обвинить вашего брата въ дружбѣ со мной. Но вы можете представить себѣ, что я вовсе не думаю объ его выгодѣ, но предпринялъ это маленькое извращеніе фактовъ исключительно ради васъ. Впрочемъ, это вовсе не было такой ужасной ложью, какъ вы, можетъ быть, думаете. Въ ту знаменитую лунную ночь вашъ братъ и я были почти все время вмѣстѣ...“

Когда Гуксъ замѣтилъ, что его легкій тонъ еще больше угнетаетъ меня, онъ заговорилъ иначе:

— „Но шутки въ сторону. Поговоримъ серьезно объ этомъ дѣлѣ. Я пришелъ сюда, чтобы предостеречь вашего брата, но вы, навѣрно, можете лучше убѣдить его. Видите, мы должны позаботиться, чтобы онъ уѣхалъ, иначе онъ рано или поздно выдастъ себя. Онъ вѣдь лишился всякой эластичности. Онъ попадетъ въ первую ловушку. Если бы онъ не былъ заранѣе извѣстенъ, какъ замкнутый, странный человѣкъ, онъ, конечно, давно погибъ бы. Вы скажете: онъ дѣлаетъ свою работу. Да, онъ работаетъ, но какъ? Онъ занимается дѣломъ съ той же безсознательной увѣренностью, съ которой лунатикъ идетъ по краю крыши: малѣйшій шумъ, и онъ падаетъ. Его погубитъ первая случайность. Я очень забочусь о немъ эти дни и стараюсь отвлечь вниманіе отъ его остановившагося взгляда и отупѣвшаго вида. Но сколько времени это будетъ удаваться мнѣ? Когда пройдутъ похороны, и умы успокоятся, у всѣхъ будетъ время для наблюденій...Нѣтъ, ему нужно уѣхать. Если у него не хватаетъ денегъ, я къ его услугамъ. И не только я, но и наша общая, весьма состоятельная знакомая“...

Я отчаянно перебилъ его:

— „Мой братъ не грабитель, онъ не можетъ быть грабителемъ.“

Гуксъ пожалъ плечами.

— „Зачѣмъ употреблять такія сильныя выраженія? Отъ меня далека мысль назвать въ дружеской бесѣдѣ это... происшествіе грабежомъ. Понятно, что несчастныя деньги взяты только для того, чтобы навести подозрѣніе на ложный слѣдъ...Причина вполнѣ понятна, она такъ обычна, такъ свойственна человѣку...Это просто-напросто ревность. Ревность самца къ своему болѣе сильному сопернику...“

Я настойчиво сказалъ:

— „Гуксъ, вы доказали свою дружбу ко мнѣ, и я благодаренъ вамъ на всю жизнь, но я прошу васъ оказать мнѣ еще одну услугу. Будьте милосердны и скажите все, что вы знаете объ этомъ дѣлѣ. Алланъ словно онѣмѣлъ, и я ничего не понимаю. Неправда ли, Гуксъ, если бы звѣзда упала съ неба къ моимъ ногамъ, я долженъ былъ бы вѣрить своимъ глазамъ, но мой разумъ возмутился бы и сказалъ бы: это обманъ. Сонъ. Бредъ. Сейчасъ я сознаю, что Алланъ виноватъ, но мое сердце и всѣ чувства не вѣрятъ этому...“

— „Вы не считаете своего брата способнымъ напасть на врага?"

Мнѣ было мучительно отвѣчать, но передъ этимъ человѣкомъ была необходима откровенность:

— „Да, я вѣрю, что мой братъ могъ при исключительныхъ обстоятельствахъ убить человѣка. Такія натуры, какъ Алланъ, способны на это. Но не на предательское убійство... Алланъ не трусъ и не подлецъ... Я хочу сказать этимъ, что, если бы Алланъ убилъ человѣка, онъ сознался бы въ этомъ, хотя бы безъ объясненія причинъ."

Гуксъ сложилъ кончики пальцевъ и сказалъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ:

— „Если я правильно понимаю ваши слова, вы хотите, чтобы вашъ братъ самъ отдался въ руки правосудія."

Я помню, что отвѣтилъ на это:

— „Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Въ тотъ же день, когда я замѣтилъ бы такое намѣреніе, я бы предупредилъ его и взялъ обвиненіе на себя... И я говорю вамъ, Гуксъ, я сдѣлалъ бы это такъ, чтобы моимъ словамъ повѣрили..."

Я могъ ожидать чего угодно отъ этого изліянія, но я не былъ подготовленъ къ тонкой, безмолвной улыбкѣ, которой онъ отвѣтилъ мнѣ.

— „Можетъ быть, вы сейчасъ находите меня остроумнымъ?" спросилъ я съ горечью.

Гуксъ взглянулъ на меня съ своей очаровательной улыбкой:

— „Простите меня, милый другъ, но вы были невѣроятно забавны. Ваша братская любовь почти такъ же огромна, какъ ваша наивность. Своимъ разсудкомъ, который опирается на всевозможные факты, вы вѣрите, что вашъ братъ совершилъ это маленькое нарушеніе обычныхъ правилъ. Ваше сердце оправдываетъ его, потому что онъ не кричитъ о своемъ злодѣяніи на улицахъ и площадяхъ. Но, если бы онъ захотѣлъ сдѣлать это, вы взяли бы вину на себя..."

— „Въ противоположномъ случаѣ Алланъ также заступился бы за меня."

Что-то неопредѣленное въ тонкой улыбкѣ Гукса заставило меня прибавить:

— „Я требую, чтобы вы не сомнѣвались въ братскихъ чувствахъ Аллана."

Гуксъ нагнулся ко мнѣ вплотную:

— „Пожалуйста, не сердитесь, Тэмпль. Я ни одной минуты не сомнѣваюсь въ самоотверженіи вашего брата по отношенію къ вамъ. Клянусь вамъ въ этомъ честью... Теперь вы довольны?"

Я объяснилъ ему, что я долженъ, долженъ слышать признаніе изъ устъ Аллана. Мое сердце требовало этого добавленія ко всѣмъ уликамъ и яснымъ доказательствамъ.

— „А если бы вы... принудили его къ этому объясненію, тогда что?"

Я поднялся и сказалъ:

— „Тогда я клянусь вамъ, что я довелъ бы слѣдствіе до конца, но ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія не упала бы на моего брата. Мысль о томъ, что дѣло идетъ о его жизни, сдѣлала бы мои нервы крѣпкими, какъ сталь. Но я долженъ слышать подтвержденіе изъ его устъ."

— „Я нахожу ваше отношеніе къ дѣлу неразумнымъ. Развѣ вы не понимаете, что униженіе, которому вы подвергнете брата такимъ вынужденнымъ признаніемъ, разобьетъ его жизнь и сдѣлаетъ ваши отношенія другъ къ другу невозможными, невыносимыми? Съ другой стороны, вы могли бы спасти его болѣе, чѣмъ въ одномъ отношеніи, помогая ему и оставивъ въ покоѣ его тайну. Я не сомнѣваюсь, что вашъ братъ отвѣтилъ бы то, что вы хотите, если бы онъ былъ въ этой комнатѣ, и вы стали бы допрашивать его въ моемъ присутствіи. Но вашъ поступокъ былъ бы похожъ на басню о добромъ человѣкѣ, который отпустилъ вора, прикрѣпивъ ему на спину доску съ надписью: „Этотъ человѣкъ обокралъ меня, но я его простилъ, чтобы никто не узналъ объ его позорѣ..."

Несмотря на мое подавленное настроеніе, я чуть не расхохотался надъ этимъ грубоватымъ анекдотомъ. Я уступилъ и обѣщалъ не требовать отъ Аллана объясненій.

— „Хорошо," сказалъ Гуксъ, „теперь я снова узнаю васъ. Впрочемъ, дѣло только въ томъ, чтобы сохранить присутствіе духа въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Потомъ разговоры заглохнутъ, какъ огонь за недостаткомъ топлива. Но что же мы теперь будемъ дѣлать съ вашимъ братомъ?"

— „Мой брать..." сказалъ я: „мой братъ останется здѣсь, если хочетъ, или уѣдетъ, если ему это нравится. Я его не буду принуждать."

— „И вы считаете это разумнымъ?"

— „Разумно или нѣтъ, но это необходимо. Я не могу давать ему совѣтовъ, не вызвавъ того признанія, отъ котораго вы хотите сохранить его."

Дверь за нами открылась. Это былъ Алланъ. Его нескрываемое отчаяніе при видѣ насъ заставило меня застонать отъ страданія.

Качаясь, какъ пьяный, онъ подошелъ, но не обратилъ на насъ никакого вниманія. Мы смотрѣли другъ на друга, когда онъ открылъ шкафъ, началъ рыться въ немъ, потомъ съ видимымъ облегченіемъ захлопнулъ дверцы и всталъ передъ шкафомъ съ распростертыми руками, какъ бы для защиты. Потомъ онъ справился съ собой и спросилъ:

— „Ты ждалъ меня, Джемсъ?“

Гуксъ, къ которому эти слова не относились, поднялся, подошелъ къ нему и шепнулъ ему нѣсколько словъ на ухо.

Къ моему безграничному удивленію, Алланъ сказалъ мнѣ:

— „Я завтра утромъ приду къ тебѣ, сегодня вечеромъ мое время занято“.

Послѣ этихъ словъ я, конечно, собрался уходить. Алланъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня и шепнулъ, глядя на меня съ своей странной, глубоко печальной улыбкой:

— „Да, да... Мы оба всегда будемъ поддерживать другъ друга. Всегда...“

Мое рѣшеніе было принято. Съ упорнымъ и хладнокровнымъ трудомъ я составилъ планъ слѣдствія, которое *должно* было кончиться ничѣмъ. Я приложилъ къ этому всѣ усилія своего ума и воли, и долженъ сказать, что дѣло не стоило мнѣ особеннаго труда. Если не говорить объ извѣстномъ утомленіи и тяжести въ затылкѣ, какъ послѣ опьяненія, я не испытывалъ ни малѣйшей нравственной или физической разбитости.

Убійство занимало весь городъ. Домашнія обстоятельства Ванъ-Гроотена всегда давали пищу для сплетенъ, а теперь происходилъ настоящій бѣсовскій шабашъ. У меня жужжало отъ нихъ въ ушахъ.

На моемъ рабочемъ столѣ скапливались, одно за другимъ, обвиненія и доносы. Среди нихъ встрѣчались совершенно невѣроятные, посланные анонимно мстительными людьми. Тутъ были показанія истеричныхъ женщинъ, которыя предлагали присягнуть, что видѣли подозрительныхъ и странныхъ людей, бродившихъ днемъ и ночью около дома Ванъ-Гроотена. Всѣ эти доносы могли лежать спокойно, пока не были оправданы тѣ, кто былъ ближе всего къ убитому. Весь персоналъ, безъ исключенія, доказалъ свое alibi. Прислугѣ тоже удалось сдѣлать это, хотя она была допрошена очень подробно. Тогда очередь дошла до сосѣдей, и каждая возможность была использована до конца. Въ то же время я проводилъ большую часть дня въ конторѣ Ванъ-Гроотена съ Гуксомъ, старымъ конторщикомъ и двумя привлеченными къ этой работѣ видными коммерсантами, чтобы выяснить состояніе фирмы въ моментъ убійства. Какъ это бываетъ въ случаяхъ внезапной смерти, выяснилось, что богатство Ванъ-Гроотена было много больше, чѣмъ предполагалось. Съ помощью нашихъ тайныхъ агентовъ, мы въ очень короткое время собрали всѣ свѣдѣнія объ его прошломъ. Счастье благопріятствовало намъ: намъ удалось установить, что во время пребыванія на Суматрѣ у Ванъ-Гроотена нѣсколько разъ происходили конфликты съ закономъ изъ-за его жестокаго обращенія съ подчиненными.

Тѣмъ не менѣе, онъ всегда отдѣлывался денежными штрафами и свидѣтельскими показаніями, которыя сводились къ тому, что онъ дѣйствовалъ такъ подъ вліяніемъ сильныхъ приступовъ лихорадки. Я использовалъ эти свѣдѣнія и установилъ весьма вѣроятный фактъ, что у Ванъ-Гроотена могли быть враги, жаждавшіе мщенія.

Мои сыщики выслѣживали преступниковъ, какъ охотничьи собаки. Охота на человѣка, какъ всегда, оказывала свое могучее дѣйствіе на нервы и чувства. Ихъ больше воодушевляла самая страсть къ охотѣ, чѣмъ мысль о высокой наградѣ, назначенной за поимку преступника. Въ гавани дѣлались настоящія облавы на моряковъ, у которыхъ видѣли много золота. На мою долю выпадала унизительная обязанность подвергать этихъ невинныхъ перекрестному допросу, который доводилъ ихъ чуть не до потери разсудка отъ страха. На нѣсколько секундъ я чувствовалъ холодную дрожь при мысли, что одинъ изъ этихъ моряковъ (тамъ были негры, малайцы и китайцы, незнакомые даже съ нашимъ языкомъ) могъ такъ запутаться отъ страха въ своихъ показаніяхъ, что я не буду въ состояніи спасти его. Къ счастью, эти сомнѣнія были непродолжительны, и я снова становился спокойнымъ и хладнокровнымъ. Понятно, что, несмотря на многочисленные аресты и допросы, дѣло не двигалось съ мѣста. Послѣ тщательнаго слѣдствія было установлено, что изъ цѣнныхъ вещей были похищены только золотыя монеты. Никто не предъявлялъ правъ на наслѣдство, и Рахиль сдѣлалась единственной владѣлицей всего состоянія. Когда ее спросили, что она намѣрена дѣлать, она отвѣтила, что пока все останется по-старому. Старый конторщикъ сдѣлался при Рахили главнымъ руководителемъ дѣлъ. Гуксъ помогалъ ему, и жизнь въ конторѣ шла своимъ обычнымъ чередомъ. Алланъ, какъ всегда, аккуратно дѣлалъ свое дѣло и не говорилъ объ отъѣздѣ.

Меня начала невыносимо мучить тяжесть въ затылкѣ. Днемъ она выражалась въ убійственной умственной усталости, которая переходила въ обморокъ, если я не выходилъ на воздухъ, что я, конечно, старался всегда сдѣлать. Эта слабость охватывала меня нѣсколько разъ во время занятій дѣломъ Ванъ-Гроотена. Тогда я выходилъ въ большой садъ, лежавшій за конторой. Тамъ всегда царилъ покой. Только садовникъ и его помощники беззвучно работали, частью въ саду, частью въ парникахъ, откуда они брали растенія для оранжереи.

Однажды я стоялъ тамъ и прислонился къ дереву въ припадкѣ головокруженія. Мой взглядъ отдыхалъ на корѣ дерева, покрытой зеленоватымъ мхомъ. Вдругъ я замѣтилъ маленькую круглую дырочку на высотѣ своего плеча. Я вздрогнулъ и сталъ разсматривать отверстіе вблизи; оно было сдѣлано револьверной пулей. У меня было такое чувство, какъ будто всѣ клѣтки моего мозга судорожно сжались. Потомъ

мои мысли снова ускользнули. То, что я увидѣлъ, кануло въ безмолвную темноту подсознательной жизни.

Мое существованіе раздѣлилось на двѣ части, столь же противоположныхъ, какъ день и ночь, но безъ рѣзкихъ переходовъ. Я уже описалъ свои рабочіе дни. Когда темнота закрывалась вокругъ свѣтлаго дня, какъ огромный вѣнчикъ цвѣтка, нѣкоторыя стороны моего существа, моей умственной жизни тоже закрывались въ то время, какъ другія распускались и окружали меня стаями безпокойныхъ тѣней. Не будучи въ состояніи удержать въ памяти хотя одну изъ подробностей промежуточныхъ стадій, я переходилъ къ другому состоянію, увлекаемый тихимъ, головокружительнымъ сномъ. Напрасно я принуждалъ себя къ работѣ, которая занимала только внѣшнюю оболочку моихъ мыслей. Какъ вода не можетъ скрыться отъ лучей солнца, такъ и я не могъ бѣжать отъ своего отчаянія. Оно окружало меня, какъ воздухъ, какъ мое собственное дыханіе.

Алланъ приходилъ ко мнѣ каждый вечеръ, иногда на нѣсколько часовъ, иногда на минутку. Я понималъ, что онъ не можетъ перенести одиночества и угрызеній совѣсти и приходитъ ко мнѣ, какъ къ своему единственному другу и защитнику. Я зналъ, что свиданія со мной даютъ ему небольшое облегченіе. Мы разговаривали, главнымъ образомъ, о нашемъ дѣтствѣ или о совершенно безразличныхъ вещахъ. Дѣйствительности мы не касались. Но все-таки однажды вечеромъ Алланъ спросилъ меня, какъ подвигается слѣдствіе, и напали ли мы на слѣдъ. Мой взглядъ, должно быть, невыносимо оскорбилъ его; онъ всталъ и вышелъ, не говоря ни слова. Но на слѣдующій вечеръ онъ снова пришелъ, какъ будто ничего не случилось. Въ обращеніи со мной онъ выказывалъ нѣжную заботливость, которая иногда пріобрѣтала оттѣнокъ снисходительной жалости. Я не осмѣливался показать ему, что именно это мучитъ меня больше всего. Онъ ежедневно спрашивалъ меня о моемъ самочувствіи, какъ больного, въ то время, какъ у меня хватало присутствія духа не упоминать объ его сѣроватой блѣдности и скорбныхъ складкахъ около рта, которыя изо дня въ день становились все глубже и глубже.

Мы не всегда разговаривали. Часто мы сидѣли вечеромъ другъ противъ друга у большого рабочаго стола, на которомъ стояла лампа съ зеленымъ абажуромъ. Алланъ держалъ газету, я книгу, но мы не читали, а наблюдали другъ за другомъ, какъ два безумныхъ, считающихъ себя нормальными. Эта тайная слѣжка становилась, въ концѣ концовъ, невыносимой.

Наконецъ, я спрашивалъ: „Не пора ли тебѣ спать, Алланъ?“ Или онъ говорилъ: „Ты, навѣрно, хочешь отдохнуть, Джемсъ? У тебя такой усталый видъ“. Послѣ этого Алланъ быстро собирался, но передъ уходомъ онъ неиз-

мѣнно обнималъ меня, какъ будто мы разставались на всю жизнь. Я заключалъ изъ этого, что братская любовь еще жила въ немъ даже теперь, когда насъ связывало это безмолвное сообщничество. А оно связывало насъ, какъ два трупа....

Присутствіе Аллана мучило меня. Его видъ пробуждалъ въ моемъ умѣ навязчивыя идеи, которыхъ я не могъ побороть ничѣмъ, даже крѣпкими напитками. Я не могъ освободиться отъ слова „убійца". Оно было у меня на языкѣ и передъ глазами. Я чувствовалъ жестокую потребность закричать ему это въ лицо и видѣть, какъ разобьется его скорбная окаменѣлая маска. Жертва, которую я принесъ и продолжалъ приносить каждый день, съ каждымъ днемъ казалась мнѣ тяжелѣе и безсмысленнѣе. И я предвидѣлъ, что это продолжится всю жизнь.

Гуксъ поддерживалъ меня въ этой борьбѣ. Теперь, какъ и раньше, онъ проводилъ у меня нѣсколько вечеровъ въ недѣлю. Тотчасъ же послѣ его прихода Алланъ начиналъ прощаться, не показывая, однако, своей вражды къ нему. Напротивъ, они обмѣнивались многозначительными взглядами, что не удивляло меня, такъ какъ я зналъ, что вина Аллана извѣстна Гуксу. Алланъ всегда сидѣлъ на краю стула, и его безпокойныя руки постепенно начали напоминать Ванъ-Гроотена. Гуксъ, напротивъ, чувствовалъ себя вполнѣ свободно, и его присутствіе придавало комнатѣ уютъ и умиротворяющій покой. Мы оба разговаривали, какъ мнѣ казалось, честно и открыто. Гуксъ разспрашивалъ меня объ отрицательныхъ результатахъ слѣдствія и хвалилъ мое поведеніе и мою проницательность. Я довѣрилъ ему, какъ меня истощаетъ двойственная жизнь. Я разсказалъ ему объ усталости, которая мучила меня днемъ, и объ отчаяніи, которое просыпалось съ наступленіемъ вечера. Онъ попробовалъ успокоить меня и посовѣтовалъ мнѣ лѣчить свои нервы. Когда я ему сказалъ, что большія дозы хинина и хлора не оказываютъ никакого дѣйствія, онъ уступилъ и согласился, что причина лежитъ глубже. Мы говорили про Аллана, и я такъ увлекся, что признался, какъ мною постепенно завладѣваетъ чувство отвращенія и ужаса. Улыбка, съ которой Гуксъ слушалъ эту исповѣдь, показалась мнѣ почти демонической, но, когда онъ сталъ порицать меня за такое отношеніе къ Аллану, я понялъ, что она вызвана какой-то другой ассоціаціей мыслей. Снова и снова я просилъ Гукса разсказать мнѣ то многое или немногое, что ему было извѣстно о поступкѣ Аллана. Онъ всегда пожималъ плечами въ отвѣтъ на это. Когда я слишкомъ предавался своему угнетенному настроенію, Гуксъ, при помощи своей флейты, бралъ на себя роль врача. Я каждый разъ крѣпко засыпалъ на своемъ стулѣ, а онъ тихо уходилъ своей дорогой.

Ночью я просыпался, дрожа отъ холода, и, шатаясь, отыскивалъ свою кровать. Гуксъ дѣлалъ со мной далекія прогулки, и, дѣйствительно, ничто такъ не освѣжало мою больную душу, какъ эти безконечныя ночныя экскурсіи, съ другомъ, который очаровывалъ меня своей заботливой мягкостью. Я долженъ былъ заботиться только о томъ, чтобы эти прогулки не совпадали съ лунными вечерами. Отъ холоднаго, мертваго блеска луны страдали не только мои глаза, но и все мое тѣло. Никакіе уговоры не могли убѣдить меня выйти и позволить этому отвратительному свѣту освѣщать и пронизывать меня. Впрочемъ, мои глаза, вполнѣ здоровые днемъ, стали слишкомъ чувствительны къ искусственному свѣту, и я поэтому прикрылъ свою лампу зеленымъ абажуромъ и зеленымъ же экраномъ.

Однажды вечеромъ, когда Гуксъ зашелъ за мной передъ прогулкой, онъ вспомнилъ, что оставилъ въ конторѣ свою записную книжку, и просилъ меня зайти за ней вмѣстѣ съ нимъ. Сначала я опредѣленно отказался. Но, такъ какъ я и самъ не могъ бы объяснить причины этого отказа, я, въ концѣ концовъ, покорился и пошелъ съ нимъ.

Съ того вечера я въ первый разъ увидѣлъ домъ Рахили послѣ наступленія темноты. Я забылъ, какія чувства волновали меня, когда мы шли по тихимъ улицамъ, но помню, что Гуксъ долженъ былъ взять меня подъ-руку, такъ какъ я натыкался на фонарные столбы и каменныя ступени.

Ни одно изъ оконъ, выходившихъ на улицу, не было освѣщено. Ворота, которыя замыкались поздно вечеромъ, были закрыты только на задвижку. Громадныя окна были задернуты большими жалюзями, но комнаты были освѣщены. Тамъ, значитъ, была Рахиль...Одна.

Гуксъ легко и увѣренно провелъ черезъ длинный дворъ; очевидно, онъ былъ совершенно спокоенъ. Я послѣдовалъ за нимъ. Я видѣлъ, какъ онъ вынулъ изъ кармана связку ключей и открылъ сначала наружную, а затѣмъ внутреннюю дверь конторы. Черезъ минуту онъ зажегъ электричество въ кабинетѣ Ванъ-Гроотена.

Я не могу объяснить, что происходило со мной, и какія мысли проснулись въ моемъ мозгу. Я знаю только, что я остановился, какъ пригвожденный, на порогѣ конторы, и въ моей душѣ вспыхнуло видѣніе, галлюцинація, погасшая скорѣе, въ десять разъ скорѣе, чѣмъ метеоръ. За полетомъ падучей звѣзды все-таки можно слѣдить. Мое видѣніе было во много разъ мимолетнѣе сверкнувшей молніи. Я протянулъ руки, чтобы схватить его. Оно исчезло, не оставивъ слѣда или воспоминанія.

Когда Гуксъ вернулся ко мнѣ со своей записной книжкой, я не могъ говорить. Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и мои мысли искали, искали чего-то въ пустомъ воздухѣ.

Гуксъ пришелъ въ ужасъ отъ моего состоянія и хотѣлъ провести меня въ домъ, чтобы я собрался съ силами въ большомъ креслѣ Ванъ-Гроотена. Но невольный ужасъ заставилъ меня сопротивляться. Я упалъ на порогѣ, съ лицомъ, обращеннымъ на дверь.

Черезъ нѣсколько времени я настолько оправился, что могъ принять участіе въ добродушныхъ насмѣшкахъ Гукса надъ моими „дѣвичьими нервами".

Я весьма поверхностно описалъ слѣдствіе, этотъ постыдный обманъ, уничтожившій во мнѣ всякую мораль и чувство чести.

Я еще не говорилъ о Рахили. Мнѣ нужно пересилить себя, чтобы назвать ее. Но такъ нужно...

Съ того утра, когда я бѣжалъ изъ конторы Ванъ-Гроотена, испуганный самимъ убитымъ, я видѣлъ Рахиль только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она приходила въ контору во время моихъ служебныхъ занятій. И тогда я принуждалъ себя не видѣть ее...

Какъ многіе люди, привыкшіе думать, я обладаю способностью задергивать свои глаза (если можно такъ выразиться) туманной пеленой, такъ что можно видѣть, но не различать. Я заставлялъ свой взглядъ дѣлаться такимъ въ присутствіи Рахили. Она пробовала не замѣчать этого. Она говорила со мной, и я отвѣчалъ ей. Но мои глаза казались мертвыми, догорѣвшими мірами безъ души и жизни.

Хотя я старался избѣгать ее, я очень хорошо сознавалъ, что все еще нахожусь подъ вліяніемъ исходящихъ отъ нея магнитныхъ токовъ. Мнѣ казалось, что все мое тѣло холодѣетъ въ присутствіи Рахили. Я говорилъ себѣ, что это воображеніе, разстройство нервовъ, но дѣло заходило далеко.

Однажды утромъ я долженъ былъ взять въ руки ту ручку, которой когда-то писала Рахиль. Мои нервы реагировали такъ сильно, что я выронилъ ручку, а, когда я посмотрѣлъ на свои пальцы, я увидѣлъ, что они окоченѣли отъ холода.

Рахиль нѣсколько разъ приглашала меня. Я получалъ обычныя коротенькія записки и длинныя письма съ указаніями на нашу дружбу, которая не могла быть нарушена внѣшними обстоятельствами. Я не отвѣчалъ. Я не пошелъ къ ней. Мы обмѣнялись нѣсколькими письмами по чисто дѣловымъ вопросамъ, но ихъ нельзя считать письмами. Ихъ содержаніе было предназначено для всѣхъ.

Ко мнѣ вернулся тотъ слѣпой, связывающій ужасъ, который я испыталъ при нашей первой встрѣчѣ. Я зналъ, что, если бы я рѣшился видѣть ее и пошелъ къ ней, я вернулся бы съ порога ея дома, если не раньше; и все-таки я сидѣлъ въ своей комнатѣ, больной до глубины

души отъ усталости жить—и тогда я хватался за ея имя, какъ за соломинку, которая пока мѣшала мнѣ погрузиться въ болото отчаянія. Я безъ конца повторялъ ея милое, такое дорогое для меня имя, и холодныя слезы катились изъ моихъ глазъ.

Наконецъ, Рахиль пришла къ моей двери. Это было вечеромъ, когда туманъ окуталъ своимъ саваномъ городъ. Я зажегъ лампу, но, когда бѣлая мгла проникла въ мою комнату и скрыла всѣ предметы, я потушилъ свѣтъ и откинулъ занавѣски. Я сидѣлъ и неподвижно смотрѣлъ въ сѣровато-бѣлый сумракъ, въ которомъ нельзя было различить очертанія фонаря, домовъ, площади, людей. Я вспомнилъ, что старый крестьянинъ съ неизлѣчимой глазной болѣзнью сравнивалъ свое состояніе съ туманомъ, который никогда не разсѣивается.

Противъ обыкновенія, ни Гуксъ ни Алланъ не пришли ко мнѣ вечеромъ, и я чувствовалъ непреодолимое желаніе поговорить хотя бы съ самымъ безразличнымъ человѣкомъ. Но у меня не хватало силъ встать и выйти въ этотъ влажный туманъ, въ которомъ терялись всѣ дороги. Я былъ одинъ въ домѣ: женщина, которая прислуживала мнѣ, ушла въ городъ. Семья, жившая надо мной, уѣхала. Чувство одиночества лежало на мнѣ, какъ кошмаръ. Я могъ бы поговорить съ кѣмъ-нибудь по телефону, но трудъ звонить и вызывать знакомыхъ былъ слишкомъ великъ. Кромѣ того, я боялся услышать свой собственный голосъ.

Въ мою дверь постучали. Сначала я, именно, услышалъ стукъ. Это была женская рука, такъ какъ дверной молотокъ былъ тяжелъ, и удары раздались негромко. Потомъ я сообразилъ, что туманъ смягчаетъ всѣ звуки и словно завертываетъ ихъ въ шерсть. Мнѣ не пришло въ голову выйти и открыть дверь. Черезъ нѣсколько времени зазвенѣлъ дверной колокольчикъ и продолжалъ звонить, не переставая. Домъ, въ которомъ я жилъ, былъ довольно старъ, и звонокъ представлялъ одно изъ тѣхъ дребезжащихъ, заржавленныхъ приспособленій, которыя почти вездѣ замѣнены теперь электрическими звонками. Колокольчикъ былъ пристроенъ въ коридорѣ, какъ разъ передъ моей комнатой. Онъ продолжалъ звонить. Наконецъ, его дребезжаніе стало казаться мнѣ визгомъ издыхающей собаки. Я заткнулъ уши пальцами. Это не помогло. Тогда я вышелъ въ корридоръ и по ступенькамъ спустился къ двери. Прежде чѣмъ я дошелъ туда, я понялъ, кто стоитъ тамъ въ туманѣ. Я прислонился къ двери, какъ будто могъ чувствовать черезъ массивную желѣзную раму тоненькую фигуру, нетерпѣливо ждавшую на улицѣ. Но я все-таки не думалъ открывать дверь. Я слышалъ тяжелое дыханіе Рахили, слышалъ короткій стонъ или взрывъ смѣха—я не знаю, что это было, послѣдній рѣзкій звонокъ, стукъ острыхъ каблуковъ по каменной лѣстницѣ. Потомъ снова наступила тишина. Тишина и туманъ.

Я началъ раскаиваться, что не впустилъ ее, и полночи я просидѣлъ у открытаго окна, глядя въ туманъ и прислушиваясь, не возвращается ли она. Она не пришла. Но, если бы она вернулась—я не увѣренъ, что открылъ бы ей,

---

Слѣдствіе закончилось, благодаря случайности.

Во время взрыва котла на одной изъ верфей былъ убитъ рабочій. Въ его квартирѣ, помѣщавшейся въ мансардѣ одного изъ подозрительныхъ домовъ въ гавани, былъ найденъ заколоченный ящикъ. Онъ былъ вскрытъ; въ немъ оказался платокъ съ завязанными въ немъ золотыми монетами. Такъ какъ этотъ человѣкъ въ свое время былъ подъ судомъ за грабежъ и кражу, считалось безспорнымъ, что онъ получилъ эти деньги преступнымъ путемъ. Уликой служило также то обстоятельство, что за нѣсколько мѣсяцевъ до убійства онъ дѣйствительно былъ въ конторѣ Ванъ-Гроотена и работалъ по проводкѣ парового отопленія. Все совпало очень удачно, недостающія звенья были найдены, и вся цѣпь возстановлена.....Самъ убитый не протестовалъ, а благопріятнымъ для него показаніямъ его любовницы, жалкой маленькой работницы, никто, понятно, не повѣрилъ. Такимъ образомъ, ,,опасность" была предотвращена.

Гуксъ, внимательно слѣдившій за мной, посовѣтовалъ мнѣ тотчасъ же взять отпускъ, чтобы избѣжать нервнаго разстройства, котораго можно было ожидать. Я объявилъ, что пока не хочу рѣшаться на что-либо. Въ самомъ дѣлѣ, я именно теперь не могъ вырваться изъ этой обстановки. За послѣдніе мѣсяцы не было подлости или низости, которую бы я ни совершилъ—а я сидѣлъ въ полной неприкосновенности на своемъ судейскомъ креслѣ, пользуясь всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. Я вѣдь зналъ, что несчастный рабочій лежитъ въ могилѣ, опозоренный клеймомъ преступленія, совершеннаго моимъ братомъ, при поддержкѣ любимой мною женщины. Или...Рахиль узнала объ этомъ потомъ. Можетъ быть, она была невинна.

Каждый день ея коляска проѣзжала мимо моихъ оконъ; иногда рядомъ съ ней сидѣлъ Гуксъ, иногда кто-нибудь другой. Увѣряли, что она собирается продать дѣло и уѣхать. Но Гуксъ ничего не говорилъ объ этомъ.

Пока разыгрывался инцидентъ съ убитымъ машинистомъ, Алланъ началъ очень странно держать себя. Это случилось съ того дня, когда были найдены золотыя монеты. Онъ какъ будто началъ испытывать ко мнѣ то же отвращеніе, какъ и я къ нему. Онъ не подавалъ мнѣ руки, когда приходилъ, не цѣловалъ меня на прощанье и нѣкоторое время держался вдали отъ меня. Мнѣ было пріятно, что онъ освободилъ меня отъ

своего общества, я бродилъ въ какомъ-то странномъ, одурманенномъ состояніи, когда всѣ внѣшнія явленія доходили до меня какъ бы сквозь туманъ, но мое озлобленіе противъ него возрастало. Я понималъ, что я, потерявшій ради него уваженіе къ себѣ и погубившій свою будущность, не заслужилъ этимъ съ его стороны ничего, кромѣ презрѣнія. Иногда мнѣ снилось, что мы съ Алланомъ боремся не на жизнь, а на смерть, и я хваталъ его за горло и душу, вымогая у него признаніе. Мои сны всегда заканчивались сильными припадками головокруженія, такъ что, просыпаясь, я хватался за кровать. Постепенно я началъ испытывать такую физическую и нравственную разбитость, что едва могъ справляться съ работой. Я пошелъ къ врачу. Онъ очень внимательно осмотрѣлъ меня и изслѣдовалъ, главнымъ образомъ, мои глаза. Затѣмъ онъ пожалъ плечами и посовѣтовалъ мнѣ пройти курсъ леченія въ санаторіи. Я возразилъ, что моя дѣятельность не позволяетъ мнѣ этого. Тогда онъ сказалъ:

— „Въ такомъ случаѣ, вы должны мириться съ послѣдствіями.“

— „Съ какими послѣдствіями?“

Онъ вытеръ очки и отвѣтилъ, не глядя на меня: „Пока я могу констатировать только сильнѣйшее нервное разстройство и малокровіе мозга, но, если вы не послѣдуете моему совѣту, дѣло пойдетъ дальше.“

Когда я потребовалъ, чтобы онъ сказалъ мнѣ все, ничего не умалчивая, онъ, наконецъ, отвѣтилъ:

— „Тэмпль, вы, вообще говоря, разсудительный человѣкъ, и, если вы хотите знать правду, я не вижу причинъ скрывать ее отъ васъ. Ваши нервы настолько разстроены, что вы страдаете головокруженіями и галлюцинаціями, у васъ выступаетъ холодный потъ, если кто-нибудь поспѣшно откроетъ дверь, вы стали бояться свѣта...Еще нѣсколько мѣсяцевъ—и нервная клиника вамъ не поможетъ. Вашъ мозгъ“...

— „Вы думаете, что мой разсудокъ въ опасности?“

— „Если вы не послѣдуете моему совѣту—да.“

Такой опредѣленный приговоръ врача, въ сущности, облегчилъ меня. Въ этотъ моментъ мнѣ казалось блаженствомъ и утѣшеніемъ, какъ можно, скорѣе освободиться отъ жизни, отъ работы, отъ грязи и лжи, не нести больше отвѣтственности и быть запертымъ тамъ, гдѣ царитъ тишина.

Но это чувство было мимолетно. Потомъ я испугался, что могу выдать тайну, сохраненіе которой стоило мнѣ такихъ мученій. Мнѣ оставалось только послѣдовать совѣту врача и отправиться въ санаторію. Но для меня было ясно, что я не могъ привести это въ исполненіе, не переговоривши съ Алланомъ. Я просилъ его придти, и онъ явился. Онъ остановился у двери, какъ будто не могъ рѣшиться подойти ближе. Потомъ онъ схватился за голову, поспѣшно прошелъ черезъ комнату и воскликнулъ:

— „Что же теперь дѣлать, Джемсъ?“

Я холодно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— „Да, что же теперь дѣлать, Алланъ?“

Онъ закусилъ губу и сказалъ: „Развѣ ты не думаешь, что мы должны покинуть это проклятое мѣсто?“

Я сразу представилъ себѣ всѣ жертвы, которыя я безропотно принесъ Аллану, и я вспомнилъ, что онъ еще не сказалъ мнѣ ни слова благодарности. Вспыхнувъ отъ гнѣва, я крикнулъ ему:

— „Да, теперь ты хочешь ѣхать, когда твоя жизнь и твоя репутація въ безопасности.“

Онъ прошепталъ съ угрозой: — „Джемсъ... не говори со мной такъ.“

Но было уже поздно. Мое самообладаніе исчезло. Моя кровь закипѣла. Я крикнулъ:

— „Ты не можешь перенести этого... Твое самолюбіе страдаетъ... Ты боишься... Ты боишься, что кто-нибудь можетъ подслушать у дверей наши разговоры!“

Онъ снова просилъ меня замолчать, и на его землисто-блѣдномъ лицѣ выступили бѣлыя пятна. Но я долженъ былъ говорить. Слова горѣли у меня на устахъ. Я долженъ былъ произнести эти слова, крикнуть ихъ ему въ лицо, вонзая ихъ ядовитое жало въ его сознаніе. И я сказалъ ихъ не разъ, нѣтъ, безчисленное число разъ. Мнѣ доставляло мучительное наслажденіе видѣть, какъ онъ стоитъ передо мной и не можетъ произнести ни звука. Онъ пошатнулся и отступилъ къ стѣнѣ. Тамъ онъ остановился съ открытымъ ртомъ и неподвижными глазами.

Наконецъ, я опомнился и замолчалъ. Тогда Алланъ тихо прошепталъ, повторяя мои слова, какъ отдаленное эхо: „Убійца...Убійца...“

Я уже наполовину раскаивался въ томъ, что я сдѣлалъ, и началъ, словно для собственнаго оправданія, перечислять все, что я вытерпѣлъ, съ того дня, когда я увидѣлъ его слѣды въ оранжереѣ, до этого часа.

Алланъ ощупью, какъ въ темнотѣ, добрался до стола. Онъ тяжело опустился на стулъ, склонилъ голову на руки и сказалъ:

—„Говори, Джемсъ, скажи все, что ты хочешь сказать...Поскорѣе“...

Я продолжалъ; я говорилъ о своемъ служебномъ долгѣ, о своей чести, о нашемъ отцѣ, который хотѣлъ видѣть насъ честными людьми. А, между тѣмъ, одинъ изъ насъ сдѣлался убійцей, а другой его сообщникомъ. Я закончилъ разсказомъ о совѣтѣ врача.

—„И я знаю, что будетъ дальше. Я не найду покоя, пока не искуплю свою вину, пока...“

Алланъ подхватилъ мои слова:—„пока виновный не будетъ наказанъ?...“

Я кивнулъ головой.

Алланъ сказалъ:

— „Мнѣ кажется, что ты правъ, и я не упрекаю тебя. Наше несчастье въ нашихъ понятіяхъ о нравственности. Но развѣ ты не понимаешь, Джемсъ, что бываютъ случаи, когда болѣе преступно говорить, чѣмъ молчать?“

Я покачалъ головой:

— „Есть только одна правда и одна справедливость.“

— „Развѣ ты не понимаешь, что можно молчать ради другихъ?“

— „Нѣтъ.“

Алланъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, положилъ мнѣ руку на плечо и взглянулъ на меня съ своей особенной, красивой и скорбной улыбкой:

— „Прощай, Джемсъ, я ухожу, чтобы исполнить свой долгъ передъ собой и передъ тобой“.

И я далъ ему уйти. Я не позвалъ его назадъ. Я всю ночь неподвижно просидѣлъ въ своей комнатѣ, нетерпѣливо ожидая знака, который показалъ бы мнѣ, что совершилось то, что должно было совершиться. Я совершенно ясно представлялъ себѣ, что Алланъ сознается, но не въ состояніи будетъ перенести такого позора. Онъ былъ мой братъ, мой единственный любимый братъ, и я посовѣтовалъ ему исполнить свой долгъ, *свой долгъ*. Послѣ этого я могъ сдѣлать то же. Я съ радостью пошелъ бы въ тюрьму, чтобы искупить свою часть вины...

Въ теченіе ночи я вспомнилъ о Рахили. Неужели и она будетъ вовлечена въ это дѣло, она и Гуксъ?

Зеркало висѣло на своемъ обычномъ мѣстѣ; я былъ слишкомъ утомленъ, чтобы снять его. Лампа погасла, и я сидѣлъ въ темнотѣ, но въ зеркалѣ и вокругъ него собиралось какое-то слабое фосфорическое сіяніе... Боже Всемогущій, какъ я любилъ эту женщину!

Даже въ эту ночь, когда мой единственный братъ шелъ на смерть, я могъ думать о ней.

Я вынулъ маленькій платочекъ, который всегда носилъ съ собой, и смялъ его въ рукѣ. Я вынулъ желтоватую шпильку, которую съ того утра всегда носилъ въ своемъ жилетномъ карманѣ.

Пока я держалъ ее въ рукахъ и думалъ о Рахили, меня снова охватило знакомое головокруженіе. Я прислонился къ столу; глубоко, глубоко въ тайникахъ и сумеркахъ моего мозга возникло туманное видѣніе, призракъ... галлюцинація... Конечно, это была галлюцинація. Головокруженіе усилилось. Я услышалъ тихій, дребезжащій звукъ, какъ будто погасла лампа, или остановились часы. Я понялъ, что сердце моего брата перестало биться.

Алланъ выстрѣлилъ себѣ въ ухо... На его столѣ лежало письмо, адресованное мнѣ. Я вскрылъ его, не успѣвъ даже преклонить колѣни передъ тѣломъ брата. Письмо было короткое:

„Дорогой братъ! Мои послѣдніе мысли полны любовью къ тебѣ. Прошу тебя повѣрить, что это для меня послѣдній вздохъ. Не въ моей власти было поступить согласно твоему желанію. Я долженъ замолчать навсегда, ради людей, которые были для меня дороже всего.

„Но твоя жизнь, Джемсъ, вся еще впереди. Живи и съ честью выполняй начатую работу. Старайся оправдывать то, что оправдываетъ твое сердце, даже если всѣ законы требуютъ противнаго.

„Мы очень любили другъ друга, Джемсъ; наша любовь была сильнѣе, чѣмъ обыкновенно между братьями, но судьба воздвигла между нами стѣну, которую ни ты ни я не можемъ разрушить. Только моя смерть дастъ тебѣ возможность спокойно думать обо мнѣ. Я избралъ смерть, чтобы ты могъ жить. Твой вѣрный братъ Алланъ."

Я прочиталъ письмо такъ же равнодушно, какъ если бы это была дѣловая бумага. Ни слова ни тонъ не тронули меня. Печаль еще не проснулась въ моей душѣ, а смерть не искупила вины Аллана передо мной. Письмо показалось мнѣ послѣднимъ доказательствомъ трусости, несвойственной натурѣ Аллана, но вполнѣ согласовавшейся со всѣмъ его поведеніемъ за послѣднее время. Какой-то голосъ шепталъ мнѣ, что человѣкъ, вполнѣ обдуманно ищущій смерти, не могъ прибѣгнуть ко лжи ради самого себя, но я отогналъ эти мысли. Въ словахъ письма я видѣлъ только стремленіе оградить себя отъ позора ложной присяги.

Но, когда я повернулся къ постели, на которой лежалъ Алланъ, и увидѣлъ его мрачно-спокойное выраженіе, далекое отъ того „просвѣтлѣнія," которое иногда замѣчается у мертвецовъ—я снова началъ колебаться.

Эти благородныя губы были сжаты навсегда, съ рѣшимостью, требовавшей бѣлой печати смерти. Въ этихъ глазахъ, хранившихъ еще отблескъ улетѣвшей души, не было трусости, они печально смотрѣли за грани, поставленныя жизнью—печально, безнадежно, удивленно...

Я всталъ на колѣни. Я поцѣловалъ красивыя бѣлыя руки и снова съ леденящимъ ужасомъ подумалъ о томъ, что онѣ запачканы кровью.

Эти руки въ дни далекаго прошлаго благоговѣйно поднимали цвѣточные зонтики къ вечернему небу... Эти руки не терпѣли, чтобы даже насѣкомымъ причинялась боль. Эти руки— и убійство...

И все-таки воля Аллана была священна для меня. Если онъ удалился въ невѣдомую обитель смерти, чтобы уйти отъ наказанія, я не долженъ былъ преслѣдовать его за могилой. Онъ положилъ на мои пле-

чи тяжелое ярмо, чтобы я молчалъ—теперь и до моего послѣдняго дня. Но я понималъ самъ, что не могъ и не хотѣлъ больше исполнять свои обязанности. Какъ братъ Аллана, какъ сообщникъ, какъ укрыватель, я потерялъ свое право обвинять или оправдывать.

Чтобы не возбуждать подозрѣнія, я хотѣлъ просить сначала отпуска, ссылаясь на свидѣтельство доктора. Потомъ я могъ бы объявить, что мое разстройство не позволяетъ мнѣ служить. Конечно, я долженъ былъ взять пенсію, чтобы не умереть съ голода.

Дай Богъ, если бы мои записки могли кончиться на этомъ. Но я еще не прошелъ послѣднюю ступень, ведущую въ глубину... Я колеблюсь и смотрю вверхъ, чтобы не потерять равновѣсія. Но какъ далеко до голубого, милосерднаго неба. До Божьей милости еще дальше...

Въ тотъ же вечеръ я просилъ у Рахили позволенія придти.

Я не отдавалъ себѣ яснаго отчета, зачѣмъ мнѣ нужно было это свиданіе, но я зналъ, что мы должны разстаться навѣки, и что передъ этимъ прощаніемъ я долженъ услышать истину изъ ея собственныхъ устъ.

Гуксъ пришелъ ко мнѣ въ такомъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ я еще никогда не видѣлъ его. Онъ просилъ меня не ходить къ Рахили. Я не долженъ былъ итти къ ней, даже если бы она послала за мной. Онъ разсказалъ, что она заболѣла отъ ужаса, узнавъ о самоубійствѣ моего брата. Я уже долженъ былъ понять, что возбужденныя, нервныя женщины иногда дѣлаются невмѣняемыми.

Слова Гукса скользили надъ моей головой, какъ будто я не слышалъ ихъ.

— „Я хочу поговорить въ послѣдній разъ съ Рахилью Ванъ-Гроотенъ, и это должно быть сегодня же“, былъ мой отвѣтъ.

Гуксъ сдѣлался похожимъ на восковую статую:

— „Я запрещаю вамъ говорить съ Рахилью.“

— „Вы запрещаете мнѣ говорить съ ней?“

— „Если хотите... я запрещаю ей говорить съ вами.“

Я смотрѣлъ на него, оглушенный его словами. Золотистыя искры вспыхивали въ его глазахъ; онъ походилъ на хищника, который готовится къ прыжку. Ни одинъ мускулъ его прекраснаго лица не былъ искаженъ, только углы его рта дрожали въ какой-то странной, жестокой и сладострастной усмѣшкѣ. Онъ сказалъ чуть слышно:

— „Рахиль сегодня вечеромъ уѣзжаетъ.“

Я отвѣтилъ:

— „Она можетъ ѣхать, когда ей угодно, послѣ нашего разговора. Впрочемъ, мнѣ кажется, что вы переоцѣниваете свое могущество. M-lle Ванъ-Гроотенъ не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя покоряются.“

Гуксъ взглянулъ на меня; на его лицѣ была улыбка, полная пламенной ласки:

— „Да, она покоряется одному. Тому... котораго она любитъ“.

Я былъ наполовину приготовленъ къ этому отвѣту, но все-таки почувствовалъ странную сверлящую боль въ сердцѣ. Я холодно отвѣтилъ:

— „Можетъ быть, Ванъ-Гроотенъ любитъ васъ, но она не ваша собственность.“

Но полуоткрытыя губы Гукса произносили слова, благоухающія побѣдой и нѣжными воспоминаніями:

— „Вы заставляете меня сказать это, Тэмпль. Рахиль—моя собственность. Теперь мы понимаемъ другъ друга. И она сегодня вечеромъ уѣдетъ со мной.“

Въ моей головѣ была только одна отчетливая мысль, которой не касались другія: мысль о томъ, что я хочу говорить съ Рахилью. Я снова бросилъ взглядъ на Гукса. Съ горечью и грустью я любовался видомъ этого пластически-прекраснаго человѣка, присутствіе котораго доставляло мнѣ такое невыразимое удовольствіе. Потомъ я сказалъ:

— „Я понимаю васъ. И я могу добавить, что, если вы посмѣете поставить малѣйшее препятствіе этой встрѣчѣ, которой я прошу, или, вѣрнѣе, требую—я арестую васъ и Рахиль Ванъ-Гроотенъ, какъ укрывателей и сообщниковъ убійства Ванъ-Гроотена. Вы поняли меня теперь?“

Гуксъ на короткое мгновеніе закрылъ глаза, жуткій смѣхъ сорвался съ его губъ, и онъ съ трудомъ проговорилъ:

— „Милый другъ! Пусть будетъ по-вашему. Вы будете говорить съ Рахилью. Но, когда вы поговорите съ ней, вы, можетъ быть, скажете: почему Гуксъ не связалъ меня по рукамъ и по ногамъ, почему онъ не застрѣлилъ меня, вмѣсто того, чтобы допустить эту встрѣчу?“

Но слова теперь не имѣли надо мной власти. Гуксъ подалъ мнѣ руку, и мой взглядъ случайно упалъ на его большой палецъ со странно-широкимъ ногтемъ.

Онъ сказалъ:

— „Мы разстаемся, Тэмпль. Но, прежде чѣмъ уйти, я долженъ поблагодарить васъ. На своемъ жизненномъ пути я встрѣчалъ многихъ женщинъ, но только одного мужчину. Вы единственный человѣкъ, къ которому я относился дружески... Эта дружба исчезла въ нѣсколько часовъ. Этого хочетъ случай. Случай и ваше собственное глупое упрямство... Прощайте, Тэмпль, и будьте убѣждены, что, если бы я могъ избавить васъ отъ того, что васъ ожидаетъ, я сдѣлалъ бы это“...

Когда я просилъ доложить о себѣ, лакей сказалъ, что барышня плохо себя чувствуетъ и лежитъ въ постели, но все-таки проситъ меня къ себѣ. Можетъ быть, я буду такъ добръ подняться наверхъ.

Я вышелъ въ оранжерею и въ первый разъ поднялся по маленькой чугунной винтовой лѣстницѣ, которая вела къ ея комнатѣ.

Золотисто-желтыя занавѣски были задернуты. Я постучалъ. Мнѣ показалось, что внутри кто-то прошепталъ:

— „Войдите!"

Я вошелъ. Я увидѣлъ ее, и такой я вижу ее теперь день и ночь. Она лежала такая маленькая, бѣлая, тихая подъ своимъ шелковымъ одѣяломъ. Голова была тяжело откинута назадъ, взглядъ янтарныхъ глазъ безпокойно и неустанно бродилъ по потолку, какъ бы стараясь въ горестномъ смятенiи разобрать слишкомъ мелкую надпись, надпись, въ смыслѣ которой скрывается жизнь и смерть.

По комнатѣ были въ безпорядкѣ разбросаны платья и чемоданы; приготовленiя къ путешествiю были въ полномъ ходу.

Когда я вошелъ, камеристка выскользнула въ сосѣднюю комнату, и я слышалъ, какъ она вышла на балконъ и стала спускаться по лѣстницѣ.

Рахиль держала что-то въ рукахъ; когда я подошелъ, она спрятала это „нѣчто" подъ одѣяло.

На маленькомъ табуретѣ около кровати стоялъ ящикъ изъ чернаго дерева съ инкрустацiями изъ слоновой кости. Ключъ торчалъ въ замкѣ.

Рахиль сказала дрожащимъ и жалобнымъ голосомъ больного ребенка:

— „Почему вы не пришли раньше? Почему вы не пришли раньше?"

Я подошелъ къ кровати. Она внезапно приподнялась и обвила руки вокругъ моей шеи въ убiйственно-цѣпкомъ объятiи. Она шептала:

— „Цѣлуй меня, Джемсъ! Цѣлуй меня, Джемсъ!"

Я снялъ ея руки со своей шеи, и, когда она попробовала встрѣтить мой взглядъ, я твердо устремилъ глаза въ стѣну мимо нея. Тогда она сказала плачущимъ голосомъ:

— „Зачѣмъ вы пришли? Что вамъ нужно отъ меня?"

Лежа въ постели, она казалась такой жалкой, маленькой, безпомощной, и я не могъ повѣрить, что это была та самая женщина, которая будила, зажигала и ослѣпляла каждое изъ моихъ чувствъ своимъ взглядомъ, улыбкой, звукомъ своего голоса.

Она быстро схватила одну изъ моихъ рукъ и, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, положила ее на свою обнаженную грудь. Еще минута—и я забылъ бы, зачѣмъ пришелъ. Но я во второй разъ оторвался отъ нея.

Рахиль, наконецъ, поняла, что дѣло серьезно. Она откинулась назадъ, и по ея тонкому тѣлу пробѣжала дрожь. На минуту мнѣ показалось, что подъ одѣяломъ, трепеща, извивается змѣя.

Рахиль сказала тихо и беззвучно:

— „Вы меня убьете, Тэмпль, я знаю это. Пришелъ мой чередъ умереть“...

Она сложила руки:

— „Но я боюсь, у меня не хватаетъ смѣлости“...

Видя ее такой жалкой, я не могъ удержать улыбки.

— „Вы же знаете, Рахиль“, возразилъ я, „что я никогда не могъ бы обидѣть васъ.“

— „Да? Правда?“

Она снова хотѣла прильнуть ко мнѣ. Обаяніе, исходившее отъ ея дрожащаго тѣла, подѣйствовало на меня такъ, что я тоже началъ дрожать. Я сказалъ:

— „Рахиль, мой братъ застрѣлился. Теперь я пришелъ къ вамъ, потому что хочу знать—вы слышите, я хочу знать, какъ онъ сдѣлался убійцей Ванъ-Гроотена?..“

Рахиль посмотрѣла на меня умирающимъ взоромъ:

— „Я...не могу“...

— „Да, Рахиль, вы можете, вы должны“...

— „Но потомъ...Вы будете ненавидѣть меня...Вы меня убьете“?..

— „Нѣтъ, нѣтъ. Я же сказалъ вамъ.“

— „И вы хотите знать все? Все?..“

— „Да!“

Рахиль на минуту замолчала, потомъ она сказала, какъ бы говоря сама съ собой:

— „Когда-то я считала себя сильной. Я твердо вѣрила въ это, но теперь я уже не та. Чтобы быть сильною, надо забыть то, о чемъ не хочешь думать. Я не могу забыть...Только одинъ человѣкъ дѣйствительно силенъ, поэтому я люблю его. Поэтому я—его рабыня. Поэтому я уѣзжаю съ нимъ. Онъ хочетъ освободить меня, онъ хочетъ меня вылѣчить...Онъ научитъ меня забыть...Слышите?“

Слышалъ ли я? При мысли объ этомъ одномъ человѣкѣ, къ Рахили, словно по волшебству, вернулась вся ея женственность, она снова стала сама собой. Она потребовала повелительнымъ жестомъ, чтобы я подалъ ей шелковую шаль, наброшенную на стулъ. Она завернулась въ нее и сѣла, окруженная подушками:

— „Джемсъ, я хочу сказать вамъ, какъ все это случилось. Я принуждена сказать это...Я не могу не сдѣлать этого. Эта тайна сжимаетъ мнѣ горло. Она шевелится въ моемъ мозгу. Она горитъ въ моей крови...Я должна быть свободна, знаете вы это? Я должна...

быть свободна! Ахъ, Джемсъ, если бы вы не пришли ко мнѣ, я сама пошла бы къ вамъ. Однажды вечеромъ, въ туманѣ, я была у васъ, но вы не хотѣли впустить меня. А вѣдь вы знали, что это я. Я чувствовала, что вы стояли за дверями и знали, кто это...Это было ужасно...Потому что съ того вечера...когда это случилось—мы принадлежимъ другъ другу. Ваши желанія сдѣлались моими, мои мысли—вашими. Мнѣ кажется, что мы не можемъ разстаться, и я сказала это ему. Онъ говоритъ, что это воображеніе, нервы. Но мы принадлежимъ другъ другу, Джемсъ, да, это такъ. И я очень хорошо знаю, какъ вы страдали...При такой душевной близости очень много знаешь другъ о другѣ...Я знаю также, какъ вы сидите и смотрите въ зеркало, въ мое старое зеркало. Но вы должны разбить его—это единственное, что можно сдѣлать. И потомъ я уѣду, и ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не узнаетъ, гдѣ я. Ни одинъ, кромѣ того, который беретъ меня съ собой, чтобы сдѣлать меня здоровой. Онъ вылечитъ меня, даже если бы ему пришлось примѣнить силу...Ахъ, развѣ вы не понимаете, что я люблю его"?..

Я перебилъ ее:

— ,,Рахиль, не будемъ говорить объ этомъ."

— ,,О, нѣтъ! Мы будемъ объ этомъ говорить. Вы хотите знать все—и мы должны начинать сначала."

— ,,Да, сначала. Начинайте же!"

— ,,Не будьте нетерпѣливы, Тэмпль. Я какъ будто должна втащить на высокую, высокую гору большія, невѣроятно тяжелыя глыбы гранита, но вѣдь для этого нужно время...Вы помните вечеръ, когда я разсказала вамъ свою сказку? Это начало".

Я ясно помнилъ даже тонъ, которымъ была сказана въ тотъ вечеръ каждая фраза. Я отвѣтилъ, что не слышалъ конца сказки, но не понимаю, какое это имѣетъ отношеніе ко всему остальному.

Рахиль возразила:

— ,,Да, Тэмпль, вы слышали конецъ...Вы только забыли его."

— ,,Клянусь..."

— ,,Вы даете ложную клятву, но это не относится къ дѣлу, вы не виноваты, что забыли это. Скажите мнѣ, что вы помните?"

Въ выраженіи лица Рахили было что-то, внушавшее мнѣ непріязнь, почти отвращеніе. Если бы я не рѣшилъ узнать истину, я покинулъ бы ее. Я отвѣтилъ съ равнодушіемъ, которое удивило меня самого:

— ,,Вы вернулись домой отъ царскихъ гробницъ. Больше я ничего не знаю".

Черты Рахили сдѣлались неподвижными. Ея глаза казались слѣпыми и потухшими. Голосъ звучалъ странно и глухо:

— „Да, я поѣхала домой. Махмудъ посадилъ меня на сѣдло. Онъ подгонялъ осла кожанымъ ремнемъ, обыкновенно служившимъ ему поясомъ... Онъ билъ меня чаще, чѣмъ животное. Дорогой онъ спросилъ меня, довольна ли я тѣмъ, чему онъ научилъ меня... Мы подъѣхали къ поющимъ статуямъ въ открытомъ полѣ. Онъ снова хотѣлъ снять меня съ осла... Судьба внушила мнѣ мысль... Не смотрите на меня, Джемсъ. Я сдѣлала это... Я вонзила ему шпильку въ ухо... Моя рука была тяжела, какъ молотокъ... Въ своемъ паденіи онъ увлекъ меня за собой. Я никогда не видѣла умирающаго человѣка... Звѣзды отражались въ одномъ изъ его незакрытыхъ глазъ... Оселъ стоялъ на колѣняхъ, онъ ждалъ своего господина, онъ зналъ его привычки... Но тогда я была спокойна. Я была права. Я знала, что право на моей сторонѣ. Я привязала его къ ослу его собственнымъ ремнемъ и серебряной цѣпочкой, которую всегда носила. Мои силы выдержали испытаніе... я подняла его и привязала къ ослу. Знаете ли вы холодный, ледяной потъ? Онъ выступилъ на всемъ моемъ тѣлѣ. Шерсть осла была также влажна. Онъ зналъ, что это трупъ. Ахъ, какъ онъ дрожалъ...

„Онъ помчался большими прыжками. Я должна была бѣжать... летѣть по песку, чтобы не отстать. Оселъ поскакалъ въ горы, гдѣ исчезаютъ всѣ слѣды...

„Я зарыла его въ глубокомъ пескѣ. Я засыпала его пескомъ... Его открытые глаза... его ротъ...

„Надо мной была луна. Она напоминала клинокъ ножа... она блестѣла... она отражалась въ его глазахъ... Я набрала у обрыва тяжелыхъ камней, чтобы положить ихъ сверху, для защиты отъ шакаловъ...

„Вдалекѣ я видѣла факелы, какъ бы играющіе въ воздухѣ. Я прекрасно знала, что меня ищутъ... Потомъ я поѣхала назадъ.

„Дорогой я чувствовала сквозь платье холодный потъ осла... Сначала я боялась, что оселъ выдастъ меня и покажетъ дорогу къ мѣсту, гдѣ лежалъ Махмудъ. Но животное было безмолвно, какъ луна. Я купила его и заставила застрѣлить.

„Всѣ повѣрили мнѣ, когда я разсказала, что Махмудъ укралъ у меня часы и кошелекъ... Нѣтъ, одинъ человѣкъ не повѣрилъ...

„Мы сидѣли наверху у пилоновъ храма, какъ на утесѣ. Подъ нами лежало священное озеро. Сфинксы, казалось, ползли къ намъ двумя длинными, нѣмыми рядами. Надъ хижинами арабовъ вставалъ дымъ голубоватыми столбами. Мальчики играли на своихъ тростниковыхъ флейтахъ...

„Я думала о Махмудѣ съ его закрытымъ глазомъ, и мое тѣло снова испытывало его ласки, всѣ его пытки... Ванъ-Гроотенъ взялъ мою руку, на которую падалъ лунный свѣтъ. Онѣ казались ледяными.

Онъ прочелъ истину на моихъ рукахъ, и, когда я хотѣла улыбнуться, онъ увидѣлъ, что одна сторона моего лица парализована".

Рахиль протянула ко мнѣ свои тонкія руки, ея нѣжные пальцы теперь были настолько же холодны, насколько недавно горѣли. Но я оттолкнулъ ее, я боялся ея могущества.

Рахиль бросила на меня пугливый взглядъ, но, казалось, не видѣла меня. Она продолжала, въ то время, какъ въ моихъ мысляхъ началось странное волненіе и броженіе. Мнѣ казалось, что я стою на рубежѣ между сномъ и дѣйствительностью. Далеко, далеко мимо меня проносились какія-то картины, какъ облака по небу, но ихъ полетъ былъ такъ стремителенъ, что я не могъ удержать ихъ.

Я повернулся къ Рахили и продолжалъ слушать:

— „Эта страна связывала меня семь мѣсяцевъ. Семь мѣсяцевъ! Ахъ, Джемсъ, вы должны знать, почему именно это было семь мѣсяцевъ... Я заставила Ванъ-Гроотена вернуться въ Англію. Я путешествовала одна... Но съ тѣхъ поръ я ни разу не садилась на осла.

„Высокіе верблюды унесли меня на югъ... къ Филе, къ пылающимъ закатамъ, къ катарактамъ и обратно... снова къ пирамидамъ, въ Ѳивы... въ пустынныя горы."

По глазамъ Рахили я увидѣлъ, что ея душа находится далеко въ странѣ жестокихъ воспоминаній.

— „Среди молодыхъ пальмъ лежитъ поверженный каменный колоссъ, у его ногъ стоитъ шатеръ... Тамъ я жила недѣлю... у молодого араба... Я забыла его имя... Но его ласки я никогда не забуду.

„Страна связывала меня, какъ оковы. Моя кровь горѣла, какъ песокъ пустыни въ полдень. Махмудъ все время былъ въ моихъ мысляхъ. Я не могла, не могла бросить его, какъ одежду... Притомъ я иногда желала, чтобы онъ былъ живъ, ради его ласкъ, ради его пытокъ... Но я ненавидѣла его, не забывайте этого.

„Я навела справки и узнала: семи мѣсяцевъ достаточно, чтобы солнце и песокъ уничтожили падаль. Этого я и ждала.

„Въ Каирѣ я встрѣтила Гукса, увидѣла его съ террасы отеля. Онъ сдѣлался моимъ любовникомъ... Я довѣрилась ему. Онъ только улыбнулся, когда я разсказала о смерти Махмуда. Эта улыбка сдѣлала его повелителемъ моей жизни... Но тогда я не знала этого... А теперь поздно.

„Я боюсь, что поздно...Вы понимаете, какая тутъ связь: это похоже на длинный путь, который мнѣ пришлось пройти, и я устала... Гуксъ обѣщалъ сказать мнѣ, когда я могу спокойно уѣхать. За день передъ этимъ онъ принесъ мнѣ это...Онъ самъ вырылъ ее изъ песка по моему указанію."

Рахиль вынула изъ-подъ одѣяла высохшую руку, которую я уже видѣлъ, когда Ванъ-Гроотенъ швырнулъ ее Рахили.

Она поспѣшно спрятала ее снова, какъ сокровище.

— „Это правая рука Махмуда. Я не хотѣла ѣхать безъ нея..Черезъ два года Гуксъ долженъ былъ послѣдовать за мной. Онъ былъ бѣденъ, я должна была сдѣлаться богатой.

„Я не сказала ему, что Ванъ-Гроотену извѣстно то...о Махмудѣ, иначе...иначе онъ не отпустилъ бы меня. Но, когда я пріѣхала въ Англію...въ первый же вечеръ...Ванъ-Гроотенъ началъ допрашивать меня. Онъ показалъ мнѣ всѣ книги, которыя купилъ для того, чтобы понять мое преступленіе. Но онъ все-таки не понималъ, какъ я могла это сдѣлать: мои руки были слишкомъ тонки и слабы для этого...,

„Два года я была съ нимъ одна. Два года мы каждый день говорили объ одномъ и томъ же...Каждый день. Вы поймете, что, наконецъ, не было мѣста, куда бы я могла ступить спокойно. Тамъ мы говорили о томъ, здѣсь о другомъ. Воспоминанія выростали, какъ ядовитый лѣсъ. И Ванъ-Гроотенъ раздражалъ меня, дразнилъ, какъ дразнятъ животное, пока я не разсказала ему подробностей, подробностей, которыя сидѣли въ моихъ глазахъ, какъ опухоли. Онъ говорилъ, что это помогаетъ ему представить себѣ все и понять то, что было. Когда мы говорили объ этомъ, одинъ глазъ его закрывался, а ротъ складывался въ такую же гримасу, какъ у Махмуда. Я начала ненавидѣть его. Я не хотѣла быть его женой...Но я должна была имѣть его деньги. Наконецъ, я заставила сдѣлать у своихъ дверей желѣзный засовъ, иначе я не могла спать...Онъ бродилъ по дому...Я не могла больше жить у него и не рѣшалась уйти...Какъ я ненавидѣла его! Тогда я начала привлекать въ нашъ домъ мужчинъ—только не женщинъ. Я не могу дышать тамъ, гдѣ много женщинъ. Въ ихъ присутствіи мнѣ дѣлается скучно. Мнѣ доставляло удовольствіе порабощать мужчинъ, и я знала, что моя сила въ моихъ глазахъ...Теперь ея уже нѣтъ, Тэмпль, не бойтесь. Если бы вы знали, какъ утомились мои глаза. Ахъ, я тоскую о мягкомъ черномъ мракѣ, который бы окуталъ мои глаза, чтобы никогда не исчезнуть.-Но, даже закрывши глаза, я вижу то...То, что меня утомляетъ.

„Я подарила Ванъ-Гроотену руку Махмуда...Я не знаю, почему. Я дала ее ему. Это было очень глупо съ моей стороны. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ чувствовать себя моимъ сообщникомъ. Онъ не могъ ѣсть, когда я сидѣла за столомъ, онъ заболѣлъ, но не хотѣлъ отдать мнѣ эту руку...“

Рахиль снова откинулась назадъ и лежала, безпокойно глядя вверхъ. Я почувствовалъ, что приближается рѣшительный моментъ. Нѣжная улыбка скользнула по ея лицу.

— „Потомъ пріѣхалъ Гуксъ...Знаете, Тэмпль, я такъ тосковала о немъ, что въ первую же ночь послѣ его пріѣзда я пошла къ нему, накинувъ платокъ на голову, какъ бѣдная дѣвушка. Много, много разъ я была у него ночью. Я не понимаю, тоскую ли я о немъ, или объ его флейтѣ. Ночью я была покорна, днемъ же я дѣлалась высокомѣрной, даже съ нимъ. Дайте мнѣ время, Тэмпль, я скажу все. Я вижу все это, какъ картины на стѣнѣ. Я ничего не забуду.“

Но я перебилъ ее:

—„Рахиль, разскажите мнѣ о моемъ братѣ, остальное меня не касается.“

Она внезапно начала смѣяться пронзительнымъ истерическимъ смѣхомъ, дрожа, какъ въ судорогахъ:

— „Остальное не касается васъ? Кого же? Васъ не касается?..Васъ?“

Она схватилась обѣими руками за лобъ:

— „Не сердитесь, Тэмпль, я хочу...я хочу...Вашъ братъ...Вашъ братъ...Онъ былъ для меня ничто. Не больше, чѣмъ другіе мужчины. Но я должна была подчинить его себѣ, какъ и всѣхъ остальныхъ. Развѣ вы не понимаете, Тэмпль...Дѣлаешься такой жадной, какъ будто это драгоцѣнные камни...Хочется владѣть всѣми, чтобы только имѣть право бросить ихъ и растоптать ногами. Знаете, Тэмпль, когда я...еще жила въ Амстердамѣ...у...еврея...самымъ большимъ удовольствіемъ для меня было видѣть, какъ кошка играетъ съ мышью...Это я понимала, это нравилось мнѣ...Вашъ братъ... Зачѣмъ онъ былъ нуженъ мнѣ? Лучше всего, если вы не будете смотрѣть на меня...

„Однажды ночью Ванъ-Гроотенъ замѣтилъ мое отсутствіе. Онъ не долженъ былъ думать, что это Гуксъ.. Нѣтъ, онъ не долженъ былъ этого думать. Я не сказала ему, что это вашъ братъ, но позаботилась о томъ, чтобы онъ предположилъ это. Я издѣвалась надъ нимъ, потому что онъ мучилъ меня...Тогда онъ началъ грозить мнѣ...Вы знаете, лгать такъ легко, слова такъ мягки...Я обѣщала сдѣлаться его женой... Когда-нибудь...когда-нибудь...позднѣе. Я хочу сказать вамъ, Тэмпль, что мой планъ былъ давно готовъ. Онъ выплылъ изъ глубины моей души, какъ маленькая лодочка на безконечно-длинной рѣкѣ. Я видѣла это, но боялась...

„Видите, если бы я сказала Гуксу объ этомъ планѣ, онъ, можетъ быть, былъ бы въ состояніи сжечь его своимъ взглядомъ, но я хранила его про себя.

„Наконецъ, мнѣ пришла мысль просить Симона Юмайсона привести его въ исполненіе. Онъ не захотѣлъ, онъ оказался трусомъ...Но вы сами видѣли Ванъ-Гроотена, вы знаете, что онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые останавливаются, не достигнувъ цѣли...Даже въ присутствіи двадцати человѣкъ, когда онъ говорилъ съ однимъ, а я съ

другимъ—мы разговаривали все время объ одномъ и томъ же...Наконецъ, мнѣ сталъ чудиться на всѣхъ лицахъ единственный открытый глазъ Махмуда...Ванъ-Гроотенъ назначилъ мнѣ срокъ. Черезъ три мѣсяца я должна была сдѣлаться его женой...Вы скажете, что я могла уѣхать съ Гуксомъ...Нѣтъ, я хотѣла имѣть эти деньги, я хотѣла быть богатой, я завидовала этому человѣку изъ-за его состоянія...Я согласилась сдѣлаться его любовницей...Я сдѣлала это, чтобы выиграть время, но тутъ онъ замѣтилъ мой страхъ. Этого было достаточно для него. Я должна была сдѣлаться его женой—онъ хотѣлъ, чтобы я была его собственностью, чтобы онъ могъ запереть меня, закрыть двери своего дома для всѣхъ, даже для Гукса..."

Я снова остановилъ болѣзненное краснорѣчіе Рахили:

— „Разскажите мнѣ то, что касается моего брата, я не могу ждать."

Рахиль посмотрѣла на меня въ смятеніи:

— „Будьте милосердны, Тэмиль!"

Она съ мольбой протянула ко мнѣ руки, но я боялся прикоснуться къ нимъ.

— „Тогда я рѣшила... Нѣтъ, не то... Это уже было рѣшено независимо отъ моей воли... что онъ долженъ умереть теперь... скоро... чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я сказала Гуксу, что Ванъ-Гроотенъ сошелъ съ ума, и что онъ долженъ поддакивать ему и притворяться, что вѣритъ моему рѣшенію выйти за него замужъ.

„Теперь я перейду къ вашему брату... Я сдѣлала нерѣшительную попытку. Мой взглядъ имѣлъ власть надъ нимъ... Но его мысли были слишкомъ чисты, его глаза слишкомъ ясны... Онъ понялъ, зачѣмъ онъ нуженъ мнѣ... Онъ и любилъ и презиралъ меня".

Рахиль сжала лобъ пальцами, какъ будто отъ головной боли.

— „Вы хотите знать еще больше? Вы не можете пощадить меня?"

Но я опустилъ голову и прошепталъ:

— „Дальше, Рахиль, дальше."

Рахиль показала на ящикъ изъ чернаго дерева, и я понялъ, что долженъ открыть его. Я исполнилъ ея желаніе.

Ящикъ былъ до краевъ наполненъ золотыми монетами. При всемъ моемъ страданіи, это зрѣлище доставило мнѣ облегченіе: это было доказательство, что Аллапъ не ограбилъ убитаго... Если только Рахиль не хранила эти деньги для него...

Рахиль протянула свою нѣжную руку къ грудѣ золота, но поспѣшно отдернула ее, какъ будто обожглась.

— „Дальше, Рахиль, дальше... Вы заставили моего брата?..."

— „Вашего брата... Нѣтъ... нѣтъ... Вашъ братъ не..."

— „Вы лжете, Рахиль, вы лжете!"

— „Я знала, что вы не переносите луннаго свѣта, мы говорили объ этомъ. Но, когда луна свѣтила мнѣ въ глаза, моя воля дѣлалась острой, какъ кинжалъ...Поэтому я откинула коверъ отъ окна и смотрѣла на васъ“...

— „Рахиль, не говорите обо мнѣ, говорите о моемъ братѣ.“

Она покачала головой, и я увидѣлъ, что ея волосы прилипли къ вискамъ, и крупныя капли пота выступили на лбу.

— „Я должна говорить о васъ, Тэмпль... Вы вѣдь хотите знать все. Теперь я уже не могу остановиться. Я день за днемъ, безъ вашего вѣдома, отравляла вашу душу своей волей... Вы пили ее, какъ ядъ... Я устроила вечеринку прислуги... „Это“ должно было случиться въ ту ночь. Я сказала объ этомъ Гуксу... Онъ былъ вашимъ другомъ, онъ... хотѣлъ помѣшать... Онъ хотѣлъ... самъ... Но я любила его. На его рукахъ не должно было быть крови. Я просила его остаться въ эту ночь со мной... послѣ этого... Я боялась одиночества. Скажите мнѣ, Тэмпль, теперь вы помните это? Скажите мнѣ, что вы это помните“?...

— „Дальше, дальше“...

Глаза Рахили все еще тревожно бродили по потолку, какъ бы стараясь разобрать въ наступающемъ полумракѣ слишкомъ мелкую надпись.

Мои мысли замерли въ смертельномъ холодѣ. Рахиль тихо засмѣялась: это былъ ужасный, безумный смѣхъ; она захлопала въ ладоши.

— „Я разсказала вамъ свою сказку... Когда луна свѣтила мнѣ въ глаза... Я показала, какъ я отомстила Махмуду... Но вы любили меня, Джемсъ... Вы были рабомъ моей воли... Вы ушли, но оставили дверь за собой открытой. Вашъ братъ пришелъ проститься, и я не могла убѣдить его уйти... Вы вернулись... какъ лунатикъ.. Вы вытащили шпильку изъ земли, куда я ее воткнула... Моя воля толкала васъ... гнала васъ.... Вы помните... Гуксъ шелъ за вами... онъ разговаривалъ съ вами... Вы оттолкнули его... Вы вошли къ Ванъ-Гроотену“...

Рахиль упала въ обморокъ.

Я сидѣлъ неподвижно въ полутемной комнатѣ, ожидая, когда она проснется отъ своего забытья.

Она смущенно провела рукой по глазамъ, ея взглядъ былъ мутенъ, какъ у умирающей. Она повторила мои слова: „Дальше, Рахиль, дальше... Но больше нѣтъ... Больше нѣтъ ничего“...

Я бросился на нее... Мои пальцы сжимали ея горло, мои губы искали ея губъ. Теперь оставалось только одно: смерть, смерть для насъ обоихъ...

Мои силы истощились, я потерялъ сознаніе, погрузившись въ обморокъ или сонъ.

Когда я проснулся, я былъ одинъ въ темной комнатѣ. Я поднял-

ся и въ темнотѣ наткнулся на что-то, упавшее съ дребезжащимъ звукомъ. По полу разсыпался золотой потокъ изъ чернаго ящика.

Я вышелъ, шатаясь; одуряющій ароматъ оранжереи душилъ меня, но я спустился по лѣстницѣ.

Лакей посмотрѣлъ на меня удивленно:

— „M-lle Ванъ-Гроотенъ полчаса тому назадъ уѣхала на вокзалъ; за ней заѣзжалъ г-нъ Гуксъ"...

Я больше никогда не видалъ ее. Но, въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ безуміи и среди безумныхъ, я каждый часъ ожидалъ увидѣть ее. Вѣдь она же сказала: „Мы принадлежимъ другъ другу." И эти слова неизмѣнно звучали въ моихъ ушахъ.

Только позднѣе, когда мои мысли приподнялись, какъ поблекшіе цвѣты послѣ дождя, я понялъ, хотя и медленно, жертву моего брата... И понялъ его молчаніе...

Теперь я сижу тамъ, гдѣ провелъ свое дѣтство, глядя на широкую прекрасную долину, и желаю только одного: чтобы этотъ день былъ послѣднимъ, и я могъ бы до наступленія ночи увидѣть своего брата и вымолить его прощеніе.

Конецъ.

Марьины Коренья.

...Ужъ теперь въ Алтаѣ расцвѣли піоны,
Поле—словно море, огненное днемъ.
Надъ цвѣтами гордо рѣютъ махаоны,
Солнце сыплетъ ласковымъ, золотымъ дождемъ.

Горы, какъ старушки, дремлютъ надъ долиной;
Только полюбуются солнечной картиной—
И опять ихъ сонная дрема поглотила...

Помнишь, у дороги тамъ была могила?

Въ день Поминовенья мы съ тобой вдвоемъ
Красные піоны на могилу рвали,
И молились молча, полные печали,
Передъ покосившимся стареньким крестомъ.

Помнишь, намъ сказали про одно преданье:
Дѣвушка въ любимомъ счастья не нашла,
И души и сердца страшныя страданья,
Бросившись съ утеса, въ землю унесла...

Съ той поры весною здѣсь цвѣтутъ піоны,
Марьины Коренья... Вечерами стоны
Изъ ея могилы, по землѣ остывшей,
Раздаются тихо, еле-еле слышно...

А когда мы ѣхали вечеромъ полями—
Росы, словно слезы, пали на поля...
Намъ тогда казалось—этими слезами
О погибшей дѣвушкѣ плакала земля.

Таисія Баженова.

Г. Н. Потанинъ и Н. А. Морозовъ.
(снимокъ 1916 года).

Серьги.

Второй разсказъ изъ серіи „Хунхузы."

...Хунхузъ хунхузу—рознь... Правда, въ тѣхъ шайкахъ, гдѣ хозяинъ ея, по-вашему, атаманъ, поддерживаетъ строгую дисциплину—въ такихъ шайкахъ случаевъ безсмысленной жестокости, ненужныхъ убійствъ или грабежа бѣдныхъ людей почти не случается; но тамъ, гдѣ дисциплина слаба, каждый хунхузъ можетъ своевольничать и творить всякія безобразія. А если въ такой шайкѣ атаманомъ сдѣлается еще человѣкъ безъ всякаго чувства совѣсти и чести, то тогда не только богатымъ людямъ, но и намъ, бѣднымъ крестьянамъ-земледѣльцамъ, часто приходится очень плохо. Тогда одна только надежда на наши „туань-лянь-хуй," т. е. „обученныя военному дѣлу общества;" такъ называютъ у насъ деревенскія добровольныя милиціи, цѣль образованія которыхъ—именно, защита отъ хунхузовъ. Вы вѣдь знаете, что солдатъ у насъ мало, да и расквартированы они тамъ, гдѣ какъ разъ хунхузовъ мало, или ихъ совсѣмъ нѣтъ; кромѣ того, солдаты очень неохотно дерутся съ хунхузами: то ли имъ неохота рисковать собой ради насъ, то ли неловко идти противъ своихъ бывшихъ „братьевъ." Между солдатами вѣдь много бывшихъ хунхузовъ. Во всякомъ случаѣ, если на кого мы надѣемся, то только на нашу милицію.

То, что я хочу разсказать вамъ, случилось въ деревнѣ Чао-янъ-гоу, на южной дорогѣ отъ Омосо къ Нингутѣ. Дорога эта идетъ по правому берегу верхняго теченія рѣки Муданьцзяна, до его впаденія въ прелестнѣйшее во всей Маньчжуріи озеро, называемое Биръ-тынь или Да-ху. И, хотя именно здѣсь-то и зародилось маньчжурское государство, но разсѣянные всюду валы и городища представляютъ собою остатки не маньчжурскихъ городовъ, а какого-то другого, болѣе древняго государства, существовавшаго на этомъ мѣстѣ до маньчжуръ, Бохая, что-ли. Кое-гдѣ остались здѣсь еще старыя усадьбы настоящихъ маньчжурскихъ семей, говорящихъ у себя дома по-маньчжурски; но у нихъ ничего о старинѣ узнать нельзя, потому что они народъ все необразованный.

И мѣста же здѣсь красивыя! Все лѣсъ и горы; но не тѣ дикія и непроходимыя горы, которыя, говорятъ, тянутся дальше на востокъ,

—а цѣлый, до-нельзя запутанный, лабиринтъ невысокихъ хребтовъ, отдѣльныхъ сопокъ, переваловъ, ущелій и долинъ съ безконечнымъ количествомъ чрезвычайно извилистыхъ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ. Мѣстъ, удобныхъ для пашни, не такъ ужъ много; но лѣсу, а въ лѣсу звѣря —сколько угодно.

Кругомъ на много верстъ, на сѣверъ и западъ, до Нингуты и Гирина, а на востокъ и югъ, Богъ знаетъ, до какого мѣста—нѣтъ крупныхъ городовъ и поселеній, а, слѣдовательно, нѣтъ и солдатъ.

Словомъ, этотъ край—благодатное мѣсто для хунхузовъ.

Они здѣсь всегда водились; есть и теперь.

Солдатъ въ этихъ мѣстахъ, какъ я говорилъ—почти нѣтъ; да и слава Богу—безъ нихъ лучше. Поэтому для защиты отъ хунхузовъ, какъ въ нашей деревнѣ, такъ и въ сосѣднихъ: Гуанъ-ди, Гань-цзы, Ша-хэ-янь-эръ, Да-дянь-цзы, Да-шань-цзуй-цзы и т. д., вездѣ образованы отряды туань-лянь-хуй. Мнѣ только что минуло шестнадцать лѣтъ, я тоже поступилъ добровольцемъ въ нашъ деревенскій отрядъ и съ гордостью, хотя и обливаясь потомъ, таскалъ старую берданку во время нашихъ рѣдкихъ строевыхъ ученій.

Дома у моего отца было большое хозяйство; всего было вдоволь —знаете, какъ въ зажиточныхъ китайскихъ усадьбахъ: и хлѣбъ свой, и скотъ есть, и огородъ; сами ткали и красили дабу, сами и водку гнали. Ну, словомъ, какъ у васъ говорится—была въ домѣ полная чаша. Работниковъ у насъ было нѣсколько человѣкъ, но отецъ заставлялъ меня и братьевъ работать наравнѣ съ работниками.

Однажды мы съ отцомъ были въ фанзѣ. Кто-то со двора крикнулъ, что свиньи ушли въ поле. Отецъ взглянулъ на меня—я понялъ и тотчасъ побѣжалъ, чтобы загнать свиней домой. Но, когда я ихъ гналъ, то увидѣлъ, что наши кони также забрели на дальнее поле, засѣянное гаоляномъ. Поэтому, загнавши свиней, я побѣжалъ за лошадьми. Но хитрая скотина, увидѣвъ меня, стала потихоньку уходить все дальше и дальше, такъ что я долженъ былъ сдѣлать кругъ версты въ двѣ, чтобы обойти ихъ.

Только что я собрался было гнать коней домой, какъ случайно я увидѣлъ въ сторонѣ, по дорогѣ на Да-дянь-цзы, медленно ѣхавшихъ гуськомъ шестнадцать верховыхъ людей. Я испугался, потому что у каждаго изъ нихъ были ружья за спиной, и я упалъ между грядками гаоляна, но такъ, чтобы мнѣ было все видно. Какъ только они скрылись за складкой мѣстности, я бросился бѣгомъ домой и разсказалъ отцу.

Сомнѣнія не было, что это были хунхузы—кто же ѣздитъ съ ружьями въ нашихъ краяхъ? Отецъ тотчасъ далъ знать начальнику нашей милиціи Ли-юнъ-си. Тотъ въ одну минуту собралъ весь нашъ отрядъ,

и мы бѣгомъ, прямымъ путемъ черезъ поля, направились наперерѣзъ хунхузамъ.

Дорога на Да-дянь-цзы дѣлала здѣсь большой крюкъ, и на ней было нѣсколько топкихъ мѣстъ, такъ что хунхузы должны были задержаться, и мы успѣли раньше ихъ добраться до глубокой промоины, находившейся около дороги и заросшей кустарникомъ. Тутъ мы и залегли.

У насъ было четыре фальконета—знаете, огромныя ружья, заряжающіяся съ дула круглыми пулями въ полтинникъ величиной. У другихъ были берданки и нѣсколько крупнокалиберныхъ шомпольныхъ ружей. Мы удобно размѣстились по краю рытвины, зарядили ружья и условились, что по первому крику фазана мы прицѣлимся, а по второму крику—сразу выстрѣлимъ. При этомъ было точно распредѣлено, кому стрѣлять въ перваго хунхуза, кому — во второго и т. д., до послѣдняго.

Прошло немного времени — показались хунхузы. Я волновался страшно, впиваясь глазами въ крупнаго хунхуза, ѣхавшаго въ самомъ концѣ: мнѣ, какъ младшему, поручено было стрѣлять въ послѣдняго.

Хунхузы безпечно подъѣхали почти вплотную къ намъ, изрѣдка перекидываясь отдѣльными словами. Вѣтеръ былъ отъ нихъ въ нашу сторону, а то, можетъ быть, ихъ кони почуяли бы насъ. Наша позиція была отличная: всѣ хунхузы были, какъ на ладони, кромѣ послѣдняго.

Раздался удивительно естественный крикъ фазана. Я растерялся было, забывъ, что это означаетъ; но видъ моего сосѣда, прицѣлившагося въ кого-то, вернулъ мнѣ память. Я торопливо приложилъ щеку къ прикладу и сталъ наводить ружье, но что-то застилало мнѣ глаза. Хунхузы, услыхавъ крикъ, всѣ повернули головы въ нашу сторону; нѣкоторые придержали коней. Раздался второй крикъ—и страшный залпъ оглушилъ меня. Шумъ, крикъ, брань, конскій топотъ и застилавшій все дымъ такъ меня перепугали, что я сползъ глубже въ рытвину...

Когда черезъ моментъ я выглянулъ, то увидѣлъ, что мои товарищи вылѣзли наверхъ, и осматриваютъ лежащія на дорогѣ тѣла убитыхъ и умирающихъ. Пятнадцать человѣкъ остались на мѣстѣ, и только шестнадцатый, въ котораго я стрѣлялъ, убѣжалъ пѣшкомъ въ кусты, и мы его не поймали. Лошадь же его, раненая мною въ ногу, ковыляла на трехъ ногахъ и жалобно ржала. Остальные кони разбѣжались, но недалеко.

Коней скоро переловили, оружіе хунхузовъ и то, что у нихъ было при себѣ цѣннаго, отобрали, трупы зарыли—и дѣло съ хунхузами, казалось бы, было кончено.

На дѣлѣ же вышло не совсѣмъ такъ...

Жилъ у насъ въ Чао-янъ-гоу крестьянинъ, по имени Фанъ Ло-эръ. Усадьбы у насъ не сгруппированы всѣ вмѣстѣ, а разбросаны на нѣсколько верстъ; его же фанза была крайняя, въ одномъ изъ боковыхъ распадковъ и въ сторонѣ отъ дороги, такъ что къ Фану очень рѣдко кто заглядывалъ изъ нашихъ односельчанъ. Поэтому никто изъ насъ и не зналъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ столкновенія съ хунхузами, къ Фану пришелъ его побратимъ, нѣкто Чжанъ, съ которымъ Фанъ лѣтъ десять тому назадъ сдѣлалъ „кэ-тоу", т. е. заключилъ братскій союзъ. Вскорѣ послѣ этого Чжанъ куда-то исчезъ, и Фанъ съ тѣхъ поръ его не видѣлъ. Теперь же, когда Чжанъ вернулся, Фанъ, согласно китайскимъ обычаямъ, ласково встрѣтилъ своего названнаго брата, и, такъ какъ у послѣдняго не было опредѣленной работы, то онъ и поселился пока у Фана.

Какъ-то утромъ захожу я къ Фану по дѣлу и вижу, что вмѣстѣ съ Фаномъ на канѣ сидитъ какой-то коренастый человѣкъ среднихъ лѣтъ и ѣстъ початокъ кукурузы. Лицо его какъ будто мнѣ знакомо: но, гдѣ его я видѣлъ, вспомнить не могу. Я поздоровался съ хозяиномъ и гостемъ, присѣлъ на канъ и, какъ полагается, изъ вѣжливости спросилъ гостя:

— „Вы, кажется, кушаете бао-эръ-ми?" (т. е. початокъ кукурузы).

Къ великому моему изумленію, онъ сердито посмотрѣлъ на меня и отвѣтилъ:

— „Бу-ши, во кэнь му-тоу", т. е. „нѣтъ, я грызу дерево"...

Я не понялъ: но, какъ младшій, не посмѣлъ разспрашивать, и, сдѣлавъ свое дѣло, вернулся домой. Тутъ я разсказалъ отцу о гостѣ Фана и объ его странныхъ словахъ. Отецъ почему-то встревожился и тотчасъ послалъ за нашими двумя сосѣдями, которые оба служили въ нашей милиціи, и заставилъ меня повторить разсказъ.

Оба гостя также взволновались и тотчасъ пошли къ нашему начальнику, Ли Юнъ-си.

Я обратился къ отцу за разъясненіями. Отецъ улыбнулся:

— „Да развѣ ты не понимаешь, что ты обидѣлъ человѣка?"

— „Какъ, я? Я ничего не говорилъ: наоборотъ, былъ очень вѣжливъ"...

— „Ты сказалъ ему „бао-эръ-ми", т. е. „зерна кукурузы, обернутыя листьями", потому что слово „бао" значитъ обернуть, т. е. спутать, связать чѣмъ-нибудь, напримѣръ, веревками. А ты развѣ не слыхалъ, что хунхузы никогда не говорятъ неблагопріятныхъ для себя словъ, чтобы этими словами не накликать на себя бѣду, а замѣняютъ ихъ другими, условными выраженіями, какъ было и въ данномъ случаѣ: грызть дерево—это и значитъ ѣсть початокъ кукурузы."

— „Такъ, значитъ, этотъ человѣкъ—хунхузъ?“ вскрикнулъ я, пораженный.

— „Выходитъ, что такъ.“

Въ это время послышались шаги, и къ намъ въ фанзу вошелъ Ли Юнъ-си и оба сосѣда. Ли разспросилъ меня хорошенько. Затѣмъ, посовѣтовавшись съ отцомъ и сосѣдями, рѣшилъ, что, прежде чѣмъ принять какія-либо серьезныя мѣры, нужно послать къ Фану на развѣдку.

Выборъ его палъ на жившаго по близости домохозяина Энь Цзя-ю, человѣка хитраго и осторожнаго.

Ли такъ и сдѣлалъ: онъ пошелъ къ Эню и приказалъ ему отправиться къ Фану и разузнать, кто у него живетъ. Но при этомъ Ли умолчалъ о томъ, что я ему разсказалъ.

Часа черезъ два Ли, взволнованный, пришелъ къ намъ, и говоритъ:

— „Удивительное дѣло! Энь вернулся, и говоритъ, что у Фана никого нѣтъ, и никто посторонній въ его фанзѣ не жилъ.“

Отецъ удивленно взглянулъ на меня—очевидно, у него зародилась мысль, не выдумалъ ли я всю исторію.

Мнѣ сдѣлалось обидно до слезъ, и я горячо воскликнулъ:

— „Если Энь ничего не видѣлъ, то я найду этого „грызуна дерева“. Пойдемте, господинъ Ли, со мною“.

Ли переглянулся съ отцомъ; очевидно, мое заявленіе убѣдило ихъ въ правотѣ моихъ словъ.

— „Подождите“, успокаивалъ меня Ли: „мы это дѣло еще провѣримъ.“

Ли вышелъ и, какъ я узналъ послѣ, послалъ къ Фану еще другого односельчанина, Хуанъ Цянь-ю. Но послѣдній пошелъ не къ Фану, а къ сосѣду послѣдняго, Юй Чжень-хай'ю. На вопросъ Хуана, Юй Чженъ-хай отвѣтилъ, что, дѣйствительно, у Фана уже дней десять живетъ его побратимъ, нѣкто Чжанъ.

Всѣмъ стало ясно, что дѣло нечисто со стороны Эня; тутъ пришлось уже дѣйствовать самому старшинѣ милиціи. Онъ собралъ насъ человѣкъ двѣнадцать милиціонеровъ (ну, конечно, и я былъ въ томъ числѣ), и мы всѣ направились къ фанзѣ Фана, но не прямой дорогой, а въ обходъ, горами.

Хотя жаръ уже спалъ, но все-таки я былъ весь мокрый, хоть выжми, когда мы взобрались на послѣднюю сопку, къ другой сторонѣ которой вплотную примыкала фанза Фана. Сопка была невысока, но въ сторонѣ фанзы такая крутая, что по ней мудрено бы спуститься, если бы не молодой дубнякъ-кустарникъ, покрывавшій бока ея сплошь донизу. Кустарникъ же прикрывалъ насъ такъ, что мы добрались до фанзы незамѣченными никѣмъ изъ ея обитателей. Если бы Ли повелъ

насъ обычной дорогой, то птица, конечно, улетѣла бы изъ клѣтки, потому что спереди фанзы долина была, какъ на ладони, на добрую версту.

Мы обошли фанзу съ обѣихъ сторонъ, и только тогда залаяли собаки. Нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ остались, на всякій случай, во дворѣ, а другіе, въ томъ числѣ и я, быстро вошли въ фанзу.

Хозяинъ Фанъ встрѣтилъ насъ посреди фанзы. Его гость, Чжанъ, сидѣлъ на канѣ, держа въ рукахъ трубку—мы, очевидно, помѣшали ему курить опій; лампочка еще горѣла, и своеобразный удушливый запахъ наполнялъ небольшую фанзу.

Ли прямо приступилъ къ дѣлу.

— „Кто ты такой"? обратился онъ къ поднявшемуся при его приближеніи китайцу.

— „Моя фамилія Чжанъ", дерзко отвѣтилъ тотъ.

Теперь только я его внимательно разсмотрѣлъ: средняго роста, лѣтъ 35, коренастый, съ широкой костью—онъ производилъ впечатлѣніе сильнаго, рѣшительнаго человѣка.

— „А ты кто такой?" продолжалъ онъ,—„что врываешься въ домъ и даже не привѣтствуешь, какъ слѣдуетъ, хозяина?"

Но нашего Ли трудно было смутить.

— „Ты мнѣ послѣ будешь читать правила вѣжливости, а теперь отвѣчай: кто ты такой и зачѣмъ сюда пришелъ?"

Тогда въ разговоръ вмѣшался Фанъ:

— „Это Чжанъ, мой побратимъ; уже лѣтъ десять тому назадъ мы сдѣлали съ нимъ кэ-тоу."

— „А гдѣ же онъ былъ эти десять лѣтъ и что дѣлалъ, если никто изъ насъ его не помнитъ?"

— „Я... я... не знаю," растерялся Фанъ и, обратившись въ Чжану, спросилъ:

— „Вы гдѣ жили это время?"

— „Ладно, теперь мы сами съ нимъ поговоримъ", сказалъ Ли, отстраняя Фана.

Ли сталъ обстоятельно допрашивать Чжана, но получалъ лишь уклончивые или дерзкіе отвѣты.

— „Ну, такъ ты у насъ заговоришь", сказалъ разсерженный Ли и приказалъ положить Чжана на спину на двѣ скамейки такъ, что пятки его были на одной скамейкѣ, сидѣніе на другой, а средняя часть ногъ—на вѣсу. Одинъ изъ нашихъ людей сѣлъ верхомъ ему на нижнюю часть ногъ, а двое—на животъ и грудь; руки его связали подъ скамейкой. Принесли здоровую дубовую жердь и положили поперекъ на колѣни Чжана. На концы жерди сѣли два нашихъ милиціонера.

Вѣроятно, боль была очень сильная; но Чжанъ только бранился и увѣрялъ, что онъ „хорошій" человѣкъ. Тогда на концѣ жерди сѣло еще по одному человѣку. Несмотря на жестокую боль, Чжанъ стоялъ на своемъ...

Пришлось позвать остальныхъ со двора. Ли приказалъ еще двумъ сѣсть на жердь—она согнулась подъ тяжестью трехъ тяжелыхъ людей на каждомъ концѣ; но Чжанъ продолжалъ кричать о своей невиновности, мѣшая мольбы съ бранью.

Я съ ужасомъ смотрѣлъ на пытку—это было мнѣ впервые... Я не понималъ, какъ могутъ ноги выдержать такой страшный грузъ.

Наконецъ, на жердь сѣли еще двое—жердь согнулась почти до полу. Я ждалъ, что колѣни несчастнаго должны въ эту минуту сломаться, но Чжанъ страшно закричалъ:

— „Ху-фэй, ху-фей"!—т. е. „я хунхузъ, хунхузъ."

Пытка тотчасъ была прекращена, и Чжана подняли; но въ первую минуту онъ стоять не могъ. Его посадили, и Ли продолжалъ допросъ.

Чжанъ сознался, что онъ—атаманъ шайки, возвращавшейся послѣ хорошей „работы" съ района рѣки Муляня, причемъ имъ удалось ограбить золотопромышленниковъ. Къ несчастью, вся его шайка была убита здѣсь же, въ Чао-янъ-гоу, и онъ одинъ спасся. Такъ какъ ему некуда было дѣться, то онъ вспомнилъ, что здѣсь у него живетъ побратимъ. Онъ и пришелъ къ Фану, который, какъ названный братъ, отказать ему въ гостепріимствѣ не могъ. Но Фанъ не имѣлъ понятія о томъ, что онъ—хунхузъ...

— „А приходилъ сегодня сюда Энь-цзя-ю?" спросилъ Ли.

— „Приходилъ", отвѣтилъ Фанъ.

— „Почему же онъ сказалъ, что у тебя въ фанзѣ никого посторонних нѣтъ?"

Фанъ замялся. „А потому," отвѣтилъ за него Чжанъ, „что я далъ ему золота и просилъ не говорить обо мнѣ."

— „Сколько ты далъ?"

— „Одинъ или полтора ляна золотого песку."

— „А ну, хозяинъ", продолжалъ Ли, „гдѣ вещи твоего названнаго братца?"

Фанъ, напуганный до смерти сценой пытки и боясь, чтобы его не привлекли къ отвѣтственности за укрывательство хунхуза, тотчасъ указалъ небольшой узелокъ, спрятанный въ большомъ ящикѣ подъ налѣпленнымъ на стѣнѣ изображеніемъ боговъ.

Узелокъ, хотя и небольшой, былъ очень тяжелъ. Когда его развязали, прежде всего бросились въ глаза нѣсколько завернутыхъ въ бумагу круглыхъ свертковъ гириньскихъ юань (долларовъ). Затѣмъ въ

тряпочкѣ завернуто что-то очень тяжелое: развязали—тамъ оказался золотой песокъ, фунта четыре.

Наконецъ, наше вниманіе привлекъ совсѣмъ маленькій узелокъ изъ красной дабы, завязанной ниткой, котораго сначала мы и не замѣтили среди вороха оберточной бумаги. Развязали нитку, развернули тряпочку—и увидѣли двѣ пары золотыхъ женскихъ серегъ...Но что это? На всѣхъ серьгахъ видны слѣды крови, а на двухъ изъ нихъ, на тонкихъ частяхъ, вдѣвающихся въ уши, присохло по куску чего-то чернаго, безформеннаго...

Всѣ остолбенѣли. Въ первый моментъ я не понялъ, въ чемъ дѣло; но затѣмъ, какъ молнія, прорѣзала мой мозгъ мысль: да вѣдь это—куски человѣческаго мяса! Хунхузъ, очевидно, не далъ себѣ даже труда вынуть серьги изъ ушей, а вырвалъ ихъ вмѣстѣ съ мочками.

Очевидно, эти же мысли пришли въ голову и всѣмъ нашимъ товарищамъ. То, что мы видѣли, было явленіе, изъ ряду вонъ выходящее...

— „Э, такъ ты вотъ какой хунхузъ!“ обратился Ли къ Чжану: „такъ, значитъ, ты можешь оскорбить, или убить даже женщину?“

Чжанъ смутился въ первый разъ и опустилъ голову.

Дѣло въ томъ, что въ ряду неписаныхъ правилъ, строго соблюдаемыхъ хунхузами, есть одно, которое ни одинъ изъ уважающихъ себя „храбрецовъ“ не нарушитъ: нельзя оскорблять, или обижать женщину. За оскорбленіе женщины во время пребыванія его въ шайкѣ (въ другое время—это его частное дѣло) ему грозитъ со стороны атамана ни больше ни меньше, какъ смертная казнь.

Вотъ почему наша страшная находка привела въ смущеніе даже такого злодѣя, какъ Чжанъ. Онъ больше не промолвилъ ни слова, когда мы связали ему руки сзади и повели его въ пустой сарайчикъ около дома Ли, игравшій роль арестантскаго помѣщенія. Тутъ Чжану дали поѣсть, а затѣмъ снова связали покрѣпче руки и ноги и, приставивъ часовыхъ, разошлись по домамъ: было уже поздно.

Ли тотчасъ написалъ подробное донесеніе начальнику, жившему въ домѣ Гуанъ-ли и исполнявшему должность вродѣ начальника уѣзда. Гонецъ, посланный съ этимъ донесеніемъ на хорошей лошади, былъ въ пути всю ночь и на другой же день привезъ отвѣтъ.

Послѣдній былъ очень кратокъ: „хунхуза такого-то—казнить.“

Итакъ, намъ пришлось взять на себя еще и это непріятное дѣло.

Чжану объявили объ ожидающей его участи. Онъ ни однимъ словомъ не выразилъ того, что думалъ, или чувствовалъ. Конечно, онъ и самъ заранѣе зналъ, что на другой исходъ ему надежды нѣтъ...

Какъ полагается въ такихъ случаяхъ, приготовили хорошій обѣдъ, покормили его, дали выпить водки, а потомъ угостили даже двумя

трубками опія. Я удивлялся, глядя на аппетитъ и на спокойствіе приговореннаго къ смерти человѣка.

Послѣ обѣда связаннаго Чжана вынесли изъ сарая и повели къ рѣкѣ. Весь отрядъ милиціонеровъ сопровождалъ его.

Рѣчка въ этомъ мѣстѣ не широка, но глубока. Правый нашъ берегъ—обрывистый; а противоположный—болѣе пологій, покрытый галькой и во многихъ мѣстахъ заросшій травой. Чжана поставили спиной къ рѣкѣ надъ самымъ обрывомъ, подъ которымъ было очень глубоко, и рѣшили здѣсь застрѣлить его, чтобы трупъ упалъ въ воду. А чтобы онъ не всплылъ, то къ его ногамъ, къ обоимъ локтямъ связанныхъ рукъ и даже къ косѣ привязали по порядочному камню.

Только что мы стали отъ него отходить, и тотъ, кому приказано было стрѣлять, сталъ заряжать ружье—какъ раздался крикъ кого-то изъ нашихъ, и затѣмъ—сильный всплескъ воды: Чжанъ, не дождавшись казни, самъ бросился въ воду...

Мы всѣ подбѣжали къ обрыву и нагнулись—быстро бѣгущія по поверхности струйки не давали возможности проникнуть взгляду въ глубь черной воды...

— ,,Ну, теперь все кончено,'' сказалъ кто-то: ,,можно идти домой''.

— ,,Нѣтъ, погодите еще'', возразилъ Ли, и мы остались на берегу, усѣвшись на землю и обмѣниваясь мыслями и замѣчаніями по поводу событій послѣднихъ дней.

Рѣка плавно катила свои воды; главное теченіе было у противоположнаго берега, а середина рѣки была гладка и тиха.

Прошло, мнѣ кажется, никакъ не меньше четверти часа. Но вотъ посреди рѣки, шагахъ въ сорока пяти отъ насъ внизъ по теченію, мы замѣтили на поверхности какое-то движеніе. Мы стали всматриваться. ,,Рыба'', думаемъ...

И вдругъ съ рѣки, какъ разъ съ того мѣста, мы услыхали голосъ Чжана:

— ,,Ну, если только я уйду, то ни одинъ изъ васъ живъ не будетъ'',—и затѣмъ слѣдовала сочная брань по нашему адресу.

Это плылъ подъ водою Чжань, выставивъ надъ поверхностью только губы и носъ. Мы были поражены до-нельзя, какъ человѣкъ могъ быть столько времени подъ водою и не утонуть...

— ,,Вотъ вы говорили, что теперь можно и уйти'', сказалъ Ли Юнъ-си: ,,а вотъ онъ вамъ теперь показалъ, какъ отъ него уходить раньше времени.''

Тогда одинъ изъ нашихъ приложился и выстрѣлилъ въ то мѣсто, гдѣ чуть замѣтно виднѣлось что-то надъ водой.

Чжанъ скрылся совсѣмъ подъ воду, и я думалъ, что онъ убитъ. Но другіе разочаровали меня на этотъ счетъ и сказали, что при та-

комъ положеніи попасть во что-либо, находящееся подъ водой, невозможно: пуля непремѣнно сдѣлаетъ рикошетъ отъ воды, а подъ воду не проникнетъ.

Послѣ только мы узнали, что Чжанъ былъ замѣчательнымъ пловцомъ—онъ выучился плавать, когда въ Маукѣ ловилъ морскую капусту для Семенова. Теперь онъ бросился въ воду, пошелъ ко дну, развязался тамъ и снялъ съ себя всѣ камни. Какія для этого нужны были выносливость и умѣнье!

Покамѣстъ я раздумывалъ объ этомъ, прошло нѣсколько минутъ. И вдругъ снова, но уже шагахъ въ двухстахъ ниже насъ по рѣкѣ, изъ воды вынырнулъ Чжанъ, и, грозя намъ кулакомъ, продолжалъ ругаться. Повидимому, онъ считалъ себя уже въ полной безопасности. Раздались два-три выстрѣла, поднявшіе всплески воды довольно далеко отъ пловца, что заставило его снова нырнуть.

Тогда одинъ изъ насъ, отличный стрѣлокъ, побѣжалъ съ берданкой внизъ по берегу. Пробѣжавъ шаговъ съ триста, онъ остановился за кустомъ и навелъ винтовку на рѣку.

И какъ разъ противъ него Чжанъ опять вынырнулъ чуть не до пояса и снова началъ честить насъ, грозя кулакомъ...

За кустомъ раздался выстрѣлъ. Чжанъ быстро нырнулъ.

— „Попалъ, попалъ, кажется, въ руку!" закричалъ стрѣлявшій.

Мы всѣ уже бѣжали по берегу. Очевидно, Чжанъ не долго проплыветъ съ раненой рукой и постарается выбраться на берегъ, чтобы уйти отъ насъ зарослями.

Ли разставилъ весь нашъ отрядъ по берегу на нѣкоторомъ разстояніи, одного стрѣлка противъ другого, и мы оцѣпили, такимъ образомъ, берегъ примѣрно на пол-ли (четверть версты).

Разсчетъ Ли оказался вѣрнымъ. Прошло всего нѣсколько минутъ, какъ одинъ изъ нашихъ милиціонеровъ услыхалъ на другомъ берегу шумъ скатывающейся гальки. Онъ присмотрѣлся и увидѣлъ Чжана, который ползкомъ пробился между рѣдкой барвой и невысокими побѣгами ивняка, пробивавшимися сквозь гальку, покрывавшую откосъ противоположнаго берега. Рѣка здѣсь хотя и глубока, но шириною саженей семь, не больше.

Милиціонеръ крикнулъ намъ:

— „Скорѣй, скорѣй, онъ вылѣзъ!"

Мы всѣ бросились къ нему. Ли, опереживая меня, крикнулъ:

— „По одиночкѣ не стрѣлять—будемъ стрѣлять залпомъ!"

Чжанъ былъ весь виденъ, какъ на ладони. Я видѣлъ ясно, что лѣвая рука у него около локтя въ крови и не дѣйствуетъ. Онъ все продолжалъ ползти... Но почему онъ не вскочилъ на ноги и не бросился бѣжать—я до сихъ поръ не знаю; быть можетъ, онъ очень

усталъ и ослабѣлъ отъ потери крови, или не могъ подняться по довольно крутому скату, вслѣдствіе осыпанія гальки—кто его знаетъ. Но, если онъ разсчиталъ, что мы его плохо видимъ, то онъ ошибся...

По командѣ Ли, грянулъ залпъ. Чжанъ не издалъ ни звука; но тѣло его какъ-то осунулось, и вся спина залилась кровью. Оно медленно перевернулось, сползло по откосу внизъ и погрузилось въ воду...

Теперь можно уже было идти домой. Никто изъ насъ никогда уже не видѣлъ Чжана.

П. Шкуркинъ.

Ускользнувшее счастье.

Разсказъ *О. Генри.*

(Переводъ съ англійскаго Е. Воейковой).

М-ръ Тауэрсъ Чендлеръ разглаживалъ фрачный костюмъ въ своей комнатѣ. Одинъ утюгъ грѣлся на небольшой газовой печкѣ; другимъ онъ настойчиво водилъ взадъ и впередъ, чтобы сдѣлать ту необходимую для джентльмена складку, которая идетъ прямой линіей отъ низко вырѣзаннаго жилета до лакированныхъ туфель. Вотъ все изъ туалета нашего героя, о чемъ мы можемъ сообщить нашему читателю. Остальное будетъ легко угадано тѣми, которыхъ благородная бѣдность заставила прибѣгать ко всякимъ средствамъ соблюденія внѣшняго благообразія.

Мы вновь увидимъ м-ра Чендлера, когда онъ будетъ спускаться съ лѣстницъ своихъ меблированныхъ комнатъ, корректно и безукоризненно одѣтый, спокойный, увѣренный въ себѣ и красивый, наружностью своей напоминающій типичнаго нью-іоркскаго молодого денди, выходящаго, съ нѣсколько скучающимъ видомъ, весело проводить вечеръ.

Жалованіе Чендлера составляло 18 долларовъ въ недѣлю. Онъ служилъ въ конторѣ архитектора. Ему было всего 22 года, онъ считалъ архитектуру искусствомъ и преклонялся передъ красотою и смѣлостью замысла Миланскаго собора.

Отъ каждаго недѣльнаго заработка Чендлеръ сохранялъ 1 долларъ. По истеченіи десяти недѣль, составивъ себѣ маленькій капиталъ, онъ покупалъ у скупого дѣда-Времени одинъ джентльменскій вечеръ. Онъ надѣвалъ на себя одѣяніе милліонеровъ и президентовъ, отправлялся въ ту часть города, гдѣ жизнь проходила ярче и красивѣе, и роскошно и со вкусомъ обѣдалъ. Имѣя десять долларовъ въ карманѣ, можно было легко разыгрывать въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ роль богатаго прожигателя жизни. Этихъ денегъ вполнѣ хватало на хорошо продуманное меню, бутылку вина съ хорошей этикеткой, щедрое „на чай", сигару, извозчика и т. д.

Этотъ одинъ веселый вечеръ изъ семидесяти скучныхъ вѣчно наполнялъ Чендлера новой радостью. Молодая дѣвушка только разъ бываетъ на своемъ первомъ балу. Когда ея волосы уже покрыты сѣдиной, она вспоминаетъ только одинъ такой вечеръ; но Чендлера черезъ каждыя десять недѣль посѣщала такая же острая радость, какую онъ испыталъ при первомъ опытѣ.

Сидѣть среди bons vivants подъ пальмами, подъ звуки тихой музыки, смотрѣть на завсегдатаевъ такого рая и чувствовать, что и они на васъ смотрятъ—что значитъ передъ этимъ первый балъ и первое открытое платье дѣвушки!

Чендлеръ медленно двигался по Бродуей съ другими франтами. Сегодня вечеромъ онъ былъ не только зрителемъ, но и участникомъ этой толпы. Слѣдующіе шестьдесятъ девять вечеровъ онъ опять будетъ обѣдать въ шевіотовомъ костюмѣ за подозрительными табль- д'отами, завтракать у стоекъ и ужинать сандвичами у себя въ комнатѣ, запивая ихъ стаканомъ пива. Сынъ блестящаго города, онъ вполнѣ былъ къ этому готовъ: одинъ свѣтлый вечеръ искупалъ для него цѣлый рядъ темныхъ.

Чендлеръ долго гулялъ по улицѣ, такъ какъ было еще рано, а, когда принадлежишь къ бо-монду только одинъ день изъ семидесяти, то пріятно продлить удовольствіе. Разные глаза: блестящіе, мрачные, любопытные, восторженные, вызывающіе и привлекательные, смотрѣли на него, такъ какъ его одежда и весь его видъ ясно указывали на то, что онъ вполнѣ свободный прожигатель жизни.

Дойдя до угла улицы, онъ остановился, думая вернуться и зайти въ роскошный фешенебельный ресторанъ, гдѣ онъ обыкновенно обѣдалъ въ дни своего богатства. Въ эту минуту какая-то дѣвушка быстро повернула за уголъ, поскользнулась и упала на замерзшій тротуаръ.

Чендлеръ немедленно съ заботливой вѣжливостью помогъ ей встать на ноги. Дѣвушка доковыляла до стѣны, облокотилась о нее и скромно поблагодарила его.

— Мнѣ кажется, что я вытянула себѣ жилу, сказала она.—У меня нога подвернулась.

— Очень болитъ? спросилъ Чендлеръ.

— Только когда я опираюсь на нее. Я думаю, черезъ двѣ, три минуты я смогу ходить.

— Не могу ли я чѣмъ-нибудь вамъ помочь? предложилъ молодой человѣкъ.—Я позову экипажъ или...

— Благодарю васъ, очень сердечно отвѣтила дѣвушка.—Пожалуйста, не безпокойтесь. Это было такъ неловко съ моей стороны. Главное, у меня очень обыкновенные благоразумные каблуки, я никакъ не могу ихъ въ этомъ обвинить.

Чендлеръ посмотрѣлъ на дѣвушку и рѣшилъ, что она очень интересна: она была красива и очень изящна, съ веселыми и добрыми глазами. Одѣта она была въ дешевенькое черное платье, которое напоминало форму продавщицъ изъ магазина. Изъ-подъ дешевой черной соломенной шляпки, украшенной только одной черной бархатной лентой и бантомъ, виднѣлась густая коса ея блестящихъ темныхъ волосъ. Ее можно было бы счесть за образецъ уважающей себя рабочей дѣвушки лучшаго типа.

Молодому архитектору неожиданно пришла въ голову блестящая идея. Онъ пригласитъ дѣвушку обѣдать. Вотъ тотъ элементъ, котораго недоставало его великолѣпнымъ, но одинокимъ періодическимъ пирамъ. Его короткій вечеръ элегантной роскоши очень выиграетъ отъ присутствія дамы. Эта дѣвушка была изъ хорошаго общества, онъ былъ въ этомъ увѣренъ, это было слишкомъ ясно изъ ея манеръ и ея рѣчи.

И, несмотря на то, что она была очень просто одѣта, онъ чувствовалъ, что ему будетъ пріятно пообѣдать съ нею.

Эти мысли быстро промелькнули въ его мозгу, и онъ рѣшилъ пригласить ее. Конечно, это было совершенно не по этикету, но иногда дѣвушки, сами зарабатывающія на жизнь, не очень придерживаются формальностей. Онѣ, обыкновенно, вѣрно оцѣниваютъ мужчинъ и больше вѣрятъ въ свои собственныя сужденія, чѣмъ въ спасительныя условности. Если онъ разумно потратитъ свои десять долларовъ, они смогутъ великолѣпно пообѣдать. Вѣроятно, этотъ обѣдъ останется блестящимъ воспоминаніемъ въ скучной жизни дѣвушки; она оцѣнитъ его по достоинству, и это прибавитъ удовольствія Чендлеру.

— Я думаю, сказалъ онъ серьезно, — что вашей ногѣ нужно больше отдыха, чѣмъ вы думаете. Я вамъ предложу способъ, которымъ вы можете дать ей отдохнуть и въ то же время доставить мнѣ громадное удовольствіе. Я какъ разъ направлялся обѣдать въ одиночествѣ, когда вы поскользнулись у угла. Пойдемте со мной, и мы уютно пообѣдаемъ и поговоримъ, а за это время ваша нога поправится, и вы можете идти домой.

Дѣвушка быстро взглянула на открытое, пріятное лицо Чендлера. Ея глаза весело сверкнули, и она лукаво улыбнулась.

— Но вѣдь мы не знакомы; пожалуй, это будетъ не совсѣмъ удобно? съ сомнѣніемъ проговорила она.

— Ничего нѣтъ неудобнаго, серьезно отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Позвольте вамъ представиться: м-ръ Тауэрсъ Чендлеръ. Послѣ нашего обѣда, который я постараюсь обставить возможно пріятнѣе для васъ, я съ вами попрощаюсь, или доставлю васъ въ полной безопасности до вашего дома—какъ прикажете.

— Да, но только... возразила дѣвушка, взглянувъ на корректный видъ Чендлера: — въ этомъ старомъ платьѣ и шляпѣ...

— Не обращайте на это вниманія, весело сказалъ Чендлеръ. — Увѣряю васъ, вы гораздо привлекательнѣе въ нихъ, чѣмъ кто бы то ни было другой въ самомъ лучшемъ бальномъ туалетѣ.

— Нога еще болитъ... Я, кажется, приму ваше приглашеніе, м-ръ Чендлеръ, согласилась дѣвушка, прихрамывая. — Вы можете называть меня миссъ Маріанъ.

— Такъ идемте же, миссъ Маріанъ, сказалъ молодой архитекторъ весело, но очень вѣжливо. — Вамъ не придется далеко идти. Въ слѣдующемъ кварталѣ есть очень приличный и хорошій ресторанъ. Вамъ придется облокотиться на мою руку—вотъ такъ— и идти медленно. Ужасно скучно одному обѣдать. Я даже немного радъ тому, что вы поскользнулись...

Когда парочка усѣлась за хорошо сервированный столъ, и вѣжливый лакей выжидающе наклонился надъ ними, Чендлеръ началъ испытывать обычное удовольствіе отъ своихъ выходовъ.

Ресторанъ не былъ такой блестящій и претенціозный, какъ тотъ, расположенный немного дальше по Бродуей, который онъ предпочиталъ другимъ, но здѣсь также было недурно. За столами сидѣло много состоятельныхъ съ виду людей, хорошій оркестръ игралъ достаточно тихо, такъ, чтобы подъ него пріятно было разговаривать, а кухня и сервировка были выше похвалъ. Компаньонка Чендлера, несмотря на свое простенькое платье и шляпу, держалась съ видомъ хорошо воспитанной дѣвушки, который хорошо гармонировалъ съ красотой ея лица и фигуры.

Она смотрѣла съ какимъ-то восхищеніемъ на оживленное лицо Чендлера и его открытые голубые глаза.

Все это вмѣстѣ такъ подѣйствовало на Чендлера, что его внезапно охватило какое-то сумасшествіе, ему захотѣлось позировать, показать себя не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ былъ на Бродуей, все вокругъ него было блестяще и стильно, и на него смотрѣли восхищенные глаза. На этихъ подмосткахъ онъ рѣшилъ разыграть роль молодого мотылька, богатаго прожигателя жизни. Одѣтъ онъ былъ вполнѣ подходяще, и никакіе ангелы-хранители не удержали бы его отъ разыгрыванія этой роли.

Тутъ-то онъ началъ болтать миссъ Маріанъ о клубахъ и журъфиксахъ, о гольфѣ, верховой ѣздѣ, котильонахъ и заграничныхъ поѣздкахъ, даже намекнулъ на собственную яхту на океанѣ.

Онъ видѣлъ по ея глазамъ, что его разсказы производили на нее громадное впечатлѣніе, и потому онъ то и дѣло намекалъ на свое богатство и, между прочимъ, упоминалъ имена богачей, о которыхъ

пролетаріи отзываются обыкновенно съ уваженіемъ. Этотъ день принадлежалъ Чендлеру, и онъ рѣшилъ извлечь изъ него все, что можно было. Разъ или два сквозь туманъ, навѣянный его же безсмысленнымъ эгоизмомъ, ему казалось, что онъ видитъ истинную натуру дѣвушки.

— Мнѣ кажется, что такъ жить, какъ вы живете—безцѣльно и легкомысленно, сказала она.—Неужели у васъ нѣтъ никакой интересующей васъ работы?

— Дорогая моя миссъ Маріанъ! воскликнулъ онъ:—что вы говорите о работѣ? Подумайте объ ежедневномъ переодѣваніи къ обѣду, о полдюжинѣ визитовъ днемъ, о полицейскихъ на каждомъ углу, готовыхъ вскочить въ вашъ автомобиль и отвезти васъ въ участокъ, если вы только позволите себѣ проѣхать немного скорѣе ослиной телѣжки... Мы, бездѣльники, работаемъ всѣхъ больше.

Обѣдъ былъ оконченъ, лакей щедро награжденъ. Парочка вышла изъ ресторана и направилась къ тому углу, гдѣ они встрѣтились. Миссъ Маріанъ шла очень хорошо, ея хромота была почти незамѣтна.

— Благодарю васъ за хорошо проведенное время, мило сказала она.—Мнѣ нужно спѣшить домой. Обѣдъ мнѣ очень понравился, м-ръ Чендлеръ.

Онъ пожалъ ей руку, вѣжливо улыбаясь, и что-то пробормоталъ о партіи бриджа у себя въ клубѣ.

Онъ минутку послѣдилъ за тѣмъ, какъ быстро шагала она въ восточномъ направленіи, затѣмъ взялъ извозчика и медленно поѣхалъ домой.

Придя въ свою холодную комнату, Чендлеръ уложилъ свою фрачную пару на шестьдесятъ девять дней отдыха и задумчиво прошелся по комнатѣ.

— Чудесная была дѣвушка, сказалъ онъ.—Приличная, несмотря на то, что работаетъ. Можетъ быть, если бы я ей сказалъ правду, вмѣсто всей этой чепухи—мы бы могли... Но, чортъ возьми! Мнѣ нужно было играть подъ-стать моей одеждѣ.

Распростившись съ своимъ компаніономъ, дѣвушка быстро пошла по улицѣ. Дойдя до краснаго, большого дома на фешенебельной улицѣ, заселенной одними богачами, она быстро вошла въ него и поднялась въ комнату, гдѣ интересная барышня въ нарядномъ платьѣ озабоченно смотрѣла въ окно.

— Ахъ ты, сорванецъ! воскликнула барышня, подымаясь навстрѣчу вошедшей.—Когда ты перестанешь насъ пугать? Уже два часа прошло съ тѣхъ поръ, что ты ушла въ этомъ старомъ платьѣ и шляпѣ Мари. Мама страшно озабочена. Она уже послала Луи въ автомобилѣ разыскивать тебя. Ты ужасно безразсудный котенокъ!

Старшая дѣвушка позвонила и сказала вошедшей горничной:

— Мари, скажите мамѣ, что миссъ Маріанъ вернулась.

— Не бранись, сестра. Я только пробѣжалась до портнихи, чтобы сказать, что нужны лиловыя кружева, а не розовыя. Мое платье и шляпа Мари были какъ разъ кстати. Всѣ, вѣрно, думали, что я барышня изъ магазина.

— Мы уже отобѣдали, милочка, ты такъ запоздала.

— Я знаю. Я поскользнулась на тротуарѣ и подвернула ногу. Мнѣ было трудно ходить, и я доковыляла до ресторана и просидѣла тамъ, пока мнѣ не стало легче. Потому-то я и запоздала.

Сестры усѣлись на окно и смотрѣли внизъ на уличные огни и на потокъ обгоняющихъ другъ друга экипажей. Младшая удобно устроилась, положивъ голову на колѣни старшей.

— Намъ когда-нибудь придется выйти замужъ, задумчиво проговорила она:—обѣимъ придется. Мы такъ богаты, что намъ не позволятъ обмануть общество. Хочешь, я разскажу тебѣ, кого бы я могла полюбить, сестренка?

— Разсказывай, шалунья! улыбнулась сестра.

— Я бы могла полюбить человѣка съ добрыми голубыми глазами, который и мягко и почтительно обращается съ бѣдными дѣвушками, человѣка красиваго, добраго, который не стремится къ флирту. Только я могла бы его полюбить, если бы у него была какая-нибудь цѣль, какая-нибудь работа въ жизни. Мнѣ была бы безразлична его бѣдность, если бы я могла помочь ему въ его работѣ. Но, милая сестра, человѣка того типа, который мы постоянно встрѣчаемъ, живущаго безцѣльной жизнью между обществомъ и клубами—такого человѣка я бы не могла полюбить, даже если бы его глаза были голубыми, и онъ былъ безконечно добръ и предупредителенъ къ бѣднымъ дѣвушкамъ, встрѣчающимся на улицѣ.

Ночь.

Разбросала алмазы луна.
Спитъ бесѣдка въ вѣнчальной фатѣ,
И узоры ночного окна
Въ голубой темнотѣ.

Городъ слушаетъ сказку небесъ,
Равнодушный, угрюмый и злой,
И не ждетъ ниоткуда чудесъ,
Незнакомый съ мечтой.

Онъ угрюмо стоитъ до зари,
И угрюмо и сумрачно ждетъ.
Гаситъ блѣдная ночь фонари:
День идетъ.

Нина Соймонова.

Русская революція въ планѣ міровой исторіи.

Статья Г. К. Гинсъ.

„Въ контрастѣ между патріотически-милитаристскимъ государствомъ и интернаціональнымъ направленіемъ, диктуемымъ болѣе бѣднымъ классамъ народа ихъ интересами, усматриваю я важнѣйшій моментъ, который неудержимо гонитъ культурный міръ двадцатаго столѣтія навстрѣчу катастрофамъ."

(*А. Менгеръ.* „Новое ученіе о государствѣ". Гл. VI).

Что дастъ человѣчеству русская революція? Послужитъ ли она отрезвляющимъ урокомъ и будетъ цѣнна только отрицательнымъ опытомъ насильственнаго соціализма, пугаломъ, которое будетъ долго могущественною опорою реакціи, или же она откроетъ міру новыя идеи и проложитъ новые пути?

Пытливая мысль стремится вырваться изъ того хаоса, въ который какъ будто безнадежно ввергнута Россія.

Слабый человѣческій умъ хочетъ оправдать, или, по крайней мѣрѣ, осмыслить страданія и жертвы русскаго народа, прозрѣвъ его грядущее.

Постановка вопроса о смыслѣ революціи предполагаетъ вѣру въ то, что человѣчество идетъ впередъ, и переживаемыя имъ катастрофы должны имѣть какое-то разумное оправданіе.

Переживаемая нами россійская катастрофа должна быть освѣщена и съ точки зрѣнія ея внутренняго значенія и, какъ явленіе, связанное съ міровою исторіею. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, она не можетъ быть оторвана отъ великой войны, которая *тоже* является катастрофою и *тоже* мірового значенія.

Смысломъ русской революціи является въ значительной степени развитіе и углубленіе проблемъ, поставленныхъ великой войной, и именно съ этой стороны надо прежде всего подойти къ нашей національной катастрофѣ.

I.

Великая проблема вѣка.

Начало XX вѣка ознаменовалось крупнымъ сдвигомъ внутренней политики европейскихъ государствъ по пути соціальнаго законодательства.

Предыдущій вѣкъ воспиталъ рядъ поколѣній въ уваженіи къ достоинству и правамъ человѣческой личности. На всемогущество государства стали накладываться ограниченія во имя моральнаго достоинства человѣка.

И именно на фонѣ этого новаго высокаго моральнаго сознанія XIX вѣка, съ его уваженіемъ къ человѣческой личности, родились новыя соціальныя идеи, подъ знаменемъ которыхъ начался современный вѣкъ.

Къ государству опять предъявили требованія. Оно должно вмѣшиваться въ среду хозяйственной жизни. Но, въ отличіе отъ законодательства полицейскаго государства, новое соціальное правотворчество, подчиняющее государственному руководству хозяйственную жизнь, углубляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, идею равноцѣнности человѣческой личности, перенося примѣненіе начала равенства изъ области политической въ экономическую. Рабочій классъ требуетъ предоставленія ему права участія въ управленіи предпріятіемъ, и жизнь идетъ навстрѣчу этому стремленію, въ формѣ введенія соціальнаго контроля надъ промышленностью.

XX вѣкъ долженъ завершить развитіе соціальнаго законодательства, первые опыты котораго принадлежатъ его началу.

Для характеристики періода, предшествовавшаго великой войнѣ, достаточно остановиться на политической жизни важнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

Во Франціи начало XX вѣка застаетъ во главѣ кабинета Вальдека-Руссо, смѣло выступившаго на борьбу съ реакціею. Этотъ выдающійся дѣятель не задумался пригласить въ кабинетъ нынѣшняго президента французской республики, соціалиста Мильерана. Самъ Вальдекъ Руссо началъ энергичную борьбу съ силами реакціи, сосредоточившимися въ арміи и монашествѣ. А Мильеранъ положилъ начало такъ называемому „министерскому соціализму“, какъ называли его мѣропріятія противники слѣва.

Онъ провелъ важный законъ относительно продолжительности труда въ промышленныхъ заведеніяхъ, сокративъ ее.

Для рабочихъ въ правительственныхъ предпріятіяхъ онъ ввелъ восьмичасовой рабочій день.

Рядомъ декретовъ Мильеранъ ввелъ представителей рабочихъ синдикатовъ не только въ мѣстные совѣты труда, гдѣ они засѣдали вмѣстѣ съ представителями промышленности, но и въ центральный высшій совѣтъ.

Преемникъ Вальдека-Руссо, Комбъ, наряду съ энергичнымъ проведеніемъ въ жизнь закона объ отдѣленіи церкви отъ государства, положилъ начало борьбѣ за введеніе подоходнаго налога.

Подобныя мѣры всего двадцать лѣтъ назадъ представлялись революціонными. Они переворачивали міровоззрѣніе людей, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣняли и физіономію міра. Революціонеры были недовольны, что эти мѣропріятія проникнуты были тенденціей замѣнить соціальную борьбу сотрудничествомъ классовъ. Консервативные элементы возмущались радикальностью политики.

Рожденіе новаго соціальнаго порядка происходило въ мукахъ длительной борьбы.

Реакціонные элементы противодѣйствовали успѣху такихъ реформъ, какъ подоходный налогъ, всѣми средствами, какія только были въ ихъ распоряженіи. Съ другой стороны, дѣятельность радикальныхъ министерствъ тормазилась бурными стачками, которыя приходилось подавлять силою, такъ какъ онѣ сопровождались революціонными выступленіями, явно посягавшими на государственный порядокъ.

Но больше всего тормазились соціальныя реформы военными приготовленіями. Бюджетъ государства перегружался расходами на армію и флотъ. Франціи грозила нѣмецкая опасность.

Для Англіи конецъ XIX вѣка былъ концомъ политическаго господства консервативной партіи. Безпринципный оппортюнистъ Чемберленъ, разжигавшій страсти во время бурской войны и пользовавшійся для своей реакціонной политики развитіемъ „джингоизма", какъ называютъ въ Англіи сверхъ-націоналистическій эгоизмъ, олицетворялъ всѣ отрицательныя черты этой эпохи.

Въ 1906 году въ Англіи произошла мирная революція. Выборы въ парламентъ принесли полное пораженіе консерваторамъ. Въ англійской палатѣ общинъ руководящая роль перешла къ либераламъ, рядомъ съ которыми появилась впервые „рабочая партія".

Кэмпбелль-Баннерманъ, затѣмъ Асквитъ и, наконецъ, Ллойдъ Джорджъ уловили духъ новаго времени, и ихъ политика прониклась началами соціальнаго законодательства.

Первымъ вѣстникомъ новой эры были законъ о принудительномъ отчужденіи земель для сдачи ихъ въ аренду мелкими фермами, а затѣмъ билль о пенсіи старикамъ.

Наиболѣе виднымъ и энергичнымъ дѣятелемъ въ кабинетѣ Асквита былъ канцлеръ казначейства Ллойдъ-Джорджъ, который прославился въ качествѣ мужественнаго „про-бура", противника чемберленовскаго имперіализма. Онъ смѣло высказывался противъ войны съ бурами въ то время, когда въ Англіи было рискованно даже думать, а не только говорить въ этомъ духѣ.

Ставъ министромъ, Ллойдъ-Джорджъ составилъ бюджетъ, который поразилъ всю Англію смѣлыми нововведеніями.

Онъ увеличилъ расходныя статьи на пенсію старикамъ, проектировалъ государственную организацію страхованія на случаи болѣзни, старости и безработицы.

На это требовалось ежегодно около 4-5 милліоновъ фунтовъ, а между тѣмъ Ллойдъ-Джорджъ шелъ дальше, онъ намѣревался внести въ парламентъ проектъ о страхованіи всѣхъ квартиронанимателей на случаи болѣзни, старости и смерти.

Столь существенныя нововведенія въ расходной части смѣты требовали перемѣнъ и въ обложеніи. Ллойдъ-Джорджъ и въ этомъ отношеніи пошелъ по пути неслыханныхъ раньше преобразованій. Онъ обратилъ тяжесть обложенія на крупный капиталъ и нетрудовые доходы.

Прогрессивный доходъ на наслѣдство и крупные доходы, пошлины и патенты питейныхъ заведеній и клубовъ, налоги на процентныя бумаги и автомобили, въ особенности же обложеніе "незаработаннаго приращенія дохода", достающагося собственнику даже тогда, когда онъ спитъ, какъ происходитъ, напримѣръ, вслѣдствіе роста цѣнъ на недвижимую собственность—вотъ что должно было дать Ллойдъ-Джорджу средства на покрытіе расходовъ по его „соціальнымъ" реформамъ.

Нѣкоторое время верхняя палата сопротивлялась Ллойдъ-Джордж'евской „революціи", но Асквитъ сломилъ это сопротивленіе биллемъ, уменьшивъ права палаты лордовъ и усиливъ значеніе парламента.

Темпъ реформаторскаго законодательства былъ таковъ, что иностранные обозрѣватели признавали его совершенно выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ.

Профессоръ Карѣевъ въ своей „Исторіи западной Европы" (т. VII, ч. I, стр. 148) приводитъ цитату изъ статьи одного французскаго обозрѣнія, принадлежащей перу Клоделя и относящейся къ 1911-1912 г. г. Этотъ авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ настроенія Англіи: „въ ней говорятъ объ эволюціи такимъ тономъ и работаютъ съ такимъ жаромъ, что, пожалуй, почти слѣдовало бы говорить о революціи. Унитарное государство, стремящееся къ федерализму; администрація, когда-то далекая, покладистая (bénévole) и малочисленная, теперь удесятеряющая свои силы и сильно расширяющая свою компетенцію; правительство высшихъ классовъ, быстро ускользающее въ руки народа; парламентъ, когда-то скуповатый относительно кармановъ подданныхъ, нынѣ увеличивающій налоги и принуждающій собственность переходить изъ рукъ въ руки; индивидуалистическій режимъ, превращающійся рѣзко и съ нѣкоторымъ неистовствомъ въ этатизмъ; экономическое общество, уважавшееся въ былыя времена за свою выдержку и гармоничность своихъ движеній... теперь раздѣлившееся и производящее рѣзкія дѣйствія—все это не такія обычныя обстоятельства, которыя приходится отмѣчать часто и повсемѣстно".

Жизнь Англіи начала XX вѣка осложнилась довольно острыми конфликтами труда и капитала.

Стачки углекоповъ, столь поражающія міръ своею грандіозностью и упорствомъ въ настоящее время—явленіе для Англіи не новое. Въ 1912 году подобная же стачка потрясла всю жизнь островного государства.

И въ разрѣшеніи этихъ конфликтовъ была проявлена опять-таки новая идея признанія равенства сторонъ: работодателей и рабочихъ.

Въ октябрѣ 1911 года правительство Асквита организовало особый промышленный совѣтъ изъ представителей капитала и труда. Въ 1912 году былъ проведенъ очень интересный билль, согласно которому въ каждомъ промышленномъ округѣ минимумъ заработной платы долженъ былъ устанавливаться смѣшаннымъ комитетомъ отъ представителей рабочихъ и предпринимателей.

Въ слѣдующемъ, 1913, году Ллойдъ-Джорджъ началъ выступать съ планами преобразованія земельнаго строя. Онъ предлагалъ: подчинить поземельныя отношенія и въ селахъ и въ городахъ широкому контролю со стороны государства и органовъ мѣстнаго самоуправленія и регулированію особыми судебными комиссіями арендныхъ отношеній и найма на работу по ходатайствамъ арендаторовъ и рабочихъ и на основаніи мѣстныхъ условій и обычаевъ, независимо отъ желанія или нежеланія самихъ землевладѣльцевъ. Центральной же и мѣстнымъ властямъ онъ предполагалъ предоставить право покупки земель, оставляемыхъ безъ обработки и застройки, причемъ право выдѣла собственниками большихъ земельныхъ пространствъ подъ охотничьи парки должно было подвергнуться ограниченію, а сдача такихъ парковъ въ аренду должна была быть запрещена. Въ связи съ этими мѣрами Ллойдъ-Джорджъ

ставилъ необходимость образованія спеціальнаго министерства по дѣламъ землевладѣнія и земледѣлія.*)

Характеристика соціальной реформы и политическаго прогресса Англіи въ началѣ XX вѣка была бы не полна, если бы мы не отмѣтили еще перемѣнъ, произведенныхъ ею въ колоніальномъ управленіи. Здѣсь выявилась тенденція все большаго расширенія автономій какъ бѣлыхъ, такъ и цвѣтныхъ колоній. Въ то время, какъ въ періодъ господства консерваторовъ вице-король Индіи всячески подавлялъ національное движеніе въ мѣстномъ населеніи и стѣснялъ его самостоятельность, Асквитъ предоставилъ ей широкій просторъ. Въ 1909 году былъ принятъ „актъ объ индійскихъ совѣтахъ" (Indian Councils act), который предоставилъ большинство мѣстъ въ центральномъ и провинціальномъ законосовѣщательныхъ совѣтахъ Индіи членамъ по выбору. Во всемъ этомъ кипучемъ и передовомъ законодательномъ творчествѣ еще болѣе, чѣмъ во Франціи, проявилось стремленіе къ мирному разрѣшенію великихъ соціальныхъ проблемъ вѣка.

Англія не имѣла нужды въ завоеваніяхъ: ея внѣшняя политика была миролюбива, но на своихъ рынкахъ она съ тревогою наблюдала крѣпнущее вліяніе германскаго производства.

Анекдотъ о томъ, что въ праздникъ 70-лѣтія Чемберлена всѣ факелы торжественнаго кортежа оказались германскаго производства, такъ какъ они были и дешевле и лучше англійскихъ, очень показателенъ для настроеній Англіи въ періодъ, непосредственно предшествовавшій войнѣ.

Независимо отъ экономической конкуренціи, воинственная политика Вильгельма II-го играла не въ пользу миролюбивыхъ настроеній. Въ бюджетѣ приходилось удѣлить значительное мѣсто военнымъ расходамъ, чтобы не отстать отъ усиливавшихъ свою мощь внѣшнихъ враговъ. За счетъ улучшенія быта рабочихъ, строились сверхъ-дредноуты.

Роковое приближеніе смертоносной войны убивало проблески новаго соціальнаго творчества и въ другихъ странахъ. Казалось, надъ европейскою культурой рѣяло мрачное чудовище, которое разрушало все, что создавали люди для обезпеченія мира. Оно толкало ихъ на кровавый путь общечеловѣческихъ бѣдствій и потрясеній.

Въ Италіи съ конца XIX вѣка выдвинулся въ качествѣ ловкаго и умнаго политика Джіолитти, еврей по происхожденію, Маккіавелли по пріемамъ.

Подобно лучшимъ умамъ Франціи и Англіи, онъ велъ такъ называемый „лѣвый" курсъ, включивъ въ свою программу многое изъ того, что составляло существенное содержаніе требованій соціалистовъ.

Въ деклараціи кабинета, образованнаго имъ въ 1911 году, онъ обѣщалъ демократическую избирательную реформу, обезпеченіе старости и инвалидности, превращеніе страхованія на случай смерти въ государственную монополію, реформу образованія.

При защитѣ одного изъ проектовъ въ палатѣ, Джіолитти сказалъ: „я думаю, что гораздо либеральнѣе заботиться больше объ интересахъ государства, нежели о выгодахъ нѣсколькихъ капиталистовъ."

*) Карѣевъ, ibid. стр 152.

Такія заявленія и смѣлая соціальная политика создавали Джіолитти популярность въ соціалистическихъ кругахъ и производили расколъ среди нихъ, привлекая значительную часть крайнихъ лѣвыхъ на сторону правительства и преобразованія, а не заговорщиковъ и революціи.

Но мрачный призракъ войны не оставилъ въ сторонѣ и Италію. Едва успѣла она пережить пьяный угаръ своихъ побѣдъ надъ Турціею, какъ приблизилась траурная колесница европейской войны, а за нею четыре всадника Апокалипсиса.

Даже въ такихъ странахъ, какъ Швеція, вся исторія которой была, казалось, урокомъ предпочтительности мира передъ войною—и тамъ одно время удавалось зловѣщему призраку внести смуту въ умы, ослѣпленіе злобы въ миролюбивыя настроенія.

Въ 1907 году на шведскій престолъ вступилъ Густавъ V. Своимъ девизомъ онъ избралъ: „съ народомъ и для отечества“, свою демократичность онъ доказалъ отказомъ отъ церемоніи коронованія и упрощеніемъ придворнаго этикета.

Одна за другою проводились при новомъ королѣ демократическія реформы и нововведенія: всеобщее избирательное право для нижней палаты, въ томъ числѣ признаніе избирательныхъ правъ женщинъ, демократизація верхней палаты, приглашеніе въ кабинетъ министровъ соціалъ-демократовъ, прогрессивное законодательство: коллективный договоръ о наймѣ труда, примирительныя камеры, страхованіе не только рабочихъ, но и земледѣльцевъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и т. д.

Что же нарушаетъ правильный ходъ этой демократической работы? Опять тотъ же призракъ войны.

Въ то время, какъ кабинетъ Стаафа добивается сокращенія военныхъ расходовъ, чтобы освободитъ средства на государственное страхованіе, въ Швеціи начинается усиленная агитація милитаристическаго свойства, въ связи съ появленіемъ брошюры „Предостереженіе“, принадлежащей перу путешественника-изслѣдователя Свена Гедина, въ которой указывалось на опасность для Швеціи завоевательныхъ плановъ Россіи. Въ этой агитаціи чувствовалось умѣлое руководство той же Германіи.

Такимъ образомъ, даже въ маленькихъ государствахъ, ставшихъ внѣ пути великихъ міровыхъ событій, даже въ нихъ соціальному прогрессу препятствовала зараза милитаризма, разлагавшая здоровое государственное творчество.

Нужно ли говорить о Россіи?

Послѣ русско-японской войны и первой революціи, темпъ ея жизни ускорился. Государственная Дума, даже 3-іюньская, оказывала замѣтное вліяніе на ходъ государственной жизни, заставляя подтягиваться всѣ вѣдомства и внося въ ихъ работу новыя начала. Взаимодѣйствіе министерствъ и народнаго представительства оказывало благотворное вліяніе на обѣ стороны, хотя одна изъ нихъ—центральное правительство, и была сильнѣйшею, почти независимою стороною.

Государственный умъ Столыпина направилъ на вѣрный путь экономическую политику Россіи, и, если бы она получила, вдобавокъ, и

политическія свободы, возможность развитія самодѣятельности и выступленія на политическую арену новыхъ общественныхъ силъ, она быстро достигла бы расцвѣта хозяйственной жизни и исключительнаго могущества.

Германія съ безпокойствомъ слѣдила за успѣхами Россіи въ области сельскаго хозяйства и промышленности. Экспедиція германскихъ ученыхъ и хозяевъ въ районы землеустройства, кажется, въ 1913 году, т. е. наканунѣ года войны, вынесла впечатлѣніе, что Россія „слишкомъ" успѣваетъ. Приближалось время пересмотра торговаго договора съ Германіей, и она рѣшила обезпечить свои интересы войной.

Въ бюджетѣ Россіи военные расходы вытѣсняли кредиты на культурныя надобности, на сельско-хозяйственныя мѣропріятія, задерживали постройку многихъ желѣзныхъ дорогъ.

Государственная Дума одобрила большую морскую программу, и покойный государь привѣтствовалъ это рѣшеніе Думы.

Милитаризмъ разрушалъ, такимъ образомъ, и въ Россіи культурное строительство, что было тѣмъ болѣе жестоко, что страна только что начинала оживать.

Исторія должна была отозваться на вызовъ злого духа человѣчества. Милитаризмъ долженъ былъ быть изгнанъ, и приговоръ исторіи начала осуществлять Великая война 1914-1920 г. г.

Звучитъ страннымъ парадоксомъ и кажется издѣвательствомъ надъ здравымъ смысломъ лозунгъ, выброшенный съ самаго начала войны и воспринятый всѣми воюющими: „война для мира".

Неслыханныя разрушенія, неисчислимыя жертвы, искалѣченныя души, невѣроятное озлобленіе—все это для мира. Если бы тѣ средства, которыя были израсходованы на разрушенія войны, были бы обращены на обработку заброшенныхъ земель, на новыя добывающія и обрабатывающія предпріятія, на просвѣщеніе, если бы тѣ милліонныя арміи, которыя на пять лѣтъ были оторваны отъ производительнаго труда и ввергнуты въ смертоносную пучину человѣческаго взаимоистребленія, были бы призваны къ заселенію хотя бы такого района какъ Сибирь—совершились бы чудеса.

Но человѣчеству нужны страданія, для того, чтобы оно цѣнило земное счастье, познавъ ужасы разрушенія и смерти. Это искупительныя жертвы: для мира человѣчество ведетъ войну.

Роковое соперничество великихъ державъ происходило на почвѣ столкновенія экономическихъ интересовъ капиталистическаго хозяйства. Каждая изъ вступавшихъ въ войну странъ разсчитывала побѣдить и обезпечить свое господство. Вмѣсто соперничества равныхъ, вмѣсто колеблющагося равновѣсія, должно было наступить преобладаніе. Этого хотѣла Германія, на это разсчитывала Франція.

Но, когда въ этихъ буржуазно-капиталистическихъ странахъ выкидывался лозунгъ: „война для мира"—это могло и не быть фальшью.

Капиталъ самъ по себѣ интернаціоналенъ. Только въ своей связи со всей экономической системою государства, съ его экономическими интересами и политикой, онъ пріобрѣтаетъ спеціальный характеръ германскаго, англійскаго, русскаго капитала. Онъ будетъ таковымъ до тѣхъ

поръ, пока существуетъ современная система международныхъ отношеній.

Самъ по себѣ капиталъ можетъ легко приспособиться къ такой системѣ отношеній, которая будетъ построена на солидарности націй.

Міровая конкуренція въ ея современномъ видѣ проистекаетъ не изъ природы капиталистическихъ отношеній, а изъ конкуренціи національно-государственныхъ образованій. Первое измѣнится, когда произойдутъ измѣненія во второмъ.

Природѣ капиталистическаго хозяйства, покоящагося на частной собственности, свойственна конкуренція. Эта конкуренція проистекаетъ изъ анархіи, неорганизованности частно-правового хозяйственнаго режима. Она останется до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать частная собственность и свобода хозяйственной иниціативы.

Конкуренція національныхъ капиталовъ: германскаго съ англійскимъ, русскаго съ японскимъ и т. д., существуетъ только въ силу особенностей современныхъ отношеній: неравномѣрности распредѣленія колоній, покровительственнымъ системамъ тарифовъ, исключительнымъ преимуществамъ отдѣльныхъ націй въ силу торговыхъ договоровъ и т. д. Но допустимъ, что колоніи станутъ открытыми для всѣхъ, принципъ свободы торговли и открытыхъ дверей будетъ обезпеченъ, разграниченіе интересовъ отдѣльныхъ націй будетъ производиться по ихъ взаимному соглашенію или, за отсутствіемъ таковаго, принудительнымъ арбитражемъ. Тогда конкуренція національныхъ капиталовъ отпадетъ, и останется только соперничество отдѣльныхъ предпріятій.

Не фантазія ли это?

Въ послѣднее время не было рѣдкостью объединеніе финансоваго капитала различныхъ странъ. Германскій капиталъ игралъ рѣшающую роль въ страхованіи, почти повсемѣстно французскіе и англійскіе банки руководили дѣятельностью ряда однородныхъ синдикатовъ въ различныхъ странахъ, предусмотрительные милліонеры страховали себя отъ риска разоренія въ одной странѣ, по причинамъ экономическаго или политическаго кризиса, помѣщеніемъ капиталовъ въ другой.

Кооперація капиталистовъ конкурирующихъ странъ, для взаимнаго использованія противоположныхъ преимуществъ и ослабленія противоположныхъ невыгодъ, составляла обычное явленіе.

Таковы симптомы предстоящаго когда-то человѣчеству иного, чѣмъ теперь, порядка—содружества капитала и солидарности націй.

Симбіозъ колонистовъ различныхъ національностей въ молодыхъ странахъ, которыя только сейчасъ перерождаются на современный ладъ —Мексика, Бразилія, Аргентина, Китай, тоже провозвѣстники будущаго, предтечи той солидарности народовъ міра, которая должна быть идеаломъ, восходящимъ на зарѣ начинающагося вѣка.

Талантливый Бласко Ибаньесъ уже уловилъ эту идею вѣка и намѣренно началъ свое нашумѣвшее во время войны произведеніе „Четыре всадника Апокалипсиса“ *) съ описанія одного южно-американскаго хозяйства, гдѣ глава семьи—испанецъ, а дочери—одна за нѣмцемъ, другая за французомъ. Теперь (особенно послѣ великой войны) это будетъ повторяться все чаще.

---

*) Въ Россіи напечатано въ журналѣ „Русская Мысль“ за 1917 годъ.

Вѣдь на полѣ войны рука объ руку сражались солдаты различныхъ націй. Они ассимилировались съ населеніемъ хотя и дружественной, но чужой страны, попадали въ плѣнъ и входили въ семьи бывшихъ враговъ. Невидимо за все время войны и послѣ нея ткалась сложная паутина, которая впослѣдствіи охватитъ весь человѣческій міръ, утрачивающій остроту національной обособленности.

Великимъ противорѣчіемъ существующему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, логическимъ его послѣдствіемъ представляется смѣна конкуренціи національныхъ капиталовъ ихъ согласованной кооперацiей.

Представитель капиталистическаго государства, Соединенныхъ Штатовъ, боролся за Лигу націй, цѣлью которой является установить солидарность націй. Идея эта далека отъ осуществленія. Она родилась для будущаго. Ее могутъ поддерживать или одинаково сильныя, или одинаково слабыя государства. И, можетъ быть, человѣчеству суждено пережить неимовѣрныя потрясенія, чтобы возстановленіе силъ и благосостоянія происходило уже по иной системѣ..

Какъ бы то ни было, но уже сейчасъ капитализмъ ищетъ новой міровой политики. Онъ изнуренъ послѣдствіями современной національной конкуренціи, онъ ищетъ мира.

Поразительно то, что созданные капитализмомъ классы, постоянно враждующіе между собою: предприниматели и рабочіе, сходятся на одномъ пути.

Лозунгъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь", становится какъ будто лозунгомъ, корреспондирующимъ стремленію капиталистовъ всѣхъ странъ тоже соединиться. Капиталисты позже рабочихъ, съ меньшею опредѣленностью и сознательностью, но съ большею дѣловою основательностью, принимаютъ лозунгъ интернаціонала.

Пролетаріи съ большимъ энтузіазмомъ, торопясь и опережая жизнь, стремятся разрушить національныя перегородки, которымъ суждено еще долго жить, потому что самый планъ зданія міровой солидарности, новый чертежъ міра еще недостаточно разработанъ.

Пока можно сказать только одно: человѣческій міръ жестоко наказанъ за свою неорганизованность. Сознаніе необходимости переустройства международныхъ отношеній все глубже проникаетъ въ его сознаніе. *Двадцатый вѣкъ выдвинулъ великую проблему міровой солидарности.* Сумѣетъ ли онъ ее разрѣшить? Большой вопросъ. Можетъ быть, она останется проблемой нѣсколькихъ послѣдующихъ вѣковъ, а, можетъ быть, темпъ человѣческаго прогресса, подъ вліяніемъ культуры человѣческаго духа и великихъ потрясеній, окажется неожиданно быстрымъ.

II

Русская революція и міровая проблема.

Февральская революція 1917 года предшествовала вступленію Соединенныхъ Штатовъ въ войну.

Свободолюбивые американцы могли опасаться, что, при существованіи царскаго режима въ Россіи, побѣда союзниковъ и Россіи была-бы только перемѣщеніемъ опасности милитаризма изъ Берлина въ Москву.

Демократическая революція въ Россіи предопредѣляла глубокій сдвигъ и измѣненіе судебъ міровой политики. Соединеннымъ Штатамъ уже нечего было бояться. Они могли разсчитывать, что побѣда надъ Германіей освободитъ міръ отъ военной опасности и лихорадочныхъ вооруженій, обезпечивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, преобладаніе тѣхъ, чей капиталистическій аппаратъ окажется къ концу войны наиболѣе сохранившимся

Но русская революція пошла дальше, чѣмъ этого можно было ожидать. Уже въ апрѣлѣ въ Петроградѣ взвились знамена революціонныхъ войскъ, потребовавшихъ „мира безъ аннексій и контрибуцій". въ дѣйствительности же искавшихъ мира во что бы то ни стало.

Это была позорная и горькая страница русской революціи, потому что за кулисами революціи дѣйствовали въ это время германскіе агенты, получившіе инструкцію разрушить русскій фронтъ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя было разсматривать массовое движеніе въ пользу немедленнаго мира, которое стало побѣдно развиваться, начиная съ весны 1917 года, и привело къ октябрьскому торжеству большевиковъ, какъ одно только стадное исканіе безопасности и равнодушіе къ національнымъ интересамъ.

Какъ бы ни было сильно первое, и какъ бы ни было велико второе, все же пропаганда мира не встрѣтила бы такого сочувствія среди населенія, если бы оно не разочаровалось въ войнѣ.

Ненужныя жертвы, какъ результатъ технической неподготовленности, безтолковость войны, неясность перспективъ, а главное, смутное сознаніе, что война ведется, въ концѣ концовъ, не для защиты Россіи, а въ интересахъ союзниковъ---вотъ что помогало успѣху пропаганды мира.

Русскія войска сражались геройски, ихъ побѣды и подвиги въ первый годъ войны не забудутся.

Но, послѣ того, какъ отъ убійственнаго огня нѣмецкихъ пулеметовъ имъ пришлось защищаться каменьями и отступать изъ Галиціи подъ ураганнымъ огнемъ, не имѣя ни снарядовъ ни патроновъ—послѣ этого геройскій духъ арміи надломился.

Между тѣмъ, лозунги войны для русскаго солдата были неясны.

„Константинополь и проливы"—этого онъ не понималъ, внутреннихъ задачъ войны—борьбы за землю или національной самозащиты, онъ не видѣлъ, а внѣшнія задачи—освободительные лозунги были провозглашены, но не осуществились. Ни Польша ни Галиція не получили того, что вытекало, казалось, изъ торжественныхъ заявленій. Русскій народъ, не разъ проливавшій кровь за освобожденіе другихъ народовъ, и на этотъ разъ принесъ бы жертвы, если бы его воодушевленіе не было скоро погашено неискренностью словъ и непригладностью дѣйствительности.

Итакъ, успѣхъ пропаганды мира проистекалъ не столько изъ-за недостатка національнаго чувства: „до насъ, молъ, не дойдутъ"—сколько изъ-за разочарованія въ войнѣ и изъ сознанія безсмысленности жертвъ.

Миролюбивый по природѣ, русскій народъ легко отозвался на формулу: „миръ безъ аннексій и контрибуцій". Она отвѣчала его явному стре-

мленію кончить войну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, была понятна его моральному сознанію, не желавшему никакихъ насилій надъ другими.

Г. Станкевичъ, заканчивающій свои интересныя „Воспоминанія"*) періода войны и революціи указаніемъ на величественность того момента, когда милліоны русскихъ солдатъ воткнули въ землю штыки и повернулись спиною къ фронту—болѣе правильно, съ нашей точки зрѣнія, оцѣниваетъ психологію русской народной массы, чѣмъ тѣ, кто, претендуя на званіе патріотовъ, обвиняетъ весь русскій народъ въ сплошномъ непатріотизмѣ.

Послѣдствія этого „величественнаго момента" для Россіи были ужасны, но внутренняя психологія его отъ этого не мѣняется и, съ точки зрѣнія этическихъ идеаловъ, остается высокой.

Отвѣтственность за гибельныя для Россіи послѣдствія разрушенія фронта и послѣдовавшаго затѣмъ позорнаго Брестскаго мира ложится какъ на руководителей октябрьской революціи, такъ и на тѣхъ подголосковъ интернаціонала, которые съ самаго начала войны боялись побѣды и желали либо мира „безъ побѣды", „въ ничью", либо *даже пораженія.* Тотъ же Станкевичъ добросовѣстно и подробно описываетъ эти настроенія близкихъ ему соціалистическихъ круговъ русской интеллигенціи и петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, членомъ котораго онъ состоялъ.

Лидеры революціи толкали русскій народъ на гибельный для него шагъ и привели его къ національнымъ бѣдствіямъ.

Ленинъ и Троцкій сыграли особенно роковую роль. Съ *національной* точки зрѣнія, они всегда останутся преступниками, разрушителями благополучія и могущества Россіи.

Тѣмъ не менѣе, подходить къ оцѣнкѣ дѣйствій Ленина и Троцкаго съ одной только національной точки зрѣнія нельзя.

Внѣшнюю политику большевиковъ надо разсматривать въ аспектѣ міровыхъ проблемъ, и, съ этой точки зрѣнія, она представляется столь же изумительнымъ и дерзкимъ вызовомъ всему міру, сколь величественнымъ представляется отказъ отъ войны русскаго народа, въ процессѣ революціи.

Въ гражданской войнѣ послѣдній вновь доказалъ свою способность къ упорному напряженію борьбы, къ безпредѣльнымъ жертвамъ и безстрашію.

Ленинъ и Троцкій—послѣдовательные интернаціоналисты. Они пытались создать міровую революцію, они смотрѣли на Россію, только какъ на средство. Отказъ ихъ отъ войны былъ однимъ изъ пріемовъ пропаганды міровой революціи, они дѣйствительно поколебали весь фронтъ великой войны, внесли разложеніе въ войска всѣхъ государствъ, и, если бы Германія не поддалась больше другихъ этому разложенію, которое она же поощряла въ Россіи, то, быть можетъ, война кончилась бы иначе.

Съ точки зрѣнія интернаціоналистовъ, стремящихся замѣнить борьбу народовъ борьбою классовъ, Ленинъ и Троцкій не могли вести иной политики, чѣмъ та, которую они избрали. Они должны были дискредитировать войну въ глазахъ воюющихъ народовъ, чтобы разрушить милитаризмъ повсемѣстно и объединить въ одномъ порывѣ пролетаріатъ всѣхъ странъ. Несчастье Россіи въ томъ, что этотъ рискованный опытъ былъ начатъ съ нея.

---

*) Изд. Ладыжникова, Берлинъ, 1920 годъ.

Но, если отрѣшиться отъ національнаго чувства и оцѣнивать политику Ленина и Троцкаго съ точки зрѣнія „великой проблемы вѣка“, о которой мы говорили все время, то надо признать, что она является смѣлымъ революціоннымъ опытомъ, повтореніе котораго не исключено и въ будущемъ.

Въ міровой исторіи русская революція будетъ, между прочимъ, отправнымъ моментомъ геройской борьбы за идею международной солидарности трудящихся и разрушенія современной системы международныхъ отношеній.

Но, къ сожалѣнію, для каждаго трезваго политика эта прекрасная идея будущаго является уродливою химерою настоящаго.

Русская революція опередила ходъ міровой исторіи, и ея лозунги общечеловѣческаго значенія оказались дерзкимъ вызовомъ, обреченнымъ на полную неудачу. Въ то время, какъ русскіе большевики стремились революціонизировать весь міръ, Версальская конференція, въ качествѣ одного изъ главныхъ блюдъ мирнаго стола, получила предложеніе образовать „Лигу націй“.

Союзъ націй для обезпеченія прочнаго мира—эта идея, проистекающая изъ скрытаго пока процесса интернаціонализаціи капитала и необходимости, для развитія многихъ изъ его отраслей, устраненія опасности войны, корреспондировала, какъ уже указывалось, лозунгу „всемірнаго объединенія пролетаріата“.

Но различіе между ними очень существенное. Идея Лиги—идея примиренія національныхъ противорѣчій, при сохраненіи противорѣчій классовыхъ. Идея интернаціонала преслѣдуетъ устраненіе національныхъ противорѣчій для углубленія и объединенія классовой борьбы во всемъ мірѣ.

Такимъ образомъ, двѣ стороны: революціонизированный народъ и капиталистическій міръ, одинъ съ головокружительною стремительностью, другой съ осторожностью и разсчетомъ, подошли, каждый по-своему, къ рѣшенію „великой проблемы вѣка“.

Какъ извѣстно, идея Лиги, запечатлѣнная рядомъ статей Версальскаго трактата, на практикѣ скоро извратилась и потеряла кредитъ, причемъ, прежде всего, въ той странѣ, глава которой ее пропагандировалъ. Вмѣсто союза націй, создался союзъ побѣдителей—большая „пятерка“, а затѣмъ даже только „четверка“, которая, разрѣшивъ важнѣйшіе вопросы мира, сохранила, по уставу Лиги, свое главенствующее положеніе и для будущаго. Всѣ остальные члены Лиги—это, по выраженію профессора Нольде, *) политическіе „кліенты“ главныхъ державъ, зависимые отъ нихъ и покровительствуемые ими.

Какъ же оцѣнивать значеніе русской революціи съ точки зрѣнія ея вліянія на ходъ международныхъ отношеній? Помѣшала ли она, или способствовала успѣху пацифистскихъ идей и сплоченію націй?

Если бы оказалось, что она способствовала ихъ успѣху, то это могло бы утѣшить наши смятенныя души сознаніемъ, что Россія претерпѣла несравнимыя бѣдствія во имя общечеловѣческаго блага.

Но такъ ли это?

Послѣдствіемъ выхода Россіи изъ концерта державъ и ея отсутствія въ Версалѣ было укрѣпленіе вліянія Англіи и Франціи на разрѣшеніе вопросовъ мира и ослабленіе позиціи Вильсона.

---

*) „Современныя Записки“, кн. 1, стр. 233. Петрогр. 1920 г. Юридическую оцѣнку института Лиги проф. Нольде далъ въ журналѣ „Грядущая Россія“, кн. 1.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ не учелъ послѣдствій своего одиночества на конференціи. Какъ и всѣ прочіе государственные люди нашего времени, онъ ошибся въ разсчетахъ и въ политикѣ.

Если бы Вильсонъ не допустилъ торжества большевиковъ и оказалъ „американскую" поддержку Колчаку и Деникину, онъ могъ бы пріобрѣсти въ лицѣ Россіи искренняго сторонника своихъ идей и энергичную поддержку ихъ въ Версалѣ. При существованіи сильной Россіи, не было бы допущено той безнадежной неразберихи, какая царитъ до сихъ поръ на Ближнемъ Востокѣ. Было бы легче возстановить нормальное положеніе вещей и въ самой Европѣ, на разстройство жизни которой оказываетъ большое вліяніе исключеніе изъ мірового оборота одной шестой части земного шара, каковой является россійское государство, съ его естественными богатствами и огромными рынками.

Большевизмъ, поддерживая воинственныя настроенія въ державахъ-побѣдительницахъ, поощряя хищническіе инстинкты, вносилъ раздоры и въ среду государствъ, которыя занимаютъ различную въ отношеніи къ большевикамъ позицію, и въ внутреннія настроенія отдѣльныхъ государствъ, гдѣ происходилъ рѣзкій расколъ. При такомъ положеніи вещей было не до мирныхъ идей.

Но что дала бы міру русская контръ-революція (Колчакъ, Деникинъ), если бы она побѣдила? Поддерживаемая Англіей и Франціей, она была зависимой отъ нихъ, и многіе думаютъ, что она такою бы и осталась.

Нельзя, однако, забывать, что, въ случаѣ побѣды надъ большевизмомъ въ 1919 году, Россійское Правительство оказалось бы, несмотря на тяжелое состояніе государства, все же достаточно могущественнымъ, такъ какъ тогда хозяйственная жизнь страны еще не была разстроена до основанія, а ресурсы государства оставались очень значительными. Съ другой стороны, Россія не отдалась бы безповоротно на волю Англіи и Франціи, она вспомнила бы свои заслуги въ войнѣ и предъявила бы счетъ своимъ союзникамъ, требуя зачета его по своимъ долгамъ.

Въ этомъ отношеніи Россія могла бы оказаться въ положеніи, сходномъ съ положеніемъ Германіи. Какъ и послѣдняя, она старалась бы освободиться отъ обязательствъ, выполненія которыхъ требовали бы кредиторы.

Повидимому, Англія и Франція боялись этого. Онѣ были всегда безмѣрно мнительны къ существовавшему якобы тяготѣнію Россіи къ Германіи, ихъ всегда пугалъ призракъ возможности русско-германскаго союза.

Для этого не было основаній въ фактахъ реальной дѣйствительности, но были основанія съ точки зрѣнія политической психологіи. Всякая неосторожность русскихъ политическихъ дѣятелей, дразнившая мнительность союзниковъ, вредно отражалась на отношеніи ихъ къ русскому противо-большевистскому движенію, и безъ того поддерживавшемуся лишь слегка.

Политика Англіи была особенно двулична на западѣ, она поддерживала больше прибалтійскія государственныя образованія, чѣмъ Юденича, возглавлявшаго мѣстныя силы общегосударственнаго значенія. На сѣверѣ она заигрывала съ большевиками и только въ Сибири поддерживала Колчака.

Французы и чехи сочувствовали, но оставались зрителями, такъ какъ ихъ интересы ограничивались санитарнымъ поясомъ Польши, Чехословакіи, Румыніи.

Ослабленіе Россіи усиливало Англію и Францію, которыя почувствовали себя хозяевами Европы.

Если бы побѣдило русское національное движеніе 1918-1919 г. г., то нераздѣльному хозяйничанію этихъ двухъ государствъ былъ бы положенъ предѣлъ.

Ошибочно думать, что обновленная Россія пошла бы непремѣнно по пути сближенія и даже союза съ Германіей. Такая оріентація основывается на старомодныхъ уже представленіяхъ системы равновѣсія и игнорированіи положенія Германіи, которая, въ ея современномъ состояніи, не была бы способна оказать Россіи какую-либо помощь. Нѣтъ! Россія всей душой стремилась бы, въ соотвѣтствіи съ своими экономическими интересами и съ новыми международными идеалами, поддержать широкій союзъ націй. Но возможность консолидаціи ея силъ съ силами германскими постоянно оказывала бы вліяніе на настроенія другихъ державъ, вынуждая ихъ на большую уступчивость.

Если даже Соединенные Штаты отказались поддержать Германію весною текущаго года, когда, послѣ Лондонской конференціи, Германіи былъ предъявленъ ультиматумъ объ уплатѣ по обязательствамъ, возложеннымъ на нее Версальскимъ миромъ, то тѣмъ болѣе отказала бы ей въ поддержкѣ Россія, которая сама имѣла бы требованія къ своему раньше заклятому врагу.

Но мы видимъ, какъ Соединенные Штаты, оставаясь, въ общемъ, на союзнической оріентаціи, оказываютъ умѣряющее вліяніе на ходъ дѣлъ въ Европѣ, и мы думаемъ, что то же самое должно было бы быть и съ Россіею. Самый фактъ существованія Россійскаго государства, съ его вѣскимъ голосомъ, искренне направленнымъ въ пользу сохраненія мира, оказывалъ бы существенное вліяніе на международную политику, поддерживая въ Лигѣ націй дѣйствительно мирное настроеніе.

Приходится придти къ выводу, что торжество большевиковъ, вопреки показнымъ лозунгамъ мира, которыми они завоевывали сочувствіе населенія, *привело къ ущербу идеи мира*. Оно вычеркнуло Россію изъ ряда активныхъ участниковъ строительства новыхъ международныхъ отношеній, создало въ Европѣ очагъ междоусобной брани, заставивъ сохранить подъ ружьемъ лишнія сотни тысячъ людей, превратило Россійское государство въ состояніе, при которомъ оно можетъ стать лакомымъ кускомъ для колоніальнаго хищничества и тѣмъ самымъ источникомъ дразненія имперіалистическихъ аппетитовъ.

Русская революція, какъ фактъ настоящаго, оказала отрицательное вліяніе на успѣхъ мирныхъ идей.

Россія въ ея современномъ состояніи, какъ раздробленное и разоренное государство—это болѣзнь и источникъ міровой заразы.

Мы думаемъ поэтому, что Соединенные Штаты Америки, наиболѣе изъ всѣхъ государствъ поддерживающіе идею мирнаго сожительства націй, вполнѣ искренни, когда, въ лицѣ отвѣтственныхъ руководителей своей политики, заявляютъ настойчиво и непоколебимо, что не призна-

ютъ никакихъ раздѣловъ Россіи и ожидаютъ ея возрожденія, какъ *единаго* государства.

III.

Перспективы.

Во время великой войны, когда шла борьба, не на жизнь, а на смерть, нѣсколькихъ націй, происходило фактически ихъ непрерывное смѣшеніе, и огонь битвъ какою-то волшебною силою историческаго фатума превращался въ пламя Предвѣчнаго Кузнеца, выковывавшаго идею мірового содружества.

Великая русская революція, въ періодъ которой флаги всѣхъ странъ сошлись на борьбу съ міровой опасностью, кончилась жестокимъ озлобленіемъ участниковъ интервенціи другъ противъ друга. Но въ то же время, съ другой стороны, происходило сліяніе подъ краснымъ знаменемъ революціи всѣхъ языковъ во имя торжества интернаціонала.

Съ двухъ сторонъ происходилъ подходъ къ рѣшенію міровой проблемы, и обѣ стороны, въ концѣ концовъ, проиграли свою игру. „Бѣлыя" силы капитала не могли преодолѣть свои эгоистическія стремленія; „красныя" силы революціи слишкомъ разжигали ненависть, чтобы укрѣпить миролюбіе.

Но въ ходѣ міровой исторіи обѣ дѣйствующія силы должны постепенно сходиться. *Великая война родила Лигу націй* и, повидимому, уже погребла системы противоположныхъ международныхъ союзовъ.

Великая русская революція углубила идею интернаціонала.

Если крайне характерно для нашего времени, что Соединенные Штаты, несмотря на крупную перемѣну настроеній, и при Вильсонѣ и при Гардингѣ, держатся идеи совмѣстнаго дѣйствія съ союзомъ націй-побѣдительницъ и этимъ поддерживаютъ идею Лиги, то не менѣе характерно, что германскій пролетаріатъ ищетъ спасенія въ возрожденіи международнаго союза трудящихся классовъ.

Считая, что большевизмъ разжигаетъ ненависть и своими предосудительными пріемами отталкиваетъ отъ себя часть соціалистовъ и вноситъ въ ихъ среду расколъ, нѣмецкіе руководители рабочихъ массъ считаютъ большевизмъ вреднымъ для интересовъ ихъ родины. Они мечтаютъ о томъ времени, когда возстановится единство соціалистическаго фронта, устранится рознь соціалистическихъ группъ, и государственная власть будетъ сосредотачиваться въ рукахъ соціалистовъ.

На этомъ построены ихъ главные разсчеты.

Они надѣются, что пролетаріатъ Англіи, Франціи и другихъ странъ сознаетъ необходимость противодѣйствовать „ростовщической политикѣ" своихъ правительствъ по отношенію къ нѣмецкой націи.

И политика ихъ, которая отражается и на дѣйствіяхъ правительства, направлена, поэтому, во-первыхъ, на возсозданіе международной солидарности рабочихъ и, во-вторыхъ, на поддержаніе соціалистическихъ движеній въ другихъ странахъ.

„Только правительства изъ соціалистовъ могутъ разрѣшить проблему міровой солидарности"—таковъ руководящій лозунгъ.

Попыткою укрѣпить международное объединеніе соціалистическихъ партій явилась происходившая въ началѣ текущаго года Вѣнская конференція соціалистовъ.

Ея резолюціи ярко выражаютъ изложенныя идеи и построенія. Вотъ наиболѣе характерная выдержка изъ этой резолюціи:

„Конференція констатируетъ неспособность капиталистическихъ правительствъ разрѣшить выдвинутыя войной проблемы. Она предупреждаетъ рабочихъ всѣхъ странъ противъ методовъ натравливанія и разжиганія массъ, примѣняемыхъ правительствами и шовинистической прессой.

„Чрезмѣрныя и даже просто невыполнимыя требованія антантскаго капитализма и использованіе вызваннаго ими въ Германіи возмущенія со стороны контръ-революціонной буржуазіи Германіи, грозятъ обострить кризисъ и вызвать новое кровавое столкновеніе.

„Разоруженіе нѣмецкихъ военныхъ организацій (Оргешъ и т. д.) соотвѣтствуетъ какъ интересамъ пролетаріата, такъ и требованіямъ мира. Но разоруженіе одной лишь Германіи не устранитъ всѣхъ опасностей войны, если вслѣдъ за нимъ не послѣдуетъ всеобщее разоруженіе во всѣхъ странахъ.

„Въ виду этого, конференція предлагаетъ соціалистическимъ партіямъ организовывать собранія и манифестаціи:

Противъ всякаго насильственнаго рѣшенія выдвинутыхъ войной проблемъ.

Противъ всѣхъ постановленій, которыя должны въ такой же мѣрѣ обострить нужду и закабалить нѣмецкихъ рабочихъ, въ какой они создадутъ для рабочихъ другихъ странъ опасную конкуренцію.

Противъ милитаризма и возобновленія кровавой бойни.

Для подтвержденія воли рабочаго класса къ миру.

За общій пересмотръ мирныхъ договоровъ.

За право самоопредѣленія народовъ.

За рѣшеніе хозяйственныхъ проблемъ на основѣ интернаціональной солидарности.

Конференція призываетъ интернаціональный пролетаріатъ демонстрировать 1-го мая за тѣ же цѣли, въ особенности за всеобщее разоруженіе и пересмотръ мирныхъ договоровъ.“

Пройдутъ годы, и два противоположныхъ теченія, преслѣдующихъ одинъ конечный идеалъ, начнутъ сближаться.

Великое смѣшеніе народовъ, такъ замѣтно увеличившееся со времени войны 1914 года, углубитъ интернаціонализацію современной психологіи.

Русская революція этому способствовала и будетъ еще способствовать, хотя, правда, и въ ущербъ нашимъ національнымъ интересамъ, но въ гармоніи съ идеями будущаго вѣка.

Интервенція, которую переживала Россія, была предвозвѣстникомъ предстоящаго сотрудничества націй, подобно тому, какъ и поле битвъ во время великой войны было мѣстомъ, гдѣ произошло крещеніе кровью союза народовъ.

Интервенція не кончилась. Изъ военной она превратилась въ экономическую.

Россія станетъ страной, гдѣ будутъ сотрудничать капиталы всѣхъ націй. Высокая національная культура русскаго народа не позволитъ иностранному капиталу быть хищническимъ эксплоататоромъ. Мы видимъ на примѣрѣ Китая, какъ его растущее національное самосознаніе и приспособленіе къ новой культурѣ постепенно ограничиваетъ силу иностраннаго давленія на его государственную жизнь. Еще черезъ десятокъ-другой лѣтъ китайская молодежь, научившись управлять государствомъ и усвоивъ организаторскія навыки, которыхъ сейчасъ еще нѣтъ у китайскаго правительства, смететъ иностранное вліяніе на политическую жизнь страны, или сведетъ его къ нулю. Тѣмъ болѣе будетъ это въ Россіи.

Но, несмотря на дѣйствіе и развитіе національныхъ инстинктовъ самоопредѣленія, широкое участіе капитала и культурныхъ силъ всѣхъ націй въ развитіи отставшихъ странъ и возсозданіи разрушенныхъ будетъ неустранимо. Въ этомъ сотрудничествѣ будутъ создаваться и укрѣпляться новыя формы международныхъ отношеній.

Когда вдумчивый писатель, А. Менгеръ, въ своей извѣстной книжкѣ „Новое ученіе о государствѣ", характеризовалъ современныя международныя отношенія, проникнутыя милитаризмомъ, онъ пророчески предсказывалъ, что именно милитаризмъ приведетъ къ грандіознымъ катастрофамъ.

„Ибо", говорилъ онъ, „прогрессирующее возрастаніе милитаристскихъ требованій и идущій съ нимъ рука объ руку полицейскій гнетъ постепенно революціонизировали во всей Европѣ низшіе классы народа въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ развитіе капиталистическаго способа производства, въ которомъ многіе экономическіе соціалисты усматриваютъ главную причину революціоннаго соціализма."

Видя спасеніе въ идеѣ „всемірнаго государства", А. Менгеръ не вѣрилъ въ способность современныхъ государствъ „устранить войну соглашеніемъ"; ему казалось, что этотъ идеалъ (всемірнаго государства) можетъ быть осуществленъ только „завоеваніемъ всего міра".

Германія пыталась осуществить такое завоеваніе. Профессоръ политической экономіи въ Чикаго, Laughlin, характеризуя экономическое положеніе передъ войною,*) не сомнѣвается, что, если бы Германія побѣдила на континентѣ, она, при ея экономической мощи, стала бы всемірнымъ властелиномъ, почему не только Англія, но и Соединенные Штаты вынуждены были выступить противъ нея.

Быть можетъ, побѣда Германіи была бы тоже путемъ къ разрѣшенію проблемъ вѣчнаго мира войною. Но этотъ путь оказался неудачнымъ, и исторія пошла инымъ путемъ.

А. Менгеръ предусмотрѣлъ его.

„Возникновеніе всемірнаго хозяйственнаго государства", говоритъ онъ, „слѣдуетъ представлять себѣ, какъ прогрессивное развитіе многочисленныхъ экономическихъ учрежденій международнаго характера, а не какъ внезапное, основанное на свободномъ рѣшеніи участниковъ, событіе."

Русская революція, вызывая потребность въ грандіозной экономической интервенціи, какъ разъ и будетъ способствовать „прогрессивному развитію экономическихъ учрежденій международнаго характера."

Въ дальневосточныхъ газетахъ было перепечатано интервью Анатоля Франса. Многія мысли, высказанныя талантливымъ писателемъ, кажутся намъ совпадающими съ тѣми идеями, которыя мы здѣсь развиваемъ.

„Необходимо", сказалъ Анатоль Франсъ, „дѣйствовать на новыхъ началахъ, исходя изъ общихъ нуждъ и интересовъ всей Европы и всего міра. То, чего каждый народъ въ отдѣльности добивался въ теченіе войны, въ интересахъ собственнаго правительства, того всѣ народы вмѣстѣ должны добиться теперь, если они хотятъ помѣшать всеобщему врагу—раздробленію—раздавить ихъ. Каждый народъ въ теченіе войны отдавалъ борьбѣ всѣ свои силы, всѣ свои средства, и, хотя бы въ теоріи, составлялъ во время войны единую семью. Въ общей работѣ, основанной на международномъ соглашеніи, мы видимъ единственный путь къ спасенію Европы. Если бы можно было сложить воедино всѣ возможности міра и если бы затѣмъ распредѣлить ихъ сообразно общимъ нуждамъ—этимъ путемъ было бы достигнуто не только матеріальное, но и духовное спасеніе Европы, на которое разсчитывалъ и президентъ Вильсонъ.

---

*) Laurence Laughlin—Credit of the Nations (A Study of the European War) 1919 г.

„Но именно тотъ духъ, который порождалъ единство дѣйствій каждой отдѣльной націи, мѣшалъ объединенію народовъ въ международномъ масштабѣ. Патріотизмъ во время войны означаетъ столько же ненависть къ другому народу, какъ любовь къ собственному. Въ первомъ отрицательномъ смыслѣ французскій патріотизмъ сильно развился съ тѣхъ поръ, какъ было подписано перемиріе. Франція въ настоящее время не только не перестала ненавидѣть Германію, но включила въ это чувство ненависти еще и другія страны, главнымъ образомъ, Россію. Къ своимъ ближайшимъ союзницамъ—Англіи и Италіи—Франція относится далеко не дружелюбно. Ненависть растетъ даже среди отдѣльныхъ классовъ населенія въ собственныхъ предѣлахъ. Вмѣсто роста демократіи, мы видимъ, что одинъ классъ требуетъ диктатуры пролетаріата, тогда какъ другой ждетъ возврата къ монархіи.

„Вмѣсто того, чтобы проникаться тѣмъ духомъ, который одинъ могъ привести Европу къ спасенію, мы все больше удаляемся отъ него. Я считаю только одинъ народъ—русскій—способнымъ оправиться отъ этого распада. Изъ Россіи вѣетъ чѣмъ-то новымъ. Тамъ идетъ какая-то работа, движется какая-то сила, переживаются какія-то муки, тамъ какъ будто нарождается что-то великое. Обреченное на умираніе неспособно было бы вызвать такое потрясеніе во всемъ мірѣ. Новый, исполинскій духъ одинъ могъ совершить то, чего достигла полуодѣтая, полуголодная красная армія Россіи, окруженная кольцомъ непріятелей. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ сдѣланы непростительныя ошибки и упущенія, что проявлена первобытная грубость. Но это въ порядкѣ вещей тамъ, гдѣ возникаетъ великое новое.

„Въ наше время раса, въ сущности, исчезаетъ. Развитіе путей сообщенія способствуетъ усиленію человѣческаго передвиженія, одновременно стирая почти всѣ расовыя различія, за исключеніемъ цвѣта кожи. Въ настоящее время слово „раса" относится скорѣе къ роду чувствъ, мыслей, жизни, чѣмъ къ кровному родству. Я сомнѣваюсь, чтобы будущее преимущество одной части человѣчества надъ другой опредѣлялось расой.

„Передъ нами," говоритъ интервьюеръ, „проходитъ обычная для Парижа вереница мужчинъ и женщинъ всѣхъ національностей и расъ: черные, бѣлые, желтые, коричневые; китайцы, американцы, нѣмцы, евреи, русскіе. Мой другъ наслаждался этимъ зрѣлищемъ. Вдругъ онъ сказалъ: „Я хотѣлъ бы перенести всю эту толпу на одинъ изъ прекрасныхъ острововъ Великаго Океана, откуда никто не могъ бы уйти, и вы увидѣли бы, что лѣтъ черезъ пятьдесятъ на этомъ островѣ создалась бы самая талантливая раса всего свѣта."

„Нѣчто подобное, несомнѣнно, происходитъ теперь, но въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, что за исчезновеніемъ старыхъ расъ не видно нарожденій новыхъ.

„Новый союзъ народовъ только нарождается, но, тѣмъ не менѣе, признаки его уже замѣтны. Среди рабочихъ замѣчается ростъ объединеннаго дѣйствія на международныхъ началахъ. Замѣтны даже слѣды новаго искусства—выразителя новаго соціальнаго строя."

Намъ тоже кажется, что XX вѣкъ долженъ приблизить человѣка къ идеалу мирнаго сотрудничества націй, при которомъ исчезнетъ современная острота національныхъ противорѣчій, и устранится опасность войнъ.

Земной шаръ уже весь распредѣленъ между культурными націями. Нашествія дикихъ народовъ ожидать неоткуда. Появляется возможность ослабить анархію мірового производства. Побѣда радикальныхъ и соціалистическихъ идей обезпечиваетъ смягченіе капиталистическаго хищничества.

Результаты войны показали, что капитализмъ, приводящій къ грандіознымъ столкновеніямъ, приводитъ и къ исканіямъ мира.

Русская революція показала, какъ можетъ быть величественно и непреоборимо стремленіе народной массы къ миру, и какимъ могущественнымъ средствомъ является подобное стремленіе въ нашъ вѣкъ, чтобы парализовать силы противника. Остается неоспоримымъ, что русская революція показала новый, наиболѣе сильный изъ всѣхъ методовъ разложенія силы противника—пропаганду идей, которыя общи народнымъ массамъ всѣхъ націй. *Если бы не изувѣрства и уродства большевизма, Россія пріобрѣла бы мировую гегемонію.*

Идея мира была идеей русской революціи съ самаго ея начала, большевики присвоили ее себѣ, обезчестили и бросили.

Послѣ этого сталъ уже невозможенъ и второй путь къ созданію „всемірнаго государства." Идею Вильсона должна была постигнуть неудача, какъ постигла она идею германской насильственной гегемоніи.

Остается путь хозяйственнаго сотрудничества и взаимодѣйствія.

Осуществленіе идей, которыя родились въ хаосѣ современныхъ событій, требуетъ не годовъ, а, по крайней мѣрѣ, десятилѣтій. То, что раньше совершалось вѣками, при нынѣшнемъ темпѣ жизни ограничивается вѣкомъ, но форсировать событія еще больше—это значитъ придти къ тому насилію надъ нею, какимъ является коммунистическій опытъ въ Россіи.

Лица, слишкомъ зараженныя идеями прошлаго вѣка, неспособны понимать нѣкоторые современные процессы. Отстаивая, напримѣръ, идею единства Россіи, они возвращаются къ старымъ формамъ централизаціи власти, подавленія національныхъ образованій на окраинахъ: Польши, Финляндіи и др. Они разсматриваютъ эти вопросы въ свѣтѣ старыхъ идей великодержавія и старыхъ отношеній имперіализма.

Такое возвращеніе къ старымъ понятіямъ столь же неумно, сколь наивна переоцѣнка революціонныхъ возможностей. Жизнь пойдетъ среднимъ путемъ. Она смягчитъ, но не устранитъ національныя противорѣчія, ослабитъ, но не уничтожитъ имперіалистическія стремленія, но старое уже не возродится, и будущая Европа послѣ періода неустойчивыхъ колебаній составится изъ сожительствующихъ на началахъ свободнаго соревнованія націй, скомбинировавшихся въ союзы по экономическимъ и политическимъ центрамъ тяготѣнія и объединенныхъ Лигой націй.

Простое отпаданіе отъ большихъ государствъ ряда національныхъ государственныхъ образованій было бы предательствомъ въ отношеніи прогресса. Вѣками шло объединеніе націй въ крупныя государства—и вдругъ все опять рухнетъ, и вѣками созданное государство вновь распадется на части.

Такое распаденіе было бы не только противоестественнымъ, но и невыгоднымъ и для цѣлаго и для частей. Быть гражданиномъ большого государства—это то, чѣмъ гордились римляне, что цѣнили присоединяемые къ имперіямъ народы, если ихъ національному чувству не причиняли при этомъ обидъ.*)

Точно такъ же, какъ для внутренняго единства государства только на время нужна желѣзная дисциплина—только на время нужна система милитаризма и для удержанія международнаго равновѣсія.

Въ будущемъ международныя отношенія могутъ быть построены на добровольномъ подчиненіи союзу въ сознаніи общей выгоды мирнаго разрѣшенія вопросовъ.

Въ настоящее же время нарождается періодъ господства сильнаго центра надъ слабою периферіей. Сильнымъ центромъ является блокъ націй. Онъ является какъ бы законодателемъ, диктующимъ маленькимъ народамъ свою суверенную волю. То, что существовало раньше въ одномъ большомъ государствѣ, въ формѣ централизма, спаивавшаго въ одно цѣлое разнородныя части, выйдетъ на широкую арену международныхъ отношеній, въ формѣ диктатуры одного или нѣсколькихъ государствъ.

---

*) Болѣе подробно національный вопросъ освѣщенъ ниже въ статьѣ г. Ашкинази. *Прим. редакціи.*

Лига націй, съ ея современнымъ фактическимъ господствомъ нѣсколькихъ державъ, какъ разъ и представляетъ собою подобнаго международнаго диктатора.

Русская революція бросила ему навстрѣчу бунтъ народныхъ массъ противъ войны, показала новые пріемы международной дипломатіи—,,разговора народа съ народомъ" (грубость пріемовъ и языка мы отбрасываемъ, какъ случайное), дала примѣръ грандіознаго и несомнѣннаго величественнаго народнаго движенія въ пользу мира. Разрушивъ Россію, одинъ изъ оплотовъ мира, она помѣшала его торжеству, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она создала поле для новаго и по формамъ и по задачамъ интернаціональнаго хозяйственнаго сотрудничества культурныхъ народовъ. Этимъ послѣднимъ отрицательнымъ и для насъ, русскихъ, особенно прискорбнымъ фактомъ русская революція наиболѣе связывается съ міровою исторіею.

Въ предстоящемъ процессѣ возстановленія Россіи міръ обрѣтетъ, быть можетъ, искупленіе ужасовъ пережитаго кроваваго періода и въ планѣ міровой исторіи загадочный чертежъ народныхъ движеній соединитъ въ Москвѣ, какъ центрѣ возрожденія, новѣйшія идеи и стремленія. Это будетъ отправною точкою дальнѣйшихъ исканій человѣчества.

Если русская революція, какъ фактъ реальной дѣйствительности, является для настоящаго отрицательнымъ явленіемъ, съ точки зрѣнія успѣха великихъ идей мира, то результаты великой русской революціи могутъ оказать такое же существенное вліяніе на успѣшное разрѣшеніе ихъ въ будущемъ, какое, вопреки логикѣ и видимости, окажутъ и результаты великой войны.

Г. Гинсъ.

Національный вопросъ въ Россіи.*)

Статья З. Г. Ашкинази.

I.

Безпрерывные конфликты между окраинными государствами: польско-литовскій, литовско-бѣлорусскій, совѣтско-латвійскій и другіе, и непрекращающіяся на Кавказѣ національныя столкновенія между армянами, грузинами, татарами, горцами показываютъ, насколько ненормально и непрочно создавшееся въ такъ наз. „лимитрофныхъ" государствахъ положеніе. Выкроенныя по фантастическимъ „линіямъ Керзона", „линіямъ Фоша", „стратегическимъ границамъ", „границамъ Верховнаго Совѣта" или просто по кондотьерскому праву захвата; выкроенныя безъ вниманія не только къ элементарнѣйшимъ жизненнымъ интересамъ Россіи, но даже къ экономической связи съ Россіей и экономическимъ интересамъ самихъ „лимитрофовъ"—эти новыя государственныя образованія заранѣе обречены на эфемерное политическое существованіе. Малѣйшаго толчка достаточно, чтобы поколебать зыбкій фундаментъ ихъ независимости, и, какъ это случилось съ Грузіей, превратить въ миѳъ ихъ политическое бытіе.

Когда эти микроскопическія „великія державы" создавались въ кабинетахъ дипломатовъ, Россія была скинута съ международнаго счета. Политики Антанты полагали возможнымъ устроить судьбу Европы и всего міра безъ Россіи, оставляя, вмѣсто нея, на версальской картѣ пустое бѣлое мѣсто, вродѣ того, какъ обозначаютъ на географическихъ картахъ неизслѣдованыя полярныя области.

Событія послѣдняго года обнаружили всю несостоятельность подобнаго отношенія къ государству, покрывающему $^1/_6$ часть земной суши. Оказалось, что и въ международной жизни тоже дѣйствуетъ законъ, гласящій: природа не терпитъ пустоты. Россія, даже большевистская, разоренная, обнищавшая и голодная, громко заявила о своемъ существованіи: громомъ пушекъ подъ Варшавой въ прошломъ году и безслѣднымъ уничтоженіемъ признанной de facto, de jure, экономически и всячески, Грузіи, экономическимъ обнищаніемъ Европы, недостаткомъ сырья и хлѣба. Въ настоящій моментъ Россія является центральнымъ узломъ международной политики—

---

*) Авторъ, разсматривая національный вопросъ съ точки зрѣнія реальной политики настоящаго дня, въ конечномъ итогѣ приходитъ къ выводамъ, совпадающимъ съ идеей статьи „Русская революція въ планѣ міровой исторіи"—возстановленіе единства на основѣ согласованія интересовъ. Форма осуществленія этого плана подлежитъ дополнительной разработкѣ. *Прим. редакціи.*

именно, Россія будущая, смутный обликъ которой вырисовывается сквозь кровавый большевистскій туманъ.

Въ политикѣ факты являются высшимъ аргументомъ, послѣдней инстанціей. Выводъ изъ этихъ фактовъ ясенъ для всякаго трезваго политическаго дѣятеля. Этотъ выводъ—необходимость пересмотра „окраиннаго вопроса" во всемъ его объемѣ, со всѣми его національными предпосылками и политическими и экономическими послѣдствіями.

Недавно поднятый во французской парламентской финансовой комиссіи вопросъ о разверсткѣ между лимитрофами соотвѣтствующихъ частей русскаго государственнаго долга ставитъ эту проблему въ новое и для многихъ европейскихъ политиковъ совершенно неожиданное освѣщеніе. Вѣдь, считая даже чисто формально, какъ это сдѣлали депутатъ Буссено и сенаторъ Бераръ, т. е. по численности населенія—доля въ долгѣ одной только Франціи составляетъ для нищихъ Латвіи или Литвы по 500 милліоновъ золотыхъ рублей; доля кавказскихъ республикъ—750 мил. р.; Польшѣ съ ея разоренной промышленностью, упавшимъ земледѣліемъ и расшатанными финансами придется заплатить $2^1/_2$ милліарда и т. д. Но вѣдь это дѣлежъ безъ хозяина, не спрашивая, согласится ли Россія принять на себя высчитанную такимъ образомъ остальную часть долга. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что любое русское правительство, спрошенное объ этомъ (кромѣ, конечно, большевиковъ, готовыхъ распродать всю Россію оптомъ и въ розницу), укажетъ, что на французскіе займы строились желѣзныя дороги въ Польшѣ, портовыя сооруженія въ Ревелѣ, и что элементарная справедливость диктуетъ, чтобы за нихъ платилъ эстонскій и польскій народъ, но никакъ не симбирскій или тамбовскій мужикъ, который не только не получилъ ничего изъ французскихъ милліардовъ, но и свою кровную копеечку приплатилъ за ревельскіе доки и польскіе паровозы. Это понимаютъ сами „лимитрофы", и оттуда ихъ паническій страхъ передъ возрожденіемъ Россіи, такъ недвусмысленно обнаружившійся во время кронштадтскаго возстанія въ заявленіи эстонскаго министра Мееровица, въ статьяхъ польскихъ газетъ и поведеніи польскихъ государственныхъ дѣятелей.

Разсматриваемый во всей полнотѣ, въ связи съ вопросами политическими, экономическими и финансовыми, а не на отвлеченной теоретической базѣ „самоопредѣленія народовъ", вопросъ объ окраинныхъ государствахъ превращается въ неотдѣлимую часть сложной русской проблемы. Рѣшать его отдѣльно нѣтъ возможности, да и не имѣетъ смысла, ибо всякое одностороннее рѣшеніе—а другого рѣшенія быть не можетъ, покуда интересы Россіи представлены не *русскимъ* правительствомъ, а филіальнымъ отдѣленіемъ III Интернаціонала—будетъ рано или поздно перерѣшено „фактами".

До сихъ поръ одни только Соединенные Штаты съ достаточной серьезностью отнеслись къ окраинной проблемѣ и ко всему русскому вопросу. Остальныя великія державы, и въ томъ числѣ и Франція, рѣшаютъ его, въ лучшемъ случаѣ, легкомысленно, руководствуясь политическими интересами данной минуты, а иныя—съ опредѣленной задней мыслью воспользоваться безгласностью и беззащитностью Россіи, чтобы половить рыбку въ мутной водѣ. Но и Америка не вполнѣ компетентна въ этомъ вопросѣ, ибо это предполагаетъ основательное знакомство съ національной и экономической структурой Россіи и ея политической исторіей. А въ этомъ смыслѣ Россія всегда представляла для

Европы нѣкую неизслѣдованную „полярную область“, „страну неограниченныхъ возможностей“, во всѣхъ смыслахъ.

Выяснить нашу, *русскую*, точку зрѣнія на этотъ вопросъ вдвойнѣ поэтому важно: и въ смыслѣ уясненія самимъ себѣ причинъ неожиданнаго распада великой имперіи, и возможности раціонально рѣшить національный вопросъ въ будущей Россіи, и въ смыслѣ установленія общей русской точки зрѣнія на этотъ сложный, задѣвающій столько интересовъ и дразнящій столько аппетитовъ, національный вопросъ въ Россіи.

II.

Предпосылкою всякаго безпристрастнаго сужденія о русскомъ національномъ вопросѣ должно быть признаніе факта, что русская государственность всегда была притѣснительницей малыхъ народностей. Этотъ фактъ неоспоримъ, и слѣдствіемъ его явилось то состояніе государственнаго расчлененія національной анархіи, которое водворилось въ Россіи, когда пала деспотическая центральная власть. Она была какъ бы желѣзнымъ обручемъ, набитымъ на огромную периферію имперіи и захватившимъ нѣсколько чуждыхъ по крови и по культурѣ народовъ, и въ 1917 году этотъ обручъ лопнулъ подъ ударомъ извнѣ и напоромъ изнутри.

Призванная объединить славянство, нѣкогда оградившее западноевропейскую культуру отъ монгольскаго натиска и поэтому на три столѣтія задержанное въ развитіи и раздробленное на тысячи осколковъ, русская государственность могла справиться со своей колоссальной задачею только путемъ созданія единаго могущественнаго центра, вокругъ котораго могла бы выкристаллизоваться въ національный организмъ аморфная масса разношерстныхъ славянскихъ племенъ. Разнородный культурный составъ имперіи, раскинувшейся на $^1/_6$ часть земной поверхности и включившей въ себя всѣ промежуточныя ступени хозяйственнаго и культурнаго развитія, отъ кочевыхъ племенъ на юго-востокѣ до культурныхъ Польши и Финляндіи на западѣ, не позволялъ разрѣшить поставленную историческую задачу путемъ федераціи равно-культурныхъ и равноправныхъ частей, какъ это имѣетъ мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, создавшихъ эту однородную культуру путемъ безпощаднаго истребленія первоначальнаго, инокультурнаго населенія. Чтобы государственныя функціи не только осуществлялись, но были хотя бы ощутимы на тысячеверстной периферіи, чтобы создать единый государственный организмъ изъ пестрой національной и культурной черезполосицы, необходима была поистинѣ деспотическая, желѣзная централизація.

Того же требовали анархическія свойства славянской расы, о которой сербъ Крижаничъ говорилъ въ XVII вѣкѣ: „не умѣемъ мы ни въ чемъ мѣры держать, среднимъ путемъ ходить, а все норовимъ по окраинамъ да пропастямъ блуждать“. Эту неспособность къ внутренней гражданской дисциплинѣ, расплывчатость и податливость русскаго національнаго характера Герценъ позднѣе опредѣлялъ, какъ „неспособность къ развитію современнаго, европейскаго государственнаго чина“; чѣмъ сильнѣе становилась необходимость создать этотъ „европейскій

государственный чинъ", тѣмъ сильнѣе должна была становиться сдерживающая государственную расплывчатость нашу правительственная централизація. Не случайно, конечно, что самодержавіе развивается въ Россіи по мѣрѣ того, какъ изъ Московскаго княжества выростаетъ государство въ европейскомъ смыслѣ слова, съ „европейскимъ чиномъ".

Въ силу историческихъ условій, россійское государство, какъ цѣлое, не обладало культурно-ассимиляторской способностью, позволившей въ XIII вѣкѣ молодому великорусскому племени мирно ассимилировать рядъ мелкихъ народностей финскаго происхожденія, которыя оно встрѣтило на своемъ пути на сѣверо-западъ. Самое положеніе Россіи на безкрайной равнинѣ, гдѣ скрещиваются сто дорогъ, и отовсюду грозитъ татарское или германское нашествіе, необходимость найти естественныя границы отъ моря до моря и заполнить огромную территорію раньше, чѣмъ по настоящему укрѣплены „собранныя" земли, возложили на великорусскій народъ грандіозную историческую задачу. Эта задача могла быть исполнена только при максимальномъ напряженіи и максимальной концентраціи силъ, при отреченіи въ пользу государства отъ всѣхъ правъ личности. Этимъ объясняется и чудовищный ростъ самодержавія въ Россіи, при столь же чудовищномъ умаленіи правъ личности, и невысокая внѣшняя культура страны. Вся духовная мощь народа ушла на территоріальное „собираніе Руси", на четырехсотлѣтнее исканіе природныхъ границъ на западѣ, востокѣ, сѣверѣ и югѣ; задачи культурнаго оплодотворенія собранной колоссальной территоріи и собственно культурное творчество внутри самого народа были отложены до осуществленія этой первоначальной, насущнѣйшей государственной задачи.

Великодержавный народъ, тяжкими усиліями и неисчислимыми жертвами создавшій мощный государственный центръ объединенія, исчерпалъ, казалось, на этой титанической задачѣ всѣ національныя силы свои: для мирной культурной работы, для культурной ассимиляціи вошедшихъ въ государственное тѣло народовъ у него уже не хватало рессурсовъ. Чувство національнаго самосохраненія диктовало ему, при неспособности къ культурному соперничеству, жестокую притѣснительную политику по отношенію къ стоявшимъ на пути къ осуществленію его исторической задачи народностямъ—слишкомъ слабымъ, чтобы отстоять свою политическую независимость, и слишкомъ культурно стойкимъ, чтобы мирно раствориться въ чуждомъ славянствѣ, какъ растворились въ немъ въ XIII вѣкѣ финскія племена. Такъ, поставленная въ равныя условія борьбы съ польско-католическимъ вліяніемъ, русская національная идея потерпѣла пораженіе въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи въ XVI столѣтіи, когда наиболѣе культурная часть населенія, дворянство, прямо примкнуло къ Рѣчи Посполитой и приняло католичество, а вмѣстѣ съ нимъ римско-польскую культуру, а простой народъ, частью по своей охотѣ, частью насильственно, обращался въ унію. Прибалтійскій край, освобожденный при Петрѣ отъ шведской культурной гегемоніи, былъ незамѣтно отвоеванъ у Россіи германизмомъ. Русская государственность, всецѣло поглощенная задачами территоріальными, могла бороться съ этимъ мирнымъ культурнымъ завоеваніемъ только однимъ оружіемъ: политикой денаціонализаціи, насильственнымъ насажденіемъ великорусскихъ началъ и грубымъ подавленіемъ культурной самобытности.

Но режимъ, основанный на принципѣ насильственности, не могъ держаться даже въ границахъ абсолютно необходимаго. Русская государственная власть, въ сознаніи лежащихъ на ней огромныхъ историческихъ задачъ, переносила свои автократическія замашки и во-внѣ, въ сферу не-русскаго національнаго вопроса. Съ тою же слѣпою механическою силою, съ какою она давила личность русскаго человѣка, стремилась она подавить и національную личность не-русскихъ народностей. Пренебрегая культурною борьбою даже тогда, когда борьба эта была возможна, и прибѣгая, вмѣсто этого, къ механическому принужденію, центральная власть раздражала ненужными притѣсненіями національное чувство даже тѣхъ народностей, которыя искренне считали себя русскими; страхъ передъ сепаратизмомъ, иногда намѣренно раздуваемый, вызывалъ безсмысленное стремленіе нивеллировать всѣ національности Россіи, что порождало, какъ естественную реакцію, національное озлобленіе и національную рознь тамъ, гдѣ для нихъ не было никакихъ основаній. Какая-то ѣдкая культурная зависть, недостойная державнаго народа, проявлялась въ мелочныхъ придиркахъ, въ ненужныхъ ограниченіяхъ, которыя достигали обратной цѣли.

Увѣренный въ своей силѣ и привыкшій къ угнетенію въ внутренней политикѣ, самодержавный строй переносилъ свои полицейскіе навыки и въ область національныхъ отношеній. Ошибки и преступленія русской центральной власти въ національномъ вопросѣ слишкомъ многочисленны и общеизвѣстны, чтобы стоило подробно останавливаться на нихъ. Гоненіе малороссійскаго языка, о которомъ министръ Валуевъ выразился въ 1863 году, что „его не было, нѣтъ и быть не можетъ“; запрещеніе литовскаго (латинскаго) шрифта въ 1865 г. и печатанія бѣлорусскихъ книгъ въ 1876 г., „дабы“, по выраженію Милютина, „русскія письмена докончили въ краѣ то, что начато мечомъ“—вотъ нѣсколько образцовъ того, какъ понимали національный „Kulturkampf“ русскіе бюрократы. Не австрійскія деньги создавали мазепинство въ Малороссіи, а безумная политика русской бюрократіи; не подлинные государственные интересы рождали сепаратизмъ въ Финляндіи, а бездарныя попытки сановныхъ Держимордъ и Угрюмъ-Бурчеевыхъ къ насильственному обрусѣнію края, живущаго совершенно особымъ культурнымъ бытомъ и пользующагося конституціонными правами рядомъ съ безправной Россіей.

III.

Желѣзная централизація, политическая и административная, оправдывавшаяся въ процессѣ собиранія и кристаллизаціи русскаго національнаго тѣла тяжелой исторической необходимостью, потеряла свой raison d'être съ того момента, когда историческая задача была осуществлена, и государство улеглось въ свои естественные берега. Развивавшаяся подъ его защитою личность начала перерастать поставленныя имъ тѣсныя грани. Государственная скорлупа, въ которой развивалась личность русскаго человѣка, и которая защищала эту національную личность отъ внѣшнихъ враждебныхъ покушеній, сдѣлалась тѣсною, ненужною и вредною, ибо она душила развивавшійся въ ней зародышъ. Государственный строй сталъ несовременнымъ, а въ исторіи

несовременность политическаго строя есть тягчайшее преступленіе, которое карается смертью.

Рядомъ съ этимъ обнаружилась огромная потребность въ культурной работѣ, и эта работа также ставила условіемъ освобожденіе личности изъ-подъ тяжелаго государственнаго пресса. Насущныя государственныя задачи, во имя которыхъ русскій народъ отрекся не только отъ политической свободы, но и отъ культурной дѣятельности, и безропотно мирился съ позоромъ рабства и полицейскаго кнута, съ нищетою и невѣжествомъ, были достигнуты. Наступалъ моментъ интенсивнаго культурнаго строительства внутри огромной имперіи, мощно раскинувшейся на двухъ материкахъ, между тремя океанами. Но власть этого не понимала, не желала понять, ибо это лишало ее вѣковыхъ прерогативъ, не оправдываемыхъ болѣе необходимостью. Впрочемъ, была ли когда-нибудь власть, способная понять и добровольно подчиниться требованіямъ своей эпохи, когда эти требованія были направлены на ея ограниченіе? Въ Россіи власть была не лучше и не хуже всякой другой. Она упорно сопротивлялась естественному ходу событій и, своимъ слѣпымъ противодѣйствіемъ всякой реформѣ въ политической и національной области, сама подготовила страшный взрывъ 1917 года. Безцѣльная японская кампанія (и отчасти война 1914 года) была отчаянной попыткой занять воображеніе и силы народа территоріальными задачами и отвлечь ихъ отъ насущнѣйшихъ задачъ культурныхъ и внутренне-политическихъ.

Въ области національной политики этотъ моментъ обозначился пробужденіемъ національнаго самосознанія въ массѣ населяющихъ Россію народностей. Если русскій крестьянинъ или рабочій начали осознавать свою личность въ сферѣ исключительно гражданскихъ отношеній, то эстонецъ или латышъ реагировали, кромѣ того, и на гнетъ національный. Въ послѣднее десятилѣтіе передъ войною національный вопросъ въ Россіи чрезвычайно обострился. Завершившая собою огромный періодъ русской исторіи революція 1905 года выдвинула рядомъ съ требованіемъ политическаго раскрѣпощенія требованіе освобожденія личности національной, которую русская власть подавляла съ тою же тупою жестокостью, обрывая между людьми всѣ живыя связи національнаго языка и національной школы. Основная тенденція развитія Россіи съ объективной необходимостью вела къ автономіи въ цѣломъ рядѣ окраинъ, какъ она вела къ конституціоннымъ формамъ въ самой Россіи. Сколько бы ни цѣплялась самодержавная власть за свою прерогативу душить національную жизнь на периферіи, какъ она душила политическую жизнь въ центрѣ—споръ между личностью и государствомъ былъ рѣшенъ безповоротно.

Война 14-го года поколебала неустойчивое національное равновѣсіе Россіи. Національный лозунгъ, во имя котораго она была начата, обострилъ, рядомъ съ обще-русскимъ національнымъ чувствомъ, и національное чувство не-русскихъ народностей. Призывая своихъ инородныхъ подданныхъ проливать кровь за національную независимость сербовъ и за освобожденіе отъ австрійскаго гнета чеховъ и галичанъ, русское правительство само становилось на почву принципіальнаго признанія національныхъ правъ недержавныхъ народностей и какъ бы выдавало латышамъ, эстонцамъ, литовцамъ обязательство уважать ихъ

національныя права не меньше, чѣмъ права тѣхъ народовъ, на защиту которыхъ выступала Россія. Поэтому, вмѣстѣ съ надеждами на болѣе либеральный курсъ въ внутренней политикѣ, пробудились надежды на перемѣну курса и въ политикѣ національной; польскій манифестъ Верховнаго Главнокомандующаго вел. кн. Николая Николаевича, казалось, въ полной мѣрѣ оправдывалъ эти надежды.

Однако, очень скоро онѣ разсѣялись. Выдавая эти векселя, правительство и не думало по нимъ когда-либо платить. Чѣмъ благопріятнѣе было положеніе на фронтѣ, тѣмъ круче и откровеннѣе становилась „охранительная" политика власти. Правительство теряло послѣдній шансъ примиренія какъ съ обществомъ, такъ и съ инородцами, которые вполнѣ лойяльно откликнулись на призывъ къ участію въ общенаціональной борьбѣ. Самые горячіе патріоты, не считавшіе никакую жертву слишкомъ дорогою цѣною за побѣду надъ Германіей, съ тревогою думали о томъ, что побѣда Россіи, вмѣстѣ съ полнымъ осуществленіемъ исторической задачи объединенія славянства, какъ она понималась въ офиціальныхъ кругахъ, принесетъ съ собою торжество гибельнаго для страны принципа абсолютной централизаціи, но что, съ другой стороны, пораженіе Россіи, помимо всего прочаго, неизбѣжно усилитъ децентралистическія, сепаратистскія, мѣстно-національныя тенденціи и можетъ повлечь за собою небывалый государственный крахъ.

Ходъ событій оправдалъ худшія опасенія. Крушеніе русской государственной идеи произошло задолго до революціи. Раньше, чѣмъ появились первые признаки національнаго распада, государственное единство уже было фактически уничтожено въ области хозяйственныхъ, а потомъ и административныхъ, отношеній. Взаимная связь частей и зависимость ихъ отъ центра ослаблялись по мѣрѣ атрофированія функцій центральной власти и разложенія общегосударственной хозяйственной жизни. Провинція и окраины становились „автономны" не потому, что автономія культурная и хозяйственная дѣйствительно назрѣла, но потому, что разстройство транспорта, паденіе обрабатывающей промышленности и внутренней торговли ослабляли ихъ зависимость отъ центра и его власть надъ ними. Невозможность для полтавскаго крестьянина купить московскій ситецъ или тульскую косу больше способствовала украинскому сепаратизму, нежели агитація профессора Грушевскаго или литератора Винниченко. Этотъ фактъ нужно хорошенько запомнить, ибо онъ ставитъ вопросъ о національной независимости отдѣлявшихся въ 1917 году окраинъ въ тѣсную связь съ экономической катастрофой въ Россіи, а не съ достаточною экономическою самостоятельностью этихъ окраинъ.

Сепаратистскія тенденціи, существовавшія и прежде, по преимуществу въ оторванныхъ отъ массъ интеллигентскихъ кругахъ, начали проникать во время революціи и въ массы. Однако, поскольку рѣчь идетъ именно о широкихъ массахъ, въ безчисленныхъ проявленіяхъ сепаратизма революціонной эпохи нѣтъ и слѣда культурной и политической идеологіи. Это было просто слѣпое стремленіе оборвать послѣднія связи съ гибнущей русской государственностью—не потому, что она *русская*, а потому, что послѣ большевистскаго переворота эта государственность явно находилась въ состояніи полнаго разложенія.

Примѣръ Грузіи въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучителенъ. Еще въ 1918 году, т. е. послѣ большевистскаго переворота, когда отдѣленіе отъ Россіи было, казалось, самымъ безболѣзненнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія, кавказскій краевой совѣтъ принялъ резолюцію Гегечкори, въ которой заявлялось, что Кавказъ „является составной частью Россіи“. Только когда оборвались послѣднія связи между окраиной и центромъ—экономическія, военныя, административныя, политическія, тогда только Грузія стала на точку зрѣнія необходимости отдѣленія. Въ 1919 году грузинскіе націоналисты заявляли: „Для насъ страшно и непріемлемо лишь одно—Россія“[1]; и тотъ же Гегечкори, признававшій недавно, что „Кавказъ является составной частью Россіи“, подалъ совмѣстно съ Аваловымъ заявленіе Лигѣ націй, въ которомъ содержится слѣд. пассажъ: „Независимость Грузіи, Арменіи и Азербейджана необходимы, если только желательно, чтобы новыя Турція и Персія могли развиваться свободно, не находясь подъ *постоянной угрозой сѣвера*“[2]).

Сила, объединявшая пестрый конгломератъ территорій и національностей въ единый государственный организмъ, рухнула, не выдержавъ напряженія, котораго потребовала война. Это была сила по преимуществу механическая, сила полицейскаго принужденія безъ какой-либо національной или государственной идеологіи, и, когда она надломилась, въ государственномъ организмѣ, уже и безъ того лишенномъ экономическихъ связей, оказалось пустое мѣсто. „Десяти тысячъ полицмейстеровъ“, при помощи которыхъ бюрократія насаждала истинно-русскія начала на окраинахъ, оказалось недостаточно, чтобы сохранить государственное единство Россіи.

IV.

Когда пала центральная власть, съ неожиданной силою прорвалась ненависть, которую породила русская государственность, и обнаружились центробѣжныя силы, вызванныя неумѣренной и безцѣльной централизаціей. Цѣлыя области отлагались отъ Россіи—области, связанныя съ нею кровными интересами, общимъ языкомъ и общей культурою. Народы, давно забывшіе свою политическую независимость, и народы, никогда не бывшіе самостоятельными, безконечно малыя національныя песчинки вдругъ обнаружили громадную взаимную отталкивающую силу. Исторія словно повернула вспять и пріостановила процессъ образованія крупныхъ государственныхъ соединеній; центробѣжная сила побѣдила центростремительную, принципъ національнаго самоопредѣленія—чувство государственнаго единства. Какъ въ первозданномъ хаосѣ, исчезла молекулярная сила, и закружились отдѣльные атомы. Украина, Польша, Бессарабія, Грузія, Кубань, Карелія, Донъ, Бѣлоруссія, Сибирь, Туркестанъ, Ингерманландія, Эстляндія, Латвія, Литва, Поморье, Имеретія, Крымъ—все, что еще вчера было географическимъ терминомъ давно

---

[1]) Иптало Кяде, 6 и 13 октября 1919 г. См. В. М. Замѣтки о Закавказьѣ въ „Современныхъ Запискахъ“ № 3, стр. 216. Парижъ, 1921.

[2]) Temps, 15 ноября 1920 г. Тамъ же, стр. 217.

забытаго историческаго происхожденія, вдругъ возжаждало самостоятельнаго государственнаго бытія и потребовало эмансипаціи отъ центра.

Сначала раздавались робкіе голоса, требовавшіе самоуправленія, культурной автономіи, признанія своей національной самобытности. Но съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ обнаруживалось безсиліе и разложеніе центральной власти, провинціальный патріотизмъ заглушалъ элементарное политическое благоразуміе, диктовавшее необходимость и въ бѣдѣ держаться вмѣстѣ, и требованія все возрастали и становились все неумѣреннѣе. Вспоминались національныя притязанія столѣтней давности; изъ архива исторіи вытаскивались покрытыя пылью, забытыя дѣдами національныя обиды—и за эти старыя обиды русской государственной власти сторицею, съ процентами на проценты, расплачивалась Россія.

Складывавшаяся вѣками великая держава разсыпалась, точно карточный домикъ. Съ исчезновеніемъ Великой Россіи, которой былъ нанесенъ смертельный ударъ уже въ первый періодъ революціи, и которую открыто продали въ Брестѣ большевики, исчезла общая идея, единая цѣль, связывавшая отдѣльныя этнографическія группы въ мощный государственный организмъ. „Споръ славянъ между собою" разгорѣлся съ небывалымъ ожесточеніемъ; „самоопредѣленіе народовъ" и осуществленіе „историческихъ правъ" повело къ всеобщей всероссійской потасовкѣ: поляковъ съ малороссами, татаръ съ армянами и армянъ съ грузинами, балтовъ съ эстами и латышами, бѣлоруссовъ и литовцевъ съ поляками. Оказалось, что Россія была великой примирительницей народовъ, ибо, съ крушеніемъ россійской государственности, народы, столѣтіями жившіе въ мирномъ сосѣдствѣ, пришли въ неистовство и затѣяли кровавую усобицу, которою воспользовались, и продолжаютъ пользоваться, въ ущербъ имъ самимъ, всѣ міровыя политическія акулы.

Большевизмъ явился сильнымъ ферментомъ національнаго распада Россіи. Для не пораженныхъ имъ частей, какъ Малороссія и Прибалтика во время германской оккупаціи, такъ и для спрятавшихся за спину Добровольческой Арміи кавказскихъ республикъ, отдѣленіе отъ большевистской Россіи диктовалось чувствомъ самосохраненія, и тамъ, гдѣ не было никакихъ слѣдовъ сепаратизма, онъ возникалъ въ силу *соціальной* ненависти къ совѣтской республикѣ.

Національное чувство оказалось превосходнымъ средствомъ борьбы противъ большевистскаго интернаціонализма. Это учли политическіе дѣятели окраинныхъ государствъ, стремившіеся оторвать отъ Россіи даже части, связанныя съ нею единствомъ экономическихъ и политическихъ интересовъ, а подчасъ даже и общею культурою, какъ, напр., Украина. „Лимитрофы", въ которыхъ сепаратизмъ былъ отнюдь не продуктомъ широкаго народнаго движенія, а едва замѣтнымъ и непопулярнымъ въ массахъ наносно-интеллигентскимъ теченіемъ, вели, и продолжаютъ понынѣ вести, подъ флагомъ борьбы съ большевизмомъ, кампанію за полное и окончательное отдѣленіе отъ Россіи. Это—та цѣна, за которую эстонская, латвійская и литовская республики получили признаніе своей независимости; за свою роль „барьера" противъ большевизма Польша выторговала у версальскихъ узорѣшителей „мандатъ" надъ русской Галиціей, „получила" Волынь и Холмщину и одно время зарилась даже на Кіевъ; подъ тѣми же предлогами Румынія подъ шумокъ „самоопредѣлила" Бессарабію, и всѣ, кому не

лѣнь, грабятъ, какъ никому не принадлежащее добро, „res nullius", русское государственное достояніе.

Подъ маскою агитаціи противъ большевизма, сѣется открытая ненависть къ Россіи, къ русскимъ, къ русской культурѣ; путемъ самыхъ недобросовѣстныхъ натяжекъ, большевизмъ выставляется специфически-русскимъ явленіемъ—какъ будто не справлялъ онъ и въ Финляндіи, и въ Германіи, и въ Венгріи, и въ той же Польшѣ кровавыя тризны свои, какъ будто въ числѣ большевистскихъ комиссаровъ, наряду съ нѣсколькими русскими именами, не насчитывается еще больше Петерсовъ, Дзержинскихъ, Дзевалтовскихъ, Мочабелли, Бела-Куновъ, Нахамкесовъ и Бронштейновъ!

Эта антибольшевистская агитація становится агитаціей антирусской; она направлена на совершенно опредѣленную цѣль: посѣять за короткое время такую ненависть къ Россіи, чтобы самая мысль о возсоединеніи съ нею казалась невозможною.

Удастся ли этотъ планъ? Удастся ли окраиннымъ политикамъ, при содѣйствіи болѣе крупныхъ хищниковъ, раздробивъ Россію на куски и отдѣливъ непроницаемымъ барьеромъ отъ Европы, снова отбросить въ Азію, ко временамъ Ивана Калиты?

Признавая всѣ жестокости и преступленія, ошибки и грѣхи русской государственной власти въ національномъ вопросѣ, мы все же полагаемъ, что планъ этотъ, изобрѣтенный нѣмцами и съ еще большимъ жаромъ подхваченный „нашими союзниками", англичанами, потерпитъ пораженіе въ силу органическихъ законовъ исторіи.

Сильна ли Русь?—Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали.
Смотрите жъ: все стоитъ она!

Народъ, который, при исключительно тяжелыхъ условіяхъ, переживъ 300-лѣтнее татарское иго и непрерывный напоръ латинства, съ одной стороны, и германизма—съ другой, сумѣлъ не только сохранить свое національное обличье, но и раздвинуть свои предѣлы, и, изъ ограниченнаго уголка юго-восточной Европы, мощно раскинуться на два континента, „отъ Перми до Тавриды, отъ хладныхъ финскихъ скалъ до стѣнъ недвижнаго Китая", народъ, выдвинувшійся за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ на степень мірового фактора огромнаго значенія—этотъ народъ долженъ былъ носить въ себѣ жизненныя начала. Переживъ уже однажды, въ XVI-XVII вв., великую государственную смуту не меньшаго значенія, чѣмъ современная, онъ переживетъ безъ ущерба для себя и вторую.

Уже теперь мы можемъ установить, что органическія причины, способствовавшія образованію великой державы вокругъ мощнаго великорусскаго центра, не потеряли своей силы и въ настоящее время. Большинство отдѣлившихся окраинъ обнаруживаютъ обратное экономическое тяготѣніе къ Россіи, даже ослабленной, разоренной большевистской Россіи, и жизнь каждый день даетъ новыя подтвержденія факту, что Россія въ границахъ 14-го года была единымъ хозяйственнымъ и политическимъ организмомъ, отъ распада котораго пострадали *всѣ* со-

ставлявшія его части. Польша не выйдетъ изъ своего экономическаго кризиса, покуда не возстановится сбытъ ея промышленныхъ издѣлій именно въ Россію, и, если экономически Россія можетъ свободно обойтись безъ Польши, то Польша безъ Россіи обойтись никакъ не сумѣетъ. Даже Финляндія, наименѣе связанная экономически съ Россіей, не въ состояніи упрочить свой балансъ, и авторитетный шведскій коммерческій журналъ „Mercator" объясняетъ непрерывное паденіе финской валюты тѣмъ, что „во время русскаго владычества Финляндія имѣла доходы отъ русскихъ дачниковъ и русскихъ войскъ, которые до войны составляли сто милліоновъ марокъ" [1]); благодаря же своей независимости, прибавимъ мы, Финляндія, лишившись русскаго золота, вынуждена въ то же время ассигновать изъ своего 800-милліоннаго бюджета свыше 400 милліоновъ на содержаніе арміи, причемъ именно эти 400 милліоновъ и составляютъ ея ежегодный дефицитъ.

Что же случится съ окраинными государствами, когда имъ придется еще выплачивать проценты на причитающіяся съ нихъ части русскаго государственнаго долга? Вѣдь на долю, напримѣръ, Польши, упадутъ, изъ разсчета 5% годовыхъ, *сто двадцать пять милліоновъ рублей золотомъ*! Изъ какихъ рессурсовъ уплатитъ Финляндія за русское государственное имущество, захваченное въ 1918 году на правахъ „военной добычи", хотя никакой войны ни съ Россіей Временнаго Правительства ни съ совѣтской Россіей она не вела, а, напротивъ, была союзницей совѣтской союзницы—Германіи? А это имущество, въ которое входятъ и оставшіеся на финляндской территоріи военные припасы и матеріалы, и крѣпостныя сооруженія, и зданія казармъ, и пароходы Рус. Общ. пароходства и торговли, оцѣнивается въ *восемнадцать съ половиною милліардовъ*. Что будетъ съ Эстоніей, когда Россія потребуетъ справедливаго разсчета за то государственное имущество, въ видѣ ревельскихъ портовыхъ сооруженій, крѣпости съ ея 14-дюймовыми орудіями, Юрьевскаго университета, оборудованнаго на общеимперскія средства, которое никакъ не можетъ быть подведено подъ понятіе достоянія самоопредѣлившагося эстонскаго народа?

Могутъ возразить: кто же заставитъ независимыя окраинныя государства заплатить русскому народу, если большевистская власть „признала" законность этихъ захватовъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно уже сейчасъ: запросъ въ французской парламентской финансовой коммиссіи объ уплатѣ „лимитрофами" части русскаго государственнаго долга даетъ для этого нѣкоторыя основанія. Не забудемъ, что аналогія въ обоихъ случаяхъ полная, ибо, согласно договорамъ съ совѣтскимъ правительствомъ, „аннулировавшимъ" всѣ иностранные долги Россіи, окраинныя государства освобождаются и отъ платежа по займамъ, что не помѣшало, однако, французскимъ парламентаріямъ требовать отъ нихъ этого платежа. Кредиторы Россіи не могутъ позволить, чтобы имущество ихъ должника разсматривалось, какъ res nullius, потому что это имущество служило обезпеченіемъ долга; нѣкоторые займы, преимущественно французскіе, имѣли и прямое назначеніе, напримѣръ, постройку стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ на польскомъ военномъ театрѣ, отошедшихъ теперь къ Польшѣ.

---

[1]) Приведено въ газетѣ „Новая Русская Жизнь", № 88. Гельсингфорсъ, 19 апрѣля 1921 г.

Все это вопросы, о которыхъ не думали, или, по крайней мѣрѣ, не говорили вслухъ, когда провозглашалась независимость окраинныхъ государствъ. Но о нихъ еще придется крѣпко подумать, когда проснется, наконецъ, упившійся допьяна краснымъ большевистскимъ зельемъ хозяинъ— русскій народъ, и увидитъ, что вѣками накопленное и кровавымъ потомъ политое, добро его разворовано.

Большинству выкроенныхъ изъ живого тѣла Россіи политическихъ новообразованій придется выбирать между двумя возможностями: обратнымъ возсоединеніемъ съ Россіей или участью быть англійскими, французскими или нѣмецкими колоніями. Мы видѣли, какъ „самостоятельность" Эстоніи, напримѣръ, превратилась въ простую перемѣну подданства, сначала, въ 1918 году, изъ русскаго въ германское, а потомъ изъ германскаго въ англійское; самоопредѣленіе Бессарабіи окончилось тѣмъ, что она была „записана" за Румыніей, какъ нѣкогда записывали дарственную на помѣстье съ инвентаремъ и крѣпостными душами; кавказскія республики тоже недолго тѣшились своей независимостью, и быстро превратились въ англійскую „сферу экономическихъ интересовъ".

Эта политическая монструозность, при которой экономически и политически связанныя съ Россіей окраины попадаютъ въ сферу иностранной эксплоатаціи, какъ какое-то Конго или Суданъ, будетъ длиться до тѣхъ поръ, покуда Россія, въ силу внутренняго кризиса, представляетъ въ европейской политикѣ quantité négligeable. Впрочемъ, вѣдь даже нищая и безсильная совѣтская Россія сумѣла отвѣтить на ударъ англичанъ на Балтикѣ еще болѣе чувствительнымъ ударомъ по мусульманскому Востоку. Какъ только Россія оправится, этому положенію, при которомъ крошечная Румынія дерзаетъ *по праву сильнаго* отнимать у Россіи ея провинціи, будетъ положенъ конецъ. Въ нормальной политической обстановкѣ снова придутъ въ движеніе тѣ силы, которыя способствовали территоріальному и политическому росту Россіи, и снова возстановится ея международное вліяніе. Пускай на это потребуется двадцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ—исторія терпѣливѣе насъ, и всѣ нерѣшенные или рѣшенные въ ущербъ русскимъ интересамъ вопросы будутъ снова перерѣшены. Всего вѣроятнѣе, что и обратное возсоединеніе прибалтійскихъ и кавказскихъ республикъ, и возвращеніе Бессарабіи, и вопросъ о Восточной Галиціи рѣшатся мирнымъ путемъ, въ силу одного существованія сильной Россіи, экономически притягивающей окраины, какъ она уже теперь втягиваетъ въ свой хозяйственный оборотъ Латвію, Эстонію, кавказскія республики. Но возможенъ, конечно, и другой исходъ, зависящій не отъ доброй воли, а отъ соотношенія матеріальной силы: Und bist du nicht willig, so brauch' ich Gewalt.

V.

Можно, сколько угодно, бояться Россіи и ненавидѣть ее, но народу, попавшему въ орбиту ея притяженія, немыслимо уйти изъ нея безъ ущерба для самого себя. Это законъ исторіи, законъ чиселъ, космическій законъ массъ. Остановить грандіозную семидесятимилліонную однородную человѣческую волну—историческое движеніе великорусскаго племени, искусственно поставленнымъ барьеромъ немыслимо иначе, какъ противопоставивъ ей столь

же мощную человѣческую плотину. При этомъ энергія отпора должна быть не только равною, но и превосходить силу толчка. Но не разрозненнымъ, ничтожнымъ въ отдѣльности и слишкомъ слабымъ вкупѣ, окраиннымъ образованіямъ удержать это движеніе къ морю, являющееся результатомъ насущнѣйшей потребности, вопросомъ жизни и смерти для 70-милліоннаго народа. Самый обостренный національный индивидуализмъ ничего не можетъ сдѣлать противъ этого стихійнаго потока. Тѣшиться такими планами могутъ только политическіе младенцы съ ихъ новоявленной государственной мудростью, не замѣчающіе того многозначительнаго факта, что *спящая* Россія, тотъ иксъ, который она изъ себя представляетъ для будущаго, и сейчасъ является центральнымъ узломъ міровой политики. Можетъ быть, благодаря тому, что, выкроивъ новую, „версальскую", Европу съ бѣлымъ пятномъ, вмѣсто Россіи, политики Антанты создали положеніе едва удерживаемаго равновѣсія, роль Россіи въ международной политикѣ будетъ весьма значительна, и многіе болѣзненные вопросы будутъ рѣшены гораздо легче, чѣмъ это кажется теперь.

Право окраинныхъ новообразованій на независимость основано на принципѣ самоопредѣленія народовъ. Но этотъ принципъ отнюдь не означаетъ права грабежа въ прошломъ и права на роль тюремщика въ будущемъ. Обосновать свою независимость на эксплоатаціи выгоднаго положенія на границахъ Россіи, быть веревкою на ея шеѣ, къ тому же *только* веревкою, ибо затягивать петлю на нашей шеѣ будутъ другіе—вотъ какой смыслъ придаютъ своей самостоятельности Эстонія, Латвія, Финляндія, Грузія, Польша.

Но въ исторіи и принципы истинны только тогда, когда въ ихъ основаніи лежатъ реальныя силы. На такихъ-то реальныхъ основаніяхъ должна покоиться и политическая независимость претендующихъ на нее государствъ. Есть ли въ основѣ выставляемыхъ нынѣ требованій подобныя реальныя основанія? Мы видѣли, что въ экономическомъ отношеніи единственной будущей базою существованія лимитрофовъ должно явиться ихъ выгодное по отношенію къ Россіи положеніе и возможность эксплоатировать, благодаря этому, Россію.

Такимъ образомъ, вопросъ объ экономической самостоятельности рѣшается отрицательно, ибо самостоятельно, безъ Россіи, эти государства существовать не въ состояніи. Какъ же обстоитъ дѣло съ другою основою политической независимости, съ культурною самобытностью? Такъ же слабо, какъ и съ хозяйственною. Есть мелкія и крупныя этнографическія отклоненія, есть расовыя варіаціи, есть историческая и культурная особность—но нѣтъ именно *самобытности*, того внутренняго органическаго строя, цѣльнаго и законченнаго, который является условіемъ признанія его самостоятельною культурною единицею.

Чтобы не показаться пристрастными или голословными въ оцѣнкѣ національнаго движенія въ окраинныхъ государствахъ, мы сошлемся на мнѣніе именно тѣхъ круговъ, въ которыхъ оно зародилось и развивалось, и которые говорятъ теперь отъ имени своихъ народовъ.

Для этого у насъ есть въ рукахъ „поличное". Это вышедшій въ 1910 году, подъ редакціей А. И. Кастелянскаго, весьма недоброжелательный по отношенію къ Россіи сборникъ „Формы національнаго движенія въ совре-

менныхъ государствахъ".[1]) Въ этомъ объемистомъ (свыше 800 страницъ) сборникѣ, который полезно перечитывать именно теперь, встрѣчаются, поистинѣ, неожиданныя откровенія. Такъ, напр., въ статьѣ „Грузины"[2]), принадлежащей перу того самаго Авалова, который совмѣстно съ Гегечкори представлялъ Лигѣ націй соображенія о необходимости полнаго отдѣленія Грузіи, есть такіе пассажи: „Неотчетливость этого вопроса (національнаго. *Авт.*) и, вообще, *хилость грузинскаго національнаго движенія* оказывается прямымъ послѣдствіемъ общественнаго склада, при которомъ верхи легко подвергаются ассимиляціи и обезличенію, а *народныя массы* представляютъ изъ себя *скорѣе этнографическій матеріалъ, чѣмъ націю, связанную единствомъ сознанія*" (стр. 492). Причины этой „хилости національнаго движенія" Аваловъ видитъ въ недостаточномъ развитіи грузинской прессы, „далеко не всегда объясняющемся деспотической системой управленія" (478), въ упадкѣ грузинскаго языка и литературы и отсутствіи національныхъ организацій (479), а также въ томъ, что въ „Грузіи наибольшимъ успѣхомъ пользовалась партія (соціалъ-демократическая. *Авт.*), наиболѣе равнодушная къ вопросамъ національной культуры и, въ частности, къ вопросу объ автономіи или самоуправленіи" (486). Подводя итоги національному движенію въ Грузіи за послѣднія десятилѣтія, Аваловъ приходитъ къ слѣдующему убійственному для грузинскаго сепаратизма выводу: „Во всякомъ случаѣ, ясно одно: съ точки зрѣнія національнаго развитія—на почвѣ началъ европейскаго національзма,—*грузины произносятъ пока* (это въ 1910 году!) *лишь первыя буквы алфавита*" (493).

Выдающійся украинскій дѣятель до-революціоной эпохи и ярый сепаратистъ въ 1918 году, проф. Грушевскій, въ обстоятельной статьѣ „Украинцы"[3]), и не пытается доказать существованіе самостоятельной украинской культуры, объясняя ея отсутствіе офиціальными гоненіями—хотя вѣдь гоненія, во сто кратъ жесточайшія, не могли задержать развитіе самобытной національной культуры въ смежной Польшѣ. Изъ основныхъ элементовъ національной особности, языка и литературы, вопросъ о языкѣ Грушевскій рѣшаетъ уклончиво: „Считать ли (велико) русскій и украинскій языки самостоятельными языками или же только нарѣчіями—не такъ важно..... Важнѣе то, что... такъ называемый русскій языкъ является литературной обработкой великорусскихъ нарѣчій, и рядомъ съ нимъ обрабатывались литературно и нарѣчія украинскія" (310); однако, этихъ литературныхъ обработокъ украинскаго нарѣчія Грушевскій не указываетъ, и хорошо дѣлаетъ, ибо украинская письменная литература начинается и кончается „Энеидой" Котляревскаго, Марко-Вовчкомъ, Шевченко и—Винниченко, извѣстнымъ и въ качествѣ рьянаго самостійника, и въ качествѣ автора революціонно-эротическихъ романовъ изъ быта.....русскихъ революціонеровъ въ Парижѣ! Поистинѣ, культурная самобытность, тоже еще „произносящая пока лишь первыя буквы алфавита"[4]). Въ результатѣ анализа украинскаго національнаго

---

[1]) „Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ". С.П.Б. 1910. *Россія.* Статьи М. Славинскаго, проф. М. Грушевскаго, Людвига Ромера, Ант. Новины, С. Дубнова, А. Булата, Р. Петерсона, прив.-доц. З. Авалова, Л. Штернберга, А. Букейханова, А. Игельстрома.

[2]) Стр. 471-493.

[3]) Стр. 307-330.

[4]) „Формы нац. движенія", стр. 445-468.

движенія, проф. Грушевскій выставляетъ, какъ конечную цѣль стремленій прогрессивнаго украинства, не отдѣленіе отъ Россіи, самую мысль о которомъ онъ называетъ „порожденіемъ нечистой совѣсти россійской бюрократіи" (314), а національно-территоріальную автономію—требованіе, къ которому горячо присоединится всякій прогрессивный русскій дѣятель, и которое было въ программѣ всѣхъ до-революціонныхъ русскихъ прогрессивныхъ партій. „Чуждое всякой исключительности, всякихъ притязаній на какія-либо привилегіи или историческія права", говоритъ проф. Грушевскій, „прогрессивное украинство не выдѣляетъ разрѣшенія своего національнаго вопроса изъ общей проблемы превращенія старой бюрократической централизаторской Россіи въ свободное правовое государство" (321).

Авторъ статьи „Латыши" Р. Петерсонъ, одинъ изъ видныхъ національныхъ дѣятелей Латвіи, разсматривая вопросъ о латышской автономіи, категорически отрицаетъ не только наличность, но и выгодность сепаратизма для латышей. „Излишне говорить, что объ этомъ никто не думаетъ, даже и нѣмцы... Для латышей же отдѣленіе отъ Россіи было бы, понятно, самоубійствомъ" (464). Вообще, вопросъ о національной враждѣ въ Латвіи разсматривается исключительно въ сферѣ латышско-нѣмецкихъ, но отнюдь не русско-латышскихъ отношеній (465 и сл.)

Эти выдержки можно было бы умножить до безконечности, и онѣ согласно говорятъ о томъ, что для передовыхъ дѣятелей національнаго движенія въ нынѣшнихъ окраинныхъ государствахъ вопросъ о національномъ самоопредѣленіи рѣшался болѣе или менѣе широкой національно-территоріальной автономіей въ предѣлахъ Россіи, но не отдѣленіемъ отъ Россіи.

И это вполнѣ понятно. Страсти тогда не были разгорячены, какъ теперь, когда къ національной розни такъ сильно примѣшивается соціальный испугъ и соціальная ненависть къ большевистской Россіи; собственный удѣльный вѣсъ опредѣлялся болѣе трезво, потому что не кружило голову пьяное вино молодой независимости, и за спиною самостійниковъ, вродѣ Мочабелли, формировавшаго во время войны на нѣмецкія деньги грузинскіе батальоны для „войны съ Россіей", не стояла Англія, поощряющая въ своихъ цѣляхъ разложеніе Россіи на возможно мелкія и безсильныя составныя части. И тогда эстонскіе, латышскіе, грузинскіе, бѣлорусскіе дѣятели болѣе трезво взвѣшивали свои шансы на независимость и возможность и выгодность ея.

Никакія постановленія версальскаго синклита, никакія старанія теперешнихъ окраинныхъ самостійниковъ не въ силахъ измѣнить этого основного факта. Польша, имѣющая собственную культуру, Финляндія, насчитывающая десятки лѣтъ упорной культурной работы, сумѣвшая создать собственную промышленность и эмансипироваться отъ экономическихъ и культурныхъ вліяній Россіи—и онѣ нуждаются въ Россіи, и оживутъ только тогда, когда воскреснетъ Россія. Что же представляютъ изъ себя Эстонія, Латвія, Литва, Бѣлоруссія, Грузія? Какіе экономическіе и культурные рессурсы позволяютъ имъ разсчитывать выйти изъ орбиты россійскихъ интересовъ и, не бросаясь въ объятія Германіи, либо новосозданной „великой Польши", либо Франціи, или Англіи, утвердить свое независимое національно-государственное бытіе? Раз-

счетъ эксплоатировать Россію, быть ея тюремщикомъ у двери въ Европу, какъ надѣется Эстонія? Но вѣдь эти разсчеты никѣмъ не контрассигнованы—ибо не принимаютъ же эстонцы большевистскихъ комиссаровъ за сторону, съ которою можно договариваться! Полагаютъ ли петлюровцы, что быть польской колоніей выгоднѣе для края, нежели, какое угодно, соглашеніе съ Россіей? Если они забыли времена хмельницщины, когда сложилась народная пѣсня:

Та немае лучче, та немае красче, якъ въ насъ на Вкраинi;
Та немае ляха, та немае жида, та немае унiи —

то пускай вспомнятъ хотя бы прошлогодніе подвиги польскихъ „освободителей" во время оккупаціи Украины, пусть спросятъ галичанъ, сладка ли польская власть. Какую выгоду принесла Бѣлоруссія ея независимость? Двойной гнетъ—національный и соціальный, который принесли съ собою польскіе выученики нѣмецкаго гакатизма. Или грузинамъ или Азербейджану улыбается судьба Индіи?

Россію всегда обвиняли въ суровомъ обращеніи съ инородцами, и мы признавали справедливость этого упрека, и вся прогрессивная часть общества негодовала на правительство за его политику въ національномъ вопросѣ. Но развѣ Россія, въ худшія свои времена, доходила когда-нибудь до политики планомѣрнаго, рафинированнаго истребленія цѣлой народности, которую ведетъ въ Восточной Галиціи польское правительство, опираясь на весь народъ, въ томъ числѣ и на польскихъ соціалистовъ? Что всѣ подвиги Муравьева-вѣшателя, ссылки въ Сибирь послѣ возстанія 63-го года, по сравненію съ ужасами, которыми ознаменовалось польское „замиреніе края" въ 1920 году![1])

Мы видѣли и видимъ, какую цѣну имѣетъ эта дешевая нынѣшняя „независимость" для слабыхъ народовъ. Во время германской оккупаціи, Малороссію и Прибалтійскій край грубо, по-солдатски, выкачивала Германія, а теперь ихъ эксплоатируетъ, въ болѣе приличной формѣ, Англія; южная Россія, особенно Кавказъ, представляла изъ себя колонію французовъ и англичанъ въ первой стадіи колонизаціи; Галиція и Бѣлоруссія напоминаютъ Мексику, покоряемую польскими Кортецами. Для большинства новыхъ государственныхъ образованій есть только двѣ возможности: либо найти какой-нибудь модусъ, который позволилъ бы имъ, сохраняя культурную автономію и обезпечивая экономическіе интересы, возстановить нарушенную связь съ Россіей—либо стать добычею Германіи, Франціи, Англіи или Польши.

Мы оставляемъ въ сторонѣ возможность для Россіи въ будущемъ агрессивнаго разрѣшенія окраиннаго вопроса. Но одно все же укажемъ. Если въ вопросѣ о Прибалтикѣ тѣсно переплетены интересы экономическіе и военные (безопасность морского подступа къ Петербургу), то вопросъ о Финляндіи долженъ разсматриваться исключительно съ точки зрѣнія стратегической. Имѣть на разстояніи 40 верстъ отъ столицы сосѣда, который въ любой моментъ можетъ превратить свою территорію, не отдѣленную никакими естественными границами, въ плацдармъ для иноземнаго нашествія, какъ это сдѣлала Финляндія въ 18-мъ году, призвавъ войска фонъ-деръ-Гольца—перспектива, конечно, неутѣ-

[1]) См. документы, приведенные въ книгѣ: Victor P. Hladick. Par le fer et par le feu. (Une année d'administration polonaise). Impr. V. Iek, Paris, 1920.

шительная. И, не покушаясь на финляндскую независимость, мы можемъ признать только два выхода: либо Финляндія заключитъ съ нами оборонительный союзъ и сама возьметъ на себя защиту береговъ, что явится для нея совершенно непосильнымъ бременемъ, либо, если Финляндія такого союза съ нами не заключитъ, мы будемъ вынуждены держать на подступахъ къ столицѣ съ финской стороны огромную армію. Вѣдь, и не опасаясь нашествія изъ-за Сестры-рѣки, мы держали въ Петербургѣ 200-тысячный гарнизонъ. А это, въ свою очередь, и заставитъ Финляндію, изъ опасенія покушеній съ нашей стороны, держать наготовѣ свои вооруженныя силы. Сколько лѣтъ способна она выдержать такое напряженіе? Пять лѣтъ, десять, а потомъ вѣдь—неминуемый крахъ.

Логика вещей и сила фактовъ сведутъ окраинныя государства съ непримиримой позиціи, которую они заняли по отношенію къ Россіи. Пусть только окончится истощающее Россію большевистское безуміе, и страна откроетъ свои неисчерпаемые рессурсы, какъ тотчасъ измѣнится ихъ непримиримо-враждебная оріентація, и начнется неудержимая тяга къ Россіи. Нужно помнить, что добрая доля враждебности объясняется тѣмъ, что сейчасъ Россія ничего не въ состояніи имъ дать, кромѣ большевистской угрозы.

Только возсоединеніе съ Россіей обѣщаетъ малымъ народностямъ не только сохраненіе ихъ національныхъ и культурныхъ требованій, но и охрану ихъ хозяйственныхъ интересовъ и возможность экономическаго расцвѣта. Именно потому, что Россія теперь такъ ослаблена, участіе въ ея возрожденіи обѣщаетъ самыя блестящія возможности. Народности, которыя будутъ участвовать въ ея возстановленіи, займутъ въ ней мѣсто по своему національному, культурному и экономическому удѣльному вѣсу. Но государство, которое будетъ настоль безумно, чтобы встать на дорогѣ 70-милліоннаго народа и взять на себя неблагодарную задачу быть искусственнымъ барьеромъ на его историческомъ пути—оно рано или поздно будетъ раздавлено движеніемъ этой грандіозной массы. Это желѣзный законъ исторіи, законъ чиселъ, территоріи и массы.

Безпричинный страхъ передъ Россіей заглушаетъ у многихъ окраинныхъ политиковъ голосъ элементарнаго благоразумія. Для нихъ Россія осталась тѣмъ же пугаломъ, душительницей малыхъ народностей. Но та Россія, Россія Плеве, умерла, и большевики справили по ней кровавую тризну. Мы тоже многому научились. И урокъ, который преподала намъ исторія на живомъ тѣлѣ нашей родины, во-вѣкъ не забудется нами. Хотя мы мыслимъ Россію единой и недѣлимой—никто не мечтаетъ о возстановленіи стараго полицейскаго государства, никто не рисуетъ ее себѣ съ казацкой нагайкой и тюремнымъ ключомъ въ рукѣ. Единственная форма національной борьбы, которую мы допускаемъ въ будущей Россіи—это мирное соревнованіе населяющихъ ее народовъ, плодомъ котораго явятся не кровь и ненависть, а высшія культурныя цѣнности.

Снова, какъ триста лѣтъ назадъ, русскій народъ стоитъ передъ огромными задачами. Словно вычеркнуты изъ исторіи неисчислимыя

жертвы, которыми онъ, позднѣе другихъ вступившій въ европейскую семью, купилъ свое мѣсто среди великихъ державъ. Выковывавшееся столѣтіями единство русскихъ племенъ разбито; уже какъ будто „изсякаетъ русское море,“ ибо не только не слились въ немъ славянскіе ручьи, но и многоводныя рѣки русскія потекли вспять, въ оставленное въ XVII вѣкѣ польское русло. Намъ снова предстоитъ „собираніе Руси.“ На этотъ разъ, будемъ вѣрить, это будетъ не механическое собираніе, а государственное, основанное на взаимодѣйствіи культуръ, которое одно только способно создать общую культуру, гомогенное государство и единый народъ.

Россія снова отброшена къ временамъ московскаго княжества. Отъ Ледовитаго океана до Чернаго и Каспійскаго морей и отъ Ревеля до Владивостока она окружена непроницаемымъ барьеромъ враждебныхъ государствъ, за которыми стоитъ на стражѣ историческій врагъ нашъ — Англія. Финляндія, отнявшая у насъ единственный незамерзающій портъ на Ледовитомъ океанѣ, Эстонія, захватившая ревельскій портъ и поспѣшившая продать англичанамъ ключъ отъ „окна въ Европу,“ который Петръ Великій добывалъ у Швеціи долголѣтней Сѣверной войною, Латвія съ ея второй балтійской гаванью—Ригою, Литва и Бѣлоруссія, снова попавшія въ польскую орбиту, Великая Польша съ русской Холмщиной, русской Галиціей и русской Волынью, Великая Румынія съ отнятой у насъ Бессарабіей, запертые союзниками Дарданеллы, „покровительствуемыя“ Англіей кавказскія республики, англійская Персія и „опекаемая“ японцами Восточная Сибирь—а въ серединѣ „старый русскій великанъ,“ въ непробудномъ національномъ снѣ...

Страшно за Россію! Сколько силъ, сколько жертвъ и труда потребуется, чтобы снова возстановить все, что за 4 года разрушилъ большевизмъ! Если русская исторія послѣднихъ столѣтій не была сплошною ошибкою, и стремленіе овладѣть выходомъ къ морю черезъ незамерзающія гавани естественно для народа, разселившагося на $^1/_6$ части земной суши—тогда, можетъ быть, русскому народу снова придется продѣлывать и Сѣверныя войны, и Азовскіе походы, и Кавказскія кампаніи. Исторія не въ одинъ день пишется, и мы достаточно молоды, чтобы хотя бы черезъ тридцать или пятьдесятъ лѣтъ сызнова поднять нашъ споръ съ Европою. Если вырождающаяся Франція, спустя сорокъ лѣтъ, свела съ Германіей кровавый счетъ за 70-й годъ, то намъ ли быть маловѣрными и сомнѣваться, что возрожденная Россія получитъ свой реваншъ!

З. Г. Ашкинази.

К. Леонтьевъ о прогрессѣ.

Статья Л. Зандера.
(Окончаніе).

V.

Историческое примѣненіе теоріи.

Какъ Леонтьевъ примѣняетъ свою конструкцію „тріединаго“ процесса къ событіямъ міровой исторіи вообще?

Послѣднюю онъ понимаетъ весьма широко и не ограничивается въ ней одними дѣяніями человѣческими.

Мы уже видѣли, что тріединый процессъ съ очевидностью можетъ быть наблюдаемъ на примѣрахъ всякой органической жизни. Теперь границы его расширяются до крайнихъ предѣловъ мыслимаго, и космическіе катаклизмы также оказываются моментами все той же систематической схемы.

Всякій міръ, всякое небесное тѣло также проходитъ въ теченіе своего существованія черезъ три періода развитія, въ точности соотвѣтствующіе жизни организма: „а) періодъ первоначальной простоты: расплавленное небесное тѣло, однообразное, жидкое; б) періодъ срединный, то состояніе, которое можно назвать цвѣтущей сложностью: планета, покрытая корою, водою, материками, растительностью, обитаемая, пестрая; в) періодъ вторичной простоты: остывшее или вновь, вслѣдствіе катастрофы, расплавленное тѣло и т. д. [1])

Отъ этихъ масштабовъ Леонтьевъ непосредственно переходитъ къ исторіи человѣчества, гдѣ видитъ послѣдовательность тѣхъ же моментовъ и искусствъ и въ политикѣ и въ наукѣ.

Въ періодъ первоначальной простоты мы встрѣчаемъ „циклопическія постройки, конусообразныя могилы этрусковъ, избы русскихъ крестьянъ, дорическій орденъ и т д.; эпическія пѣсни первобытныхъ племенъ, музыку дикихъ, первоначальную иконопись, лубочныя картины и т. д.“ [2]) Всѣ эти произведенія, какъ двѣ капли воды, похожи одно на другое и представляютъ изъ себя только сырой матеріалъ, который долженъ быть использованъ, оформленъ и индивидуализированъ въ періодъ цвѣтущей сложности, въ теченіе котораго мы встрѣчаемъ „Парфенонъ, храмъ Ефесской Діаны (въ которомъ даже на колоннахъ были изваянія), Страсбургскій, Реймскій, Миланскій соборы, Св. Петра, Св. Марка, римскія великія зданія, Софокла, Шекспира, Данте, Байрона, Рафаэля, Микель-Анджело и т. д.“ (ib).

---

[1]) „Вост., Рос. и сл.“ Т. I, стр. 141.
[2]) Ib.

Однако, каждое изъ этихъ эстетическихъ совершенствъ имѣетъ свой естественный конецъ въ дегенерирующей формѣ вторичнаго упрощенія, и въ третьемъ періодѣ смѣшенія и упадка мы находимъ такія безличныя формы, какъ всѣ зданія переходныхъ эпохъ, романскій стиль (до начала готическаго отъ паденія римскаго), всѣ нынѣшнія утилитарныя постройки: казармы, больницы, училища, станціи желѣзныхъ дорогъ и т. д. [1])

Всѣ эти произведенія отличаются одной и той же особенностью—отсутствіемъ внутренняго единства, оригинальности и индивидуальности, однимъ словомъ, стиля, а „въ архитектурѣ единство и есть то, что зовутъ *стиль*. Въ цвѣтущія эпохи постройки разнообразны, въ предѣлахъ стиля; нѣтъ ни эклектическаго смѣшенія ни бездарной старческой простоты. Въ поэзіи то же: Софоклъ, Эсхилъ и Эврипидъ — всѣ одного стиля; впослѣдствіи все съ одной стороны смѣшивается эклектически съ другой, холодно понижается и падаетъ.

Примѣромъ вторичнаго упрощенія всѣхъ прежнихъ европейскихъ стилей можетъ служить современный реализмъ литературнаго искусства. Въ немъ есть нѣчто и эклектическое (т. е. смѣшанное) и приниженное, количественно павшее, плоское. Типическіе представители великихъ стилей поэзіи всѣ чрезвычайно несходны между собой: у нихъ чрезвычайно много внутренняго содержанія, много отличительныхъ признаковъ, много индивидуальности. Въ нихъ много и того, что принадлежитъ вѣку (содержаніе), и того, что принадлежитъ имъ самимъ, ихъ личности, тому единству духа личнаго, которое они влагали въ разнообразіе содержанія. Таковы: Дантъ, Шекспиръ, Корнель, Расинъ, Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Гете, Шиллеръ.

Въ настоящее время, особливо послѣ 48 года, все *смѣшаннѣе* и сходнѣе между собой: общій стиль—отсутствіе стиля и отсутствіе субъективнаго духа, любви, чувства. Диккенсъ въ Англіи и Жоржъ Сандъ во Франціи (я говорю про старыя ея вещи), какъ они ни различны другъ отъ друга, но были оба послѣдними представителями *сложнаго единства*, силы, богатства, теплоты. Реализмъ простой наблюдательности уже потому бѣднѣе, проще, что въ немъ нѣтъ автора, нѣтъ личности, вдохновенія, поэтому онъ пошлѣе, *демократичнѣе, доступнѣе* всякому бездарному человѣку, и пишущему и читающему."

„Нынѣшній объективный, безличный, всеобщій реализмъ есть вторичное, *смѣсительное упрощеніе*, послѣдовавшее за теплой объективностью Гете, Вальтеръ Скотта, Диккенса, прежняго Жоржъ-Санда, больше ничего.

Пошлыя, общедоступныя оды, мадригалы и эпопеи прошлаго вѣка были подобнымъ же упрощеніемъ, пониженіемъ предыдущаго французскаго классицизма, высокаго классицизма Корнелей, Расиновъ, Мольеровъ. [2])

Нельзя не сознаться, что, несмотря на ясность общей схемы и искусный подборъ фактовъ, приводимые Леонтьевымъ примѣры заключаютъ въ себѣ много спорнаго.

Наибольшая трудность встрѣчается, въ данномъ случаѣ, въ выборѣ тѣхъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ можно видѣть законченный циклъ тріединаго процесса. Не можетъ, конечно, быть сомнѣнія въ томъ, что упомянутые Леонтьевымъ архитектурные и литературные памятники принадлежатъ къ лучшимъ созданіямъ, къ благоуханнѣйшимъ цвѣтамъ человѣческой культуры. Однако, несмотря на однородность ихъ стиля, они такъ же не равноцѣнны, съ точки зрѣнія своей цѣльности и единства, и къ нимъ въ отдѣльности такъ же можно приложить схему тріединаго процесса, какъ и къ тому общему отрывку исторіи, въ которомъ они содержатся. Такъ, если мы будемъ разсматривать съ этой точки зрѣнія одну только готическую архитектуру, то мы также найдемъ въ ней три момента: во-первыхъ, такъ называемую строгую готику, представляющую наиболѣе простое и элементарное воплощеніе стремленія къ Богу при посредствѣ доминирующаго во всемъ произ-

---

[1]) „Вост., Рос. и сл." Т. I, стр. 141.
[2]) Ib., стр. 141-142.

веденіи вертикальнаго направленія; во-вторыхъ—„цвѣтущую готику“, гдѣ основная форма стрѣлки обогащена и усложнена орнаментировкой, которая, однако, ясно воспринимается, какъ аттрибутъ общей идеи; и, наконецъ, „пламенѣющую готику“—теряющую основное направленіе мысли въ филиграííой отдѣлкѣ орнаментовъ, въ кружевѣ деталей.

Миланскій соборъ, по сравненію съ Реймскимъ или Фрейбургскимъ, безусловно, будетъ принадлежать къ типу искусства линіи Декаданса, поскольку его общая идея совершенно теряется въ сложности орнаментовъ, такъ сказать, растворяется въ безконечности художественныхъ частностей.

Точно также, если мы сравнимъ чисто человѣческія *(общечеловѣческія)* трагедіи Эврипида съ индивидуально-героическими и демоническими страстями Эсхила, то увидимъ въ первомъ представителя болѣе поздняго времени, „антропологическаго“ періода греческаго мышленія, который, во всей своей геніальности и совершенствѣ, все же таилъ въ себѣ сѣмена тлѣнія (какъ это блестяще доказалъ въ своемъ „Происхожденіи трагедіи“ Ницше).

Такимъ образомъ, методъ Леонтьева содержитъ въ себѣ большую недоговоренность, ставящую подъ сомнѣніе очень многіе изъ его соціологическихъ выводовъ.

Схема тріединаго процесса примѣняется имъ къ исторіи посредствомъ, такъ сказать, простого наложенія, въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь необходима множественность точекъ зрѣнія, и общая конструкція можетъ быть примѣнена къ данному матеріалу только при многократномъ параллельномъ (себѣ) наложеніи, такимъ образомъ, чтобы одинъ и тотъ же отрѣзокъ одновременно участвовалъ въ нѣсколькихъ циклахъ развитія различныхъ единствъ.

Такъ, напримѣръ, средніе вѣка ни въ коемъ случаѣ нельзя разсматривать въ качествѣ одного какого-либо момента схемы тріединаго процесса, ибо, взятые въ связи съ древней исторіей, они дадутъ намъ обильный матеріалъ для изученія разложенія остатковъ эллинско-римской культуры (и остатки эти, въ качествѣ обезличенныхъ и *разлитыхъ* въ чуждой средѣ атомовъ, будутъ носить глубоко безличный и неиндивидуальный характеръ). Взявъ же ихъ въ связи съ послѣдующими вѣками, мы найдемъ въ нихъ всю силу, присущую молодому организму, клѣтки котораго не отличаются другъ отъ друга, потому что еще не успѣли проявить и воплотить тѣ идеи, которыя въ нихъ заложены.

Вся бѣда происходитъ отъ того, что состоянія *еще* не развитого и *уже не* развитого, въ себѣ, ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. И тутъ и тамъ мы встрѣчаемъ аморфную массу, которая характеризуется нами, какъ матеріалъ для развитія или прахъ разложенія, въ зависимости отъ того, въ связи съ чѣмъ и съ какой стороны исторіи ея существованія мы будемъ ее разсматривать.

Вѣдь и на кладбищѣ растутъ цвѣты, и продукты распада похороненной жизни могутъ служить матеріаломъ для возникновенія новой жизни, которая превратитъ безличные останки погибшаго въ свѣжіе побѣги новаго развитія и совершенства.

Такимъ образомъ, соціальное построеніе Леонтьева нуждается въ нѣкоторомъ коррективѣ. Оно является неопровержимо правильнымъ для данной точки зрѣнія. Въ предѣлахъ *даннаго* историческаго цикла

схема тріединаго процесса дѣйствительно даетъ намъ возможность понять и оцѣнить каждый изъ его моментовъ. Но при этомъ необходимо помнить о томъ, что эта оцѣнка является не абсолютной, что характеристика явленія зависитъ отъ того, въ связи съ чѣмъ оно разсматривается, и что, такимъ образомъ, постулатъ цикличности историческаго процесса является необходимой предпосылкой всего построенія.

Между тѣмъ, этотъ путь не является единственнымъ.

Границы условныхъ періодовъ и содержанія историческихъ цикловъ могутъ быть измѣняемы, и, въ зависимости отъ этого, все построеніе получаетъ другой характеръ, отличающійся часто не только по методу работы, но и по послѣднимъ оцѣнкамъ даннаго и выводами относительно его будущихъ судебъ.

Этимъ именно путемъ идетъ въ своихъ соціологическихъ изслѣдованіяхъ Г. Зиммель, выводы котораго было бы чрезвычайно поучительно сравнить съ выводами Леонтьева.

Гораздо болѣе безспорнымъ и яснымъ является примѣненіе схемы тріединаго процесса къ исторіи философской мысли. Къ періоду первобытной простоты здѣсь отнесены простыя изреченія народной мудрости.

„Простыя начальныя системы (Ѳалесъ и т. д.). Цвѣтущая сложность: Сократъ, Платонъ, стоики, эпикурейцы, Пиѳагоръ, Спиноза, Лейбницъ, Декартъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель. Вторичное упрощеніе, смѣшеніе и исчезновеніе, переходъ въ совершенно иное: эклектика, безличные смѣсители всѣхъ временъ (Кузенъ); потомъ реализмъ феноменальный, отвергающій отвлеченную философію, метафизику: матеріалисты, деисты, атеисты. Реализмъ *очень простъ*, ибо онъ даже и не система, а только методъ, способъ; онъ есть *смерть* предыдущихъ системъ. Матеріализмъ же есть, безспорно, система, но, конечно, самая простая, ибо ничего не можетъ быть проще и грубѣе, малосложнѣе, какъ сказать, что все—вещество, и что нѣтъ ни Бога, ни духа, ни безсмертія души, ибо мы этого не видимъ и не трогаемъ руками. Въ наше время это вторичное упрощеніе философіи доступно не только образованнымъ юношамъ, стоящимъ еще, по лѣтамъ своимъ, на степени первобытной простоты, на степени незрѣлыхъ яблокъ, или семинаристамъ циклопической постройки, но даже парижскимъ рабочимъ, трактирнымъ лакеямъ и т. п.

Матеріализмъ всегда почти сопровождаетъ реализмъ, хотя реализмъ самъ по себѣ еще и не даетъ права ни на атеизмъ ни на матеріализмъ. Реализмъ отвергаетъ всякую систему, всякую метафизику; реализмъ есть отчаяніе, самооскопленіе—*вотъ почему онъ упрощеніе!* На матеріалистическіе же выводы онъ правъ все-таки не даетъ.

Матеріализмъ, съ своей стороны, есть послѣдняя изъ системъ послѣдней эпохи; онъ царствуетъ до тѣхъ поръ, пока тотъ же реализмъ не сумѣетъ сказать ему твердо свое скептическое слово".[1])

Этимъ данный историческій циклъ долженъ считаться завершеннымъ; ибо, если отрицаніе составляетъ весь паѳосъ и силу матеріализма, то отрицаніе самаго матеріализма должно означать полное небытіе, отсутствіе всякой конкретной содержательности, переходъ мысли въ чистое ничто. И Леонтьевъ находитъ подтвержденіе этой своей столь парадоксальной, на первый взглядъ, мысли, въ системѣ Эд. ф.-Гартмана, который видитъ въ переходѣ въ небытіе не только логическое завершеніе философской работы мысли, но также и единственно возможный выходъ изъ противорѣчій исторіи и трагедіи человѣческой культуры.

Переходъ въ небытіе можетъ быть разсматриваемъ, только какъ прогнозъ будущихъ судебъ человѣчества. Пока же оно катится по ши-

---

[1]) „Вост., Рос. и сл." Т. 1, стр. 142.

рокой дорогѣ такъ называемаго прогресса, съ радостной мечтой о лучшемъ будущемъ, съ удовлетвореннымъ сознаніемъ преодолѣнныхъ трудностей—глухое къ такимъ скорбнымъ голосамъ, какъ Гартманъ, или даже, какъ самъ Леонтьевъ который, по его собственнымъ словамъ, „за все брался и ничѣмъ никому, кромѣ трехъ человѣкъ, не угодилъ, да и то больше, благодаря личному знакомству.“[1])

VI.

Критика культуры.

Видя самообманъ культурнаго человѣчества, принимающій „неизбѣжную, смертельную болѣзнь за гигіеническій идеалъ и оправдывающій теоретически это самоубійственное движеніе, называя его прогрессомъ къ чему-то лучшему“[2]), Леонтьевъ обрушивается на него съ уничтожающей критикой, неумолимо вскрывая всѣ язвы современной культуры и послѣдовательно доказывая ея разложеніе, вырожденіе и гибель.

Во всѣхъ областяхъ современной жизни зоркій взглядъ Леонтьева улавливаетъ тѣ черты, которыя характеризуютъ третій моментъ его соціальной схемы, то-есть уравненіе и смѣшеніе отдѣльныхъ частей и потерю единства цѣлаго.

Мы уже видѣли, что „отъ XIV и XV до конца XVII и кое-гдѣ до половины XVIII, а частью даже и въ началѣ нашего вѣка, Европа все сложнѣетъ, крѣпнетъ, расширяется на Америку, Австралію, Азію; потомъ расширеніе еще продолжается, но сложность выцвѣтаетъ, начинается смѣшеніе, сглаживаніе морфологическихъ рѣзкихъ контуровъ, религіозныя антитезы слабѣютъ, области и цѣлыя страны становятся сходнѣе, сословія падаютъ, разнообразіе положеній, воспитаній и характеровъ блѣднѣетъ, въ теоріяхъ провозглашаются сперва les droits de l'homme, которыя прилагаются на практикѣ бурно во Франціи въ 89 и 93 г. г. XVIII вѣка, а потомъ мирно, постепенно вездѣ въ XIX вѣкѣ. Потомъ въ теоріи же объявляется недостаточность этого политическаго равенства (упрощенія), и требуется равенство всякое, полное, экономическое, умственное, половое.“[3])

Пожеланія равенства и уравненія не остаются въ теоріи, они переходятъ въ жизнь, воплощаются понемногу въ исторіи, постепенно преобразуютъ соціальную среду, создаютъ новый идеалъ, новый типъ человѣка, и все „изящное, глубокое, выдающееся чѣмъ-нибудь, и наивное, и утонченное, и первобытное, и капризно развитое, и блестящее, и дикое—одинаково отходитъ, отступаетъ передъ твердымъ напоромъ этихъ сѣрыхъ, среднихъ людей“[4]), носителей современной культуры, руководителей послѣдняго человѣчества, идеаломъ которыхъ является средній человѣкъ „честный и трудолюбивый, на всѣхъ похожій и ни во что, кромѣ правоты всечеловѣчества, не вѣрующій и, вдобавокъ, на все болѣе его изящное фыркающій.“[5])

Этотъ процессъ, это „могучее и не всегда понятое движеніе, которое одни зовутъ обновленіемъ и прогрессомъ, другіе—революціей, а я (Леон-

---

[1]) Изъ письма къ А. Александрову отъ 19/1. 1889.„ Богословск. Вѣстн.“ 1914, т. III, стр. 846.

[2]) „Вост., Рос. и сл.“ Т. I, стр. 310.

[3]) „Вост., Рос. И сл.“ Т. 1, стр. 163.

[4]) Ів. т. II, стр. 219.

[5]) Ів. т. II, стр. 213.

тьевъ) предпочитаю называть точнѣе—эгалитарно-либеральнымъ разложеніемъ романо-германской цивилизаціи"[1]), началъ съ особой силой и быстротой развиваться послѣ французской революціи, которая въ точности формулировала его основные факторы: политическую и экономическую *свободу* и гражданское *равенство*, возведя ихъ въ степень соціальнаго идеала и нисколько не думая о томъ, какой результатъ будутъ имѣть эти начала въ ихъ приложеніи къ жизни.

„Эти прогрессивныя идеи очень грубы, просты и всякому доступны („Жрецы и воины всегда обманывали народъ". Не правда ли?). И онѣ казались умными и глубокими, пока были достояніемъ немногихъ избранныхъ умовъ. Люди высокаго ума облагораживали ихъ своими блестящими дарованіями, сами же идеи, по сущности своей, не только оставались ошибочными, но были грубы, противны"[2]). Однако, именно эта простота и явилась причиной того, что ихъ воспріяли массы, и, растворенныя въ количественномъ множествѣ, онѣ имѣли своимъ результатомъ глубокое измѣненіе картины соціальныхъ отношеній, „упрощеніе юридической ткани и бытовой узорности". Мы видимъ, какъ въ сравнительно короткое время повсюду распространяется безспорное „преобладаніе выборнаго начала, демократическихъ конституцій, вполнѣ вольнонаемный трудъ, легкая и безграничная свобода купли, продажи, гражданскій бракъ, краткосрочность и всесословность воинской службы, уничтоженіе родовыхъ правъ и обязанностей, легкая отчуждаемость недвижимой собственности и болѣе быстрый, противъ прежняго, переходъ ея изъ рукъ въ руки, излишнее облегченіе передвиженій и, вообще, ни для чего серьезнаго не нужная быстрота сношеній и, вслѣдствіе всего этого, однообразіе быта, понятій, характеровъ, однородность вкусовъ, привычекъ, потребностей и даже претензій, безъ всякихъ на эти претензіи правъ мистическихъ, родовыхъ, октроированныхъ или пріобрѣтенныхъ дѣйствительно высшими дарованіями."[3])

Такому быстрому перерожденію соціальныхъ тканей человѣчества въ особенности содѣйствовали два обстоятельства: всевозможныя свободы, открывшія силамъ разложенія безграничныя возможности распространенія и укрѣпленія въ сознаніи тѣхъ массъ, которыя по своему духовному развитію не были способны оцѣнить ихъ по достоинству и отбросить эту сладкую и пряную пищу ради трудно выполнимыхъ и не всегда чарующихъ своей формой старыхъ, историческихъ идеаловъ; и техническія возможности чрезвычайно быстраго сообщенія мыслей, передачи всѣхъ, какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ цѣнностей и, вообще, та, „излишняя свобода передвиженія", заботы объ ускореніи которой заняли добрую половину всѣхъ мечтаній и вожделѣній XIX вѣка.

Эта послѣдняя черта современнаго вѣка особенно возмущала эстетическую душу Леонтьева; образъ вѣчно спѣшащаго человѣка, горожанина, буржуа, стремящагося успѣть сдѣлать сто дѣлъ въ одинъ день—образъ, столь характерный для культуры „пара и электричества", былъ глубоко противенъ идеаламъ Леонтьева, всегда искавшаго спокойной гармоніи, стройнаго плана и единства цѣлаго. Въ сутолокѣ же большого города, который является подлиннымъ символомъ культуры XIX вѣка, нельзя найти никакого единства, ибо его жизнь есть точное воплощеніе идеаловъ личной свободы и независимости всѣхъ составляющихъ его частицъ, то-есть, говоря по существу, организованная анархія. Поэтому понятна та радость и удовлетвореніе, которыя испыталъ Леонть-

---

[1]) „Вост., Рос. сл.," т I, стр. 286.
[2]) Ів. т. I, стр. 265.
[3]) Ів. т. II, стр. 186.

евъ, когда епископъ Никаноръ Херсонскій произнесъ при открытіи какой-то желѣзной дороги проповѣдь „о вредѣ желѣзныхъ дорогъ, пара и вообще объ опасностяхъ быстраго движенія жизни". Экспрессъ, бѣшено несущійся въ погонѣ за какими-то неизвѣстными благами, является здѣсь только символомъ всей нашей „культурной" жизни, которая какъ будто поставила себѣ единственной цѣлью преодолѣніе пространства, обрекла ему въ жертву и „непроходимыя лѣсныя чащи, съ ихъ тысячеголосой восхитительной пѣснью хвалы Богу", и наивную простоту сельскаго населенія, съ прокладкой желѣзныхъ дорогъ неизбѣжно становящагося городскимъ, рабочимъ и теряющаго всю поэзію національнаго быта и дѣдовскаго уклада жизни.

„Опасно", говорилъ еп. Никаноръ: „какъ бы земля не стала скоро походить на всемірный паутинникъ, который опутываетъ весь земной шаръ, въ которомъ плаваетъ только отощалый всеядный человѣкъ, какъ голодный паукъ, не имый, кого и что поглотити, такъ какъ самъ же онъ пожралъ, побилъ, истерзалъ все живое на поверхности всей земли".[1]) Эта глубокая мысль, которая, по обстоятельствамъ тогдашняго (да и теперешняго) времени, конечно, могла вызвать только смѣхъ и „гикъ обезьяній", а отнюдь не серьезное къ себѣ отношеніе, а тѣмъ паче сочувствіе [2]) —привела Леонтьева въ восторгъ. Онъ увидѣлъ въ этой проповѣди осуществленіе своей „давнишней и какъ бы несбыточной мечты о русскомъ іерархѣ, громящемъ паръ и всю эту оргію чудовища на какомъ-нибудь вокзалѣ, то-есть въ самой берлогѣ безпощаднаго чудовища".[3])

Однако, скорое и легкое передвиженіе не является только символомъ современной жизни. Воплощаясь въ соціальныя, экономическія и политическія формы, оно создаетъ новый строй, новый бытъ, неизмѣнно разлагающій старые организмы. Особенно ярко проявляется это перерожденіе быта въ сферѣ экономической, гдѣ новый порядокъ явился причиной того строя, который называютъ капитализмомъ. „Либеральному строю обществъ и либеральному движенію умовъ всегда и вездѣ сопутствуетъ въ сферѣ экономической *господство подвижного капитала*, или, проще говоря, *денегъ*, и эта полная свобода богатства, продавать и покупать личную собственность, мѣнять мѣсто осѣдлости и т. д. является одной изъ главныхъ, хотя и не ясно понятыхъ, причинъ общаго разстройства дѣлъ не только у насъ въ Россіи, но и во всей Европѣ"[4]).

Въ результатѣ же всѣхъ этихъ измѣненій, мы стоимъ передъ картиной величайшаго однообразія, сѣрости, скуки и пошлости.

„Вездѣ однѣ и тѣ же болѣе или менѣе демократическія конституціи. Вездѣ германскій раціонализмъ, псевдо-британская свобода, французское равенство, итальянская распущенность, или испанскій фанатизмъ, обращенный на службу той же распущенности. Вездѣ надежды на земное счастье и земное полное равенство". [5])

---

[1]) „Вост., Рос. и сл". Т. I, стр. 393.

[2]) Недаромъ Достоевскій вложилъ эти мысли въ уста полуюродиваго капитана Лебядкина („Идіотъ").

[3]) Ів. т. II, стр. 388.

[4]) Ів. т. II, стр. 121.

[5]) Ів. т. I, стр. 164.

„Повсюду всѣ равны, всѣ сходны, всѣ родственны... Одни успѣхи и одни неудобства; схожіе уставы—одинакій бытъ; сходные вкусы—сходное искусство; сходная философія жизни—одни и тѣ же требованія, одни и тѣ же качества и пороки, однородныя наслажденія—и однородныя страданія... Вездѣ судъ присяжныхъ, вездѣ конституціи, вездѣ паръ и телеграфъ, вездѣ аграрный вопросъ и стачки рабочихъ, вездѣ открытая борьба капитала и труда, вездѣ французская мелодрама, итальянская опера и англійскій романъ". [1])

Такова печальная картина состоянія современнаго человѣчества. Смертоносная болѣзнь пустила въ его тѣлѣ глубокіе корни, перерожденіе и разложеніе его соціальныхъ тканей идетъ неудержимо впередъ, и его окончательная гибель еще ускоряется тѣмъ, что самъ больной не видитъ, не чувствуетъ этой болѣзни, считая всѣ ея зловѣщіе симптомы за признаки выздоровленія и будущаго счастья. Хуже того: вѣдь культура XIX вѣка кичится „критичностью". Она хочетъ не только творить и развиваться, но одновременно какъ бы со стороны созерцать это свое развитіе, контролировать его своимъ разумомъ, умѣрять, или усиливать соотвѣтственно максимамъ цѣлесообразности—однимъ словомъ, жить не непосредственной, а сознательной жизнью. Очень можетъ быть, что утрата этой непосредственности, разслоеніе жизни на два „я"—подлинно живущее и другое, независимое отъ этой жизни, рефлектирующее (этотъ мотивъ мы встрѣчаемъ и у Канта, и у Гете, и у Шопенгауэра)—и есть первая причина разложенія, распаденія на части того, что должно было быть слито въ органическомъ единствѣ.

Но эта неизбѣжная для современнаго человѣчества рефлексія (контроля, разсудка надъ страстями—признакъ старости и опыта si vieillesse pouvait!) хочетъ непремѣнно обосновать всякое движеніе своей жизни, а если таковая происходитъ стихійно, то ей придается цѣнность необходимаго закона природы, который a priori считается очень пріятнымъ и благодѣтельнымъ. „Раціональная, научно-самосознательная Европа не могла и не хотѣла разлагаться эмпирически, неожиданно, нечаянно, какъ разлагались и падали прежнія государства и культурные міры: она выдумала раціональный самообманъ демократическаго и утилитарнаго прогресса". [2]) Его логическимъ завершеніемъ является образъ современнаго идеала „послѣдняго человѣка"; цѣлью всего стоитъ „средній человѣкъ"—буржуа спокойный среди милліоновъ такихъ же среднихъ людей, тоже покойныхъ". [3])

„Родъ его неугасимъ, какъ родъ блохъ—послѣдній человѣкъ живетъ дольше всѣхъ; быть больнымъ и подозрительнымъ кажется ему грѣхомъ, ибо онъ остороженъ.
Надо немного работать, ибо работа—развлеченіе; но оно не должно быть чрезмѣрнымъ.
Богатыхъ и бѣдныхъ больше нѣтъ—и то и другое непріятно.
Властвовать и подчиняться никто не хочетъ—и то и другое скучно.
Мы нашли счастье, говорятъ послѣдніе люди—и моргаютъ". [4])

Какъ гармонируетъ съ этимъ ужаснымъ прообразомъ будущаго тотъ портретъ, въ которомъ Леонтьевъ рисуетъ намъ современнаго культурнаго человѣка: „Никто теперь не стыдится быть слабымъ, больнымъ, робкимъ,

---

[1]) „Вост. Рос., и сл." Т. II, стр. 65.
[2]) „Вост., Рос. и сл." Т. I, стр. 310.
[3]) Ів. т. I, стр. 164.
[4]) Ницше—„Такъ говорилъ Заратустра". I.

безобразнымъ"[1])... „Ахъ, эти нынѣшніе образованные люди! Да вѣдь это болѣе, чѣмъ высшая степень пошлости. Худые, болѣзненные, раздраженные; впалая грудь, длинные костлявые пальцы, борода на впалой груди съ раннихъ лѣтъ, у нихъ почему-то всегда почти огромная"...

Правда, эти специалисты и любители, изучающіе все высокое въ тѣхъ „скучныхъ катакомбахъ пластики, которыя зовутся музеями и выставками", можетъ быть, и понимаютъ изящное со стороны, но *сами-то* они въ жизнь ничего въ этомъ родѣ не вносятъ... „Сами-то они, большею частью, какъ-то плохи—эти серьезные люди"[2])

Но—„мы нашли счастье", говорятъ послѣдніе люди—иморгаютъ.

Процессъ опошленія и вырожденія человѣчества развивается со стихійной силой; ни остановить ни замедлить его невозможно. И, критикуя конечные идеалы культуры, Леонтьевъ ясно сознаетъ, что его слова останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: никакого вліянія на событія, на исторію эта критика имѣть не можетъ, ибо „развѣ метеорологъ, вѣрно предсказывающій погоду, имѣетъ на нее вліяніе?"[3])

Общество, все равно, никогда не опознаетъ того пути, по которому оно катится къ своей гибели, никогда не откажется отъ спокойнаго и пріятнаго либерально-эгалитарнаго гніенія, ибо „нынѣшнее большинство рѣшительно не понимаетъ, что пошло и низменно, что въ жизни изящно и величественно, не понимаетъ даже, что государственно и что негосударственно".[4])

„Общественнымъ мнѣніемъ завладѣло нѣчто среднее, тягучее, безцвѣтное... Чѣмъ неуловимѣе—тѣмъ лучше. Оно и безопаснѣе и понятнѣе для большинства, привыкшаго бродить въ туманѣ недосказаннаго. Правда, многіе, не могущіе примириться съ этимъ идеаломъ „равенства всеобщей сытости" и пошлости, продолжаютъ опьянять себя надеждой, что на почвѣ культурнаго прогресса возможенъ новый расцвѣтъ культуры, новая осложненность духовныхъ и бытовыхъ началъ. Но эта надежда—только жалкій миражъ.

Въ самомъ дѣлѣ: „вообразимъ себѣ, что самый, столь несбыточный во Франціи революціонный и соціальный идеалъ удался бы и пустилъ въ этой странѣ прочные корни; что крупная собственность было бы запрещена закономъ, какъ запрещены теперь разбой и убійство. Что же бы вышло? Обновилась ли бы народная физіономія француза? Ничуть: она стерлась бы еще болѣе. Вмѣсто нѣсколькихъ сотенъ тысячъ богатыхъ буржуа, мы бы получили милліоновъ сорокъ мелкихъ буржуа". [5])

И „стыдно было бы за человѣчество, если бы этотъ подлый идеалъ всеобщей пользы, мелочнаго туда и базарной прозы восторжествовалъ бы навѣки".[6]) А, между тѣмъ, это является необходимымъ слѣдствіемъ совокупныхъ усилій человѣчества, увлеченнаго и очарованнаго религіей всеобщей пользы и всемірнаго довольства.

Для того, чтобы понять гнилость этого движенія, нѣтъ необходимости быть глубокимъ мыслителемъ, не надо даже знать исторіи и жизни. Достаточно одного бѣглаго взгляда на современные идеалы, чтобы понять всю ихъ пустоту и безсодержательность и разъ навсегда исключить ихъ изъ числа идей, могущихъ быть подлинными основами лучшей жизни. „Идея

---

[1]) Вост., Рос. и сл". Т. II, стр. 237.
[2]) Ів. т. II, стр. 400.
[3]) Изъ письма къ В. В. Розанову. „Рус. Вѣстн." 1903, кн. 5, стр. 173.
[4]) „Вост. Рос., и сл." Т. I. стр. 305.
[5]) Ів. т. II, стр. 79.
[6]) Ів. т. I, стр. 300.

всечеловѣческаго блага, религія всеобщей пользы—самая холодная, прозаическая и, вдобавокъ, самая невѣроятная, неосновательная изъ всѣхъ религій. Во всѣхъ положительныхъ религіяхъ, кромѣ огромной поэзіи ихъ, кромѣ ихъ необычайно организующей мощи, есть нѣчто *реальное*, осязательное. Въ идеѣ всеобщаго блага реальнаго *нѣтъ ничего* . Во всѣхъ мистическихъ религіяхъ люди согласны, по крайней мѣрѣ, въ исходномъ принципѣ: „Христосъ Сынъ Божій—Спаситель.“ „Римъ—вѣчный священный городъ Марса,“ „Папа непогрѣшимъ ex cathedrae“, „Одинъ Богъ, и Магометъ пророкъ Его“. А *общее* благо, если только начать о немъ думать (чего обыкновенно, говоря о благѣ и пользѣ, въ наше время и не дѣлаютъ)—что въ немъ окажется реальнаго, возможнаго?“

„Это самое сухое и ни къ чему хорошему, даже ни къ чему обязательному не ведущее отвлеченіе, и больше ничего. Одинъ находитъ, что общее благо есть страдать и отдыхать попеременно и потомъ молиться Богу; другой находитъ, что всеобщее благо—это то работать, то наслаждаться всегда и ничему не вѣрить идеальному; а третій—только наслаждаться всегда и т. д. Какъ это примирить, чтобы всѣмъ было полезно (то-есть, пріятно полезно, а не поучительно полезно)?“ [1])

Ибо даже „удовлетвореніе всѣхъ людей правами (легальнымъ равенствомъ, при отсутствіи равенства дѣйствительнаго), машинами, учеными съѣздами и прорытіями каналовъ по всѣмъ перешейкамъ не сможетъ насытить безконечныхъ вожделѣній человѣчества, потерявшаго истинное мѣрило добра и зла. „Правъ не будутъ чувствовать, добиваться ихъ; юридическое равенство не уничтожитъ неравенства судьбы, удачи, счастья, богатства и здоровья, и даже усилитъ только чувство этого дѣйствительнаго неравенства“.[2])

И человѣчество всегда останется недовольнымъ, даже въ глубочайшей пошлости своего уравненія, и это недовольство вѣчно будетъ тянуть его въ бездну еще большей безсодержательности и сѣрости. Недаромъ же современная культура можетъ удовлетворять только тѣхъ, кто по своему духовному убожеству является подлиннымъ ея дѣтищемъ; всѣ же хоть немного болѣе развитые и чуткіе отвращаются отъ нея съ омерзѣніемъ и предпочитаютъ ей смерть, небытіе... „Культура съ прежнимъ зломъ дала міру такое обиліе умовъ, что ихъ трудно исписать и на длинной хартіи исторіи. Культура же новая, *очищенная*, въ области мысли даетъ намъ или безспорно бездарныхъ Бюхнеровъ или Гартмановъ даровитыхъ, но *отрицающихъ дѣйствительную благотворность прогресса*.“[3])

Послѣдній аргументъ служитъ исчерпывающимъ опроверженіемъ противъ тѣхъ, кто хочетъ доказать цѣнность европейской культуры ссылкой на такихъ ея представителей, какъ Шопенгагуэръ, Ницше, Толстой, Ибсенъ.[4])

Правда, почти одновременное появленіе этихъ мыслителей въ разныхъ странахъ (мы можемъ прибавить къ нимъ имена всѣхъ представителей „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“—религіозныхъ, моральныхъ, художественныхъ, правовыхъ и бытовыхъ, имъ же нѣсть числа) свидѣтельствуетъ о

---

[1]) Ів. т. I, стр. 105.
[2]) Ів. т. II, стр. 94.
[3]) Ів. т. II, стр. 70.
[4]) Ср., напр., П. И. Новгородцева, который въ „Кризисѣ современнаго правосознанія“ идетъ именно этимъ путемъ, ссылаясь на Зиммеля и Гаманна (стр. 299-300).

томъ, что сами они обязаны своей критикой не только личному генію, но и тѣмъ чувствамъ, которыя переживаются всѣмъ человѣчествомъ въ цѣломъ; но даже, если разсматривать ихъ творчество въ связи со всѣми культурно-историческими условіями эпохи, оно все-таки будетъ говорить намъ о вырожденіи и гибели нашей культуры, а отнюдь не предвѣщаетъ новаго его цвѣтенія.

Этотъ кризисъ очень глубокъ, глубже, чѣмъ это можетъ сначала показаться. Съ перваго взгляда кажется, что критика Леонтьева относится только къ идеологіи буржуазно-демократическаго государства и вскрываетъ внутреннюю пустоту тѣхъ принциповъ мѣщанства и посредственности, въ которые съ теченіемъ времени вылились „величавые" лозунги 89 года. Однако, при болѣе внимательномъ анализѣ выясняется, что сфера критики Леонтьева гораздо шире, и что она въ значительной степени распространяется на *всѣ* идеалы современности, какъ буржуазнаго, такъ и соціалистическаго характера. Если бы путь прогресса характеризовался Леонтьевымъ, только какъ движеніе „либеральное", тогда ограниченіе правъ личности и постепенное огосударствленіе жизни, естественно, должно было бы разсматриваться имъ, какъ здоровая реакція противъ человѣкобожія XIX вѣка. Однако, схемы Леонтьева шире.

Культурное движеніе стремится не только къ освобожденію, но и къ уравненію людей, оно есть процессъ либерально-*эгалитарный*; съ этой точки зрѣнія, его критика относится ко всѣмъ соціальнымъ идеаламъ человѣчества in integrum и охватываетъ не только буржуазное царство политической свободы и экономической необходимости, но и идеалъ сытыхъ и довольныхъ въ своихъ мастерскихъ рабовъ.

Въ этомъ пунктѣ идеологія Леонтьева требуетъ значительнаго дополненія и расширенія. Понятіе либерально-эгалитарнаго процесса, принятаго Леонтьевымъ, какъ таковое—само скрываетъ въ себѣ весьма трудную соціологическую проблему. Оно является чрезвычайно сложнымъ синтезомъ двухъ совершенно независимыхъ и даже враждебныхъ другъ другу началъ —свободы и равенства, синтезомъ недосказаннымъ и необоснованнымъ. Ведетъ ли освобожденіе личности къ ея уравненію; совмѣстимо ли постоянно прогрессирующее уравненіе хотя бы съ минимальной дозой свободы; не является ли зависимость этихъ принциповъ другъ отъ друга обратно пропорціональной; возможно ли ихъ чистое примѣненіе, или идеологія всегда должна состоять изъ того или иного соединенія этихъ началъ? И не есть ли само это понятіе contradictio in adjecto? Вотъ вопросы, которые съ діалектической необходимостью слѣдуютъ изъ одного уже понятія „либерально-эгалитарнаго" процесса. Между тѣмъ, никакого отвѣта на эту проблему мы у Леонтьева не находимъ. Либерально-эгалитарный прогрессъ, взятый притомъ, не только какъ идеологія культуры, но и какъ реальное содержаніе исторіи, принимается имъ, какъ данный, возможный и обоснованный и наукой и жизнью.

Сложный узелъ связанныхъ въ немъ проблемъ не распутывается, а разрубается, отвѣтъ дается до правильной и расчлененной постановки вопроса.

Исторически подобный ходъ разсужденія является вполнѣ понятнымъ.

Во время жизни Леонтьева соціализмъ еще не противополагалъ себя столь рѣзко общему освободительному движенію XIX вѣка, какъ сейчасъ (говоря грубо—не отрицалъ свободы certis ipsissimis verbis), соціальныя проблемы еще не были отдѣлены другъ отъ друга и мыс-

лились частями, какъ бы параграфами, общаго культурнаго движенія человѣчества.

О противоположеніи себя культурѣ, объ отмѣнѣ *всѣхъ* старыхъ цѣнностей, о созданіи новаго неба и новой земли—тогда еще рѣчи не было. Классическая соціалъ-*демократія*, ревизіонизмъ и умѣренное въ своихъ программахъ рабочее движеніе въ Германіи еще усиливали это впечатлѣніе единства революціонныхъ силъ европейской культуры, и Леонтьевъ былъ вполнѣ правъ, охватывая всю эту культурную идеологію однимъ понятіемъ либерально-эгалитарнаго процесса.

Только впослѣдствіи движеніе дифференцировалось, проблемы расчленились и діалектически и практически, и то, что было просто и ясно, расколовшись на части, стало предметомъ раздора, оправдывая слова Аристотеля о томъ, что нѣтъ большей ненависти, чѣмъ между братьями.

Поэтому, оцѣнивая Леонтьева, мы должны совершенно отказаться отъ современныхъ категорій соціальнаго мышленія и противополагать не буржуазію и пролетаріатъ, а то и другое вмѣстѣ (слитое въ единую безсословную безцвѣтную массу), принципамъ аристократизма, феодализма, легитимизма и инымъ историческимъ традиціямъ до ультрамонтанства включительно.

Для того же, чтобы соціальная философія Леонтьева сохранила для насъ ароматъ современности, мы должны доказать, что идеологія соціализма, въ глубочайшихъ своихъ основахъ (идея всеобщаго блага, приматъ матеріальнаго благосостоянія, чисто гуманистическая нравственность), совпадаетъ съ идеаломъ французской революціи.

Оставляя въ сторонѣ эту интересную проблему, мы ограничимся тѣмъ поразительнымъ въ своей кошмарной пластичности образомъ будущаго идеала, который даетъ въ своей статьѣ о Леонтьевѣ В. В. Розановъ, и который лучше всякихъ доказательствъ конкретно запечатлѣваетъ глубокую связь между двумя этапами вырожденія человѣчества и культуры.

„Ростъ индустріи и техники, превращеніе въ простую же технику государственнаго управленія и войны, замѣна техникой же искусства и установленіе всюду чудовищныхъ машинъ, къ которымъ, какъ къ каторжной тачкѣ, прикованы нуждой милліоны, которые молились, радовались, удивлялись мірозданію и покрывали его мечтою поэзіи и вымысла—теперь же трудятся, ѣдятъ и, проклиная прошлое свое, ненавидя настоящее, ждутъ, какъ зари, новой жизни, времени, когда къ рядамъ ихъ, уже многомилліоннымъ, присоединятся еще безчисленные милліоны остального человѣчества, и оно все, въ полномъ составѣ, будетъ держать нужную нитку и вертѣть нужное колесо и за это будетъ получать къ обѣду лишній фунтъ мяса, а къ ночи матрацъ и одѣяло, подъ которымъ, наконецъ, не холодно. И среди ихъ безчисленныхъ рядовъ, бродящіе, какъ тѣни, люди, съ книжками и листками, которые имъ говорятъ о счастіи этого труда, учатъ ихъ восторгу передъ этими машинами и шепчутъ о времени, когда къ нимъ придутъ раздѣлить это счастье и этотъ восторгъ и остальные народы, живущіе пока безсмысленной жизнью. Они говорятъ, какъ переставятъ со временемъ ряды, какія имъ устроятъ удобныя нары, и какъ ихъ будутъ кормить—и что тотъ день, когда ни одинъ человѣкъ не останется не занятымъ и ни одинъ же голоднымъ, будетъ днемъ радости, въ который утолятся всѣ желанія.“ [1])

---

[1]) В. В. Розановъ. Теорія историческаго прогресса и упадка. „Рус. Вѣстн.“ 1892, кн. 3, стр. 288.

VII.

Пессимистическое пониманіе исторіи.

Предшествующія умозрѣнія приводятъ къ крайне пессимистической философіи исторіи, переходящей въ политикѣ къ фанатическому реакціонизму, а въ жизни личной—къ резиньяціи отчаянія и безнадежности. Доктрина эта, являющаяся едва ли не самой логической, точной и неопровержимой мыслью изъ всего созданнаго Леонтьевымъ, исчерпывается краткой формулой о необходимости зла, какъ предпосылкѣ всякой жизни.

Однако, подъ перомъ Леонтьева эта мысль не пріобрѣтаетъ обычнаго характера теодицеи, оправдывающей зло, какъ необходимый ингредіентъ мірового процесса и растворяющей его въ безмѣрности божественной любви. Наоборотъ, Леонтьевъ какъ бы съ особой любовью останавливается на необходимости зла, подчеркиваетъ его неизбѣжность и какъ будто радуется насилію и притѣсненію. „Безъ насилія нельзя", говоритъ онъ: „неправда, что можно жить безъ насилія..." [1])

„Благоденствіе земное—вздоръ и невозможность; царство равномѣрной и всеобщей человѣческой правды на землѣ—вздоръ и даже обидная неправда, обида лучшимъ..." [2])

„Въ прогрессъ вѣрить надо, но, не какъ въ улучшеніе непремѣнно, а только какъ въ новое перерожденіе тягостей жизни, въ новые виды страданій и стѣсненій человѣческихъ. Правильная вѣра въ прогрессъ должна быть пессимистическая, а не благодушная, все ожидающая какой-то весны".[3]) Человѣчество всегда въ чемъ-нибудь ошибалось. Оно ошиблось и теперь, воображая, что созидаетъ нѣчто, уравнивая общество во имя правъ и благоденствія. Оно этимъ приготовляетъ лишь размягченную почву для новаго какого-то (юридическаго даже) неравенства, для новаго рода *организованной* муки"... [4])

Въ этомъ зловѣщемъ пророчествѣ слышится даже какая-то нотка радости. И дѣйствительно, къ противникамъ своей идеи Леонтьевъ относится далеко не толерантно. Всеобъемлющую любовь Христа, съ его непротивленіемъ злу и примиреніемъ съ жизнью и міромъ, онъ презрительно называетъ „розовымъ христіанствомъ", слащавымъ искаженіемъ истинной религіи, единственное воплощеніе которой онъ видитъ въ византійскомъ православіи, строгомъ и аскетическомъ, формальномъ и холодномъ, скорѣе эстетически государственномъ, чѣмъ религіозномъ.

„И теперь (то-есть, во время торжества враговъ) не слѣдуетъ ихъ любить; мириться съ ними не должно... Ихъ должно желать добра лишь въ томъ смыслѣ, чтобы они опомнились, измѣнились—то-есть самаго высшаго добра, идеальнаго.. А если ихъ поразятъ несчастія, если они потерпятъ гоненія, или какую иную земную кару, то этому роду зла можно даже вечно и порадоваться". [5]) Не о личныхъ чувствахъ здѣсь, конечно, идетъ рѣчь. Зло, страданіе, муки разсматриваются Леонтьевымъ, какъ прагматически необходимыя предпосылки, какъ условія, безъ которыхъ невозможна и самая религія."

Вѣдь религія есть красота, а красота соткана изъ противоположностей.

---

[1]) „Вост. Рос. и сл." Т. II, стр. 80.
[2]) Ib. т. I, стр. 265.
[3]) Ib. т. II, стр. 135.
[4]) Ib. т. II, стр. 166.
[5]) Ib. т. II, стр. 287.

„Поэзія земной жизни и условія загробнаго существованія — одинаково требуютъ сплошной какой-то любви, которая и невозможна, и не постоянной злобы, а, говоря объективно, нѣкоего, какъ бы гармоническаго, въ виду высшихъ цѣлей, сопряженія вражды съ любовью. Чтобы самарянину было кого пожалѣть и кому перевязать раны, необходимы же были разбойники. Разумѣется, при этомъ, естественно, слѣдуетъ задать вопросъ: кому же взять на себя роль разбойника, кому же олицетворять зло, если это не похвально? Церковь отвѣчаетъ на это не моральнымъ отвѣтомъ, обращеннымъ къ личности, а единымъ общеисторическимъ пророчествомъ: будетъ зло“. .

Да, но это пророчество въ устахъ Церкви соединено съ великой скорбью. Эсхитологическія пророчества Евангелія (Мѳ. гл. 24, ст. 2-45) проникнуты глубокимъ сочувствіемъ къ бѣгущимъ, несчастнымъ, страдающимъ людямъ. И зло это постоянно подтверждается, какъ временное, безсильное, обреченное. Воскресеніе и *жизнь*—вотъ вѣчный лейтмотивъ Христова Евангелія; подлинное выраженіе чувства близости человѣка къ Богу выражается не въ страхѣ и въ трепетѣ (*физическомъ* страхѣ, какъ подчеркиваетъ Леонтьевъ), но въ радостномъ. „Смерть, гдѣ твое жало, адъ, гдѣ твоя побѣда!“

Леонтьевъ же какъ будто сочувствуетъ этому необходимому злу. Война восхваляется имъ, какъ величайшее человѣческое дѣло. „Великая вещь—война. Правъ былъ тотъ, кто назвалъ войну „божественнымъ учрежденіемъ“. Это огонь пожирающій, правда, но за то и очистительный“.[2])

Однако, главную цѣнность войны Леонтьевъ видитъ не въ самопожертвованіи героя, не въ нравственной силѣ побѣдителя. *Эстетика* войны—вотъ что плѣняетъ Леонтьева; и, съ этой точки зрѣнія, понятно, что онъ долженъ былъ предпочитать красочную и полную контрастовъ войну мирному обывательскому существованію; единственный разъ онъ сочувственно отозвался о Прудонѣ—это за то, что въ книгѣ послѣдняго о войнѣ и мирѣ есть спеціальная глава „L'esthétique de la guerre“. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что принципъ эстетизма равносиленъ для Леонтьева съ началомъ жизни, и при этой предпосылкѣ его выводы получаютъ неопровержимую силу. Съ этой точки зрѣнія, зло не только неизбѣжно въ жизни, но необходимо діалектически, ибо безъ него не могло бы получить свое воплощеніе и добро. Поэтому недопустимы и стремленія разрушить это зло и избавить человѣчество отъ тѣхъ болѣзней, которыя должны вѣчно побуждать его къ самосовершенствованію.

„Горе, страданіе, разореніе, обиду христіанство зоветъ даже иногда посѣщеніемъ Божіимъ. А гуманность простая хочетъ стереть съ лица земли эти полезныя намъ обиды, разоренія и горести,“ [3]) и это является, съ точки зрѣнія Леонтьева, явно антихристіанскимъ дѣломъ, ибо „Божественная истина Евангелія земной правды не обѣщала, свободы юридической не проповѣдывала, а только нравственную, духовную свободу, доступную и въ цѣпяхъ. Мученики за вѣру были и при туркахъ, при бельгійской конституціи едва ли будутъ и преподобные; развѣ „о

---

[1]) „Вост., Рос. и сл.“ Т. II, стр. 288.
[2]) Ів. т. II, стр. 79.
[3]) Ів. т. II, стр. 310.

равенствѣ и свободѣ юродивые," вродѣ нашихъ подлыхъ благотворителей, стрѣляющихъ изъ револьверовъ въ генераловъ." [1])

Нѣтъ нужды указывать, сколь опасенъ этотъ путь полнаго и всецѣлаго оправданія зла. Конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что мученики возможны только при наличіи мучителей, но даетъ ли это право желать продолженія гоненій и страданій, а, тѣмъ паче, проповѣдывать ихъ—это еще большой вопросъ. Мрачной философіи Леонтьева въ этомъ отношеніи ярко противопоставляется мысль Вл. Соловьева, который, стоя на исключительно религіозной почвѣ (не на эстетическо-византійскомъ православіи, а на подлинной мистикѣ богообщенія, соединенной съ истинной нравственной святостью и глубокими богословскими познаніями), строилъ свою философію исторіи, какъ картину развивающейся міровой драмы, и видѣлъ въ ней не безсмысленные corsi et ricorsi историко-культурныхъ цикловъ, но стройное цѣлое, охваченное единою божественною мыслью. Поэтому и культура мыслилась имъ, не какъ атеистическая дегенерація, но какъ своеобразное выраженіе духа Божія, который „дышитъ, идѣже хощетъ."

Эта мысль о божественности культуры была столь противна Леонтьеву, что, какъ только Соловьевъ ясно формулировалъ ее въ одномъ рефератѣ, Леонтьевъ совершенно разорвалъ съ нимъ всякія сношенія, называя его (правда, въ частномъ письмѣ Александрову) сатаною, считая его самымъ опаснымъ, опаснѣе нигилистовъ, врагомъ христіанства, проектируя даже его изгнаніе изъ Россіи и запрещеніе всѣхъ его сочиненій [2]). Подобныя мысли пріобрѣтаютъ особое значеніе, если принять во вниманіе, что духовный авторитетъ Соловьева въ глазахъ Леонтьева былъ столь великъ, что послѣдній неоднократно признавался въ томъ, что сочиненія Вл. Соловьева были почти единственными среди современныхъ мыслей, оказавшими на него сильное вліяніе и даже заставившими его усомниться и пересмотрѣть нѣкоторыя изъ своихъ посылокъ [3]). Коренного расхожденія во взглядахъ Леонтьевъ, однако, не выдержалъ.

Доктринѣ Леонтьева принадлежитъ огромная заслуга выявленія, если не цѣнности, то, во всякомъ случаѣ, *значенія* зла, которое дѣйствительно неизбѣжно во временномъ процессѣ, въ жизни міра и человѣчества. Леонтьевъ рѣзко подчеркнулъ то положеніе, что царство Божіе—не отъ міра сего, что стремленіе своими силами превратить въ безусловный рай нашу юдоль скорби есть безумная попытка сатанинской гордости и антихристіанскаго безбожія.

Но онъ въ своихъ осужденіяхъ перешелъ границы и, наряду съ религіей человѣкобожія, проклялъ всякое стремленіе улучшить жизнь, сдѣлавъ хотя бы одинъ шагъ въ сторону идеала. И этимъ онъ отрѣзалъ себѣ пути къ какой бы то ни было надеждѣ и жизни и неизбѣжно пришелъ къ полному отрицанію смысла исторіи, къ крайнему пессимистическому ея пониманію. Вся исторія состоитъ и должна состоять изъ страданій; вычеркнувъ ихъ, мы прекратимъ самую нить времени и уничтожимъ самую возможность воплощенія добра.

---

[1]) Ib. т. 8, стр. 265.
[2]) Письмо къ А. Александрову отъ 23.X 1891 г. „Богословск. Вѣстн." 1915, т. I, стр. 27-29.
[3]) Письма К. Леонтьева къ В. Соловьеву въ статьѣ А. Александрова „Памяти Вл. Соловьеву". „Новое Время". 1900 г., 7 авг.

Блаженни миротворцы, ибо *неизбѣжны распри*.... Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, ибо правды всеобщей здѣсь не будетъ. Иначе зачѣмъ же алкать и жаждать? Сытый не алчетъ, упоенный не жаждетъ.

„Блаженни милостивые, ибо всегда будетъ кого миловать; униженныхъ и оскорбленныхъ кѣмъ-нибудь (тоже людьми), богатыхъ или бѣдныхъ, все равно[1]). И, съ христіанской точки зрѣнія, можно сказать, что воцареніе на землѣ мира, благоденствія, согласія, общей обезпеченности и т. д. было бы величайшимъ бѣдствіемъ, въ христіанскомъ смыслѣ...“[2])

И, наоборотъ, великія общественныя несправедливости, т. е. сословное давленіе, деспотизмъ, опасности, сильныя страсти, предразсудки, суевѣріе, фанатизмъ[3])—вотъ что создаетъ великіе и сильные характеры, что составляетъ цѣнность, смыслъ исторіи, что дѣйствительно оправдываетъ жизнь человѣчества. Что же касается самого человѣчества, которое должно испытать всѣ эти страданія, для того, чтобы его боль музыкально слилась съ его радостями въ гармоничное художественное произведеніе, то Леонтьевъ обращается къ нему съ жестокими и безнадежными словами—абсолютной резиньяціи и покорности судьбѣ:

„Терпите! Всѣмъ лучше никогда не будетъ. Однимъ будетъ лучше, другимъ станетъ хуже. Такое состояніе, такія колебанія горести и боли—вотъ единственно возможная на землѣ гармонія. И больше ничего не ждите... Помните и то, что всему бываетъ конецъ; даже скалы гранитныя вывѣтриваются, подмываются; даже исполинскія тѣла небесныя гибнутъ... Если же человѣчество есть явленіе живое, органическое, то тѣмъ болѣе ему долженъ наступить когда-нибудь конецъ. А если будетъ конецъ, то какая нужда заботиться намъ о благѣ будущихъ, далекихъ, вовсе даже непонятныхъ намъ поколѣній! Какъ мы можемъ мечтать о благѣ правнуковъ, когда мы самое ближайшее къ намъ поколѣніе сыновъ и дочерей вразумить и успокоить дѣйствіями разума не можемъ! Какъ можемъ мы надѣяться на всеобщую нравственную или практическую правду, когда самая теоретическая истина или разгадка земной жизни до сихъ поръ скрыта для насъ за непроницаемой завѣсой; когда и великіе умы и цѣлыя націи постоянно ошибаются, разочаровываются и идутъ совсѣмъ не къ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ они искали? Ничего нѣтъ вѣрнаго въ реальномъ мірѣ явленій“.

„Вотъ та пессимистическая философія, которая должна рано или поздно, и, вѣроятно, послѣ цѣлаго ряда ужасающихъ разочарованій, лечь въ основаніе будущей жизни“[4].)

Пессимистическое міросозерцаніе Леонтьева безповоротно отвергаетъ какія бы то ни было надежды и чаянія лучшаго будущаго. Но процессъ исторической эволюціи имъ отнюдь не отрицается; напротивъ, именно смѣна однѣхъ формъ другими, постоянное измѣненіе характера человѣческихъ страданій и составляетъ содержаніе исторіи. Съ воцареніемъ всечеловѣческой правды и всеобщаго равенства—состоянія, которое, въ качествѣ осуществленнаго идеала, необходимо должно мыслиться, какъ неизмѣнное и закрѣпленное на вѣчныя времена—всякая жизнь, естественно, должна была бы прекратиться, міръ долженъ былъ бы перейти въ ничто.

---

[1]) „Вост., Рос. и сл.“ Т, II. стр. 295.
[2]) Ib. т. II, стр. 168.
[3]) Ib. т. II, стр. 215.
[4]) Ib. т. II, стр. 290-291.

VIII

Прогнозъ будущаго.

Этотъ выходъ усматривается Леонтьевымъ въ качествѣ необходимаго слѣдствія перманентнаго развитія либерально-эгалитарнаго процесса, ибо человѣчеству, освободившемуся отъ всѣхъ жизненныхъ тягостей, разрѣшившему всѣ проблемы и осуществившему всѣ свои мечты и желанія, не къ чему болѣе стремиться, нечего больше желать. „Трудъ историческій оконченъ, человѣчество пусто отъ другихъ желаній, кромѣ желанія умѣренной ѣды, умѣреннаго тепла для своихъ членовъ. Чѣмъ еще *беременѣетъ* оно? Итакъ, не ясно ли, что „сойти въ землю, изъ которой взято"—есть все, что еще ожидается отъ него Предвѣчнымъ Источникомъ, Который его вызвалъ тысячелѣтія назадъ къ жизни. Оно уже и сходитъ, уже ступаетъ ногами въ могилу, еще не чувствуя этого, обманчиво думая, что куда-то идетъ, къ чему-то „далекому стремится"[1]). И если даже эта мысль о скорой *гибели* человѣчества можетъ показаться странной и химеричной, то, оцѣнивая его современное состояніе, мы не можемъ не согласиться съ печальными мыслями Леонтьева, который объективно и спокойно пишетъ объ этомъ предметѣ въ интимномъ письмѣ своему другу: „Человѣчество, безъ сомнѣнія, очень устарѣло. Сама сила точной науки (или, вѣрнѣе, ея приложеніе), на которую почти всѣ молятся, и противъ которой даже столь смѣлый еп. Никаноръ и я, которому терять въ литературѣ нечего, едва, едва смѣемъ кое-что говорить—сама сила этой науки есть признакъ глубокаго устарѣнія, стариковскій *интересъ*: „*удобства*, удобства, удобства... И Эд. фонъ-Гартманъ вѣрно „чуетъ" дѣло, когда говоритъ, что признакъ близости конца для человѣчества есть преобладаніе *сознательнаго надъ безсознательнымъ*. Въ этомъ онъ совпадаетъ съ христіанствомъ: „плоды древа познанія добра и зла" убійственны для людей, и, насытившись ими до высшей мѣры своей, человѣчество уже не найдетъ обратнаго пути къ „древу жизни"[2]).

Воистину, Hora novissima, tempora pessima sunt. Vigilemus!

Таковымъ представляется естественный конецъ человѣческой исторіи, если разсматривать ее примѣнительно къ схемѣ тріединаго процесса и культурныхъ цикловъ.

И вотъ тутъ мы встрѣчаемся съ проблемой, только намѣченной Леонтьевымъ, но не разрѣшенной имъ въ полной мѣрѣ. Вѣдь историческіе циклы смѣняютъ другъ друга; они послѣдовательно погибаютъ, но жизнь отъ этого не уничтожается; наоборотъ, распаденіе одного даетъ матеріалъ для образованія новаго организма—и съ этой точки зрѣнія разложеніе буржуазно-демократической культуры, можетъ быть, должно послужить навозомъ для роста культуры новой, молодой?

Такъ эта проблема и воспринимается въ соціалистической идеологіи, гдѣ лейтмотивомъ является, именно, построеніе новаго міра на обломкахъ и изъ обломковъ стараго. И Леонтьевъ предвидитъ (хотя и очень туманно) построеніе такой идеологіи, которая, естественно, возможна только потому,

---

[1]) В. В. Розановъ. Теорія историческаго упадка и прогресса. „Русск. Вѣстн". кн. 3, стр. 297.

[2]) Изъ письма къ А. А. Александрову отъ 3/V 1890. „Богословск. Вѣстн." 1914, т. 3, стр. 860.

что зло, вообще, неистребимо, что его не сможетъ вытравить никакая культура, никакой прогрессъ, что „съ этимъ ужаснымъ Ариманомъ не справиться ни намъ ни санктпетербургскимъ и парижскимъ Ормуздамъ, въ очкахъ и гадкихъ фракахъ".[1]) И это слава Богу!

„Въ концѣ концовъ, либерально-эгалитарный прогрессъ долженъ привести или ко всеобщей катастрофѣ, или къ болѣе медленному, но глубокому перерожденію человѣческихъ обществъ, на совершенно новыхъ и вовсе уже не либеральныхъ, а, напротивъ того, крайне стѣснительныхъ и принудительныхъ началахъ. Быть можетъ, явится рабство своего рода, рабство въ новой формѣ—вѣроятно, въ видѣ жесточайшаго подчиненія лицъ мелкимъ и крупнымъ общинамъ, а общинъ государству. Будетъ новый феодализмъ, феодализмъ общинъ"[2].)

Казалось бы, что образъ этого новаго неравенства долженъ былъ удовлетворить Леонтьева, поскольку онъ обѣщаетъ развитіе новаго культурнаго цикла, создаетъ новое многообразіе, объединенное государственнымъ единствомъ. Однако, отношеніе Леонтьева къ соціализму рѣзко отрицательное.

„Мы признаемся откровенно," говоритъ онъ по поводу усмиренія коммуны 71 года Тьеромъ и Макъ-Магономъ, „что не можемъ даже притвориться сочувствующими той или другой сторонѣ. Для насъ одинаково чужды и даже отвратительны обѣ стороны: и свирѣпый коммунаръ, сжигающій тюльерійскія сокровища, и невѣрующій охранитель капитала, республиканецъ, лавочникъ, одинаково враждебный и Церкви своей, и монарху, и народу".[3])

Объясненіе этому обстоятельству уже дано. Схемы Леонтьева и его критика культуры обнимаютъ не доктрину, не партію, не направленіе, но всю идеологію, лежащую въ основѣ какъ демократическаго, такъ и соціалистическаго государства. Прогрессъ характеризуется Леонтьевымъ, какъ воплощеніе двуликаго либерально-эгалитарнаго идеала, и изъ этихъ двухъ началъ—либерализмъ получаетъ свое адекватное осуществленіе въ буржуазно-индивидуалистическомъ капитализмѣ, тогда какъ эгалитаризмъ находитъ себѣ выраженіе въ его естественной антитезѣ, соціализмѣ, который, однако, всецѣло опирается на тотъ же самый фундаментъ матеріалистическаго міровоззрѣнія и плутократическаго идеала.

„Индивидуализмъ торжествуетъ; но зато какую же бурю коммунистической реакціи повлечетъ за собой это медленно продолжающееся съ XVIII вѣка сожиганіе государства со всѣми его національно-историческими особенностями на алтарѣ новаго язычества, новой и странной вѣры (боимся произнести, до того намъ непонятно это чувство) на алтарѣ вѣры въ достоинство и права обыкновеннаго европейскаго буржуа". [4]).

Эстетическое міровоззрѣніе Леонтьева борется не противъ мѣщанъ, господствующихъ въ реальной жизни демократическаго государства, но противъ того мѣщанскаго духа, противъ той религіи сытаго желудка и спокойнаго прозябанія, которымъ проникнута вся „культурная" идеологія XIX вѣка.

---

[1]) „Вост., Рос. и. сл." Т. II, стр. 141.
[2]) Ib. т. II, стр. 92. Если мы въ этой цитатѣ замѣнимъ политическое понятіе общины понятіемъ профессіональнаго союза, которое является результатомъ абстрактно-экономической, классовой переработки основныхъ соціальныхъ принциповъ—то и получимъ современную схему принудительной государственной организаціи труда.
[3]) Ib. т. II, стр. 45.
[4]) Ib. т. II, стр. 100.

И, съ этой точки зрѣнія, новый циклъ культуры можетъ быть принесенъ только извнѣ, народомъ, еще не участвовавшимъ въ сложномъ цвѣтеніи романо-германской цивилизаціи. Все же, что исходитъ изъ нѣдръ старой культуры, заражено трупнымъ ядомъ и само обречено, въ крайнемъ случаѣ, на медленное и безболѣзненное умираніе. Поэтому понятно, что перспективы, намѣчаемыя Леонтьевымъ, современному европейскому человѣчеству оказываются безнадежными и жестокими—какимъ бы путемъ оно ни пошло. Но люди не хотятъ видѣть этого и предполагаютъ жить въ сладцавомъ ожиданіи будущаго благополучія; тѣмъ хуже для нихъ!

Исторія сама познакомитъ ихъ съ своей трагедіей и заставитъ ихъ пережить то, что не мерещилось имъ даже въ самыхъ кошмарныхъ снахъ. „Соціально-политическіе опыты ближайшаго грядущаго (которые, по всѣмъ вѣроятіямъ, неотвратимы) будутъ, конечно, первымъ и важнѣйшимъ камнемъ преткновенія для человѣческаго ума на ложномъ пути исканія общаго блага и гармоніи. Соціализмъ (то-есть, глубокій и отчасти насильственный экономическій и бытовой переворотъ) теперь, видимо, неотвратимъ, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторой части человѣчества!“

„Но, не говоря уже о томъ, сколько страданій и обидъ его воцареніе можетъ принести побѣжденнымъ (то-есть, представителямъ либерально-мѣщанской цивилизаціи), сами побѣдители, какъ бы прочно и хорошо они ни устроились, очень скоро поймутъ, что имъ далеко до благополучія и покоя. И это, какъ дважды два—четыре, вотъ почему: эти будущіе побѣдители устроятся или свободнѣе, либеральнѣе насъ, или, напротивъ того, законы и порядки ихъ будутъ несравненно стѣснительнѣе нашихъ, строже, принудительнѣе, даже страшнѣе. Въ послѣднемъ случаѣ, жизнь этихъ новыхъ людей должна быть гораздо тяжелѣе, болѣзненнѣе жизни хорошихъ, добросовѣстныхъ монаховъ въ строгихъ монастыряхъ. А эта жизнь для знакомыхъ съ ней очень тяжела: постоянный тонкій страхъ, постоянное неумолимое давленіе совѣсти, устава и воли начальствующихъ.... Если же та часть человѣчества, которая захочетъ испытать на себѣ блаженство (?) вовсе новыхъ общественныхъ и экономическихъ условій, устроится свободнѣе нашего, то она будетъ повержена въ состояніе какъ бы признанной въ принципѣ и узаконенной анархіи, подобно южно-американскимъ республикамъ или нѣкоторымъ городскимъ общинамъ древней Греціи. Ибо соціальный переворотъ не станетъ ждать личнаго возстанія, личной морализаціи всѣхъ членовъ будущаго государства, а захватитъ общество въ томъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ теперь. А въ этомъ видѣ, кажется, очень еще далеко до безстрастія, до незлобія, до общей любви и до правды, не закономъ навязанной, но бьющей теплымъ ключомъ прямо изъ облагороженной души“.[1])

Поэтому мы вправѣ ожидать, что въ то время, какъ мы „такъ шумно ѣдимъ, пьемъ, рукоплещемъ и плачемъ отъ того, что мы, наконецъ, созрѣли, или, вѣрнѣе, перезрѣли до того, что намъ остается только заклать себя на алтарѣ всечеловѣческой демократіи“[2])—что въ это время „назрѣваетъ что-то новое, по мысли отходящему вѣку враждебное, хотя изъ него же органически истекшее. Ясно, что это новое ни либерально ни эгалитарно быть не можетъ“[3]).

Какъ разъ напротивъ, „весьма вѣроятно, что самый аграрно-рабочій вопросъ (взятый не съ точки зрѣнія революціонно-либеральной, то-есть, не со стороны вопроса личныхъ правъ или всеобщаго экономическаго равенства, которое невозможно, а только со стороны матеріальнаго обезпеченія, отчасти и насильственно легальнаго, даннаго властью,

[1]) Ib. т. II, стр. 291.
[2]) Ib. т. II, стр. 121.
[3]) Ib. т. I, стр. 282.

подобно, напримѣръ, принудительному обезпеченію нашей русской крестьянской общины)—весьма вѣроятно, говорю я, что этотъ вопросъ есть не что иное, какъ маскированная и сама себя еще не понявшая корпоративно сословная реакція будущаго. Есть основаніе думать и надѣяться, что осуществленная въ государственно-культурной практикѣ аграрно-рабочая идея оказалась бы ничѣмъ инымъ, какъ новой формой феодализма, и больше ничего; то-есть, новымъ, особаго рода, закрѣпощеніемъ лицъ къ разнымъ корпораціямъ, сословіямъ, учрежденіямъ, внутренне-принудительнымъ общинамъ, и отчасти даже и другимъ лицамъ, какъ-нибудь особо высоко карьерой или родомъ поставленнымъ".[1])

Такимъ образомъ, прогнозъ будущей исторіи опредѣляется двумя факторами: поскольку человѣчество будетъ жить—постольку въ немъ должны господствовать неравенство, стѣсненіе свободы, горе и всевозможныя тяготы; поскольку же оно будетъ отъ нихъ освобождаться—оно должно дегенерировать и вымирать какъ духовно, такъ и физически. Что же касается современнаго культурнаго человѣчества, то есть основаніе думать, что оно еще переживетъ періодъ классоваго рабства, который, однако, таитъ въ себѣ сѣмена своего разложенія, ибо заключаетъ внутреннее противорѣчіе и строитъ свою идеологію на общихъ культурныхъ началахъ либерально-эгалитарной политики. Этотъ періодъ можетъ быть поэтому разсматриваемъ, какъ своеобразный *эпициклъ* въ исторіи европейской цивилизаціи, которая, однако, вся in integrum осуждена и обречена на гибель.

IX.

Судьба Россіи.

Этимъ исчерпывается соціологическое ученіе Леонтьева, его эстетическая теорія прогресса и упадка и критика европейской культуры. Безысходный пессимизмъ, къ которому онъ приходитъ въ результатѣ, естественно, долженъ создать въ практическомъ отношеніи чисто фаталистическое и пассивное отношеніе къ жизни. Разъ конецъ неизбѣженъ, разъ гибель предрѣшена—безсмысленно хлопотать объ ея отдаленіи: оно можетъ только продлить страданія, создать картину умиранія еще болѣе отвратительной. Не лучше ли, сказавъ: „вижу міръ Твой во злѣ и міра Твоего не пріемлю"—спокойно ожидать конца, зная, что онъ не только неотвратимъ, но и благодѣтеленъ для недостойнаго существованія культуры и человѣчества.

Такимъ образомъ, мы переходимъ къ своеобразному эстетическому монашеству, къ глубочайшему отчужденію отъ жизни, соединенному съ созерцательнымъ презрѣніемъ къ ней, вслѣдствіе ея неполноты, безцвѣтности, пошлости.

Пусть она развивается, эта жизнь, по своимъ неизбѣжнымъ законамъ, пусть спѣшитъ къ своему концу, строя желѣзныя дороги, сочиняя конституціи, изобрѣтая машины—„тотъ, кто мыслитъ, читая, или читаетъ съ размышленіемъ, тотъ молчитъ гдѣ-нибудь въ своемъ московскомъ домѣ, пожимая плечами." [2])

---

[1]) Ib. т. I, стр. 369.
[2]) „Вост., Рос. и сл." Т. II, стр. 17.

Въ жизни самого Леонтьева мы часто встрѣчаемся съ этимъ мотивомъ. Монашество влекло его именно своей независимостью и отчужденностью отъ практической жизни, моментомъ отрицанія не только духовной, но, главнымъ образомъ, и матеріальной культуры гуманизма. „Всѣ монахи—пессимисты,“ неоднократно повторяетъ онъ и видитъ въ этомъ ихъ особенную заслугу, ихъ глубокое проникновеніе въ сущность вещей. Однако, и его уединенная жизнь въ Оптиной пустыни, и его практическая безучастность въ политической жизни, при страстности и подвижности его характера, наконецъ, вся его публицистика, отъ глубочайшихъ метафизическихъ проблемъ сразу переходящая къ обсужденію проекта памятника Каткову или обличенію общества болгарскихъ естествоиспытателей—все это, по своей психологической сложности, требуетъ глубокаго и проникновеннаго анализа, который не можетъ быть выполненъ въ предѣлахъ спеціальной статьи. И мы считали бы свою задачу исчерпанной, если бы соціологическое ученіе Леонтьева касалось только европейской культуры, или, вѣрнѣе, если бы европейская культура была единственнымъ предметомъ его умозрѣнія.

Но „наше счастье въ томъ, что мы находимся im verden, а не стоимъ на вершинѣ, какъ Англія, у вершины, какъ нѣмцы, а, тѣмъ болѣе, еще не начали спускаться внизъ, какъ французы.“

Леонтьевъ—русскій, и это обстоятельство заставляетъ его дать еще одну главу своей соціологіи, примѣнить принципы своего ученія къ исторіи и судьбѣ своей страны и вывести отсюда принципы реальной политики—если только послѣдняя еще возможна...

Мы попытаемся сдѣлать небольшой экскурсъ въ эту область, ограничивая себя рамками исключительно догматическаго изложенія мыслей Леонтьева и не касаясь обсужденія его взаимоотношеній со славянофилами—отношеній чрезвычайно сложныхъ, запутанныхъ и долженствующихъ стать темой отдѣльнаго обсужденія [1]).

Подобно гангренѣ въ тѣлѣ больного, либерально-эгалитарное разложеніе разливается въ современномъ человѣчествѣ только постепенно. Наиболѣе зараженной является въ этомъ отношеніи Франція, и это, благодаря тому, что, „какъ давно было сказано и признано всѣми, Франція—передовая страна... Но передовая—это не значитъ лучшая; въ наше время это, напротивъ, значитъ худшая. Идти скоро, идти впередъ —не значитъ идти непремѣнно къ высшему и лучшему. Идти все впередъ и все быстрѣе можно къ старости, къ смерти, къ безднѣ“ [2]).

А „Франція первая укрѣпила христіанскую религію на Западѣ; она же первая начала смѣло и открыто вытравливать ее изъ жизни. Франція скорѣе другихъ державъ довела монархію до высшей точки величія и блеска; она же первая рѣшилась стать демократической, либерально-эгалитарной республикой. Французское дворянство было въ свое время образцомъ изящества и блеска, французскій буржуа есть нынче образецъ пошлости, грубоватости и дурныхъ манеръ“.[3]) За Франціей очень быстро покатилась внизъ и Германія. Правда, ее еще спасаетъ „Ве-

---

[1]) Объ этомъ смотри статьи П. Н. Милюкова (въ „Вопросахъ философіи и психологіи,“ май 1893 г.), кн. С. Н. Трубецкаго—„Вѣстникъ Европы“ 1894 г., т. 29.

[2]) Ib. т. II, стр. 45.

[3]) Ib. т. I, стр. 304.

ликій Императоръ" и желѣзный канцлеръ, у нея еще есть объединяющая, формирующая и руководящая сила въ лицѣ „судорожной, сжатой, какъ стальная пружина, Пруссіи Фридриха II, Блюхера и Бисмарка"[1]), но общее настроеніе умовъ, общій уровень культуры таковъ, что, „если бы Германія была теперь такой же либерально-эгалитарной республикой, какъ Франція, если бы въ ней президентомъ сидѣлъ какой-нибудь „честный труженикъ", вродѣ Вирхова, то трудно было бы, конечно, рѣшить, которая изъ двухъ республикъ гнуснѣе, ненавистнѣе, пошлѣе... парижская tigre-singe, по выраженію, кажется, Вольтера, или та „корова", граціозно играющая на лугу, съ которой сравнивалъ Герценъ либерально-революціонную Германію"[2]).

Паденіе Германіи неизбѣжно. Разъ покатившаяся по плоскости „прогресса и культуры", она неизбѣжно придетъ къ пошлости республиканскаго идеала, но положеніе ея еще безцвѣтнѣе и блѣднѣе, чѣмъ Франціи. Ибо, „когда Франція вступила на этотъ путь, свѣтъ европейскій, видно, еще нуждался въ урокахъ демократической силы. У Германіи же нашего времени нѣтъ своего слова всемірнаго. Все, что есть, извѣстно и безъ нея. Нельзя же величавые (я не хочу сказать, великіе) принципы 89 года, какъ бы они ни были ошибочны и для самой Франціи смертоносны, сравнивать съ такими сухими утилитарными мелочами, какъ всеобщая мелкая, принудительная грамотность и тому подобныя нѣмецкія вещи" [3])...

Но можетъ ли въ такомъ случаѣ сказать новое всемірное слово и Россія? Если все уже извѣстно, что еще новаго можетъ открыть она міру? Не обречена ли она также на медленную, но зато вѣрную гибель? Леонтьевъ отвѣчаетъ на эти сомнѣнія горячей вѣрой въ провиденціальную роль своей родины.

„Я вѣрилъ и вѣрю, что Россія, имѣющая стать во главѣ какой-то новой восточной государственности, должна дать міру и *новую культуру*, замѣнить этой новой славяно-восточной цивилизаціей отходящую цивилизацію романо-германской Европы"[4]).

Однако, одной вѣрой, да еще основанной на патріотизмѣ, мы удовлетвориться не можемъ. Вѣдь самъ же Леонтьевъ требовалъ отъ соціологіи абсолютной объективности, какъ бы тягостна и тяжела она ни была. И Леонтьевъ старается оправдать свою вѣру не тлько глубоко проникающимъ анализомъ русской дѣйствительности, но и цѣлой системой мѣръ, которыя должны вести къ осуществленію этой мечты о перенесеніи третьяго Рима на берега Босфора.

Главная цѣнность, заслуга и достоинство Россіи заключаются, по мнѣнію Леонтьева, въ томъ, что она еще не культурна, что ея здоровый организмъ не успѣлъ еще пропитаться гнилостными соками прогрессивныхъ идеаловъ, что „у нашего простолюдина, слава Богу, еще нѣтъ этой вѣры въ либеральный общечеловѣческій прогрессъ"[5]), что онъ „Европу не знаетъ" и о благоденствіи общемъ не заботится"[6]). Въ этомъ отношеніи нашъ „мужикъ, напримѣръ, не только молясь въ церкви, но даже и сидя въ кабакѣ, уже тѣмъ уменъ и хорошъ. что онъ въ прогрессъ не вѣритъ (т. е.

---

[1]) Ib. т. I, стр. 2.
[2]) Ib. т. I, стр. 290.
[3]) Ib. т. I, стр. 22. Послѣднія размышленія Леонтьева столь современны, что врядъ ли можно относиться къ нимъ, какъ къ документамъ прошлой, чуждой намъ мысли.
[4]) Ib. т. II, стр. 59.
[5]) Ib, т. II, стр. 122.
[6]) Ib. т. II, стр. 305.

въ прогрессъ благоденственный и вѣчный). Онъ, когда ему случается подумать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ хозяйства, податей и водки, думаетъ, что „всѣ мы подъ Богомъ", и „все отъ Бога."[1]) А вѣдь Россія, болѣе чѣмъ на $^2/_3$, состоитъ изъ такихъ мужиковъ. Поэтому у просторной, пестрой, медленной Россіи нѣтъ ничего общаго съ однообразной, обезпеченной Европой:

„Россія—это цѣлый міръ особой жизни, особый государственный міръ, *не нашедшій еще себѣ своего родного стиля культурной государственной* жизни, говоря проще—*такой, которая на другихъ не похожа*".[2])

И, въ качествѣ подобной еще недифференцированной простоты, она, конечно, можетъ съ полной силой и своеобразіемъ развернуть всѣ заложенныя въ ней возможности. Но для этого „намъ, русскимъ, надо совершенно сорваться съ европейскихъ рельсовъ и, выбравъ совсѣмъ новый путь, стать, наконецъ, во главѣ умственной и соціальной жизни всечеловѣчества"...[3])

Однако, въ Россіи почти никто не понимаетъ этой простой истины. Правительство и общество встали на путь „просвѣщенной европеизаціи" своей страны, и Леонтьевъ не знаетъ словъ для осужденія и новыхъ судовъ съ ихъ защитниками въ „гадкихъ фракахъ, и толстыхъ журналовъ, наперерывъ кричащихъ о „гуманности, культурѣ и прогрессѣ."

Все это чуждо Россіи, чуждо русскому народу, какъ все европейское, какъ сама интеллигенція наша—слово, которое Леонтьевъ не можетъ даже равнодушно выговорить, ставя его въ кавычкахъ и называя „хамскимъ"[4].)

Спасеніе Россія заключается въ томъ, что „умѣренный либерализмъ въ ней, къ счастью, не такъ глубокъ и такъ легко можетъ быть до-тла раздавленъ между двумя весьма нелиберальными силами: между изступленнымъ нигилистическимъ порывомъ и твердой и безтрепетной защитой нашихъ великихъ историческихъ началъ"[5].) Отсюда съ ясностью слѣдуютъ тѣ принципы, которые должны лечь въ основу охранительной политики—единственной спасительной и жизнетворной политики, по мнѣнію Леонтьева. Ибо, если изъ альтернативы „искать наше призваніе въ идеалахъ нигилистовъ—въ передовой разрушительной роли животнаго космополитизма, или же въ предпочтеніи организующихъ, дисциплинирующихъ идей, внѣ нашего субъективнаго удовольствія стоящихъ—объективныхъ идей государства, Церкви, живого добра, поэзіи"[6])—мы выберемъ второе, то намъ не останется ничего иного, какъ „ревниво, жадно, фанатически оберегать все старое для органическаго сопряженія съ неизбѣжно новымъ, для исполненія призванія нашего"[7].)

Въ методахъ этой охранительной политики мы опять узнаемъ стараго врача, хирурга, привыкшаго къ страданіямъ даже близкаго ему существа. Леонтьевъ прекрасно сознаетъ, что подобная политика не можетъ быть осуществляема безболѣзненно для общества. Но тѣмъ хуже для него!

Политика есть государственное строительство, ея единственнымъ объектомъ и цѣлью является государство, какъ нѣчто цѣлое, какъ индиви-

---

1) Ib. т. II, стр. 165.
2) Ib. т. II, стр. 280.
3) Ib. т. I, стр. 910.
4) Ib. т. II, стр. 158.
5) Ib. т. I, стр. 284.
6) Ib. т. I, стр. 136.
7) Ib. т. I, стр. 131.

дуумъ—и, съ этой точки зрѣнія, страданія и недовольства его частей не могутъ играть никакой роли; они просто не существуютъ для государственнаго дѣятеля, который мыслитъ, оперируя только съ цѣлымъ, и долженъ, если можетъ, совершенно забыть, что реально. Это цѣлое слагается изъ отдѣльныхъ частей.

Онъ оперируетъ идеями, а у идей нѣтъ гуманнаго сердца. „Идеи неумолимы и жестоки, ибо онѣ суть не что иное, какъ ясно или смутно сознанные законы природы и исторіи"[1].)

„И что за политика—политика какой-то нѣжной морали? Откуда она взялась? И что мы сами-то за примѣръ? Какіе мы моралисты!"[2]) „Нѣтъ, если мы и увлечемся иногда нашей идеей безъ мѣры, если и сдѣлаемъ *ложный шагъ*, преслѣдуя истинныя цѣли, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Пора учиться, какъ дѣлать реакцію!"[3]) „И, если кто берется править государственнымъ кораблемъ и вести его, не слѣпо полагаясь на безсмысленныя движенія волнъ и вѣтра, но ведя его къ ясно сознанной и достижимой цѣли—то онъ долженъ умѣть властвовать беззастѣнчиво."[4])

Политика Леонтьева отнюдь не является реакціей ради реакціи. Методъ охраненія примѣняется имъ исключительно потому, что новое, грядущее хуже стараго, настоящаго. Но, если дѣйствительность представляетъ изъ себя „первичную" простоту, а реформаціонная идея знаменуетъ истинный прогрессъ въ сторону развитія своеобразія частей и усиленія ихъ внутренняго единства, то Леонтьевъ, конечно, является сторонникомъ послѣдней, поскольку она является болѣе полнымъ воплощеніемъ его эстетическаго идеала. „*До дня цвѣтенія* лучше быть парусомъ или паровымъ котломъ; послѣ этого невозвратнаго дня достойнѣе быть якоремъ или тормазомъ для народовъ, стремящихся внизъ подъ крутую гору"[5])

Россія уже пережила этотъ періодъ пестраго цвѣтенія и красочнаго неравенства при интенсивнѣйшемъ государственномъ единствѣ; теперь, увлекаясь идеями прогресса, она стремится вступить на путь европейскаго разложенія, влиться въ общую рѣку зараженныхъ трупнымъ ядомъ водъ культуры XIX вѣка. Поэтому и реальныя мѣры должны быть направлены, главнымъ образомъ, не *за* хорошее, но *противъ* дурного. Охранительная политика есть защитительная политика, но ничего творческаго, живого, развивающагося въ ней нѣтъ. Ея цѣль—это сохраненіе стараго, мумизированіе жизни, консервированіе одного момента исторіи на вѣчныя времена. Его идеалъ чистоты морознаго утра, когда каждая вѣточка четко вырисовывается на фонѣ неба, чистаго и прозрачнаго въ своей холодной неподвижности.

„Зимой холодно", говоритъ Леонтьевъ: „лѣтомъ жарко; и то и другое непріятно и многимъ даже вредно. Какъ быть? Смѣна подобная естественна, и реакція то туда, то сюда неизбѣжна; всякій знаетъ, что за зимой—весна, а за весной—жары. Но кто же въ жары будетъ сердиться на давно прошедшій холодъ? Напротивъ, всякій живой человѣкъ всему холодноватому радъ въ іюлѣ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что уже уничтоженное исторіей зло Россіи нелиберальной переродилось рядомъ событій и движеніемъ умовъ въ зло слишкомъ либе-

---

[1]) Ib. т. I, стр. 25.
[2]) Ib. т. I. стр 264.
[3]) Ib. т. II, стр. 1?2.
[4]) Ib. т. I, стр. 167.
[5]) Ib. т. I, стр. 151.

ральное. Нельзя же дѣйствовать теперь противу привилегій, которыхъ нѣтъ; а надо, напротивъ того, дѣйствовать въ наше время противу равенства и либерализма... То-есть, надо подморозить хотя немного Россію, чтобы она не „гнила.[1])

Какъ ни образна эта программа, и какъ ни логичны слѣдующіе изъ нея выводы, мы должны, однако, отмѣтить то смѣшеніе понятій, которое имѣетъ здѣсь мѣсто. Съ одной стороны, Россія разсматривается, какъ эмбріонъ новой культуры, какъ организмъ, долженствующій сказать міру новое слово; съ другой же стороны, по отношенію къ ней примѣняются методы, имѣющіе цѣлью отдаленія, отсрочки того естественнаго конца, къ которому она неизбѣжно стремится. Въ первомъ случаѣ, Россія—молодая, невспаханная новь; во второмъ—старикъ, уже прожившій пору своего цвѣтенія и только оберегающій свои воспоминанія о лучшихъ временахъ. Или, чтобы обозначить это однимъ словомъ, Россія разсматривается, то какъ исторически и культурно независимый организмъ, то какъ часть Европы, неизбѣжно идущая тѣмъ же путемъ развитія и упадка, страдающая тѣми же болѣзнями и недугами. Это смѣшеніе точекъ зрѣнія станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы будемъ имѣть въ виду ту чрезмѣрную схематичность, съ которой Леонтьевъ прилагаетъ свою конструкцію тріединаго процесса къ матеріалу исторіи. Вслѣдствіе неясности своихъ границъ, циклъ романо-германской культуры захлестываетъ сосѣдній съ нимъ славяно-русскій циклъ, и то, что было естественнымъ и необходимымъ въ отношеніи окончанія перваго, примѣняется къ началу второго.

Этимъ замѣчаніемъ мы совсѣмъ не хотимъ полемизировать съ Леонтьевымъ и осуждать его политику охраненія коренныхъ историческихъ началъ русской жизни. Важно только подчеркнуть здѣсь эту непослѣдовательность, для того, чтобы лучше выяснить общія методологическія посылки соціологическаго построенія Леонтьева.

При послѣдовательномъ разсужденіи мы необходимо придемъ къ выводу, что охранительная политика, обращенная взоромъ въ прошлое, несовмѣстима съ вѣрой въ творчество будущаго, которое всегда соединено съ *новыми* цѣнностями, и что, наоборотъ, подобная вѣра въ провиденціальную роль Россіи требуетъ политики не *охраненія*, но *созиданія*, побужденія къ *своеобразной дѣятельности*, элементы которой должны быть на лицо въ дѣйствительной жизни. Если же исторія и дѣйствительность обманетъ насъ въ послѣднемъ и окажется лишенной оригинальныхъ и своеобразныхъ данныхъ (т. е. такихъ, которыя не были извѣстны исторіи Западной Европы), то это только докажетъ общую несостоятельность этой славянофильствующей теоріи, тѣснѣе свяжетъ насъ съ „гнилымъ" Западомъ и еще болѣе укрѣпитъ охранительную тенденцію ученія Леонтьева.

Въ такомъ аспектѣ Россія является не болѣе, какъ живымъ памятникомъ прекраснаго прошлаго. И, дѣйствительно, охранительные идеалы Леонтьева не заключаютъ въ себѣ ничего специфически-русскаго. Они являются національными только потому, что господствовали у насъ въ теченіе нашей тысячелѣтней исторіи. Но, въ существѣ своемъ, они созданы не нами, восприняты извнѣ, и Леонтьевъ прекрасно сознаетъ это.

---

[1]) Ib. т. II, стр. 86.

„Царизмъ нашъ, столь для насъ плодотворный и спасительный, окрѣпъ подъ вліяніемъ православія, подъ вліяніемъ византійскихъ идей, византійской культуры. Византійскія идеи и чувства сплотили въ одно тѣло полудикую Русь. Византизмъ далъ намъ силу пережить татарскій погромъ и долгое данничество. Византійскій образъ Спаса на великокняжескомъ знамени осѣнялъ вѣрующія войска Димитрія на томъ бранномъ полѣ, гдѣ мы впервые показали татарамъ, что Русь Московская уже не прежняя, раздробленная, растерзанная Русь. Византизмъ далъ намъ всю силу нашу въ борьбѣ съ Польшей, со шведами, съ Франціей и съ Турціей. Подъ его знаменемъ, если мы будемъ вѣрны ему, мы, конечно, будемъ въ силахъ выдержать натискъ и цѣлой интернаціональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмѣлилась когда-нибудь и намъ предписать гниль и смрадъ своихъ новыхъ законовъ о мелкомъ земномъ всеблаженствѣ, о земной радикальной всепошлости"[1]).

Но для этого мы должны всею душой быть преданы этому византійскому идеалу, воплощать его какъ въ героическихъ, такъ и въ мелочныхъ масштабахъ нашей жизни, считать его за альфу и омегу всей нашей дѣятельности, ибо „измѣняя даже въ тайныхъ помыслахъ нашихъ этому византизму, мы губимъ Россію". [2])

Принципы этого міровоззрѣнія слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы подробно говорить о нихъ. Леонтьевъ принимаетъ ихъ прямо, какъ данные, какъ своего рода откровенія, не нуждающіяся въ дальнѣйшемъ обоснованіи и оправданіи, не нуждающіяся даже въ особомъ обсужденіи, ибо они должны проникать собою все.

„Главными историческими основами нашей русской жизни являются: православіе, самодержавіе и поземельная община".[3]) Ихъ надо всемѣрно поддерживать, ими надо болѣе всего дорожить, имъ надо приносить въ жертву все, ибо они суть подлинные источники жизни гибнущей Россіи. И, соотвѣтственно имъ, всѣ силы борьбы должны быть обращены даже не противъ явныхъ враговъ, противъ которыхъ „у всякаго государства есть мечъ, есть каторга, изгнанія", но противъ „той тихой, кроткой разрушительной постепеновщины, которая въ своей наивной увѣренности, въ своей легальной безопасности" постепенно замѣняетъ эти начала вѣрой въ человѣкобога съ его автономической нравственностью, любовью „къ конституціоннымъ говорильнямъ, съ ихъ адвокатами-балалайкиными" и надеждой на эмансипированный, свободный капиталъ, который долженъ стать благодѣтелемъ человѣчества. Поэтому и вся политическая программа истиннаго консерватизма должна быть направлена на „незыблемость самодержавія, укрѣпленіе Церкви и заботы о церковномъ воспитаніи народа и высшаго общества; утвержденіе и развитіе общины и вообще начала неотчуждаемости (даже и дворянскихъ земель, напр.) и вообще уменьшеніе подвижности общественнаго строя".[4]) Только при исполненіи этихъ требованій, мы можемъ спасти Россію отъ разрушенія и гибели, ибо самая полная жизнь, самое удовлетворенное существованіе приравнивается Леонтьевымъ къ духовной смерти, если изъ него

---

[1]) „Вост. Рос. и сл". Т. I, стр. 98.
[2]) Ib. т. I. стр. 105.
[3]) Ib. т. II, стр. 99.
[4]) Ib. т. I, стр. 312.

изгнаны опредѣленныя религіозныя, политическія и нравственныя начала: „На что намъ Россія не самодержавная и не православная?“

И Леонтьевъ радуется, ликуетъ по поводу каждаго реакціоннаго шага правительства и общества, судорожно цѣпляясь за надежду видѣть въ идеальномъ свѣтѣ ту Родину, которую онъ такъ своеобразно и горячо любилъ и красоту прошлой жизни которой такъ чутко понималъ...

Политическій реакціонизмъ Леонтьева не является, какъ мы видѣли, неизбѣжнымъ единственнымъ выходомъ изъ его философіи исторіи. Послѣдняя можетъ быть охарактеризована, какъ послѣдовательный пессимизмъ, а таковой въ области этическаго мышленія необходимо переходитъ въ построеніе полной безучастности къ жизни и безнадежной резиньяціи въ отношеніи господствующаго въ ней зла. Поэтому монастырское умонастроеніе, столь понимаемое и столь цѣнимое Леонтьевымъ, является подлиннымъ выраженіемъ его философіи, отрицающей за жизнью и культурой какую бы ни было цѣнность. Монахъ-отшельникъ—вотъ идеалъ мыслителя этого типа, и Леонтьевъ часто подчеркивалъ это обстоятельство, постоянно возвращаясь мыслью къ отшельникамъ Афонской горы, всячески превознося созерцательную жизнь монаховъ, которыхъ онъ ставитъ неизмѣримо выше бѣлаго духовенства. Съ этой точки зрѣнія, политическая работа, какого бы направленія она ни держалась, представляется величайшей непослѣдовательностью. Ибо всякая дѣятельность должна имѣть цѣль, и вѣра въ достиженіе этого идеала есть основная предпосылка и необходимое требованіе жизни и борьбы. Но если всѣ эти мірскія цѣли разъ навсегда признаны несовершенными и грѣховными, разъ извѣстно, что, „міръ во злѣ лежитъ“, и не сможетъ быть отъ него избавленъ, то всякая работа теряетъ свой смыслъ, а политическая дѣятельность является едва ли не самой непослѣдовательной и ненужной изъ всѣхъ родовъ человѣческаго самоусыпленія. Монахъ-политикъ—это такое же противорѣчіе, какъ христіанинъ-язычникъ или отшельникъ, засѣдающій въ парламентѣ. Такіе дѣятели, какъ Ѳеофанъ или Филаретъ, гораздо болѣе напоминаютъ Ришелье и Бисмарка, чѣмъ Антонія или Пахомія. Клобукъ и мантія являются для нихъ только формой, внѣшнимъ покровомъ, но, по существу своему, они —глубочайшіе государственники, политики, и ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи должна быть разсматриваема и изучаема совершенно независимо отъ ихъ монашескаго званія, отъ ихъ духовнаго совершенства.

Мы не будемъ касаться здѣсь вопросовъ возможности синтеза созерцательной и практической жизни, о церкви благословляющей власть, и о власти, служащей Богу; для насъ важно только провести методологическое различіе между этими двумя міросозерцаніями, для того, чтобы вскрыть внутреннее противорѣчіе въ доктринѣ Леонтьева, начинающаго чисто аскетическимъ отчужденіемъ отъ жизни и кончающаго пламеннымъ страстнымъ стремленіемъ воздѣйствовать на нее въ опредѣленномъ напраленіи, придать ей какія-то идеальныя формы, которыя никогда достигнуты быть не могутъ. Это противорѣчіе обуславливаетъ наше двойственное отношеніе къ твореніямъ Леонтьева: съ одной стороны, нельзя не увлечься мощностью его діалектики, изысканностью его эстетики, силой и аритектонической красотой его соціологической кон-

струкціи; но, съ другой стороны, его послѣдніе выводы, стремленіе подчинить всякую душу живую мертвой монастырской буквѣ, его жестокость, часто переходящая границы неизбѣжности и являющаяся какъ бы отрицательной самоцѣлью—не можетъ не дѣйствовать глубоко отталкивающимъ образомъ. Однако, эти наиболѣе непріемлемыя мысли Леонтьева, эти символы духа косности и безжизненности являются, какъ это ни парадоксально на первый взглядъ, результатомъ наиболѣе привлекательныхъ чертъ его личной психики. Ибо страстная жажда жизни, безпредѣльная любовь къ Родинѣ и требованіе живого творчества не позволяли ему быть послѣдовательнымъ въ проповѣдуемой монашеской безстрастности и вызывали его на борьбу, несмотря на то, что теоретически она совершенно не гармонировала съ посылками его жизневоззрѣнія.

Несмотря на полное и безграничное осужденіе міра и жизни, Леонтьевъ все-таки требуетъ отъ него смысла, ищетъ въ немъ красоты, болѣе того—само прекрасное прошлое стремится воспринять въ качествѣ подготовки лучшаго „свѣтлаго“ будущаго, надъ которымъ самъ же такъ зло издѣвается.

„Не ужасно ли и обидно было бы думать,“ говоритъ онъ, „что Моисей всходилъ на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели пуническія войны, что геніальный красавецъ Александръ въ пернатомъ какомъ-нибудь шлемѣ переходилъ Граникъ, что апостолы проповѣдывали, мученики страдали, поэты пѣли, живописцы писали, и рыцари блистали на турнирахъ для того только, чтобы французскій, нѣмецкій или русскій буржуа въ безобразной и комической своей одеждѣ благодѣтельствовалъ бы „индивидуально“ и „коллективно“ на развалинахъ всего этого прошлаго величія?“ Этотъ кошмаръ безсмыслицы, „дьявольскаго водевиля“ исторіи, безусловно, противорѣчитъ эстетическому міросозерцанію, которое не знаетъ никакихъ цѣлей, которое принимаетъ всякую красоту за самоцѣль и уже въ одномъ томъ, что она *была*, видитъ оправданіе исторіи и жизни. И мы не можемъ найти лучшаго подтвержденія нашей мысли и художественнаго разрѣшенія этой проблемы, какъ приведя слова самого Леонтьева, гдѣ онъ разрѣшаетъ это гнетущее противорѣчіе не научной теоріей, безучастной къ человѣческимъ страданіямъ, но полнымъ теплаго чувства художественнымъ созерцаніемъ, своего рода откровеніемъ, почерпнутымъ имъ изъ живого воспріятія красоты природы. Глупая случайность, разсказываетъ онъ въ своемъ автобіографическомъ романѣ, оторвала его отъ человѣка, произведшаго на него сильное и глубокое впечатлѣніе. Разлука эта разорвала нарождающееся прекрасное чувство, оборвала начатую поэму, и, казалось, что сама мимолетная встрѣча эта была безсмысленной и ненужной. И вотъ, уѣзжая въ незнакомый городъ, къ незнакомымъ людямъ, вспоминая всю красоту и поэзію прошлой жизни, онъ спрашиваетъ себя: на что все это?

„Наконецъ, мнѣ показалось, что я понялъ. Дождь пересталъ лить. Осеннее солнце снова тепло и весело освѣщало мелкую сырую зеленую травку на пригоркѣ, гдѣ мы остановились на минуту, чтобы дать вздохнуть лошадямъ. Я сошелъ съ лошади и ходилъ взадъ и впередъ. Эта сырая зеленая трава напоминала мнѣ родину. И вдругъ представился мнѣ одинъ островокъ, посреди круглой сажалки въ заброшенномъ и опустѣломъ дѣдовскомъ имѣніи. Я гулялъ однажды совсѣмъ еще юношей по этому забытому саду въ маѣ мѣсяцѣ и увидѣлъ, что на этомъ островѣ, въ чащѣ густого и груба-

го лозняка, цвѣтетъ кустъ черемухи... Осыпанный бѣлыми цвѣтами, онъ цвѣлъ и благоухалъ въ этой чащѣ; я его видѣлъ, но ни я ни кто другой дойти до него не могли: на болотистой, заброшенной, но глубокой сажалкѣ не было ни плота, ни мостика, ни простой перекладинки... Черемуха цвѣла какъ будто сама для себя; я не могъ дойти до нея и ни разу послѣ того не видѣлъ ни этого имѣнія, ни сажалки этой, ни цвѣтущаго куста; но *я не забылъ* его и *не могу забыть*.

И только...

Вотъ такъ и эта милая женщина останется навѣкъ въ памяти моей; я ее больше, вѣроятно, и не встрѣчу, но образъ ея будетъ благоухать и цвѣсти въ моемъ воображеніи, какъ цвѣтетъ въ немъ до сихъ поръ этотъ только издали видѣнный кустъ черемухи." [1])

Это поэтическое сравненіе является лучшей иллюстраціей той философіи, которая не требуетъ отъ жизни достиженія какихъ-то абсолютныхъ цѣлей, воплощенія какихъ-то конечныхъ идеаловъ, но только безконечно радуется всякой жившей красотѣ, всякому осуществленному добру.

Это воззрѣніе объясняетъ намъ и то, почему образъ оптинскаго мыслителя, подчасъ столь жестокаго и печальнаго, рисуется намъ теперь не проклинающимъ ликомъ, но дорогимъ воспоминаніемъ глубокаго и горячаго чувства прошлаго. Рядомъ съ Леонтьевымъ „душа полна, и грусть ея отрадна, потому что она слышитъ близость Бога красоты"[2].)

Ибо эстетизмъ Леонтьева не остался въ его твореніяхъ мертвой буквой, не ограничился формальнымъ воплощеніемъ въ абстрактныхъ нормахъ его доктрины, но дѣйствительно проникъ собою всю его жизнь, каждую его мысль, каждую строчку его твореній, еще разъ оправдывая пророчество Достоевскаго о спасающей міръ Красотѣ.

Л. Зандеръ.

---

[1]) „Египетскій голубь". „Русск. Вѣстн." 1881, кн. 4, стр. 744.

[2]) „Письмо провинціала." „Отеч. Записки", 1860, кн. 5, стр. 21.

Новая германская конституція.

Статья В. В. Энгельфельда.

(*Окончаніе*).

Вторая часть германской конституціи, по объему приблизительно треть ея постановленій, трактуетъ объ основныхъ правахъ и обязанностяхъ нѣмецкихъ гражданъ и, въ частности, объ юридическомъ положеніи индивидуума, о руководящихъ принципахъ, общественной жизни и государственной политикѣ въ отношеніи религіи, религіозныхъ обществъ, образованія и школъ, и, наконецъ, объ основахъ организаціи экономической жизни.

I. Права человѣка и гражданина.

Статья 109 конституціи устанавливаетъ, прежде всего, равенство всѣхъ нѣмецкихъ гражданъ передъ закономъ. На основаніи этого постановленія, мужчины и женщины объявляются имѣющими одни и тѣ же гражданскія права и обязанности. Публично-правовыя привилегіи или невыгоды по рожденію или состоянію, съ изданіемъ конституціи, отмѣняются. Дворянскія отличія считаются только частью имени; впредь они не могутъ быть жалуемы. [1]) Пожалованіе титуловъ допускается лишь тогда, когда они означаютъ должность или профессію; академическія степени этимъ постановленіемъ не затрагиваются.

Пожалованіе государствомъ орденовъ и знаковъ отличія прекращается[2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одинъ подданный Германіи не можетъ принимать какихъ-либо титуловъ и отличій отъ иностранныхъ правительствъ [3].) Расправляясь столь энергично съ системой награжденія орденами и прочими знаками отличія, столь любезными сердцу каждаго нѣмца, конституція не пошла, однако, по пути совершеннаго упраздненія титуловъ и снятія прежнихъ знаковъ отличія. Въ этомъ отношеніи она послѣдовала примѣру Французской республики.

Переходя далѣе къ подданству, конституція постановляетъ, что право подданства федераціи и отдѣльныхъ государствъ пріобрѣтается и утрачивается на основаніи особаго федеральнаго закона. Каждый подданный одного изъ нѣмецкихъ государствъ есть въ то же время и федеральный подданный.

---

[1]) Тоже во Франціи эпохи 3-й республики. Ср. ст. 4 швейц. конст.

[2]) Это постановленіе не распространяется на ордена и знаки отличія, пожалованные за войну 1914-19 г. г.

[3]) Менѣе категоричное запрещеніе, лишь для высшихъ федеральныхъ чиновниковъ, устанавливаетъ ст. 12 швейцарской конституціи.

Съ другой стороны, всякій нѣмецъ долженъ пользоваться въ любомъ изъ германскихъ государствъ одинаковыми съ подданными этого послѣдняго правами и обязанностями. Такимъ образомъ, въ значительной мѣрѣ нуллифицируется раздѣленіе населенія федераціи на подданныхъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ.

Въ вопросѣ о свободѣ передвиженія, конституція (ст. III) 1919 года повторяетъ постановленія прежней.

Статьей 112 устанавливается право каждаго германскаго гражданина переселяться заграницу, причемъ ограниченія для этого переселенія могутъ допускаться лишь на основаніи федеральнаго закона.

Всѣ германскіе подданные имѣютъ право на защиту ихъ федераціей отъ посягательствъ иностранныхъ государствъ, какъ въ предѣлахъ, такъ и за предѣлами ея; ни одинъ нѣмецъ не можетъ быть выданъ иностранному правительству для суда и наказанія.[1])

Національности, говорящія на другомъ языкѣ, не должны быть стѣсняемы законодательнымъ или административнымъ порядкомъ въ ихъ свободномъ національномъ развитіи и особенно въ употребленіи родного языка въ школѣ, а также мѣстномъ управленіи и судѣ (ст. 113).[2])

Ст. 114 декларируетъ *неприкосновенность* личности и допустимость ея нарушенія только въ силу велѣній закона. Лицамъ, подвергнутымъ лишенію свободы, не позднѣе слѣдующаго послѣ задержанія дня, должно быть сообщено, какой властью и по какимъ основаніямъ данъ приказъ относительно ихъ задержанія; вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ незамедлительно представляется возможность заявить возраженіе противъ лишенія свободы.

Ст. 115 трактуетъ о *неприкосновенности жилища*, а ст. 116 допускаетъ наказуемость того или иного дѣянія лишь тогда, когда таковая предусмотрѣна закономъ до его совершенія.

Тайна почтовой, телеграфной и телефонной корреспонденціи можетъ быть нарушена только въ случаяхъ, указанныхъ въ законѣ (ст. 117). Каждый нѣмецъ, наконецъ, вправѣ, въ границахъ общаго для всѣхъ закона, свободно выражать свое мнѣніе посредствомъ слова, письма, печати, изображенія или инымъ образомъ.

Въ осуществленіи этого права ему не могутъ воспрепятствовать никакія отношенія по работѣ или службѣ, равно какъ и никто не можетъ причинять какія-либо невыгоды за пользованіе свободой слова.

Цензура не допускается. Отклоненіе отъ этого правила возможно лишь для кинематографическихъ картинъ на основаніи закона. Равнымъ образомъ, въ законодательномъ порядкѣ могутъ быть приняты мѣры борьбы съ порнографической литературой, либо въ цѣляхъ защиты юношества отъ вреднаго вліянія.

Въ области соціальной, конституція останавливается, въ первую очередь, на бракѣ, который разсматривается ею (ст. 119), какъ основа

---

[1]) Постановленіе, явно вызванное иностранной оккупаціей и требованіями союзниковъ о выдачѣ т. наз. „виновниковъ войны"; оно разумѣется изъ самаго понятія государственнаго верховенства.

[2]) Съ отдѣленіемъ отъ Германіи Шлезвига, Эльзасъ-Лотарингіи и польскихъ провинцій, эта статья нѣсколько запоздала. При существованіи прежнихъ ограничительныхъ правъ для этихъ національностей, законовъ „zur Stärkung des Deutschentums", она была бы весьма кстати.

семейной жизни и какъ средство для поддержанія и увеличенія народонаселенія, а потому и стоитъ подъ особой защитой конституціи.[1]) Бракъ, по мысли составителей конституціи, долженъ покоиться на равноправіи обоихъ половъ.

Сохраненіе въ чистотѣ и оздоровленіе семьи, равно какъ и соціальное о ней попеченіе, являются задачей государства и общинъ. Семьи, имѣющія много дѣтей, вправѣ притязать на особую о нихъ заботу. Материнство находится подъ защитой и попеченіемъ государства.

Воспитаніе подрастающаго поколѣнія, въ видахъ достиженія физическаго, духовнаго и соціальнаго совершенства—есть высшая обязанность и естественное право родителей, за осуществленіемъ коихъ блюдетъ государственный союзъ; внѣбрачнымъ дѣтямъ должны быть предоставлены законодательнымъ порядкомъ условія, одинаковыя съ законными дѣтьми (ст. 120 и 121). Юношество должно быть защищено отъ нравственной, духовной и физической безпризорности. Государство и общины имѣютъ организовать для этого необходимыя учрежденія. Въ то же время ст. 122 постановляетъ, что мѣры попеченія могутъ быть принимаемы въ принудительномъ порядкѣ только на основаніи закона.

Всѣ нѣмцы имѣютъ, далѣе, *право собираться* безъ предварительнаго увѣдомленія или особаго разрѣшенія, мирно и безъ оружія. Однако, устройство собраній подъ открытымъ небомъ можетъ быть обусловлено федеральнымъ закономъ, обязательствомъ извѣщенія, а при непосредственной опасности для общественнаго порядка воспрещено (ст. 123).[2])

Всѣ нѣмцы имѣютъ затѣмъ право образовывать въ цѣляхъ, не противорѣчащихъ уголовнымъ законамъ, *союзы и общества;* это право не можетъ быть ограничено превентивными мѣрами. Для религіозныхъ союзовъ и обществъ имѣютъ силу тѣ же постановленія.

Пріобрѣтеніе правоспособности свободно для каждаго союза на основѣ гражданскаго права; въ предоставленіи ея союзу не можетъ быть отказано изъ тѣхъ основаній, что онъ преслѣдуетъ политическія, соціально-политическія и религіозныя цѣли (ст. 124).[3])

Свобода и тайна выборовъ обезпечиваются конституціей. Подробности опредѣляютъ избирательные законы (ст. 125). Каждый нѣмецъ вправѣ обращаться съ просьбами и жалобами къ компетентнымъ властямъ или къ народному представительству; право это можетъ осуществляться какъ отдѣльными лицами, такъ и нѣсколькими сообща (ст. 126).

Общины и союзы общинъ имѣютъ право на самоуправленіе, въ границахъ, установленныхъ закономъ (ст. 127).

Всѣ граждане федераціи должны быть допускаемы въ соотвѣтствіи съ требованіями закона и, сообразно ихъ способностямъ и опыту, къ занятію общественныхъ должностей. Ограничительныя постановленія для женщинъ отмѣняются.

---

[1]) Сравнимъ съ этими въ высшей степени здоровыми постановленіями совѣтское законодательство о бракѣ.

[2]) Германскій законъ 1908 года требовалъ для подобныхъ собраній даже не извѣщеніе, а разрѣшеніе полицейскаго учрежденія. Либеральнѣе французское законодательство; по закону 28 марта 1907 года публичныя собранія устраиваются безъ предварительнаго извѣщенія.

[3]) Аналогичный порядокъ пріобрѣтенія правоспособности наблюдался въ Германіи и ранѣе. Ср. Дерюжинскій. Полицейское право. Изд. 1917 г., стр. 87. Совершенно иное положеніе занимаетъ въ отношеніи религіозныхъ ассоціацій и, вообще, пріобрѣтенія обществами правъ юридическаго лица, французскій законъ 1901 года объ ассоціаціяхъ.

Основы должностного права регулируются федеральнымъ закономъ (ст. 129). При этомъ назначеніе должностныхъ лицъ совершается пожизненно, поскольку закономъ не опредѣлено другого.

Пенсіонное обезпеченіе на случай отставки и обезпеченіе оставшихся послѣ смерти чиновника членовъ его семьи регулируются закономъ. Пріобрѣтенныя службой права чиновника неприкосновенны; для имущественно-правовыхъ притязаній его открывается возможность обращенія въ судъ.

Должностныя лица могутъ быть устраняемы отъ должности, окончательно увольняемы или перемѣщаемы на должность съ низшимъ окладомъ при условіяхъ и въ формахъ, установленныхъ закономъ.

Въ отношеніи каждаго дисциплинарнаго приговора о наказаніи виновному должно быть предоставлено право обжалованія и возможность возобновленія процесса по вновь открывшимся обстоятельствамъ. При оцѣнкѣ поведенія чиновника необходимо принимать во вниманіе и его собственныя объясненія о неблагопріятныхъ для него фактахъ, въ томъ случаѣ, если онъ имѣлъ возможность представить таковыя. Право давать свои объясненія всегда сохраняется за чиновникомъ.

Неприкосновенность пріобрѣтенныхъ правъ и открытіе судебнаго пути для имущественныхъ притязаній въ особенности обезпечивается солдатамъ, вступившимъ или состоящимъ въ арміи по собственному желанію. Въ остальномъ ихъ положеніе имѣетъ быть нормировано закономъ (цитированными статьями закрѣпляется независимое правовое положеніе нѣмецкаго чиновника, и безъ того образцовое по сравненію съ другими государствами (ст. 129).

Любопытна и слѣдующая статья: „Чиновники,“ гласитъ ст. 130, „суть слуги всего цѣлаго, а не одной партіи.“ Въ то же время всѣмъ чиновникамъ обезпечивается свобода исповѣданія тѣхъ или иныхъ политическихъ убѣжденій и соединенія въ союзы. Они получаютъ, на основаніи спеціальнаго постановленія федеральнаго закона, особое представительство. [1]) Обезпечивая права чиновниковъ, конституція печется и о необходимыхъ гарантіяхъ для гражданъ. Если должностное лицо, осуществляя ввѣренную ему власть, нарушитъ служебную обязанность, лежащую на немъ въ отношеніи третьяго лица, то въ этомъ случаѣ наступаетъ отвѣтственность государства или той корпораціи, на службѣ которой оно состоитъ, съ сохраненіемъ для послѣднихъ права регресса къ этому должностному лицу. Судебный порядокъ для такого рода дѣлъ не подлежитъ отмѣнѣ (ст. 131).

Каждый нѣмецъ обязанъ, въ соотвѣтствіи съ требованіями закона, принимать на себя почетныя должности. Всѣ граждане обязаны далѣе, въ соотвѣтствіи съ закономъ, выполнять личную повинность для государства и общинъ. Воинская повинность регулируется закономъ объ оборонѣ государства. Этотъ послѣдній опредѣляетъ также, насколько могутъ быть ограничены для лицъ, принадлежащихъ къ арміи (вооруженной силѣ) отдѣльныя основныя права, въ цѣляхъ выполненія возложенныхъ на нихъ задачъ и для поддержанія воинской дисциплины (ст. ст. 132 и 133). Всѣ граждане, безъ различія, несутъ, сообразно съ ихъ имущественнымъ положеніемъ и на основаніи закона, денежныя повинности въ пользу государства и общинъ.

2. Религія.

Закончивъ этимъ второй раздѣлъ декларацін, конституція переходитъ къ религіи и религіознымъ обществамъ.

Всѣ жители федераціи (ст. 135) пользуются полной религіозной свобо-

---

[1]) Ср. Дюги. Право соціальное, право индивидуальное, съ его любопытной схемой.

дой и свободой совѣсти. Безпрепятственное отправленіе религіи гарантируется конституціей и находится подъ охраной государства. Общіе законы этимъ не отмѣняются.

Частныя и гражданскія права и обязанности, однако, не могутъ быть обусловлены или ограничены черезъ осуществленіе религіозной свободы.

Пользованіе частными и гражданскими правами, а равно и допущеніе къ отправленію общественной (публичной) должности, не зависитъ отъ того или иного религіознаго убѣжденія. Никто не обязанъ открывать своихъ религіозныхъ убѣжденій, и власти имѣютъ право освѣдомляться о принадлежности къ религіозному обществу лишь тогда, когда отъ этого зависятъ тѣ или иныя обязанности, или. когда этого требуетъ законнымъ порядкомъ предпринятое статистическое обслѣдованіе.

Никто не можетъ быть принужденъ къ церковному дѣйствію, или празднованію. или къ участію въ религіозномъ обрядѣ, или пользованію религіозной формой присяги.

Государственной церкви не существуетъ.[1]) Гарантируется свобода объединенія въ религіозныя общества. Объединеніе религіозныхъ сообществъ въ предѣлахъ федеральной территоріи не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ. Каждое религіозное общество распоряжается и управляетъ своими дѣлами самостоятельно въ предѣлахъ дѣйствующаго для всѣхъ закона. Оно замѣщаетъ свои должности безъ всякаго содѣйствія государства или гражданской общины.

Религіозныя общества пріобрѣтаютъ правоспособность, согласно общимъ предписаніямъ гражданскаго права. Поскольку эти общества были таковыми до настоящаго времени, они остаются и впредь публично-правовыми корпораціями. Прочія религіозныя общества получаютъ, въ случаѣ возбужденія ходатайства, тѣ же права, если они своей конституціей и числомъ членовъ гарантируютъ длительность своего существованія. Въ случаѣ объединенія нѣсколькихъ такихъ религіозно-правовыхъ обществъ въ союзъ, союзъ этотъ также является публично-правовой корпораціей.

Религіозныя общества, пользующіяся правами публично-правовыхъ корпорацій, управомочены взимать налоги на основаніи правилъ партикулярнаго законодательства. Къ религіознымъ обществамъ приравниваются союзы, которые ставятъ себѣ задачей общественное попеченіе о нравственно-философскомъ воспитаніи.

Поскольку проведеніе этихъ постановленій нуждается въ дальнѣйшемъ регулированіи, таковое совершается посредствомъ партикулярнаго законодательства.

Основанныя на законѣ, договорѣ или иномъ правовомъ титулѣ, государственныя субсидіи церкви должны быть отмѣнены въ порядкѣ партикулярнаго законодательства,[2]) за федераціей же остается право установить для сего основныя положенія. Право собственности и прочія права религіозныхъ обществъ и союзовъ, по отношенію къ предназна-

---

[1]) Этимъ постановленіемъ конституція прекращаетъ существованіе системы государственной церкви, существовавшей въ Германіи со времени Лютера.

[2]) До изданія особаго федеральнаго закона, всѣ покоившіяся на разныхъ титулахъ субсидіи государства религіознымъ обществамъ остаются въ силѣ.

ченнымъ для ихъ культурныхъ, учебныхъ и просвѣтительныхъ цѣлей учрежденіямъ, заведеніямъ и инымъ имуществамъ, гарантируется конституціей. Воскресный день и признанные государствомъ праздничные дни остаются подъ защитой закона, въ качествѣ дней отдыха и духовнаго совершенствованія.

Принадлежащимъ къ составу вооруженной силы гражданамъ гарантируется необходимое для выполненія религіозныхъ обязанностей свободное время.

Поскольку имѣется потребность въ богослуженіи и попеченіи о душахъ (Seelessorge) въ войскахъ, больницахъ, тюрьмахъ и иныхъ публичныхъ учрежденіяхъ, религіозныя общества допускаются къ выполненію религіозныхъ дѣйствій въ этихъ учрежденіяхъ; никакое принужденіе, однако, при этомъ не допускается (стр. 141).

3. Народное просвѣщеніе.

Весьма интересны постановленія раздѣла четвертаго, трактующаго о народномъ образованіи и школахъ. Они, я бы сказалъ, совершенствуютъ и безъ того прекрасную германскую школьную систему.

Начинается этотъ раздѣлъ съ декларированія свободы искусства, науки и обученія. Государство гарантируетъ охрану этой свободы и принимаетъ участіе въ попеченіи о преуспѣяніи (ст. 142) наукъ и искусствъ. Обученіе юношества возлагается на публичныя учрежденія. Въ устройствѣ таковыхъ дѣйствуютъ совмѣстно федерація, отдѣльныя государства и общины.

Подготовка преподавательскаго состава регулируется федераціей единообразно на основаніи правилъ, дѣйствующихъ вообще для высшаго образованія. Учителя публичныхъ школъ имѣютъ права и обязанности государственныхъ служащихъ (ст. 143). Все школьное образованіе находится подъ надзоромъ государства: въ немъ могутъ участвовать и общины. Надзоръ за школами осуществляется черезъ спеціально подготовленныхъ должностныхъ лицъ, состоящихъ въ высшихъ должностяхъ (ст. 144).

Далѣе (ст. 145) декларируется принципъ всеобщаго обязательнаго обученія, для осуществленія каковаго должны служить, главнымъ образомъ, народныя школы съ минимальнымъ восьмилѣтнимъ срокомъ обученія, а также дополнительныя школы[1]) до исчисленія 18-лѣтняго возраста.

Обученіе и учебныя пособія въ народныхъ и дополнительныхъ школахъ (ст. 145) безплатны.

Затѣмъ конституція останавливается на принципахъ организаціи школьнаго дѣла. Публичное учебное дѣло, постановляетъ она, конструируется органически. На одной общей для всѣхъ основной школьной системѣ должно быть построено какъ среднее, такъ и высшее образованіе. При этомъ построеніи принимается въ соображеніе многообразіе жизненныхъ призваній, а при пріемѣ ребенка въ опредѣленную школу—тѣ или иныя его наклонности и расположенія, а отнюдь не экономическое или обще-

---

[1]) Прекрасно организованная система германскихъ дополнительныхъ школъ, съ которой намъ довелось ознакомиться лично, имѣетъ цѣлью дать возможность юношеству въ возрастѣ 13-15 лѣтъ, уже вышедшему изъ народной школы, получить, не теряя заработка, дополнительное общее и профессіональное образованіе въ свободные отъ занятій часы.

ственное положеніе или религіозныя убѣжденія родителей. Такъ, въ отличіе отъ школьныхъ лозунговъ совѣтской Россіи индивидуализируется учебное преподаваніе.

Въ предѣлахъ общины должны быть организуемы, по ходатайству воспитателей (Erziehungsberechtigten), народныя школы ихъ исповѣданія или міровоззрѣнія, поскольку этимъ не нарушается общая схема школьнаго дѣла, намѣченная въ первомъ отдѣлѣ. По возможности, принимаются во вниманіе пожеланія воспитателей. [1]

Въ цѣляхъ облегченія допуска малосостоятельныхъ лицъ къ среднему и высшему образованію, федераціей, государствами и общинами должны быть предоставлены къ тому необходимыя средства, въ особенности стипендіи (Erziehungsbeihilfen), до окончанія образованія для тѣхъ дѣтей, которыя были признаны достойными продолженія образованія въ средней и высшей школѣ (ст. 146).

Частныя школы, какъ замѣна публичныхъ, нуждаются для своего существованія въ согласіи со стороны государства и подлежатъ дѣйствію партикулярнаго законодательства. Разрѣшеніе на открытіе частныхъ школъ должно быть выдаваемо тогда, когда эти школы по своимъ учебнымъ цѣлямъ и учрежденіямъ (Einrichtungen), равно какъ и въ отношеніи научной подготовки своего преподавательскаго персонала не стоятъ ниже публичныхъ школъ и не допускаютъ обособленія учащихся по имущественному положенію родителей. Въ санкціи должно быть отказано, если имущественное и правовое положеніе [2] учащихъ обезпечено не въ достаточной степени. Открытіе частныхъ народныхъ школъ допускается лишь въ томъ случаѣ, если въ данной общинѣ не имѣется общественной народной школы для меньшинства, имѣющихъ право на воспитаніе, пожеланія коего должны быть приняты во вниманіе въ силу ст. 146, отд. 2, либо, если учебное управленіе признаетъ въ этомъ особый педагогическій интересъ.

Частныя предварительныя школы (Vorschulen) упраздняются; тѣ же частныя школы, которыя не служатъ замѣной общественныхъ, продолжаютъ дѣйствовать па основаніи дѣйствующихъ законовъ (ст. 147).

Выяснивъ свою политику въ области самой организаціи школьнаго дѣла, конституція 1919 года находитъ необходимымъ посвятить нѣсколько словъ и *общему направленію народнаго образованія*.

Во всѣхъ школахъ, говоритъ ст. 148, надлежитъ стремиться къ нравственному воспитанію, государственно-гражданскому образу мыслей, личной и профессіональной честности въ духѣ идеи германизма и братства народовъ. Во время преподаванія въ общественныхъ школахъ слѣдуетъ остерегаться причинить оскорбленіе чувствамъ инакомыслящаго. Законовѣдѣніе и трудовое обученіе (Arbeitsunterricht) являются необходимыми отраслями школьнаго дѣла. Каждый ученикъ получаетъ при окончаніи обязательнаго обученія экземпляръ конституціи. Народное образованіе, включая народныя высшія школы должно быть поощряемо со стороны федераціи отдѣльныхъ государствъ и общинъ (ст. 148).

Преподаваніе религіи составляетъ обычный предметъ преподаванія въ школахъ, за исключеніемъ неконфессіональныхъ школъ (bekenntnissfreien, weltlichen).

Преподаваніе это должно вестись въ согласіи съ основными догматами соотвѣтственной церкви и независимо отъ наблюденія государства. Содержаніе религіознаго обученія и отношеніе его къ церковнымъ учрежденіямъ составляетъ компетенцію преподавателя; посѣщеніе учащимися уроковъ религіи и участіе ихъ въ церковныхъ обрядахъ и богослуженіяхъ зависитъ отъ желанія тѣхъ лицъ, которыя опредѣляютъ религіозное воспитаніе ребенка. Теологическіе факультеты въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ сохраняютъ свое существованіе.

---

[1]) Ближайшее опредѣляютъ партикулярныя законодательства на основѣ федеральнаго закона; до его изданія остается прежнее положеніе; онъ долженъ особенно предусмотрѣть тѣ области, гдѣ нѣтъ школъ, раздѣленныхъ по исповѣданіямъ.

[2]) Невольно сопоставишь эту статью съ безсистемнымъ и непродуманнымъ школьнымъ грюндерствомъ совѣтской власти.

Памятники искусства, исторіи и природы, равно какъ и природная красота, пользуются охраной и попеченіемъ со стороны государства.

Федерація вправѣ воспретить вывозъ германскихъ художественныхъ цѣнностей заграницу.

4. Буржуазный строй и соціальныя реформы.

Послѣдній (5), крайне интересный въ имущественно-политическомъ отношеніи отдѣлъ конституціи посвященъ строительству хозяйственной жизни Германіи. Распорядокъ экономической жизни, гласитъ ст. 151, долженъ соотвѣтствовать принципамъ справедливости, въ цѣляхъ гарантіи для всѣхъ достойнаго человѣческаго существованія. Въ этихъ границахъ обезпечивается *экономическая свобода* отдѣльныхъ лицъ. Законодательное принужденіе допустимо лишь для осуществленія находящихся подъ угрозой правъ или въ качествѣ необходимой, для проведенія въ жизнь насущнѣйшихъ требованій общественнаго благополучія, мѣры. Въ хозяйственномъ (экономическомъ) оборотѣ имѣетъ мѣсто свобода соглашенія на основаніяхъ, установленныхъ закономъ. Ростовщичество воспрещается закономъ. Юридическія сдѣлки, которыя оскорбляютъ добрые нравы—ничтожны.

Собственность гарантируется конституціей. Ея содержаніе и границы опредѣляются закономъ. Отчужденіе собственности можетъ состояться только въ цѣляхъ общаго благосостоянія (Wohl per Allgemeinheit). Оно совершается за приличное вознагражденіе, поскольку федеральный законъ не опредѣляетъ другого. Въ отношеніи размѣра вознагражденія, въ случаѣ споровъ о томъ, должна быть открыта возможность обращенія въ обыкновенный судъ, если федеральные законы не предусматриваютъ другого порядка.

Экспропріація, совершаемая федераціей въ отношеніи отдѣльныхъ государствъ, общинъ и общественныхъ союзовъ можетъ послѣдовать только за вознагражденіе. Таковы постановленія, установляющія въ Германіи „буржуазный" строй.

Но право собственности, говоритъ ст. 153, обязываетъ обладателя. Осуществленіе его должно являться служеніемъ на общую пользу. Отсюда отрицаніе прежняго содержанія права собственности—„uti et abuti", и принципа „qui suo jure utitur nemini facit injuriam."

Утвердивъ на такихъ началахъ неприкосновенность собственности, конституція переходитъ къ наслѣдственному праву. Это послѣднее, по тексту ст. 54, гарантируется на основаніяхъ, изложенныхъ въ гражданскомъ кодексѣ. Участіе государства въ наслѣдствѣ опредѣляется закономъ.

Распредѣленіе (Verteilung) и использованіе *земельнаго фонда* находятся подъ наблюденіемъ государства; при этомъ преслѣдуются злоупотребленія, и ставится задача обезпечить каждому нѣмцу здоровое жилище и всѣмъ германскимъ семьямъ, особенно имѣющимъ много дѣтей—соотвѣтствующее ихъ потребностямъ жилое и хозяйственное помѣщеніе. Участники войны должны быть особенно приняты во вниманіе при правовомъ регулированіи этого вопроса. Таковы основныя мысли будущей нѣмецкой земельной политики.

Недвижимости, пріобрѣтеніе которыхъ необходимо для удовлетворенія жилищныхъ нуждъ, для цѣлей колонизаціи (zur Forderung der Siedelung)

и поддержанія или развитія сельскаго хозяйства, могутъ быть повергнуты экспропріаціи. Феденкомиссы упраздняются. Обработка и использованіе земли является обязанностью землевладѣльца по отношенію къ обществу. Повышеніе стоимости земли, которое произошло безъ приложенія къ участку земли труда или денежныхъ средствъ, можетъ быть обложено налогомъ въ пользу общества (Gesamtheit). Всѣ ископаемыя и всѣ экономически полезныя силы природы находятся подъ контролемъ государства. Частныя регаліи должны перейти въ законодательномъ порядкѣ къ государству.

Федерація можетъ, кромѣ того, передать посредствомъ закона подлежащія націонализированію частныя хозяйственныя предпріятія въ собственность общества, оставляя, однако, при этомъ въ неприкосновенности право заинтересованныхъ лицъ на вознагражденіе и съ соотвѣтственнымъ примѣненіемъ дѣйствующихъ для экспропріаціи законоположеній. При этомъ обезпечивается участіе отдѣльныхъ государствъ и общинъ въ управленіи хозяйственными предпріятіями, либо иное опредѣленное вліяніе на ихъ эксплоатацію.

Федерація вправѣ затѣмъ, въ случаѣ настоятельной необходимости для интересовъ общества (zum Zwecke der Gemeinschaft), объединять въ законодательномъ порядкѣ хозяйственныя предпріятія и организаціи на основѣ самоуправленія: задачей такого объединенія можетъ служить стремленіе обезпечить этимъ сотрудничество всѣхъ производительныхъ силъ народа, предоставить работодателямъ и рабочимъ (Arbeitnehmer) участіе въ управленіи предпріятіями и регулировать на соціально-хозяйственныхъ основахъ производство, добычу, распредѣленіе, потребленіе и установленіе цѣнъ, равно какъ ввозъ и вывозъ хозяйственныхъ благъ. Торговые и хозяйственные союзы и ихъ объединенія должны быть использованы по ихъ требованію для общественнаго хозяйства, съ принятіемъ въ соображеніе устройства и особенностей (ст. 156) послѣднихъ.

Такимъ образомъ, двѣ послѣднія цитированныя нами статьи учитываютъ тѣ отступленія, которыя Германія должна была сдѣлать отъ принциповъ, провозглашенныхъ ею въ области экономической жизни, подъ давленіемъ соціалистическихъ идей и движеній нашего времени. Ст. ст. 157-165 конституціи выясняютъ позицію ея составителей въ рабочемъ вопросѣ.

Рабочая сила, говорятъ эти статьи, стоитъ подъ особою защитой федераціи. Федерація имѣетъ единый кодексъ о трудѣ.

Умственная работа, права открывателя, изобрѣтателя и художниковъ пользуются защитой и попеченіемъ федераціи. Произведеніямъ германской науки, искусствъ и техники обезпечивается, на основаніи соотвѣтственныхъ международныхъ соглашеній, защита и попеченіе заграницей.

Право коалиціи для защиты и обезпеченія надлежащихъ условій и экономическихъ выгодъ гарантируется каждому лицу и для всѣхъ профессій. Всѣ оговорки (Abuden) и мѣропріятія, которыя ограничиваютъ эту свободу, или препятствуютъ ей—противозаконны.

Каждое лицо, состоящее въ служебныхъ отношеніяхъ къ другому въ качествѣ служащаго или рабочаго, имѣетъ право на предоставленіе ему необходимаго времени для осуществленія правъ гражданина и, поскольку это не приноситъ существеннаго ущерба предпріятію—на выполненіе почетныхъ общественныхъ должностей; въ какой мѣрѣ онъ сохраняетъ при этомъ право на вознагражденіе (Vergütung), опредѣляетъ законъ (ст. 160).

Для сохраненія здоровья и работоспособности трудящихся, охраны материнства и обезпеченія ихъ на случай старости, болѣзни и перемѣнъ въ жизни, федерація имѣетъ создать исчерпывающую систему страхованія при соотвѣственномъ участіи страхуемыхъ.

Федерація участвуетъ далѣе въ международномъ регулированіи правового положенія трудящихся, въ цѣляхъ обезпеченія общаго минимума соціальныхъ правъ для всего трудового класса.

Каждый нѣмецъ въ то же время нравственно обязанъ развивать свои духовныя и физическія силы въ томъ направленіи, какъ этого требуетъ благостояніе цѣлаго, при неприкосновенности, однако, личныхъ правъ. Съ другой стороны, каждому нѣмцу должна быть дана возможность добывать себѣ пропитаніе хозяйственнымъ трудомъ. Поскольку гражданину не указано надлежащее примѣненіе его силъ, государство должно имѣть попеченіе о предоставленіи ему необходимаго пропитанія; ближайшимъ образомъ это опредѣляется особымъ федеральнымъ закономъ.

Самостоятельныя, среднія въ хозяйственномъ отношеніи единицы въ области земледѣлія, торговли и промышленности должны пользоваться покровительствомъ и охраной отъ поглощенія ихъ крупнымъ хозяйствомъ.[1]) *Рабочіе и служащіе призываются къ равноправному съ предпринимателями сотрудничеству въ дѣлѣ урегулированія условій оплаты труда*, равно какъ въ совокупномъ развитіи производительныхъ силъ.

Обоюдныя организаціи и ихъ объединенія подлежатъ признанію. *Рабочіе и служащіе* получаютъ для осуществленія своихъ соціальныхъ и экономическихъ интересовъ законное *представительство въ рабочихъ совѣтахъ предпріятій*, въ окружныхъ, распредѣленныхъ по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства, рабочихъ совѣтахъ и въ федеральномъ рабочемъ совѣтѣ.

Окружные и федеральный рабочій совѣты, при выполненіи общехозяйственныхъ задачъ и содѣйствіи по проведенію законовъ о соціализаціи, входятъ совмѣстно съ представительствомъ предпринимателей и другихъ заинтересованныхъ круговъ населенія въ окружные и федеральный экономическіе совѣты. Послѣдніе должны быть организованы такимъ образомъ, чтобы въ нихъ были представлены всѣ важнѣйшія профессіональныя группировки сообразно съ экономическимъ и соціальномъ значеніемъ этихъ группировокъ. Соціально-политическіе и хозяйственно-политическіе законопроекты, передъ внесеніемъ ихъ въ законодательныя учрежденія, представляются правительствомъ на заключеніе федеральнаго экономическаго совѣта; съ другой стороны, федеральный экономическій совѣтъ и самъ можетъ брать на себя инипіативу подобнаго рода законодательныхъ предположеній.

Въ случаѣ несогласія съ такимъ проектомъ федеральнаго правительства, проектъ, тѣмъ не менѣе, вносится въ рейхстагъ, но съ пріобщеніемъ къ нему точки зрѣнія правительства. При этомъ экономическій федеральный совѣтъ вправѣ защищать проектъ передъ рейхстагомъ черезъ одного изъ своихъ членовъ.

Рабочимъ и экономическимъ совѣтамъ могутъ быть представлены контрольныя и административныя функціи въ отведенныхъ (überwiesene) имъ областяхъ.

---

[1]) Здѣсь, такимъ образомъ, культивируются тѣ мелко-буржуазныя хозяйства, „тѣ „хозяйчики", съ которыми желаетъ энергично бороться совѣтская власть.

Опредѣленіе организаціи и задачъ рабочихъ и экономическихъ совѣтовъ, равно какъ ихъ отношенія къ другимъ самоуправлющимся соціальнымъ единицамъ, составляетъ исключительное право федераціи

5. Переходныя постановленія.

Статьи 166-181 конституціи трактуютъ о переходныхъ заключительныхъ постановленіяхъ, опредѣляютъ время и порядокъ введенія отдѣльныхъ нормъ конституціи, устанавливаютъ обязанность всѣхъ служащихъ и чиновъ арміи принести присягу въ соблюденіи конституціи,[1]) нормируютъ послѣднія и срокъ вступленія ея въ законную силу и порядокъ временной замѣны предусматриваемыхъ ею государственныхъ учрежденій Германіи.

Въ силу ст. 178 прежняя конституція 16 апрѣля 1871 года и законъ о временномъ устройствѣ государственной власти отмѣнены, прочіе же законы и распоряженія федераціи должны сохранить свое дѣйствіе, поскольку таковыя не противорѣчатъ постановленіямъ конституціи.

Постановленія подписаннаго 28-го іюня 1919 года въ Версалѣ мирнаго договора оставляются конституціей въ неприкосновенности (ст. 178).

Конституція вступаетъ въ силу съ момента ея обнародованія (№152 Reichsgesetzblatt 14 августа 1919 г.). Поскольку въ законахъ или указахъ имѣются ссылки на правила и учрежденія, которыя отмѣняются и упраздняются конституціей, на ихъ мѣсто вступаютъ соотвѣтственныя предписанія и установленія конституціи.

Въ частности, на мѣсто національнаго собранія вступаетъ рейхстагъ, вмѣсто совѣта государствъ (Staatenausschusses)—рейхсратъ и на мѣсто федеральнаго президента, избраннаго на основаніи закона о временномъ устройствѣ государственной власти—президентъ, избранный на основаніи новой конституціи (ст. 179). Принадлежащее по прежнимъ правиламъ совѣту государствъ полномочіе издавать указы переходитъ къ федеральному правительству; послѣднее нуждается, для осуществленія этого полномочія, въ согласіи рейхсрата, сообразно правиламъ конституціи (ст. 179).

До созыва перваго рейхстага національное собраніе почитается рейхстагомъ, а до вступленія въ должность перваго федеральнаго президента, его обязанности выполняются президентомъ, избраннымъ на основѣ уже указаннаго закона объ устройствѣ государственной власти.

Итакъ, передъ нами, вмѣсто могучей, бряцающей оружіемъ Германской имперіи—молодая, приниженная, но все еще сильная духомъ, сильная своими порывами германская федеральная республика. Принадлежа къ числу тѣхъ, которыя вѣрятъ въ нѣмецкую націю и довѣряютъ искренности ея вновь народившихся демократическихъ стремленій, попытаемся теперь, въ годину тяжкихъ испытаній, перенесенныхъ Россіей и Германіей, провести нѣкоторыя параллели, сдѣлать нѣкоторыя сравненія между разными путями государственнаго строительства, по которымъ пошли эти двѣ еще недавно великія имперіи.

---

[1]) Ближайшимъ образомъ порядокъ принесенія ими присяги опредѣляется указомъ президента.

Обѣ онѣ пережили эру господства „правительства царя, помѣщиковъ и буржуазіи“, о которомъ такъ часто говорятъ въ своихъ декретахъ и декларацiяхъ большевики. О томъ, кто больше оказывалъ вліянія на направленіе правительственной политики, прусское ли юнкерство или русское дворянство, какое изъ самоуправленій было болѣе буржуазнымъ, наше ли по законодательству императора Александра II-го или прусское съ его трехклассной системой и налоговыми персоналистами, —можно много спорить и посейчасъ, равно какъ и о томъ, кто проводилъ наиболѣе имперіалистическій курсъ, несчастный ли императоръ Николай II или свергнутый кайзеръ Вильгельмъ. Горючаго матеріала въ Германіи накопилось поэтому тоже немало. Если же учесть, съ одной стороны, дѣйствительно сильное, а не призрачное, какъ у насъ, и реальное развитіе здѣсь капитализма, а съ другой—естественную злобу народныхъ массъ по отношенію къ руководителямъ государственной жизни, приведшимъ Германію почти на край гибели, то, пожалуй, и слишкомъ достаточно, чтобы дать сильный импульсъ революціоннымъ стремленіямъ народа.

Но каковы разультаты всего этого? У насъ, вмѣсто „ненавистнаго правительства и царя“, вмѣсто демократическаго, благороднаго своими идеями, но жалкаго по своей жизненной силѣ правительства 1917 года, —тираническая власть пролетаріата, и, притомъ, какъ мы уже имѣли случай отмѣтить,[1]) пролетаріата городского, численно и качественно тонущаго въ крестьянской массѣ. Въ Россіи совѣтовъ все: и организація выборовъ и структура органовъ власти построены такъ, чтобы реализировать эту диктатуру; въ Германіи, напротивъ, видно желаніе оцѣнить и принять въ соображеніе и національныя стремленія, и территоріальные интересы, и партійныя группировки, искреннее—будемъ вѣрить—стремленіе отобразить въ государственной организаціи страны все богатство, все разнообразіе, всѣ оттѣнки ея политической жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, услышать истинный, неподдѣльный голосъ всего народа, а не какой-нибудь одной, хотя бы въ соціальномъ отношеніи и многозначимой части его.

А вотъ и тотъ унитаризмъ, тѣ отступленія отъ федеративности, которыя мы замѣчаемъ и въ Германіи и въ Россіи. Какая разница здѣсь и тамъ? Есть ли въ совѣтской Россіи гарантіи того, что они допускаются исключительно во имя непререкаемыхъ и жизненныхъ интересовъ цѣлаго, какъ это мы видимъ изъ германскаго конституціоннаго акта? Не кажутся ли совѣтскія республики эфемерными, фиктивными образованіями?

Устройство государственныхъ учрежденій. Что усматриваемъ мы въ Германіи и Россіи? Въ Германіи бросается въ глаза своеобразность, сложность, но юридически точная и ясная формулировка конституціонныхъ положеній; у насъ, наоборотъ, неясность, слитность и неопредѣленность, не дающая возможности распознать основные моменты государственной организаціи страны.

Правда, къ чему эта точная формулировка при диктатурѣ пролетаріата, столь открыто осуществленной, въ сущности, двумя только ли-

---

[1] Наше „Государственное устройство совѣтской Россіи“. Владивостокъ, 1920 года. Изд. „Свободная Россія“.

цами? Если имъ принадлежитъ полнота власти, если имъ ввѣряетъ свою судьбу и судьбы Россіи русскій пролетаріатъ, то для чего эти тонкости, полагаетъ, вѣроятно, дѣятель „красной“ Россіи.

Вѣдь недаромъ когда-то и ученые ревнители верховныхъ правъ самодержавія въ эпоху до революціи 1906 года считали излишнимъ юридизировать царскую власть, не въ примѣръ усерднымъ основоположникамъ нашего школьнаго либерализма, стремившимся примирить русское самодержавіе съ верховенствомъ законовъ Quod principi placuit, legis habet vigorem. Создатели совѣтской конституціи, очевидно, думали о томъ же.

Декларація правъ человѣка и гражданина. Рѣдко гдѣ она отдѣлана съ такимъ тщаніемъ и любовью, какъ въ германскомъ актѣ 11-го августа 1919 года. Кажется, всѣ важнѣйшіе интересы, какъ общественный, такъ и индивидуальные, получили въ ней свою юридическую гарантію, и гарантію не только пышныхъ фразъ, но реальныхъ и исполнимыхъ директивъ правительственной власти.

Ее замѣняетъ въ совѣтской конституціи декларація правъ трудящагося и эксплоатируемаго народа; тутъ декларируется и уничтоженіе эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, и переходъ земли изъ нѣдръ ея въ руки трудового народа, и національзація банковъ, и аннулированіе займовъ, и прекращеніе имперіалистическихъ войнъ во имя „мира всего міра“, и сохраненіе человѣческихъ жизней, и освобожденіе народностей, и гарантіи свободы слова, собраній и печати, съ реализаціей ихъ мѣрами государства для трудящихся—словомъ, много того, чего нѣтъ въ Россіи на самомъ дѣлѣ, и чего, думается, не надѣялись дать ей и сами составители совѣтскаго конституціоннаго закона.

Соціальная сфера. Безпощадная соціализація предпріятій и недвижимыхъ имуществъ и конфискація капиталовъ, проведенная рѣзко, грубо и, такъ сказать, топорно въ совѣтской Россіи. Признаніе необходимости соціальной реформы; приданіе превалирующаго значенія въ соціальной жизни интересамъ цѣлаго передъ индивидуальными интересами; привлеченіе трудящихся къ сотрудничеству съ представителями капитала въ завѣдываніи промышленностью и къ мирному соціальному переустройству; желаніе постепенно и планомѣрно, но основательно и прочно разрѣшить наиболѣе трудные соціальные вопросы—вотъ что мы видимъ нынѣ въ конституціи молодой Германіи.

Заканчивая на этомъ обзоръ государственнаго строя Германіи, хотѣлось бы выразить надежду, что германскій народъ воспрянетъ на этотъ разъ въ новомъ обликѣ, который послужитъ залогомъ будущаго мирнаго сотрудничества двухъ, вновь великихъ, странъ на политической аренѣ.

В. Энгельфельдъ.

Декастринская трагедія.

(Человѣческіе документы).

Послѣ 3-хъ слишкомъ дней пути отъ Хакодате до Декастри, пути по пустынному морю, гдѣ за все время встрѣтился только одинъ пароходъ—японскій военный транспортъ, шедшій изъ порта Отаро въ Николаевскъ, мы 8 іюля подошли къ Декастри и, войдя въ заливъ, остановились недалеко отъ Клостеръ-Кампскаго маяка.

Шли въ туманѣ, и потому медленнымъ ходомъ. Сыро и холодно. Сырость и холодъ пронизываютъ сквозь пальто, несмотря на „лѣто".

Непріятно и тяжко въ душѣ. Недавняя трагедія, совершившаяся здѣсь, невольно волнуетъ и заставляетъ скорбѣть.

Революціонная гроза не оставила нетронутыми, кажется, ни одного уголка русской земли, отъ Польши до Чукотскаго носа, отъ Бѣлаго моря до Кавказа, даже тамъ, гдѣ, казалось, не къ чему было бы и прикоснуться.

Маленькое поселеніе Декастри, гдѣ когда-то была только небольшая военная команда, затѣмъ существовали: таможенная застава, телеграфный постъ, небольшая церковка, маякъ (на мысѣ Клостеръ-Кампъ) и два-три частныя строенія въ разныхъ мѣстахъ залива—сдѣлалось свидѣтелемъ тяжкаго вѣроломства и гнуснѣйшаго звѣрства.

Здѣсь погибло нѣсколько десятковъ, преимущественно молодыхъ людей, разгромлена таможенная застава, полуразрушена церковь, сожжены казармы, приведенъ въ бездѣйствіе маякъ, разорены рыбалки...

У меня было слабое воспоминаніе о Декастри съ дѣтства. Здѣсь я бывалъ въ 1874-5 годахъ, еще совершеннымъ малышомъ.

Но все-таки воспоминаніе было, какъ о нѣкоторомъ жиломъ мѣстѣ. Не вправѣ ли я былъ ожидать отъ него чего-либо болѣе солиднаго, чѣмъ то, что я видѣлъ сорокъ пять лѣтъ тому назадъ?

Между тѣмъ, заливъ Декастри оказался совершенной пустыней. Мы не видѣли здѣсь не только какого-либо русскаго судна, но даже лодки.

Все какъ будто вымерло, или будто бы это были берега только что открываемыхъ земель.

Честь русскаго флота поддерживала лишь одна утлая лодчонка, на которой подъѣхалъ къ нашей „Батареѣ" одинъ изъ служителей маяка съ оригинальной фамиліей: Небылица.

Въ моментъ нашего прихода въ Декастри мы застали тамъ на рейдѣ два японскихъ военныхъ судна. Кромѣ нихъ, былъ военный транспортъ. Сообщеніе съ берегомъ поддерживали паровые катера.

Когда мы встали на якорь, къ намъ подошелъ японскій катеръ съ офицерами. Разспросивъ капитана, они уѣхали. Черезъ нѣкоторое время капитанъ съ переводчикомъ, съ картою Амурскаго лимана, долженъ былъ ѣхать на японское судно, гдѣ ему должны были дать указанія о томъ, какъ безопасно пройти по упомянутому лиману до мыса Джаорэ, миновавъ мѣста, гдѣ были завалены партизанами баржи съ камнями и поставлены мины.

Японцы нынѣ являлись дѣйствительными хозяевами здѣшнихъ мѣстъ, гражданскими и военными властями.

Нѣсколько человѣкъ изъ пріѣхавшихъ на „Батарею" рѣшили поѣхать на берегъ.

Когда мы подъѣзжали къ мѣсту, гдѣ находилась таможня, уже издали видѣли значительно попорченныя и совершенно заброшенныя зданія.

У берега не было ни одного живого существа.

Всѣ приспособленія для причала, повидимому, были унесены волнами. Причалили, какъ пришлось, къ камнямъ. На берегу у причала нашли двѣ брошенныя полуразрушенныя лодки и массу всякаго мусора, выброшеннаго волнами, который очищать было некому.

Поднялись на откосъ, гдѣ находились постройки таможенной заставы.

Домъ начальника заставы и всѣ службы стояли съ побитыми окнами, съ раскрытыми дверьми. Всюду валялись разные обломки. Стѣны носили слѣды пуль.

Полъ кладовой и ея подполье засыпаны слоемъ клочковъ бумагъ изъ разорванныхъ казенныхъ дѣлъ, книгъ, газетъ, бумагъ, журналовъ и пр.

Часть печей разрушена, стѣны, которыя были отштукатурены, изрѣшетены пулями, проткнуты штыками.

Мебель, включая и желѣзныя кровати, переломана въ мелкіе куски. Ими завалены всѣ комнаты вперемежку съ разорванными книгами, газетами и дѣлами.

Когда мы бродили среди остатковъ этого разрушеннаго человѣческаго гнѣзда, у меня явилась мысль взять что-нибудь себѣ „на память", хотя бы какую-нибудь бумажку.

Я наклонился и поднялъ листокъ какой-то рукописи.

Какой иронией явилось содержаніе этого листка:

... „Такое сужденіе онъ услышалъ отъ мужика Федора о другомъ мужикѣ, Ѳоканычѣ, который, по словамъ Федора, „Бога помнитъ" и „для души живетъ". Ни Федоръ ни Ѳоканычъ не читали ни Канта ни Шопенгауэра и не ломали голову метафизическими вопросами. И, если они сознаютъ въ себѣ категорическій императивъ „нравственнаго", по терминологіи Толстого, и отличаютъ нравственное отъ ненравственнаго не хуже Левина и Канта, то это и является для Левина лучшимъ доказательствомъ существованія высшаго нравственнаго закона, исходящаго отъ божества, а не отъ людей. *Значитъ, есть и безсмертіе души, и загробный міръ, и Богъ*".

Гдѣ этотъ философъ, и гдѣ его Богъ?..

Отсюда мы поѣхали къ мѣсту, гдѣ находится почтово-телеграфное отдѣленіе.

Когда мы поднялись на откосъ, гдѣ расположенъ постъ, замѣтили у двухъ жилыхъ домовъ стоящихъ японскихъ часовыхъ, и намъ навстрѣчу шелъ японскій морской офицеръ.

Онъ указалъ нашему переводчику, куда нужно итти, чтобы найти „двадцать четыре трупа"...

Трупы эти, лежавшіе здѣсь съ 12 марта, т. е. чуть не четыре мѣсяца, успѣли уже сдѣлаться достопримѣчательностью Декастри.

Мы шли по мрачному тундристому мѣсту до края откоса и потомъ по круто падающей тропинкѣ спустились подъ откосъ къ берегу.

Нашимъ глазамъ представились голые трупы, которые валялись, какъ валяется обыкновенно на свалкахъ выкинутая падаль.

Кожа труповъ высохла и сдѣлалась коричневою подъ вліяніемъ солнца.

Кости ногъ и рукъ оголились, какъ и черепа.

Части труповъ были придавлены обвалившейся съ откоса землею или выброшенными изъ моря обломками деревьевъ.

Найдены были лежащими вереницей двѣнадцать труповъ. Остальные 12 или были вынесены въ море, или засыпаны оползнями откосовъ.

Впрочемъ, потомъ говорили, что они валяются въ другихъ мѣстахъ по берегамъ.

Во время нашего стоянія здѣсь, благодаря стараніямъ николаевцевъ, г. г. Люри и Каплана, нанявшихъ за свой счетъ артель японскихъ рабочихъ, трупы были похоронены.

Когда ихъ носили въ могилу, конечно, у многихъ оказались вывалившимися внутренности. Распространилось сильное зловоніе.

И это были останки молодыхъ людей, только что вступившихъ въ жизнь, причемъ иные только что кончили школу...

Когда мы бродили по этому страшному мѣсту, невольно приходила на умъ мрачная картина.

Глухая ночь, пустыня. Глубокій снѣгъ. Жестокій морозъ. Одна толпа вооруженныхъ людей гонитъ другую, меньшую толпу безоружныхъ.

—Раздѣвайтесь сами, не заставляйте ждать! слышится грубый окрикъ.

Мольбы, просьбы, плачъ...

А въ отвѣтъ ругательства палачей...

Раздѣтые до-нага на морозѣ, въ снѣгу, стоятъ у края откоса.

Залпъ изъ ружей. Одни валятся сами подъ откосъ; другіе сбрасываются палачами.

Быть можетъ, у нихъ еще теплилась искра жизни...

Долго будетъ помнить Декастри эту ночь торжества Каина...

Съ этими трупами связывается еще одинъ недоумѣнный вопросъ.

Отчего они, какъ падаль, валялись четыре мѣсяца?

Что ихъ не похоронили японцы—это совершенно понятно: они хотѣли, какъ можно, лучше демонстрировать наше русское звѣрство.

Но отчего ихъ не похоронили свои, русскіе, отчего ихъ не похоронили, когда стоялъ здѣсь русскій пароходъ „Симонъ"—вотъ вопросъ?...

Отчего не распорядилось похоронить ихъ бывшее тогда правительство земской управы?

Въ краткихъ словахъ исторія истребленія декастринскаго отряда такова.

Въ то время, когда въ Николаевскѣ стоялъ еще гарнизонъ войскъ колчаковскаго формированія, началось движеніе партизанъ по рѣкѣ Амуру сверху, со стороны Хабаровска.

Навстрѣчу имъ высылался рядъ отрядовъ, одинъ за другимъ. Отряды были немногочисленны. Всѣхъ ихъ постигла почти одна и та же

участь: они разлагались, встрѣчались съ неблагопріятнымъ имъ отношеніемъ крестьянъ, тяжелыми природными условіями и агитаціей красныхъ.

Части отрядовъ переходили на сторону послѣднихъ. Оставшимся приходилось отступать, а, отступая, отряды эти таяли.

Въ частности, относительно декастринскаго отряда имѣются свѣдѣнія въ письмѣ, оставленномъ начальникомъ его Вицъ, въ дневникѣ Езерскаго и въ конспектѣ записки Подкопаева, погибшихъ въ Декастри.

Отрядъ вышелъ изъ Николаевска въ началѣ похода, 22 декабря н. с. 1919 года; онъ состоялъ изъ двухъ ротъ. Значительная часть его, распропагандированная красными и мѣстными крестьянами, перешла къ партизанамъ, а остатки отряда, 10 офицеровъ и 35 нижнихъ чиновъ, при тяжелыхъ условіяхъ передвиженія глубокой зимою, отступили къ Декастри.

Двигались по глубокому снѣгу безъ дороги, на лыжахъ, ночевали въ холодныхъ зимовкахъ. Часть обоза пришлось бросить.

Отрядъ, къ которому присоединилось нѣсколько чиновниковъ, 9 января 1920 года прибылъ въ Декастри и здѣсь укрѣпился на мысѣ Клостеръ-Кампъ, около маяка.

Слѣдомъ за нимъ пришли красные. Они привезли съ собой одно орудіе, которое и было установлено на перешейкѣ мыса Клостеръ-Кампъ.

Какъ жилъ отрядъ на маякѣ? Объ этомъ говорятъ письма полковника Вицъ и записки Подкопаева.

„Ѣли очень мало. Полфунта хлѣба чернаго, воду, вмѣсто чая, и одинъ разъ въ день супъ изъ кошки,“ писалъ полковникъ.

По замѣткамъ другихъ, питались скудно. „Нервное разстройство стрѣлковъ доходило до бѣшенства. Рѣдко бывали тихія минуты, а все время только и слышны ссоры и споры. Извѣстій относительно Николаевска никакихъ не получалось. Всѣ солдаты и офицеры отряда, главнымъ образомъ—граждане Николаевска. У всѣхъ кто-нибудь изъ родныхъ остался, и, благодаря этому, нервное разстройство переходило всякія границы, и каждый настаивалъ, чтобы двигались впередъ, вѣрнѣе, въ Николаевскъ, черезъ мысъ Лазаревъ.“

„Нужно было пройти по тайгѣ верстъ 150 безъ всякой дороги,“ добавляетъ Подкопаевъ.

Три раза отрядъ посылалъ посланцевъ, чтобы завести сношенія съ Николаевскомъ и узнать о положеніи дѣлъ, но всѣ его посланные погибали, попадаясь въ руки партизанъ.

Въ первый разъ, вскорѣ по прибытіи въ Декастри, въ Николаевскъ были посланы нанятые за 150.000 рублей гиляки со спискомъ оставшихся въ живыхъ и съ просьбами о выручкѣ ихъ.

Въ то же время велись переговоры о высылкѣ изъ императорской гавани за отрядомъ оленей.

Красные не разъ посылали для переговоровъ съ чинами отряда своихъ. Они уговаривали сдаться, сообщая о томъ, что все уже въ области находится во власти большевиковъ.

Въ концѣ концовъ, по соглашенію между тѣми и другими, въ Николаевскъ были командированы два представителя отъ отряда для провѣрки свѣдѣній, сообщаемыхъ красными, и, какъ свидѣтельствуетъ полковникъ Вицъ, „9 марта узнали,“ что власть перешла къ совѣтамъ.

Тогда было заключено *мирное соглашеніе*, причемъ соглашеніемъ этимъ *гарантировалось сохраненіе жизни чинамъ отряда.*

А вслѣдъ за этимъ произошло слѣдующее.

Часть отряда, двѣнадцать или тринадцать человѣкъ, были ночью выведены на ледъ залива, противъ маяка, разстрѣляны здѣсь и брошены въ прорубь.

Слѣды этого преступленія были обнаружены вышедшими на охоту смотрителемъ маяка Оводовымъ и его служащимъ Небылицею.

Затѣмъ 24 человѣка были разстрѣляны вблизи поста. О трупахъ двѣнадцати изъ нихъ уже говорилось.

Наконецъ, оставшаяся часть была отведена въ Маріинскъ, гдѣ нѣкоторые были запороты на смерть шомполами, какъ, напримѣръ, извѣстный николаевскій рыбопромышленникъ А. М. Люри.

Такъ былъ выполненъ партизанами главный пунктъ мирнаго соглашенія.

Одинъ изъ николаевцевъ, съ которымъ мнѣ пришлось говорить о судьбѣ декастринскаго отряда, сказалъ:

—Слѣдовало бы отмѣтить, что за все время пребыванія отряда въ Декастри, вѣрнѣе, даже съ того момента, какъ отрядъ отступалъ отъ Маріинска—ни одного выстрѣла или какого-либо враждебнаго акта со стороны отряда по отношенію къ партизанамъ не было. Да и въ первомъ и единственномъ сраженіи, которое было въ Декастри около Циммермановки, офицеры и солдаты декастринскаго отряда участія не принимали. *Они какъ будто просто уходили съ дороги.* Дѣйствительно, это было такъ, и, судя по ихъ поведенію въ Декастри, они могли бы надѣлать много непріятностей партизанамъ, если бы захотѣли.

Впрочемъ, другіе обвиняли ихъ за пассивное отношеніе къ партизанамъ и приписывали это обстоятельство желанію со стороны чиновъ отряда сохранить лишь жизнь.

По этому поводу одинъ японецъ сказалъ:

—Кто боится смерти, тотъ недостоинъ жизни, какъ говоритъ японская пословица.

Но легко обвинять.

Поведеніе декастринскаго отряда, состоявшаго, въ сущности, изъ мирнѣйшихъ гражданъ, говоритъ за то, что у партизанъ не было никакихъ основаній къ проявленному ими звѣрству по отношенію къ отряду.

Начальникъ отряда полковникъ Вицъ, передъ сдачей отряда краснымъ, покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Отъ него осталось два письма слѣдующаго содержанія:

Письмо смотрителю маяка Н. Н. Оводову.

Милостивый Государь, Николай Николаевичъ.

Обращаюсь къ вамъ, какъ къ старому офицеру, прося быть, такъ сказать, моимъ душеприказчикомъ. Передайте господамъ офицерамъ и солдатамъ николаевскаго мѣстнаго баталіона мое имъ послѣднее „прощай". Пусть знаютъ и не смѣютъ искать причины моей смерти. Я умираю не изъ трусости или за какую-нибудь провинность. Нѣтъ, я чистъ и правъ передъ всѣми. Твердъ и крѣпокъ духомъ, но не могу больше видѣть и чувствовать страданія дорогой родины, Святой Руси. Доведите до свѣдѣнія гражданина Тряпицына, что довольно ему и приснымъ съ нимъ морочить измученный русскій народъ, который они ведутъ по пути на гибель.

Тряпицынъ! Напоминаю, что вы при встрѣчѣ съ нами въ Маріинскѣ, вѣроятно, случайно открыли свои карты и высказались такъ: „Я анархистъ. Сейчасъ, иду противъ существующей власти, а потомъ пойду противъ совѣтской власти." Съ кѣмъ же вы пойдете? Конечно, не съ японцами, а съ тѣми же самыми обманутыми русскими людьми, приглашая русскаго человѣка жить не честнымъ своимъ трудомъ, а грабежомъ и насиліемъ.

Прошу васъ, Николай Николаевичъ, передать мое огнестрѣльное оружіе, револьверъ съ остатками боевыхъ патроновъ, Тряпицыну, какъ эмблему смерти. Еще прошу васъ, какъ смотрителя маяка, дать разрѣшеніе похоронить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ найденъ мой трупъ, и такъ, какъ есть, по морскому, на тюфякѣ, вмѣсто гроба. Поставьте крестъ на моей могилѣ и съ такой датою: полковникъ Иванъ Ивановичъ Вицъ, родился 17-го января 1864 года; скоропл. сконч. 27-го февраля 1920 года.

Оканчивая это письмо, прошу простить меня, если я чѣмъ-либо обидѣлъ васъ; извиняюсь за причиненный вамъ общій безпорядокъ на маякѣ.

Помолитесь за меня.

Полковникъ Иванъ Вицъ.

27-го февраля 1920 года ст. ст.
Клостеръ-Кампскій маякъ у Декастри.

А. П. Т.

10-го марта
1920 года.

Дорогая Анна Павловна и Федя.

„Это письмо, можетъ быть, послѣднее въ моей жизни. Пишу вамъ изъ осажденнаго маяка подъ Декастри. Здѣсь я съ остаткомъ отряда, въ числѣ 10 офицеровъ и 35 солдатъ и нѣсколькихъ чиновниковъ, сидимъ, осажденные красными два мѣсяца. Ѣли очень, очень мало: полхлѣба чер., воду, вмѣсто чая, одинъ разъ въ день супъ изъ кошки и только воду. 9 марта узнали и провѣрили, что Николаевскъ занятъ красными, и даже японцы не могли ничего сдѣлать; вся власть перешла въ совѣтскую власть. Вотъ мы должны были сдаться, причемъ намъ обѣщали гарантировать жизнь, но не знаю, выполнятъ ли свое обѣщаніе красные, и вотъ, черезъ два-три дня, какъ арестованныхъ, пошлютъ изъ Декастри въ Николаевскъ. Что будетъ дальше, не знаю; это письмо прошу переслать вамъ при первой возможности одного изъ членовъ семьи смотрителя маяка кап. 1 ранга Н. Н. Оводова, у котораго мы все время находились. Въ походѣ я съ двумя ротами былъ съ 22-го декабря и стоялъ все время подъ Маріинскомъ на Амурѣ. Часть моего отряда (большая), разложенная красными и мѣстными жителями, перешла на сторону красныхъ, но благополучно, безъ кровопролитія; всѣ офицеры, я и часть солдатъ отошли при тяжелыхъ условіяхъ изъ Маріинска въ Декастри и тамъ укрѣпились на Клостеръ-Кампскомъ маякѣ. Но современные офицеры и солдаты изъ евреевъ, совершенно недисциплинированные и берегущіе, главнымъ образомъ, свою личную шкуру и мечтающіе только о своихъ семьяхъ и благосостояніяхъ въ Николаевскѣ, склонились на сдачу краснымъ. Я еще размышляю: покончить съ собою здѣсь на маякѣ, или испытать всѣ мытарства у красныхъ. И, если Богъ увидитъ и услышитъ правду, то тогда, освободясь, поѣду во Владивостокъ. Послѣдняя мечта—черезъ Петроградъ въ Бѣжецкъ, чтобы умереть и быть похороненнымъ рядомъ съ родными. Не знаю, остались ли цѣлыми мои сбереженія въ сберегательной кассѣ въ Николаевскѣ (семь тысячъ рублей). Книжка съ вещами осталась на квартирѣ у кап. Сыщенко въ Николаевскѣ; онъ военный инженеръ крѣпости. Потомъ не знаю, получу ли жалованіе съ декабря по мартъ, такъ какъ былъ все время въ походѣ, а теперь, вѣроятно, красные забрали весь денежный ящикъ въ Ник., гдѣ хранилось невыданное жалованіе; такимъ образомъ, я опять безъ денегъ и средствъ, такъ что все клонится къ концу. Охъ, какъ тяжело сейчасъ! Нѣтъ просвѣта. Крестьяне все глубже вѣрятъ и признаютъ только совѣтскую власть. Не знаю, какъ все окончится, и когда все это кончится. Хочу, чтобы, кромѣ васъ, знали про мою участь нѣкоторыя лица, а именно, В. А. въ Петроградѣ, Иванъ Сергѣевичъ Бобуновъ въ Бѣжецкѣ Тверской губерніи, Георгій Михайловичъ, Петроградъ, Франц. наб., 8, и потомъ мой племянникъ Я. Дм. Цѣлую васъ, милые мои, сердечные друзья, спасибо вамъ за оказанное гостепріимство и за родственное ко мнѣ участіе. Поклонъ дочкѣ, Колѣ, Павлику, Шурѣ, Борѣ. Привѣтъ Маріи Ивановнѣ и всѣмъ, кто помнитъ меня.

Всѣхъ цѣлую. Хочу закончить это письмо, хотя еще есть мѣсто и время, но настоящее и понятное чувство заставляетъ поставить точку и еще разъ сказать вамъ послѣдне „прощай"...

Искренне васъ любящій Ваня Вицъ.

Клостеръ-Камскій маякъ."

Свое намѣреніе покончить жизнь самоубійствомъ полковникъ Вицъ выполнилъ.

Онъ вышелъ на площадку около маяка, разостлалъ тюфякъ, всталъ на немъ на колѣни, помолился Богу—и застрѣлился.

На другой день отрядъ похоронилъ его такъ, какъ онъ просилъ въ своемъ письмѣ.

И казалось бы, что мытарства полковника этимъ должны были быть закончены.

Но послѣ того, какъ отрядъ уже сдался, къ могилѣ Вица явились партизаны, разрыли ее, достали полковника, сняли съ него одежду и голаго бросили въ могилу.

И этимъ дѣло не закончилось. Черезъ нѣкоторое время на маякъ пришло нѣсколько партизанъ.

Они снова достали изъ могилы полковника (вѣроятно, думая, что онъ еще не раздѣтъ), но теперь уже рѣшили не хоронить его, а просто сбросить съ утеса на берегъ, что они и сдѣлали, причемъ одинъ изъ нихъ стоялъ и смотрѣлъ на часы, желая узнать, сколько времени будетъ трупъ полковника летѣть до берега... Говорятъ, когда трупъ летѣлъ, задѣла за дерево и чуть ли не отвалилась голова.

Затѣмъ было обнаружено, что трупъ полковника таскаетъ по лѣсу медвѣдь.

И только въ іюлѣ, когда въ Декастри зашелъ, съ комиссіей, ѣхавшей въ Николаевскъ, пароходъ „Эривань"—трупъ былъ погребенъ...

Послѣднимъ погибъ смотритель маяка Н. Н. Оводовъ.

Служитель маяка Небылица доставилъ намъ интересный документъ.

Это расписка въ полученіи отъ него смотрителя маяка Н. Н. Оводова, какъ какой-то негодной вещи.

Расписка матросу маяка о полученіи отъ него его начальника.

Выдали ее пріѣхавшіе за Н. Н. Оводовымъ, по распоряженію партизанскаго штаба, партизаны.

— Думаю я, какъ бы чего не вышло потомъ. Дайте, говорю имъ, товарищи, мнѣ въ полученіи его расписку. Выдали.

— Зачѣмъ вы меня везете? говорилъ смотритель маяка:—если убить хотите, убейте здѣсь—зачѣмъ же возить?

— Приказано везти въ штабъ, говорили партизаны и повезли.

Отвезли версты три отъ поста и убили.

Зачѣмъ, почему такъ дѣлалось? Понять невозможно...

Потомъ жители поста и жена покойнаго нашли трупъ его здѣсь и похоронили.

Съ смотрителемъ маяка Николаемъ Николаевичемъ Оводовымъ у меня связано одно воспоминаніе.

Въ 1906-7 году мнѣ пришлось сидѣть въ одиночной камерѣ владивостокской тюрьмы за политическое преступленіе.

Впослѣдствіи въ этой же камерѣ сидѣлъ и Николай Николаевичъ, тоже за преступленіе, нѣкоторымъ образомъ, политическаго характера.

Дѣло въ томъ, что въ волненіяхъ, происходившихъ въ то время въ Сибирской флотиліи, принялъ участіе миноносецъ, на которомъ былъ Н. Н.

Его обвинили въ бездѣйствіи власти и присудили къ высидкѣ, которую онъ отбывалъ.

Такимъ образомъ, и онъ можетъ быть отнесенъ къ числу многочисленныхъ русскихъ людей, пострадавшихъ при царской власти и при большевистскомъ режимѣ.

Мнѣ передавали, что жена Н. Н., вывезенная во Владивостокъ на „Симонѣ", сошла съ ума.

Я помнилъ эту бѣдную жещину за время сидѣнія Н. Н. въ тюрьмѣ. Много страданій перенесла она тогда.

Съ нею выѣхала во Владивостокъ ея дочь.

То, что происходило въ посту Декастри въ періодъ времени между 29 декабря с. с. 1919 г. и 10 апрѣля н. с. 1920 года, конечно, по сравненію со страшною николаевскою трагедіею [1])—небольшой эпизодъ, но и въ этомъ эпизодѣ много тяжелыхъ драматическихъ и трагическихъ моментовъ.

Общее положеніе дѣлъ воспроизведено по разсказамъ и показаніямъ очевидцевъ и сохранившимся документамъ.

Какимъ образомъ были получены письма полковника Вицъ—передавшее мнѣ ихъ лицо не сообщило.

Судьба же дневника и конспекта была такова.

Когда разстрѣляли чиновъ отряда около поста, и затѣмъ партизаны дѣлили вещи убитыхъ, изъ вещей были выброшены книги и разныя бумаги. Въ числѣ этихъ бумагъ были брошены успомянутые дневникъ и конспектъ.

Прійдя въ Декастри, партизаны помѣстились въ телеграфной конторѣ, загнавъ начальника ея, съ семьей изъ шести душъ, въ одну комнату.

Здѣсь каждый вечеръ у партизанъ шли попойки.

О какомъ-либо покоѣ для несчастной семьи говорить не приходилось.

Нерѣдко среди глухой ночи слышался повелительный голосъ начальника отряда Стрѣльцева:

— Эй, Барминъ! Скажи въ Богородское, чтобы мнѣ табаку прислали.

Богородское—селеніе верстахъ въ 60-ти отъ Декастри.

Приходилось подчиняться и вставать для исполненія требованія, посылать телеграмму...

Сынъ Бармина разсказываетъ:

— Отъ бывшихъ здѣсь партизанъ мы ни о какихъ общественныхъ дѣлахъ или о политическомъ устройствѣ страны не слыхали.

---

[1]) Она описана въ книжкѣ В. Эчъ „Исчезнувшій городъ". *Ред.*

Отъ нихъ мы слышали только: убили того-то, прикололи другого, разстрѣляли третьяго.

Отобрали то-то, отняли другое, взяли третье.

Или:

Нужно убить того-то, приколоть другого, придушить третьяго, разстрѣлять четвертаго.

Или: тамъ-то сжечь, то-то отобрать или уничтожить.

И такъ постоянно.

И велика была ихъ радость, когда разстрѣливали чиновъ отряда.

Радостныя, оживленныя лица...

Даже хлѣбопеки схватили винтовки и бѣжали скорѣе помогать разстрѣливать...

Съ какимъ оживленіемъ и смѣхомъ разсказывалось о томъ, какъ разстрѣливаемые просили о пощадѣ, какъ они плакали, или кричали, какъ ползали они въ кровавыхъ лужахъ...

Когда отрядъ бывшихъ правительственныхъ войскъ сдался, получилось распоряженіе:

— Такихъ-то доставить въ Маріинскъ; остальнымъ—мундштукъ...

Очевидно, мундштукъ значило—разстрѣлъ.

Декастри, за все время, какъ оно существуетъ, никогда не знало ничего болѣе вѣроломнаго, болѣе отвратительнаго, болѣе безчеловѣчнаго, болѣе дикаго и безумнаго—и, надѣемся, никогда не узнаетъ.

Среди партизанъ были молодые деревенскіе парни. У нихъ была какая-то неизсякаемая жажда крови.

— Эхъ, подстрѣлить бы кого! вырывался иногда вздохъ изъ партизанской группы.

И, конечно, этотъ вздохъ страшно отзывался на немногочисленныхъ декастринскихъ жителяхъ: боялись, вотъ-вотъ со скуки возьмутся за нихъ.

То обстоятельство, что не тронули начальника телеграфной станціи (поста), онъ объяснилъ просто тѣмъ, что онъ нуженъ былъ, какъ телеграфистъ—своего у нихъ не было.

Партизаны насильственно вербовали въ свои отряды мѣстныхъ инородцевъ.

При появленіи партизанскаго отряда въ Декастри, въ него входило нѣсколько человѣкъ гольдовъ.

— А вы почему пришли съ ними? задали какъ-то вопросъ гольдамъ.

— Мы што... Мы ничего. Они намъ велѣли. Мы развѣ когда убивали человѣка? спрашивали гольды въ свою очередь.

Дѣйствительно, эти дикари оказались не настолько цивилизованными, чтобы убивать своихъ ближнихъ.

И посейчасъ еще несчастные жители Декастри были неспокойны.

— Живемъ и боимся, какъ бы не пришли и не разгромили. Кругомъ глухая тайга. Весною и то уже шли сюда. Лапта грозился, что

придетъ и уничтожитъ Декастри. И пришелъ бы, да японцы помѣшали. Хотѣлъ уничтожить, чтобы японцамъ не досталось. Надо выселяться отсюда куда-нибудь. Здѣсь житья не будетъ, говорилъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей.

И, дѣйствительно, глядя на глухую тайгу, окружающую Декастри, нельзя не согласиться съ мѣстными жителями. Нельзя было позавидовать ихъ житью-бытью подъ вѣчной угрозой. Правда, въ заливѣ стояли японскія военныя суда, но они не всегда посылали патрули на берегъ.

Декастри—одинъ изъ прекрасныхъ заливовъ у нашихъ береговъ Тихаго океана. Здѣсь, безъ сомнѣнія, долженъ былъ бы существовать большой благоустроенный портъ.

Декастри же фигурировалъ въ разныхъ проектахъ и предположеніяхъ относительно благоустройства края и его развитія, до Декастринской желѣзной дороги включительно, которая должна была соединить его съ системой р. Амура.

Когда все это будетъ?

Николай Амурскій.

Статуи Будды. Желтый Храмъ, Пекинъ.

Душа Китая.*)

(Къ познанію китайскаго искусства).

Путешественникъ, вдоволь побродившій по свѣту, свыкся съ мыслью встрѣчать во всякой странѣ, во всякомъ городѣ характерные для нихъ колориты и ландшафты. Это относится въ равной мѣрѣ къ лазурному и грязному итальянскому побережью или къ напыщенному Берлину, отражающему ночью въ зеркальномъ блескѣ своихъ мостовыхъ свѣтъ уличныхъ фонарей; вырисовывающійся въ поднебесьѣ пикъ Тенерифа предупреждаетъ путешественника о приближеніи къ Канарскимъ островамъ, которые, несмотря на всѣ ухищренія владѣльцевъ англійскихъ гостиницъ, сохраняютъ отпечатокъ господства испанскихъ рыцарей; Фузи-Яма во всемъ своемъ величіи стоитъ на стражѣ страны восходящаго солнца, и никакіе Оріенталь-отели не заставятъ забыть, что мы на родинѣ вишневаго цвѣта, гейшъ и самураевъ.

Китай не уклонился бы отъ общаго правила, если бы его обычнымъ преддверіемъ не являлся „Парижъ Востока"—Шанхай. Приближаясь къ побережью, мы замѣчаемъ за много десятковъ миль, какъ море изъ сине-зеленаго превращается въ желтое: это могучій Янъ-цзы-цзянъ несетъ пески изъ предѣловъ таинственнаго Тибета; насъ встрѣчаютъ джонки, настоящія китайскія джонки съ характерными корпусами и оснасткой; впередъ смотрятъ два большихъ деревянныхъ глаза, для того, чтобы духъ, обитающій въ джонкѣ, лучше видѣлъ подводныя опасности и во-время предупредилъ владѣльца, для котораго джонка составляетъ источникъ благосостоянія, домъ и семейный очагъ.

Однако, на этомъ кончается китайскій колоритъ Шанхая. Мы вступаемъ на британскую концессію и испытываемъ чувство, будто снова перенеслись въ уголокъ Европы, съ той лишь разницей, что нежелающая работать европейская челядь замѣнена покорными, трудолюбивыми желтолицыми. Мы живемъ въ комфортабельныхъ гостиницахъ, покупаемъ европейскіе и американскіе товары, пьемъ коктэли и французскія вина, а ночью танцуемъ стэпы, совсѣмъ, какъ въ Лондонѣ, и играемъ въ рулетку, почти какъ въ Монте-Карло. Затѣмъ, вспомнивъ, что насъ интересуютъ проявленія китайскаго духа, мы садимся въ поѣздъ съ вагономъ-рестораномъ и почти безъ пересадокъ ѣдемъ въ Пекинъ. Здѣсь снова насъ охватываетъ тотъ же европейскій духъ въ лицѣ безчисленныхъ миссій великихъ, малыхъ и несуществующихъ державъ; насъ везутъ въ кинематографъ, гдѣ идетъ фильма безукориз-

*) Собственныя имена исправлены П. В. Шкуркинымъ; ему же принадлежатъ пояснительныя примѣчанія.

ненно пуританскаго содержанія: картинами менѣе пуританскаго свойства мы наслаждаемся въ залахъ Hôtel de Pékin, гдѣ бѣлолицыя представительницы пекинскаго свѣта демонстрируютъ красоту плечъ и гибкость стана. Затѣмъ идутъ безконечные завтраки и обѣды, клубы и скачки.

Но Пекинъ обширенъ, и въ немъ дѣйствительно обитаетъ духъ Китая; перешагнувъ стѣну, окружающую посольскій кварталъ, мы погружаемся въ китайскую жизнь, сначала современную, а затѣмъ постепенно, забывая дѣйствительность, переносимся въ прошлое, отыскиваемъ преданные забвенію слѣды древней культуры, изучаемъ ихъ и открываемъ сокровищницу проявленій человѣческаго духа того народа, который, несмотря на свою доисторическую древность, продолжаетъ жить на землѣ бокъ-о-бокъ съ нами.

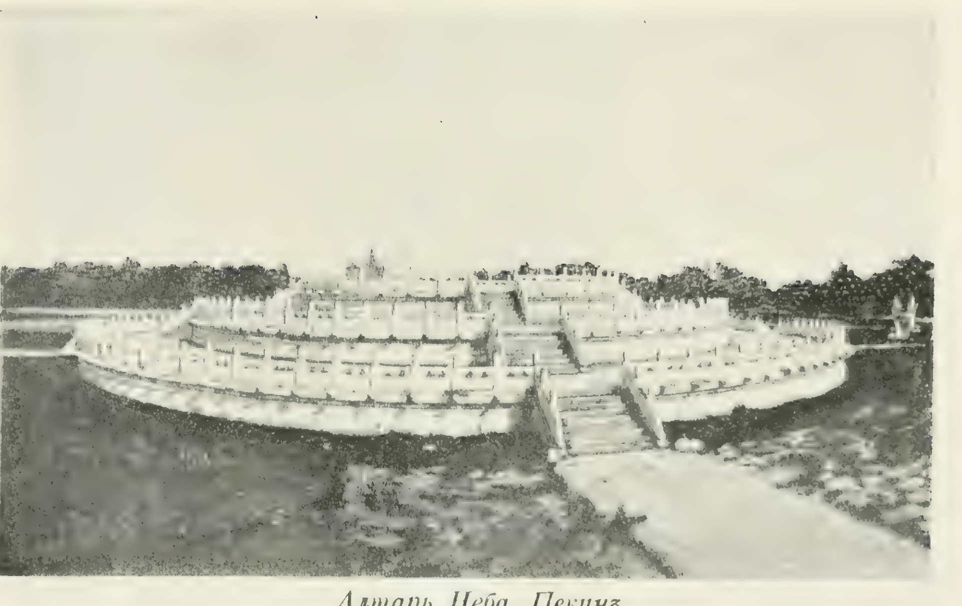
I.

Историческія свѣдѣнія.

Приступая къ изученію искусства, мы неизбѣжно сталкиваемся съ политической и религіозной исторіей, а также нравами и обычаями народа. Это положеніе примѣнимо и къ Китаю. На китайскомъ творчествѣ лежитъ печать 40 вѣковъ историческаго бытія. То же самое относится къ Египту и другимъ древнимъ культурамъ, однако, съ той оговоркой, что новый Китай продолжаетъ быть органически связаннымъ духомъ и тѣломъ съ своими предками, чего нельзя сказать про потомковъ современныхъ ему народовъ. Въ то время, какъ послѣдніе, достигнувъ высшей славы и развитія, успѣли потонуть въ пучинѣ вѣковъ, Китай продолжалъ жить, создавалъ собственныя понятія въ области искусства и морали и далъ бытіе тѣмъ своеобразнымъ письменамъ, которыми до настоящаго времени пользуются народы, усвоившіе китайскую цивилизацію.

Родину китайскихъ іероглифовъ, повидимому, слѣдуетъ искать въ долинѣ Желтой рѣки, гдѣ они самостоятельно появились на свѣтъ и достигли полнаго развитія; во всякомъ случаѣ, ни одному ученому не удалось установить удовлетворительную связь между китайскими письменами и аналогичными письменами другихъ народовъ.

Наши свѣдѣнія о древнихъ культурахъ быстро обогатились, послѣ того, какъ было приступлено къ систематическимъ раскопкамъ. Несомнѣнно, Китай еще ждетъ изслѣдователя, который вонзитъ въ его грудь стальную лопату и извлечетъ на Божій свѣтъ не одну скрытую отъ насъ тайну. Такія раскопки слѣдовало бы вести въ долинѣ Желтой рѣки и ея главныхъ притоковъ, являющихся колыбелью древнихъ китайцевъ. Не мало памятниковъ старины погребено подъ желтымъ лессомъ, дающимъ характерную окраску всей мѣстности. Но стоитъ рѣкѣ измѣнить теченіе и обнажить русло, какъ любитель старины наталкивается на священную бронзовую утварь и другія цѣнныя реликвіи. Китайцы высоко цѣнятъ найденные такимъ образомъ памятники древнихъ временъ, хотя вообще считаютъ недопустимымъ и грѣховнымъ искусствен-



Алтарь Неба. Пекинъ.

но извлекать ихъ на поверхность земли. Что же касается тѣхъ предметовъ, которые какъ бы сами даются въ руки, китайцы подбираютъ ихъ и благоговѣйно хранятъ въ спеціально устроенныхъ помѣщеніяхъ.

Китайская исторія начинается миѳическимъ повѣствованіемъ о рожденіи перваго китайца Пань-гу, вышедшаго изъ хаоса. За нимъ слѣдуетъ цѣлый рядъ обитателей неба и земли, а также народныхъ правителей, давшихъ китайцамъ своего Прометея, постигшаго тайну огня.

Легендарный періодъ, отличающійся отъ чисто миѳическаго, начинается исторіей Фу-Си, почитаемаго основателемъ китайской государственности. На одномъ изъ барельефовъ сохранилось его изображеніе. Съ хвостомъ змѣи, вмѣсто ногъ, онъ сплетается съ такимъ же хвостомъ изображеннаго рядомъ женскаго существа. Ху-Си положилъ начало древнѣйшей мистической философіи и откровенію, которое было преподано ему сверхъестественнымъ существомъ—конемъ съ головой дракона, вышедшимъ изъ водъ Желтой рѣки. Фу-Си и два другихъ легендарныхъ правителя составляютъ циклъ трехъ древнихъ властелиновъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Сань-хуанъ. Одинъ изъ нихъ, Чжу-юнъ, прославляется, какъ побѣдитель Гунъ-гуна, вождя титаническаго возстанія въ то отдаленное время, когда земля была поглощена всемірнымъ потопомъ. Третій, Шэнь-нунъ, построилъ плугъ, научилъ людей земледѣлію, а также постигъ тайну врачеванія и силу цѣлебныхъ травъ.[1]) Между прочимъ, была сдѣлана попытка отождествить Шэнь-нуна съ Саргономъ, правившимъ Халдеей въ 3800 году до Р. Х.; несмотря на всю рискованность такого предположенія, все же удается уловить нѣкоторые намеки на связь между рождавшимися цивилизаціями Китая и Халдеи.[2])

Циклъ трехъ властелиновъ смѣняется цикломъ пяти. Первый изъ нихъ, славный Хуанъ-ди—„Желтый Императоръ,“ облагодѣтельствовалъ своихъ подданныхъ науками и искусствами. Его супруга показала народу способъ разведенія шелковичныхъ червей, и ей до сихъ поръ поклоняются, какъ божеству. Съ теченіемъ времени Желтому Императору было приписано безсмертіе и знаніе алхиміи. Два послѣднихъ императора изъ цикла пяти, Яо и Шунъ, замѣчательны тѣмъ, что о нихъ упоминаетъ въ своихъ анналахъ Конфуцій, изображая ихъ, какъ идеальныхъ правителей. Въ наши дни можно видѣть храмъ, построенный въ ихъ честь въ Пин-Ян-фу въ провинціи Шаньси.

Примѣчаніе 1. Китайскіе миѳы говорятъ о *періодѣ* Сань-хуанъ, а не о трехъ государяхъ, какъ значило бы по буквальному переводу. Въ этотъ періодъ людьми правили три династіи владыкъ:

а) *Тянь-хуанъ*, „владыки неба“ (13 правителей). Ихъ правленіе продолжалось 134.000 лѣтъ. б) *Ди-хуанъ*, „владыки земли“ (11 правителей). Правили 198.000 лѣтъ. в) *Жэнь-хуанъ*, „владыки людей“ (9 ч.). Правили 45.600 лѣтъ.

Послѣ этого *перваго* періода до императора Хуанъ-ди (жившаго въ 10-мъ періодѣ) было еще 8 періодовъ. Въ 8-мъ періодѣ, Чань-Жунъ, жилъ Чжу-юнъ, бывшій одиннадцатымъ императоромъ этого періода; Фу-си, жившій въ этомъ же періодѣ, былъ, повидимому, 17-мъ государемъ.

Послѣ него царствовала его жена—сестра Нюй-суа; при ней-то Гунъ-гунъ, бывшій министръ ея покойнаго брата, учинилъ бунтъ; и при ней же случился потопъ.

Примѣчаніе 2. Саргонъ I-ый (Аккадійскій царь Сарру Кину) жилъ ок. 3800 л. до Р. Х., а Шэнь-нунъ значительно позднѣе; по однимъ даннымъ—съ 3227 по 3087, а по другимъ—съ 2838 по 2697 г. г. до Р. Х. *П. Шкуркинъ.*

Императоръ Яо не передалъ власти своему сыну, но предложилъ знати самой выбрать наслѣдника. Избранъ былъ Шунъ, который, въ свою очередь, признавъ собственнаго сына недостойнымъ высокаго сана, передалъ престолъ одному изъ самыхъ способныхъ сотрудниковъ. великому Юй. Послѣдній измѣнилъ систему, принятую предшественниками, и обратилъ имперію въ семейную вотчину; съ тѣхъ поръ принципъ наслѣдованія сдѣлался преобладающимъ. Императоръ Юй заслужилъ громкую славу своими гидрографическими работами, длившимися 9 лѣтъ и избавившими страну отъ постоянныхъ наводненій. Его труды запечатлѣны Конфуціемъ и другими. Своимъ царствованіемъ Юй положилъ начало періоду „трехъ древнихъ династій,“ будучи первымъ представителемъ династіи Ся. Его изображеніе можно видѣть на одномъ изъ барельефовъ рядомъ съ послѣднимъ представителемъ той же династіи, кровожаднымъ выродкомъ Цзѣ-гуй, отъ злодѣяній котораго содрогалось небо. Цзѣ-гуй представленъ сидящимъ на рукахъ двухъ женщинъ. что символизируетъ установленные имъ варварскіе обычаи. Цзѣ-гуй былъ свергнутъ, и первая династія была смѣнена второй династіей Шанъ, за которой въ свою очередь послѣдовала третья династія Чжоу. Періодъ, охватываемый тремя древними династіями, относится къ XXII-III в. в. до Р. Х., причемъ династія Чжоу царствовала съ 1169 по 255 г.[3]) до Р. Х. Однако, цифры китайской оффиціальной хронологіи требуютъ осторожнаго отношенія въ смыслѣ достовѣрности, такъ какъ ихъ вычисляли обратнымъ путемъ, исходя изъ продолжительности царствованій, затменій солнца и луны, а также другихъ событій, отмѣченныхъ анналами. Только начиная съ IX вѣка до Р. Х., китайская хронологія дѣлается вполнѣ достовѣрной.[4])

Династія Чжоу воцарилась послѣ жестокой битвы, въ которой былъ разбитъ послѣдній тиранъ изъ династіи Шанъ. Послѣ разгрома онъ бѣжалъ въ свою столицу, гдѣ, запершись въ башнѣ, сжегъ себя со всѣми сокровищами. Первые императоры изъ дома Чжоу прославили себя военными подвигами и гражданской доблестью. Историки превозносятъ дядю третьяго императора, принца Тана,[5]) который во время малолѣтства своего племянника управлялъ государствомъ и, благодаря своимъ добродѣтелямъ и мудрости, былъ поставленъ наряду съ великими правителями древности Яо и Шунъ.

Начиная съ XI в. до Р. Х., раздѣленіе имперіи на удѣлы, съ предоставленіемъ ихъ въ наслѣдственное пользованіе родственникамъ императорскаго дома и потомкамъ прежнихъ династій, повлекло за собой рядъ бѣдствій. Съ увеличеніемъ могущества феодаловъ и ослабленіемъ центральной власти, послѣдняя была лишена возможности съ успѣхомъ противостоять все усиливавшемуся натиску варваровъ. Лѣтописцы разсказываютъ о славныхъ, но безплодныхъ походахъ императора Му-вана (X вѣкъ до Р. Х.), а художники до нашего времени изображаютъ на яшмѣ и фарфорѣ колесницу императора, запряженную восьмеркой бы-

---

Примѣчаніе 3. Наиболѣе точная дата царствованія Чжоу'ской династіи съ 1122 по 249 г. до Р. Х.

Примѣчаніе 4. Позднѣйшими учеными китайская исторія считается вполнѣ достовѣрной съ 29 авг. 775 г. до Р. Х.

Примѣчаніе 5. Очевидно, рѣчь идетъ о знаменитомъ Чжоу-гунъ'ѣ, братѣ перваго императора Чжоу'ской династіи, У-вана. *П. Ш.*

строногихъ коней, и его встрѣчу съ „царственной матерью запада“ въ ея волшебномъ замкѣ, въ горахъ Кунь-Лунь. Несмотря на удачныя войны послѣдующихъ императоровъ, въ VIII в. до Р. Х. столичный городъ Си-ань фу былъ захваченъ варварами, а императоръ Ю-ванъ убитъ. Въ одной изъ одъ, относящейся ко времени его царствованія, воспѣвается солнечное затменіе, случившееся 29 августа 776 г. до Р. Х.; это и рядъ другихъ затменій положили прочное основаніе для хронологическаго исчисленія всѣхъ послѣдующихъ событій Китая.

Сынъ убитаго императора перенесъ столицу на востокъ въ Хэ-нань фу, и съ тѣхъ поръ династія получила названіе восточныхъ Чжоу. Послѣдующіе императоры постепенно утрачивали могущество, несмотря на моральную поддержку, встрѣченную ими въ лицѣ Конфуція и Мынъ-цзы. Между тѣмъ, нападенія варваровъ сдерживались, благодаря удачному союзу двухъ феодальныхъ княжествъ, Цзинь и Цинь.

VII в. до Р. Х. ознаменовался постоянными возстаніями феодальныхъ принцевъ; это время извѣстно подъ названіемъ періода „пяти вождей“, которые послѣдовательно фигурировали, какъ защитники авторитета Сына Неба; фактически они сосредоточили власть въ своихъ рукахъ, создавая гегемонію собственнаго княжества.

Такая система временно парализовала безпорядки, но затѣмъ снова обострилось соревнованіе отдѣльныхъ княжествъ, и страна въ теченіе двухъ вѣковъ опустошалась гражданскими войнами, пока, наконецъ, послѣдній императоръ изъ дома Чжоу-Нань-ванъ не передалъ своихъ полномочій одному изъ самыхъ могущественныхъ феодаловъ, князю Цинь (256 г. до Р. Х.) [6]), который своимъ царствованіемъ положилъ конецъ періоду трехъ древнихъ династій и началъ серію новыхъ.

Въ теченіе описаннаго періода китайская цивилизація развивалась вполнѣ самобытно. Въ V и VI в. в. до Р. Х. княжество Цинь (провинція Шэнь-си) расширило свои южные и западные предѣлы и дало происхожденіе англійскому и французскому названіямъ Китая. Подъ этимъ именемъ вся страна сдѣлалась извѣстной въ Индіи, Персіи, Арменіи, Аравіи и древнемъ Римѣ. Къ тому же періоду относятся свѣдѣнія о первыхъ сношеніяхъ съ Индіей, начало которымъ положили купцы юго-западнаго княжества Шу (провинція Сы-чуань). Такимъ путемъ изъ Индіи стали проникать религіозныя ученія съ проповѣдью аскетизма и затворничества, давшія специфическую окраску даосизму того времени (основателъ даосизма—философъ Лао-Цзы).

Императоръ Чжэнъ, второй изъ новой династіи, объединилъ имперію на развалинахъ феодальной системы. Онъ расширилъ южные предѣлы государства, разбилъ на сѣверѣ кочующія тюркскія племена и, желая навсегда обезопасить страну отъ ихъ набѣговъ, построилъ великую китайскую стѣну. Онъ пытался сжечь всѣ историческія книги и объявилъ себя первымъ императоромъ божественнаго происхожденія, постановивъ, что его преемники будутъ носить титулъ второго, третьяго и т. д., вплоть до десятитысячнаго поколѣнія. Быть можетъ, императоръ, мечтавшій о всемірномъ владычествѣ, слыхалъ о завоеваніяхъ Александра Македонскаго въ цен-

---

Примѣчаніе 6. Послѣ императора Нань-вана, съ 255 года правилъ Хуй-гунъ (Дунъ-чжоу цзюнь), и только въ 249 году его лишилъ власти Циньскій князь Чжуан-сянъ-ванъ. *П. Ш.*

тральной Азіи, хотя нужно сознаться, что имя послѣдняго не встрѣчается въ китайскихъ лѣтописяхъ. Однако, честолюбивымъ замысламъ Чжэна не было суждено сбыться, такъ какъ сынъ и внукъ его пали отъ руки убійцъ, а на престолъ взошла слѣдующая династія Хань (206 г. до Р. Х.).

Династія Хань впервые открыла правильныя сношенія съ западными странами. Въ этомъ отношеніи знаменательно посольство, снаряженное въ 139 г. до Р. Х. въ западный Туркестанъ. Послѣ тринадцатилѣтнихъ мытарствъ и пребыванія въ плѣну у властителя восточнаго Туркестана, посольство выполнило порученіе и возвратилось домой, принеся съ собой вѣсть объ ученіи Будды[7], а также виноградъ, люцерну и другія растенія, которыя съ тѣхъ поръ стали воздѣлываться въ Китаѣ. Въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. былъ совершенъ побѣдоносный походъ на западъ, и завоевана Фергана, откуда среди добычи было приведено 30 коней, пріобрѣтшихъ классическую славу. На югѣ была завоевана Кохинхина, и оттуда былъ отправленъ корабль въ Кабулистанъ за разноцвѣтнымъ стекломъ, которое въ то время такъ цѣнилось при дворѣ.

Въ 97 г. послѣ Р. Х. знаменитый китайскій полководецъ Бань-чао проникъ со своей арміей въ Антіохію и послалъ одного изъ своихъ генераловъ въ Персидскій заливъ, откуда должно было отплыть на кораблѣ посольство въ Римъ; однако, генералъ уклонился отъ морского путешествія и возвратился вспять. Въ 166 г. послѣ Р. Х. въ Кохинхинѣ появились римскіе купцы; лѣтопись говоритъ о нихъ, какъ о послахъ Марка Аврелія Антонина. Появленіе римскихъ купцовъ въ Кантонѣ отмѣчено въ 226, 284 г. г. и позднѣе. Между тѣмъ, сухопутныя сношенія, прерванныя парфянскими войнами, снова возобновились, и Китай сталъ усиленно посѣщаться буддійскими миссіонерами изъ Парфіи, Самарканда и сѣверной Индіи.

V и VI в. в. носятъ названіе періода „Сѣверныхъ и Южныхъ династій“, такъ какъ Китай фактически распался на двѣ половины, сѣверную и южную.

Къ началу VII вѣка Китай снова объединился и достигъ небывалаго могущества въ управленіи великой династіи Танъ (618-906). Многочисленные народы центральной Азіи обращались къ Сыну Неба за помощью противъ арабовъ, которые начинали сильно насѣдать. Въ 648 году китайскій генералъ съ союзными арміями Тибета и Непала взялъ столицу центральной Индіи, а флотъ китайскихъ джонокъ вошелъ въ Персидскій заливъ. Въ Кантонѣ и другихъ мѣстахъ побережья стали появляться и селиться арабы; на сѣверо-западѣ много арабовъ поступило на службу въ императорскія войска. Одновременно сухимъ путемъ проникли евреи и несторіанскіе миссіонеры. Однако, преобладаніе сохранилось за полумѣсяцемъ, и число китайскихъ магометанъ быстро возрастало.

Въ описываемую эпоху китайское искусство достигло расцвѣта; годы правленія династіи Танъ почитаются золотымъ вѣкомъ китайскаго искусства; это особенно справедливо въ отношеніи литературы и поэзіи. Но постепенно могущество династіи Танъ приходило къ концу; цѣлыя области были отторгнуты, и въ 906 году имперія снова распалась. На сѣверѣ утвердилось господство Киданей, давшихъ начало русскому названію Китая.

Примѣчаніе 7. Первые буддійскіе миссіонеры прибыли въ Китай (изъ Восточнаго Туркестана) въ 217 г. до Р. Х. *Н. Ш.*

Храмъ Неба. Пекинъ.

Изъ пяти послѣдующихъ династій три были тюркскаго происхожденія и быстро смѣняли одна другую; съ точки зрѣнія развитія искусства, онѣ представляютъ мало интереса.

Въ 960 году династія Сунъ возсоединила чисто китайскія земли подъ одной властью. Эта династія какъ бы продолжала золотой вѣкъ Китая. Императоры были миролюбивы и образованы, а также честолюбивы и смѣлы, поскольку это требовалось общими стратегическими соображеніями. Философія получила широкое развитіе, былъ написанъ рядъ энциклопедій и обширныхъ классическихъ комментаріевъ, характерныхъ для данной эпохи. Императоръ и высшіе сановники увлекались коллекціями книгъ и рисунковъ, бронзы и яшмы, а также прочими произведеніями искусства; до нашего времени дошли иллюстрированныя описи этихъ коллекцій, сами же коллекціи пропали безслѣдно. Въ этотъ періодъ китайское міросозерцаніе какъ бы кристаллизировалось, а искусство развилось до тѣхъ формъ, которыя остались въ силѣ понынѣ.

Въ концѣ XIII вѣка Китай былъ наводненъ ордами монгольскихъ всадниковъ, и новый властелинъ Китая—внукъ Чингизъ Хана, Хубилай Ханъ, положилъ основаніе династіи Юань. Китайскія области были отданы въ управленіе монгольскимъ князьямъ, денежная система рушилась, вслѣдствіе несоразмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ, а фарфоровое производство было убито невѣроятными налогами, о чемъ съ грустью повѣствуетъ одинъ изъ писателей того времени. Но Марко Поло, посѣтившій Китай, былъ пораженъ богатствомъ и великолѣпіемъ, окружавшимъ Богдо-Хана, который въ дѣйствительности былъ могущественнымъ владыкой и извлекалъ пользу изъ вновь завоеванныхъ земель. Однако, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что восточная культура, такъ сильно удивившая венеціанскаго путешественника, принадлежала до-монгольскому періоду, и ея ростъ былъ дѣломъ китайскихъ рукъ.

Во время монгольской династіи на китайскомъ искусствѣ стало сказываться вліяніе образцовъ западной Азіи, и, въ свою очередь, китайскіе образцы проникли на западъ. Это объясняется политическимъ объединеніемъ востока и запада подъ единой властью. Въ половинѣ XIII вѣка, по приказанію Богдо-Хана, сто семействъ китайскихъ ремесленниковъ и мастеровъ были переселены въ Персію; на раскрашенномъ китайскомъ фарфорѣ мы находимъ арабскія письмена среди украшеній, изобличающихъ персидское вліяніе.

Во второй половинѣ XIV вѣка монголы были изгнаны изъ Китая въ предѣлы Гоби, послѣ чего начала свое царствованіе новая династія Минъ. Монголы продолжали свои наѣзды на китайскія земли и даже въ половинѣ XV вѣка захватили въ плѣнъ самого императора, который, спустя восемь лѣтъ, получилъ свободу и возвратился на престолъ.

Первые императоры изъ дома Минъ вели оживленныя сношенія съ западомъ. Одинъ изъ императорскихъ адмираловъ прославился въ началѣ XV вѣка морскими походами въ Индію, Цейлонъ и Аравію, причемъ онъ спустился далеко на югъ вдоль африканскаго побережья, а на сѣверѣ проникъ въ Красное море до широты Мекки. Среди добычи, привезенной на родину, значился хранившійся въ Меккѣ знаменитый фарфоръ. Въ слѣдующемъ столѣтіи китайскія джонки не появляются болѣе въ далекихъ моряхъ, и ихъ смѣняютъ испанскіе и португальскіе корабли. Начинается новая исторія Китая.

Европейскіе корабли, появившіеся въ китайскихъ портахъ, привезли съ собой миссіонеровъ и купцовъ, инженеровъ и торговцевъ опіумомъ. Всѣ они дружно штурмуютъ твердыню Китая, который, черпая моральную силу изъ сорокавѣковой исторіи, пытается противостоять жестокому натиску. Иногда онъ дѣлаетъ уступки Европѣ, и тогда передъ нашими удивленными взорами развертывается невѣроятное сочетаніе восточной культуры, облеченной въ нарядъ, сотканный руками европейскихъ парламентаріевъ.

II.

Религія и искусство.

Переходя къ вопросамъ религіознаго характера и желая дать хотя бы общее понятіе о томъ, въ кого и какъ вѣрятъ китайцы, мы должны быть очень осторожны въ выводахъ, такъ какъ доступная нашему пониманію книжная религія и наблюдаемая внѣшняя обрядность часто не будутъ соотвѣтствовать истиннымъ представленіямъ о Божествѣ. Проникнуть же въ самую душу китайцевъ и понять ея стремленія съ нашей европейской точки зрѣнія—болѣе чѣмъ затруднительно.

Въ древнѣйшія времена китайцы поклонялись Верховному Владыкѣ, причемъ небо и земля какъ бы являлись его матеріальной формой. Только императору принадлежала прерогатива священнодѣйствовать на алтарѣ, воздвигнутомъ въ честь Верховнаго Владыки, и эта привилегія сохранилась за все время существованія имперіи.

Наряду съ высшимъ культомъ были обожествляемы духи горъ, вѣтровъ, звѣздъ и рѣкъ. Повидимому, китайцы, помимо самыхъ явленій природы, имѣли представленіе о силахъ, управляющихъ явленіями: не вѣря въ ихъ матеріальное существованіе, они приписывали имъ могущество и бытіе.

Единственная оффиціальная религія того времени дополнялась почитаніемъ предковъ не въ смыслѣ идолопоклонства, а какъ проявленіе высшаго уваженія къ памяти умершихъ. Слѣдуетъ упомянуть также о самыхъ разнообразныхъ суевѣріяхъ, широко распространенныхъ среди менѣе образованныхъ слоевъ населенія.

Философъ Кунъ-цзы (Конфуцій VI в. до Р. Х.) своимъ нравственнымъ ученіемъ какъ бы создалъ ту китайскую психологію, съ которой мы встрѣчаемся въ настоящее время. Своимъ ученіемъ онъ поглотилъ существовавшія дотолѣ вѣрованія и религіозныя традиціи, и съ тѣхъ поръ оффиціальный культъ въ своихъ заповѣдяхъ и проявленіяхъ составляетъ одно цѣлое съ конфуціанствомъ.

Въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. произошло событіе, совершившее переворотъ въ искусствѣ и вдохнувшее въ него новыя идеи. Такимъ событіемъ было оффиціальное введеніе буддизма, послѣдовавшее въ 67 г.[8]) послѣ Р. Х. Легенды повѣствуютъ о замѣчательномъ сновидѣніи императора Минъ-ди, узрѣвшаго золотой образъ въ лучезарномъ вѣнцѣ. При-

Примѣчаніе 8. Императоръ Сяо-минъ-ди отправилъ въ Индію посольство за буддійскими книгами и жрецами въ 61 году. *П. Ш.*

дворные чародѣи истолковали этотъ сонъ, какъ явленіе Будды, и для дальнѣйшихъ откровеній немедленно было снаряжено посольство въ Индію, гдѣ Сакіа-Муни 600 лѣтъ тому назадъ принесъ людямъ проповѣдь, столь близкую по своему духу христіанскому ученію. Послы возвратились, приведя съ собой индійскихъ монаховъ съ санскритскими писаніями, переведенными на китайскій языкъ, и буддійской живописью, которая разукрасила стѣны дворца и новаго храма „Бѣлаго Коня", названнаго такъ въ честь коня, везшаго священныя реликвіи черезъ Азію. Въ послѣдовавшіе затѣмъ періоды буддійскіе идеалы оказались преобладающими въ китайскомъ искусствѣ.

Сначала буддизмъ довольно медленно привлекалъ къ себѣ умы и сердца народа и сдѣлался популярнымъ лишь въ началѣ III-го вѣка. На китайскій языкъ былъ переведенъ „Логосъ истинной вѣры", а въ городахъ и селахъ стали появлять храмы и буддійскіе монастыри. Правда, въ началѣ V вѣка было объявлено гоненіе на приверженцевъ Будды, но это гоненіе скоро прекратилось и достигло обратнаго результата, увеличивъ интересъ къ новой вѣрѣ.

Въ періодъ сѣверныхъ и южныхъ династій (V и VI в. в.) буддизмъ процвѣталъ. Сѣверные властители объявили буддизмъ государственной религіей, а посвященная ей литература того времени дала интересныя свѣдѣнія о монастыряхъ, храмахъ и скульптурѣ. Въ то же время представители южныхъ династій нерѣдко облекались въ монашескія одѣянія и толковали священныя книги въ буддійскихъ монастыряхъ. Въ началѣ VI вѣка изъ южной Индіи прибылъ царевичъ Бодидарма, почитаемый 28-мъ патріархомъ Индіи и 1-мъ патріархомъ Китая. Его изображеніе часто встрѣчается въ произведеніяхъ рѣзного искусства; онъ несетъ священную чашу буддійской вѣры, или же переплываетъ рѣку на тростникѣ.

Въ первой половинѣ VII вѣка (начало царствованія династіи Танъ) буддійская пропаганда достигла наибольшей силы, и буддизмъ какъ бы перенесъ свою резиденцію изъ Индіи въ Китай; индійскіе монахи, гонимые браманской реакціей, принесли въ Китай священныя изображенія, картины и всѣ традиціи своего искусства, дошедшія до нашихъ дней почти безъ измѣненія. Китайскіе аскеты совершали частыя паломничества въ Индію, изучали священную родину Будды, возжигали фиміамъ въ его храмахъ, увлекались санскритскимъ языкомъ и собирали священныя реликвіи и манускрипты; знаніемъ древней географіи Индіи мы много обязаны ихъ путешествіямъ.

Когда буддизмъ началъ распространяться въ Китаѣ, то онъ столкнулся не только съ существовавшимъ оффиціальнымъ культомъ, но и съ древнимъ философскимъ ученіемъ, которое постепенно начало пріобрѣтать религіозную окраску. Это было ученіе Дао, созданное философомъ Лао-Цзы (VI в. до Р. Х.), который современемъ былъ обожествленъ своими послѣдователями. Его произведеніе: „Книга высшей премудрости и добродѣтели", сдѣлалась Евангеліемъ даосистовъ.

Лао-Цзы училъ, что Дао, или Высшая Премудрость[9]), есть причина всѣхъ причинъ и имѣетъ двѣ природы: матеріальную и духовную. Человѣкъ произошелъ отъ духовной природы, и поэтому всячески долженъ стремиться къ духовному возрожденію и освобожденію отъ плоти.

Примѣчаніе 9. Буквально—„Путь". *П. Ш.*

Ученіе Дао, имѣя въ Китаѣ не меньшее число послѣдователей, чѣмъ ученіе Фо (Будда), быстро уклонилось въ сторону и потеряло свою первоначальную чистоту. Спустя столѣтіе послѣ введенія буддизма, даосизмъ пріобрѣлъ современную намъ форму религіознаго матеріализма съ фантастической миѳологіей и съ обрядностью, сопутствуемой магіей и колдовствомъ.

Нѣкоторые символы даютъ возможность безошибочно отличить вещь, предназначенную для обрядовъ даосистовъ или же для изображенія ихъ идей. Таковы: 1) діаграмма Тай-цзи, представляющая мужское и женское начало, 2) персикъ долговѣчности, созрѣвающій лишь черезъ 3000 лѣтъ, 3) летучая мышь, 4) особой формы жезлъ и т. д.

Неудивительно, что послѣдователи Конфуція и Лао-Цзы не могли относиться равнодушно къ тому невѣроятному успѣху, который выпалъ на долю буддизма. VIII вѣкъ былъ свидѣтелемъ реакціи, которая достигла своего апогея въ половинѣ IX вѣка. Императорскимъ указомъ было предписано разрушить 45000 храмовъ и монастырей. Эта иконоборческая мѣра погубила памятники старины, уцѣлѣвшіе отъ гоненій V-го вѣка, въ виду чего врядъ ли можно надѣяться, чтобы первыя произведенія буддійскаго искусства въ Китаѣ сохранились до нашего времени.

Монгольское владычество было для буддизма сигналомъ возрожденія, и въ нѣсколько лѣтъ бонзы вернули себѣ то значеніе, которымъ они пользовались въ VI и VII в. в.

Для китайскаго искусства введеніе буддизма имѣло существенныя послѣдствія: буддизмъ принесъ съ собой новыя формы и идеи, измѣнилъ міросозерцаніе художниковъ и какъ бы вселилъ въ нихъ долю воображенія и идеализма, свойственнаго арійцамъ.

Вмѣстѣ съ буддизмомъ, появились произведенія съ чистотой линій, дотолѣ неизвѣстной: создавались образцы безчисленно разнообразные, элегантные, мягкіе, изобличавшіе полетъ фантазіи и совершенство въ установленіи пропорцій и равновѣсія.

Художники по-прежнему нерѣдко черпали свое вдохновеніе въ древнихъ формахъ и украшеніяхъ, но не съ цѣлью рабски копировать ихъ: подражая, они проникались духомъ критики и искреннимъ желаніемъ запечатлѣть собственныя чувства.

Появилось разнообразіе и богатство орнаментовъ: на округлостяхъ бронзы распускаются прелестныя вѣтви, гирлянды и цвѣты: миѳическіе и другіе звѣри невѣроятно тонкой работы извиваются на рукояткахъ и заканчиваютъ собой крышки сосудовъ.

Наконецъ, китайскіе художники впервые увлекаются человѣческимъ образомъ, вызывая къ жизни цѣлый міръ боговъ и богинь, героевъ, безсмертныхъ мудрецовъ и божественныхъ мыслителей, и вводятъ въ искусство мистическій и духовный элементъ. Имъ такъ и не удалось вдохнуть въ свои произведенія высшую гармонію тѣлесныхъ формъ, постигнутую ваятелями Эллады, или же совершенную красоту итальянскаго возрожденія; тѣмъ не менѣе, иногда и они предчувствовали эту красоту и были близки къ ея лицезрѣнію. Здѣсь умѣстно отмѣтить, что, давая своимъ произведеніямъ торжественную степенность линій, величественную простоту одѣяній, ясность мысли и благородную осанку, они никогда не сумѣли изобразить страстную силу порывовъ и неизъяснимое величіе движеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увлекаясь религіозными темами, они никогда не пытались идеализировать лицо простого смертнаго.

Лѣтній Дворецъ. Окрестности Пекина.

вдохновеніе какъ бы диктовалось имъ свыше тѣми вѣрованіями, которыя уже были начертаны въ сознаніи каждаго и въ воображеніи всѣхъ.

Буддизмъ, возстановленный въ своихъ правахъ монгольской династіей, продолжалъ мирно уживаться съ другими вѣрованіями во время царствованія Минъ и Цинъ. Однако, постепенно онъ терялъ свое обаяніе, вслѣдствіе мудрой оппозиціи со стороны ученыхъ, соревнованія даосистовъ, не брезгавшихъ никакими средствами, а также, благодаря ламаистскимъ вліяніямъ (реформированный буддизмъ); при этомъ немалую роль сыграло религіозное безразличіе, охватившее души большинства китайцевъ, являющихся скорѣе послѣдователями философскихъ ученій, нежели членами религіозныхъ общинъ. Двѣ наиболѣе распространенныхъ религіи, буддизмъ и даосизмъ, сохранили лишь формальное значеніе. Это пустыя скорлупы, въ которыхъ когда-то обиталъ духъ— условныя изображенія древней обрядности. Всякій китаецъ, буддистъ или даосистъ, является послѣдователемъ Конфуція, какъ создателя нравственной и философской системы, а не религіи. Ученія Будды и Лао-Цзы настолько искажены позднѣйшими измышленіями, что не могутъ доставить человѣку нравственной поддержки. Китайцы съ одинаковымъ удовольствіемъ принимаютъ участіе во всякихъ религіозныхъ церемоніяхъ, сущность которыхъ сводится къ обстановочнымъ театральнымъ эффектамъ, при отсутствіи истиннаго религіознаго чувства. Нравственную поддержку китайцы черпаютъ изъ писаній Конфуція и изъ общенія съ природой создаютъ свои идеалы. По складу своего ума и души, китайцы истинные философы и почитатели природы.

III.

Поэзія обрядовъ и китайскіе храмы.

Всѣ религіозные обряды Китая черпаютъ свое происхожденіе въ явленіяхъ природы и прославляютъ ихъ. Китайцы празднуютъ лѣтнее и зимнее солнцестояніе, равноденствіе, наступленіе новаго года, пробужденіе весны, приводящей въ движеніе жизнетворные соки, и наступленіе осени, знаменующее остановку жизненной дѣятельности. Всѣ сложные церемоніалы сводятся къ прославленію основныхъ законовъ природы; на этомъ основано ихъ значеніе и живучесть, несмотря на то, что сами люди часто не отдаютъ отчета въ ихъ истинномъ происхожденіи. Вопреки всѣмъ условностямъ, охватившимъ жизненный укладъ китайцевъ, они не порвали своей близости къ природѣ. Не въ этомъ ли тайна ихъ невѣроятной сопротивляемости внѣшнимъ вліяніямъ? Неоднократно наводняясь чужеземными завоевателями, Китай всякій разъ поглощалъ ихъ своей цивилизацiей, давая въ этомъ отношеніи поучительный примѣръ живучести. Надъ Китаемъ пронеслись тюрки, монголы и маньчжуры, но всѣ они амальгамировались съ китайцами, прониклись ихъ философіей и религіей, ихъ обычаями и даже правительственной системой, не будучи въ состояніи навязать китайцамъ собственнаго міросозерцанія.

Всѣ основатели чужеземныхъ династій въ Китаѣ были смѣлые воины и безпощадные грабители, не имѣвшіе ничего общаго съ филосо-

фіей или литературой. Такими же качествами отличалась и послѣдняя маньчжурская династія. Однако, подобно прочимъ чужеземцамъ, маньчжуры не оставили слѣда на завоеванномъ ими спокойномъ, пассивномъ народѣ, и сами сдѣлались китайцами. Послѣдній императоръ считался лучшимъ китайцемъ въ Китаѣ.

Паденіе императорской власти сильно отразилось на внѣшнихъ религіозныхъ проявленіяхъ, отводившихъ императору первенствующую роль.

Въ этомъ отношеніи наибольшій интересъ представляютъ церемоніи, посвященныя древнѣйшей религіи китайцевъ, обожествлявшей природу и воплощавшей въ ней идею невидимаго Божества. Храмы этого культа расположены въ одномъ изъ великолѣпныхъ пригородныхъ парковъ Пекина. Посреди парка возвышается величественный и единственный въ своемъ родѣ открытый алтарь, посвященный невидимому Божеству. Его основаніе составляетъ земля, стѣны—безпредѣльный эфиръ и куполъ—небесный сводъ. На этомъ алтарѣ происходитъ высшее и совершеннѣйшее проявленіе служенія природѣ. Это Святая Святыхъ и центральный престолъ всѣхъ храмовъ. Построенный изъ чистаго бѣлаго мрамора, онъ круглъ, какъ земля, и своими тремя ярусами символизируетъ тройственность въ природѣ. Каждый ярусъ окруженъ художественной рѣзной балюстрадой: доступъ открывается мраморными лѣстницами съ сѣвера, юга, востока и запада. Средина верхняго яруса представляетъ собою центръ міра.

Здѣсь, въ этомъ символическомъ центрѣ вселенной, въ этомъ великомъ храмѣ, эфирныя стѣны котораго уходятъ въ безконечность, на этомъ тройномъ алтарѣ, осѣняемомъ небомъ, императоръ Китая, Сынъ Неба, прославляетъ невидимое Божество и совершаетъ жертвоприношеніе ради благоденствія „великаго чистаго царства и своего народа“. Для служенія невидимому Божеству не существуетъ священнической іерархіи. Императоръ Китая—его единственный верховный жрецъ. Онъ одинъ, какъ Сынъ Неба, достоинъ священнодѣйствоватъ на мраморномъ алтарѣ единственнаго въ своемъ родѣ храма Китая.

Большое ежегодное жертвоприношеніе совершается на разсвѣтѣ въ день зимняго солнцестоянія. Наканунѣ императоръ покидаетъ дворецъ, возсѣдая на колесницѣ, запряженной слономъ. Прибывъ на мѣсто, онъ осматриваетъ жертвенныя приношенія, а затѣмъ уединяется въ особый павильонъ, гдѣ бодрствуетъ и постится. Печь для жертвоприношенія располагается въ юго-востоку отъ алтаря на разстояніи полета стрѣлы: она обложена зелеными изразцами, и къ ней ведутъ три пролета зеленыхъ ступеней; жертвенный быкъ помѣщается внутри на желѣзной рѣшеткѣ, подъ которой разводится огонь. Тюки шелка сжигаются въ восьми открытыхъ урнахъ, расположенныхъ вблизи печи. Въ этихъ же урнахъ сжигаются молитвы, написанныя на шелковой ткани, послѣ возглашенія ихъ съ подобающимъ церемоніаломъ.

Къ сѣверу отъ открытаго алтаря расположенъ другой трехъярусный алтарь, построенный по образцу перваго, но меньшихъ размѣровъ. Это алтарь для молитвы о хлѣбѣ. Надъ нимъ возвышается внушительный храмъ съ тремя крышами, покрытыми синими изразцами, сіяющими на солнцѣ. Ежегодно раннею весною императоръ является сюда, чтобы молиться о благоденствіи имперіи въ наступающемъ новомъ году. Вышина храма около

100 футъ, верхняя крыша покоится на четырехъ величественныхъ колоннахъ, нижняя крыша на 24 колоннахъ, расположенныхъ по двумъ окружностямъ. Каждая колонна состоитъ изъ цѣльнаго древеснаго ствола; деревья не такъ давно привезены изъ юго-западныхъ провинцій послѣ пожара стараго храма. Старый храмъ былъ построенъ въ XVIII вѣкѣ: новый храмъ —его точная копія. Во время священнодѣйствія вся внутренность храма синяя; священные сосуды изъ синяго фарфора; императоръ и присутствующіе одѣты въ синія ризы; даже свѣтъ синій, такъ какъ двери и окна затянуты занавѣсями изъ синяго стекла. Символизмъ, основанный на цвѣтѣ, играетъ большую роль въ китайской обрядности. Храмъ земли—весь желтый; храмъ солнца—красный; храмъ луны—бѣлый или, вѣрнѣе, голубой, свѣтло-сѣраго оттѣнка, т. е. луннаго цвѣта; чистый бѣлый цвѣтъ—символъ траура. Алтарь земли расположенъ къ сѣверу за городской стѣной и имѣетъ четырехъугольную форму; приношенія не сжигаются, но зарываются въ землю. Храмы солнца и луны—также за городской стѣной на востокѣ и западѣ; для священнодѣйствія въ этихъ храмахъ императоръ обыкновенно передавалъ свои полномочія принцамъ крови.

Самъ императоръ является не только верховнымъ жрецомъ, облеченнымъ властью совершать жертвоприношенія на великомъ алтарѣ невидимаго Божества: въ его лицѣ сосредоточена вся священническая іерархія культа природы. Одинъ онъ священнодѣйствуетъ въ храмахъ, посвященныхъ природѣ, поступая согласно древнимъ писаніямъ. Когда голодъ опустошаетъ страну, или засуха и другія бѣдствія угрожаютъ государству, императоръ молится въ храмахъ о спасеніи страны, такъ какъ онъ не только верховный жрецъ, но, какъ Сынъ Неба—искупитель всѣхъ бѣдствій, ниспосылаемыхъ небомъ на его народъ, и считается отвѣтственнымъ за всѣ несчастья, посѣщающія страну. Согласно ритуалу, онъ произноситъ священныя слова: „Я очищу себя жертвоприношеніемъ, дабы страна и народъ освободились отъ бѣдствій. Я одинъ отвѣтственъ за нихъ".

Лично священнодѣйствуя въ качествѣ верховнаго жреца и искупителя въ храмахъ природы, императоръ является покровителемъ всѣхъ религій и ихъ номинальнымъ первосвященникомъ. Онъ одинаково присутствуетъ на буддійскихъ и даосистскихъ церемоніяхъ и безпристрастно поощряетъ оба культа. Однако, эти религіи имѣютъ священническую іерархію и сложные ритуалы, самъ же императоръ является главою и верховнымъ жрецомъ „ex officio". Всѣ празднества и посты обѣихъ религій совершаются во дворцѣ.

Среди празднествъ, посвященныхъ природѣ, заслуживаютъ вниманіе прославленіе осенняго полнолунія и наступленія весны. Первое изъ нихъ, символизирующее отходъ природы къ зимнему отдохновенію, искажено позднѣйшими легендами и потеряло свой первоначальный смыслъ. По словамъ очевидцевъ, устраиваемое по этому случаю торжество сопровождалось рѣдкимъ великолѣпіемъ, причемъ въ придворномъ театрѣ ставилась драма, имѣвшая сюжетомъ легенду, содержаніе которой сводится къ слѣдующему. Однажды произошло свиданіе императора съ волшебницей, которая, прощаясь, оставила корень травы, дававшей безсмертіе всякому, вкусившему его. Императоръ, будучи отвлеченъ дѣлами, вышелъ изъ троннаго зала, оставивъ корень на столѣ. Во время его отсутствія вошла придворная дѣвушка, изъ любопытства попробовала корень и, найдя его вкуснымъ, съѣла безъ остатка. Въ это время императоръ, вспом-

нивъ о безцѣнномъ дарѣ, поспѣшилъ обратно въ тронный залъ. Каково же было его бѣшенство, когда онъ замѣтилъ исчезновеніе корня! Узнавъ, что виновницей всему была придворная дѣвушка, онъ приказалъ убить ее, чтобы получить корень обратно. Однако, прежде чѣмъ евнухи успѣли выполнить полученное приказаніе, чудо совершилось, и дѣвушка почувствовала, что у нея выросли крылья безсмертія; взмахнувъ ими, она поднялась за облака и нашла убѣжище на лунѣ, гдѣ живетъ и понынѣ вмѣстѣ съ бѣлымъ кроликомъ, находившимся на ея рукахъ во время разставанія съ землей. Она безсмертна и постигла тайну жизненнаго элексира. Кроликъ раздѣляетъ ея безсмертіе и стоитъ на стражѣ преддверій луны.

Въ этотъ день на подмосткахъ появлялись лучшіе придворные актеры, а заключительный актъ представлялъ феерическую картину. Путемъ несложныхъ иллюминацій китайцы умѣютъ достичь поразительнаго художественнаго эффекта. Сцена представляла озеро, покрытое свѣтящимися лотосами и озаряемое полной луной. Посреди озера на тронѣ изъ гигантскаго лотоса возсѣдалъ громадный золотой Будда, безстрастный, съ яснымъ ликомъ; блистающія птицы, символы безсмертія, рѣяли въ воздухѣ; вся картина изображала Нирвану, т. е. состояніе души, поглощенной природой и составляющей ея неотъемлемую часть. Зрѣлище было волшебное.

Не успѣли потухнуть огни, какъ всѣ присутствующіе двинулись въ садъ, гдѣ происходила главная церемонія. Шествіе открывалось императоромъ и императрицей, окруженными придворными дамами въ причудливыхъ нарядахъ и сотнями прислужниковъ, несшихъ разноцвѣтные фонари. Они извивались въ павильонахъ и изгибахъ аллей, какъ стаи громадныхъ свѣтящихся личинокъ. Все шествіе остановилось на мраморной террасѣ, передъ склонившимся надъ озеромъ храмомъ 10000 Буддъ.

Здѣсь, на открытой площадкѣ, погруженной въ голубые лучи луннаго свѣта, при слабомъ отблескѣ на западномъ небосклонѣ зашедшаго солнца, передъ большими каменными сводами высилась великолѣпно иллюминованная цвѣточная арка и алтарь, разукрашенный фруктами, цвѣточными приношеніями и сосудами съ виномъ. Арка изъ хризантемъ посвящалась лунѣ: надпись изъ бѣлыхъ цвѣтовъ гласила: „во славу цѣломудреннаго и чистаго небеснаго свѣтила“.

Императоръ и императрица распростерлись въ земномъ поклонѣ и положили на алтарь цвѣты: ихъ примѣру послѣдовала свита. Между тѣмъ, прислужники возглашали поэму, полную мелодіи и ритма. Такое „возглашеніе“ для иностраннаго уха, во всякомъ случаѣ, мелодичнѣе китайской музыки. Эта поэма въ честь луны была произнесена съ замѣчательнымъ эффектомъ двумя голосами съ чередующимися ритмами. По окончаніи возглашенія было приступлено къ сожженію приношеній, смѣшанныхъ съ благовонными ладаномъ и фантастическими бумажными изображеніями. Все это было полито виномъ, и пламя вздымалось выше громадной курильницы на бронзовомъ треножникѣ посреди площадки, тонувшей въ лунномъ сіяніи. Пламя озаряло роскошныя одѣянія присутствующихъ и отражалось въ драгоцѣнныхъ камняхъ; цѣпь разноцвѣтныхъ фонарей окружала центральную группу; а сверху полная луна, въ неизмѣнномъ величіи, лила тихій свѣтъ, принимая съ достоинствомъ поклоненіе, воздаваемое людьми. По окончаніи церемоніи всѣ вошли въ лодки; возвращеніе во дворецъ сопровождалось новыми свѣтовыми эффектами.

Бесѣдка въ Лѣтнемъ дворцѣ (окрестности Пекина).

Въ противоположность только что описанному торжеству, церемонія пробужденія весны не отдалилась отъ своего первоначальнаго смысла, она проще и ближе стоитъ къ природѣ. Тотъ день, когда жизнетворные соки пробуждаются отъ длительнаго сна, и чувствуется первое біеніе обновленной жизни, отмѣчается трогательной домашней церемоніей во дворцѣ. Первыя овощи, облагодѣтельствованныя жизненной силой, подносятся императрицѣ колѣнопреклоненнымъ евнухомъ. Она отвѣдываетъ ихъ и передаетъ далѣе придворнымъ дамамъ. Когда императрица подноситъ руки къ своимъ губамъ, свита, собранная въ тронномъ залѣ, возглашаетъ здравицу за императорскую семью, такъ какъ отъ этого зависитъ народное благоденствіе. Возгласъ, подобно волнѣ, катится въ преддверіе троннаго зала, повторяется колѣнопреклоненными людьми на лѣстницахъ и во дворахъ и, наконецъ, достигаетъ наружныхъ стѣнъ резиденціи. Тогда императрица произноситъ пожеланіе, чтобы жизнетворный сокъ поднялся въ изобиліи и далъ плодоносный урожай, чтобы весь народъ великаго царства наслаждался миромъ и жилъ въ достаткѣ. Казалось, эта простая церемонія приближаетъ китайскій народъ и его правителей къ самому сердцу природы, несмотря на всѣ окружающія условности.

Проведеніе борозды и первый посѣвъ, ежегодно совершаемый императоромъ, посадка императрицей тутоваго дерева—также характеризуютъ отношеніе китайцевъ къ природѣ и близость къ самому ея сердцу. Придворное званіе, „Стражъ коконовъ"—самый высокій и почетный знакъ императорскаго благоволенія; знатныя дамы добиваются этого званія и принимаютъ его съ почтительной признательностью; недаромъ національное благополучіе Китая зиждется на производствѣ шелка. Дамы, удостоившіяся этого званія, совершаютъ ежегодныя паломничества въ рощи, гдѣ цвѣтутъ тутовыя деревья, и тамъ приносятъ жервы и молятся за здравіе и произрастаніе коконовъ.

Соприкасаясь столь близко съ природой, китайцы, естественно, остались патріархальнымъ земледѣльческимъ народомъ; земледѣліе, прославляемое священными особами императорскаго дома, пріобрѣтаетъ идеальную окраску. Трудъ, открыто совершаемый императоромъ, не можетъ считаться унизительнымъ и становится благороднымъ творчествомъ.

В-ъ.

Бумажныя деньги.

Статья М. В. Абросимова.

I.

Природа и виды бумажныхъ денегъ.

Бумажными деньгами называются денежные знаки, вродѣ тѣхъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло въ Россіи за годы войны и революціи, но въ обычномъ разговорѣ такъ же назывались и бумажные денежные знаки, обращавшіеся до войны; а между тѣмъ, между настоящими бумажными деньгами и довоенными кредитными билетами, несмотря на ихъ внѣшнее сходство или даже полное тождество, есть глубокое принципіальное различіе: существующія бумажныя деньги—насколько онѣ хороши или, вѣрнѣе, плохи, другой вопросъ—выполняютъ функціи денегъ вполнѣ самостоятельно и независимо отъ чего бы то ни было; это, такъ сказать, деньги *сами по себѣ*; обращавшіеся же до войны кредитные билеты выполняли функціи денегъ несамостоятельно, а *по представительству*, являясь лишь представителями валютарныхъ металлическихъ денегъ (золотыхъ), что выражалось въ существованіи у каждаго ихъ держателя права и фактической возможности ихъ обмѣна на металлическія деньги. Это различіе между самостоятельными и по представительству бумажными деньгами настолько существенно, что многіе систематики денегъ считали правомѣрнымъ удерживать званіе бумажныхъ денегъ лишь за первыми, т. е. выполняющими денежныя функціи вполнѣ самостоятельно. Можно конструировать понятіе бумажныхъ денегъ въ широкомъ и узкомъ смыслѣ слова, включая въ составъ перваго понятія и тотъ и другой видъ бумажныхъ денегъ и признавая бумажными деньгами, въ узкомъ и собственномъ смыслѣ слова, лишь тѣ денежные знаки, которые выполняютъ функціи денегъ самостоятельно; или, наконецъ—и въ публицистическомъ обсужденіи вопросовъ это наиболѣе цѣлесообразно и удобно—можно и тотъ и другой видъ знаковъ называть бумажными деньгами съ присоединеніемъ эпитетовъ „неразмѣнныя" или „размѣнныя", [1]) если изъ контекста неясно, о какомъ видѣ идетъ рѣчь.

Размѣнныя „бумажныя деньги" эмитируются государствомъ или тѣми частными банками, которымъ это право предоставлено, конечно, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ установленныхъ правительствомъ, далеко неодинаковыхъ въ разныхъ странахъ, условій[2]); банковые билеты, банк-

---

[1]) См. объ этомъ въ работѣ Dunbal: The theory and history of banking.

[2]) Конанъ даетъ слѣдующую классификацію „бумажныхъ денегъ": а. 1) неразмѣнныя государственныя „бумажныя деньги"; 2) размѣнныя государственныя „бумажныя деньги"; б. 1) неразмѣнныя банкноты, 2) размѣнныя банкноты.

ноты (выпускаемыя частными банками „квитанціи", гласящія на опредѣленныя денежныя суммы, выданныя на предъявителя) многіе теоретики и притомъ спеціалисты по феноменологіи денегъ не находятъ возможнымъ признавать деньгами, относя ихъ въ разрядъ такъ называемыхъ денежныхъ суррогатовъ, т. е. приравнивая ихъ въ этомъ отношеніи чекамъ, векселямъ и т. п.

Размѣнныя бумажныя деньги могутъ быть признаны обязательными къ пріему между частными лицами, или только между частными лицами и государствомъ, или даже можетъ не существовать ни у кого, кромѣ правительства, обязанности принимать ихъ, т. е. государство отказываетъ себѣ въ правѣ навязывать ихъ частнымъ лицамъ.

Неразмѣнныя бумажныя деньги тоже могутъ быть какъ обязательными, такъ и необязательными къ пріему между частными лицами; въ первомъ, фактически преобладающемъ случаѣ, онѣ, какъ обычно говорятъ, пріобрѣтаютъ принудительный курсъ; выраженіе „принудительный курсъ" нужно понимать въ смыслѣ принудительнаго обращенія, а не въ смыслѣ фиксаціи курса.

Правда, обычно существуетъ установленіе принудительнаго курса и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, что выражается въ законодательномъ запрещеніи обращенія металлическихъ денегъ съ лажемъ, т. е. съ надбавкой въ бумажныхъ, вслѣдствіе чего и происходитъ уходъ металлическихъ денегъ изъ обращенія[1]) (гезаврированіе, продажа заграницу, использованіе въ промышленности); но въ исторіи былъ примѣръ принудительно курсирующихъ бумажныхъ денегъ по вольному курсу на металлическія деньги.[2]) Во второмъ, третьемъ и четвертомъ десятилѣтіяхъ прошлаго вѣка въ Россіи наряду съ бумажными ассигнаціями въ обращеніе были допущены металлическія деньги по биржевому курсу; иначе говоря, законодатель, предоставляя свободному частно-хозяйственному обороту установленіе отношенія между ассигнаціоннымъ и серебрянымъ рублемъ, и самъ признавалъ это отношеніе: это для теоретика весьма интересный примѣръ соединенія въ одно цѣлое бумажной и металлической денежной системы по принципу параллельности.

Не безынтересной разновидностью бумажныхъ денегъ были неразмѣнныя деньги, приносящія заранѣе фиксированный твердый процентъ. Теорія и практика осудили этотъ гермафродизмъ (полу-деньги, полу-цѣнныя бумаги).

Основной вопросъ, выставляемый въ цѣляхъ выясненія природы бумажныхъ денегъ, можно формулировать слѣдующимъ образомъ: почему бумажныя деньги пріобрѣтаютъ значеніе и свойство денегъ, на чемъ основана ихъ цѣнность?

Вопросъ этотъ представляется тѣмъ труднѣе, чѣмъ проще кажется вопросъ о цѣнности металлическихъ денегъ. Обычно думаютъ—и этотъ взглядъ еще недавно можно было встрѣтить даже и въ наукѣ—что, напримѣръ, золотыя деньги имѣютъ цѣнность потому и постольку, посколь-

---

[1]) Неполноцѣнныя металлическія деньги прекращаютъ хожденіе иногда, какъ, напримѣръ, въ Россіи въ 1915 году, въ тотъ моментъ, когда ихъ вещная цѣнность ниже покупательной силы бумажныхъ денегъ того же наименованія.

[2]) Правильнѣе сказать, металлическія деньги имѣли вольный курсъ въ бумажныхъ. См. объ этомъ въ книгѣ Кауфмана „Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи".

ку обладаетъ цѣнностью золото, ихъ субстанція. Взглядъ этотъ вѣренъ въ томъ мало интересномъ смыслѣ, что цѣнность золота въ монетѣ равна цѣнности золота въ слиткахъ, т. е. что, напримѣръ, на золотой пятирублевикъ покупалось приблизительно то же количество золота, которое заключалось въ немъ самомъ, а не значительно большее или меньшее. Во всякомъ иномъ смыслѣ приведенное положеніе совершенно невѣрно. Дѣло въ томъ, что, какъ выразился одинъ современный нѣмецкій теоретикъ денегъ, *функція денегъ является цѣннообразующей*; это значитъ, что, если бы золото не являлось матеріей денегъ, т. е., если бы ему давали лишь промышленное значеніе, его цѣнность была бы значительно ниже существующей, подвергалась бы болѣе значительнымъ и быстрымъ колебаніямъ во времени, и количество накопленнаго въ мірѣ золота было бы много меньше. Функціонированіе въ качествѣ денегъ исторически содѣйствуетъ нарастанію цѣнности, или, вѣрнѣе, противодѣйствуетъ паденію цѣнности благородныхъ металловъ.

Въ правильности этого, для современныхъ теоретиковъ совершенно безспорнаго, взгляда убѣждаютъ послѣдствія демонетизаціи металлическихъ денегъ. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка нѣсколько странъ переходятъ къ золотому монометаллизму, [1]) и становится излишней часть ранѣе обращавшихся въ этихъ странахъ серебряныхъ монетъ; этотъ фондъ распродается для перечеканки въ монеты другихъ странъ и для использованія въ промышленности, слѣдствіемъ чего оказывается значительное увеличеніе обезцѣненія серебра на міровомъ рынкѣ. Подобно этому, и золото весьма сильно деградировало бы въ мірѣ цѣнности, если бы его перестали использовать въ качествѣ субстанціи основныхъ денегъ.

Итакъ, даже и металлическія деньги имѣютъ *внутренній невещественный источникъ цѣнности*: золотыя деньги такъ цѣнны не только и не столько потому, что онѣ *золотыя*, сколько потому, что онѣ *деньги*. Послѣ этого не должно казаться страннымъ и непріемлемымъ утвержденіе, что бумажныя деньги имѣютъ внутренній источникъ своей цѣнности въ томъ, что онѣ *деньги*, т. е. что и для нихъ функція денегъ является цѣннообразующей.

Укрѣпившись въ позиціи денегъ, бумажныя деньги пріобрѣтаютъ цѣнность, обоснованную тѣмъ, что онѣ—деньги; но почему же онѣ имѣютъ цѣнность, и притомъ вполнѣ опредѣленную, въ моментъ ихъ возникновенія, т. е. въ моментъ ихъ экономической метаморфозы изъ банкнотъ? Эта первоначальная цѣнность бумажно-денежной единицы возникаетъ путемъ историческаго подмѣна: правительство сообщаетъ кредитнымъ билетамъ принудительный курсъ и тѣмъ создаетъ на ихъ сторонѣ право погашать всевозможныя обязательства между частными лицами и правительствомъ (налоги и прочіе платежи) и между частными лицами, что въ равной мѣрѣ относится какъ къ обязательствамъ, возникшимъ до ихъ появленія, такъ и къ имѣющимъ возникнуть въ будущемъ. Путемъ такой исторической привязки къ ранѣе существовавшимъ деньгамъ государство изъ ничего создаетъ бумажныя деньги. Если бы, что, конечно, невозможно, деньги не существовали ни въ какомъ видѣ, и прави-

[1]) Золотой монометаллизмъ—денежная система, существовавшая въ Россіи съ 1897 года (реформа Витте) до начала войны.

тельству пришла геніальная мысль создать бумажныя деньги, то оно никакъ не могло бы утвердить въ качествѣ денегъ бумажные знаки (съ тѣмъ или инымъ фантастическимъ названіемъ), за отсутствіемъ исторической почвы.

Перенявъ (при посредствѣ кредитныхъ билетовъ) въ моментъ своего возникновенія цѣнность отъ металлическихъ денегъ, бумажныя деньги затѣмъ сплетаются множествомъ нитей съ народно-хозяйственнымъ организмомъ, пускаютъ въ него собственные корни и становятся самостоятельными деньгами. Ихъ самостоятельная жизнь рельефнѣе всего проявляется въ томъ, что цѣнность бумажно-денежной единицы порываётъ связь и расходится съ цѣнностью металлической денежной единицы; въ установленіи и измѣненіи ея цѣнности проявляютъ себя силы имманентныя междухозяйственному обороту.

Ну, а государство?

Оно проявляетъ свое могущество и власть надъ современнымъ индивидуалистическимъ междухозяйственнымъ оборотомъ въ томъ, что создаетъ бумажныя деньги изъ ничего. Но здѣсь же ставятся предѣлы его силѣ, и здѣсь обнаруживается его слабость: создавъ бумажныя деньги изъ ничего, оно оказывается не въ состояніи декларативнымъ путемъ устанавливать ихъ цѣнность на произвольномъ уровнѣ. Правда, государство можетъ влiять на цѣнность бумажно - денежной единицы, заключая ся колебанія въ тѣ или другіе предѣлы, или даже стабилизировать ее, но для достиженія этого оно должно сознательно подчиниться дѣйствію экономическихъ законовъ и домогаться тѣхъ или иныхъ результатовъ, черезъ посредство экономическихъ регуляторовъ цѣнности денежной единицы.

Но почему же хозяйственный оборотъ не противится внѣдренію въ него бумажныхъ денегъ, которыя обычно становятся плохими деньгами?

Ему трудно или даже, какъ правило, невозможно отрицать ихъ, ибо въ самый моментъ ихъ метаморфозы изъ кредитныхъ билетовъ онѣ уже находятся въ обращеніи, и государство обязываетъ принимать ихъ и само принимаетъ. Позднѣе. мѣновой и платежный оборотъ ихъ могъ бы отрицать, создавая свои деньги, такъ сказать, параллельныя государственнымъ; это иногда и наблюдается въ исторіи.

II.

Теорія цѣнности бумажныхъ денегъ.

Съ уходомъ изъ обращенія валютарныхъ металлическихъ денегъ, какъ правило, не остается ничего, что могло бы сколько-нибудь продолжительное время удерживать цѣнность денежной единицы на уровнѣ ся металлической предшественницы. Отчего же зависитъ и вслѣдствіе чего измѣняется цѣнность бумажно-денежной единицы въ условіяхъ самостоятельнаго ея существованія?

Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ въ первую очередь необходимо отмѣтить *факторъ количества денегъ*. Тезисъ количественной теоріи гласитъ: *цѣнность денежной единицы* (т. е. ея покупательная сила по отношенію къ товарамъ и услугамъ). *при прочихъ равныхъ условіяхъ, измѣняется обратно пропорціонально измѣненію ихъ количества.* Въ извѣстномъ

объемѣ это положеніе принимаютъ почти всѣ виднѣйшіе экономисты-теоретики, ибо очень трудно отрицать прямую причинную связь между ростомъ количества денегъ и повышеніемъ общаго уровня товарныхъ цѣнъ.

Не въ строгой формулировкѣ точной пропорціональности этихъ величинъ количественную теорію легко доказать, пользуясь слѣдующимъ разсужденіемъ.

Представимъ себѣ рынокъ въ миніатюрѣ, образуемый шестью покупателями и пятью продавцами, каждый изъ которыхъ намѣренъ пріобрѣсти, или продать одинъ экземпляръ даннаго товара, и субъективно-денежныя оцѣнки (максимумъ того, что согласенъ дать каждый покупатель, и минимумъ того, что согласенъ взять каждый продавецъ) которыхъ выражаются слѣдующими цифрами (въ рубляхъ):
Покупатели 1-й —26, 2-й—24, 3-й—22, 4-й—20, 5-й—18, 6-й—16.
Продавцы 1-й —11, 2-й—12, 3-й—13, 4-й—14, 5-й—15.

При такомъ соотношеніи спроса и предложенія будетъ продано все, что предполагалось къ продажѣ, по цѣнѣ промежуточной между 16 и 18 рублями.

Теперь допустимъ, что на рынкѣ встрѣчаются тѣ же лица въ качествѣ продавцовъ и покупателей, и ничто не измѣнилось ни объективно ни въ ихъ субъективномъ хозяйственномъ положеніи, кромѣ того, что теперь каждый располагаетъ большимъ количествомъ денегъ (у одного оно увеличилось на 50%, у другого—на 75%, у третьяго—на 90% и т. п.) Ясно, что, располагая большимъ количествомъ денегъ, каждый покупатель въ крайнемъ случаѣ, готовъ будетъ пожертвовать большей денежной суммой, и каждый продавецъ увеличитъ ту минимальную денежную сумму, за которую онъ согласится продать вещь; значитъ, понизится субъективная цѣнность денежной единицы какъ для продавцовъ, такъ и для покупателей. Пусть это выражаютъ слѣдующія цифры:
Покупатели 1-й—50 р., 2-й—45, 3-й—40, 4-й—35, 5-й—30, 6-й—25.
Продавцы 1-й—27, 2-й—24, 3-й—21, 4-й—18, 5-й—15.

Въ этомъ случаѣ будетъ продано прежнее количество товара, но по цѣнѣ значительно высшей, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, а именно, промежуточной между 27 и 30 рублями.

Какъ въ дѣйствительности происходитъ ростъ цѣнъ, вслѣдствіе увеличенія количества денегъ въ обращеніи?

Выпускаемыя въ цѣляхъ финансированія войны и др. причинъ, бумажныя деньги попадаютъ въ карманы отдѣльныхъ лицъ и оттуда, а также непосредственно отъ правительства, черезъ его агентовъ, заявляютъ спросъ на различные предметы и услуги. Предметы наиболѣе популярные испытываютъ на себѣ это номинальное увеличеніе спроса въ первую очередь и въ большей степени, чѣмъ другіе. Ростъ цѣнъ, возникая въ однихъ пунктахъ (примѣнительно къ однимъ товарамъ) быстро расходится во всѣхъ направленіяхъ, пока повышательная волна не подниметъ на своемъ гребнѣ цѣны всѣхъ товаровъ. Если бы количество денегъ не подлежало дальнѣйшему увеличенію, то, въ соотвѣтствіи съ перераспредѣленіемъ покупательной силы, быстро произошло бы перераспредѣленіе производительныхъ силъ общества между отдѣльными производствами, и установилась бы новая система цѣнъ, тяготѣющихъ къ издержкамъ производства (конечно, за исключеніемъ монопольныхъ цѣнъ); но, такъ какъ въ дѣйствительности выпуски бумажныхъ денегъ можно уподобить какъ бы ряду слѣдующихъ одинъ за другимъ толчковъ, не позволяющихъ установиться равновѣсію производства и цѣнъ на новой основѣ, то и система движущихся цѣнъ съ значительно меньшей, чѣмъ въ нормальное время, строгостью подчиняется принципу издержекъ производства; отсюда—малая согласованность между цѣнами на различные предметы и услуги.

Ростъ общаго уровня цѣнъ какъ разъ выражаетъ и измѣряетъ паденіе цѣнности бумажно-денежной единицы.

Положеніе о связи между количествомъ денегъ и цѣнностью денежной единицы основательно иллюстрировать при помощи слѣдующей аналогіи: при посредствѣ денегъ (денежныхъ суррогатовъ) въ современномъ общественномъ хозяйствѣ разбираются предметы и услуги, подобно тому, какъ на извозчикахъ развозятся пассажиры: но, если число извозчиковъ, при томъ же количествѣ пассажировъ, увеличивается, то на долю каждаго извозчика въ среднемъ выпадаетъ меньше пассажировъ; точно также, чѣмъ больше денегъ въ обращеніи, тѣмъ меньше товаровъ выпадаетъ на долю каждой денежной единицы.[1])

Конечно, помимо причинъ на сторонѣ денегъ, на цѣнность бумажно-денежной единицы оказываютъ вліяніе моменты, коренящіеся въ условіяхъ общественнаго производства, но это лежитъ за предѣлами нашей темы.[2])

Иногда наряду съ количественной теоріей, въ качествѣ ея дополненія и въ цѣляхъ ея корректированія, а часто, отвергая количественную теорію въ отношеніи бумажныхъ денегъ, выдвигаютъ такъ называемую *теорію довѣрія*, сущность которой можно формулировать такъ: бумажныя деньги имѣютъ цѣнность въ мѣру оказываемаго имъ соціальнымъ оборотомъ довѣрія. Факторъ довѣрія, въ особенности въ сдѣлкахъ кредитнаго характера, часто играетъ весьма существенную роль. Бумажныя деньги—кредитныя деньги, поэтому фактору довѣрія приписываютъ особенное значеніе въ установленіи цѣнности бумажно-денежной единицы. Въ одномъ смыслѣ довѣріе абсолютно необходимо, а именно, что правительство будетъ лойяльно и не лишитъ ихъ вдругъ по произволу законноплатежной силы, или само вдругъ не исчезнетъ въ качествѣ территоріально-правового образованія, такъ что его обязательства не будутъ никѣмъ переняты. Но не эту, само собой разумѣющуюся, увѣренность имѣютъ обычно въ виду сторонники теоріи довѣрія, а большую или меньшую увѣренность въ возобновленіи ихъ размѣна на металлъ. Въ весьма категорической формѣ это высказываетъ Морисъ Бургенъ:

„Билетъ въ 100 франковъ, которому государство сообщаетъ принудительный курсъ, можетъ въ большей или меньшей степени обезцѣниваться по причинѣ его необъѣниваемости; однако, всею своею цѣнностью онъ обязанъ болѣе или менѣе прочному разсчету на то, что онъ будетъ оплаченъ; и онъ ее окончательно утратилъ бы, если бы исчезла всякая надежда на возобновленіе его обмѣна на звонкую монету“. („Современныя соціалистическія системы“, стр. 85).

Невѣрно, что бумажныя деньги окончательно утратили бы цѣнность, если бы исчезла всякая надежда на возобновленіе ихъ обмѣна на звонкую монету, такъ какъ и въ этомъ случаѣ можно было бы погашать долги, вносить налоги, оплачивать тарифы и т. д. Въ основѣ этой теоріи лежитъ взглядъ на бумажныя деньги, какъ на долговые документы государства: такъ какъ это векселя, выданные государствомъ, то ихъ цѣнность опредѣляется только тѣмъ, какова вѣроятность, что ихъ оплатитъ правитель-

---

[1]) Лучшая защита количественной теоріи цѣнности денегъ дана Ир. Фишеромъ въ работѣ „The purchasing power of money.“

[2]) Общій уровень цѣнъ опредѣляется совмѣстнымъ дѣйствіемъ причинъ, лежащихъ на сторонѣ денегъ и коренящихся въ условіяхъ производства; такъ, если въ силу дѣйствія первой группы, онъ долженъ возрасти въ 5 разъ, а второй въ 2 раза, то, въ результатѣ ихъ совмѣстнаго дѣйствія онъ долженъ возрасти въ 10 разъ, т. е. общій уровень цѣнъ увеличивается такъ же, какъ предметъ, если на него смотрятъ черезъ систему увеличительныхъ стеколъ.

ство. Противъ этого слѣдуетъ возразить, что обычно мы принимаемъ бумажныя деньги, кстати сказать, имѣющія въ моментъ пріема опредѣленную цѣнность, не сообразуясь съ той или иной степенью вѣроятности ихъ обмѣна на металлъ, а просто потому, что у насъ есть объективно обоснованная увѣренность въ возможности отдѣлаться отъ нихъ тѣмъ же путемъ, какимъ онѣ къ намъ поступили: поэтому намъ обычно нѣтъ дѣла до того, обмѣняетъ ли ихъ правительство на металлъ, и когда, и какъ.

Въ обоснованіе теоріи довѣрія приводятъ факты, подобные слѣдующему. Въ странѣ бумажно-денежное обращеніе. Правительство объявляетъ, что въ близкомъ будущемъ (опредѣленная дата) оно возобновитъ размѣнъ бумажныхъ денегъ на металлъ al pari, т. е. такъ, какъ онъ производился до превращенія ассигнацій или банкнотъ въ бумажныя деньги. Въ результатѣ этой прокламаціи, лажъ на металлъ въ бумажныхъ деньгахъ сходитъ на-нѣтъ: цѣнность денегъ повышается въ силу довѣрія къ заявленію правительства, причемъ само это довѣріе возможно лишь въ случаѣ, если прокламація имѣетъ опору въ фактическомъ положеніи (накопленъ необходимый для осуществленія размѣна металлическій фондъ). Происходитъ это потому, что никто не станетъ платить сколько-нибудь значительный лажъ при покупкѣ золота за бумажныя деньги, если за нихъ скоро можно будетъ получать золото al pari; это нисколько не противорѣчитъ количественной теоріи, ибо нѣтъ неизмѣнности прочихъ условій (объявленіе размѣна—существенное измѣненіе условій); при томъ же количествѣ денегъ повышеніе ихъ цѣнности произойдетъ за счетъ сокращенія скорости ихъ обращенія. *Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что до объявленія объ осуществленіи размѣна бумажныя деньги опредѣленно расцѣнивались въ соотвѣтствіи со степенью вѣроятности ихъ обмѣна на металлъ.*

Съ точки зрѣнія теоріи довѣрія, цѣнность бумажно-денежной единицы должна быть *меньше* той, какую имѣетъ соотвѣтствующее количество металла, но не можетъ быть *равной* или, тѣмъ болѣе, большей этой послѣдней; а, между тѣмъ, въ исторіи часто имѣли мѣсто случаи, когда денежныя единицы бумажныхъ системъ имѣли цѣнность большую ихъ металлическихъ предшественницъ, на которыя формально-юридически онѣ должны быть обмѣнены. Въ 1879 году въ Австріи циркулировали бумажные гульдены (ранѣе размѣнные на серебро), свободная чеканка серебра была прекращена, и за бумажный гульденъ можно было пріобрѣсти серебра больше, чѣмъ содержалось въ серебряномъ гульденѣ; подобно этому, за бумажный рубль въ 90-хъ годахъ (до реформы Витте) можно было купить серебра больше, чѣмъ въ серебряномъ рублѣ. Для теоріи довѣрія это такъ же невозможно, какъ невозможно передать довѣренному больше правъ, чѣмъ имѣется у довѣрителя.

Указанное, необъяснимое, по нашему мнѣнію, съ точки зрѣнія теоріи довѣрія, фактическое положеніе вещей американскій экономистъ Лефлинъ пытался объяснить слѣдующимъ образомъ: Австрія этого времени опредѣлилась, какъ страна, придерживающаяся золотой оріентаціи; что она задумала переходъ къ золотой валютѣ, указывало прекращеніе чеканки серебра и нѣкоторыя другія постановленія, поэтому и оборотъ измѣнилъ свою оріентацію, начавъ расцѣнивать бумажный гульденъ съ вѣроятностью его размѣна не на серебро, какъ было указано въ законѣ, а на золото.[1]) Объясненіе весьма искусственное и натянутое; неудовлетворительность его вскрылъ Мизесъ[2]): если бумажный гульденъ имѣлъ опредѣленную цѣнность лишь потому, что была вѣро-

---

[1]) Laughlin. The principles of money p. 531 & f.
[2]) L. von Mises. Theorie des Geldes u. der Umlaufsmittel.

ятность его размѣна на золото, то она не могла превышать курсовой цѣнности твердопроцентныхъ государственныхъ бумагъ, ибо, съ точки зрѣнія теоріи довѣрія, все различіе между бумажными деньгами и государственными процентными бумагами въ томъ, что одни—безпроцентныя, другія—процентныя государственныя обязательства... Какъ же безпроцентное обязательство можетъ расцѣниваться выше гласящаго на ту же сумму и приносящаго процентъ, если обязаннымъ по тому и по другому является одно и то же лицо—государство? На это нельзя отвѣтить ссылкою, что бумажныя деньги—не только долговыя обязательства государства, но и валютарныя деньги, ибо въ отрицаніи того, что бумажныя деньги пріобрѣтаютъ ту или иную цѣнность, потому что онѣ—деньги, что функція денегъ является для нихъ цѣнообразующей, а не потому, что ихъ размѣнъ болѣе или менѣе вѣроятенъ—и заключается смыслъ теоріи довѣрія.

Отсюда выводъ: теорія довѣрія, какъ вполнѣ самостоятельная теорія цѣнности бумажныхъ денегъ, не можетъ быть признана удовлетворительной, чѣмъ вовсе не исключается признаніе того, что моментъ довѣрія можетъ оказывать, и въ дѣйствительности оказываетъ, вліяніе на цѣнность бумажныхъ денегъ. Но, если моментъ довѣрія и играетъ роль въ установленіи цѣнности денегъ, то это, понятно, не довѣріе къ тому, что правительство возстановитъ размѣнъ на металлъ, когда-то и както, а довѣріе или, вѣрнѣе, недовѣріе къ поведенію самыхъ бумажныхъ денегъ. Опасеніе, что цѣнность бумажно-денежной единицы будетъ падать вслѣдствіе дальнѣйшаго роста ихъ количества или какихъ-либо другихъ причинъ, заставляетъ отдѣльныхъ лицъ сокращать предложеніе (или вовсе воздерживаться отъ него) предметовъ и услугъ, въ результатѣ чего происходитъ уменьшеніе объема товарнаго оборота; это же опасеніе повышаетъ субъективно денежныя оцѣнки товаровъ и услугъ для ихъ пріобрѣтателей, которые, антиципируя будущее паденіе цѣнности денегъ, спѣшатъ скорѣе разстаться съ ними. И то и другое означаетъ пониженіе субъективной цѣнности денегъ и интенсификацію процесса ихъ обезцѣненія.

Итакъ, *паденіе цѣнности денежной единицы*, вызываемое увеличеніемъ роста ихъ количества, *порождаетъ недовѣріе къ нимъ*, что, сокращая объемъ товарнаго оборота и увеличивая скорость обращенія денегъ, усиливаетъ *темпъ* обезцѣненія; усиленное обезцѣненіе порождаетъ еще большее недовѣріе, и такъ безъ конца. Это осложняется тѣмъ, что государство, вслѣдствіе обезцѣненія денежной единицы—а вѣдь выпуски денегъ обычно производятся въ фискальныхъ цѣляхъ,—понуждается къ большимъ выпускамъ, большіе выпуски производятъ потенцированный эффектъ, какъ непосредственно, такъ и черезъ посредство уменьшенія довѣрія къ бумажнымъ деньгамъ, выпуски опять возрастаютъ, и такъ создается заколдованный кругъ, въ которомъ слѣдствія становятся причинами.[1]) Это недовѣріе можетъ возрасти настолько, что паденіе де-

---

[1]) Иначе представлялъ соотношеніе этихъ моментовъ извѣстный нѣмецкій экономистъ-финансистъ А. Вагнеръ: „Количество имѣетъ для такихъ бумажныхъ денегъ, главнымъ образомъ, *посредствующее* значеніе, именно, по вліянію ихъ на кредитъ. Напр., увеличеніе количества бумажныхъ денегъ еще болѣе разстраиваетъ финансы, еще болѣе отдаляетъ вѣроятность возстановленія валюты и этимъ самымъ дѣйствуетъ неблагопріятно на лажъ“. („Русскія бумажныя деньги,“ стр. 85). Правда, Вагнеръ не отрицалъ и самостоятельнаго значенія количественнаго фактора, но въ примѣненіи лишь къ нѣкоторымъ фазамъ бумажно-денежнаго обращенія,

нежной единицы достигнетъ глубины значительно большей той, которая вытекала бы изъ роста ихъ количества, и, въ концѣ концовъ, бумажныя деньги лишатся соціальнаго признанія (если съ ними раньше такъ или иначе не покончитъ государство) и замѣнятся негосударственными деньгами.[1])

Основное значеніе факторъ довѣрія пріобрѣтаетъ въ критическіе въ жизни правительства моменты.

Въ этой связи необходимо коснуться вопроса о зависимости цѣнности бумажно-денежной единицы отъ *величины размѣннаго фонда*. Въ большинствѣ случаевъ металлическій размѣнный фондъ не оказываетъ никакого или почти никакого вліянія на цѣнность денежной единицы при установившемся и упрочившемся режимѣ бумажныхъ денегъ. Такъ, напр., неосновательно думать, что цѣнность бумажнаго рубля, при прочихъ равныхъ условіяхъ, была бы иной въ 1916 и слѣдующихъ годахъ, если бы нашъ размѣнный фондъ былъ значительно меньше. Не придаетъ особеннаго значенія размѣнному фонду даже такой сторонникъ довѣрія, какъ А. Вагнеръ: „колебанія курса въ теченіе года доказываютъ вполнѣ, что *фондъ не имѣетъ значенія для неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ* (курсивъ мой. *М. А.*) Величина металлическаго фонда можетъ только тогда внушать довѣріе, когда этотъ фондъ является необходимымъ звеномъ въ цѣломъ рядѣ мѣръ, которыя должны привести къ серьезному размѣну“ (тамъ же, стр. 171). Это и понятно: участники оборота не сопоставляютъ размѣра обращающихся бумажныхъ денегъ съ количествомъ металла, о размѣрѣ, а иногда даже и о существованіи котораго они весьма мало знаютъ; да имъ и нѣтъ дѣла до этого, ибо въ своихъ хозяйственныхъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ они отправляются отъ существующей или вѣроятной въ близкомъ будущемъ цѣнности денежной единицы, которую и измѣняютъ чисто стихійнымъ путемъ.

Размѣнный фондъ можетъ оказать вліяніе на цѣнность денежной единицы косвенно, черезъ посредство иностраннаго кредита. Государство, при прочихъ равныхъ условіяхъ, пользуется тѣмъ большимъ иностраннымъ кредитомъ, чѣмъ большимъ фондомъ оно располагаетъ. Поэтому нужно признать, что размѣнный фондъ, обуславливая внѣшній заемъ и тѣмъ самымъ уменьшая потребность въ деньгахъ, которая въ противномъ случаѣ удовлетворялась бы выпускомъ бумажныхъ денегъ, предотвращаетъ ростъ количества денегъ, а значитъ, и обезцѣненіе денежной единицы.

Для измѣренія измѣненія—обычно паденія—цѣнности бумажно-денежной единицы нужно пользоваться сопоставленіемъ общихъ среднихъ уровней товарныхъ цѣнъ (чиселъ-показателей) въ интересующій моментъ времени; вмѣсто этого, часто пользуются лажемъ на соотвѣтствующій металлъ, усматривая въ этомъ критерій ея обезцѣненія. Такъ, напр., если за золотой рубль въ 1915 году давали 1 р. 60 к. бумажными деньгами, то, значитъ, на золото въ бумажныхъ деньгахъ былъ лажъ въ 60%, въ чемъ склонны усматривать обезцѣненіе бумажно-денежной единицы на 37,5%.

Лажъ на валютарный металлъ далеко не всегда можетъ быть признанъ удовлетворительной мѣрой обезцѣненія бумажно-денежной единицы, ибо за разсматрива-

---

[1]) Съ другой стороны, въ особенности въ первое время существованія бумажныхъ денегъ, широкіе слои населенія относятъ ихъ обезцѣненіе на счетъ общихъ причинъ и, надѣясь на возвышеніе ихъ цѣнности по миновaніи общихъ неблагопріятныхъ условій, накопляютъ ихъ, что черезъ уменьшеніе скорости обращенія денегъ тормазитъ процессъ обезцѣненія денежной единицы.

емый промежутокъ времени цѣнность металла можетъ значительно измѣниться. Если, напр., цѣнность металла падетъ въ два раза, то, опредѣляя обезцѣненіе бумажно-денежной единицы по величинѣ лажа безъ учета измѣненія цѣнности самаго металла, тѣмъ самымъ представятъ ея цѣнность въ два раза больше по сравненію съ дѣйствительной величиной—ошибка, которую очень часто допускаютъ теперь при опредѣленіи степени обезцѣненія бумажнаго рубля.

На деньги покупаютъ не только товары и услуги, но и деньги другихъ странъ. Международныя расплаты производятся, главнымъ образомъ, при посредствѣ векселей (и чековъ, т. е. векселей à vue), поэтому за деньги одной страны приходится покупать векселя другой, представляющіе опредѣленныя денежныя суммы: отсюда и вопросъ о *междувалютномъ курсѣ* есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о *вексельномъ курсѣ;* при разсмотрѣніи его слѣдуетъ различать слѣдующіе случаи:

а) Обѣ страны придерживаются одной и той же металлической системы (напр., системы золотого монометаллизма или, одна золотого монометаллизма, а другая—хромающей системы.

б) Одна страна придерживается золотого, а другая серебрянаго монометаллизма.

в) Одна страна съ металлической, а другая съ бумажной системой или обѣ страны съ бумажными системами.

г) Въ этомъ случаѣ существуетъ пунктъ (при незатруднительности международныхъ сношеній), къ которому тяготѣетъ высота вексельнаго курса, не отклоняясь отъ него больше, чѣмъ на опредѣленную незначительную величину вверхъ или внизъ. Напр. одинъ фунтъ стерлинговъ содержитъ такое же количество золота, какое заключается въ 4,8665 золотыхъ долларахъ; къ этому отношенію и будетъ приближаться вексельный курсъ между Англіей и Соединенными Штатами, ибо никто не станетъ платить за 1000 фун. ст. значительно больше 4866,5 долларовъ, т. к. въ противномъ случаѣ выгоднѣе переслать соотвѣтствующее количество золота, что сопряжено съ очень незначительными издержками (расходы на пересылку, оплата риска, проценты на капиталъ), и, обратно, не станутъ платить значительно больше 1000 фун. за 4866,5 долларовъ. Благодаря легкой и несопряженной съ значительными расходами расплатѣ путемъ пересылки золота, вексельный курсъ между этими странами, съ точки зрѣнія Англіи, не можетъ быть ниже 4.845 долларовъ и выше 4,88 доллар. за 1 фунтъ. Вексельный курсъ при одноименныхъ металлическихъ валютахъ заключенъ въ весьма тѣсные предѣлы (предѣлы эти, понятно, тѣснѣе для золота, чѣмъ для серебра). Онъ стоитъ (не выходя за эти предѣлы) выше паритета или ниже въ зависимости отъ соотношенія спроса и предложенія векселей. При активномъ сальдо расчетнаго баланса у данной страны по отношенію въ другимъ странамъ ея вексельный курсъ стоитъ выше паритета, ибо находящихся въ ея распоряженіи иностранныхъ векселей съ избыткомъ хватаетъ для оплаты всѣхъ векселей (чековъ и пр.) на нее; при этомъ, какъ правило, вовсе не требуется имѣть активное сальдо расчетнаго баланса въ отношеніи къ каждой странѣ въ отдѣльности, ибо всегда можно, напр., расплатиться съ Франціей векселями на Англію. Измѣненіе цѣнности золота (или серебра) не можетъ отразиться на вексельномъ курсѣ, ибо оно въ равной мѣрѣ отражается на всѣхъ денежныхъ единицахъ.

д) Нѣсколько сложнѣе вопросъ объ установленіи вексельнаго курса между странами, одна изъ которыхъ имѣетъ золотую, а другая серебряную валюту. *Въ этомъ случаѣ вексельный курсъ учитываетъ отношеніе цѣнности золота къ серебру на міровомъ рынкѣ.* Допустимъ, что въ опредѣленный моментъ золото въ 35 разъ цѣннѣе серебра (за унцію золота можно получить 35 унцій серебра). Если въ одной странѣ изъ 1 кил. золота чеканятъ $Т_а$ денежныхъ единицъ, а въ другой изъ 1 кил. серебра $П_в$ денежныхъ единицъ, то $35\ П_в = Т_а$ или $1_а = 35\ П_в$. Послѣднее и будетъ базой вексельнаго курса, отъ которой фактическій вексельный курсъ можетъ отклоняться лишь на величину расходовъ по пересылкѣ серебра, но сама эта база измѣняется съ измѣненіемъ мѣнового отношенія золота къ серебру. Паденіе цѣнности серебра въ отношеніи золота, особенно сильное въ послѣднія десятилѣтія прошлаго и началѣ настоящаго вѣка, соотвѣтственно отражалось на вексельныхъ курсахъ между Англіей и Индіей, Китаемъ и Франціей и т. п.

е) Съ переходомъ страны къ бумажной валютѣ, ея денежная единица, какъ лишенная металлическаго основанія, начинаетъ обмѣниваться на денежныя единицы другихъ странъ внѣ соотвѣтствія съ металлическимъ паритетомъ. При значительномъ ея обезцѣненіи устанавливается лажъ на металлъ (конечно, если металлъ не обезцѣнится еще больше). Лажъ на металлъ внутри страны при легкости международныхъ

ношеній и свободѣ пересылки золота изъ одной страны въ другую не можетъ не соотвѣтствовать вексельному курсу. Напр., если на внутреннемъ рынкѣ за бумажно-денежную единицу можно купить золота въ два раза меньше, чѣмъ въ моментъ прекращенія размѣна, то и вексельный курсъ страны съ золотой валютой не можетъ понизиться больше, чѣмъ въ два раза, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, было бы выгодно покупать на бумажныя деньги золото внутри страны для расплатъ съ заграницей; и обратно, лажъ не можетъ стоять ниже, чѣмъ вексельный курсъ—въ противномъ случаѣ, было бы выгодно покупать золото заграницей для внутренняго употребленія. Не слѣдуетъ только думать, что лажъ опредѣляетъ величину вексельнаго курса и обратно: и лажъ и вексельный курсъ въ ихъ нормальныхъ величинахъ опредѣляются однимъ и тѣмъ же комплексомъ причинъ.

Въ отдѣльные моменты, подъ вліяніемъ измѣненія въ соотвѣтствіи спроса и предложенія на средства расплаты между странами, вексельный курсъ можетъ весьма сильно колебаться, но онъ не можетъ быть закрѣпленъ на долгое время на случайной произвольной высотѣ. Есть и въ этомъ случаѣ нормальный вексельный курсъ, опредѣляемый всѣми другими экономическими элементами этихъ странъ, иначе сказать, существуетъ база и для вексельнаго курса при обмѣнѣ бумажной валюты на металлическую. Выяснимъ это на примѣрѣ двухъ странъ, между которыми ведется нормальная торговля и прочія экономическія отношенія. Страна А остается при золотой валютѣ, а Б переходитъ къ бумажной. Съ момента перехода Б къ бумажной системѣ, общій уровень цѣнъ въ ней возросъ на 50 %, а въ странѣ А на 10 %. Ростъ цѣнъ въ Б обусловленъ инфляціей бумажныхъ денегъ, а въ странѣ А—инфляціей золота.

Такому состоянію цѣнъ соотвѣтствуетъ не всякій вексельный курсъ, а лишь нѣкоторый вполнѣ опредѣленный. Докажемъ это, предположивъ, что $1_А=1_Б$, тогда какъ при золотой валютѣ въ странѣ *Б* $1_Б=2_А$. Что означаетъ такой ($1_А=1_Б$) вексельный курсъ съ точки зрѣнія торговли между странами?

Коммерсантъ, купивъ въ странѣ *Б* товаровъ на $150000_Б$ (за что раньше платили $100000_Б$) продастъ ихъ, согласно нашему предположенію, за $220000_А$[1]), ибо раньше за такое количество товара платили $200000_А$), которыя, согласно допущенному произвольному курсу, обмѣняетъ на $220000_Б$, т. е. получитъ, благодаря этому курсу, экстраординарную прибыль въ $70000_Б$. Слѣдовательно, экспортъ изъ страны Б въ страну А при этомъ курсѣ необычайно выгоденъ съ точки зрѣнія коммерсантовъ. Коммерсантъ же страны $_А$ пріобрѣлъ у себя товаровъ на $110000_А$ (за что раньше платили $100000_А$), долженъ продать за $75000_Б$ ($50000_Б$ плюсъ $50000_Б \cdot \frac{50}{100}$ т. е. выручить $75000_А$ при данномъ курсѣ. Насколько прибыльна торговля для коммерсантовъ страны Б, настолько же она убыточна для коммерсантовъ страны А. Иначе говоря, международная торговля въ данномъ случаѣ должна носить односторонній характеръ. Но вѣдь для того, чтобы экспортеры страны Б могли систематически обмѣнивать выручаемыя въ странѣ А денежныя суммы на векселя своей страны, страна А должна въ такомъ же объемѣ экспортировать товары въ страну Б, чего она при данномъ вексельномъ курсѣ не можетъ дѣлать. Слѣдствіемъ этого должно быть усиленіе спроса на векселя на страну Б и измѣненіе вексельнаго курса въ смыслѣ пониженія съ точки зрѣнія страны А до тѣхъ поръ, пока ея экспортъ не окажется въ нормальномъ положеніи. Иначе говоря, международная торговля отвергаетъ предположенный вексельный курсъ, какъ экономически необоснованный и длительно неспособный существовать, замѣнивъ его вексельнымъ курсомъ, тяготѣющимъ къ $100_Б=145_А$ ($150_Б=220_А$).

[1]) Для упрощенія изложенія я отвлекаюсь отъ расходовъ на транспортъ, процента на капиталъ и предпринимательской прибыли.

Вексельный курсъ въ его нормальной, а не случайной величинѣ, долженъ учитывать и выражать въ себѣ измѣненія общихъ уровней товарныхъ цѣнъ въ той и другой странѣ (въ особенности измѣненія общихъ уровней цѣнъ предметовъ иностранной торговли). Такъ какъ установленію вексельнаго курса предшествуютъ цѣны на внутреннихъ рынкахъ, то, можно сказать, что вексельный курсъ есть выводъ изъ измѣненій цѣнъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ.

Итакъ, базой вексельнаго курса является соотношеніе общихъ уровней товарныхъ цѣнъ въ соотвѣтствующихъ странахъ. Такъ, опредѣляемый вексельный курсъ бумажныхъ денегъ на металлическія—идеальная норма, къ которой болѣе или менѣе тяготѣетъ фактическій вексельный курсъ, не имѣющій въ такомъ случаѣ ни максимальнаго ни минимальнаго предѣловъ.

Если, благодаря какимъ-либо причинамъ, вексельный курсъ значительно возвышается надъ теоретическимъ уровнемъ, то возникаютъ силы, надѣленныя тенденціей понизить его до нормальной высоты и обратно.[1])

При наличности высшаго, чѣмъ нормальный, вексельнаго курса, возрастаетъ импортъ, и уменьшается экспортъ, слѣдствіемъ чего является измѣненіе сальдо расчетнаго баланса, уменьшеніе спроса на бумажную валюту при возросшемъ спросѣ на иностранную валюту и паденіе вексельнаго курса.

Если бы база вексельнаго курса оставалась неизмѣнной, и не было бы случайныхъ причинъ, неожиданно и сильно повышающихъ или понижающихъ вексельный курсъ, то, при наличности дѣйственной конкурренціи, *амплитуда колебаній* кривой фактическаго вексельнаго курса около его базы была бы очень незначительной. Въ дѣйствительности ни того ни другого изъ только что указанныхъ условій обычно не наблюдается на протяженіи сколько-нибудь продолжительнаго періода. Покупательная сила металлическихъ и бумажныхъ денегъ въ разныхъ странахъ измѣняется не съ одинаковой скоростью и часто не въ одинаковомъ направленіи.

Такъ, если въ основѣ вексельнаго курса лежало равенство $10_А = 17_Б$, то теперь оно можетъ быть $10_А = 19_Б$ или $10_А = 15_Б$. Но, если измѣняется сама база —нормальная величина вексельнаго курса, тогда, понятно, и процессъ приспособленія фактическаго вексельнаго курса къ этой величинѣ слагается гораздо менѣе совершенно, подобно тому, какъ рыночныя цѣны свободно воспроизводимыхъ благъ меньше соотвѣтствуютъ издержкамъ производства въ случаѣ измѣненія этихъ послѣднихъ во времени.

---

[1]) Напр., международно-политическія осложненія сулятъ возможностью войны для страны съ бумажно-денежной системой. Изъ этой страны спѣшно затребываются иностранные капиталы: изъ-за границы выбрасываются ея цѣнныя бумаги (акціи, облигаціи, паевыя свидѣтельства), распродаются товары, продаются недвижимости, принадлежащія иностранцамъ; все это повышаетъ спросъ на иностранную валюту, слѣдствіемъ чего является паденіе вексельнаго курса съ точки зрѣнія страны съ бумажной валютой иногда на нѣсколько десятковъ. Но такой пониженный вексельный курсъ не можетъ длительно существовать, какъ экономически прочно необоснованный.

Подобныя быстрыя измѣненія вексельнаго курса наблюдались въ Соединенныхъ Штатахъ въ періодъ гражданской войны. Успѣхи сѣверной арміи моментально отзывались крупнымъ повышеніемъ и неуспѣхи—крупнымъ пониженіемъ вексельнаго курса „гринбековъ". То же наблюдалось и съ бумажными деньгами Южныхъ Штатовъ.

Обычно большое вниманіе удѣляютъ состоянію расчетнаго баланса, какъ опредѣлителю вексельнаго курса, но расчетный балансъ является лишь передаточнымъ механизмомъ, черезъ посредство котораго дѣйствуетъ основной регуляторъ вексельнаго курса—соотношеніе общихъ уровней товарныхъ цѣнъ. Это хорошо выразилъ еще Т. Герцка:

„Между цѣнностью денегъ, платежнымъ балансомъ и вексельнымъ курсомъ существуетъ неразрывное взаимодѣйствіе, которое, однако, не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто платежнымъ балансомъ обуславливается цѣнность денегъ; наоборотъ, цѣнность денегъ вліяетъ на платежный балансъ, а этотъ послѣдній на вексельный курсъ". (Вексельный курсъ. Рус. пер., стр. 11).

Въ своеобразное положеніе попадаютъ бумажныя деньги въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ оказываются на такой части территоріи народнаго хозяйства, которое по тѣмъ или инымъ причинамъ лишается связи съ народно-хозяйственнымъ ядромъ и въ большей или меньшей степени становится интегральною частью другого или другихъ народныхъ хозяйствъ. При этомъ создаются благопріятныя условія для вытѣсненія бумажныхъ денегъ (въ особенности сильно обезцѣнивающихся) изъ позиціи орудія обращенія и обычнаго платежнаго средства металлическими деньгами другихъ странъ. Дѣло можетъ дойти, и иногда доходитъ, до того, что бумажныя деньги лишаются товарной базы (не онѣ, а металлическія деньги оказываются двигателемъ товаровъ, недвижимостей и услугъ), какъ бы повисаютъ въ воздухѣ и становятся не столько деньгами, сколько цѣнными бумагами. И такъ какъ судьба ихъ представляется неопредѣленной и гадательной, а настоящее ихъ положеніе на основной территоріи—неизвѣстнымъ или таковымъ, что его невозможно (или затруднительно) использовать, то онѣ оказываются весьма подходящимъ объектомъ для спекулятивной игры, подобно тому, какъ акціи предпріятій, доходность и общее положеніе которыхъ неизвѣстны—наиболѣе подходящій (подвергающійся сильнымъ измѣненіямъ въ курсѣ) объектъ биржевой игры. Конечно, и въ этомъ случаѣ для установленія курса бумажныхъ денегъ въ его средней величинѣ не безразлично ихъ положеніе на основной части территоріи.

III.

Вліяніе обезцѣнивающихся бумажныхъ денегъ на народное и государственное хозяйство.

Бумажныя деньги появляются въ годы войны, революціи или чѣмъ-либо другимъ обусловленныя тяжкія времена, когда правительство не имѣетъ въ своихъ обычныхъ рессурсахъ достаточныхъ средствъ для покрытія чрезвычайныхъ или даже обыкновенныхъ расходовъ. Иногда выпуски бумажныхъ денегъ используются, какъ наиболѣе легкій способъ полученія средствъ, и къ нимъ прибѣгаетъ правительство, неспособное найти болѣе раціональные и честные способы разрѣшенія финансово-политическихъ задачъ, но часто эти выпуски—буквально дѣти нужды, которая не знаетъ законовъ.

Непрерывно и все въ возрастающей прогрессіи выпускаемыя бумажныя деньги, за однимъ, двумя исключеніями, оказываютъ весьма вред-

ное вліяніе на различныя стороны народнаго и государственнаго хозяйства.

Съ появленіемъ бумажныхъ денегъ маталлическія уходятъ изъ обращенія. Часть ихъ, какъ сокровище, осѣдаетъ на дно индивидуальныхъ хозяйствъ, часть отливаетъ заграницу. Отливъ металлическихъ денегъ заграницу является едва ли не единственнымъ выгоднымъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія послѣдствіемъ выпуска бумажныхъ денегъ. Народное хозяйство, используя въ качествѣ орудія обращенія, не имѣющія вещной цѣнности, бумажныя деньги, получаетъ изъ-за границы взамѣнъ части ранѣе обращавшагося металла—различныя производственныя или потребительныя блага, т. е. увеличиваетъ своей производительный капиталъ. Если, вмѣсто уходящаго заграницу металла, страна, по состоянію ея спроса, импортируетъ потребительныя блага, то тѣмъ самымъ въ ней освобождаются для иного использованія тѣ производительныя силы, которыя, не будь этого отлива, пришлось бы расходовать въ производствѣ этихъ благъ или тѣхъ, на которыя страна пріобрѣла бы эти блага въ международной торговлѣ. Однимъ словомъ, какой-бы конкретный видъ ни принималъ импортъ, вызванный экспортомъ металла, онъ всегда означаетъ увеличеніе производительнаго капитала (или, что то же, противодѣйствуетъ уменьшенію производительнаго капитала), подобно тому, какъ использованіе воздушныхъ путей, освобождая площади, находящіяся подъ дорогами, увеличиваетъ площадь, годную для сельскаго хозяйства[1]) (аналогія А. Смита).

Вредное вліяніе инфляціи бумажныхъ денегъ для народнаго хозяйства обуславливается уже тѣмъ, что въ широкихъ слояхъ населенія пониманіе явленія обезцѣненія денегъ оказывается неполнымъ, не улавливающимъ важнѣйшихъ его проявленій и слѣдствій. Въ 1915 и 16 годахъ всякому приходилось читать или слышать о томъ, что русскіе промышленники, и вообще предприниматели, получаютъ огромные барыши. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ это имѣло мѣсто, но въ общемъ и цѣломъ ростъ предпринимательскаго дохода допускать неосновательно.

Бухгалтерскія вычисленія, дѣйствительно, показывали экстраординарные барыши, но это явилось результатомъ принципіальной невѣрности самыхъ вычисленій, а именно, со старыми и новыми рублями производились всевозможныя ариѳметическія операціи, какъ если бы это были объективно равноцѣнныя величины. Любопытно, что и сами предприниматели, какъ это ни странно, часто имѣли совершенно невѣрный взглядъ на положеніе своихъ предпріятій. Пишущему эти строки приходилось съ удивленіемъ выслушивать признанія директоровъ и владѣльцевъ крупныхъ подмосковныхъ фабрикъ о реализаціи ими небывалыхъ прибылей, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ положеніе было далеко не блестяще.

Думается, что и налоги, какъ, напр., военный, налогъ на прибыль, наряду съ дѣйствительной прибылью, урѣзывали и мнимую. Проблема фиксаціи цѣнъ нѣкоторыхъ важныхъ продуктовъ разрѣшалась безъ достаточнаго учета непрерывнаго обезцѣненія денегъ, въ чемъ заключался ея капитальный порокъ. Вообще, нужно сказать, что фактъ обезцѣ-

[1]) Отсюда ясно, сколь безразсудна политика борьбы съ отливомъ золота заграницу при наличности бумажно-денежной системы.

ненія рубля усваивался какъ-то туманно, и экономико-политическія мѣропріятія питались иллюзіей неизмѣнной цѣнности денегъ, что чрезвычайно пагубно отзывалось на народномъ хозяйствѣ.

Непониманіе причинъ и самаго факта обезцѣненія бумажно-денежной единицы дѣлало возможнымъ убѣжденіе, что кто-то въ своихъ интересахъ, произвольно и безъ достаточныхъ основаній, взвинчиваетъ цѣны, что въ этомъ повинна обнаглѣвшая спекуляція, которую надо обуздать, и т. д.

Стыдно было читать невѣжественное осужденіе родителями учащихся и учащими поведенія книгопродавцевъ, повышающихъ цѣны ранѣе изданныхъ книгъ.

Поведеніе цѣнности денежной единицы осложняетъ построеніе цѣлесообразнаго частно-хозяйственнаго плана и дѣлаетъ затруднительнымъ или даже невозможнымъ состояніе правильныхъ смѣтъ.

Лица съ фиксированнымъ денежнымъ доходомъ терпятъ осязательный ущербъ, ибо повышеніе заработной платы, гонораровъ, окладовъ происходитъ черезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени съ опаздываніями, и при этомъ не антиципируется дальнѣйшее обезцѣненіе денегъ. Кредитора въ номинально тѣхъ же денежныхъ суммахъ получаютъ только часть отданной должникамъ реальной цѣнности.[1])

Цѣны на отдѣльныя категоріи товаровъ растутъ далеко неодинаково, вслѣдствіе чего однѣ группы производителей и торговцевъ получаютъ совершенно не оправдываемые ихъ личной дѣятельностью барыши за счетъ другихъ производителей и торговцевъ. Благодаря этой неравномѣрности роста цѣнъ на различные товары, въ народномъ хозяйствѣ теряется равновѣсіе между отдѣльными отраслями производства; нарушенное равновѣсіе долго не возстановляется ни на какой новой основѣ, такъ какъ дѣйствіе выпусковъ бумажныхъ денегъ оказывается подобнымъ ряду слѣдующихъ одинъ за другимъ толчковъ.

Выпускъ бумажныхъ денегъ обычно разсматривается, какъ заемъ, бумажныя деньги—текущій долгъ государства. Но, если не съ формально-юридической точки зрѣнія, то по существу—это не заемъ, а налогъ. Правительство, увеличивая количество бумажныхъ денегъ новыми выпусками, вовсе не увеличиваетъ реальнаго размѣра своей задолженности, ибо пропорціонально увеличенію количества денегъ происходитъ обезцѣненіе денежной единицы. Это налогъ на держателей капитала въ

---

[1]) Сознаніе выгодности положенія должника диктовало опредѣленное поведеніе: не держать капитала въ деньгахъ и наивозможно широко использовать кредитъ. Такъ, напр., просьбы ссудъ у правительства на возстановленіе предпріятій, вѣроятно, чаще всего были продиктованы желаніемъ использовать выгодное положеніе должника. Полученіе въ коммерческихъ банкахъ подтоварныхъ ссудъ не было, какъ многіе предполагали, товарной спекуляціей; это была кредитно-денежная спекуляція; расчитывали не на то, что возрастетъ цѣнность закладываемаго товара, а на то, что цѣнность долга падетъ, и отъ него можно будетъ отдѣлаться, продавъ часть тѣхъ реальныхъ цѣнностей, которыя пріобрѣтены па ссуду.

Какъ далеко въ этомъ направленіи заходили, хорошо иллюстрируютъ примѣры, вродѣ слѣдующаго: должникъ признаетъ свой долгъ и считаетъ, что по суду онъ будетъ взысканъ. Это не мѣшаетъ ему цинично заявлять кредитору, что онъ согласенъ уплатить 50-60% нарицательной величины долгового документа, ибо, если кредиторъ не приметъ отъ него этой суммы, то по суду, принимая во вниманіе конкретныя условія судопроизводства, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, получивъ номинально весь долгъ, онъ не получитъ и 50-60% его настоящей величины, вслѣдствіе имѣющаго за это время произойти обезцѣненія бумажно-денежной единицы.

бумажныхъ деньгахъ. Выпуская бумажныя деньги, правительство создаетъ для себя покупательную силу и беретъ при ея посредствѣ нѣкоторую часть народно-хозяйственнаго дохода. Представьте себѣ крестьянина, имѣвшаго въ извѣстный моментъ 10 тысячъ рублей; продавая въ теченіе года продукты сельскаго хозяйства, онъ увеличилъ свой денежный запасъ до 20 тысячъ рублей; если за это время цѣнность денежной единицы упала вдвое, то, съ его точки зрѣнія, дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ если бы всѣ проданные продукты онъ отдалъ даромъ; они были взяты у него правительствомъ въ видѣ выпуска бумажныхъ денегъ—замаскированнаго налога. Понятно, что большинству крестьянъ приходится отдавать, какъ налогъ, лишь часть продаваемыхъ продуктовъ; понятно и то, что этотъ налогъ несутъ и многія другія соціальныя группы (напр., лица съ фиксированнымъ и мало измѣняющимся денежнымъ доходомъ, банки и т. п.). Но, если это налогъ на держателей капитала въ бумажныхъ деньгахъ, то его нужно признать исключительнымъ по своей неравномѣрности и жестокости.

...„выпускъ бумажныхъ денегъ составляетъ ужасное финансовое орудіе въ рукахъ ничѣмъ не сдерживаемой государственной власти. Что значатъ въ сравненіи съ этимъ самые тяжелые налоги и принудительные займы и неограниченная власть, которою располагаетъ правительство для приведенія этихъ мѣръ въ исполненіе! *Принудительный курсъ* бумажныхъ денегъ составляетъ болѣе могущественное и простое орудіе для того, чтобы выжать изъ народа необходимыя произведенія, потому что онъ поставляетъ въ распоряженіе государственной власти имущество народа, или отдаетъ послѣднее въ ея руки, при содѣйствіи процесса производства, сбыта и установленія цѣнъ, слѣдовательно, обыкновенныхъ хозяйственныхъ законовъ. Поэтому принудительный курсъ бумажныхъ денегъ, при всѣхъ формахъ правленія, будетъ служить послѣднимъ средствомъ спасенія, когда другія средства недѣйствительны, а дѣло идетъ о существованіи государства и народа". (А. Вагнеръ. Тамъ же, стр. 27).

Бумажно-денежная единица, одновременно съ обезцѣненіемъ по отношенію къ товарамъ, обезцѣнивается и по отношенію къ иностранной валютѣ (если цѣнность послѣдней болѣе или менѣе устойчива), что находитъ свое выраженіе въ паденіи вексельнаго курса на страны съ металлической валютой. Колебанія же вексельнаго курса сообщаютъ спекулятивное направленіе международной торговлѣ; она принимаетъ въ себя элементы азартной игры, въ ней дѣлаются ставки на повышеніе или пониженіе вексельнаго курса. Отклоненіе вексельнаго курса отъ его базы либо приноситъ неожиданную прибыль, либо непредвидѣнный убытокъ, несмотря на обоснованность коммерческихъ актовъ самихъ по себѣ.

Часто думаютъ, что сама по себѣ опредѣленная абсолютная величина вексельнаго курса, напр., 50 тысячъ рублей за 100 долларовъ (Соед. Шт.), разорительна для страны. Взглядъ этотъ питается досаднымъ непониманіемъ существа дѣла: оттого, что рубль становится съ теченіемъ времени въ 500 разъ дешевле доллара (тогда какъ раньше былъ дешевле въ 2 раза), Россіи вовсе не придется давать больше своихъ товаровъ въ обмѣнъ на товары Соед. Штатовъ, подобно тому, какъ не приходится портному больше тратить сукна на пальто съ переходомъ отъ метра къ аршину.

Въ обывательскомъ обсужденіи вопроса паденіе вексельнаго курса осуждается не потому—какъ слѣдовало бы,—что оно *измѣненіе*, а именно потому, что—*паденіе*; это видно изъ того, что *повышеніе* вексельнаго курса разсматривается, какъ желательное для народнаго хозяйства явленіе. Но опять-таки отъ того, что правительство прочно повышаетъ вексельный курсъ на 10-20⁰/₀ (соотвѣтственно измѣняя при посредствѣ денежно-политическихъ мѣропріятій базу вексельнаго курса), Россія въ обмѣнъ на опредѣленное количество своихъ товаровъ вовсе не получитъ на 10-20⁰/₀ больше и вообще больше иностранныхъ товаровъ.

Въ бумажныхъ деньгахъ правительство пріобрѣтаетъ легкій способъ распоряженія капиталами и доходами своихъ подданныхъ, но, съ теченіемъ времени, паденіе ихъ цѣнности становится столь стремительнымъ, что ему дѣлается все труднѣе обезпечивать свои номинально возрастающіе расходы ихъ выпусками. Правда, оно можетъ угоняться за ростомъ номинальной дороговизны, повышая эмиссію (увеличивая купюры), но это лишь обостряетъ процессъ возрастанія цѣнъ и не можетъ продолжаться неопредѣленно продолжительное время, ибо все болѣе и болѣе дискредитируетъ денежную систему.

Инфляція бумажныхъ денегъ и ихъ обезцѣненіе сопровождается паденіемъ цѣнности облигацій государства, что подрываетъ ея внутренній, а отчасти и внѣшній кредитъ. Съ обезцѣненіемъ денежной единицы, разстраивается налоговая система государства. Абсолютныя ставки прямыхъ налоговъ уменьшаются; налоги перестаютъ играть прежнюю роль, между ними нарушается исторически установленное соотношеніе.

Смѣты отдѣльныхъ расходовъ и доходовъ приходится пересматривать и измѣнять, приходится отказываться отъ составленія финансоваго плана на болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, заполняя дефициты новыми выпусками и вызывая этимъ новые дефициты...

Такая упрощенная финансовая система часто деморализуетъ финансовое управленіе. Еще въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка финансистъ фонъ-Гокъ блестяще замѣтилъ: „когда дефициты сдѣлались господствующимъ явленіемъ, когда недостаетъ милліоновъ для установленія равновѣсія, тогда сбереженія по мелочамъ кажутся безполезными, тогда ожидаютъ спасенія отъ великихъ мѣропріятій, и духъ безпорядка и безпечности овладѣваетъ финансовымъ управленіемъ."

IV.

Девизная политика.

Нулификація. Консолидація. Девальвація.

Вышеизложенное какъ будто обосновываетъ широко распространенный взглядъ, что золотыя деньги—хорошія, бумажныя деньги—плохія. Такое огульное высказываніе, не различающее различныхъ фазъ въ состояніи бумажно-денежнаго обращенія, слѣдуетъ признать невѣрнымъ: на счетъ бумажныхъ денегъ это мнѣніе относитъ не то, что имъ органически присуще, а то, что является частымъ, но не необходимымъ ихъ проявленіемъ.

Наиболѣе сильное разстройство въ народное и финансовое хозяйство бумажныя деньги вносятъ тогда, когда государство используетъ ихъ въ фискальныхъ цѣляхъ. Гораздо меньшее зло являютъ онѣ собой, когда фискъ начинаетъ ограничиваться использованіемъ другихъ способовъ (налоги, займы и т. п.) покрытія расходовъ. Наконецъ, бумажно-денежной системой можно такъ раціонально управлять, что она можетъ быть не хуже металлической.

Вредныя вліянія бумажныхъ денегъ на народное и государственное хозяйства обуславливаются паденіемъ покупательной силы бумажно-денежной единицы по отношенію къ товарамъ и паденіемъ же и колебаніями ея курса на золото. Отсюда, коль скоро удастся удержать покупательную силу бумажно-денежной единицы на практически неизмѣнномъ уровнѣ и ввести вексельно-курсовыя ея колебанія въ очень тѣсные предѣлы, то бумажно-денежная система будетъ нисколько не хуже системы золотого монометаллизма.

Отказавшись отъ использованія эмиссіи бумажныхъ денегъ въ фискальныхъ цѣляхъ, правительство можетъ, учитывая объемъ потребительности мѣнового и платежнаго оборота въ денежныхъ знакахъ, то сокращать, то увеличивать въ извѣстныхъ предѣлахъ ихъ количество при посредствѣ операціи учета коммерческихъ векселей. Если цѣнность бумажно-денежной единицы на внутреннемъ рынкѣ перестаетъ значительно колебаться, благодаря денежной политикѣ правительства, тогда открывается возможность, при наличности устойчивой цѣнности металлическихъ денегъ (золотыхъ), *стабилизировать* вексельный курсъ, чему служатъ *девизная* и *учетная* политика (и сродныя имъ мѣропріятія).

Сущность учетной политики сводится въ слѣдующему.

Если, благодаря тѣмъ или другимъ причинамъ, вексельный курсъ падаетъ ниже той величины, которая соотвѣтствуетъ уровнямъ цѣнъ на внѣшнемъ и внутреннемъ рынкахъ, то правительство повышаетъ учетный процентъ, что понижаетъ курсовую цѣнность цѣнныхъ бумагъ на внутреннемъ рынкѣ, и онѣ отправляются заграницу: это черезъ посредство расчетнаго баланса отзывается повышательно на интервалютарномъ курсѣ.

Къ 1892 году Австрія накопила достаточный золотой фондъ для возстановленія размѣна государственныхъ билетовъ; то же могъ сдѣлать Австро-Венгерскій банкъ въ отношеніи выпущенныхъ имъ банкнотъ. Но, несмотря на наличность золотого размѣннаго фонда, Австрія оставалась въ теченіе многихъ лѣтъ при бумажныхъ деньгахъ, искусно управляя ими при посредствѣ девизной политики. Австро-Венгерскій банкъ ассигновывалъ нѣкоторое количество золота, всего на нѣсколько милліоновъ кронъ, покупалъ девизы и усиленно предлагалъ ихъ къ продажѣ въ случаѣ обнаруженія тенденціи паденія интервалютарнаго курса съ точки зрѣнія Австріи. Благодаря этому, колебанія вексельнаго курса между Австріей и странами съ золотой валютой были даже меньше, чѣмъ между странами, придерживавшимися золотого монометаллизма.

Къ этого рода мѣропріятіямъ прибѣгали и другія страны, и въ ихъ числѣ Россія, неоднократно въ теченіе прошлаго вѣка и даже начала позапрошлаго. Но мѣры эти обычно не имѣли успѣха (или весьма кратковременный, неустойчивый успѣхъ), по мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ, вслѣдствіе ихъ несистематичности и недостаточности ихъ использованія, а весьма вѣроятно, что онѣ отстаивали необоснованную

соотвѣтствіемъ уровней цѣнъ базу вексельнаго курса. Австрія, напр., не могла бы удержать вексельнаго курса около отношенія 1 крона = 0,85 герм. марки, если бы при неизмѣнной покупательной силѣ марки на внутреннемъ рынкѣ покупательная сила кроны неуклонно падала; отстаивая въ этихъ условіяхъ указанную норму, Австро-Венгерскій банкъ лишь напрасно расходовалъ бы золото. Девизная политика и сродныя ей денежно-политическія мѣропріятія противодѣйствуютъ вліянію случайныхъ на вексельный курсъ факторовъ (напр., политическихъ извѣстій), биржевой спекуляціи на вексельномъ курсѣ, иначе говоря, всѣ эти мѣропріятія уменьшаютъ колебанія кривой вексельнаго курса, но не вліяютъ на ея общее направленіе.[1])

При извѣстныхъ условіяхъ государство можетъ возвратиться отъ бумажно-денежной системы къ системѣ золотого монометаллизма (или къ какой-либо иной металлической системѣ). Для этого необходимо, чтобы оно получало въ налогахъ и пр. источникахъ достаточныя средства для покрытія своихъ расходовъ, т. е. не вынуждалось бы къ выпуску кредитныхъ билетовъ или банкнотъ въ фискальныхъ цѣляхъ; коль скоро этого нѣтъ, возвратъ къ золотому монометаллизму невозможенъ. Кромѣ того, оно должно располагать достаточнымъ металлическимъ фондомъ для ликвидаціи бумажныхъ денегъ (если эта ликвидація потребуетъ участія металла) и систематическаго размѣна новыхъ кредитныхъ билетовъ на металлъ.

Можно намѣтить три принципіально различныхъ метода возвращенія къ золотой валютѣ: 1) *нулификація* бумажныхъ денегъ и выпускъ размѣнныхъ на золото кредитныхъ билетовъ; 2) извлеченіе изъ обращенія избыточнаго количества бумажныхъ денегъ и *возстановленія ихъ размѣна на золото* al pari; 3) *девальвація*.

Правительство можетъ отказаться отъ выполненія всякихъ, связанныхъ съ выпускомъ бумажныхъ денегъ, обязательствъ и лишить ихъ законно-платежной силы. Это означаетъ нулификацію (аннулированіе) бумажныхъ денегъ, превращеніе ихъ въ ничего не стоящую бумагу.

Аннулированіе бумажныхъ денегъ въ извѣстныхъ условіяхъ можетъ вредно отозваться на государственномъ кредитѣ, или даже привести къ возстаніямъ.

Не считая вѣроятнымъ аннулированіе бумажныхъ денегъ, циркулирующихъ въ общегосударственныхъ границахъ, мы не смѣемъ утверждать того же относительно сепаратныхъ провинціальныхъ бумажныхъ денегъ. Возможно, что деньги, выпускаемыя „государствами въ государствѣ“, въ цѣляхъ финансированія того или другого политическаго предпріятія, при извѣстной политической конъюнктурѣ будутъ аннулиро-

---

[1]) Разсказываютъ, что дававшій въ 80-хъ годахъ представленіе въ столицѣ цирковой артистъ, между прочимъ, заставлялъ свинью поднять брошенную на полъ рублевую бумажку, чего она не сдѣлала; тогда, какъ бы въ извиненіе, онъ сказалъ: „Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, даже министръ финансовъ Вышнеградскій не въ состояніи его (бумажный рубль) поднять“. Рѣчь шла о повышеніи курса бумажнаго рубля на золото.

Насколько можно судить по отрывочнымъ даннымъ, Вышнеградскій не ограничивался задачей повышенія вексельнаго курса до его теоретической базы, а стремился измѣнить эту послѣднюю, что было далеко не легкимъ, а главное, не цѣлесообразнымъ дѣломъ.

ваны. Но мы вовсе не думаемъ, что это было бы тактичнымъ, не говоря уже о явной несправедливости такого акта.

Полное обезцѣненіе бумажныхъ денегъ мыслимо, какъ слѣдствіе нулификаціи, но теоретически допустимо и обратное соотношеніе явленій: сначала происходитъ паденіе цѣнности денежной единицы до практически ничтожныхъ размѣровъ, и потомъ появляется актъ о нулификаціи, какъ юридическая формулировка того, что фактически уже произошло. Возникаетъ чрезвычайно важный и интересный вопросъ: возможно ли паденіе цѣнности денежной единицы до практически ничтожныхъ размѣровъ? Цѣнность бумажнаго рубля можетъ понизиться до весьма незначительныхъ размѣровъ, напр., до 1/100 своей первоначальной величины; въ такомъ случаѣ наше хозяйствующее сознаніе будетъ разсматривать его, какъ копейку или отдѣльную долю копейки: но, если такихъ „рублей-копеекъ" будетъ у каждаго во столько разъ больше, во сколько уменьшилась цѣнность бумажнаго рубля, то денежные запасы будутъ имѣть такое же хозяйственное значеніе, какое они имѣли и при наличности золотой валюты. Въ самомъ дѣлѣ, если въ среднемъ до выпуска бумажныхъ денегъ на каждаго жителя приходилось 20 съ лишнимъ рублей, а съ обезцѣненіемъ рубля на 99% будетъ приходиться 2 съ лишнимъ тысячи бумажныхъ рублей, то деньги, какъ таковыя, нисколько не упадутъ въ своемъ значеніи. Ихъ нулификація, конечно, не задѣваетъ величины народно-хозяйственнаго имущества, но она, тѣмъ не менѣе, далеко не невинна, ибо приводитъ къ неравномѣрному лишенію отдѣльныхъ лицъ экономической власти распоряженія товарами и услугами. Такая нулификація по существу была бы громаднымъ и чрезвычайно неравномѣрнымъ налогомъ, ибо лишеніе денегъ—экономическихъ представителей имущества въ его вещныхъ формахъ—есть вмѣстѣ съ тѣмъ лишеніе самаго имущества, какъ лишеніе акцій—утрата идеальной доли акціонернаго имущества.

Паденіе цѣнности бумажно-денежной единицы до практически ничтожныхъ размѣровъ имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда ея обезцѣненіе во много разъ превосходитъ увеличеніе количества денегъ, т. е. когда запасы бумажныхъ денегъ (или опредѣленнаго вида бумажныхъ денегъ) въ среднемъ у каждаго хозяйствующаго субъекта представляютъ незначительной реальной цѣнности величину (напр., 2-3 золотыхъ рубля). Въ такомъ случаѣ, ихъ легко аннулировать, не боясь задѣть существенные интересы ихъ держателей.[1])

Возстановленіе размѣна бумажныхъ денегъ al pari на золото возможно лишь послѣ соотвѣтствующаго повышенія цѣнности бумажно-денежной единицы. Часто ея паденіе бываетъ столь глубокимъ, что расчитывать на ея самовозвышеніе до паритета совершенно неосновательно; она можетъ подняться до первоначальной величины лишь вслѣдствіе опредѣленныхъ мѣропріятій правительства. Если ея паденіе происходитъ, главнымъ образомъ, благодаря усиленнымъ выпускамъ бумаж-

[1]) Исторія бумажно-денежнаго обращенія, и въ особенности современное положеніе нѣкоторыхъ видовъ бумажныхъ денегъ въ Россіи, даютъ примѣры такого состоянія бумажныхъ денегъ. Происходитъ такое катастрофическое обезцѣненіе денегъ, благодаря усиленію общественнаго недовѣрія къ нимъ и чрезвычайному суженію сферы ихъ обращенія (переходъ къ натуральному обмѣну, использованіе металла въ качествѣ орудія обращенія).

ныхъ денегъ, то, a contrariis, повышеніе ея цѣнности должно имѣть мѣсто при уменьшеніи количества денегъ. Значитъ, повышеніе цѣнности бумажно-денежной единицы до паритета съ золотой предполагаетъ извлеченіе изъ обращенія и уничтоженіе (или лишеніе качества денегъ) всего избыточнаго количества денегъ.

Предположимъ, что въ обращеніи находится 43 милліарда бумажно-денежныхъ единицъ, и что, при доведеніи размѣра обращенія до 3 милліардовъ, произошло бы повышеніе цѣнности денежной единицы до паритета, т. е. пришлось бы изъять изъ обращенія 40 милліардовъ бумажно-денежныхъ единицъ. Изъ ряда возможныхъ способовъ изъятія бумажныхъ денегъ обратимъ вниманіе на два слѣдующіе: 1) извлеченіе при помощи мѣропріятій налоговой политики и 2) при посредствѣ внутреннихъ займовъ. Извлеченіе 40 милліардовъ бумажно-денежныхъ единицъ при помощи налоговъ возможно лишь при громадномъ превышеніи приходнаго бюджета надъ расходами, напр., если это извлеченіе произвести въ 4 года, то нужно будетъ создать приходный бюджетъ въ среднемъ на 10 милліардовъ больше расходнаго. Для этого пришлось бы прибѣгнуть къ чрезвычайному нажиму налоговаго винта (усиленіе ставокъ существующихъ, введеніе новыхъ налоговъ и конструированіе различныхъ промышленныхъ и торговыхъ монополій). Это было бы на границѣ возможнаго, не говоря уже о налоговой безпощадности и несправедливости.

Второй изъ указанныхъ способовъ извлеченія бумажныхъ денегъ называется консолидаціей: государство консолидируетъ свой безпроцентный долгъ въ бумажныхъ деньгахъ, превращая его въ твердопроцентный долгосрочный.

Допустимъ, что оно объявляетъ подписку на 4% внутренній заемъ съ цѣлью извлеченія бумажныхъ денегъ. Такой заемъ порождаетъ громадныя выгоды на сторонѣ кредиторовъ: тѣмъ не менѣе, онъ можетъ не увѣнчаться успѣхомъ. Въ случаѣ недостаточности свободной подписки, правительство можетъ прибѣгнуть къ принудительному займу, что технически легко осуществимо. Такимъ образомъ, въ теченіе ряда лѣтъ правительство можетъ все избыточное количество бумажныхъ денегъ превратить въ облигаціи на ту же нарицательную сумму.

Что означаетъ такая операція съ точки зрѣнія государства?

Замѣнивъ бумажныя деньги облигаціями, государство должно будетъ ежегодно платить въ качествѣ процентовъ по займу 1, 6 милліардовъ золотыхъ денежныхъ единицъ, иначе говоря, при консолидаціи за 40 милліардовъ бумажныхъ денежныхъ единицъ государство заплатитъ столько же золотыхъ. Находится ли такая расплата въ соотвѣтствіи съ размѣромъ государственнаго долга въ бумажныхъ деньгахъ? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ нужно различать формально-юридическую и экономическую точки зрѣнія. Отвѣтить на него по существу, т. е. съ экономической точки зрѣнія, значитъ установить реальный размѣръ государственнаго займа, нашедшаго выраженіе въ бумажныхъ деньгахъ. Предположимъ, что въ странѣ обращалось на 2 милліарда кредитныхъ билетовъ; пріостановивъ размѣнъ, она выпускаетъ 3-ій милліардъ, на который пріобрѣтаетъ товары и услуги; за этотъ третій милліардъ она пріобрѣтаетъ реальныхъ цѣнностей на 900 милліоновъ металлическихъ единицъ; на слѣдующій выпущенный мил-

ліардъ она получаетъ товаровъ и услугъ на 700 милліоновъ. Слѣдующій милліардный выпускъ дастъ ему реальныхъ цѣнностей на 500 милліоновъ золотыхъ денежныхъ единицъ. Такъ, выпустивъ на 40 милліардовъ бумажно-денежныхъ единицъ, государство возьметъ реальныхъ цѣнностей, быть можетъ, на 10 милліардовъ золотыхъ денежныхъ единицъ. При консолидаціи же за эти 10 милліардовъ золотыхъ денежныхъ единицъ оно должно заплатить 40 милліардовъ золотыхъ денежныхъ единицъ, т. е. за счетъ настоящаго и будущихъ поколѣній дать держателямъ бумажныхъ денегъ подачку въ 30 милліардовъ золотыхъ денежныхъ единицъ.[1]) Это актъ величайшей расточительности, а не святое выполненіе принятаго на себя обязательства", какъ утверждалось въ извѣстномъ учебникѣ политической экономіи А. И. Чупрова.

Но, можетъ быть, консолидація, при всей ея обременительности для государства, тѣмъ не менѣе, должна быть проведена въ виду ея преимуществъ въ другихъ отношеніяхъ; можетъ быть, она возстанавливаетъ справедливость, нарушенную усиленными выпусками бумажныхъ денегъ. Какъ мы уже говорили, благодаря инфляціи бумажныхъ денегъ, нѣкоторыя группы производителей и торговцевъ, кредиторы, чиновники и пр. несли весьма существенный ущербъ. Но какъ было бы возможно путемъ консолидаціи возмѣстить утраты этихъ группъ? Онѣ были бы вознаграждены лишь въ томъ случаѣ, если бы накопленныя и обезцѣненныя деньги отдали за золотыя облигаціи; въ послѣднемъ предположеніи заключена иронія: накоплялись-то бумажныя деньги не въ рукахъ тѣхъ, кто, благодаря ихъ выпускамъ, систематически разорялся. Отсюда выводъ: консолидація въ очень большемъ числѣ случаевъ вознаграждала бы не тѣхъ, кто пострадалъ отъ выпуска бумажныхъ денегъ, а наоборотъ—тѣхъ, кто не пострадалъ. Но это значитъ, что консолидація, вмѣсто возстановленія справедливости, порождаетъ новыя отклоненія отъ нея.

Мало того: консолидація, въ особенности, если ея проведеніе растянется на рядъ лѣтъ, весьма невыгодно отразится на народномъ хозяйствѣ. Процессъ консолидаціи долженъ сопровождаться повышеніемъ цѣнности денежной единицы. Но a priori ясно, что ростъ цѣнности денежной единицы долженъ порождать столь же ненормальныя явленія, какъ и ея паденіе. Народное хозяйство заинтересовано въ денежной единицѣ не повышающейся или понижающейся, а неизмѣнной цѣнности. Если при паденіи цѣнности денегъ кредитныя деньги были разорительны для кредитора, то, a contraris, теперь въ страдательномъ положеніи оказывается должникъ.

Въ повышеніи бумажно-денежной единицы заинтересованы владѣльцы денежнаго капитала.

Возникаетъ вопросъ: если повышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ—въ интересахъ народнаго хозяйства, то почему же нѣкоторые экономисты (А. Вагнеръ, А. Чупровъ) защищали его, и ради чего къ нему прибѣгали правительства (напр., Франція)?

Теоретическая защита возврата къ металлической валютѣ, путемъ доведенія курса бумажно-денежной единицы до паритета съ металлической, явно неудовлетворительна. Практически возстановленіе металлической валюты, имѣвшей мѣсто въ рядѣ странъ путемъ изъятія части циркулирую-

---

[1]) Въ дѣйствительности эта подачка больше, т. к. настоящая цѣнность 40 милліардовъ значительно меньше реальной цѣнности, взятой государствомъ.

щихъ бумажныхъ денегъ, не имѣло существенныхъ для народнаго хозяйства вредныхъ послѣдствій по той простой причинѣ, что въ этихъ случаяхъ паденіе цѣнности бумажно-денежной единицы было очень незначительно. Такъ, напр., Франція, для веденія франко-прусской войны и уплаты контрибуціи. довела бумажно-денежное обращеніе до 3 съ лишнимъ милліардовъ франковъ, въ результатѣ чего было очень незначительное обезцѣненіе бумажныхъ денегъ. По сообщенію Арнонэ, лажъ на золото никогда въ этотъ періодъ (70-ые годы) не превышалъ 3, 1%, т. е. цѣнность бумажныхъ денегъ пала на 3%. Въ этихъ условіяхъ извлеченіе небольшого количества бумажныхъ денегъ (кажется, на 300 милліоновъ франковъ) подняло ихъ курсъ до паритета.

Девальваціей называютъ возстановленіе прежней, обычно металлической валюты, путемъ установленія размѣна бумажныхъ денегъ на соотвѣтствующій металлъ по фактическому курсу; т. е. если, напр., въ моментъ ея осуществленія за 10 бумажныхъ денежныхъ единицъ можно пріобрѣсти количество золота, заключавшееся въ металлической денежной единицѣ, то это отношеніе и должно быть положено въ основаніе размѣна; въ такомъ случаѣ нужно говорить о девальваціи изъ 90%.

Самое проведеніе денежной реформы по принципу девальваціи обычно осуществляется такъ: правительство обмѣниваетъ циркулирующія бумажныя деньги на новые бумажно-денежные знаки и подводитъ подъ эти послѣдніе металлическій фундаментъ, объявляя ихъ размѣнными на металлъ. Если оно желаетъ удержать прежнюю металлическую денежную единицу, то въ нашемъ примѣрѣ оно должно обмѣнять 10 бумажныхъ денежныхъ единицъ на 1 ден. ед. новаго типа; если же металлическое содержаніе новой денежной единицы будетъ, напр., въ 2 раза меньше противъ прежней, то денежную единицу, представленную новыми бумажно-денежными знаками, уплачивать за 5 прежнихъ. Для осуществленія девальваціи правительство должно обладать достаточнымъ размѣннымъ фондомъ. Точнаго математическаго опредѣленія размѣра достаточнаго размѣннаго фонда, конечно, дать нельзя: одно основательно утверждать, а именно, что для этого вовсе не нужно количества золота, равноцѣннаго всему находящемуся въ обращеніи количеству бумажныхъ денегъ: для этого достаточна, можетъ быть, половина или одна треть этого количества золота.

Понятно, девальвація предполагаетъ наличность полнаго довѣрія къ правительству, довѣрія, обоснованнаго фактическимъ положеніемъ дѣла. При отсутствіи довѣрія и непрочности внутренняго или внѣшняго политическаго положенія. девальвація привела бы лишь къ „разбору" размѣннаго фонда держателями новыхъ кредитныхъ билетовъ.

Въ особенности въ первое время послѣ осуществленія девальваціи правительство не должно допускать отлива золота изъ эмиссіоннаго банка заграницу. Золото затребывается изъ банка въ обмѣнъ на кредитные билеты (банкноты) для уплаты заграницу, что происходитъ при наличности пассивнаго сальдо расчетнаго баланса. Поэтому въ означенный періодъ нужно особенно стремиться къ поддержанію расчетнаго баланса въ активномъ видѣ. Для этого слѣдуетъ прибѣгать къ политикѣ привлеченія иностраннаго капитала (учетная политика и мн. др. финансово-политическія мѣропріятія).

Фактическій вексельный курсъ можетъ оказаться значительно выше или ниже нормальнаго. Онъ, какъ случайный и необоснованный, не

можетъ быть положенъ въ основу девальваціи. Для проведенія девальваціи нужно предварительно установить вексельный курсъ, соотвѣтствующій нормальному, почему девальвація обычно предваряется укрѣпленіемъ, стабилизаціей вексельнаго курса. Нормальный курсъ, какъ выше установлено, соотвѣтствуетъ обезцѣненію денегъ внутри страны по отношенію къ товарамъ, поэтому нѣтъ основаній для опасенія, высказаннаго А. Вагнеромъ, что при девальваціи владѣльцы бумажныхъ денегъ не получатъ полной ихъ цѣнности, поскольку она выражается въ товарахъ на внутреннемъ рынкѣ.

Въ девальваціи многіе усматриваютъ частичное банкротство государства. Формально-юридически это такъ и есть: государство нѣкогда обязывалось уплатить за бумажно-денежную единицу опредѣленное количество золота (или другого металла), а уплачиваетъ лишь нѣкоторую часть этого количества. Но, какъ выше выяснено, уплата въ размѣрѣ обѣщаннаго была бы величайшей несправедливостью въ случаѣ сильнаго обезцѣненія бумажныхъ денегъ и не вознаграждала бы тѣхъ, кто особенно пострадалъ отъ инфляціи бумажныхъ денегъ. Фактически, если обезцѣненныя бумажныя деньги существуютъ достаточно продолжительно, всѣ примиряются съ ихъ деградаціей и въ основу своего отношенія къ нимъ кладутъ не нѣкогда провозглашенное обязательство обмѣна al pari, а ихъ настоящую цѣнность.

Если можно такъ выразиться, банкротство государства не въ томъ, что оно прибѣгаетъ къ девальваціи, а въ томъ, что не удержало цѣнности бумажной денежной единицы на уровнѣ ея металлической предшественницы.

Въ связи съ девальваціей стоитъ вопросъ о судьбѣ ушедшихъ изъ обращенія металлическихъ денегъ. Золотыя монеты появятся вновь въ обращеніи съ тѣмъ же или другимъ нарицательнымъ наименованіемъ, въ зависимости отъ того, будетъ ли удержано, въ качествѣ денежной единицы, прежнее количество металла, или принято какое-либо иное. Иной должна быть судьба металлическихъ денегъ, вещная цѣнность которыхъ ниже номинальной: онѣ—мертвецы, которымъ, при правильной денежной политикѣ, не возстать изъ мертвыхъ. Правительство должно, въ виду выгодности этого, начеканить новыя размѣнныя деньги, если оно признаетъ надобность въ металлическихъ значковыхъ деньгахъ.

Какъ при девальваціи поступить съ государственными облигаціями?

Безусловно, нельзя и подымать вопроса о замѣнѣ облигацій (къ какому бы времени ихъ эмиссія ни относилась) золотомъ на номинально ту же сумму. [1]) Можно говорить лишь о сравненіи слѣдующихъ методовъ перечисленія валютъ облигацій въ золотыя: 1) облигаціи можно подчинить судьбѣ бумажныхъ денегъ, т. е. перечислять ихъ валюту на золотую, девальвируя ихъ изъ того же процента; или 2) перечислять облигаціи на основѣ курса бумажныхъ денегъ на золото, существовавшаго въ моментъ эмиссіи этихъ облигацій (напр., если въ моментъ подписки на 2-й военный заемъ 100 бумажныхъ рублей были равноцѣнны 40 золотымъ, то 100-рублевую облигацію этого займа нужно замѣнить 40-рублевой). Второму методу перечисленія, можетъ быть, слѣдовало бы отдать предпочтеніе, если бы облигаціи оставались въ рукахъ ихъ первоначальныхъ пріобрѣтателей, но, такъ какъ онѣ котировались и даже обращались въ качествѣ денегъ, то справедливѣе перечислить ихъ по первому способу. Возможенъ и принципіально иной методъ разрѣшенія этого вопро-

---

[1]) Сказанное предполагаетъ, что при девальваціи денежная единица будетъ содержать то же количество металла, что и до возникновенія бумажныхъ денегъ.

са: облигаціи пріобрѣтаютъ нѣкоторый устойчивый курсъ, напр., 3 рубля золотомъ за 100 рублей 2-го военнаго займа, въ результатѣ свободной игры хозяйственныхъ силъ. Этотъ курсъ и закрѣпляетъ правительство въ моментъ реформы.[1])

Не слѣдуетъ думать, что девальвація абсолютно безвредна—она представляетъ собою лишь наименьшее зло. Ея основное и ни съ чѣмъ несравнимое по своей важности преимущество состоитъ въ томъ, что она не вноситъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ міръ мѣновыхъ цѣнностей.

V.

Взглядъ на будущее.

Режимъ бумажныхъ денегъ охватилъ большую часть Европы. Въ худшемъ положеніи оказалась Россія, въ которой процессъ инфляціи бумажныхъ денегъ начался ранѣе и принялъ большіе размѣры, вслѣдствіе меньшаго использованія внутреннихъ займовъ, какъ способа финансированія войны. Революція и гражданскія войны привели въ хаотическое состояніе денежную систему, если (условно) называть денежной системой то, что существуетъ сейчасъ. На разныхъ частяхъ территоріи Россіи обращаются различные виды бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ различными правительствами на разныхъ основаніяхъ, съ различными сферами обращенія, различной степенью обезцѣненія и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ, призванныя обращаться на небольшой территоріи, покрыли ее плотнымъ слоемъ и, въ концѣ концовъ, лишились довѣрія и цѣнности, такъ что ихъ можно считать умершими.

Какова же судьба современныхъ бумажныхъ денегъ въ Россіи и каковы пути къ построенію болѣе или менѣе нормальной денежной системы?

Настоящій историческій моментъ не является, по нашему убѣжденію, таковымъ, чтобы, отправляясь отъ его анализа, дѣлать болѣе или менѣе обоснованныя предположенія и прогнозы будущаго. Прогнозы въ области финансовой и общественно-экономической теперь, больше чѣмъ когда-либо, зависятъ отъ политическихъ прогнозовъ, а эти послѣдніе невозможно сдѣлать. Неизвѣстно, когда и при какихъ условіяхъ произойдетъ объединеніе Россіи на началахъ современнаго конституціоннаго права, частной собственности и презумпціи въ пользу частнаго предпринимательства.

На судьбѣ современныхъ бумажныхъ денегъ можетъ существенно отразиться характеръ процесса объединенія Россіи, т. е. будетъ ли онъ медленнымъ или быстрымъ, произойдетъ ли онъ въ порядкѣ нарастанія въ тѣхъ или другихъ географическихъ направленіяхъ или сразу. До этого многіе виды бумажныхъ денегъ могутъ изжить себя и многіе возникнутъ вновь.

Все же основательно предполагать, что, къ моменту возсоединенія отдѣльныхъ частей Россіи въ цѣлое, будутъ циркулировать различные виды бумажныхъ денегъ съ различной цѣнностью, и основная и труд-

---

[1]) На рѣшеніе этого вопроса могутъ пытаться оказать вліяніе страны, подданные которыхъ заинтересованы въ немъ, какъ держатели облигацій данной страны.

нѣйшая денежно-политическая проблема будетъ состоять въ *унификаціи бумажно-денежнаго обращенія.* Общіе принципы унификаціи установить нельзя (можно лишь намѣтить различныя возможности), ибо здѣсь многое будетъ зависѣть отъ конкретно-исторической обстановки. По тѣмъ или инымъ началамъ, всѣ виды бумажныхъ денегъ, за исключеніемъ фактически аннулированныхъ, нужно будетъ замѣнить однимъ технически совершеннымъ видомъ.[1]) что необходимо сдѣлать и въ случаѣ федералистическаго устройства Россіи.

Унификація денежной системы сама по себѣ должна быть признана крупнѣйшей, стоящей на исторической очереди реформой. Пожелаетъ ли Россія (и будетъ ли обладать объективными для этого предпосылками) подвести металлическій фундаментъ подъ эту унифицированную денежную систему, объ этомъ сейчасъ затруднительно и преждевременно говорить.

Какъ бы ни были трудны денежныя и, общѣе, финансовыя проблемы будущаго, онѣ всѣ такъ или иначе будутъ разрѣшены, когда произойдетъ экономическое возрожденіе Россіи, т. е. будетъ возстановленъ производительный капиталъ, а значитъ, и реальный доходъ націи.

М. Абросимовъ.

---

1) Произведенная во Владивостокѣ денежная реформа въ формѣ замѣны одного вида бумажныхъ денегъ другимъ, впервые при этомъ выпущеннымъ въ обращеніе, неправильно называютъ девальваціей; для этого недостаетъ историческаго характера признака: *замѣняющія бумажныя деньги не обращались раньше появленія замѣняемыхъ.*

Основные недостатки владивостокской реформы заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ ней былъ принятъ принципъ принудительнаго обмѣна сибирскихъ денегъ на новыя, вмѣсто факультативнаго; 2) правительство должно было обязаться производить обмѣнъ сибирскихъ денегъ на новыя по опредѣленному курсу и, обратно, обмѣнъ новыхъ на сибирскія, кладя въ основу тотъ же курсъ. Этимъ было бы предотвращено капитальное расхожденіе между расцѣнкой сибирскихъ и новыхъ денегъ правительствомъ и расцѣнкой ихъ частнымъ междухозяйственнымъ оборотомъ.

Указываемые здѣсь принципы замѣны одного вида денегъ другимъ были выдвинуты нами осенью 1919 года, въ послѣдніе дни жизни Омскаго Правительства.

Огненная душа.

(Памяти Дмитрія Васильевича Болдырева.)

I.

Годъ тому назадъ, въ маѣ мѣсяцѣ, въ иркутской тюремной больницѣ умеръ отъ послѣдствій сыпного тифа, весь въ язвахъ и ранахъ, молодой профессоръ Пермскаго Государственнаго Университета по каѳедрѣ философіи, Дмитрій Васильевичъ Болдыревъ. Умеръ, не дождавшись надъ собой суда омскаго революціоннаго большевистскаго трибунала, которымъ былъ приговоренъ къ смерти и разстрѣлянъ его другъ и соратникъ по Омскому Русскому Бюро Печати, А. К. Клафтонъ.

Трудно гадать о томъ, что было бы на этомъ судѣ съ Дмитріемъ Васильевичемъ, но думается, что и на той дорогѣ ждала его смерть.

Слишкомъ прямъ, слишкомъ рѣзокъ былъ этотъ чистый человѣкъ для нашего смутнаго времени, и время поглотило его.

Но онъ останется живымъ въ нашей памяти, памяти всѣхъ знавшихъ его, какъ воплощеніе Омска—не того Омска, который опошлила интеллигентски-революціонная кличка хлесткимъ именемъ „колчаковщины", явленія россійски-сумбурнаго, вродѣ „керенщины", „атамановщины" и т. п. Былъ у насъ еще одинъ Омскъ, который занялъ въ историческомъ ходѣ судебъ Россіи неотъемлемое свое мѣсто, какъ первое за много лѣтъ выраженіе русской идеи.

Мы настойчиво требуемъ признанія свѣтлыхъ мѣстъ омской жизни. Вѣдь не тамъ ли было создано то, что намъ теперь, разсѣяннымъ въ Голусѣ, въ Діаспорѣ, кажется недосягаемою далекою цѣлью: національная русская власть надъ національнымъ русскимъ обществомъ.

Омскъ!

Маленькій сибирскій городокъ, надъ безкрайными просторами сибирскихъ, киргизскихъ полей, съ крѣпостцой, напоминающею Бѣлгородскую крѣпость въ „Капитанской дочкѣ" и оберегавшей когда-то подступы къ государству, сибирскій Омскъ, гдѣ въ ссылкѣ билась національная мысль, гдѣ на путяхъ, изгонгнанныхъ протопопомъ Аввaку-

момъ, стремилась возродиться національная московская традиція, какъ залогъ самаго существованія національной идеи.

Наше время проходитъ подъ знакомъ разрыва, подъ звѣздой противоположности, ибо русская революція, такая свѣжая и полнокровная въ своей сущности, діалектически положила свое отрицаніе въ бездушномъ и мертвомъ татарскомъ соціализмѣ.

Въ этихъ 8 строкахъ стиховъ безвѣстнаго, затеряннаго въ журналахъ автора, противоположности эти встаютъ во всей наготѣ:

Богъ далъ тѣло русской свободѣ,
Только душу онъ не далъ ей.
Не растутъ души въ природѣ,
Какъ травы, въ нѣсколько дней.
И осталась въ ней жизнь лихая,
Прадѣдовская душа:
Помѣсь ископыти Мамая
И петровскаго палаша.

Что на одной сторонѣ? Бездушіе полное, теоретическій скелетъ, аракчеевскій злой регламентаризмъ, сплошныя, принудительныя, проклятыя фаланстеры съ нищенскимъ, подлымъ, унизительнымъ равенствомъ ѣды, въ которомъ, какъ атомы, взаимозамѣстимы всѣ обитатели соціальнаго рая—вотъ одна сторона, *московская* дѣйствительность.

И тѣмъ разительнѣе выступала тогда *другая* сторона, тогдашняя *сибирская* дѣйствительность. Чего стоили одни эти свѣжіе утренніе базары Омска, гдѣ, въ буйной щедрости, изъ корзинъ вываливались, лѣзли, переполняли ихъ огромныя перламутровыя рыбы, овощи сверкали всѣми красками, отъ ярко-зеленаго до пурпурнаго, гдѣ такъ блисталъ кровавый мраморъ мяса, „столь пріятный", по слову Анатоля Франса, „твердому взгляду римлянъ"...

Той сторонѣ, раціоналистически безплодной, сухой, какъ ежедневная вобла интеллигентскихъ обѣдовъ въ Совдепіи, здѣсь самымъ бытомъ, toto genere, отличнымъ отъ нея, было противопоставлено буйственное изобиліе жизни, „фламандской школы пестрый вздоръ", шумиха свободы и щедрости быта.

Эту противоположность, перемахивающую изъ рыночнаго въ космическій характеръ, отмѣчаютъ и сами соціалисты. *Соціализмъ есть соціальный раціонализмъ*, обмолвился какъ-то одинъ изъ столповъ русскаго теоретическаго соціализма, П. Юшкевичъ. И, дѣйствительно, на нашихъ глазахъ эта продовольственная логика вбираетъ въ себя, шнуруетъ въ испанскій сапогъ голода живую мысль, изощряясь въ теоретически любовныхъ построеніяхъ по отношенію къ „ближнему" и сама не только не оставаясь безплодною, какъ посвященная

Богу монахиня, но, какъ фараонова худая корова, пожирая тучную дѣйствительность и сама нисколько не становясь отъ этого толще.

Пожирается, во имя земныхъ благъ, это личное, индивидуальное, пышное, радостное сіяніе, цвѣтеніе широкой русской души.

Куда дѣвается она въ этой мертвой схемѣ, въ какіе пески уходятъ ея родники?

А изъ родниковъ этихъ вѣдь лился когда-то цѣлый потокъ русскаго искусства. На зеленомъ холмѣ Свіяжска, какъ золотыя головки булавокъ на бархатной подушкѣ прилежной красавицы, выростали золотые купола русскихъ церквей. Природа претворялась ею наивно, граціозно и легко въ пышныя вышивки фантастическихъ коньковъ, пѣтуховъ и елочекъ. Иконостасы зорь перегораживаютъ ея мечтательные, задумчивые вечера, и въ золотыхъ иконостасахъ ея темныхъ церквей отъ лампадъ и свѣчей сіяютъ тоже алыя зори вечерняго, Тихаго Свѣта... И развѣ не тѣмъ же сладостнымъ перезвономъ звучатъ слова старой бабкиной сказки:—И видитъ Иванъ-Царевичъ зарево надъ лѣсомъ, будто мѣсяцъ встаетъ...

Насъ, русскихъ, всегда окружало это тончайшее эфирное облако удивительныхъ переживаній, которыя, затвердѣвъ въ творчествѣ, алмазами сіяютъ въ нашей поэзіи.

Но слишкомъ мало всегда у насъ было людей, которые, вѣря въ себя, прислушивались бы къ этому ,,перезвону сосенъ" въ своей душѣ. И если *этимъ* внутренне жила душа, то логическія, раціональныя слова нашего вѣка и нашей идеологіи были совсѣмъ иными: они говорили о всегда родной намъ свободѣ, но наполняли это понятіе инымъ содержаніемъ.

Революціонная свобода была всегда раціоналистична, механистична, а слѣдовательно, соціалистична. Мы были косноязычны, думая о тайномъ и называя его избитыми политико-экономическими терминами....

Это было боязнью собственнаго мнѣнія передъ лицомъ вѣка. ,,А вотъ еще наша сила", говоритъ циничный революціонеръ въ дьявольскихъ ,,Бѣсахъ:"—,,это боязнь собственнаго мнѣнія...Это сила,такъ сила!"

Зло расщепило хитро и умно нашу душу, и вотъ мы по пыльной дорогѣ революціи застигнуты надвигающейся ночью Россіи.

Но тѣмъ и цѣннѣе тогда, въ эти періоды разрухи и крушенія, тѣ фигуры, которыя слушаютъ въ своемъ сердцѣ цвѣтеніе души. Какая бездна переживаній и настроеній волнуется тогда передъ нами въ такой личности, объединяя въ себѣ тѣ дѣйственные элементы, которые органически создавали и создали все, что называемъ мы русскимъ.

Такой именно личностью былъ покойный Дмитрій Васильевичъ Болдыревъ. Въ немъ былъ огромный непередаваемый даръ подойти вплотную къ самому явленію, заглянуть въ его суть, остаться пораженнымъ новыми открытыми нитями и связями...

Омскъ осенью 1919 года уже трепещетъ отъ близкой катастрофы. Фальшивой стала казаться толпа иностранцевъ, лихимъ потокомъ, въ упоеніи побѣдой надъ нѣмцами, лившаяся въ Сибирь, словно въ увеселительную поѣздку отъ агентства Кука. Безпомощны теоретическія ,,коалиціи" политическихъ импотентовъ. Безпочвенны, безжертвенны, неоправданы всѣ рѣчи, стерты, какъ старая монета, всѣ слова, и устныя и печатныя, о ,,несчастной нашей Родинѣ". Надо было что-то элементарно простое, что-то библейски сильное, свѣжее, какъ вода.

Въ день Преображенія Господня, въ 1919 году, въ Патріаршій день, проф. Болдыревъ, облаченный въ стихарь, выступилъ всенародно на площади съ проповѣдью съ паперти омскаго собора. Зло надвигается, говорилъ онъ,—красный, безбожный, отвергающій религію коммунизмъ идетъ на Сибирь. Этой дьявольской силѣ должна быть противопоставлена сила Св. Креста. Вѣра мертва безъ дѣлъ; она требовала отъ христіанина взять въ руки винтовку!

Такъ началось знаменательное крестоносное движеніе, нашедшее доступъ къ массамъ, хотя и исходило отъ интеллигенціи. Начались мобилизаціонныя горячія собранія бѣженцевъ, систематическая проповѣдь въ Алтайскомъ, Барнаульскомъ, Бійскомъ, Новониколаевскомъ уѣздахъ. Поднимались бѣженцы, поднималось старообрядчество, мусульманство, и отклики искренней проповѣди этой живутъ еще въ тѣхъ районахъ, въ видѣ непрестанныхъ возстаній противъ коммунизма.

Появились на фронтѣ бѣшено дравшіяся дружины Св. Креста и Зеленаго Знамени Пророка, и все это было сдѣлано рѣшительностью и пыломъ горячаго профессора и младшаго унтеръ-офицера Д. В. Болдырева.

Цѣлая буря поднялась противъ дѣла Дм. Вас. Сѣтовали на ,,ничтожные результаты". Однако, на фронтъ было послано до 6.000 человѣкъ дружинниковъ, не считая готовыхъ въ тылу, и это за $1^1/_2$ мѣсяца работы! Военные ,,спеціалисты" критиковали движеніе, указывая на ,,необычный способъ набора", и, по обычному невѣжеству своему, распыляли добровольцевъ по отдѣльнымъ частямъ, либо брали изъ нихъ людей въ разные тыловые конвои и т. д. Интеллигенція немедленно принялась изслѣдовать это движеніе съ точки зрѣнія лойяльности въ еврейской проблемѣ, на этомъ несчастномъ пробномъ камнѣ на соціабельность.

Нѣкоторые рѣдкіе выпады въ этомъ направленіи вождей старообрядцевъ дали ей возможность заклеймить ,,черносотенствомъ" поднимаемое національное и религіозное движеніе и на томъ успокоиться въ своемъ косномъ невѣжествѣ.

А покойный Дм. Васильевичъ все же былъ первымъ новымъ русскимъ интеллигентомъ, нашедшимъ дорогу въ сердце народа, дорогу національную и религіозную.

II.

Иначе онъ дѣйствовать и не могъ.

Его дѣйствія, увѣнчавшія его жизнь, не были разсчитаннымъ политиканствомъ, ловкой позой, необходимой для увлеченія массъ.

То былъ естественный протестъ его крѣпкой, какъ камень, увѣренной въ себѣ души, души героя. Онъ абсолютно цѣленъ и послѣдователенъ въ своихъ воззрѣніяхъ.

Выросшій въ культурной военной семьѣ, давшей цѣлый рядъ ученыхъ дѣятелей, воспитанникъ Петроградскаго Университета, ученикъ и послѣдователь Н. О. Лосскаго, онъ и въ философскихъ взглядахъ своихъ былъ реалистомъ.

Если, дѣйствительно, у крупныхъ философовъ философія сливается съ мудростью, воплощая тѣмъ самымъ жизненный идеалъ, какъ то было въ плѣнительныя времена расцвѣта античной мысли, то именно такимъ былъ Дм. Васильевичъ. Онъ былъ абсолютнымъ реалистомъ въ области познанія. Все дано, все существуетъ въ этой данности, и *все есть, о чемъ мы знаемъ;* время—чревато грядущимъ, и грядущее это такъ же существуетъ, какъ и настоящее, разнясь отъ него лишь степенью существованія. Ворота познанія вовсе не ограничены одними чувствами. Нѣтъ, Богъ существуетъ такъ же реально, какъ и міръ, добро существуетъ такъ же, какъ и зло, и они широкими потоками льются въ нашу душу. Имѣющій уши, да слышитъ ихъ размѣрный и торжественный ходъ...

Объ этомъ вниканіи въ міровую жизнь такъ божественно повѣдалъ Тютчевъ:

Но меркнетъ день, настала ночь.
Пришла, и съ міра рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь,
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами.
Вотъ отчего намъ ночь страшна.

Ученый, въ изслѣдованіяхъ своихъ по психологіи имѣвшій создать своеобразную теорію памяти, онъ былъ мистикомъ, и туда была открыта свободная дорога его воззрѣніямъ.

Въ одинъ ненастный октябрьскій вечеръ, трясясь со мною на извозчикѣ, возбужденный только что произнесенной въ Новониколаевскомъ

соборѣ проповѣдью, Дмитр. Вас. разсказывалъ о томъ, какъ разспрашивалъ онъ о мистическомъ познаваніи у какого-то отшельника, жившаго среди лѣсовъ и болотъ Тверской губерніи.

— Понимаете ли вы, В. Н., говорилъ онъ,—вѣдь этотъ сухой, маленькій старичокъ съ такими ясными глазами, съ настроеніемъ благословенія, вотъ такъ же, какъ и св. Францискъ Ассизскій,—братъ мой, огонь, братъ мой, волкъ, вѣдь *онъ видѣлъ*, зналъ и благодать и зло. Когда я спросилъ его про благодать, онъ смутился и быстро отвѣтилъ: бываетъ, бываетъ... А объ томъ, какъ его мучитъ „онъ", какъ сбрасываетъ съ лавки, тащитъ къ лохани—онъ разсказывалъ съ жуткими подробностями...

Извозчикъ, сидѣвшій на козлахъ, оказался скептикомъ; покачалъ онъ головой и отозвался на рѣчь Дм. Вас.:

— Это такъ-то раньше бывало. Теперь нѣтъ.

— Почему нѣтъ? Или раньше люди не тѣ же были?

— Нѣтъ, обернулся извозчикъ.—Нынче сволочь народъ сталъ.

Но какая бездна впечатлѣній должна была литься въ *такъ* широко отверстую душу! Какъ широкъ и богатъ для нея океанъ міра, его опытъ, и какъ отлично это состояніе душевнаго и духовнаго богатства, этой полноты душевнаго цвѣтенія, отъ другой столь привычной схемы:

— Человѣкъ произошелъ отъ обезьяны. Всѣ продукты производства онъ долженъ дѣлить поровну, а его мышленіе есть лишь „надстройка надъ производственными отношеніями."

Но не слѣдуетъ отнюдь думать, что, какъ мистикъ, Дм. Вас. былъ человѣкомъ не отъ міра сего, не реальнаго міра. Думать такъ—значитъ имѣть превратнѣйшее понятіе о мистикахъ. Мистики видятъ и знаютъ столько реальнаго, что въ этомъ океанѣ реальнаго захлебывается, тонетъ скала чувственнаго, реальнаго, но вовсе не исчезаетъ совсѣмъ. *Они слишкомъ реальны*, у нихъ весь міръ—міръ сей, и это соединеніе мистицизма, какъ распространительнаго знанія, и здороваго смысла, какъ его оцѣнки, всегда составляло свойство русскаго духа, которое такъ „тонко и умно" отмѣтилъ Вячеславъ Ивановъ:

Какъ черезъ тучи взоръ орлиный
Обслѣдываетъ прахъ долины—
Онъ здраво мыслитъ о землѣ,
Въ мистической купаясь мглѣ.

Не въ особомъ потустороннемъ мірѣ „für Engeln und für Spatzen" чуялъ Дм. Вас. и живую Силу и живую Красоту. Нѣтъ, онѣ разлиты здѣсь, вотъ въ этомъ самомъ мірѣ, имманентны ему, и весь міръ этотъ пронизанъ св. Софіей, Премудростью Божіей.

Въ притворѣ древняго Софійскаго Собора въ Новгородѣ Великомъ, видѣлъ онъ это изображеніе св. Софіи, которое навсегда осталось въ

его душѣ. Крѣпкій станъ, дѣвичій ликъ, шесть крыльевъ за спиной — вотъ какъ воплощена была Софія, Премудрость Божія, пришедшая въ міръ.

Профессоръ Болдыревъ — одинъ изъ участниковъ-основателей въ 1917 году въ Петроградѣ „Братства св. Софіи", вмѣстѣ съ А. В. Карташевымъ и Н. О. Лосскимъ.

Братство св. Софіи — не просто общество. Въ надвигающееся безбожное лихолѣтіе, братство — это братская спаянность единою крѣпкою вѣрою родственныхъ душъ, брошенныхъ Рокомъ въ этотъ ночной міръ, и вѣрящихъ, что въ немъ, въ его культурѣ, осуществляется внутренняя, имманентно разлитая Премудрость Божія.

И въ Перми было основано Дм. Вас. отдѣленіе этого братства. Но бурями хаоса раскиданъ, однако, этотъ огонь, и тлѣетъ теперь развѣ подъ сосудомъ.

Проблема св. Софіи — проблема культуры, которую выдвигаетъ тамъ теперь на первый планъ западно-европейская водительствующая мысль, вѣрнѣе, это русское рѣшеніе проблемы о культурѣ, распадающееся на двѣ части. Если рѣшается первый вопросъ о культурѣ, что она къ благу, то долженъ быть рѣшенъ и второй вопросъ — каковы пути, которыми идетъ она.

Въ „Обществѣ философскихъ и соціальныхъ наукъ при Пермскомъ Университетѣ" онъ поставилъ себѣ и разрѣшилъ эти вопросы въ докладѣ о „Школѣ св. Софіи."

Всѣ великія культуры міра, говорилъ онъ, имѣютъ подъ собой религіозное основаніе. У древняго храма происходятъ и олимпійскія игры и философскія собесѣдованія. Но понятіе Бога изгнано изъ современной нашей школы. Оно замѣнено понятіемъ временнаго *прогресса*, страннымъ и противорѣчивымъ.

Въ убійственно мѣткой, саркастической картинѣ вскрываются Дм. Васильевичемъ всѣ области нашей школы. Естественная наука въ механическомъ законѣ развитія, мѣняющая живую жизнь, по слову Фауста:

На тлѣнъ, на хламъ,
На символъ смерти, на скелетъ —

выдвигаетъ на первый планъ именно это служеніе „прогрессу."

А болѣе всѣхъ наукъ повинна въ удушеніи живой жизни исторія. Что она сдѣлала съ нею! „Религіозныя самыя полноцѣнныя явленія представляются намъ въ ней какими-то недоразумѣніями, предшествующими революціи; какой-то французскій король, истребившій свою семью, является, однако, въ качествѣ вѣрнаго служителя прогресса; семь пламенныхъ крестовыхъ походовъ проходятъ въ изложеніи гимназическаго учителя медленно и печально, какъ семь похоронныхъ процессій."...

Наконецъ, fin du siècle — спортъ.

Какому богу служатъ эти голоногіе юноши, гоняющіе мечъ по зеленому полю? Гдѣ, вокругъ чего объединены ихъ національныя и религіозныя мечты?

Вокругъ камня св. Петра, вокругъ Церкви должна строиться культура, ибо Церковь—настоящая носительница культуры. Все рушится кругомъ, гибнетъ, лишь онъ крѣпокъ, этотъ сѣдой камень, старый стволъ, зеленѣющій свѣжими побѣгами, самъ недвижный, но движущій собою все...

Колеблется воля людей, что волна,
Но есть неизмѣнная Воля святая.
Превыше временъ и пространства, одна,
Красою сіяетъ Идея живая.
И въ вѣчной тревогѣ одинъ, недвижимъ,
Духъ мощный все движетъ покоемъ своимъ.
(*Вл. Соловьевъ*).

Церковь—носительница жизни.

И такъ велика ея жизненная сила—о чудесная мысль!—*что святые ея настолько живы, что не разлагаются и послѣ смерти, и ихъ мощи сами—источникъ жизни..*

Поэтому на Церкви должны быть рѣшены вопросы соціальной педагогики, въ Церкви должна обрѣсти свою базу новая, грядущая школа, школа св. Софіи.

Пышнымъ цвѣтомъ цвѣтетъ душа Дм. Вас., этого великолѣпнаго стилиста, когда онъ описываетъ эту красоту, которую вопьютъ въ себя дѣти, которой причастятся они, когда будутъ участвовать въ роскошныхъ богослуженіяхъ, когда въ самой природѣ увидятъ служеніе Богу...

Красота разлита въ мірѣ, красота спасетъ міръ, говорилъ своими твореніями Дм. Вас. Но, однако, красота—это одна лишь часть міра. Весь же міръ не таковъ. Въ немъ есть и реальное зло, которое, подобно Антихристу, принимаетъ видъ добра, чѣмъ и блазнитъ живущихъ. И вотъ появляется великолѣпная статья Дм. Вас. „Пролеткультъ", погребенная на страницахъ омской „Сибирской Рѣчи" отъ 16-17 іюня 1919 года.

Основныя положенія этой статьи таковы.

Идеологи углубляемой русской революціи на роль варвара, разрушителя и обновителя Стараго міра выдвигаютъ Пролетарія. Кто же таковъ этотъ самый Пролетарій? Чего онъ хочетъ?

Дм. Вас. говоритъ:

„Надо сказать, онъ весьма мало напоминаетъ того мясистаго дядю съ молотомъ и знаменемъ, какъ намъ его показываютъ въ гипсовыхъ барельефахъ и статуяхъ въ время революціонныхъ торжествъ.

„Напротивъ того, мы видимъ предъ собою существо худосочное, со впалою грудью, съ блѣднымъ лицомъ, въ ореолѣ синихъ круговъ подъ гла-

зами...Печальный цвѣтъ угольныхъ полей, онъ безплоденъ, какъ та почка, что его возрастила.

„Соотвѣтственно этому, складывается и міровоззрѣніе пролетарія. Оно не есть что-либо новое, а жалкая смѣсь матеріализма, позитивизма, дарвинизма, атеизма и прочихъ опивокъ съ буржуазнаго пира. Но, чтобы посмотрѣть золотые сны пролетарія, нужно пойти въ кинематографъ.“

Дм. Вас. остроумно указываетъ далѣе, что издавна уже отмѣчена туманность положительнаго идеала соціализма. И только въ грезахъ кинематографа видитъ *живая конкретная широкая толпа* плѣнительные образы, которые и кладетъ во главу угла своихъ мечтаній.

„Кинематографъ даетъ какъ разъ тѣ грезы, которыя отвѣчаютъ заповѣднымъ томленіямъ массъ. Онъ облегчаетъ ихъ формы и показываетъ затѣмъ на экранѣ.“

„Это не какой-нибудь „рай поповъ“, это рай земныхъ удовольствій, предназначенный для земныхъ удовольствій широкихъ демократическихъ массъ“.

И вотъ каковы эти удовольствія:

„И, какъ цвѣтокъ лѣтомъ, въ мифѣ распускается экранъ картинами *деликатнѣйшей жизни*. Воздвигаются чертоги ресторাннаго шика, возникаютъ виллы среди райскихъ садовъ, разстилаются экзотическіе ландшафты съ балконовъ первоклассныхъ отелей. Учтивые проборы склоняются къ ручкамъ дамъ, скользятъ лимузины, легкими движеніями плечъ падаетъ небрежно манто на смокингъ и хризантему. Словомъ, пріоткрывается жизнь почти сказочной роскоши, насыщенная удовольствіями, какъ оранжерея—одуряющимъ ароматомъ, какое-то золотое царство праздности и комфорта, гдѣ нажимъ кнопки непремѣнно вызываетъ лакея, и пара магическихъ словъ, набросанныхъ на бумагѣ, открываетъ несгораемые шкафы банковъ.“

Странная, притягивающая для массъ жизнь—интернаціональная жизнь, и именно эта роскошная жизнь тщится теперь бушевать въ столицахъ нашихъ.

Въ прошломъ году трамваи въ красной столицѣ были оклеены афишами, возвѣщавшими о пролетарскихъ вечеръ-танцахъ съ конфетти, серпантиномъ, котильономъ, летучей почтой, словомъ, со всѣми ухищреніями буржуазной больной фантазіи, и не разъ въ бѣлыя ночи доносилось до меня изъ оконъ пролетарскихъ танцулекъ:

—Товарищи, соединяйтесь въ гранъ-ронъ!

Такимъ образомъ, она ничего не заключаетъ въ себѣ новаго, эта quasi-пролетарская культура, ибо состоитъ въ распыленіи культуры буржуазной съ извѣстнымъ ослабленіемъ.

„Пролеткультъ—это невообразимая смѣсь убогой роскоши, составленная изъ разоренныхъ гостиныхъ и выпотрошенныхъ будуаровъ“. Всѣ эти „Соціалистическія Академіи“, „Академіи ораторскаго искусства“—все та же буржуазная наука, но только безмѣрно разжиженная, разрѣженная и пульверизируемая въ невѣроятныхъ курсахъ.

„Дьяволъ гуляетъ въ мірѣ“, говоритъ Дм. Вас., въ „идеологической надстройкѣ“ міра, „дьяволъ, какъ начало разрушительное“.

И гуляетъ онъ не только въ безбожныхъ грезахъ о близкомъ раѣ бѣднаго городского населенія. Большевизмъ проникаетъ и въ Церковь.

Въ послѣдней книжкѣ „Русской Мысли", ноябрь-декабрь 1917 года, появилась статья Дм. Вас. „Большевизмъ въ Церкви", изумительно воспроизводящая картинку состоянія русской Церкви въ указанномъ году.

Два начала усматриваетъ авторъ, присутствующій на одномъ изъ епархіальныхъ съѣздовъ на выборахъ делегатовъ на Церковный Соборъ. Государственная власть пала. Нѣтъ въ Соборѣ услужливыхъ городовыхъ, осаживающихъ назадъ народъ. „И вотъ архіепископъ, можетъ быть, впервые, стоитъ лицомъ къ лицу со своей паствой."

Архіепископъ говоритъ о томъ, что поколебалась не только вся Россія. Нѣтъ, Церковь, стоящая на скалѣ апостольскихъ преданій и вѣры—тоже поколебалась. Идетъ походъ противъ власти епископа.

„Но наша церковь—епископальная. Если не будеде повиноваться епископу, то всѣ погибнете", говорилъ съ гнѣвной одышкой епископъ: „ибо, согласно апостольскимъ преданіямъ и Отцамъ Церкви"...

Дм. Вас. съ грустнымъ сарказмомъ говоритъ здѣсь, что анахронизмомъ дышали эти слова объ отцахъ Церкви. Ибо нѣтъ теперь отцовъ Церкви, а есть *товарищи Церкви*...

И вотъ, пока владыка съ такой жуткой силой говорилъ о расшатываніи церковныхъ основъ, діаконы и псаломщики „сорганизовались" въ одномъ изъ трактировъ и тамъ, „подобно Самсонамъ, ослѣпленнымъ ненавистью къ князьямъ церкви, готовились повалить одинъ изъ столповъ ея"...

Это—другое начало. И неудивительно: „Церковь вѣдь только часть, гвардія великой отступающей арміи, имя которой Россія".

„Ревутъ на засѣданіи дьякона, по кочкамъ обличительнаго краснорѣчія мчатся псаломщики. Самъ епископъ не можетъ совершить чуда ихъ усмиренія."

Дьякона и молодые люди, укрывавшіеся отъ воинской повинности во время войны въ клирѣ, вотируютъ архіепископу недовѣріе.

Одно ясно, что человѣческое море уходитъ въ своемъ большевизмѣ изъ Церкви. На смѣну „массамъ" идутъ единицы. „Настало время разрушенія наружныхъ стѣнъ церкви и сокращенія ея до внутреннихъ цитаделей, до завязи новой жизни и новой культуры."

—„Дьяволъ гуляетъ въ мірѣ", своимъ низкимъ, глухимъ голосомъ повторялъ часто Дм. Вас. и, заложивъ руки въ карманы жилета, поворачивался на каблукахъ.

Всюду вставала, отовсюду надвигалась эта колоссальная россійская нелѣпица. Въ статьѣ „Парадъ демократіи" („Современная Пермь", февраль 1919 г.) онъ вскрываетъ это отсутствіе духовнаго порыва и духовнаго горѣнія у представителей революціонной демократіи меньшевистскаго типа, рѣчи которыхъ на праздновaніи второй годовщины рево-

люціи „скучны, какъ кооперативныя лавки"; въ статьѣ „Общественность" („Сибирская Рѣчь" 1919 года, іюль) онъ зло и ѣдко высмѣиваетъ русскую общественность, лишенную въ себѣ творческихъ силъ и поднимаемую по командѣ, какъ декорація, на блокахъ, какъ только государственный корабль попадаетъ въ тяжелое положеніе.

Иные нужны пути, иные, болѣе вѣрные, прочные, утоляющіе жажду. Это—путь вѣры. Въ 1917 году предсказываетъ онъ возвращеніе интеллигенціи нашей къ вѣрѣ, что наблюдаемъ мы теперь.

„Вѣра есть дитя ужаса и отчаянія. Такъ, во времена норманскихъ, лангобардскихъ, татарскихъ нашествій лучшіе умы охватывались сильнѣйшимъ влеченіемъ къ монастырямъ. И теперь, когда высококультурнѣйшій нѣмецъ обнаружился лангобардомъ (а теперь и союзники. *В. И.*), а русскій—татариномъ, лучшіе умы скоро поймутъ, какъ отчасти уже понимаютъ, что лишь за стѣной Церкви сохранятъ они себя отъ бѣсовскаго одичанія. При нашей внутренней немощности смѣшно говорить о творчествѣ, о расширеніи. Намъ подобаетъ лишь помнить о сосредоточеніи, о сохраненіи, о непогашеніи искръ"...

Надо было оборонять послѣднюю цитадель изначально простого, и Дм. Вас. указываетъ тѣхъ, кто долженъ былъ это дѣлать. Три имени выставлялъ онъ въ статьѣ „Большевизмъ въ Церкви". И эти три имени суть: Вл. Соловьевъ, Достоевскій, К. Леонтьевъ...

III.

Итакъ, держать огонь подъ спудомъ, лелѣять искры подъ пепломъ, въ тяжкихъ стѣнахъ русскихъ монастырей, отсиживаться въ этихъ цитаделяхъ?

Таковы петербургскія настроенія Дм. Вас. Взбаламученное море русской революціи поднялось слишкомъ сильно, не оставляя въ приливѣ своемъ ни малѣйшаго островка.

Но и тогда уже звучали въ его писаніяхъ иные мотивы. Но и тогда въ той же статьѣ „Большевизмъ въ Церкви" онъ указывалъ, что, „кромѣ дара благословенія, Церковь имѣетъ еще и даръ проклинать".

И тогда, слѣдовательно, готовился онъ выступить грознымъ обличителемъ возстанія дьявола.

Тѣмъ легче это было сдѣлать въ Сибири. Здѣсь, въ видѣ зародившагося и обладавшаго уже извѣстной значительностью національнаго движенія, Дм. Вас. представлялъ второй камень, второе основаніе для горячихъ его выступленій—это національность.

Но какъ неясно было само понятіе этой русской національности въ томъ же Омскѣ! Въ годичный срокъ существованія Омска оно пріобрѣло значительныя измѣненія. Развернутое легко и свободно въ

1918 году въ видѣ нашего великолѣпнаго трехцвѣтнаго флага, въ видѣ клича въ „Москву", трепетавшее такъ легко и свободно въ вихрѣ безпрерывныхъ побѣдъ, мчавшихся къ Волгѣ—въ дальнѣйшемъ оно потребовало серьезныхъ поправокъ.

Въ первый періодъ, въ періодъ изживанія наслѣдія и обаятельности былой Россіи, періодъ систематическаго возстановленія старыхъ государственныхъ отношеній, періодъ иностранной помощи—понятіе національности нашей было, такъ сказать, интеллигентскимъ. Интеллигенція первая приняла его, почувствовала, и, такъ или иначе, безповоротно обрекла себя на связь съ національной Россіей. Послѣдующее ренегатство, страха ради Іудейска, въ ряды ли коммунизма, въ ряды ли изумляющихся силѣ совласти, не сниметъ, однако, съ нея принятыхъ на себя общимъ восторгомъ въ 1918-19 годахъ обязательствъ.

Тѣмъ яснѣе въ этомъ русскомъ интеллигентскомъ націонализмѣ выразились всѣ ея качества. Онъ оказался весьма легковѣснымъ, оторваннымъ отъ корней. Изъ всей тріады государства—власти, народа, территоріи, этотъ націонализмъ упиралъ болѣе всего именно на территорію, протестуя противъ „захватовъ", ликуя по поводу расширенія ея за счетъ большевизма.

И поэтому сразу же обнаружилась бѣдность его идеологіи. „Москва", „Москва"— этотъ кличъ оказался именно желаніемъ держать въ своихъ рукахъ территоріальный ключъ земли русской.

Идеологически же желаніе Москвы было овѣяно, подкрѣплено чуть ли не Чеховымъ, чуть ли не Художественнымъ театромъ, сладостью грезъ о Москвѣ.

Надо отмѣтить и то обстоятельство, что освобожденіе Сибири шло подъ знакомъ сибирскаго областничества, захватившаго значительныя слои и демократіи и коопераціи и вносившаго значительную путаницу въ мозги.

Съ этими сбивчивыми понятіями нельзя было подойти къ народу—и въ этомъ постепенномъ сдаваніи національныхъ позицій было несчастіе Омска. Коммунизмъ захватывалъ все большія и большія позиціи, и невозможно было остановить его шествія, не измѣнивъ, не углубивъ національныхъ лозунговъ.

Передъ Дм. Вас. и встала эта задача. Въ понятіе національности нужно было влить живое содержаніе, ея духъ, ея традицію, и здѣсь онъ совершенно рѣшительно выдвинулъ на первый планъ религіозный элементъ.

Церковь выдвинута была базисомъ для нея, Церковь въ ея реальномъ значеніи, въ реальныхъ членахъ. Такимъ образомъ, выдѣлилось въ своемъ значеніи старообрядчество, какъ наиболѣе сохранившее духъ Церкви.

Старообрядчество въ разруху революціи выдѣлилось своей духовной крѣпостью и сплоченностью.

Уральское казачье войско извѣстно своей стойкостью противъ гулявшаго въ мірѣ дьявола. И оказалось, что не тихіе уюты монастырей должны хранить искры немеркнущаго свѣта, а старообрядческія поселенія въ пропитанныхъ запахомъ меда зеленыхъ долинахъ Алтая, подъ алмазными шапками его вершинъ.

Къ укладу старообрядчества, къ его національному патріотизму особенно лежала душа Дм. Вас.

Вѣдь это было возвращеніе къ допетровской Руси, къ ея создавшимъ Россію устоямъ.

Передъ нимъ стояла задача обновленія православія, реформація его, вѣрнѣе—исполненіе Церкви.*)

Такимъ образомъ, Дм. Вас. явился въ качествѣ піонера подлинной русской культуры, связанной традиціей со всею Русью, связанной съ народомъ, какъ ея носителемъ культуры, нисколько не теряющей своей тонкости *и изысканности*.

Какъ западная культура создана на фонѣ готическаго собора, такъ и русская должна проектироваться на Ростовскій либо Суздальскій соборъ, на веселую расписную башню ярославской церквушки.

Съ неутомимой страстностью, даже яростью громилъ онъ опустѣвшій духъ русской интеллигенціи. Передъ нимъ стояла стѣна, которую нужно было пробить, и вотъ, вмѣсто братства св. Софіи, въ Омскѣ учреждается имъ бр. святителя Ермогена, митрополита Московскаго, какъ знакъ неустанной, національной, патріотической борьбы.

Но не только большевизмъ приходилось побороть Дм. Васильевичу.

Своеобразная традиція послѣднихъ двухъ столѣтій нашей культуры встала передъ нимъ сплошной массой, традиція, увѣнчанная, какъ своимъ остріемъ, русской интеллигенціей. Склонность къ механистическому міровоззрѣнію, знаменитый силлогизмъ, по Вл. Соловьеву—,,мы произошли отъ обезьяны, слѣдовательно, должны любить другъ друга", атеизмъ, всѣ эти ,,опивки со стола всемірной буржуазіи," наконецъ, пресловутый еврейскій вопросъ—все встало противъ него. Даже въ станѣ его единомышленниковъ, націоналъ-либераловъ, противъ него гудѣлъ прибой, какъ противъ вырвавшейся изъ глубины моря одинокой скалы.

Своимъ упорствомъ, упрямствомъ, своей неистовостью, онъ напоминалъ другого обличителя дьявола, сына цвѣтущей Италіи, Джироламо Савонарола.

Подобно ему, пылалъ онъ совѣстью, не ,,больною", а здоровою совѣстью, и, не пожелавъ покинуть національнаго вождя, обреченнаго

*) А. В. Карташевъ. Реформа, реформація и исполненіе Церкви. Птгр. 1917.

лукавымъ западомъ, адмирала Колчака, подобно ему, погибъ въ мукахъ и темницѣ, на кострѣ тифа.

Фигура Дм. Васильевича была возможна лишь на фонѣ Омска, на фонѣ той атмосферы, которая царила въ Омскѣ въ этомъ неуловленномъ, неоформленномъ пока еще сознаніи національнаго единства. Онъ первый увидалъ далекія первыя зарницы національной грозы, первый возвѣстилъ великіе повороты нашей національной культуры среди косноязычія, непониманія, шума, ренегатства и легкомыслія толпы.

Онъ былъ библейски простъ, какъ просты пророки. Смотрите, какъ проста его „платформа“.

„Часъ былъ еще ранній“, пишетъ онъ. „Я вышелъ на набережную. На томъ берегу бѣлокаменной монастырь только что выступилъ изъ туманной пелены утра и слегка розовѣлъ. Въ томъ монастырѣ былъ задушенъ святитель Филиппъ. Вотъ наша совѣсть. Задушена ли она рукою Малюты? Или она еще выйдетъ изъ кельи митрополита Филиппа, подобно тому, какъ Лазарь вышелъ однажды изъ пелены смерти? Во всякомъ случаѣ, всѣ чающіе ея воскресенія пусть соберутся у этой кельи, у этой гробницы нашей національной совѣсти, чтобы тамъ основать не временную, а вѣчную партію митрополита Филиппа. „Страхъ Божій“ будетъ ея девизомъ, безстрашіе передъ самодержавнымъ Звѣремъ—ея программой, святитель Филиппъ—ея духовнымъ вождемъ.“

Мы стоимъ передъ радостнымъ моремъ будущаго, но вокругъ насъ печальное настоящее... „Скоро утро, но еще ночь“... Это утро видѣлъ Дм. Вас., и погибъ ради Свѣта Немеркнущаго...

Дерзновенны наши рѣчи,
Но на смерть осуждены
Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны.

Всеволодъ Ивановъ.

Владивостокъ,
май 1921 г.

Политическій обзоръ.

После Кронштадта, когда въ эмигрантскихъ кругахъ такъ ярко вспыхнули надежды, и такъ быстро настали будни разочарованія—вѣра въ близость освобожденія оскудѣла, души эмигрантовъ ощутили ознобъ.

И вотъ вновь переворотъ, противобольшевистское возстаніе, несоціалистическій съѣздъ.

Но уже не чувствуется прежняго подъема настроеній, холодный скепсисъ царитъ среди эмиграціи, она насторожилась, но не рвется къ Владивостоку, а съ запада ждутъ извѣстій и уже остерегаются преувеличеній въ оцѣнкѣ.

I.

Общее положеніе.

Начинается второй мѣсяцъ существованія новой власти, и ничего реальнаго нѣтъ, положеніе не разъяснилось, горизонты не расширяются.

Читая газеты, можно получить впечатлѣніе, что фигуры двухъ лицъ, Меркулова и Семенова, заслонили землю отъ солнца, и въ тѣни этихъ двухъ „крупнѣйшихъ“ людей тонутъ всѣ вопросы политической жизни и всѣ дѣйствующія на маленькой приморской землѣ силы.

Чтобы понять владивостокскія событія, надо вернуться немного назадъ.

Что переворотъ произошелъ, это никого здѣсь удивить не могло; удивлять могло только то, что онъ произошелъ такъ поздно. Большевики добились распространенія на Приморье власти ихъ ставленниковъ, Краснощекова „со товарищи“. Предѣлы областной приморской автономіи все болѣе суживались, изъ Владивостока большевики вывезли (опять при помощи чеховъ!) почти все, что еще оставалось тамъ цѣннаго. Изъ Читы во Владивостокъ должны были ѣхать эмиссары. Умѣренныя группы, одно время коалировавшія съ большевиками на платформѣ демократическаго строя, откололись. Низы стали обнаруживать равнодушіе къ рабоче-крестьянской власти, такъ какъ она плохо и неаккуратно платила.

Больше же всего безсиліе большевиковъ опредѣлялось тѣмъ, что во Владивостокѣ и на линіи Уссурійской желѣзной дороги, вплоть до восточной границы Маньчжуріи, стояли японскіе гарнизоны, которые, по соглашенію отъ 6 апрѣля 1920 года еще съ блаженной памяти Медвѣдевымъ, соблюдали „нейтралитетъ“ и разоружали, кого хотѣли.

Подъ охраною этого нейтралитета, по линіи дороги сосредоточились остатки „каппелевцевъ“ и „семеновцевъ“—двухъ военныхъ массъ, не объединившихся въ одно цѣлое по причинамъ историческихъ воспоминаній и традицій, а, главнымъ образомъ, изъ-за разногласій и взаимной предубѣжденности командпаго состава.

Семеновцы содержались лучше, они пользовались до послѣднихъ дней средствами батьки-атамана. Каппелевцы оттягали себѣ свои пуды золота въ дни, когда они были почти хозяевами положенія въ Забайкальѣ, но этихъ „пудовъ“ было меньше, чѣмъ у атамана, и ихъ жизнь сложилась много хуже.

Самоотверженности, устойчивости не проявилось ни съ одной стороны. Атаманъ Семеновъ сидѣлъ поневолѣ въ Портъ-Артурѣ, и ему было трудно побороть рознь войскъ, но съ его стороны не видно было и надлежащей въ этомъ направленіи инціативы. Повидимому, вліяніе „своихъ“ въ средѣ окружающихъ попрежнему оказывалось рѣшающимъ, и „каппелевцы“ держались въ черномъ тѣлѣ.

Такимъ образомъ, соотношеніе силъ было явно не въ пользу большевиковъ, но въ средѣ ихъ противниковъ не существовало единства.

Воинская сила, или, вѣрнѣе, кадры ея, разрознены, общественность разслоена на правыхъ (лидеры—Меркуловы), демократовъ (лидеры—генералъ Болдыревъ, Виноградовъ, Кроль), умѣренныхъ соціалистовъ (чуть ли не единственный Якушевъ, бывшій президентъ Сибирской Думы) и т. д.

Было ясно, что, когда произойдетъ переворотъ, то играть на приморскомъ шахматномъ полѣ будетъ не трудно. Фигуръ много, и одна другую бьетъ.

Такъ и вышло. Каппелевцы вошли въ городъ, милиція присоединилась къ нимъ, партизаны ушли въ сопки, красный командармъ Лепехинъ удралъ. По слухамъ, находчивый большевикъ нарядился въ балахонъ чумнаго врача и беззрепятственно выѣхалъ въ автомобилѣ изъ города.

Первое время казалось, что все идетъ очень хорошо. Но вотъ изъ Портъ-Артура выѣхалъ „Главнокомандующій" Семеновъ, и все сразу запуталось.

Семеновъ давалъ деньги на организацію переворота, онъ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити движенія, помогъ матеріально устройству съѣзда, который въ апрѣлѣ избралъ свой исполнительный органъ—совѣтъ, теперь превратившійся въ правительство; наконецъ, почти наканунѣ переворота онъ сговорился въ Портъ-Артурѣ съ представителями кооперацiи (конечно, не всей), представителями группы, образовавшей Харбинское отдѣленіе Всероссійскаго Крестьянскаго Союза, и національно - экономическаго союза (тѣ же, плюсъ торгово-промышленники). Если количественно всѣ эти группировки были слабы, а качественно не очень вѣски, то все же въ нихъ составѣ были почти всѣ наиболѣе активные дѣятели центра. Сговоръ былъ такой: атаманъ сохранитъ военную власть, гражданская же власть будетъ принадлежать кабинету, подотчетному передъ народнымъ собраніемъ. Программа дѣятельности демократическая.

Намѣченъ былъ и глава гражданской власти, П. В. Ивановъ, одинъ изъ популярнѣйшихъ дѣятелей на Уралѣ, въ свое время возглавлявшій уральское областное правительство.

Такимъ образомъ, все какъ будто приведено было въ ясность.

Но соглашеніе Семенова съ „демократіей", хотя бы и самою благонамѣренною, не могло быть ему прощено. И тѣ самые люди—князь Крапоткинъ, Меркуловъ и др., которые еще не такъ давно воспѣвали Семенова, теперь третируютъ его, какъ бандита.

Паденію престижа Семенова много способствуетъ истощеніе его средствъ. Друзья и заговорщики выкачали все, что могли.

Между тѣмъ, Семеновъ продолжаетъ считать себя преемникомъ адмирала Колчака. Онъ раздаетъ чины и даетъ назначенія, Меркуловъ же, считая себя единственною законною властью по праву переворота, не признаетъ Семенова, назначаетъ своего главнокомандующаго и для устраненія двоевластія запрещаетъ Семенову въѣздъ въ Приморье, что встрѣчаетъ, вѣроятно, не безъ его же внушенія, поддержку со стороны консульскаго корпуса.

Личныя отношенія играютъ, конечно, большую роль, но все-же не только они создаютъ остроту положенія.

Дурная слава Семенова подымаетъ на дыбы противъ него всю соціалистическую интеллигенцію, все безъ различія политическаго исповѣдыванія еврейство, часть каппелевцевъ, и, вѣроятно, нѣкоторые другіе слои населенія, что, впрочемъ, опредѣлить трудно.

Наконецъ, существуетъ и принципіальное разногласіе между Меркуловымъ и Семеновымъ по части предстоящей дѣятельности, а именно, относительно гражданской войны.

Разногласіе это едва ли существенно для самого пріамурскаго правительства и играетъ только роль фиговаго листка для прикрытія истинной причины розни, но оно все же не выдумано.

Приморье само по себѣ всегда оставалось, соотвѣтственно своему географическому положенію, отрѣзаннымъ отъ россійской дѣйствительности. Оно было базой интервенціи, не знаетъ настоящаго совѣтскаго режима, не хочетъ гражданской войны.

Во то же время часть военныхъ силъ, прибывшихъ сюда изъ Россіи и Сибири, семеновцы, пришедшіе изъ Забайкалья, харбинскіе эмигранты, принесшіе съ собою изъ Омска національныя идеи, жаждутъ освобожденія Россіи или, по крайней мѣрѣ, Сибири и стремятся использовать Приморье, какъ базу для военнаго наступленія или поддержки возстанія.

Въ концѣ концовъ, борьба между Семеновымъ и Меркуловымъ перейдетъ въ борьбу этихъ двухъ главныхъ теченій. Побѣдитъ изъ нихъ то, которое будетъ выгоднѣе Японіи, потому что безъ ея поддержки немыслимо проведеніе въ жизнь ни замкнуто-мѣстной ни агрессивной политики въ отношеніи большевиковъ.

Пока поведеніе японцевъ заставляетъ думать, что они предпочитаютъ второе, иначе Семеновъ едва ли могъ бы покинуть пароходъ и оказаться среди своихъ войскъ въ Гродековѣ.

II.

Шансы атамана Семенова.

Въ мѣстной печати высказывалось мнѣніе, что японцы привезли Семенова и способствуютъ шуму вокругъ его имени, чтобы оказать давленіе на Читу и вынудить ее на большія уступки. Какъ бы въ отвѣтъ на это, газета „Новости Жизни" опубликовала проектъ соглашенія Дальневосточной республики съ Читою:

I. Д. В. Р. соглашается ввести рядъ благопріятныхъ для Японіи измѣненій въ дѣйствующія конвенціонныя рыбныя соглашенія.

II. Д. В. Р. предоставляетъ Японіи рядъ особыхъ правъ при использованіи лѣсныхъ и горныхъ богатствъ республики.

III. Д. В. Р. заключаетъ съ Японіей спеціальный таможенный договоръ, по которому Японія ставится въ условія наибольшаго благопріятствованія.

IV. Д. В. Р. предоставляетъ Японіи преимущественное право полученія всякихъ концессій на Сахалинѣ и въ Сахалинской области.

V. Д. В. Р. предоставляетъ Японіи право каботажнаго плаванія въ водахъ республики.

VI. Японія декларируетъ срокъ вывода своихъ войскъ изъ Приморья и Николаевска на Амурѣ, причемъ немедленно выводится управленіе военно-полевыхъ сообщеній, и уводятся всѣ войска съ участковъ Евгеньевка—Никольскъ и Пограничная—Никольскъ. Общая продолжительность эвакуаціи всѣхъ экспедиціонныхъ войскъ не можетъ затянуться дольше четырехъ мѣсяцевъ.

VII. Японія не препятствуетъ Д. В. Р. ввести свою милицію въ потребномъ количествѣ во Владивостокъ и другія мѣстности Приморья и не препятствуетъ возстановленію дѣятельности приморскаго областного управленія.

VIII. Японія оказываетъ Д. В. Р. финансово-экономическую помощь, для чего немедленно приступаетъ къ работѣ русско-японская финансово-экономическая комиссія. Послѣдняя въ первую очередь разсматриваетъ вопросъ о займѣ и объ эмиссіонномъ банкѣ.

IX. Японія впредь не приглашаетъ на службу въ свои учрежденія, расположенныя на территоріи Д. В Р., лицъ, о которыхъ у правительства Д. В. Р. имѣются матеріалы, какъ объ участникахъ организаціи противо-правительственныхъ выступленій.

X. Японія и Д. В. Р. устанавливаютъ взаимное благопріятствованіе на началахъ взаимнаго уваженія.

На слѣдующій же день послѣ опубликованія этого соглашенія послѣдовало опроверженіе изъ японскихъ источниковъ, а вскорѣ послѣ этого атаманъ Семеновъ сошелъ съ парохода и благополучно прибылъ въ центръ расположенія своихъ войскъ.

Въ чемъ же состоитъ сущность „семеновской оріентаціи"? Разъясненіе ея мы находимъ въ интервью, которое опубликовала владивостокская газета „Вечеръ".

„Чтобы движеніе получило планомѣрный характеръ", сказалъ представитель той части харбинской общественности, которая считаетъ необходимымъ договориться съ Семеновымъ, „оно должно имѣть какой-то одинъ центръ, быть кѣмъ-то возглавлено. И на роль главы этого центра ходомъ событій съ неизбѣжностью выдвигается атаманъ Семеновъ. Именно въ его рукахъ сосредотачиваются связи если не со всѣми повстанческими отрядами, оперирующими отъ Тихаго океана до Урала, то, по крайней мѣрѣ, съ тѣми, которые расположены до Байкала, и еще совсѣмъ на-дняхъ атаманъ получилъ отъ барона Унгерна приказы послѣдняго по его оперирующей на монгольскихъ границахъ ДВР. арміи, въ которыхъ говорится, что баронъ Унгернъ всецѣло подчиняется атаману. Но атаманъ Семеновъ не только связанъ съ оперирующими противъ красныхъ повстанческими отрядами. Онъ, въ силу свой прежней дѣятельности на Д. Востокѣ, имѣетъ большой вѣсъ въ глазахъ сосѣднихъ державъ, взаимоотношенія съ которыми пріобрѣтаютъ особое значеніе при организаціи вооруженной борьбы съ большевизмомъ. У атамана существуютъ старыя дружескія отношенія съ Японіей, въ глазахъ которой лишь онъ да еще Гондатти являются серьезными величинами, но, конечно, не тѣ „полудневки", которыя появляются на моментъ. Точно также у атамана Семенова существуютъ хорошія отношенія и съ дѣйствующими по сосѣдству съ русскимъ Д. Востокомъ китайскими властями, изъ которыхъ Чжанъ-цзолинъ еще тоже совсѣмъ на-дняхъ прислалъ во Владивостокъ къ атаману своего представителя для очень отвѣтственныхъ переговоровъ. Такія связи атамана Семенова съ иностранцами даютъ надежду на благопріятное разрѣшеніе вопроса какъ о займахъ, такъ и о доброжелательномъ

нейтралитетѣ сосѣдей, если не о чемъ-либо большемъ.

Обосновывая такимъ образомъ свою точку зрѣнія, представитель харбинской общественности исходилъ, очевидно, изъ двухъ предположеній: идеи вооруженнаго движенія на большевиковъ, т. е. повторенія похода, и сочувствія населенія Семенову и Унгерну.

Вопросы эти, однако, до сихъ поръ не поставлены прямо ни въ печати ни въ общественныхъ кругахъ.

Происходившій во Владивостокѣ во второй половинѣ іюня несоціалистическій съѣздъ раскололся, причемъ сторонники атамана Семенова оказались въ меньшинствѣ, и имъ не дали возможности высказаться.

Постоянный апологетъ атамана, редакторъ газеты „Свѣтъ", возмущенный насиліемъ съѣзда, излилъ свою душу въ „Дневникѣ журналиста", въ которомъ обрушился и на пріамурское правительство и на „несоціалистовъ" съ гнѣвомъ, „безъ жалости."

Начинаетъ Гарри С. Р. съ исторіи. Онъ осуждаетъ первый съѣздъ во Владивостокѣ за нѣкоторыя его прегрѣшенія.

„Во-первыхъ, стремясь къ чисто показному единству, первый съѣздъ умышленно замолчалъ имя ат. Семенова. Мои политическіе друзья объяснили мнѣ впослѣдствіи этотъ тактическій пріемъ необходимостью „дать обществу передышку", т. е. не затруднять его до поры до времени рѣшеніемъ конкретной проблемы власти. „Въ нужную минуту имя Семенова всплыветъ само собою", пояснили они, хорошо сознавая, что этотъ факторъ антибольшевистской борьбы не можетъ быть исключенъ ни изъ одной изъ возможныхъ комбинацій будущаго государственнаго устройства Дальняго Востока. Сколько въ такомъ рѣшеніи было государственной мудрости и сколько страусовой наивности—предоставляю судить читателямъ, но нелѣпое положеніе, въ которомъ очутилось новорожденное пріамурское правительство, опасающееся высадки на русскій берегъ крупнѣйшаго и безспорнѣйшаго антибольшевика, является прямымъ слѣдствіемъ недоговоренности въ резолюціи перваго съѣзда.

„Вторая ошибка первоначальнаго съѣзда состояла въ томъ, что съѣздъ поспѣшилъ связать себя весьма стѣснительнымъ наказомъ („конституціей"), раздѣлившимъ антибольшевистскую общественность на „мы" (участники перваго съѣзда) и „не мы" (кто явился лишь на второй съѣздъ)."

По поводу этихъ воспоминаній приходитъ на умъ поговорка, что „мужъ" всегда узнаетъ послѣднимъ. Въ широкой публикѣ было хорошо извѣстно, что инициаторы съѣзда будутъ топить атамана Семенова, и что ихъ кандидатъ въ правители —бывшій пріамурскій генералъ-губернаторъ Н. Л. Гондатти.

Дальше Гарри излагаетъ забавную, по чрезвычайной наивности, бесѣду свою съ „несоціалистами".

„Когда мнѣ приходилось указывать на непонятное, съ точки зрѣнія общественности, стремленіе состава перваго съѣзда къ замкнутости и исключительности, мнѣ объясняли это желаніемъ оградить съѣздъ отъ злонамѣреннаго проникновенія въ него замаскированныхъ соціалистовъ. Повѣривъ искренности подобнаго объясненія, я старался доказать, что „не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ". Ну, проникло бы на съѣздъ нѣсколько десятковъ соціалистовъ—какая въ томъ бѣда? Вѣдь, несомнѣнно, они составили бы лишь незначительное меньшинство."

Отъ этихъ добродушныхъ, въ общемъ, воспоминаній о первомъ съѣздѣ (доброе старое время!) Гарри переходитъ, уже совсѣмъ въ другихъ тонахъ, ко второму, „идѣже довлѣетъ злоба".

„На трибунѣ великій „Спиридонъ-Переворотъ". Въ ложѣ „для членовъ правительства" —созвѣздіе Спиридона. Въ ложѣ „для *иностранныхъ* представителей", кромѣ консуловъ—*начальникъ штаба атамана*, генералъ Клерже съ адъютантами. Эту послѣднюю характерную деталь я охотно назвалъ бы „пѣснью безъ словъ", которую иностранцы должны были оцѣнить по достоинству за „выдержанный тонъ", и ужъ, конечно, не въ пользу русскаго единства".

Зачѣмъ только ловкій „пострѣлъ" Клерже счелъ нужнымъ подчеркивать „единство" своимъ пребываніемъ въ иностранной ложѣ?

Но перейдемъ непосредственно къ Семенову, пишетъ Гарри.

„Для кого не ясно, что, если гродековскія войска, съ Савельевымъ во главѣ, вся безъ изъятія несоціалистическая общественность и антибольшевистская печать, не исключая „Свѣта", привѣтствовали пріамурское правительство наилучшими пожеланіями и изъявленіемъ готовности сотрудничества, то только потому, что предполагали владивостокскія событія 26 мая общимъ русскимъ дѣломъ, которое не мыслилось безъ участія крупнѣйшаго противобольшевистскаго борца, атамана Семенова."

Такимъ образомъ, для меркуловцевъ страшнѣе атамана звѣря нѣтъ, а для семеновцевъ это—„крупнѣйшій противобольшевистскій борецъ".

Изъ дневника Гарри мы узнаемъ, что фракція группировокъ съѣзда, учитывающихъ реальное значеніе атамана Семе-

нова, „постановила: 1) *умолять* (sic) правительство и атамана Семенова прійти къ пріемлемому для обѣихъ сторонъ соглашенію".

Само по себѣ это постановленіе свидѣтельствуетъ о государственномъ настроеніи его авторовъ, но мы ожидали отъ съѣзда освѣщенія болѣе глубокихъ вопросовъ и отношеній, чѣмъ распря Меркулова и Семенова.

Однако, больше ничего.

Самъ Гарри чувствуетъ, очевидно, нѣкоторую пустоту идеологіи, и вотъ онъ обращается къ мистикѣ: онъ считаетъ, что желанія народа выражаются „единичною волею избранныхъ Провидѣніемъ людей, апріорно отрицающею коллективную волю народовъ. Подсчетомъ голосовъ, хотя бы при посредствѣ референдума или плебисцита, эту волю уловить нельзя, ибо, хотя народъ непрестанно чего-нибудь хочетъ, но далеко не всегда сознаетъ, чего именно. Народъ хочетъ прежде всего и сверхъ всего—счастья, а ему предлагается сдѣлать выборъ между нѣсколькими списками партійныхъ людей, болѣе или менѣе незначительныхъ. Согласитесь, что подобный выборъ и путь къ счастью—не одно и то же"..

Тутъ уже ничего не скажешь, и неудивительно, что восхваленіе атамана сплошь состоитъ изъ лирическихъ изліяній:

„Г. М. Семеновъ, какъ очень немногіе выдающіеся люди, сильно выигрываетъ, когда подходишь къ нему ближе. Я встрѣчалъ многихъ, кто, основываясь на слухахъ, относился къ нему крайне отрицательно, но послѣ перваго же свиданія круто измѣнялъ о немъ мнѣніе. Едва ли не самыми выдающимися свойствами этого человѣка является поразительное спокойствіе духа при всякихъ обстоятельствахъ и во всякой обстановкѣ, затѣмъ—исключительная способность завоевывать довѣріе собесѣдника. Семеновъ одаренъ не только первокласснымъ умомъ, но и чѣмъ-то неизмѣримо большимъ: чрезвычайно развитой способностью интуитивнаго проникновенія въ сущность явленій. Самыя сложныя изъ нихъ онъ воспринимаетъ такъ же быстро, просто и непосредственно, какъ воспринимаемъ мы, напримѣръ, молнію".

Мы останавливаемся такъ долго на „Дневникѣ" Гарри С. Р. потому, что эта *единственное* литературное выступленіе, направленное на реабилитацію атамана въ моментъ похода противъ него владивостокской власти.

И что же? Только въ концѣ очерковъ мы находимъ двѣ мысли, высказанныя гораздо менѣе ярко, чѣмъ все предыдущее, но содержащія въ себѣ гораздо больше, чѣмъ всѣ панегирики и всѣ выпады.

Одна говоритъ объ изношенности, расшатанности и развращенности человѣческаго матеріала, съ которымъ приходится оперировать, другая о силѣ воли, настойчивости и самоотверженности Семенова, который „остается на своемъ посту, не считаясь со всѣми невзгодами".

Вторая мысль достаточно проста. Она заключаетъ въ себѣ напоминаніе о томъ, что Семеновъ обладалъ громадными средствами, что онъ могъ уѣхать на покой и прожить длинный остатокъ своей еще молодой жизни въ любыхъ условіяхъ.

Но онъ остается вблизи Россіи, онъ не покладаетъ рукъ, онъ мчится къ своимъ солдатамъ, какъ только раздался первый сигналъ. Онъ уже не имѣетъ средствъ, самъ проситъ ихъ, продолжаетъ настойчиво добиваться, чтобы ему предоставили дѣйствовать.

Въ этихъ фактахъ сказывается человѣкъ большой воли.

Но не „дурная" ли это воля?

Здѣсь мы возвратимся къ другой мысли Гарри. Можетъ быть, мы видимъ въ словахъ нашего журналиста нѣсколько больше, чѣмъ онъ хотѣлъ сказать, но намъ кажется, что, говоря о „духовномъ богатствѣ" нашего времени, Гарри С. Р. хотѣлъ сказать, что къ нашему времени не подходятъ деликатные, щепетильные пріемы, тонкіе и осторожные въ пріемахъ, разборчивые въ средствахъ правители.

Народу, отвыкшему отъ власти, пріучившемуся къ своеволію и дерзости, нуженъ *атаманъ* рѣшительный, жестокій, неразборчивый.

Здѣсь предугадываніе психологіи народа, который признаетъ комиссаровъ, какъ „своихъ", и признаетъ на ихъ мѣстѣ скорѣе атамана, чѣмъ вылощеннаго сановника или искуснаго парламентарія.

Однако, надо же знать, что можетъ и что хочетъ дать атаманъ населенію.

Но отвѣта на это мы не находимъ ни въ интервью и приказахъ атамана ни въ прессѣ семеновскаго направленія. Кромѣ голаго лозунга „противъ большевиковъ", кромѣ слова „борьба"—ничего нѣтъ. Вотъ отчего лагерь сомнѣвающихся въ успѣхѣ Семенова остается, по-прежнему, болѣе многочисленнымъ, чѣмъ лагерь его сторонниковъ, а лагерь сторонниковъ постепенно пустѣетъ. Даже казачество, и то лишаетъ его званія „походнаго атамана", въ самые трудные для Семенова дни, и какъ разъ тогда, когда у Семенова уже нѣтъ денегъ.

III.

Несоціалистическій съѣздъ.

Наиболѣе интересный отчетъ о съѣздѣ былъ помѣщенъ въ газетѣ „Русскій Голосъ", откуда мы и заимствуемъ дальнѣйшее:

„Чрезвычайная сессія съѣзда представителей несоціалистическаго населенія Дальняго Востока привлекла около 300 делегатовъ, изъ которыхъ добрую треть далъ Харбинъ. Приглашенія на съѣздъ посредствомъ особыхъ извѣщеній и газетныхъ публикацій были сдѣланы настолько широко, что, еще до офиціальнаго открытія съѣзда, пришлось пересмотрѣть какъ списокъ организацій, которыя могли бы быть допущены на съѣздъ, такъ и количество представителей отъ каждой организаціи. При этомъ пересмотрѣ значительной урѣзкѣ было подвергнуто представительство по преимуществу бѣженскихъ организацій и, нужно сказать, безъ достаточнаго основанія. Совершенно не допущены на съѣздъ: чрезвычайная делегація населенія Забайкалья, игравшая столь значительную роль въ артурскомъ соглашеніи, всероссійскій крестьянскій союзъ и др., уменьшено представительство всероссійскаго совѣта торгово-промышленниковъ, восточнаго національно-государственнаго объединенія, національно-экономическаго союза и т. п., такъ что часть делегатовъ, несмотря на широкія предварительныя приглашенія, вынуждена была ѣхать ни съ чѣмъ обратно. Какъ выяснилось потомъ изъ работъ съѣзда, лишенными представительства или вошедшими въ составъ съѣзда съ уменьшеннымъ представительствомъ оказались по преимуществу организаціи и группировки, не совсѣмъ раздѣляющія политику меркуловскаго правительства и стоящія на точкѣ зрѣнія необходимости активной вооруженной борьбы съ большевиками.

Офиціальному открытію съѣзда предшествовалъ рядъ частныхъ совѣщаній, на которыхъ былъ намѣченъ порядокъ работъ, составъ президіума, политической секціи съѣзда и другія техническія подробности.

Уже во время этихъ совѣщаній съ достаточной ясностью опредѣлилось, что съѣздъ не представляетъ собою одно цѣлое, что въ немъ наличествуютъ два теченія, трудно примиримыхъ другъ съ другомъ, при весьма численно слабомъ центрѣ, занявшемъ примирительную позицію.

Первое теченіе скорѣе всего можно назвать правительственнымъ, ибо оно стоитъ на безусловномъ, безоговорочномъ признаніи временнаго пріамурскаго правительства въ качествѣ національнаго русскаго правительства и требуетъ безусловной всемѣрной поддержки всѣхъ его начинаній, въ частности, всѣхъ его дѣйствій въ отношеніи къ атаману Семенову.

Наиболѣе активнымъ поборникомъ и идеологомъ этого теченія на съѣздѣ является Д. И. Густовъ, въ помощь которому выступали членъ правительства Н. Д. Меркуловъ и самъ предсѣдатель правительства С. Д. Мэркуловъ, выступившій на закрытомъ засѣданіи съ большой программной рѣчью. Главную массу сторонниковъ это теченіе имѣетъ въ приморскихъ организаціяхъ.

Идейный стержень этого теченія заключается въ отрицательномъ отношеніи къ вооруженной гражданской борьбѣ и въ установленіи гражданскаго мира въ краѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ положеніемъ правительство не склонно поддерживать активныя противобольшевистскія группировки въ ихъ неприкрытыхъ воинственныхъ устремленіяхъ какъ въ Приморьѣ, такъ и внѣ его. Чрезвычайно характерно заявленіе, сдѣланное Н. Д. Меркуловымъ на одномъ изъ частныхъ совѣщаній, о томъ, что правительство не предполагаетъ содержать большую армію, а намѣрено ограничиться организаціей милиціи или внутренней охраны въ количествѣ 1,000—1,200 человѣкъ; остальная же масса каппелевцевъ, по словамъ Меркулова, безоружная, будетъ переведена на бѣженское положеніе и получитъ матеріальную помощь до пріисканія заработка.

Аналогичное значеніе имѣетъ заявленіе того же Меркулова о возможности продажи имѣющихся въ большомъ количествѣ на владивостокскихъ складахъ снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ. Все это, взятое вмѣстѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что пріамурское правительство, на самомъ дѣлѣ, отказывается отъ вооруженной борьбы съ большевиками и намѣрено упражнять иные методы преодолѣнія большевизма. Относительно этихъ методовъ далъ нѣкоторыя разъясненія въ своей программной рѣчи предсѣдатель правительства С. Д. Меркуловъ. Онъ совершенно правильно указалъ, что на съѣздѣ имѣются двѣ группы: одна — сторонниковъ мирной борьбы съ большевиками и другая—сторонниковъ воин-

ствующаго антибольшевизма или активности. Правительство ищетъ опоры въ первой группѣ, полагая, что старые методы показали полную свою несостоятельность. Въ виду этого, правительство, не предполагая замыкаться въ приморской раковинѣ, надѣется распространить свое вліяніе на смежныя территоріи посредствомъ переговоровъ съ партизанами, организаціи внутреннихъ взрывовъ и закрѣпленія освобожденныхъ такимъ путемъ мѣстностей за временнымъ пріамурскимъ правительствомъ.

Есть еще одна чрезвычайно существенная черта въ заявленіяхъ правительства, характеризующая идеологію какъ его самого, такъ и тѣхъ группировокъ, въ которыхъ оно вполнѣ основательно разсчитываетъ найти свою базу. Это — стремленіе созвать въ началѣ іюля народное собраніе, а къ 1 сентября—учредительный съѣздъ. Въ этомъ отношеніи рѣшеніе правительства, какъ и мнѣніе арміи, возглавляемой ген. Вержбицкимъ, безповоротно, независимо отъ тѣхъ результатовъ, которые можетъ дать этотъ опытъ народоправства.

Правительство произвело пробу, оно пригласило представителей сельскихъ сходовъ для бесѣды по текущему моменту и выявленія отношенія къ правительству. Явилось около пятидесяти депутатовъ—крестьянъ, привезшихъ съ собой спеціальные наказы. Наказы эти разнятся въ отношеніи деталей, но всѣ до одного высказываются противъ возобновленія гражданской войны въ краѣ и атамановщины. Характерно при этомъ, что въ началѣ общая резолюція, выработанная крестьянскими депутатами, помимо указанныхъ пунктовъ, включала въ себѣ требованіе созыва въ іюлѣ мѣсяцѣ народнаго собранія съ учредительными функціями, которому настоящее правительство должно было передать всю полноту власти. И только послѣ двухъ-трехдневныхъ бесѣдъ съ крестьянскими представителями правительства и его сторонниковъ изъ состава съѣзда, это требованіе было исключено изъ резолюціи; взамѣнъ же этого, былъ включенъ пунктъ, обѣщающій поддержку крестьянами правительства при его стремленіи созвать въ іюлѣ мѣсяцѣ народное собраніе, передъ которымъ правительство должно быть отвѣтственно. Въ концѣ концовъ, крестьянскіе делегаты явились на съѣздъ, гдѣ и зачитали свою декларацію съ осужденіемъ гражданской войны, атамановщины и съ заявленіемъ, что несоціалистическій съѣздъ не является выраженіемъ мнѣнія всего населенія и является подтасовкой народной воли. Съ появленіемъ этой крестьянской делегаціи на съѣздѣ вышло нѣкоторое недоразумѣніе, ибо, явившись только для оглашенія декларація, делегація присутствовала при произнесеніи С. Д. Меркуловымъ большей части его программной рѣчи, которая по самому своему содержанію носила строго секретный характеръ. Несмотря на то, что С. Д. Меркуловъ указалъ на совпаденіе желаній крестьянства по поводу возобновленія гражданской войны въ краѣ съ политикой, проводимой правительствомъ въ отношеніи атамана Семенова, декларація крестьянъ произвела на съѣздъ удручающее впечатлѣніе; даже сторонники правительства какъ-то притихли, увидавъ, къ какимъ результатамъ можетъ привести желаніе отыскать правительственную базу въ приморскихъ массахъ, и какое значеніе могутъ имѣть эти результаты въ дѣлѣ борьбы съ большевиками.

Засѣданіе, созванное спеціально для сужденія по вопросу о предъявленномъ атаманомъ Семеновымъ ультиматумѣ, въ которомъ тотъ требовалъ своего пропуска въ Гродеково и выдачи на содержаніе гродековской группы извѣстной суммы, послѣ крестьянской декларація было прервано 19 іюня.

Такова идеологія сторонниковъ правительственной группировки, таковы пути, которыми, по ихъ предположенію, должно итти возстановленіе государственности въ краѣ.

Группировки, стоящія на продолженіи активной, вооруженной борьбы съ большевиками, не предполагаютъ усвоить всю власть атаману Семенову, отдавая должное временному пріамурскому правительству и полагая, что въ качествѣ такового оно должно быть сохранено.

Центръ съѣзда, занимающій примирительную позицію, численно слабъ и, благодаря непримиримости крыльевъ, мало вліятеленъ. Основная точка зрѣнія представителей этого средняго теченія заключается въ необходимости, съ одной стороны—учитывая настроеніе приморскаго населенія, поддержать временное пріамурское правительство въ его политикѣ установленія гражданскаго мира въ краѣ, каковую задачу можетъ выполнить съ большимъ успѣхомъ пріамурское правительство даннаго состава; съ другой стороны, этимъ отнюдь не могутъ ограничиться національныя задачи въ Приморьѣ. Приморье необходимо использовать въ качествѣ базы для дальнѣйшаго движенія. Въ то время, какъ въ Приморьѣ могутъ и должны быть примѣняемы мирные методы, на Амурѣ и въ Забайкальѣ эти методы совершенно невозможны. Тамъ необходимо, прежде всего, разрушить механически аппаратъ больше-

вистскаго властвованія, что можно сдѣлать только вооруженной рукой, и затѣмъ уже переходить къ методамъ мирнаго закрѣпленія освобожденныхъ мѣстностей.

Расколотый на двѣ части, и потому безсильный, съѣздъ не могъ не только сыграть рѣшающей роли въ казусѣ правительство—Семеновъ, но не сумѣлъ взять въ свои руки даже инниціативы по возобновленію переговоровъ между правительствомъ и атаманомъ Семеновымъ; были сдѣланы попытки въ этомъ направленіи отдѣльными членами съѣзда, но, какъ и слѣдовало ожидать, онѣ кончились неудачей. Съѣздъ же въ цѣломъ ни разу не посмѣлъ подойти къ этому вопросу.

Неудивительно, что и итоги съѣзда оказались поэтому ублюдочными. Послѣ двухнедѣльныхъ засѣданій вынесена была резолюція, въ которой не заключалось отвѣта ни на одинъ волнующій вопросъ.

Вся сущность резолюціи сводится къ тому, что съѣздъ считаетъ себя „силою", которая „поддержитъ" правительство.

IV.

Эмигрантскія настроенія.

Расколъ русской общественности на Дальнемъ Востокѣ не является неожиданнымъ. Онъ отражаетъ тѣ различныя теченія мыслей, которыя опредѣлились въ теченіе года, истекшаго со времени краха противобольшевистскихъ походовъ адмирала Колчака и генерала Деникина.

Одни остались сторонниками „бѣлыхъ генераловъ" и перенесли свое поклоненіе съ Деникина на Врангеля, съ Колчака на Семенова. Ихъ заботы объ остаткахъ арміи, безпокойство объ ихъ судьбѣ опредѣлялось, главнымъ образомъ, надеждою на возможность раньше или позже возобновить походъ. Идеологію этого направленія выражаютъ газеты „Общее Дѣло" и отчасти „Руль".

Другіе перешли на „примиреніе" или „соглашательство." Эта точка зрѣнія привлекла очень мало сторонниковъ. Ее проводятъ въ Европѣ только органы, существующіе на средства большевиковъ: „Путь", „Новый міръ".

Наконецъ, третья точка зрѣнія выражается въ такъ называемой оріентаціи на „зеленый шумъ". Сюда примыкаетъ парижская газета „Послѣднія Новости," считающая единственно надежнымъ путь внутренней революціи, а на Дальнемъ Востокѣ этой точки зрѣнія держится „Русскій Голосъ", который, однако, остается все же сторонникомъ сохраненія японской интервенціи, пока не окрѣпли національныя русскія силы, и „бѣлыхъ армій."

Въ этихъ двухъ пунктахъ „Русскій Голосъ" расходится съ органомъ Милюкова.

Изъ указанныхъ вопросовъ интервенція вызывала особое вниманіе на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ она единственно только и сохраняла практическое значеніе.

Но и здѣсь разговоры объ интервенціи очень напоминали, и по рѣзкости полемики и по безцѣльности ея, разговоры начала революціи объ аннексіяхъ и контрибуціяхъ. Насколько безсмысленно было тогда отстаивать аннексію, теряя способность вести войну, и смѣшно бороться противъ захватническихъ стремленій, которымъ противники аннексій подвергали самую Россію, настолько безсмысленно сейчасъ призывать интервенцію, на которую нѣтъ желающихъ, и смѣшно бороться противъ нея, потому что ея нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, высказываться объ интервенціи считается признакомъ хорошаго „лѣваго" или „національнаго" тона.

Возмущаются интервенціею, желающіе быть на нѣсколько градусовъ лѣвѣе большинства (и, прибавимъ, здраваго смысла), а также желающіе доказать, что они спасаютъ отечество, а въ дѣйствительности оказывающіе услуги только большевикамъ. Проявленіе психологіи равненія налѣво мы видимъ въ статьѣ извѣстнаго народника А. Сазонова „Не мѣшайте" и въ интервью ген. Пепеляева, опубликованныхъ въ „Русскомъ Голосѣ."

„Нѣкоторыя группировки," пишетъ Сазоновъ („Русскій Голосъ," номеръ 227), „продолжаютъ мечтать объ иностранной вооруженной помощи и ищутъ для возстановленія антибольшевистскаго движенія вождей, не порвавшихъ съ интервенціей."

„Тамъ", говоритъ дальше А. Сазоновъ, относительно Европейской Россіи, „понимаютъ, какимъ великимъ, непоправимымъ зломъ для Россіи можетъ быть вооруженная интервенція, а также выставленіе вождей, не порвавшихъ съ ней."

Между тѣмъ, нѣсколькими строками выше авторъ доказываетъ, что никакая сильная вооруженная помощь со стороны какой-либо иностранной державы оказана быть не можетъ.

Спрашивается: противъ чего же онъ возражаетъ? Противъ словъ?

Почти то же высказалъ и генералъ Пепеляевъ въ своемъ интервью. Осуждая дѣятельность группъ, разсчитывающихъ на поддержку иностранныхъ штыковъ, онъ говоритъ:

„Ничего, кромѣ вреда, такое направленіе дѣятельности этой части русскаго общества не можетъ принести русскому національному дѣлу... Особенно будутъ опасны иностранные штыки здѣсь, на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ еще не зажили раны, нанесенныя ими нашему національному чувству. Я имѣю опредѣленныя свѣдѣнія, что въ Забайкальѣ, напримѣръ, появленіе иностранныхъ штыковъ будетъ встрѣчено всѣми слоями враждебно и сплотитъ ихъ вокругъ большевиковъ, несмотря на нарастающую ненависть къ нимъ."

Генералъ Пепеляевъ ближе подошелъ къ практическому вопросу. Онъ говорилъ о Дальнемъ Востокѣ и коснулся даже Приморья.

„Я считаю необходимымъ категорически заявить, что, по моему глубокому убѣжденію, всякая попытка созданія русской власти на территоріи, занимаемой иностранцами, какъ, напримѣръ, наше Приморье, или чужой, какъ здѣсь—будетъ только вредна. Такая власть не можетъ быть независимой; она попадетъ подъ вліяніе иностранцевъ и съ самаго начала будетъ дискредитирована въ глазахъ русскаго національнаго движенія. Кромѣ того, страна, освобожденная такой властью при посредствѣ иностранныхъ штыковъ, не будетъ свободной и русской. Народъ долженъ будетъ жить по чужой указкѣ. Такое правительство пойдетъ не освобождать народъ отъ большевиковъ, а завоевывать его".

Ничто не можетъ лучше обнаружить всю неубѣдительность этихъ соображеній, какъ факты,

Первый фактъ тотъ, что, благодаря интервенціи японцевъ, удалось сберечь силы каппелевцевъ.

Второй, что въ Приморьѣ образовалась власть, которая отнюдь не готовится къ „завоеваніямъ".

Мы склонны думать, что разсужденія и Сазонова и Пепеляева внушены чисто мѣстными настроеніями, и что за ними скрывается одно—„не надо Семенова". Нападки на интервенцію—это только гарниръ, существо не въ этомъ.

Интервью Пепеляева очень привѣтствовалъ Н. В. Устряловъ. Онъ радъ былъ увидѣть въ генералѣ единомышленника по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ.

Но единомыслие ихъ, построенное на совершенно различныхъ основаніяхъ, только кажущееся. Плохой политикъ, генералъ Пепеляевъ, незамѣтно для себя, попадаетъ постоянно подъ чье-либо вліяніе, которое и используетъ его имя.

Генералъ Пепеляевъ — непримиримый врагъ большевиковъ, и онъ высказывается противъ того, что, по его мнѣнію, можетъ помѣшать борьбѣ съ большевиками.

Устряловъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже поклонникъ большевиковъ (красный имперіализмъ), онъ отождествляетъ русскую революцію съ большевизмомъ и, воспѣвая гимны революціи, воспѣваетъ, въ сущности, большевиковъ. Поэтому онъ борется противъ того, что вредно большевикамъ.

Интервенція, повторяемъ—призракъ, и бороться за нее или противъ нея—это значитъ бороться съ вѣтряными мельницами. Вопросъ идетъ не объ интервенціи вообще, а только объ японской интервенціи въ Приморьѣ, не о походѣ съ иностранными штыками на Москву, а только о выводѣ или оставленіи японскихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ.

И здѣсь надо разсуждать трезво. Что выгодно большевикамъ? Уходъ японцевъ. Что выгодно противникамъ большевиковъ? Ихъ дальнѣйшее пребываніе на Дальнемъ Востокѣ.

Возстановленіе Россіи, собираніе національныхъ силъ—это задача, которая превосходитъ по значенію всѣ прочія, и, если это не можетъ быть произведено безъ иностранной помощи, то отвергать послѣднюю или бросить ей навстрѣчу обидные упреки и обвиненія—значитъ дѣйствовать не въ интересахъ родины.

Объ интервенціи нужно говорить не отвлеченно, а конкретно. Здѣсь, на Дальнемъ Востокѣ, она нужна не только въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ, но даже въ болѣе широкомъ масштабѣ. Нужно содѣйствіе укрѣпленію здѣсь русскихъ національныхъ силъ, а для этого необходима переброска на Дальній Востокъ арміи Врангеля и финансовая помощь.

Къ походу на Россію иностранцевъ никто не зоветъ, и нападать на этихъ воображаемыхъ противниковъ—значитъ быть неискренними, или вторить сгоряча людямъ, вреднымъ для національнаго дѣла, которые возражаютъ противъ интервенціи даже въ ея современномъ видѣ, добиваясь ликвидаціи всѣхъ національныхъ силъ.

Жизнь показала, что сложившаяся на Дальнемъ Востокѣ обстановка благопріятствуетъ развитію здѣсь національнаго движенія. Западная эмиграція уже проявляетъ усиленный интересъ къ Дальнему Востоку. Но что же будетъ дальше, если не будетъ похода интервентовъ?

„Въ настоящее время опредѣляется все

больше, все ярче, что освобожденіе отъ большевиковъ, или, вѣрнѣе, коммунистовъ, можетъ придти только черезъ преодолѣніе ихъ извнутри.

„Борьба съ большевиками „до конца"— это лозунгъ не реакціонеровъ, которые, въ лицѣ Гурко и ему подобныхъ, не разъ уже заявляли, что большевики—единственная власть, какая можетъ сейчасъ существовать въ Россіи, и которые привѣтствовались соотвѣтствующими публицистами, какъ „ласточки", приносящія весну. Борьба съ большевиками—это лозунгъ прежде всего и больше всего передовой интеллигенціи, которая видитъ въ большевизмѣ политическую и соціальную реакцію.

„Каждый лишній день пребыванія большевиковъ у власти приближаетъ нашъ народъ къ состоянію илотовъ, ведетъ къ вырожденію націи".

„Можно ли при такихъ условіяхъ говорить о примиренчествѣ въ какой бы то ни было формѣ?"

Такъ пишетъ старый революціонеръ А. Сазоновъ. Онъ считаетъ, такимъ образомъ, что гуманнѣе бороться съ большевизмомъ, чѣмъ примиряться съ нимъ, обрекая націю на вырожденіе.

Вотъ вторая, уже не политическаго, а человѣческаго значенія, мотивировка борьбы. Жертвовать нѣсколькими тысячами человѣкъ, для спасенія милліоновъ—это человѣчнѣе, чѣмъ терпѣть ужасное насиліе надъ націей, обрекающее ее на вырожденіе.

Вмѣсто того, чтобы препираться объ интервенціи, гораздо важнѣе установить точки соприкосновенія различныхъ противобольшевистскихъ группъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ оріентація на народныя движенія, которыя называютъ иногда „зеленымъ шумомъ" для того, чтобы создать впечатлѣніе ихъ безплодности. Шумъ ничего не создаетъ.

Народныя движенія—это не шумъ, а сила. Они являются сначала бунтомъ, который, выражая рѣзкій протестъ противъ существующаго, не даетъ ничего положительнаго, потомъ они превращаются въ сознательную борьбу. Оріентація на „зеленый шумъ", въ смыслѣ признанія рѣшающимъ факторомъ внутреннихъ возстаній, а не толчковъ извнѣ, военныхъ походовъ съ помощью интервентовъ и т. д.—это наиболѣе пріемлемая для національнаго самосознанія оріентація. Она должна быть формулирована приблизительно такъ: только тѣ попытки сверженія большевиковъ извнутри или извнѣ имѣютъ шансы успѣха, которыя будутъ опираться на возстанія народа противъ коммунистовъ.

Мы думаемъ, что, чѣмъ сильнѣе будетъ власть національнаго направленія въ Приморьѣ, тѣмъ больше будутъ тяготѣть къ ней народныя силы въ Пріамурьѣ, Забайкальѣ, Сибири.

Разладъ нашей общественности, сейчасъ еще не изжитый, долженъ смѣниться примиреніемъ на почвѣ практическихъ задачъ для:

1. Укрѣпленія власти путемъ завоеванія довѣрія населенія;

2. Организація военныхъ силъ, подчиненныхъ единой дисциплинѣ;

3. Поддержка всѣхъ противобольшевистскихъ выступленій.

Въ настоящее время въ Приморьѣ образовалось два центра, вокругъ которыхъ происходитъ накопленіе силъ: одинъ во Владивостокѣ, другой въ Гродековѣ. Возобладаетъ тотъ, относительно котораго выяснится, что онъ жизнеспособнѣе. Онъ притянетъ къ себѣ больше силъ и заставитъ этимъ подчиниться себѣ.

Временный разбродъ и расколъ не долженъ смущать. Происходитъ практическое испытаніе различныхъ идей и настроеній, уже давно сталкивавшихся между собою въ прессѣ. Оно нѣсколько осложнено личными отношеніями или, вѣрнѣе, отношеніями къ личностямъ.

Этотъ вопросъ вовсе не такъ сложенъ, если противъ вредныхъ лицъ борются не истерикою, а системою.

Намъ хотѣлось бы въ заключеніе отмѣтить еще одно обстоятельство.

Ни Сибирь ни даже югъ Россіи не могли осилить ея большевиствующаго центра.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что еще меньше шансовъ у Дальняго Востока. Окраины могутъ играть, главнымъ образомъ, роль „очаговъ", для накопленія и сохраненія противобольшевистскихъ силъ. Рѣшеніе русскаго вопроса придетъ все-таки извнутри, а не извнѣ.

И не показательно ли, что въ то время, какъ на Дальнемъ Востокѣ происходитъ безполезное пока исканіе средствъ и способовъ существованія, въ совѣтской Россіи происходитъ замѣтное развитіе процесса ликвидаціи коммунизма.

V.

Въ совѣтской Россіи.

Законодательная работа совѣта народныхъ комиссаровъ за послѣдніе мѣсяцы не можетъ быть названа иначе, какъ ликвидаціею коммунистическаго хозяйства.

Для читателя скажутъ больше сами декреты, чѣмъ ихъ изложеніе, а потому мы и перейдемъ къ нимъ.

На первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ *декретъ объ обмѣнѣ.* Приводимъ его полностію, заимствуя текстъ его, какъ и другихъ декретовъ, изъ „Общаго Дѣла".

1. Въ предѣлахъ мѣстнаго хозяйственнаго оборота разрѣшается свободный обмѣнъ остающимися у населенія послѣ выполненія налога продуктами сельскаго хозяйства, а также продуктами фабричнозаводской и кустарной промышленности.

2. Обмѣнъ можетъ производиться какъ между отдѣльными гражданами, такъ и черезъ кооперативныя объединенія, потребительныя, сельск.-хоз. и кустарныя, а равно на рынкахъ и базарахъ.

3. Отдѣльнымъ гражданамъ и группамъ гражданъ безусловно воспрещается пріобрѣтеніе продуктовъ сельскаго хозяйства, а также фабрично-заводской и кустарной промышленности, въ цѣляхъ сбыта.

4. Воспрещается обращеніе въ обмѣнъ продуктовъ сельскаго хозяйства до выполненія налога. Доказательствомъ выполненія налога служатъ квитанціи, выдаваемыя продовольственными органами на каждый продуктъ въ отдѣльности.

5. Виновные въ неправильномъ пріобрѣтеніи или сбытѣ продуктовъ сельскаго хоз. и предметовъ фабрично-зав. и кустарной промышленности, а равно въ пріобрѣтеніи и сбытѣ похищеннаго, подлежатъ строгой отвѣтственности, согласно особаго о томъ положенія.

6. Пріобрѣтеніе продуктовъ сельск. хоз., остающихся у населенія послѣ выполненія налога, и предметовъ кустарной промышленности въ цѣляхъ сбыта или распредѣленія среди населенія, разрѣшается только кооперативнымъ объединеніямъ, дѣйствующимъ на основаніи изданныхъ о нихъ нормальныхъ уставовъ.

Положеніе объ обмѣнѣ между государствомъ и населеніемъ.

1. Въ цѣляхъ сосредоточенія въ распредѣленіи государства максимальнаго количества продуктовъ сельск. хозяйства и кустарныхъ издѣлій, а также въ цѣляхъ предоставленія возможности населенію пріобрѣтать необходимые продукты сельск. хоз. и предметы фаб.-зав. и кустарной промышленности, отсутствующіе въ мѣстномъ хозяйственномъ оборотѣ, устанавливается обмѣнъ между государствомъ и отдѣльными гражданами или группами гражданъ.

2. Со стороны государства обмѣнъ можетъ производиться только продовольственными органами; остальныя государственныя учрежденія, въ томъ числѣ и хозяйственныя, могутъ участвовать въ обмѣнѣ или черезъ продовольственные органы, или въ качествѣ контръ-агентовъ послѣднихъ.

3. Для производства обмѣна между государствомъ и населеніемъ, продовольственнымъ органамъ предоставляется спеціальный фондъ изъ товаровъ фабричнозаводской промышленности и промышленнаго сырья

4. Продовольственные органы производятъ обмѣнъ черезъ свой аппаратъ, какъ съ отдѣльными гражданами и группами гражданъ, такъ и съ кооперативными объединеніями.

Введеніе въ дѣйствіе декрета объ обмѣнѣ.

1. Введеніе въ дѣйствіе декрета объ обмѣнѣ въ части, касающейся обмѣна въ предѣлахъ мѣстнаго хозяйственнаго оборота, въ каждой отдѣльной губерніи, области или районѣ, въ отношеніи каждаго продукта, заготовляющагося государствомъ впредь до проведенія въ жизнь закона о натуральномъ налогѣ въ порядкѣ разверстокъ, производится особыми постановленіями компрода, по мѣрѣ сдачи населеніемъ установленнаго количества излишковъ. Въ отношеніи остальныхъ продуктовъ декретъ вводится въ дѣйствіе немедленно по опубликованіи его.

2. На компродъ возлагается обязанность немедленно опубликовать списокъ

губерній, областей и районовъ и списокъ продуктовъ сельск. хоз. для каждой губерніи, области и района въ отдѣльности, на которые дѣйствіе положенія объ обмѣнѣ въ порядкѣ внутренняго мѣстнаго хозяйственнаго оборота, можетъ быть распространено теперь же.

3. Впредь до введенія въ дѣйствіе законовъ о натуральномъ налогѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ будетъ допущенъ обмѣнъ, въ предѣлахъ мѣстнаго хоз. оборота по выполненію разверстокъ, органы власти не вправѣ требовать отъ гражданъ, производящихъ обмѣнъ, предъявленія какихъ-либо документовъ о выполненіи ими разверстокъ.

Итоги свободной торговли изображаются „Продовольственною Газетой" слѣдующимъ образомъ.

„Нѣкоторое, правда, очень слабое паденіе цѣнъ на хлѣбъ послѣ снятія по Московской губерніи продовольственныхъ отрядовъ, теперь, послѣ изданія декрета о свободномъ обмѣнѣ, вмѣсто дальнѣйшаго паденія, какъ можно было бы ожидать, смѣняется замѣтнымъ вздорожаніемъ. Объясняется это тѣмъ, что мелкобуржуазный обыватель, больше всего ожидавшій свободной торговли, кинулся на рынокъ съ остатками своихъ домашнихъ ненужностей, въ надеждѣ обмѣнять ихъ на хлѣбъ, запрудилъ рынки и площади, но не соблазнилъ этими ненужностями продавца хлѣба и муки. Большое зло представляетъ оптовый покупатель. Рабочіе на рынкахъ своего района увидѣли скупавшими зерно, муку и крупу извѣстныхъ имъ лично спекулянтовъ. Только у нихъ скопились въ огромномъ количествѣ и деньги и реальныя цѣнности. Для нихъ теперь, съ введеніемъ свободы обмѣна, пока еще ничѣмъ не ограниченной, открывается широкое поле дѣятельности. Необходимо преодолѣть это зло прежде, чѣмъ оно созрѣло. Надо не отдавать хлѣба спекулянтамъ, такъ какъ потомъ будетъ очень трудно, почти невозможно, отнять его у нихъ назадъ или помѣшать имъ спекулировать на народномъ голодѣ. А для этого необходимо встрѣтить крестьянина-продавца съ готовымъ, хотя бы и плохо налаженнымъ покупательнымъ аппаратомъ, будь то государственный заготовительный аппаратъ, потребительская коммуна, или отдѣльные самочинные кооперативы трудящихся. Если они опоздаютъ своимъ появленіемъ на рынкѣ, имъ придется играть роль опереточныхъ жандармовъ, и только подбирать остатки, не подобранные спекулянтомъ, или встрѣтить въ немъ, успѣвшемъ забронировать себя, серьезнаго конкурента, изъ цѣпкихъ лапъ котораго будетъ слишкомъ трудно взять хлѣбъ.

Населеніе не удовлетворено „свободною торговлей".

Во-первыхъ, какъ пишетъ офиціальный совѣтскій органъ „Экономическая Жизнь", она повела къ полному разстройству транспорта, въ виду нашествія мѣшечниковъ на желѣзныя дороги, и, во вторыхъ, усилилось „казнокрадство".

Заимствуемъ изъ „Общаго Дѣла" корреспонденцію изъ Ревеля.

„Торговля „изъ рукъ въ руки" на углахъ улицъ, на тачкахъ и лодкахъ быстро распространяется по всей Москвѣ. Рынки запружены толпой въ сотни тысячъ человѣкъ. Торгуютъ положительно всѣмъ, чѣмъ попало.

Торговля въ закрытыхъ помѣщеніяхъ пока еще не открыта. Одни ссылаются на сложность полученія разрѣшенія, другіе увѣряютъ, что населеніе относится съ недовѣріемъ къ декрету, опасаясь, что имѣешь дѣло лишь съ способомъ „ловли буржуевъ". „Откроешь лавочку—на другой же день въ гости пожалуетъ чрезвычайка". Цѣны на предметы продовольствія продолжаютъ понижаться: сахаръ (песокъ) стоитъ уже 7000 руб. за фунтъ, вмѣсто прежнихъ 20.000 руб. Пріѣзжающіе говорятъ, что всѣ станціи кишатъ мѣшечниками. Нѣкоторые недѣлями дожидаются возможности продолжать поѣздку. Рабочіе недовольны, что имъ не выдается на руки обѣщанный проц. издѣлій, который долженъ былъ идти на обмѣнъ; процентъ этотъ поступаетъ въ кооперативы, которые, однако, въ данное время совершенно неорганизованы и ни на что не способны. Заработка на покупку чего-либо не хватаетъ. „Казнокрадство" увеличилось до крайнихъ предѣловъ. Все, что только удается „захватить", идетъ на рынокъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ „торговли" замѣчается сильный недостатокъ въ совѣтскихъ денежныхъ знакахъ. Курсъ царскихъ сильно упалъ: царскій рубль стоитъ только 90 совѣтскихъ.

На второмъ мѣстѣ, въ ряду мѣръ самоликвидаціи коммунизма, должно быть поставлено „*натурпремированіе*".

Совѣтъ народныхъ комиссаровъ постановилъ отвести въ видѣ опыта для рабочихъ нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности натуръ-премированіе посредствомъ выдачи рабочимъ части производимыхъ ими продуктовъ и обмѣна на предметы сельско-хозяйственнаго производства, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Въ дополненіе къ денежной оплатѣ ввести въ дѣйствіе натуральное премированіе рабочихъ и служащихъ предпріятій, путемъ отчисленія въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ части фабрикатовъ своего производства въ особый фондъ натураль-

наго премированія даннаго предпріятія. Размѣры этого отчисленія въ каждомъ данномъ предпріятіи устанавливаются въ зависимости отъ производительности труда на немъ и отъ фактической сдачи предпріятіемъ продуктовъ государству.

2) Образованный предпріятіемъ, путемъ отчисленій фабрикатовъ, особый фондъ натуральнаго премированія передается въ определенные сроки заводоуправленіемъ и мѣстному кооперативному объединенію рабочихъ и используется исключительно для удовлетворенія нуждъ рабочихъ даннаго предпріятія.

Примѣчаніе 1. Вопросъ о томъ, передается ли фондъ кооперативу заводскому, районному, общегородскому или общегубернскому, долженъ быть рѣшенъ самими мѣстными рабочими организаціями, а въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и указаній опыта обмѣна, вздуванія цѣнъ, конкуренціи и т. п.

Примѣчаніе 2. За каждымъ рабочимъ зачисляется и находится въ его полномъ распоряженіи доля натуральнаго премированія фонда, которая точно соотвѣтствуетъ его индивидуальной производительности.

3) Рабочіе даннаго предпріятія изъ указаннаго выше фонда могутъ получать слѣдуемую имъ долю продуктовъ либо въ продуктахъ своего производства, въ предѣлахъ личнаго потребленія,либо продуктами, полученными кооперативами путемъ обмѣна.

4) Для натуральнаго вознагражденія рабочихъ тѣхъ предпріятій, которые вырабатываютъ предметы, не могущіе идти въ обмѣнъ, допускается съ разрѣшенія мѣстно-хозяйственныхъ органовъ выработка на этихъ предпріятіяхъ предметовъ широкаго потребленія въ отдѣльныхъ цехахъ на своихъ станкахъ въ неурочное время, а также путемъ объединенія для этой цѣли особыхъ группъ рабочихъ и т. п. Условіемъ допущенія этого является коллективная отвѣтственность за то, что производительность предпріятія въ цѣломъ не понизится.

5) Формы и порядокъ отчисленія продуктовъ въ фондъ натуръ-премированія устанавливаются Всероссійскимъ Центральнымъ Совѣтомъ Профессіональныхъ Союзовъ по соглашенію съ Высшимъ Совѣтомъ народнаго хозяйства и утверждается Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ.

Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ — *Ульяновъ-Ленинъ.*

Управляющій дѣлами — *Горбуновъ.*

Секретарь — *Фотіева.*

Москва, Кремль.
7-го апрѣля 1921 г.
„Маховикъ“, № 64, 9-го апрѣля.

II. Декретъ объ урегулированіи труда рабочихъ.

Въ цѣляхъ улучшенія положенія рабочихъ, урегулированія и устраненія волокиты въ дѣлѣ оплаты труда, совѣтъ народныхъ комиссаровъ постановилъ:

1) Отмѣнить съ 1-го мая с. г. ограниченія приработокъ при сдѣльной преміальной оплатѣ труда, предоставивъ тѣмъ рабочимъ повышеніемъ производительности и добросовѣстнаго отношенія къ работѣ увеличивать свои заработки, независимо отъ процентнаго отношенія суммы заработка къ основной тарифной ставкѣ. Отмѣна ограниченій приработка ни въ коемъ случаѣ не должна быть основаніемъ для пониженія нормы выработки работниковъ.

2) Въ соотвѣтствіи съ этимъ параг. 68 нормальнаго положенія о тарифѣ—отмѣняется.

3) Предоставить право мѣстнымъ органамъ управленія промышленности по соглашенію съ мѣстными объединеніями профсоюзовъ, вводить упрощенную систему оплаты труда, такимъ образомъ, чтобы всѣмъ рабочимъ была доступна связь между ихъ производительностью и суммой заработной платы.

4) Предоставить право вводить въ случаяхъ необходимости сдѣльной оплаты труда или сдавать группамъ трудящихся предпріятій ту или иную работу аккордно, по соглашенію съ ними, при непремѣнномъ участіи представителя тарифной комиссіи профсоюза предпріятій.

5) Предложить всероссійскому центральному совѣту профсоюзовъ пересмотрѣть системы тарифныхъ поясовъ и опубликовать основныя ихъ измѣненія, съ тѣмъ, чтобы измѣненія поясовъ вошли въ силу съ 1-го апрѣля с. г.

6) Предложить всѣмъ губернскимъ профсоюзамъ въ двухнедѣльный срокъ пересмотрѣть совмѣстно съ губернскимъ совѣтомъ народнаго хозяйства дѣйствующія въ губерніи системы оплаты труда, съ цѣлью ихъ согласованія и большаго уравненія съ заработками однородныхъ профессій въ различныхъ предпріятіяхъ и производствахъ.

7) Предложить всероссійскому центральному совѣту профессіональныхъ союзовъ въ мѣсячный срокъ закончить разработку единаго тарифа для всѣхъ производствъ и опубликовать его.

Пердсѣдатель совѣта народныхъ комиссаровъ — *Ульяновъ* (*Ленинъ*).

Управляющій дѣлами—*Горбуновъ.*

Секретарь—*Фотіева.*

Москва, Кремль. 7 апр. 1621 г.
„Маховикъ“, № 64, 9 апрѣля.

Приводимъ дальше *декретъ о землѣ*:

„Несмотря на изданіе декрета о передѣлахъ земли (отъ 30-го апрѣля 1920 года), воспрещающаго частные и безпорядочные передѣлы, до сихъ поръ по почину отдѣльныхъ группъ крестьянскаго населенія и вслѣдствіе недостаточно твердаго соблюденія земельными органами названнаго декрета, передѣлы земли не прекратились и не вездѣ за хозяевами обезпечено постоянное пользованіе опредѣленнымъ участкомъ земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые земельные органы, въ цѣляхъ использованія земли для устройства совѣтскихъ и коллективныхъ хозяйствъ, медлятъ изданіемъ постановленій, оформляющихъ до землеустройства пользованіе крестьянскимъ неселеніемъ землями, которыя поступили имъ при распредѣленіи помѣщичьихъ земель.

Признавая недоступнымъ такое положеніе, когда земледѣльцы не имѣютъ опредѣленныхъ участковъ земли для обработки, имѣя въ виду, что послѣдствіемъ этого являются плохая обработка и удобреніе земли, понижающія ея производительность, а также неувѣренность хозяевъ въ полномъ возмѣщеніи ихъ трудовыхъ затратъ, всероссійскій исполнительный комитетъ постановляетъ:

1. Подтвердить къ точному и неуклонному исполненію декретъ о передѣлахъ земли отъ 30-го апрѣля 1920 года, воспрещающій полные передѣлы ранѣе истеченія 9-ти лѣтняго срока, (3-хъ-кратное чередованіе сѣвооборота), съ момента послѣдняго передѣла и безъ разрѣшенія уѣзднаго земскаго отдѣла, а также воспрещающій частные передѣлы безъ разрѣшенія земельнаго отдѣла.

2. Предписать уѣзднымъ и волостнымъ земельн. отд. въ точности руководствоваться при производствѣ досрочныхъ полныхъ передѣловъ и передѣловъ частичнымъ порядкомъ и условіями, указанными въ вышеупомянутомъ декретѣ.

3. Предписать уѣзднымъ земельнымъ отдѣламъ въ мѣсячный срокъ издать требуемые циркуляромъ наркомзема за № 12, отъ 16-го мая 1919 г., постановленія объ оформленіи, до землеустройства, пользованія трудовымъ земледѣльческимъ населеніемъ землею, поступившей въ ихъ пользованіе въ предѣлахъ установленныхъ нормъ надѣленія, при распредѣленіи помѣщичьихъ и прочихъ нетрудовыхъ земель. Въ развитіе настоящаго постановленія поручить наркомзему издать особое циркулярное распоряженіе въ недѣльный срокъ.

4. Подтвердить мѣстнымъ земельнымъ органамъ запрещеніе отводить принудительнымъ порядкомъ, для образованія совѣтскихъ и коллективныхъ хозяйствъ земли, поступившей въ закономѣрное пользованіе крестьянскаго населенія (п. 3-й), а также запрещеніе отводить вновь образующимся изъ состава мѣстнаго земледѣльческаго населенія коллективамъ, большее количество земли, нежели находившееся въ ихъ пользованіи до образованія ими коллектива, или земли, хотя и въ томъ же количествѣ, но лучшаго качества, нежели тѣ, которыми они ранѣе пользовались.

5. Признать необходимымъ, въ цѣляхъ полнаго устраненія препятствующихъ развитію крестьянскаго хозяйства чрезполосицы, дальноземелья, вклиниванія и пр. неудобствъ землепользованія, а также въ цѣляхъ окончательнаго установленія правильнаго, опредѣленнаго порядка земельныхъ отношеній, всемѣрно ускорить завершеніе работъ по соціалистическому землеустройству, считая ихъ работами важнѣйшаго государственнаго значенія и ударными.

6. Предложить посѣвкомамъ и крестьянскимъ комитетамъ по улучшенію сельскохозяйственнаго производства (селькомы) наблюдать за точнымъ исполненіемъ вышеуказанныхъ положеній, дабы крестьянское населеніе съ полной увѣренностью въ возмѣщеніи затратъ своего труда могло приступить къ обработкѣ и улучшенію находящейся въ его пользованіи земли.

Представитель В. И. Ц. К. *М. Калининъ*
Секретарь *П. Залуцкій*.

Для сокращенія обзора не будемъ цитировать другихъ декретовъ. Одни изъ нихъ возвращаютъ владѣльцамъ дома, такъ какъ при системѣ націонализаціи они были такъ запущены, что стало невозможно жить. Другіе возвращаютъ владѣльцамъ часть фабрикъ и заводовъ.

Словомъ крахъ коммунистической системы хозяйства признается офиціально.

Но вслѣдъ за крахомъ экономическимъ послѣдуетъ другой—политическій.

Съ того момента, какъ будетъ ликвидированъ коммунизмъ, какъ хозяйственная система, подрывается послѣдняя основа существованія коммунизма, какъ диктатуры коммунистической партіи.

Вотъ отчего мы вѣримъ извѣстіямъ о томъ, что въ Москвѣ укрѣпляется теченіе въ пользу Учредительнаго Собранія.

Паденіе большевистскаго центра разрѣшаетъ и проблемы окраинъ.

Обозрѣватель.

Очерки политической жизни.

1. Можетъ ли и должна ли Германія платить.

(Статья „Политикуса" въ „Fortnightly Review." Мартъ 1921 г.)

Союзники потребовали отъ Германіи уплаты 11.300.000.000 фунтовъ стерлинговъ 42 ежегодными платежами, начиная, съ 100.000.000 фунт. стер. въ годъ сейчасъ и кончая 300.000.000 ф. с. въ 1932 г., а также налогъ въ 12½ % на германскій вывозъ. Сумма эта является гигантской. Тѣмъ не менѣе, необходимо отмѣтить, что въ переводѣ на настоящую, дѣйствительную валюту вся сумма сводится къ 5.000.000.000 ф. ст. въ то время, какъ военные расходы союзниковъ превышаютъ 50.000.000.000 ф. ст. Слѣдовательно, требуемая съ Германіи сумма, хотя и очень велика, но представляетъ собой меньше чѣмъ 10% матеріальныхъ потерь, нанесенныхъ германцами. Сможетъ и захочетъ ли Германія заплатить возмѣщенія, выработанныя въ Парижѣ? Безусловно, она сумѣетъ выплатить такую сумму лишь изъ своего излишка, остающагося послѣ покрытія всѣхъ безусловно необходимыхъ расходовъ. Имѣется ли у нея такой излишекъ, или ей удастся создать его?

Въ продолженіи многихъ десятилѣтій германцы занимались самовосхваленіемъ. Они заявляли, что необычайный экономическій прогрессъ Германіи вызванъ германской наукой, хорошимъ управленіемъ, дисциплинированностью, работоспособностью и дѣльностью нѣмцевъ, что Германія по своимъ естественнымъ условіямъ была одной изъ бѣднѣйшихъ странъ Европы, и что она сдѣлалась богатой, только благодаря качествамъ своего народа. Иностранцы повторяли эти ложныя утвержденія, не подвергая ихъ критикѣ. На самомъ дѣлѣ, Германія не только не является по своимъ естественнымъ рессурсамъ одной изъ бѣднѣйшихъ странъ Европы, а, наоборотъ, одной изъ самыхъ богатыхъ.

Главные источники богатства страны состоятъ въ ея географическомъ положеніи, климатѣ, ея земледѣльческихъ, лѣсныхъ и минеральныхъ рессурсахъ и ея населеніи. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Германія па рѣдкость осчастливлена Провидѣніемъ, и ни одинъ договоръ не можетъ отнять у нея этихъ преимуществъ. Если взять, какъ примѣръ, одну только ея угольную промышленность, то до войны Германія обладала 55% всего запаса Европы. Ея угольное богатство было въ два раза больше англійскаго и въ 25 разъ больше французскаго.

Штейнманъ-Бухеръ писалъ до войны въ своей книгѣ „350 Milliarden Deutsches Volksvermogen": „Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что богатство Германіи равняется 17.500.000.000 ф. ст., богатство Франціи—12.500.000.000, а богатство Великобританіи—16.000.000.000. Черезъ двадцать лѣтъ, въ 1930 году, Германія будетъ имѣть національное богатство въ 30.000.000.000 ф. ст., тогда какъ Франція не болѣе 15.000.000.000 фун. ст., а Великобританія не болѣе 21.000.000.000 ф. ст."

Конечно, необходимо отмѣтить, что Германія потеряла значительную часть своихъ естественныхъ богатствъ, благодаря войнѣ, тѣмъ не менѣе то, что ей осталось, ставить ее на одно изъ первыхъ мѣстъ среди европейскихъ странъ.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда германцамъ удалось разбить французскія арміи, Бисмаркъ, не связанный ни партіями ни политическими дѣятелями, быстро заключилъ съ Франціей миръ, съ выплатой грандіозной по тому времени контрибуціи. Если бы союзники дѣйствовали съ одинаковой рѣшительностью и быстротой, -они, по всей вѣроятности, добились бы такихъ же результатовъ. На самомъ дѣлѣ, союзники пріостановили свое наступленіе, не дойдя до границъ Германіи, и потеряли болѣе двухъ лѣтъ въ переговорахъ между собой. Германцы этимъ воспользовались и стали утомлять союзныхъ

представителей безконечными переговорами. Какъ извѣстно, только съ 13 ноября 1918 г. по 15 октября 1919 г. германцы послали союзникамъ 1,896 нотъ и протестовъ.

Съ цѣлью избѣжать, по возможности, уплаты, германское правительство начало придерживаться двойственной политики. Оно постаралось скрыть богатства страны и вызвать впечатлѣніе нищеты. Кромѣ того, оно постаралось вызвать духъ сопротивленія къ требованіямъ союзниковъ среди германскаго народа. Въ теченіе двухъ лѣтъ германскіе дипломаты, военные, профессора и журналисты повсюду заявляли, что Германія не отвѣтственна за войну, что союзники предписали ихъ родинѣ самыя жестокія и невыносимыя условія, и много расписывали страданія Германіи. О гораздо большихъ страданіяхъ другихъ странъ никогда и не упоминается. Германскимъ массамъ, такимъ образомъ, внушено, что онѣ болѣе всѣхъ пострадали отъ войны, и онѣ поэтому исполнены негодованія, когда имъ предлагаютъ платить богатымъ Англіи и Франціи. На самомъ дѣлѣ, Германія еще очень состоятельна, хоть отдѣльные слои населенія, особенно тѣ, которые жили на опредѣленномъ жалованьи, очень страдаютъ въ настоящее время. Никогда еще въ Германіи не наблюдалось такой безумной расточительности и роскоши, какъ сейчасъ. Наряду съ этимъ, сильно возрастаютъ взносы въ сберегательныя кассы. По подсчетамъ „Frankfurter Zeitung“, рабочія массы отложили въ сберегательныя кассы за послѣдніе три года около 80.000.000 фунт. стерл. по курсу настоящаго времени.

Хотя Германія въ общемъ благоденствуетъ, несмотря на нѣкоторое разстройство своей торговли и промышленности, правительству, своей расчитанной финансовой политикой удалось вызвать впечатлѣніе нищеты. Новые правители Германіи стали искусственно тратить деньги широко и безъ счета, отчасти, чтобы добиться популярности среди трудящихся массъ, отчасти для того, чтобы создать картину полнаго разоренія Германіи. Со времени перемирія правительство щедрой рукой раздавало субсидіи, финансировало безработныхъ, удешевляло пищу, управляло всѣми великими національными предпріятіями такъ, что они стали приносить огромные и все возрастающіе убытки, и увеличило число чиновниковъ до абсурда.

Въ продолженіе текущаго года государственныя жел. дороги дадутъ дефицитъ, по крайней мѣрѣ, въ 16,000.000.000 м.— сумма большая, чѣмъ та, которая была потрачена на ихъ постройку. Управленіе почтъ и телеграфовъ дастъ дефицитъ въ 2.000.000.000. марокъ и т. д. Никто не знаетъ точнаго количества чиновниковъ въ Германіи. „Berliner Tageblatt“ считаетъ, что Германія содержитъ 2. 000.000 чиновниковъ, составляющихъ, вмѣстѣ съ семьями, одну восьмую часть населенія. Само правительство признало, что число штатныхъ служащихъ въ государственныхъ учрежденіяхъ возрасло съ 189.918 въ 1913 г. до 688.023 въ 1920 г. Штатъ служащихъ на жел. дорогахъ увеличенъ приблизительно на 50%, хотя движеніе, по сравненію съ мирнымъ временемъ, сильно сокращено.

Германія заявляетъ, что она сможетъ заплатить требуемое возмѣщеніе только изъ излишка, и указываетъ при этомъ на катастрофическое положеніе своихъ финансовъ, которыя, какъ будто дѣйствительно, показываютъ грандіозный дефицитъ. Однако, этотъ дефицитъ можетъ быть превращенъ въ излишекъ путемъ рѣшительнаго сокращенія расходовъ и увеличенія доходовъ. Даже самое богатое государство можетъ быть доведено до банкротства нерасчетливыми тратами при недостаточномъ обложеніи. Богатство Германіи состоитъ въ великихъ естественныхъ рессурсахъ страны и производительной силѣ ея промышленности, которая сравнительно мало пострадала отъ войны. Тѣмъ не менѣе, много хитроумныхъ нѣмцевъ и обманутыхъ ими лицъ будутъ повторять, что они ничего платить не въ состояніи, ибо финансы показываютъ, что Германія окончательно разорена, и государственные доходы покрываютъ лишь треть расходовъ.

Германія, несомнѣнно, можетъ заплатить большую сумму союзникамъ, но заплатить ее она можетъ только товарами. Чѣмъ больше эта сумма, тѣмъ больше долженъ быть германскій экспортъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, потокъ германскихъ вывозныхъ товаровъ долженъ нанести неисчислимый вредъ предпріятіямъ союзниковъ.

Трудность полученія отъ Германіи соотвѣтствующаго возмѣщенія состоитъ въ нежеланіи союзниковъ получить уплату въ томъ единственномъ видѣ, въ которомъ она можетъ быть произведена. Германія можетъ заплатить слѣдуемое съ нея только путемъ превышенія своего вывоза надъ ввозомъ. Такъ какъ имѣющіеся у нея сырые продукты необходимы ей самой, она фактически сумѣетъ платить лишь путемъ вывоза фабрикатовъ.

Для того, чтобы платить ежегодно, начиная съ 1932 года, по 300.000.000 фунт. ст. союзникамъ, согласно условіямъ мирнаго договора, Германіи при-

шлось бы увеличить свой вывозъ фабрикатовъ съ 300.000.000 ф. ст., чему онъ равнялся до войны, до 700.000.000 фунтовъ, т. к. 100.000.000 ф. ст. пойдетъ на закупки продовольствія и сырыхъ матеріаловъ, которые Германія раньше получала изъ отторгнутыхъ у нея областей. Но не надо забывать, что до войны отовсюду неслись жалобы на заполненіе германцами рынковъ. Теперь же потокъ германскихъ товаровъ, подобный вышесказанному, долженъ явиться роковымъ для конкуррентовъ Германіи. Если Франція, Англія и Бельгія попытаются оградить себя отъ этихъ германскихъ товаровъ путемъ охранительныхъ пошлинъ, то Германія начнетъ ихъ вывозить въ Южную Америку, Азію и другія страны, являющіяся самыми важными рынками для европейскихъ фабрикантовъ и коммерсантовъ.

Ввозъ дешевыхъ германскихъ фабрикатовъ во Францію, Англію и Бельгію долженъ вызвать протестъ со стороны мѣстныхъ фабрикантовъ и безработицу на фабрикахъ; союзные экспортеры прекратятъ доступъ германскому ввозу на иностранные рынки, а горнорабочіе всѣхъ трехъ странъ безусловно воспротивятся тому, чтобы платежъ производился крупными партіями германскаго угля.

И получается такое парадоксальное положеніе, что выполненіе Германіей своихъ обязательствъ должно произойти за счетъ такихъ убытковъ союзной торговли и промышленности, какихъ *не окупить* никакими уплатами со стороны Германіи.

Ned.

2. Новый русско—турецкій договоръ.

Въ номерѣ газеты „Pour la Russie", отъ 31 марта 1921 г., приводится содержаніе договора между россійскимъ и турецкимъ правительствами, подписаннаго 16 марта с. г. Пункты относительно турецкой независимости и суверенитета, финансовыхъ обязательствъ Турціи по отношенію къ Россіи по прежнимъ договорамъ и вопросъ о контролѣ надъ проливами, представляютъ собой величайшій интересъ, особенно въ связи съ тѣмъ, что они указываютъ на ту же политику широкихъ уступокъ азіатскимъ народамъ со стороны Совѣтской Россіи, которой проникнуты и договоры между Россіей и Персіей и Афганистаномъ, недавно непечатанные въ „Манчестеръ Гардіанъ." Вотъ содержаніе договора,

Обѣ договариващіяся стороны заявляютъ, что движеніе въ пользу національнаго освобожденія среди народовъ Востока и борьба русскихъ рабочихъ за новый соціальный порядокъ—по существу, аналогичны, и категорически утверждаютъ, что данные народы имѣютъ право на свободу, независимость и на такую форму правленія, которая имъ является желательной.

Обѣ стороны соглашаются не признать никакого международнаго акта, навязаннаго силой одной изъ договаривающихся сторонъ. Въ частности, Россія не признаетъ никакого международнаго договора или акта, касающихся Турціи, которые не были бы признаны турецкимъ Національнымъ Собраніемъ.

Турецкая территорія заключаетъ въ себѣ, по условіямъ настоящаго договора, части, включенныя въ національное турецкое соглашеніе отъ января 28-го, 1920 г. со слѣдующими измѣненіями: Турція уступаетъ Грузіи сюверенитетъ надъ Батумскимъ округомъ, включая и городъ Батумъ, при условіи широкой мѣстной автономіи въ областяхъ культурной, религіозной и земледѣльческой. Турціи гарантируется свободный транзитъ товаровъ черезъ Батумъ безъ таможенныхъ пошлинъ или особыхъ ставокъ оплаты.

Нахичеванскій округъ преобразовывается въ автономную мѣстность подъ протекторатомъ Азербейджана. Обѣ договаривающіяся стороны объявляютъ, что всѣ договоры, заключенные ими до подписанія настоящаго договора, по данному вопросу не дѣйствительны.

Россія считаетъ Турцію свободной отъ финансовыхъ обязательствъ, основанныхъ на прежнихъ договорахъ между Турціей и Царскимъ правительствомъ.

Россія заявляетъ, что система капитуляцій несовмѣстима съ суверенитетомъ какой бы то ни было страны, и считаетъ всѣ права Турціи, имѣющія какую бы то ни было связь съ этой системой, несуществующими и непріемлемыми.

Съ цѣлью гарантировать свободу плаванія въ проливахъ въ интересахъ коммерческихъ сношеній между всѣми народами, обѣ стороны соглашаются передать окончательное редактированіе международныхъ положеній относительно Чернаго моря и проливовъ предстоящей конференціи, состоящей изъ делегатовъ прилегающихъ государствъ, при условіи, что ея рѣшеніе не уменьшитъ абсолютнаго сувере-

нитета Турціи или безопасности страны и ея столицы, Константинополя.

Подданные каждой изъ договаривающихся сторонъ, живущіе на территоріи другой договаривающейся стороны, должны, подчиняться законамъ той страны, гдѣ проживаютъ, за исключеніемъ семейнаго права, права о наслѣдованіи и юридической компетенціи, что будетъ урегулировано особымъ договоромъ.

Обѣ страны соглашаются ставить другъ друга въ положеніе наиболѣе благопріятствуемой націи въ вопросахъ, связанныхъ съ подданными другой стороны. Любой житель изъ территорій, составлявшихъ до 1918 г. часть Россіи—округа Карса и Ардагана, гдѣ Россійское правительство подтверждаетъ свое признаніе турецкаго суверенитета настоящимъ договоромъ, свободенъ оставить Турцію и взять съ собой всѣ свои товары и имущество или же сумму денегъ, равносильную имъ. То же самое право обезпечивается и за каждымъ жителемъ Батумскаго округа, желающаго покинуть Грузію.

Обѣ стороны начинаютъ обмѣнъ военныхъ и гражданскихъ плѣнныхъ втеченіе трехмѣсячнаго срока для Европейской Россіи и шестмѣсячнаго для Азіи.

Обѣ стороны взаимно обязуются препятствовать образованію или пребыванію на ихъ територіи группъ, предъявляющихъ притязанія считать себя облеченными правительственной властью или военными и морскими силами другой стороны, и т. д. Это относится также и къ совѣтскимъ республикамъ Кавказа, на основахъ взаимности.

Обѣ стороны обязуются предъпринять необходимые шаги для поддержанія и развитія способовъ сообщенія между двумя странами. Онѣ обязуются заключить консульскую конвенцію въ ближайшемъ будущемъ.

Ned.

---

3. Русская эмиграція во внѣ-европейскія страны.

Чтобы дать бѣженцамъ ясное представленіе о существующихъ возможностяхъ эмиграціи во внѣ-европейскія страны и условіяхъ жизни въ нихъ, а также ознакомить съ существующими русскими организаціями заграницей, разрабатывающими вопросы переселенія и колонизаціи—считаемъ необходимымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія по всѣмъ этимъ вопросамъ, которыя мы почерпнули изъ матеріаловъ, полученныхъ нами изъ Парижа.

1-Эмиграція въ Бразилію.

Бѣженцевъ принимаетъ только та часть Бразиліи, которая начинается со штата Ріо-Жанейро, немного сѣв. южнаго тропика, и тянется на югъ до границъ Урагвая (штаты: Ріо-де-Жанейро. Санъ-Паоло, Парана, Санта-Катарина, Ріо-Грандо-де-Сулъ). Штатъ Ріо-де-Жанейро, въ составъ котораго входитъ столица Бразиліи, мало интересенъ для массовой русской эмиграціи, въ виду того, что вся частная земельная собственность полностью использована—бѣженцамъ остается одна возможность: идти въ рабочіе и на сельско-хозяйственныя работы или въ городъ, на заводы.

Наиболѣе подходящимъ для бѣженцевъ является штатъ Санъ-Паоло, занимающій площадь 29.876 кв. километровъ, съ населеніемъ 3.000.000 чел. Правительство этого штата всегда отличалось внимательнымъ отношеніемъ къ переселенцамъ; то же самое оно дѣлаетъ и теперь. Организованъ даже особый комитетъ, который завѣдуетъ пріемомъ, содержаніемъ и распредѣленіемъ бѣженцевъ.

Климатъ штата Санъ-Паоло, въ общемъ, довольно мягкій и ровный, хотя и нужно различать въ климатическомъ отношеніи 3 полосы:

1) Прибрежная—жаркая и сырая (тропическая), неблагопріятная для бѣженцевъ.

2) Узкая полоса въ 10-15 верстъ, примыкающая къ горному плато, климатъ нѣсколько лучше прибрежной полосы, однако, царятъ туманы. Мѣстность весьма лѣсистая.

3) Горное плато (600-1000 метровъ надъ уровнемъ моря). Климатъ хорошій и умѣренный.

Земля штата довольно плодородная и пригодна для культуры кофе. Можно отвоевывать новые земельные участки отъ лѣса изъ араукарій, которыя довольно легко расчищаются.

Все богатство штата Санъ-Паоло, безусловно, заключается въ кофе, но, кромѣ него, культивируются еще сахарный тростникъ, кукуруза, черные бобы, рисъ, хлопокъ, маньока, картофель, арбузы, виноградъ и. т. д.

Въ настоящее время штатъ Санъ-Паоло имѣетъ довольно развитую жел.-дор. сѣть; во многихъ мѣстахъ проведены хорошія шоссейныя дороги.

Наплывъ эмигрантовъ особенно за последнее время—значительный. Пріѣзжаютъ, гл. образомъ, итальянцы, число которыхъ опредѣляется въ штатѣ приблизительно цифрой 1.500.000. Послѣдніе создали свою колонію „Новую Италію". Затѣмъ въ штатѣ много поляковъ-эмигрантовъ, гл. образомъ,изъ нѣм. Польши. Наконецъ, есть и русскіе, число которыхъ опредѣляется около 5000 чел. Центральной русской колоніи является городъ „Ново-Одесса". Были попытки образовать еврейскія колоніи въ штатѣ, но онѣ успѣхомъ не увѣнчались.

Вторымъ по степени важности, въ смыслѣ выгоды для переселенія, является штатъ Парана, лежащій южнѣе Санъ-Паоло, площадью прибл. 221.000 кв.верстъ; численность населеніяштата—350.000 чел.

Правительство штата Парана, также какъ и штата Санъ-Паоло, внимательно относится къ эмиграціи. Климатъ штата очень хорошій, земель свободныхъ много, лѣса легко расчищаются подъ земельные участки. Пути сообщенія и ж.-д. сѣть не такъ сильно развиты, какъ въ штатѣ Санъ-Паоло.

Наконецъ, штатъ Санта-Катарина никакого интереса для эмигрантовъ непредставляетъ, въ виду его полной неприспособленности для эмигрантской жизни. Штатъ Ріо-де-Сулъ интересенъ только своими большими пастбищами для скота; климатъ въ немъ очень напоминаетъ югъ Россіи.

Переходя теперь къ вопросу объ условіяхъ жизни въ колоніяхъ Бразиліи, нужно имѣть въ виду 2 категоріи колонистовъ:

1) Колонисты, которые разселены на отведенные правительствомъ участки земли Колонисты указанной категоріи пользуются большими льготами отъ правительства. Такіе колонисты обыкновенно выбираютъ по своему усмотрѣнію колонію. занимаютъ участки земли (обычно отъ 25-50 десятинъ) причемъ, если колонистъ, живя 2 года на участкѣ, создаетъ цѣнности, равныя цѣнѣ участка, то онъ безъ всякой оплаты дѣлается собственникомъ участка. Колонистамъ этой категоріи выдается въ теченіе 6 мѣс. продовольствіе, и ихъ періодически назначаютъ на общественныя работы—3-5 фр. въ день, пока они не смогутъ работать на землѣ.

2) Колонисты, которые по пріѣздѣ отправляются на заработки. Въ такихъ эмигрантахъ нѣкоторыя правительства (напр., Санъ-Паоло) особенно заинтересованы; негровъ имѣется весьма мало, и главные кадры работниковъ вербуются изъ евопейцевъ. Взаимоотношенія такихъ эмигрантовъ съ плантаторами регулируются договорами, заключенными при участіи агентовъ Эмиграціонаго комитета („Оффиціальное Агентство по колонизаціи труда") Но, какъ бы ни были пріемлемы условія, заключенныя по этимъ договорамъ, на самомъ дѣлѣ это не такъ: незнаніе русскими языка и страны, беззащитность, отсутствіе безпристрастности со стороны правительственныхъ агентовъ—все это тяжело отзывается на колонистахъ, особенно тѣхъ, которые находятся на частныхъ фермахъ, гдѣ они попадаютъ въ полное рабство своему хозяину.

II-Эмиграція въ Аргентину.

Для эмиграціи правительство Аргентины отводитъ земли въ слѣдующихъ районахъ Чако, Формоза, Миссіонесъ, Чубу, Ріо-Негро, Санта-Крузъ. Земельные участки отводятся прибл. отъ 20-25 гектаровъ и скотоводническіе—прибл. 320-350 гектаровъ. Почва на этихъ участкахъ, въ общемъ, разнообразная: на сѣверѣ, гл. обр., черноземъ и глина, на югѣ песокъ. Климатъ въ Аргентинѣ здоровый, даже въ тропической части; нѣтъ эпидемическихъ болѣзней, отъ которыхъ приходиться страдать европейцамъ.

Условія жизни эмигрантовъ въ Аргентинѣ существенно не отличаются отъ условій жизни эмигрантовъ въ Бразиліи. Колонисты также дѣлятся на двѣ категоріи, о которыхъ мы говорили раньше; среди нихъ всего болѣе, страдаютъ неимущіе, которые, какъ и въ Бразиліи, попадаютъ въ полную зависимость отъ своихъ хозяевъ. Въ среднемъ, цѣна рабочаго отъ 40-80 пезо въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ; при сборѣ хлѣба рабочій можетъ заработать 6—15 пезо въ день. Тяжелая жизнь заставляетъ многихъ эмигрантовъ думать объ обратномъ путешествіи на родину, напримѣръ, многіе русскіе крестьяне сѣв. и юго-зап. губ., переселившіеся сюда въ 1904-1905 гг., если

бы была возможность, готовы ѣхать обратно на родину, но большая плата на пароходахъ и отказъ мѣстныхъ властей визировать паспорта не даютъ имъ возможность осуществить это желаніе.

Чисто русскихъ колоній въ Аргентинѣ нѣтъ, и русскіе, въ большинствѣ случаевъ, влачатъ жалкое существованіе батраковъ поденщиковъ. Вообще, трудъ квалифицированныхъ рабочихъ въ странѣ болѣе цѣнится, чѣмъ интеллигентный трудъ, а для военныхъ, которые составляютъ сейчасъ наиболѣе значительный кадръ среди бѣженцевъ, устроиться и вовсе невозможно—въ войска, на аргентинскую службу, ихъ не принимаютъ.

Самыми богатыми считаются колоніи русскихъ нѣмцевъ. (на югѣ Буэносъ-Айреской провинціи).

Въ Аргентинѣ говорятъ на испанскомъ языкѣ. Ходячая монета-бумажная пезо, раздѣленная на 100 сентавовъ. Курсъ этихъ денегъ, при переводѣ на валюту др. странъ, значительно мѣняется, напр., по таблицѣ 13 января 1921 г., онъ опредѣлялся такъ:

1 фун. стерл. . . . . . . 10.80 пезо бумаж.
100 фр. фран . . . . 17.90 „
100 длл. . . . . 291.00 „ и. т. д.

Что касается русскихъ денегъ, то онѣ вовсе не идутъ, хотя прежде иногда продавались—100 роман. руб. за 3-4 пезо бумаж.

Народное образованіе въ Аргентинѣ стоитъ на высокой степени развитія.

Низшее образованіе обязательно для всѣхъ и даровое, представлено многочисленными школами съ раціональной постановкой педагогическаго дѣла.

Среднее образованіе представлено 15 гражданскими школами и 10 школами разныхъ монашескихъ латинскихъ орденовъ (Буэносъ-Айресъ).

Высшее образованіе представлено слѣдующими университетами: въ Буэносъ-Айресѣ, въ Кордобѣ, въ Ла-Платѣ, въ Тукуманѣ, Санта-фе, Паранѣ, Розаріо и. т. д. Кромѣ этихъ университетовъ, содержащихъ факультеты: физико-натуралистическихъ, инженерныхъ, юридическихъ соціальныхъ, медицинскихъ, философско-словесныхъ, экономическихъ, и ветеринарныхъ наукъ—имѣются разнаго рода учебныя заведенія съ правами высшихъ, какъ-то: „Школа естественныхъ наукъ", „Высшая школа гидравлики", „Сельско-хозяйственный Институтъ" и. т. д. Особенно много учебныхъ заведеній такого характера въ Ла-Платѣ.

Нужно, однако, отмѣтить, что, несмотря на такую широкую постановку учебно-образовательнаго дѣла въ Аргентинѣ бѣженцамъ, особенно русскимъ, ждать ничего отраднаго не приходится: русскихъ въ учебныя заведенія Аргентины принимаютъ, вообще, неохотно—дѣтямъ православныхъ родителей, напримѣръ, вовсе отказываютъ въ пріемѣ, при поступленіи ихъ въ разныя учебныя заведенія, если они не перекрестятъ своихъ дѣтей въ католическую вѣру. Вообще, русскіе живутъ въ Аргентинѣ очень плохо, разъединены и разрознены, какъ вездѣ. Среди нихъ нѣтъ ни крупныхъ плантаторовъ, ни большихъ владѣльцевъ земельныхъ участковъ, ни торговцевъ. Только въ самое послѣднее время, въ связи съ событіями, въ Аргентину начали пріѣзжать русскіе интеллигенты, но они врядъ ли что-нибудь сумѣютъ измѣнить въ общемъ положеніи русскихъ эмигрантовъ.

III. Эмиграція въ Британскія Колоніи.

Эмиграція въ Британскія Колоніи, въ томъ числѣ въ Канаду, Австралію, Новую Зеландію и Африканскія Колоніи почти невозможна, т. к. колоніальныя правительства воспретили въѣздъ всѣмъ иностранцамъ въ Колоніи.

IV. Эмиграція во Французскія Колоніи.

(Марокко и Алжиръ).

Для переселенія русскихъ бѣженцевъ Марокко и Алжиръ совершенно непригодны: устройство на собственное хозяйство стоитъ очень дорого (75-100 тыс. фр.), а спросъ на всякія работы совсѣмъ невеликъ, да и то эти работы происходятъ въ мѣстностяхъ съ вреднымъ климатомъ.

Нами разобраны внѣ-европейскія страны, правительства которыхъ въ той или иной мѣрѣ „гостепріимно" встрѣчаютъ русскихъ бѣженцевъ.

Государства же Европы, потрясенныя небывалымъ экономическимъ и политическимъ кризисомъ, совершенно воспретили въѣздъ русскимъ. Только „обязательная" Сербія, а за послѣднее время Венгрія и Турція, даютъ нѣкоторыя льготы для русскихъ бѣженцевъ,но разсмотрѣніе этого не входитъ въ планъ нашей работы.

Переходя къ разсмотрѣнію организацій въ разныхъ странахъ, разрабатывающихъ вопросы переселенія и колонизаціи, необходимо отмѣтить, что существующія общества и отдѣлы, вѣдающія дѣломъ переселенія, разбросаны по всему міру, какъ-то: въ Парижѣ, Лондонѣ, Константинополѣ, Берлинѣ, Гельсингфорсѣ, и настолько не объединены въ своей работѣ, что часто невольно вынуждены выполнять одну и ту же работу, часто потому только, что не освѣдомлены о существованіи подобныхъ же организацій въ другихъ странахъ.

Поэтому-то весьма своевременно было бы созданіе такого органа, который объединилъ всѣ эти организаціи, хотя бы сначала ради правильной информаціи бѣженцевъ, путемъ изданія информаціоннаго бюллетеня.

Не имѣя такого бюллетеня, приходится ограничиваться пока тѣми немногими свѣдѣніями, которыя, даже и въ такомъ неполномъ видѣ, могутъ быть интересными для эмигрантовъ

Наиболѣе большими русскими организаціями изъ вѣдающихъ переселеніемъ, колонизаціей являются слѣдующія:

Во Франціи, Парижъ: Эмиграціонная Комиссія, подъ предсѣдательствомъ С. Н. Третьякова, образована при Особомъ Совѣщаніи Р. Об. Кр. Кр. въ Парижѣ. (46, rue de l'Universite, Paris).

Колонизаціонный Отдѣлъ подъ предсѣдательствомъ В. В. Вырубова; образованъ при Земско-Городскомъ Объединеніи въ Парижѣ (5-ter rue du Dorne Paris (XVI).

Въ Англіи, Лондонъ: Руское Колонизаціонное Общество-(Russian Colonisation Association, 30, Bedford square, London. W. C. I.)-.

Въ Финляндіи, Гельсингфорсъ: Бюро Эмиграціи подъ предсѣдательствомъ сенатора П. А. Краацъ, при особомъ Комитетѣ по дѣламъ русскихъ въ Финляндіи (Elisabetsgatan. 29, Helsingfors).

Въ Турціи, Константинополь: Эмиграціонный Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ С. Н. Ильина (Ambassade Russe, Pera Constantinople, Turquie). Эмиграціонный Совѣтъ изыскиваетъ возможности на поселеніе русскихъ бѣженцевъ въ славянскихъ государствахъ и въ Турціи, не одобряя переселенія въ заокеанскія страны. Въ настоящее время въ Эмиграціонный Совѣтъ поступили реальныя предложенія на земельные участки для русскихъ бѣженцевъ изъ Турціи, Мексики и Бразиліи.

Въ Сербіи, Бѣлградъ: Колонизаціонный: Отдѣлъ подъ предсѣдательствомъ Н. Н Богданова (Бѣлградъ, Чика Любина, 16).

На Дальнемъ Востокѣ, въ Харбинѣ, была также попытка созданія Колонизаціоннаго Отдѣла въ видѣ Эмиграціоннаго Комитета подъ предсѣдательствомъ проф. Бондаря, выдѣленнаго собраніемъ бѣженцевъ, отправлявшихся въ Бразилію, но свѣдѣнія, поступающія изъ Бразиліи отъ первой партіи, настолько въ мрачныхъ краскахъ рисовали положеніе русскихъ бѣженцевъ въ Бразиліи, что болѣе уже никто не поѣхалъ, и Эмиграціонный Комитетъ прекратилъ свое существованіе.

Русская Эмиграція заграницей, достигающая болѣе—2.000.000,—серьезный и важный вопросъ, который въ полной мѣрѣ можно разрѣшить только въ міровомъ масштабѣ. при, участіи гуманитарныхъ организацій всѣхъ странъ, поддержанныхъ финансовой помощью и авторитетомъ своихъ правительствъ а для этого нужна, какъ никогда, полная солидарность среди самихъ бѣженцевъ Нужно показать міру, что мы, дѣйствительно, сплоченное и недѣлимое цѣлое, достойное лучшей участи, чѣмъ прозябаніе на задворкахъ чужихъ странъ.

Ал. Кириловъ.

4. Разъясненія о правилахъ въѣзда въ Соед. Штаты. Виза паспорта.

Во избѣжаніе всякихъ задержекъ и могущихъ встрѣтиться затрудненій, всѣмъ, желающимъ привезти въ Соединенные Штаты своихъ родныхъ, а также иностранцамъ, желающимъ пріѣхать въ Соед. Штаты, слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію слѣдующія правила о визированіи паспортовъ:

1. Иностранцы, желающіе поѣхать въ Соединенные Штаты, должны раздобыть паспортъ того иностраннаго государства,

подданными или гражданами котораго они состоять.

2. Этотъ паспортъ они должны лично представить американскому комиссару или консулу въ ближайшемъ мѣстѣ его пребыванія. Тамъ они должны выполнить заявленіе о визированіи паспорта на въѣздъ въ Соединенные Штаты. Необходимо имѣть съ собою три небольшія фотографическія карточки. Весьма также желательно, чтобы они имѣли письма или удостовѣренія (эффидейвитъ) отъ родныхъ или друзей въ Соединенныхъ Штатахъ, съ указаніемъ, почему тѣ желаютъ ихъ пріѣзда, чѣмъ они будутъ заниматься по пріѣздѣ въ Штаты и гдѣ будутъ первое время жить; въ тѣхъ случаяхъ, когда пріѣзжающіе будутъ на иждивеніи родныхъ, проживающихъ въ Соединенныхъ Штатахъ (малолѣтніе и т. д.), необходимо удостовѣреніе, что тѣ въ состояніи заботиться о нихъ.

Стоимость выполненія заявленія о визированіи—одинъ долларъ, а виза стоитъ 9 долларовъ. Эта сумма должна быть уплачена иностранцемъ, желающимъ пріѣхать въ Соединенные Штаты, американскому комиссару или консулу за границей. По новѣйшему правилу, иностранецъ, паспортъ котораго не визированъ американскимъ комиссаромъ или консуломъ за границей, не будетъ допущенъ въ Соединенные Штаты.

Американскимъ комиссарамъ и консуламъ во всѣхъ иностранныхъ государствахъ даны подробныя инструкціи относительно того, чьи паспорта подлежатъ визированію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вопросъ о допущеніи того или другого иностранца будетъ передаваться на разрѣшеніе департамента иностранныхъ дѣлъ, но такая передача должна быть выполнена комиссарами или консулами за границей, и послѣ того, какъ иностранецъ выполнилъ заявленіе о визѣ, департаментъ иностранныхъ дѣлъ не будетъ выносить рѣшеній по такимъ дѣламъ, пока, въ каждомъ случаѣ, не будетъ полученъ оффиціальный докладъ его представителей за границей.

Вотъ почему лицамъ, проживающимъ въ Соединенныхъ Штатахъ и желающимъ добиться разрѣшенія въѣзда ихъ родныхъ и близкихъ, не слѣдуетъ обращаться по этимъ дѣламъ въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ; сами иностранцы, собирающіеся пріѣхать, должны сдѣлать объ этомъ представленіе Американскому комиссару или консулу заграницей.

Категоріи иностранцевъ, которые не допускаются въ Соединенные Штаты.

По существующимъ законоположеніямъ, въ Соединенные Штаты не допускаются слѣдующія категоріи иностранцевъ:

1. Лица, которымъ менѣе 16 лѣтъ, если ихъ не сопровождаютъ родители.

2. Лица, которыя могутъ оказаться бременемъ для общества и государства. Къ этой категоріи относятся тѣ иммигранты, которые при пріѣздѣ не имѣютъ достаточной суммы денегъ въ обезпеченіе ихъ безбѣдной жизни до пріисканія ими работы, или лица, общее состояніе здоровья которыхъ можетъ помѣшать имъ зарабатывать на жизнь. Требованіе денежнаго обезпеченія иногда отмѣняется, если родные или знакомые пріѣзжаго иностранца согласны поручиться въ оказаніи ему необходимой поддержки до подысканія имъ работы.

3. Слабоумные, душевно-больные, эпилептики, вообще страдающіе органически психическимъ разстройствомъ.

4. Больные опасной заразительной болѣзнью, въ частности, чахоточные или больные трахомой.

5. Законтрактованные рабочіе, т. е. иностранцы, пріѣзжающіе на основаніи заранѣе обѣщанной имъ работы или письменнаго или устнаго договора. Къ этому же разряду относятся лица, пріѣзжающія на основаніи объявленій о рабочихъ., напечатанныхъ или распространенныхъ въ заграничной странѣ. Исключенія изъ этого правила допускаются для профессіональныхъ актеровъ, лекторовъ, пѣвцовъ, сестеръ милосердія, священниковъ, учителей, ученыхъ, а также для домашней прислуги и ѣдущихъ на выставки или ярмарки, разрѣшенныя Конгрессомъ.

6. Анархисты и вообще иностранцы, проповѣдующіе сверженіе силою или насиліемъ правительства, проповѣдующіе убійство государственныхъ дѣятелей и незаконное разрушеніе частной собственности.

7. Полигамисты, т. е. лица, практикующія, вѣрящія или проповѣдующія полигамію.

8. Проститутки или вообще лица, получающія какой-либо доходъ отъ проституціи.

9. Физически неспособные къ труду.

10. Профессіональные нищіе.

11. Хроническіе алкоголики.

12. Лица, осужденныя за уголовныя преступленія.

Безбилетные.

Лица, прибывающія въ порты Соединенныхъ Штатовъ въ качествѣ „безбилетныхъ“, или безбилетные, работой на пароходѣ оплачивающіе свой проѣздъ, задерживаются впредь до опроса ихъ спеціальнымъ слѣдственнымъ комитетомъ. Они допускаются въ страну лишь въ томъ случаѣ, если слѣдственный комитетъ единогласно дѣлаетъ объ этомъ постановленіе. Въ противномъ случаѣ, они подлежатъ депортированію. Какъ и въ прочихъ случаяхъ рѣшеній о недопущеніи иностранца, разрѣшается подача апелляціи въ Вашингтонъ.

Экзаменъ въ грамотности.

По дополнительному законоположенію, каждый пріѣзжающій иностранецъ старше 16-ти лѣтъ подлежитъ экзамену въ грамотности. Онъ долженъ умѣть читать по печатному на какомъ либо изъ языковъ. Исключеніе допускается въ отношеніи жены проживающаго уже въ Америкѣ иностранца, его родителей, дѣда и бабки, если они старше 55-ти лѣтъ, а также незамужней или овдовѣвшей дочери. Экзамену въ грамотности не подлежатъ также лица,, ищущія въ Соединенныхъ Штатахъ убѣжища отъ религіозныхъ преслѣдованій.

Поголовный налогъ.

Со всѣхъ пріѣзжающихъ въ Соединенные Штаты иностранцевъ, за исключеніемъ дипломатическихъ и консульскихъ представителей иностранныхъ государствъ, дѣтей моложе 16-ти лѣтъ пріѣзжающихъ вмѣстѣ съ родителями, и нѣкоторыхъ другихъ категорій лицъ, взыскивается поголовный налогъ въ размѣрѣ8 долларовъ,.

Запросы въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ.

Для быстраго полученія отвѣтовъ на всѣ запросы въ Департаментъ Иностранныхъ Дѣлъ, необходимо соблюдать слѣдующія правила:

1. При запросѣ о паспортѣ для американскаго гражданина, адресуйте ихъ: Division of Passport Control, Deprt Of State, Washington, D. C.

2. Запросы о визированіи иностраннаго паспорта слѣдуетъ направлять по адресу: Vise Office, Department of State, Washington. D. C.

3, Справки объ условіяхъ путешествія за-границей и возможности пересылки денегъ слѣдуетъ наводить въ Consular Bureau, Department of State, Washington, D. C.

5. Компрадоры и торговля иностранцевъ въ Китаѣ.

Статья Американскаго Торговаго Агента въ Китаѣ Дж. Арнольда.

Странно, что въ различныхъ книгахъ о Китаѣ, а особенно въ книгахъ торговаго характера, такъ мало говорится объ одномъ изъ важнѣйшихъ факторовъ страны, имѣющихъ отношеніе къ иностранной торговлѣ, а именно о „компрадорахъ“. Джайльсъ, въ своемъ „Справочникѣ“ (Glossary of Reference) опредѣляетъ компрадора, какъ „посредника при покупкахъ“ (отъ португальскаго „comprar“ покупать), и добавляетъ: „это названіе дано китайскому агенту, при посредствѣ котораго иностранные торговцы въ Китаѣ совершаютъ свои покупки и продажи.“

И. С. Тонгъ, китайскій банкиръ, получившій образованіе въ Америкѣ, высказывается относительно обязанностей китайскаго компрадора слѣдующимъ образомъ:

„Съ самаго возникновенія сношеній иностранцевъ съ Китаемъ компрадоръ для иностранной фирмы былъ необходимымъ человѣкомъ въ конторѣ. Онъ является посредникомъ при сдѣлкахъ фирмы

къ китайскими торговыми и дѣловыми людьми.

Для участниковъ и управляющихъ иностранной фирмы было бы невозможно принимать многочисленныхъ китайскихъ торговыхъ и дѣловыхъ людей, проводить съ ними время за чашкой чая, а въ прежнее время—за китайскимъ кальяномъ, и стараться установить условія контракта или съ довольнымъ видомъ обсуждать размѣнъ, образцы и всякаго рода иные вопросы. Европеецъ не имѣетъ ни времени ни терпѣнія чтобы предаваться такимъ переговорамъ съ толпою китайскихъ торговцевъ и маклеровъ.

„Не слѣдуетъ забывать также, что нѣкоторые китайцы, особенно въ прежнее время, приверженные опіуму, любили дѣлать дѣла около полуночи за роскошнымъ обѣдомъ или на софѣ для куренія опіума, и энергичный компрадоръ, если онъ хотѣлъ обезпечить за собою дѣло, долженъ былъ и здѣсь составлять хозяину компанію.

„Затѣмъ компрадоръ долженъ быть знакомъ съ четырьмя, можетъ быть десятками различныхъ курсовъ денегъ въ различныхъ Китая,городахъ какъ и съ курсомъ переводовъ на Лондонъ и иностранной золотой валютой. Онъ отвѣтственъ за приказы, чеки и переводы туземныхъ банковъ, а его подчиненные должны провѣрять монету и другіе денежные знаки, поступающіе въ иностранную фирму.

„На него же возлагается отвѣтственность за китайскій штатъ: хранителей складовъ, шрофовъ*), кули и боевъ: словомъ, онъ—китайскій управляющій. Типичный китайскій компрадоръ—человѣкъ очень ловкій. говоритъ на „пиджинъ—инглишъ“**) и обычно является человѣкомъ порядочнымъ и честнымъ.

„Въ прежніе годы слово ихъ было равноцѣнно золоту. Сэръ Ивенъ Камеронъ, Управляющій главнымъ отдѣленіемъ Гонконгъ-Шанхайскаго Банка, произнося рѣчь на прощальномъ банкетѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отдалъ должное этой фазѣ развитія китайскаго характера, заявивъ, что онъ никогда не зналъ китайца, не сдержавшаго своего слова.

„Къ сожалѣнію, въ послѣднія десять-двадцать лѣтъ на сценѣ появились иностранные авантюристы, компаніи повыскакали, какъ грибы, торгуя на китайскій кредититъ и на китайскія деньги и садя своихъ китайскихъ компрадоровъ въ лужу. Повторные примѣры такого рода повели къ пониженію и китайскаго дѣлового уровня, и въ результатѣ, случаи неисполненія китайцами обязательствъ стали болѣе часты. Тамъ, где прежде употреблялись „can bo“ (могу сдѣлать) и „finish“(покончилъ), нынѣ эти замѣняются слова законными документами и контрактами.

„Что характеръ и честность китайскихъ компрадоровъ, вообще, стоятъ высоко, доказывается тѣмъ фактомъ, что китайскіе компрадоры въ почетѣ даже въ Японіи.

„Положеніе компрадора отвѣтственно и важно, создалось оно по необходимости, какъ результатъ неумѣнія иностранцевъ говорить по-китайски и недостаточныхъ сношеній ихъ съ китайцами.

„Нѣкоторыя германскія фирмы обратили вниманіе на эти затрудненія и стали водить компанію съ китайскими знакомыми. Они сходились съ компрадорами въ общественной жизни на равной ногѣ, давали компрадорамъ медицинскіе совѣты при болѣзни и всячески проявляли въ отношеніи ихъ, по меньшей мѣрѣ, дружескія чувства.

„Достаточно оказать, что компрадоръ несетъ тяжелую отвѣтственность, какъ фактическій китайскій управляющій иностранной фирмы, и иностранныя фирмы хорошо дѣлали бы, если бы воздавали ему должное и проявляли въ отношеніи къ нему больше уваженія и радушія, чѣмъ ихъ поведеніе обнаруживало въ прошломъ.“

Можно сказать, что компрадоръ есть посредникъ и китайскій кассиръ въ иностранной фирмѣ, служащій связью между иностранной фирмой и китайскими дѣловыми людьми и участвующій, вообще, въ денежныхъ и кредитныхъ сношеніяхъ иностранной фирмы съ китайцами. При отсутствіи Bradstreet или Dun и съ другой стороны, при наличіи сложнаго денежнаго обращенія и затрудненій съ реализацией туземныхъ денежныхъ цѣнно-

---

*) „Shroff“ (шрофъ), какъ имя существительное, означаетъ „экспертъ по серебру“, будучи испорченнымъ арабскимъ „саррафъ“ (банкиръ), обычнымъ во всякомъ городѣ Индіи. „Шрофы“—китайцы, употребляемые въ банкахъ и въ крупныхъ торговыхъ предпріятіяхъ для провѣрки всѣхъ долларовъ, которые проходятъ черезъ фирму, и выдѣленія плохихъ, Эти люди претендуютъ на способность различать три сорта хорошихъ долларовъ—перваго, второго и третьяго качества „тайна“ этого искусства подвергалась, однако, неоднократно сомнѣнію, когда отрицалось качество перваго сорта у долларовъ, которые, въ качествѣ таковыхъ, были выплачены наканунѣ, можетъ быть. Школы „шрофа“ обычны въ Кантонѣ, гдѣ учителя этого искусства держать плохіе доллара для упражненія учениковъ; на эту же тему напечатано тамъ нѣсколько трудовъ съ многочисленными изображеніями долларовъ и различныхъ другихъ иностранныхъ монетъ, способовъ выдалбливанія серебра и заполненія мѣдью и свинцомъ, сравненій настоящихъ и поддѣльныхъ долларовъ, разницы между туземною и иностранною чеканкою и пр.“ (изъ „Glossary of referance“ by Giles).

**) Pidgin есть испорченное китайцами англійское слово business, а pidginenglish будетъ въ переводѣ „англійскій дѣловой языкъ.“

стей, по причинѣ ограниченія иностранной торговой дѣятельности нѣсколькими предназначенными для этого договорными портами, нетрудно представить себѣ, насколько важна эта послѣдняя сторона компрадорскихъ обязанностей.

Компрадоры должны обладать капиталомъ, знаніемъ дѣла и обширнымъ знакомствомъ среди китайцевъ. Вообще говоря, ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: компрадоры банковскіе и торговые. Функціи тѣхъ и другихъ, въ сущности, не слишкомъ различаются.

Подробное разсмотрѣніе положенія банковскаго компрадора и требованій, предъявляемыхъ къ нему, дастъ читателю совершенно ясное понятіе о мѣстѣ, которое компрадоръ занимаетъ и въ торговлѣ вообще, хотя не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ иностранномъ банковскомъ предпріятіи компрадоръ играетъ болѣе видную роль, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ иностранной дѣятельности въ Китаѣ, вслѣдствіе сложнаго положенія денежнаго обращенія и обширныхъ сношеній по кредиту, которыя банкъ долженъ поддерживать въ отношеніи къ торговлѣ. Какъ и у компрадоровъ вообще, первое у банковскаго компрадора есть вопросъ обезпеченія. Въ прежнія времена банковскому компрадору дозволялось представлять, въ видѣ обезпеченія, обязательства подписанныя поручителемъ или поручителями на извѣстную максимальную сумму и вносить въ депозитъ наличными въ размѣрѣ около одной четверти суммы такихъ обязательствъ. По этому вкладу наличными банкъ платилъ компрадору проценты отъ 5 до 6 годовыхъ. Въ настоящее время большинство банковъ требуютъ исключительно вкладовъ наличными, и обычные размѣры таковыхъ опредѣляются въ 100.000 ланъ (нынѣ, т. е. въ 1919 г., равныхъ приблизительно 130.000 зол. амер. долларовъ, но обыкновенно не превышающахъ 65.000 такихъ долларовъ). Въ фирмахъ, занимающихся торговлей товарами обезпеченіе, требуемое отъ компрадора, обычно меньше и зависитъ, конечно, отъ размѣра дѣловыхъ операцій: въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно бываетъ не болѣе 5000 ланъ.

Банкъ обязуется платить компрадору мѣсячное жалованье отъ 200 до 500 ланъ, изъ коего компрадоръ обычно оплачиваетъ свой штатъ. Въ дополненіе къ этому компрадоръ получаетъ въ качествѣ вознагражденія маклерскій куртажъ почти всегда согласно слѣдующему разсчету: отъ 1 до $1^1/_8$ процента съ вкладовъ, внесенныхъ въ банкъ при посредствѣ компрадора; по суммѣ ссудъ, выданныхъ банкомъ или договоренныхъ при посредствѣ компрадора; по процентамъ въ случаѣ возобновленія займовъ; по покупкѣ и продажѣ простыхъ и телеграфныхъ переводовъ и по покупкѣ и продажѣ долларовъ и лановъ; отъ $^1/_2$ до $1^1/_8$ процента по покупкѣ и продажѣ простыхъ и телеграфныхъ переводовъ въ золотой валютѣ и по покупкѣ и продажѣ монеты и банкнотъ въ золотой валютѣ различныхъ странъ. Маклерскій куртажъ компрадора по спеціальнымъ сдѣлкамъ долженъ быть опредѣленъ до заключенія сдѣлки.

Обычное явленіе, однако, что компрадоръ получаетъ въ дѣйствительности больше, чѣмъ, предусматривается размѣрами его жалованія и куртажа. Положеніе его въ банкѣ настолько вліятельно по отношенію къ китайскому дѣловому міру, что у него имѣется много случаевъ заработать въ свою пользу—случаевъ, которые можно считать вполнѣ законными. Поэтому, если онъ уменъ, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ работы въ банкѣ становится богатымъ человѣкомъ, хотя по справедливости надо сказать, что вѣдь и банкъ обязанъ ему своею прибыльною, благодаря его связямъ, работой.

Обязанности компрадора могутъ быть опредѣлены слѣдующимъ образомъ: заключать сдѣлки за счетъ банка; искать кліентовъ для банка; вести всѣ операціи съ монетой, какъ-то: получать и выплачивать монету и принимать къ учету чеки, переводы и векселя; преподавать банку совѣты въ отношеніи условій мѣстнаго рынка; собирать для банка свѣдѣнія о торговлѣ, рекомендовать китайскихъ служащихъ банка, наблюдать за ними и выступать поручителемъ за нихъ.

За исключеніемъ операцій, производимыхъ съ китайскимъ правительствомъ, компрадоръ считается отвѣтственнымъ за всякія сдѣлки, совершаемыя черезъ него съ китайскими людьми.

При выдачѣ, напр., ссуды китайскимъ фирмамъ или частнымъ лицамъ, компрадоръ долженъ завѣрять условія ссуды или расписку; при покупкѣ китайцами простыхъ или телеграфныхъ переводовъ компрадоръ долженъ поручиться за уплату и своевременность уплаты ими,

Чтобы вести дѣла безъ замедленія, компрадоръ является передъ банкомъ поручителемъ на общую сумму, которая превышаетъ размѣры его обезпеченія: размѣры предоставляемаго ему въ этомъ смыслѣ кредита зависятъ конечно, отъ довѣрія банка къ порядочности компрадора.

Обычно компрадоръ долженъ держать въ составѣ своихъ служащихъ: помощника компрадора, который замѣщаетъ его во

время его отсутствія, но который не несеть отвѣтственности, отстающейся на компрадорѣ; освѣдомителя о рынкѣ, который, по указаніямъ банка, даваемымъ через компрадора, устраиваетъ дѣла для банка на рынкѣ, добываетъ свѣдѣнія о состояніи китайскихъ фирмъ для опредѣленія ихъ кредитоспособности и держитъ банкъ въ курсѣ новостей по части торговли и мѣстнаго рынка; эксперта по серебру, который изслѣдуетъ чистоту и вѣсъ слитковъ (sysee), значительное количество каковыхъ въ ходу въ торговомъ оборотѣ Китая, въ случаѣ операцій банка съ серебромъ; одного или двухъ бухгалтеровъ для веденія компрадорскихъ книгъ; нѣсколько шрофовъ, черезъ руки которыхъ должны проходить деньги при полученіи и выплатѣ, дабы поддѣльныя могли быть быстро обнаружены и дабы различные серебряные доллара, обращающіеся на рынкѣ (нѣкоторые съ небольшой разницею между собою въ размѣнной стоимости), могли быть реализованы съ наибольшей выгодой; и нѣсколько артельщиковъ, которые считаютъ деньги, отвѣчаютъ за исправную выплату денегъ кліентамъ внѣ банка и собираютъ должныя банку деньги внѣ стѣнъ банка съ кліентовъ и съ другихъ банковъ. Въ общемъ, жалованье этихъ подчиненныхъ не превышаетъ, вѣроятно, въ совокупности 300 мексиканскихъ долларовъ (216 лановъ) въ мѣсяцъ. Автору извѣстно, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ банкъ, по особому соглашенію съ компрадоромъ, выплачиваетъ жалованье штату компрадора. Обычная практика въ Китаѣ, однако—это, чтобы компрадоръ оплачивалъ свой штатъ изъ своего собственнаго вознагражденія. Обычно компрадоръ держитъ одного или нѣсколькихъ учениковъ, сыновей своихъ родственниковъ или пріятелей, которымъ онъ даетъ столъ, а когда они становятся дѣйствительно полезными, платитъ и какое-нибудь маленькое жалованье.

Компрадоръ обыкновенной иностранной импортной фирмы получаетъ жалованья около 150 лановъ въ мѣсяцъ и долженъ имѣть туземнаго бухгалтера и шрофа. Его контрактъ предоставляетъ ему обычно полъ—процента комиссіонныхъ по всѣмъ совершеннымъ сдѣлкамъ изъ расчета продажной цѣны на мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда объемъ дѣятельности великъ, комиссія компрадора выражается лишь въ одной четверти процента. Какъ и банковскій компрадоръ, торговый компрадоръ долженъ ручаться за китайскихъ кліентовъ фирмы, давать фирмѣ совѣты о положеніи мѣстнаго рынка, содѣйствовать привлеченію дѣлъ въ фирму и вообще дѣйствовать, какъ посредникъ и китайскій управляющій отъ имени фирмы въ ея сношеніяхъ съ китайскимъ дѣловымъ міромъ. Фирма можетъ держать, кромѣ него, и продавцовъ, но эти послѣдніе должны работать въ согласіи съ компрадоромъ: иначе была бы путаница. Во многихъ случаяхъ компрадоръ самъ нанимаетъ туземныхъ продавцовъ и отвѣчаетъ за нихъ.

Чѣмъ дольше фирма работала въ Китаѣ, тѣмъ меньше она должна зависѣть отъ компрадора. Въ фактѣ зависимости отъ компрадора заключается одна крупная невыгода для банка. Компрадоръ культивируетъ извѣстную кліентуру, кругъ друзей, такъ сказать, и очень часто ограничиваетъ свою дѣятельность этимъ кругомъ, отстраняя отъ дѣлъ съ фирмой людей, стоящихъ внѣ его. Банковскій компрадоръ, напр., часто совершаетъ операціи банка только среди китайцевъ, которымъ оказываетъ предпочтеніе, какъ своимъ пріятелямъ, и исключаетъ лицъ, стоящихъ внѣ избранной имъ группы. Легко понять выгоды, которыя такая политика можетъ имѣть для компрадора, и невыгоды, которыя она можетъ принести банку.

Въ первые годы иностранной торговли въ Китаѣ иностранцы всецѣло зависѣли отъ компрадоровъ, но барыши были въ тѣ дни такъ велики, что и иностранный управляющій, и компрадоръ могли, по истеченіи немногихъ сравнительно лѣтъ, удалиться на покой. Такъ какъ міръ торговли становится тѣснѣе, вслѣдствіи усовершенствованныхъ способовъ передвиженія, общаго увеличенія познаній въ области всемірной географіи, лучшаго ознакомленія при помощи путешествій и изученія народами Востока и Запада другъ друга и взаимныхъ странъ, соревнованіе становится острѣе, и причины, дѣлавшія раньше компрадора необходимымъ факторомъ въ сношеніяхъ иностранцевъ съ китайцами, начинаютъ терять свое значеніе. Нѣкоторыя иностранныя фирмы въ Китаѣ хвалятся теперь, что онѣ способны обходиться безъ компрадоровъ. Оказывается, однако, что эти фирмы держатъ китайскихъ служащихъ, которыхъ онѣ именуютъ шрофами и туземными продавцами и которые во всѣхъ отношеніяхъ—тѣ же компрадоры. Компрадоръ, какъ понятіе, нынѣ существующее, или, лучше сказать, какъ существовавшее 20 лѣтъ тому назадъ, переходитъ въ туземнаго продавца, довѣреннаго, помощника управляющаго, по мѣрѣ того, какъ въ странѣ развивается новый порядокъ дѣлъ. Все больше и больше китайцевъ начинаетъ говорить по-англійски, и все больше иностранцевъ

говоритъ по-китайски. Поэтому и больше довѣрія можно питать къ хорошо обученному китайскому составу служащихъ.

Старая система компрадоровъ открываетъ обширное поле для злоупотребленій. Авторъ слышалъ о многихъ случаяхъ, когда компрадоры заработали больше, чѣмъ фирмы, которыя они представляли. Съ другой стороны, какъ отмѣчаетъ г. Тоннъ, иностранные авантюристы воспользовались довѣрчивостью компрадоровъ и въ нѣсколькихъ случаяхъ надули и обобрали ихъ. Въ настоящее время, однако, компрадоръ—все еще необходимый элементъ иностранной торговли въ Китаѣ. Онъ достоинъ довѣрія, которое ему оказываютъ, и способенъ развиться въ важный факторъ при новѣйшемъ порядкѣ вещей, который непремѣнно войдетъ въ торговый обиходъ страны. Какъ его ни называть, въ иностранной торговлѣ новаго Китая онъ будетъ еще болѣе крупной величиной, чѣмъ былъ компрадоръ въ иностранной торговлѣ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Если бы американскій дѣловой человѣкъ хотѣлъ преуспѣть здѣсь, онъ долженъ бы былъ скорѣе работать съ компрадоромъ, чѣмъ безъ него, использовать его услуги, изучить его самого и его способы и научить его понимать американскую манеру торговли,—словомъ, образовать составъ отвѣтственныхъ китайскихъ служащихъ, поставленныхъ подъ начало отвѣтственнаго китайскаго главы.

Библіографія.

Всеволодъ Ивановъ. Въ гражданской войнѣ (изъ записокъ омскаго журналиста). Харб. 1921 г. Стр. 137, цѣна 1 іена.

Небольшая книжка Иванова читается съ большимъ интересомъ и оставляетъ сильное впечатлѣніе. Авторъ отличается большою наблюдательностью. Исключительная эпоха (періодъ катастрофы Омска и ледяного похода), описываемая, по непосредственнымъ переживаніямъ, оставила въ душѣ автора глубокія борозды, и, какъ человѣкъ чуткій и умный, онъ сумѣлъ передать свои впечатлѣнія и мысли не шаблонно.

Онъ не подражаетъ поверхностнымъ журналистамъ въ ихъ отношеніи къ Омску, въ которомъ видятъ обыкновенно только однихъ слабыхъ и неопытныхъ людей, преувеличивая роль личностей и упуская изъ поля зрѣнія глубокіе процессы психологіи и мысли.

„Омскъ", говоритъ авторъ, „не такой, какимъ онъ былъ въ лѣтописяхъ злопамятныхъ, все критикующихъ людей, а такой, какимъ онъ долженъ быть, Омскъ, сходившій, какъ нѣкая опредѣленная власть, на освобождаемые города, со своими активными бойцами, со своимъ офицерствомъ, своимъ солдатствомъ, честными мобилизаціями интеллигенціи—такой Омскъ не изжитъ, да и не можетъ быть изжитъ, его время—впереди, не какъ, конечно, географическаго центра, а какъ комплекта морально-политическихъ чаяній и понятій".

Совершенно правильно характеризуетъ Ивановъ настроенія городскихъ центровъ Сибири.

„Въ разселеніи бѣженцевъ изъ Урала и Поволжья по Великой Сибирской магистрали, несомнѣнно, можно было усмотрѣть нѣкій законъ. Все государственно-мыслящее осаждалось въ Омскѣ, въ порядкѣ постепенности прибытія. Вотъ почему бразды правленія и въ правительствѣ и въ общественности приняли по преимуществу Казань, Самара, чуть Пермь. Все спекулятивно, торгово мыслящее предпочитало Ново-Николаевскъ. Солидные, тихіе люди тянули на Томскъ, въ тайгу, а все будирующее, протестующее и семитически страстное скапливалось или въ Иркутскѣ съ оттѣнкомъ политическимъ, либо въ Харбинѣ—съ ньюансомъ спекулятивнымъ".

Повѣствовательная часть книжки начинается съ момента, когда настроенія омскаго служилаго элемента опредѣлялись тремя формулами: „1) эвакуаціонныя, 2) ликвидаціонныя, 3) очереди отъѣзда;" когда строились „предмостныя укрѣпленія" передъ Омскомъ, которыя свелись къ нѣсколькимъ окопамъ „съ колѣна, безъ проволочныхъ загражденій, безъ прикрытій, безо всего"; когда была создана „омская группа", сформированіе которой выразилось назначеніемъ одного офицера на должность „начальника военно-цензурнаго отдѣленія омской группы".

Очень живо описываются послѣднія минуты Омска, изъ котораго г. Ивановъ выѣхалъ уже подъ стрѣльбу пулеметовъ, потомъ путь по линіи, ужасный путь съ „поѣздами мертвыхъ".

Свирѣпствовалъ тифъ.

„Число мертвецовъ въ вагонахъ росло. Ихъ складывали на площадкѣ вагоновъ, и при проходѣ по загаженнымъ путямъ то и дѣло было видно, какъ торчали съ площадокъ недвижныя восковыя и бѣлыя, какъ бумага, ноги мертвецовъ, съ которыхъ проходившіе живые равнодушно стащили сапоги и валенки."

„Потомъ, съ увеличеніемъ числа мертвецовъ, имъ стали отводить цѣлые вагоны. Я видѣлъ, какъ на какой-то станціи трупы хладнокровно выбрасывались изъ такого вагона на сани. Трупы промерзли и отъ ударовъ объ дровни, какъ фарфоровые, отлетали пальцы и кисти рукъ, и оставались лежать среди рельсъ"...

Интересны кое-какія детали относительно „переворотовъ" въ пользу земствъ и роли братьевъ Пепеляевыхъ.

Въ высшей степени интересно сообще-

ніе относительно телеграммы полковника Кононова, нач. штаба генерала Пепеляева, полковнику Ивакину, въ которой ему предлагалось поддержать въ глазахъ общественности ген. Пепеляева, но на время не болѣе двухъ, трехъ дней, потому что тотъ стоялъ на точкѣ зрѣнія и одолженія гражданской войны, съ чѣмъ не согласна партія эсеровъ, отстаивающая необходимость демократическаго мира."

Полковникъ Кононовъ былъ, между прочимъ, кандидатомъ въ военные министры. Его намѣчалъ на этотъ постъ премьеръ Пепеляевъ. Такъ играли эсеры довѣрчивыми „братьями-разбойниками".

Какъ въ кинематографѣ, проходитъ затѣмъ паденіе Томска, измѣна Зиневича, безсмертные чехи съ гитарами, не подпускающіе къ станціямъ вооруженныхъ русскихъ, чехи, взрывающіе „мосты, стрѣлки, водокачки" ровно на восемьдесятъ верстъ отъ Нижнеудинска, въ виду того, что красные нарушили „соглашеніе" и приблизились больше, чѣмъ на восемьдесятъ верстъ, наконецъ, трагическій Иркутскъ, переходъ черезъ Байкалъ, Чита.

„Любители историческихъ параллелей, историческихъ аналогій дѣлаютъ выводы. Будетъ нѣкогда день—и возстанетъ великая Троя"...

Но поистинѣ холодное сердце нужно имѣть, чтобы, сидя на берегу адскаго огненнаго моря, спокойно ждать погоды, спокойно констатировать неизбѣжность и закономѣрность историческаго процесса.

Книги, посвященныя минувшимъ днямъ, дополняютъ одна другую. Капитальный трудъ Гинса „Сибирь, союзники и Колчакъ", оба тома котораго уже появились, могутъ, конечно, задавить собою маленькую книжку Иванова. Но ее стоитъ прочесть и послѣ большого труда—она его дополняетъ.

Сн-въ.

А. П. Георгіевскій. Славянскій вопросъ. Историко-литературный очеркъ. Отд. оттискъ изъ Уч. Зап. ист.-фил. факультета Гос. Дальневосточнаго Университета. Томъ 11, полутомъ 1, 95 стр.

Трудъ проф. Георгіевскаго разбитъ на нѣсколько выпусковъ. Настоящая книга обнимаетъ собою три первыя главы: изъ исторіи славянства, славянскій вопросъ въ литературахъ славянскихъ народовъ и въ міровоззрѣніи декабристовъ, за которыми должно послѣдовать изслѣдованіе воззрѣній славянофиловъ и западниковъ, взаимоотношеній Россіи и Европы, постановка славянскаго вопроса въ литературѣ конца XIX вѣка и начала XX вѣка и, наконецъ, въ качествѣ вывода—общихъ проблемъ славянства. Общая задача труда „объединить въ одно цѣлое все, то, что было высказано по славянскому вопросу въ разное время какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми теченіями. Эта задача является чрезвычайно интересной потому, что подобный опытъ оказывается едва ли не первымъ: славянскій вопросъ, богатый монографической литературой, почти не имѣетъ общихъ обзоровъ и сводныхъ историко-литературныхъ изложеній.

Авторъ начинаетъ свой трудъ съ исторіи вопроса; очертивъ вкратцѣ споръ славянской и норманской школъ (откуда пошло славянство), приводитъ насъ къ выводу новѣйшихъ изслѣдованій, что подлинной родиной славянства является территорія Карпатскаго подгорія, а основнымъ народомъ — поляки, о которыхъ только можно сказать, что они „сидятъ съ незапамятныхъ временъ на одномъ и томъ же мѣстѣ между Одрою, Карпатскими горами и моремъ, и что они наименѣе отошли отъ своей колыбели".

Исторія славянства характерна послѣдовательнымъ возникновеніемъ и паденіемъ отдѣльныхъ небольшихъ государствъ и постояннымъ стремленіемъ славянскихъ патріотовъ объединить и слить воедино это множество политическихъ и этнографическихъ фрагментовъ. Въ X и XIII вѣкѣ подобныя попытки были сдѣланы Болгаріей, въ XIV вѣкѣ роль объединительницы переходитъ къ Сербіи; въ XV вѣкѣ изъ славянскихъ государствъ особенно выдѣляется Чехія со своими національными героями, Яномъ Гусомъ и Яномъ Жижкой, а послѣ Ганнебергской и Грюнвальдской побѣдъ міровой славянской державой становится Польша. Наиболѣе мощная славянская держава, Россія, не выполнила въ отношеніи славянскаго вопроса своихъ историческихъ обязательствъ. Антагонизмъ и разобщенность славянскихъ государствъ съ Москвой, съ одной стороны, и ненавистный для славянофиловъ характеръ политики Петербургскаго періода—съ другой, даютъ поводъ автору высказать очень строгій приговоръ Россіи, для болѣе прочнаго обоснованія котораго потребовалась бы еще большая работа. Переходя, затѣмъ, къ чисто литературной части своего изслѣдованія,

проф. Георгіевскій даетъ краткій обзоръ древнихъ памятниковъ болгарской, польской и чешской литературъ, останавливается болѣе подробно на тѣхъ произведеніяхъ русской литературы, которыя занимались такъ или иначе славянскимъ вопросомъ, чтобы затѣмъ перейти къ подробному изложенію и обзору новыхъ славянскихъ литературъ. Эта часть очерка представляетъ собою большой интересъ, ибо такія имена, какъ Обрадовичъ, Вукъ Караджичъ, Бранко Радичевичъ, Змай („величайшій сербскій поэтъ"), Іово Иличъ („лучшій представитель сербскаго народа") и др.—совершенно неизвѣстны русскому обществу. Параллельно съ исторіей памятниковъ идетъ обзоръ дѣятельности славянскихъ кружковъ и обществъ и т. п.

Послѣдняя глава этого выпуска посвящена міровоззрѣнію декабристовъ. Политическій переворотъ въ Россіи являлся въ ихъ идеологіи только средствомъ къ осуществленію болѣе общей задачи, „къ освобожденію всѣхъ славянскихъ народовъ и къ объединенію ихъ на почвѣ федераціи. „Недаромъ же слѣдственная коммиссія называла общество „польскимъ" и выражала догадки о „молдавскомъ князѣ, его основавшемъ". Дѣйствительно, сочувствіе къ угнетаемымъ славянскимъ народамъ играло у декабристовъ едва ли не большую роль, чѣмъ ненависть къ самодержавію, которое было только формой угнетенія. Съ этой точки зрѣнія, чрезвычайно показательны не только политическіе планы и программы, но и тѣ политическіе памятники (Раевскій, Рылѣевъ), на которыхъ авторъ подробно останавливается. Книгу профессора Георгіевскаго нельзя не привѣтствовать, какъ вдумчивое, любовное и сердечное изслѣдованіе по вопросу, о которомъ извѣстно очень мало. Національному самолюбію иногда бываетъ трудно примириться съ выводами автора, но, знакомясь съ этимъ трудомъ, мы должны имѣть въ умѣ, что цѣлью науки является не критиковать, не хвалить, не порицать, но констатировать объясненія и понимать.

В. Э.

Ученыя записки историко-филологическаго факультета Государственнаго Дальневосточнаго Университета. Томъ II, полутомъ I; съ приложеніемъ отдѣльной книги (Старославянскій языкъ), палеографическія таблицы.

Настоящій томъ ученыхъ записокъ Университета носитъ нѣсколько смѣшанный характеръ. Большинство статей— вступительныя лекціи новыхъ преподавателей. Вслѣдствіе этого, онѣ не велики и носятъ скорѣе программный характеръ. Книга начинается некрологомъ Андрея Михайловича Гнѣвушева, профессора исторія, умершаго черезъ полтора мѣсяца послѣ пріѣзда во Владивостокъ, но за это короткое время успѣвшаго снискать общую любовь какъ своихъ коллегъ, такъ и студенчества. Смерть А. М. Гнѣвушева, бывшаго большимъ архивнымъ изслѣдователемъ, автора нѣсколькихъ томовъ по исторіи смутнаго времени и экономическихъ условій древней Руси — большая потеря для науки.

Вступительная лекція А. П. Георгіевскаго „Русская литература предъ лицомъ науки и требованій жизни" разсматриваетъ литературу, какъ наиболѣе полное отображеніе духовной жизни народа. Вслѣдствіе этого, изучая исторически и сравнительно литературу, мы изучаемъ всю исторію народа въ ея наиболѣе концентрированомъ видѣ. Авторъ удѣляетъ большое вниманіе методологическимъ предпосылкамъ своей дисциплины заканчиваетъ лекцію подробнымъ указаніемъ на мессіанскій, общественный и моральный характеръ русской литературы, подлиннаго хранителя всѣхъ цѣнностей и величія русскаго духа.

Вступительная лекція къ курсу этики Л. А. Зандера посвящена обоснованію мысли, что наука о должномъ можетъ мыслиться только въ непосредственной связи съ наукой о единомъ. Пользуясь аппаратомъ современнаго научнаго познанія и, въ частности, неокантіанской идеологіи Л.А.Зандеръ,собственно говоря,доказываетъ и обосновываетъ связь этики съ религіей. Статья изобилуетъ поэтическими цитатами. Статья профессора Гребенщикова „Фонетика и экспериментальный методъ ея изученія" посвящена спеціальнымъ методологическимъ вопросамъ фонетики. Фонетика, одна изъ важнѣйшихъ частей языковѣдѣнія (другіе элементы его: морфологія—исторія развитія формъ словъ, семасіологія—изученіе значенія словъ, независимо отъ звукового состава, лексикологія—ученіе о движеніяхъ значенія), связанная внѣшними звуковыми проявленіями, непосредственно зависитъ отъ физіологическихъ данныхъ, почему и требуетъ экспериментальнаго метода разработки. Этимъ она рѣзко отличается отъ противоположныхъ ей по сво-

ей методологіи словесныхъ наукъ, приближаясь болѣе всего къ физіологіи и акустикѣ. Къ статьѣ приложена обширная библіографія (43 автора).

Статья прф. Ершова „Этическое ученіе Мальбранша" является дополненіемъ къ диссертаціи о томъ же мыслителѣ. Впрочемъ, эта статья имѣетъ и самостоятельное значеніе, ибо является очеркомъ этическаго построенія одного изъ тончайшихъ раціоналистовъ, сумѣвшаго соединить красоту мысли съ глубокимъ чувствомъ и освѣтить выводы разсудка свѣтомъ вѣры.

Въ концѣ книги приложенъ отчетъ о дѣятельности историко-филологическаго факультета за первый годъ его существованія, изъ котораго видно, какъ было положено начало той работѣ, которая, преодолѣвъ невѣроятныя трудности, закончилась преобразованіемъ трехъ высшихъ учебныхъ заведеній Владивостока въ государственный Дальневосточный Университетъ.

Чрезвычайную цѣнность составляетъ приложеніе, изданное отдѣльной книгой. Палеографическія таблицы, искусно подобранныя проф. Георгіевскимъ, изданы роскошно: большимъ форматомъ, на мѣловой бумагѣ съ сохраненіемъ всѣхъ нюансовъ подлинника. Приложеніе поступаетъ въ продажу и отдѣльно, дабы спеціалисты-филологи не были обременяемы посторонней ихъ интересамъ книгой.

Слѣдующій номеръ ученыхъ записокъ находится въ печати и долженъ выйти въ непродолжительномъ времени.

В. Э.

„Русскій Дальній Востокъ". Экономическій ежемѣсячникъ Ред.—изд. К. П. Лавровъ. Адресъ редакціи: Токіо, Хикава-чо-Аказака—ку.

Журналъ поставилъ себѣ цѣлью „посильное удовлетвореніе потребности въ свѣдѣніяхъ, посвященныхъ хозяйственной дѣятельности русскаго Дальняго Востока". Началъ выходить съ октября. Въ имѣющихся у насъ подъ руками первыхъ четырехъ книжкахъ, кромѣ довольно обильной хроники, помѣщены слѣдующія оригинальныя статьи:

По рыбному дѣлу:

В. К. Бражниковъ. Рыбная промышленность на Русскомъ Дальнемъ Востокѣ *Е. Ф. Лебедевъ.* Торговля Японіи русской горбушей. *К. Л.* Добровольный флотъ и рыбопромышленность на Камчаткѣ. *В. А. Скородумовъ.* О сельдяномъ рынкѣ сѣверной Кореи.

По горному дѣлу:

Э. Э, Анертъ. Общая характеристика рудныхъ мѣсторожденій Дальняго Востока. *В. П. Шмотинъ.* Добыча золота въ Россіи. *Онъ же.* Обзоръ горнопромышленности Пріамурскаго края.

По лѣсному и пушному дѣлу:

К. П. Лавровъ. Пушной и охотный про мыслы на Русскомъ Дальнемъ Востокѣ. *Т. Л. Гродецкій.* Лѣса Приморья. *А. Д. Лебедевъ.* Общее состояніе лѣсного хозяйства Приморской области.

По общимъ вопросамъ.

Н. П. Толмачевъ. Сѣверный морской путь. *А. Н. Криштофовичъ.* Что сдѣлано Россіей для изслѣдованія геологіи и нѣдръ Дальняго Востока.

Лишнее что-либо говорить о достоинствахъ этихъ статей, такъ какъ имена большинства авторовъ, признанныхъ спеціалистовъ своего дѣла, говорятъ сами за себя.

Журналъ выходитъ съ русскимъ и англійскимъ текстомъ. Хорошая бумага. Хорошія и довольно многочисленныя иллюстраціи.

Къ минусамъ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ отнести слишкомъ узкій спеціальный характеръ помѣщаемаго матеріала. Для широкой русской читающей публики, не имѣющей возможности знакомиться съ дальневосточными ежемѣсячниками на англійскомъ языкѣ, конечно, предоставляетъ большой интересъ знакомство съ общей экономической ситуаціей всего Дальняго Востока, т. е. сѣверныхъ побережій Великаго Океана. Слѣдовало бы, поэтому, ввести журнальный и экономическій обзоръ по всѣмъ вопросамъ, которые такъ или иначе задѣваютъ русскіе интересы. Да и въ области изученія спеціально русскихъ проблемъ, повидимому, не мѣшало бы раздвинуть рамки журнала, включивъ въ его реальную программу экономическую политику русскаго Дальняго Востока вообще и финансовые вопросы въ частности.

Но и въ настоящемъ своемъ видѣ журналъ очень интересенъ и полезенъ, особенно, если принять во вниманіе крайнюю поверхностность нашихъ знаній о своей родинѣ.

Цѣна (1 іена за книжку въ Японіи) должна быть признана крайне невысокой.

Е. Я.

Николай Костаревъ. „Idée fixe. *Трагедія человѣческихъ дерзаній.*" *Владивостокъ, 1920 г.*

Передъ вами—„idée fixe" (очевидно, автора), трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ, снабженная виньеткой художника Комарова, довольно тонкой работы, и строфами Бялика и самого Н. Костарева, причемъ послѣднія начинаются нѣсколько странными выраженіями:

„Есть страна гдѣ-то тамъ, въ бирюзовой дали,

Что вѣками мы къ ней, какъ къ желанной, все шли" и т. д.

Съ первой же страницы трагедіи видно, что написана она подъ сильнымъ вліяніемъ Л. Андреева, распространеннымъ и на мелочи. Въ „трагедіи" Костарева есть даже свой „Нѣкто въ сѣромъ" —Судьба, „нѣчто безформенное, безобразное, сросшееся съ тьмой и молчаніемъ кузницы, похожее на огромную сову"... И эта Судьба вѣщаетъ почти словами „Нѣкто въ сѣромъ":

„Молчаніе... Молчаніе... Молчаніе... Изъ тьмы вѣковъ—слушайте!—Вѣчности —пришла къ вамъ сказка жизни"...

Есть даже въ концѣ трагедіи и совсѣмъ андреевская фраза изъ „Жизни человѣка":

„Слушайте! Человѣкъ умеръ"...

Но—quod licet Jovi, non licet bovi, и „трагедія человѣческихъ дерзаній" Н. Костарева, не обладающаго и въ сотой долѣ творческимъ размахомъ Л. Андреева, представляетъ изъ себя лишь жалкую „комедію человѣческой дерзости", яркій образецъ большихъ и претенціозныхъ заданій и весьма малыхъ достиженій.

Неясность замысла, нагроможденіе совершенно никчемныхъ аксессуаровъ въ ходѣ дѣйствія, наивность и банальность символовъ и образовъ, взятыхъ, къ тому же, нерѣдко напрокатъ изъ различныхъ произведеній литературы, полное отсутствіе художественнаго чутья и убійственно безцвѣтный, убогій, нудный языкъ, съ большой дозой вульгарности—таковы отличительныя свойства „творенія" Н. Костарева, навѣвающаго, въ силу этого, при чтеніи изрядную скуку.

Вотъ, напримѣръ, образецъ разговора дѣйствующихъ лицъ (дѣйствіе 1):

Капитанъ. Кто здѣсь хозяинъ?

Молодой мастеръ. Я.. собственно...

Старый мастеръ. Хе-хе. Да... да...

Капитанъ. Это неважно. Мнѣ нужно знать, можете ли вы взяться отремонтировать румпель и т. д.

М. мастеръ. О, это мы можемъ.

Ст. мастеръ. Хе-хе. Да, мы это можемъ.

М. мастеръ. Надѣюсь, справимся.

Ст. мастеръ. Хе-хе. Мы справимся.

Фермеръ. Да-да. Они справятся.

На протяженіи нѣсколькихъ страницъ тянутся эти „хе-хе" и „да-да", долбящіе слухъ, какъ монотонныя капли осенняго дождя.

Частенько авторъ проявляетъ и самую откровенную безграмотность. У него „баронесса *ложитъ* цвѣты Марко"; „глубокая тоннель"; „большое горно въ кузницѣ"; „Марко входитъ *за руку* съ Анной"; „изъ-подъ пепла тамъ и здѣсь стали подыматься, какъ *колосы* (колоссы? колосья?) —они"... и т. д. Орфографія у Н. Костарева своя, особенная: „ми-леди", „дескать". Но зато Дѣвушка и Солнце съ большой буквы, и „ученыя" слова, вродѣ „монизмъ", попадаются—авторъ хочетъ „свою образованность показать"...

„Судьба" Н. Костарева тоже выражается нѣсколько страннымъ образомъ. Начиная свои тирады превыспреннимъ штилемъ, какъ и приличествуетъ столь высокой особѣ, она затѣмъ ударяется въ самый „рыночный" способъ выраженія: „пигмеи ковырялись въ стѣнахъ тоннеля"; „балки лопались"; „онъ вытрясетъ изъ васъ послѣдніе мозги" и т. п.

Не надѣясь, должно быть, на понятливость читателей, авторъ „трагедіи" всюду предпосылаетъ ремарки, ставитъ всѣ точки надъ і. „Послѣ поднятія занавѣса—долгая *жуткая* пауза"; судьба говоритъ „долго, *нудно,* протяжно" (пожалуй, упоминаніе о нудности излишне, уже это-то читателю ясно); пассажиры корабля „дилетантски обо всемъ разсуждаютъ"...

Все, однимъ словомъ, разжевано и положено въ ротъ читателю; остается лишь проглотить. Вотъ только напрасно Н. Костаревъ забылъ посвятить непонятливыхъ читателей въ тонкости кузнечнаго искусства—приходится имъ пребывать въ полномъ недоумѣніи, читая, напримѣръ, такія строки:

„Вотъ здѣсь планку на заклепки, да здѣсь поставите штыри.... А здѣсь будетъ надѣта мухта съ газовой рѣзьбой... Поставимъ холостыя планки на всѣ дуги и пройдемъ сплошь сквозными болтами"...

Совершенно непонятны введеныя для чего-то авторомъ превращенія пассажировъ корабля въ птицъ, а также фигура „Знатнаго Иностранца (съ большой буквы) съ двумя лакеями". Это ужъ сдѣлано, должно быть, по образцу армянскихъ загадокъ: чтобы не догадаться.

Догадаться объ идеѣ этого сумбурнаго

произведенія, дѣйствительно, довольно трудно. По всей вѣроятности, авторъ хотѣлъ противопоставить старому буржуазному міру — смѣнившій его новый міръ, освобождающійся рабовъ, „идущихъ къ Великому, Вѣчному Солнцу“... Этимъ Солнцемъ, кстати сказать, Н. Костаревъ безбожно злоупотребляетъ; чуть ли не на каждой страницѣ назойливо лѣзетъ въ глаза этотъ довольно затасканный символъ: „Къ Солнцу! Иди къ Солнцу! Онъ поведетъ васъ къ Солнцу! „Въ послѣдней картинѣ авторъ вводитъ даже „Интернаціоналъ“, который, поднимаясь до апогея, сливается съ бушующей стихіей огня, затопляя своими могучими звуками, какъ набатомъ, весь міръ“...

Если такова „idee fixe“ Н. Костарева, то, надо сознаться, трудно было придумать болѣе неудачное ея воплощеніе. Въ началѣ книги авторъ дѣлаетъ весьма оригинальное посвященіе, которое мы приводимъ цѣликомъ, съ сохраненіемъ разставленныхъ авторомъ знаковъ препинанія:

„Вамъ — смѣлымъ!
Павшимъ съ гордо поднятой безбожной головой,
Я кровью сердца мной написанную драму —
Изъ вашихъ ранъ души, изъ вашихъ дерзновеній, —
Сегодня пьяный я отъ дикаго веселья,
Хохочущій....
Вамъ, только вамъ, я отдаю ее и посвящаю“...

Невольно хочется спросить, прочтя эту напыщенную и безграмотную тираду: не написалъ ли и всю свою „драму“ Николай Костаревъ, „будучи пьянымъ отъ дикаго веселья?“

А. С-ва.

Б. В. Скворцовъ. Кормовыя растенія Маньчжуріи и русскаго Дальняго Востока, съ приложеніемъ русско-китайскаго словаря кормовыхъ травъ и продуктовъ. Изданіе Маньчжурско-Владивостокскаго района Монгольской экспедиціи по заготовкѣ мяса для дѣйствующихъ армій. Шанхай. 1920 г., стр. 59.

Въ настоящей работѣ, носящей спеціальный характеръ, научно описываются, по возможности, всѣ дикія и культурныя кормовыя растенія, встрѣчаемыя въ предѣлахъ Маньчжуріи, Амурскаго и Уссурійскаго края. При составленіи ея, авторомъ имѣлось въ виду дать не только краткое руководство къ опредѣленію мѣстныхъ кормовыхъ травъ, но и краткое пособіе по изученію мѣстной луговой растительности. Въ этой работѣ затѣмъ, также по возможности подробно, обращено вниманіе на вопросъ о травосѣяніи и на тѣ кормовыя травы, которыя приняты китайцами и корейцами. Работа эта также заключаетъ въ себѣ наблюденія автора надъ луговою растительностью Сѣверной Маньчжуріи, описаніе цѣлаго ряда мало извѣстныхъ китайскихъ культурныхъ бобовыхъ растеній и содержитъ рядъ наблюденій надъ развитіемъ мѣстной сорной растительности. При описаніи отдѣльныхъ растеній, авторъ имѣлъ въ виду дать ясную краткую характеристику ихъ, опредѣлить ихъ кормовое значеніе и по возможности химическій составъ. Болѣе подробно онъ останавливается на описаніи и культурѣ злака „пайцзы“, масленичныхъ бобовъ и нѣкоторыхъ другихъ бобовыхъ растеній, имѣющихъ немаловажное значеніе въ мѣстной хозяйственной жизни. Въ общемъ, работу Б. В. Скворцова нельзя не признать цѣннымъ пособіемъ для лицъ, желающихъ ознакомиться съ природою описываемой авторомъ страны и хозяйствомъ населенія послѣдней.

П.

Новыя книги.

Л. Н. Толстой. Дѣтство Изд. И. П. Ладыжникова. Берлинъ, 1920 годъ. Цѣна 25 марокъ въ переплетѣ.

Изящно изданный томъ, въ объемѣ (560 стр., въ который вошли кромѣ „Дѣтства. отрочества и юности“, еще „Первыя воспоминанія“. „Воспоминанія дѣтства“ и „Утро помѣщика“. Въ симпатичномъ картонажномъ переплетѣ стоитъ всего 25 марокъ, т. е. менѣе одной іены. Въ Харбинѣ эта книга продается по 2 іены 70 сенъ и дороже. Очевидно, есть возможность насытить рынокъ гораздо болѣе дешевою книгою. Издательство Ладыжникова задалось цѣлью возсоздать „Русскую библіотеку“. Оно издало уже Л. Толстого, Тургенева, Гончарова, Чехова, Достоевскаго,

Гоголя, Пушкина и не останавливается на этомъ, продолжая развивать издательство. Имя фирмы говоритъ о качествахъ изданій, и надо пожелать ей успѣха въ культурной работѣ.

Сн.

Александръ Гаркави. Учебникъ англійскаго языка. Шанхай, 1921 г. Цѣна 2 серебряныхъ доллара.

Гаркави—авторъ ряда руководствъ и справочниковъ для изученія англійскаго языка и корреспонденціи. Имъ составленъ также англо-еврейскій словарь.

Такимъ образомъ, учебникъ принадлежитъ не новичку. И, дѣйствительно, онъ очень не дуренъ. Подборъ словъ сдѣланъ умѣло. Произношенія указаны (русскими буквами) грамотно. Въ примѣрахъ для перевода съ русскаго на англійскій помѣщены указанія на правильный переводъ. Такимъ образомъ, учебникъ этотъ позволяетъ лицамъ, не имѣющимъ возможности заниматься съ преподавателемъ, обойтись и безъ него. Этотъ учебникъ можетъ быть самоучителемъ, но онъ совершенно не походитъ на тѣ дорогіе и безграмотные самоучители, которые имѣются на нашемъ рынкѣ.

Достоинствомъ изданія является также его дешевизна, по сравненію съ другими учебниками. Внѣшняя сторона изданія прекрасна. Хорошая бумага, отчетливый шрифтъ, прочная брошюровка.

Сн.

„*Солнышко.*" №2, 15-го мая 1921 года. Владивостокъ. Цѣна 60 копѣекъ.

Дѣти нуждаются въ книжкѣ. Ея здѣсь мало. Первые опыты изданія дѣтскихъ журналовъ пока мало удачны, но очень симпатичны. „Солнышко" расчитано на подростковъ. Они, просмотрѣвъ этотъ журналъ, сохранятъ въ себѣ нѣсколько лучей свѣта и тепла. Изданіе заслуживаетъ поддержки и, несомнѣнно, можетъ завоевать себѣ будущность.

Сн.

Отъ редакціи.

Предполагая широко поставить въ журналѣ отдѣлъ библіографіи и литературныхъ обзоровъ, редакція обращается ко всѣмъ издателямъ и авторамъ съ просьбою присылать новыя книги для отзыва. Помимо рецензій, въ журналѣ будетъ также печататься списокъ присланныхъ для отзыва книгъ съ указаніемъ цѣны, мѣста изданія и краткаго содержанія.

Редакція предлагаетъ также всѣмъ издательствамъ посредничество по распространенію ихъ изданій, какъ въ обмѣнъ на мѣстныя дальнѣвосточныя, такъ и на комиссіонныхъ началахъ.

Высылать изданія рекомендуется первоначально въ количествѣ 50-100 экземпляровъ для ознакомленія. Высылать можно заказною бандеролью на имя и на отвѣтственность редактора.

Политическій дневникъ.

Россія

Май 13. Москва. Арестованы по обвиненію въ организаціи возстаній противъ большевиковъ генералы Клембовскій, Гуторъ и Заіончковскій.

Дальній Востокъ.

Май 1. Токіо. Государственное совѣщаніе постановило войска изъ Южнаго Приморья не выводить.

Май 23. Никольскъ-Уссурійскій. Произошелъ безкровный переворотъ при участіи частей Дальневосточной арміи. Милиція въ значительной части добровольно перешла на сторону повстанцевъ. Японцы держались нейтрально. Начальникъ гарнизона ген. Смолинъ установилъ связь съ общественными кругами.

Май 26. Владивостокъ. Движеніе, начатое въ Никольскѣ, охватило и Владивостокъ, охрана котораго перешла въ руки національно-революціоннаго Комитета, возглавленнаго ген. Лебедевымъ. Часть арестованныхъ коммунистовъ отправлена за предѣлы Приморья.

Май 24. Харбинъ. Подъ предсѣдательствомъ С. В. Востротина состоялось частное совѣщаніе членовъ партіи Народной Свободы. Въ резолюціи исключается надежда на мирное изживаніе большевизма.

Май 27. Владивостокъ. Состоялось первое совѣщаніе Временнаго Пріамурскаго правительства въ составѣ двухъ Меркуловыхъ, Макаревича, Еремѣева и Андерсона, при управляющемъ дѣлами Рудневѣ. Правительство утвердило генерала Вержбицкаго въ качествѣ командующаго арміей. Коммунисты Антоновъ и Цейтлинъ обратились за покровительствомъ къ японцамъ.

Май 21. Урга. Барономъ Унгерномъ изданъ приказъ о безпощадной борьбѣ съ большевизмомъ и о полномъ подчиненіи атаману Семенову.

Май 24. Портъ-Артуръ. Представители Національнаго Эк. союза Шишкановъ и Берсеневъ пришли къ соглашенію съ атаманомъ Семеновымъ относительно совмѣстной работы противъ большевизма.

Май 31. Владивостокъ. Правительство распустило Народное Собраніе и на 17 іюля объявило созывъ новаго.

Іюнь 3. Владивостокъ. На пароходѣ „Кіодо-Мару" прибылъ изъ Портъ-Артура атаманъ Семеновъ, несмотря на полученныя въ дорогѣ телеграммы правительства о нежелательности его пріѣзда во Владивостокъ.

Іюнь 3. Владивостокъ. Арестованы: представитель атамана Семенова, членъ Государственной думы С. А. Таскинъ и члены Національнаго Эк. союза Берсеневъ, Шишкановъ и Улитинъ.

Іюнь 10. Владивостокъ. Общеказачья конференція, избравшая атамана Семенова въ маѣ походнымъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, неожиданно постановила просить его временно покинуть Приморье.

Іюнь 16. Владивостокъ. Въ Общедоступномъ театрѣ состоялось открытіе 2 сессіи несоціалистическаго съѣзда. Въ президіумъ избраны Артемьевъ, кн. Крапоткинъ, Миролюбовъ и Ходоковъ.

Іюнь 25. Съѣздъ закрылся, выдѣливъ изъ себя совѣтъ въ составѣ Андрушкевича, кн. Крапоткина, Зибзѣева, Лохвицкаго, Густова, Подгорбунскаго и Лихойдова. Неоднократныя попытки возобновить переговоры между Пріамурскимъ правительствомъ и атаманомъ Семеновымъ закончились полнымъ разрывомъ.

Іюнь 26. Несмотря на противодѣйствіе правительства, атаманъ Семеновъ отбылъ изъ Владивостока въ Гродеково, куда прибылъ 27-го, сдѣлавъ по пути въ Никольскѣ смотръ войскамъ.

Во Владивостокѣ произведено свыше 60 арестовъ изъ числа депутатовъ несосъѣзда и дѣятелей, поддерживающихъ атамана Семенова. Въ числѣ арестованныхъ — Таскинъ, генералъ Толмачевъ, генералъ Глѣбовъ и др.

Европа.

Май 16. Италія. Новые выборы дали большинство въ парламентѣ членамъ правительственной партіи, на второмъ мѣстѣ соціалисты, далѣе народная партія и, наконецъ, коммунисты.

Май 17. Италія. Между Италіей и турецкими націоналистами заключенъ тайный договоръ, нарушающій основы Севрскаго соглашенія, что вызвало протесты прочихъ союзниковъ.

Май 21. Германія. Утвержденъ германо-китайскій торговый договоръ безъ предоставленія германцамъ права экстерриторіальности.

Май 24. Берлинъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ докторъ Розенъ, представитель Германіи въ Гаагѣ.

Май 24. Силезія. Бои между германцами и отрядами Корфанти достигаютъ большого напряженія и вызываютъ къ себѣ усиленный интересъ въ международныхъ кругахъ.

Май 26. Парижъ. Состоялось засѣданіе центральнаго комитета партіи народной свободы, при участіи Милюкова, Петрункевича, Набокова, Родичева и др. Вынесена резолюція, осуждающая позицію Милюкова.

Май 29. Берлинъ. Согласно требованіямъ союзниковъ, германское правительство отправило въ комиссію по возмѣщенію убытковъ 1 милл. золотыхъ марокъ.

Іюнь 27. Греція. Послѣ упорнаго сопротивленія, греческія войска разбиты турецкими, которыя вступили въ Исмидитъ.

Іюль 1. Парижъ. Открылся съѣздъ Національнаго Объединенія Россіи. Въ качествѣ исполнительнаго органа, учрежденъ Національный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Карташева, при товарищахъ предсѣдателя Бурцевѣ, Набоковѣ и кн. Павлѣ Долгоруковѣ. Членами комитета для Дальняго Востока избраны С. В. Востротинъ и кн. Куракинъ.

Издатель—Дальневосточная лига свободы и правъ человѣка.

Редакторъ Г. К. Гинсъ.

„Русское Обозрѣніе“.

СОДЕРЖАНІЕ *декабрьскаго* номера.

Четыре сына Евы. Разск. Бласко Ибаньеса. Идеальный и реальный человѣкъ въ гражданскомъ правѣ. Ст. Г. К. Гинса. Горитъ Москва. Драм. эскизъ А. П. Нилусъ. Побѣгъ. Пов. А. Герасимова. Странствующая красота. Леонида Астахова. Царевна-Сибирь. Стих. А. Герасимова. Воспоминанія. П. В. Вологодскаго. Золотой драконъ. Разск. Митчинера. Возстаніе поляковъ за Байкаломъ. Ст. А. Н. Серебренниковой. Хезенъ Кинчъ. Разск. Вилліамса. Миссія Вандерлипа въ Японію. Съ англ. Портландскій цементъ. Разск. Ватранцева. Памяти Потанина. Ст. И. И. Серебренникова. Любовь молодости. Разск. Франса Серьеса. Константинопольскій калейдоскопъ. Изъ америк. журналовъ. Ледяной походъ. Ст. капитана К. Китайскій богъ. Разск. Л. Никитина. Теорія потребностей. Ст. М. В. Абросимова. Русскіе интересы въ Китаѣ. Ст. Г. К. Гинса. Новый президентъ С. Ш. Америки. Ст. Е. Х. Отецъ. Сонетъ В. С. Иванова. На Дальнемъ Востокѣ (политическій обзоръ). Ст. Г. К. Гинса и Обозрѣвателя. Международныя отношенія. Финансы, промышленность и торговля. Рабочій вопросъ. Библіографія. Политическій дневникъ.

Цѣна 3 съ полов. іена.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Пекина, Тяньцзина, Шанхая и Харбина.

СОДЕРЖАНІЕ *январь-февральскаго номера.*

Елка. Стих. А. Нилусъ. Сила земли. Ром. Л. Никитина. Китай и дальневосточныя перспективы. Ст. П. Шкуркина. Рецепты спасенія. Ст. Г. Гинса. Рахиль. Пов. Каринъ Михаэлисъ. Современная Германія. Ст. изъ нѣмецк. журналовъ. Хунхузы. Разск. П. Никрукшъ. Амииръ. Стих. Вс. Иванова. Эринніи прошлаго. Разск. А. Жернаковой. Волкъ таежный. Стих. А. Герасимова. Паденіе стоимости серебра. Ст. А. Скерстъ. Къ событіямъ въ Монголіи. Ст. Ургинскаго. Гортензія. Стих. А. Нилусъ. Наука очаровывать. Повѣсть Алисы Миллеръ. Изъ Гейне. Стих. А. Нилусъ. Характерная черта міровоззрѣнія Л. Н. Толстого. Очеркъ Г. Гинса. Л. Н. Толстой, какъ философъ. Статья Н. Стрѣлкова. Соціальный контроль надъ хозяйственной дѣятельностью. Ст. П. Петрова. Въ совѣтской Россіи. Письмо изъ Иркутска. Очерки П. Лидина. Международныя отношенія. Финансы, промышленность и торговля. Библіографія. Политическій дневникъ.

Цѣна 2 іена и 75 сенъ.

СОДЕРЖАНІЕ *мартъ-апрѣльскаго* номера.

Аврора. Поэма Георгія Маслова. Геометрія. Стихотвореніе Вс. Иванова. Сила земли. Романъ Л. Никитина (продолженіе). Святая Русь. Стихотвореніе М. Волошина. Стихи о Россіи Е. Яшнова. Наука очаровывать. Повѣсть А. Миллеръ (окончаніе). Като Сайемонъ. Повѣсть Г. фонъ-Гойера. Цвѣтеніе лотоса. Стихотвореніе Ю. Галича. Рахиль. Повѣсть Каринъ Михаэлисъ (продолженіе). Китежъ. Стихотвореніе Максимиліана Волошина. Міровая соціальная проблема. Е. Яшнова. Морализація капитала. Маркиза Окума. Чрезвычайно убыточныя соглашенія и договорная справедливость. М. Э. Гильчера. Предразсудки ложнаго демократизма. Промышленность Амурско-Приморской окраины. Инж. А. Савицкаго. Борьба съ большевиками въ Туркестанѣ. А. И. Соколова. Контуры международной политики. Г. К. Гинсъ. На Дальнемъ Востокѣ: Экономическая политика ДВР. Военная мощь ДВР. Экономика совѣтскаго Прибайкалья. Японцы на Сахалинѣ. Политическій обзоръ (Событія въ Россіи. Поворотъ экономической политики. Торговый договоръ съ Англіей. Углубленіе безправія русскихъ въ Китаѣ) Обозрѣвателя. Библіографія. Н. И. Петровъ (некрологъ). Политическій дневникъ. **Цѣна 2 іена.**

Расцѣнка объявленій для „Русскаго Обозрѣнія“:

ОБЛОЖКА | 4 страница—80 іенъ. —½—50 іенъ.
| 3 „ —70 „ — „ —40 „

Впереди текста	1 стр.	—60 іенъ		Позади текста	1 стр.	—40 іенъ.
„ „	¾ »	—52 »		„ „	¾ »	—35 »
„ „	⅔ »	—45 »		„ „	⅔ »	—30 »
„ „	½ »	—38 »		„ „	½ »	—25 »
„ „	⅓ »	—27 »		„ „	⅓ »	—20 »
„ „	¼ »	—20 »		„ „	¼ »	—15 »
„ „	⅛ »	—10 »		„ „	⅛ »	— 8 »

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА

АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА

А. Лопато Сыновей

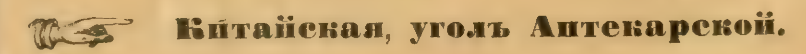
въ Харбинѣ.

Рекомендуетъ лучшія папиросы,

изготовленныя изъ

Русскихъ Сухумскихъ Табаковъ.

Т-во „Новый Магазинъ“



Отдѣлы:

МѢХОВОЙ

ГОТОВАГО ПЛАТЬЯ

АНГЛІЙСКОЙ МАНУФАКТУРЫ

ПОРТНОВСКАЯ И СКОРНЯЖНАЯ МАСТЕРСКІЯ

ВЫДѢЛКА СЫРЫХЪ МѢХОВЪ.

„Коммерческій Телеграфъ.“

Еженедѣльная газета, посвященная вопросамъ торговли, промышленности, финансовъ и транспорта.

Редакторъ Чиликинъ.

Адр. Китайская, 55. Подписка на 3 мѣс. 1—50 ена.

„Русское Обозрѣніе“.

БОЛЬШОЙ ЖУРНАЛЪ

Литературный, научный и политическій.

Подъ редакціей Г. К. ГИНСА.

Издатель—„Дальневосточная Лига свободы и правъ человѣка“.

Въ текущемъ году въ журналѣ печатаются: большой романъ изъ земской жизни предреволюціоннаго періода „Сила земли“—Л. Никитина; переводный романъ „Рахиль“—Каринъ Михаэлисъ; „ДомъВальтасара“—романъ Локка и рядъ разсказовъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, въ томъ числѣ „Мистеріи сатаны“—А. Жернаковой, разсказы П. В. Шкуркина (изъ серіи „Хунхузы“), поэтическія произведенія В. Иванова, А. Нилусъ, Г. Маслова, Е. Яшнова и др., литературные обзоры Вс. Иванова и Леонида Астахова, мемуары П. В. Вологодскаго, ген. М. К. Дитерихса, Г. К. Гинса и др.

Въ научномъ отдѣлѣ: статьи съ описаніемъ естественныхъ богатствъ и экономическихъ перспективъ Д. Востока (статьи инжен. Савицкаго), экономическія изслѣдованія доцента М. В. Абросимова, С. Крестовскаго, А. Соболева и Е. Яшнова, юридическія статьи проф. Г. К. Гинса, прис. повѣрен. М. Э. Гильчера, проф. В. В. Энгельфельда, очерки проф. Н. Макарова—„На пути къ кризису соціальнаго раціонализма“, проф. Рязановскаго—„Новый судъ“ (очеркъ совѣтскаго судебн. права), историко-философскіе очерки доц. Л. Зандера.

Обзоры международный, политическій, финансовый и торговый, библіографія.

Всего выйдетъ за годъ не менѣе 8-ми книгъ, объемомъ отъ 250 до 320 стр. каждая.

Подписная цѣна на годъ—15 іенъ: 8 іенъ при подпискѣ и 7 іенъ къ 1 августа. За границу Китая и Россіи—17 іенъ.

Редакція и контора—Харбинъ, Таможенная, 54.
Цѣна настоящаго номера 2 зол. рубля.